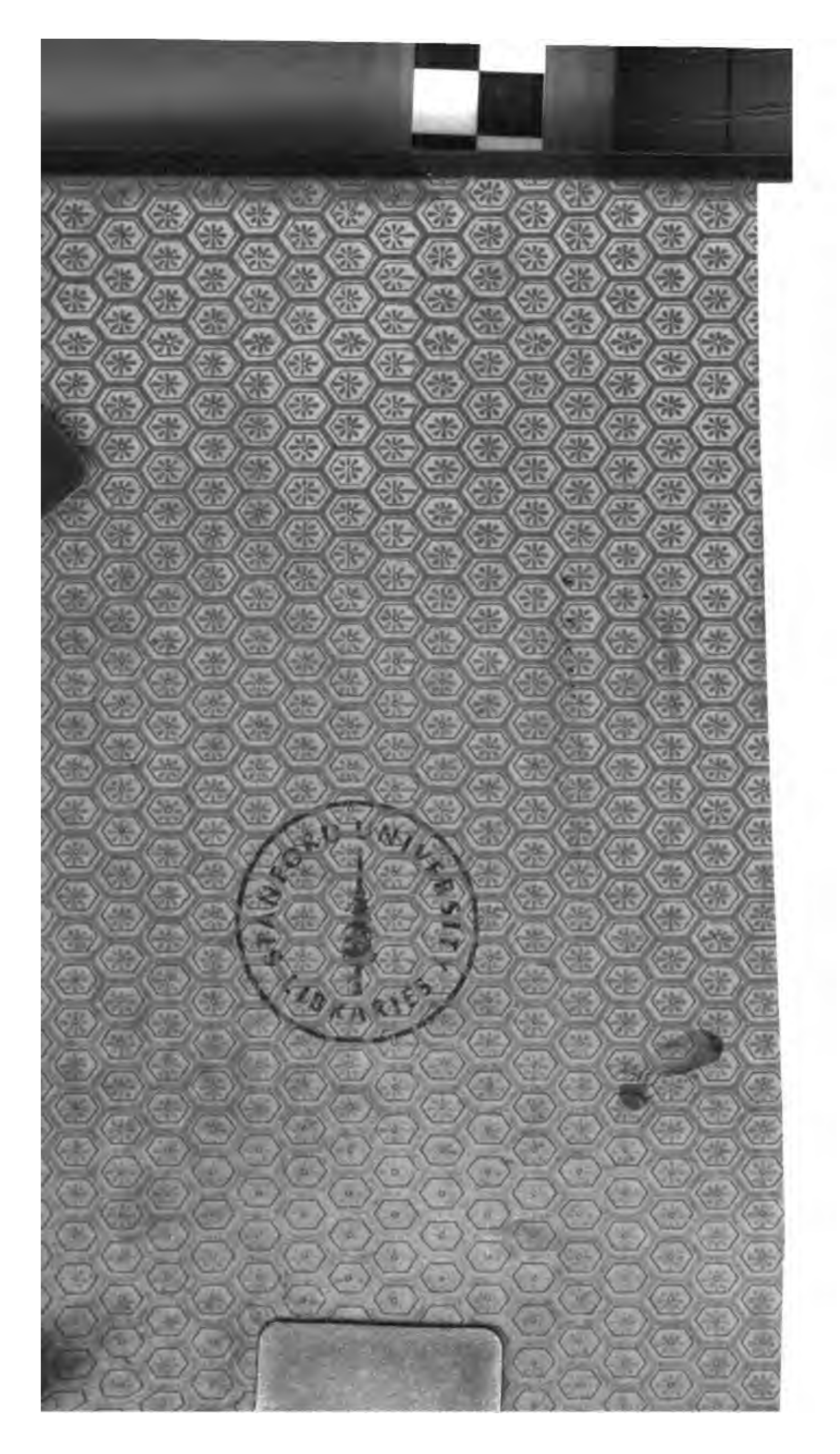
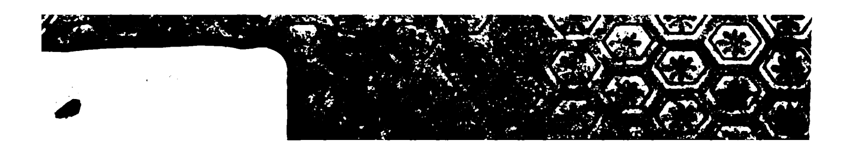

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



[redacted]

ex/55

Николаю Максимовичу
Рудневу-Самецкому
на память о „Золотой"
сезон 1901 года

П. П. Гнѣдичъ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ КОМЕДІЙ.

Николаю Максимовичу
Рудневу-Самецкому
на память о „Заступ...
сент. 1901 года

П. П. Гнѣдичъ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ КОМЕДІЙ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ВТОРОЙ ТОМЪ КОМЕДІЙ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ съ сокращеніями согласно требованіямъ сцены. Москва. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. Ком. въ 5 д. В. Шекспира. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

КУПАЛЬНЫЕ ОГНИ. Романъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. 3 тома. Спб. 1898 г. Ц. 20 р.

Gnjedich, P. P.

П. П. ГНѢДИЧЪ

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

КОМЕДІЙ

На хуторѣ. — Женя. — На южномъ берегу Крыма. — Въ цвѣтахъ. — Горящія письма. — Старая сказка.

Изданіе Спб. Товарищества Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Всѣ комедіи, помѣщенныя въ настоящемъ томѣ, представляютъ точную перепечатку текста, безусловно одобреннаго драматическою цензурою къ представленію на сценѣ.

НА ХУТОРѢ.

КАРТИНЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ

въ трехъ дѣйствіяхъ.

Играна въ 1-й разъ на сценѣ Александринскаго театра
26 февраля 1883 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Александра Өедоровна Токмакова, помѣщица, вдова.

Леля, ея дочь.

Ваня, ея сынъ.

Константинъ Ильичъ Тяпунинъ, сосѣдъ ея, помѣщикъ, пухлый, розовый, плѣшивый; говоритъ скороговоркой, захлебываясь.

Соня, его дочь.

Дмитрій Михаиловичъ Котоминъ, представительный, высокій, съ зачесанными назадъ густыми сѣдоватыми волосами.

Павелъ Петровичъ Зубцовъ, мѣстный мировой судья.

Василій Ивановичъ Челикановъ, студентъ-медикъ, учитель Вани; ходитъ въ легонькомъ темномъ пиджачкѣ и широкополой шляпѣ.

Настя, горничная Токмаковой.

Дѣйствіе—на хуторѣ Токмаковой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Красиво-убранная гостиная въ помѣщичьемъ домѣ. Двѣ двери. На задней стѣнѣ—большая стеклянная дверь и венеціанскія окна на балконъ. На балконѣ—цвѣты, маркизы. Черезъ него—панорама сада. Жаркій іюльскій вечеръ; горячій красный тонъ заката разлитъ по саду.

I.

Звонки подъѣхавшей тройки. Пауза. Входятъ **Котоминъ** *и* **Настя.** *На немъ англійскій сюртукъ, руки въ перчаткахъ, въ рукахъ шляпа.*

Настя.

Прикажете вещи вынести изъ коляски?

Котоминъ.

Нѣтъ,—пускай пока полежатъ тамъ. Александра Ѳедоровна здорова?

Настя.

Здоровы-съ, слава Богу.

Котоминъ.

Гуляетъ вѣрно?

Настя.

Нѣтъ-съ: онѣ на крокетѣ.

Котоминъ *(съ улыбкой).*

Ого! въ среднюю полосу Россіи повѣяло западомъ: англійскія затѣи прививаются на нашемъ черноземѣ... Далеко у васъ отсюда крокетъ?

Настя.

Тутъ сейчасъ за кустами... Извольте посмотрѣть— отсюда видно.

Котоминъ.

Сколько у васъ народу? Гости, что-ли?

Настя.

Да-съ, сосѣди...

Котоминъ.

Такъ я пойду туда... Или нѣтъ... Послушайте, милая... Потрудитесь пригласить Александру Ѳедоровну сюда... Вотъ отдайте ей мою карточку...

Настя.

Хорошо-съ. *(Уходитъ).*

Котоминъ *(одинъ).*

Еще Богъ знаетъ, какова будетъ встрѣча: девять лѣтъ—срокъ не малый... Что она—измѣнилась-ли? По прежнему-ли это олицетворенная доброта, безконечная любовь и красота, или... Теперь ей вѣроятно за сорокъ: она лѣтъ на пять, на шесть моложе меня... Вѣроятно опустилась, стала старосвѣтской помѣщицей, ѣстъ на ночь простоквашу, ложится съ пѣтухами, играетъ въ винтъ и надстраиваетъ колокольню... Вѣдь это у насъ всегда такъ,—пока дѣвица: эфирное, воздушное существо, а потомъ — либо насѣдка, либо ханжа... А девять лѣтъ назадъ! Эта звѣздочка московскихъ гостиныхъ, солнце, вокругъ котораго вращалось все, что только попадало въ его сферу... Сколько теплыхъ, благоуханныхъ воспоминаній связано съ нею! Спектакль...

(Прищуривается и почти закрываетъ глаза) этотъ домашній спектакль... Я заслонилъ ей проходъ въ темномъ углу за сценой... Она хотѣла пройти, наклонилась впередъ, я тоже наклонился и чмокнулъ ея мягкую, горячую щечку... Я, кажется, до сихъ поръ слышу запахъ этихъ румянъ, тонкій, слабый, розовый запахъ... И потомъ—эта прелестная сцена ревности, устроенная ея мужемъ... Ха-ха!.. Старый, безмозглый колпакъ! Могъ-ли онъ оцѣнить этотъ тепличный цвѣтокъ, который только и могъ цвѣсти подъ бережной, заботливой охраной?... А любопытно знать, какъ она воспользовалась свободой послѣ его смерти?.. Подвернулся, чего добраго, какой нибудь джентельменъ, и она—сперва отъ скуки, а потомъ по привычкѣ, дѣлитъ съ нимъ свои досуги... А-а... идетъ!.. торопится, что-то кричитъ своимъ партнерамъ, машетъ рукой... опять идетъ, чуть не бѣжитъ, спотыкается... Эге-ге, видно памятуетъ обо мнѣ попрежнему. *(Надѣвая пенс-не)*. А она еще, кажется, ничего—сохранилась...

II.

Котоминъ *и* **Александра Ѳедоровна.**

Александра Ѳед.

Дмитрій Михайловичъ,—вы-ли?

Котоминъ *(цѣлуя ея руку)*.

Какъ видите!

Александра Ѳед.

Какимъ вѣтромъ васъ сюда занесло? Садитесь,—вы устали...

Котоминъ.

Merci, я не усталъ нисколько. Моя коляска покойна, дороги здѣсь прелестныя.

Александра Ѳед.

Какъ вы поживаете? Откуда и куда?

Котоминъ.

Изъ Петербурга—сюда,—а куда потомъ—не знаю.

Александра Ѳед.

А зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Котоминъ.

Сестра умерла. Осталось послѣ нея имѣніе—Богачи,—можетъ быть знаете: верстъ шестьдесятъ отсюда? Я пріѣхалъ устраивать дѣла, узналъ, что вы здѣшняя постоянная обывательница, и рѣшился заѣхать къ вамъ.—Положимъ, говорятъ: незваный гость хуже татарина...

Александра Ѳед.

Дмитрій Михайловичъ, да что вы? Между такими старыми друзьями, какъ мы... Вы знаете, какъ я васъ всегда... Какъ мы были близко знакомы... На вашей душѣ былъ-бы грѣхъ, если-бы вы не заѣхали...

Котоминъ.

Merci за память. Признаюсь, не заѣхать къ вамъ мнѣ было-бы тяжело. Старыхъ воспоминаній не порвать, съ ними связанъ человѣкъ такъ неразрывно...

Александра Ѳед. *(перебивая).*

Вы попрежнему живете въ Петербургѣ?

Котоминъ.

Да, вѣдь я тамъ служу.

Александра Ѳед.

А лѣтомъ ѣздите за-границу?

Котоминъ.

Почти всегда.

Александра Ѳед.

Попрежнему любитель и цѣнитель искусствъ,—на изусть знаете всѣ галлереи Европы?

Котоминъ.

Попрежнему... Даже, если хотите, больше прежняго.. прежде я любилъ женщинъ и искусство, а теперь...

Александра Ѳед.

А теперь?

Котоминъ.

А теперь для женщинъ я устарѣлъ: въ запасѣ осталось только искусство.

Александра Ѳед.

И ваши безконечные романы, увы—прекратились?..

Котоминъ.

Увы! на меня перестали обращать вниманіе.

Александра Ѳед.

Но *вы* конечно обращаете свое вниманіе попрежнему?..

Котоминъ *(комично вздохнувъ).*

Ахъ, безъ взаимности это не интересно...

Александра Ѳед.

А взаимности ни отъ кого?

Котоминъ.

Ни отъ кого.

Александра Ѳед.

Бѣдный! Впрочемъ позвольте вамъ не повѣрить... Я вамъ, какъ женщина, скажу, что вы...

Котоминъ.

Я?..

Александра Ѳед.

Еще можете производить впечатлѣніе.

Котоминъ.

Ваши слова молодятъ меня, дѣйствительно, на много лѣтъ...

Александра Ѳед.

Да вы, я полагаю, и сами это хорошо знаете,—вамъ-ли, великому сердцевѣду, знатоку человѣческаго чувства, не знать женскаго сердца!.. Помните, что о

васъ говорили въ Москвѣ? Ваши переводы, стихи, что печатались на расхватъ во всѣхъ журналахъ...

Котоминъ.

Все это, Александра Ѳедоровна, ребяческія шалости, пустяки...

Александра Ѳед.

Хороши пустяки, отъ которыхъ вамъ на шею вѣшалось чуть не половина московскихъ барынь и барышенъ. Вѣдь сознайтесь—грѣшковъ за вами не мало осталось?..

Котоминъ.

Сознаюсь.

Александра Ѳед.

И такъ спокойно?

Котоминъ.

Я привыкъ къ мысли о нихъ.

Александра Ѳед.

Столько обманутыхъ мужей, невѣрныхъ женъ...

Котоминъ.

Да вѣдь вы-же сейчасъ сказали, что эти жены мнѣ сами кидались на шею,—я былъ тутъ не причемъ...

Александра Ѳед.

Ну, однако!

Котоминъ.

Согласитесь, если человѣкъ бросается въ рѣку съ цѣлью топиться,—нельзя-же обвинять эту рѣку за то, что она протекла въ этомъ мѣстѣ.

Александра Ѳед.

Сравненіе недурно... Скажите: у васъ никогда не мелькала мысль о женитьбѣ?

Котоминъ.

О, нѣтъ! *(Словно спохватившись)*. То-есть разъ... только одинъ разъ у меня явилась мечта о бракѣ...

но онъ оказался невозможнымъ: она была замужемъ... Ну, что объ этомъ говорить! Скажите лучше что нибудь хорошенькое о себѣ, какъ вы поживаете?

Александра Ѳед.

Да вотъ какъ видите—деревенская жительница, всю жизнь отдала дѣтямъ, и никакихъ другихъ привязанностей и развлеченій?

Котоминъ.

Даже музыку бросили?

Александра Ѳед.

О, нѣтъ,—занимаюсь съ дочерью, она прелестно играетъ...

Котоминъ.

Я думаю, ваша Оля—невѣста?

Александра Ѳед.

Да, ей девятнадцать лѣтъ,—милая, хорошая дѣвушка.

Котоминъ.

Женихи есть?

Александра Ѳед.

Н-нѣтъ... Здѣсь въ глуши трудно найти. Ѣздитъ часто къ намъ сосѣдъ Зубцовъ, мировой судья, еще молодой человѣкъ, кажется, будто заинтересованъ Лелей... впрочемъ, Богъ его знаетъ,—вѣдь нынче молодежь не разобрать; если и нравится, такъ вида не покажетъ. Человѣкъ онъ богатый, такъ что если женится, то не изъ приданаго...

Котоминъ.

Pardon за нескромный вопросъ... Я слышалъ, что ваша Оля получила отъ дяди большое наслѣдство. Правда?

Александра Ѳед.

Правда.

Котоминъ.

Если она притомъ похожа на васъ, какой вы были въ ея годы, это завидная невѣста...

Александра Ѳед.

Боже мой, я говорю съ вами и не спрошу: обѣдали-ли вы?

Котоминъ.

Обѣдалъ, обѣдалъ... Я заѣзжалъ къ здѣшнему предводителю...

Александра Ѳед.

Надѣюсь, вы здѣсь переночуете?

Котоминъ.

Не знаю, право...

Александра Ѳед.

Куда-же вы, на ночь глядя, за шестьдесятъ верстъ поѣдете?

Котоминъ.

Merci,—откровенно говоря, такъ скоро уѣхать отъ васъ мнѣ было-бы непріятно. Да и вдобавокъ сегодня такая тяжесть въ воздухѣ;—онъ буквально насыщенъ электричествомъ...

Александра Ѳед.

Погостите, старый другъ, у меня хоть немного. Вспомнимъ старыя времена!

Котоминъ.

Спектакль у Неклюдовыхъ на Мясницкой?

Александра Ѳед.

Д-да... хотя-бы и спектакль. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло, много воды утекло...

Котоминъ.

Много... то-есть смотря по тому—гдѣ: у насъ въ Невѣ больше, чѣмъ у васъ въ Москвѣ-рѣкѣ... У насъ живется скорѣе, лихорадочнѣе. Больше бурь и испытаній.

Александра Ѳед.

Но вы изъ этихъ бурь вышли, очевидно побѣдителемъ?

Котоминъ.

Да, но за то:

Посѣдѣли, порѣдѣли
Кудри, честь главы моей...

Александра Өед.

Да, я тоже сѣдѣю: оба мы отживаемъ съ вами нашъ вѣкъ, пѣсенка наша спѣта. *(Оглядываясь).* Вотъ и Леля бѣжитъ. Я васъ сейчасъ познакомлю...

III.

Тѣ-же и **Леля** *(съ крокетнымъ молоткомъ).*

Мама, да что-же ты,—мы тебя... *(Останавливается при видѣ Котомина).*

Александра Өед.

Леля, ты не узнаёшь, кто это? Дмитрій Михайловичъ, Дмитрій Михайловичъ Котоминъ... помнишь дядю Митю что возилъ тебѣ въ Москвѣ конфеты?..

Котоминъ.

Тотъ дядя Митя, который однажды, возвратившись домой, нашелъ въ карманахъ пальто цѣлый фунтъ скорлупокъ грецкихъ орѣховъ, завернутыхъ въ бумагу, и перевязанныхъ розовой ленточкой. Помните... *(Цѣлуетъ ея руку).* Тогда вы были маленькой, блѣдненькой, черноглазой дѣвочкой,—теперь... я пораженъ...

Леля.

Мы тебя ждемъ, мама... Твоя очередь итти въ бо ковыя ворота... Шаръ Павла Петровича какъ разъ возлѣ твоего: ты крокировать можешь...

Котоминъ *(улыбаясь).*

А у васъ крокетъ, кажется, процвѣтаетъ?

Александра Өед.

Ахъ, мы почти живемъ на немъ... весь уѣздъ играетъ...

Котоминъ.

И, какъ кажется, съ жаромъ? Барышня раскраснѣлась, разгорѣлась.

Александра Ѳед.

Вы не повѣрите, съ какой она страстью играетъ! Чуть не плачетъ иногда.

Котоминъ.

Ну что-жъ: страстность—хорошій признакъ—пріятное исключеніе изъ общей сѣренькой, лимфатической апатіи... Ольга Михайловна,—смотрю на васъ и восхищаюсь... Предо мной такъ живо возстаетъ, олицетворяется образъ вашей мамаши, какой я ее зналъ много лѣтъ назадъ...

Александра Ѳед.

Мы съ вами старыя друзья. *(Протягиваетъ ему руку).* Смотри на него, Леля, какъ на родного.

На балконѣ показывается **Челикановъ,** *въ рукахъ у него такой-же молотокъ, какъ и у* **Лели.**

IV.

Тѣ-же и **Челикановъ.**

Александра Ѳед.

Что вамъ, Василій Ивановичъ?

Челикановъ.

Вашъ ходъ.

Александра Ѳед.

Играйте за меня, за двоихъ. Ко мнѣ пріѣхалъ дорогой гость.

Котоминъ.

Александра Ѳедоровна, вы мной, пожалуйста, не стѣсняйтесь: играйте.

Александра Ѳед.

Нѣтъ, нѣтъ—я такъ рада посидѣть, поболтать съ

вами—крокетъ мнѣ надоѣлъ... Вы кончайте поскорѣй партію, да и приходите есть клубнику. Ты, Леля, скажи, чтобъ давали сюда сливки и ягоды.

Леля *уходитъ въ комнаты.* **Челикановъ** *въ садъ. Въ комнатѣ темнѣетъ.*

V.

Александра Ѳедоровна *и* **Котоминъ.**

Котоминъ.

Прелесть, прелесть! Я васъ могу поздравить! Ольга Михайловна просто красавица—и при томъ немножко дичекъ,—это такая рѣдкость, такая прелесть! Ну, а сынокъ вашъ что?

Александра Ѳед.

Ваня? Онъ въ гимназіи, порядочно занимается... Вотъ этотъ господинъ, что вы сейчасъ видѣли,—его учитель, студентъ-медикъ... Ахъ Дмитрій Михаиловичъ, вы меня застаете въ большомъ затрудненіи.

Котоминъ.

Что такое?

Александра Ѳед.

Я такъ рада, что вы пріѣхали,—есть съ кѣмъ посовѣтоваться,—именно на счетъ этого студента. Рекомендовала его моя belle soeur изъ Петербурга. Онъ немножко грубъ, рѣзокъ, неотесанъ, да оно и понятно: онъ сынъ какого-то дьякона. Занимается онъ хорошо;—но вотъ Павелъ Петровичъ Зубцовъ, про котораго я вамъ говорила,—настоятельно совѣтуетъ отказать ему. Онъ говоритъ, что Челикановъ можетъ вредно повліять на Ваню.

Котоминъ.

Въ чемъ-же выражается его вредное вліяніе?

Александра Ѳед.

Право не знаю... Мой мальчикъ въ эти два мѣсяца, что онъ у насъ живетъ, нисколько не измѣнился къ

худшему. Зубцовъ говоритъ, что если его идеи привьются къ Ванѣ, то это можетъ очень печально кончиться.

Котоминъ.

Что-же,—онъ одинъ изъ представителей современнаго броженія?..

Александра Ѳед.

Повторяю, я ничего не знаю. Вамъ, какъ мужчинѣ, какъ человѣку свѣжему, со стороны это гораздо виднѣе... Голубчикъ, поговорите съ нимъ...

Котоминъ.

Съ большимъ удовольствіемъ... Посмотрите, всѣ ваши гости, кажется домой идутъ...

VI.

Тѣ-же, **Леля, Зубцовъ, Тяпунинъ, Соня** *и* **Челикановъ.**

Леля *(Зубцову).*

Ну кто-жъ такъ играетъ? Лучше совсѣмъ не играть, чѣмъ...

Александра Ѳед.

Господа, позвольте васъ познакомить: Дмитрій Михайловичъ Котоминъ, Константинъ Ильичъ Тяпунинъ, Софья Константиновна Тяпунина, Павелъ Петровичъ Зубцовъ, Василій Ивановичъ Челикановъ... *(Рукопожатія).*

Соня.

Да вообще сегодня Павелъ Петровичъ ужасно играетъ—вкривь, вкось...

Зубцовъ.

Я всегда плохо играю.

Соня.

Ну, далеко не всегда... Вы именно здѣсь, у Але-

ксандры Өедоровны, плохо играете... Вѣроятно здѣшніе молотки вамъ не по рукѣ?

Зубцовъ.

Вѣроятно.

Соня.

Или, быть можетъ, есть постороннія причины?

Зубцовъ.

Можетъ быть постороннія причины.

Тяпунинъ *(Котомину).*

Знаю-съ: Бочаги хорошее имѣнье, только запущено. Чтобы его поправить, нужно тысячъ шестьдесятъ-семьдесятъ—и тогда это дно золотое...

Котоминъ.

Вы думаете, его можно поднять?...

Тяпунинъ.

Можно-съ, только работать надо самому всюду. Машинъ изъ Москвы выпишите, не пожалѣйте затратъ... поля у васъ благодатныя, вы одной пшеницы тысячъ пятьдесятъ копъ свезете...

Александра Өед.

Что-же вы, господа,—неужели кончили партію?

Леля.

Константинъ Ильичъ дождя испугался. Отъ Сипягина чорная туча ползетъ: онъ закладывать велѣлъ...

Темнѣетъ все больше и больше.

VII.

Тѣ-же и **Ваня.** *Сзади его* **Настя** *съ подносомъ, на немъ ягоды, тарелки, ложки, кувшинъ сливокъ и сахарница. Она ставитъ подносъ на столъ и уходитъ.*

Александра Өед.

Что вы, Константинъ Ильичъ,—неужели безъ чая поѣдете?

Тяпунинъ.

Поздно будетъ, дорогая моя; я еще съ лѣсникомъ сегодня заняться долженъ, да и гроза, надо полагать, будетъ: такъ ужъ лучше до дождя убраться. Вѣдь мы у васъ съ утра.

Группировка. Справа (отъ зрителя) **Александра Ѳед., Котоминъ, Константинъ Ильичъ.** По серединѣ, нѣсколько въ глубинѣ, **Челикановъ** и **Соня.** Слѣва **Леля** и **Зубцовъ.**

Котоминъ.

Это Ваня?

Александра Ѳед.

Да. Ваня, поди сюда. *(Подзываетъ его къ себѣ и знакомитъ съ Котоминымъ).*

Леля *(раскладывая ягоды, Зубцову).*

Вамъ сахару сыпать?

Зубцовъ *(подходя къ ней).*

Пожалуйста. Однако вы мнѣ не пожалѣли: порція солидная.

Леля *(полушутливо).*

Для васъ, Павелъ Петровичъ, самыя отборныя, лучшія ягоды.

Зубцовъ.

Отчего-же именно для меня? а другимъ?

Леля.

Другимъ хороши и эти.

Зубцовъ.

Значитъ мнѣ явное предпочтеніе?

Леля.

Значитъ.

Зубцовъ *(слушаясь).*

Ольга Михаиловна, — ваше постоянное вниманіе ко мнѣ...

Леля.

Что-же вы сливокъ не берете?

Зубцовъ.

Merci... Мнѣ-бы, Ольга Михайловна, хотѣлось сегодня съ вами поговорить...

Леля.

Говорите.

Зубцовъ.

Только не тутъ...

Леля.

Я вамъ тоже хотѣла разсказать... *(Продолжая раскладывать яюды, не глядя на него, но понижая сильно голосъ).* Вы знаете, что меня спрашиваетъ вчера мама?

Зубцовъ.

Что?

Леля.

„Ты, спрашиваетъ, любишь Павла Петровича?"

Зубцовъ *(вспыхнувъ).*

Ну, а вы что-же?

Леля.

Я отвѣчала, что не знаю.

Зубцовъ.

Не знаете?

Леля.

Не знаю... Я не знаю, люблю-ли я васъ. *(Поднимаетъ на него глаза).* Я такъ рада, когда вы тутъ, но „люблю"-ли, этого... ахъ, я мимо тарелки положила!.. *(Встряхиваетъ платье).*

Зубцовъ *(вполголоса).*

Ольга Михайловна, вотъ уже полтора года, какъ мы знакомы, и чуть не съ самой первой встрѣчи...

Леля.

Ой, какое избитое начало...

Зубцовъ.

Вамъ смѣшно?

Леля *(громко)*.

Господа, пожалуйте ягоды кушать!

Зубцовъ.

Одно слово, одно только слово: *да*, или *нѣтъ?*

Леля.

Я вамъ отвѣчу даже *двумя* словами *не зна-ю! (Гости разбираютъ тарелки.* **Челикановъ,** *говорившій съ Соней, подходитъ къ окну).*

Челикановъ.

А дождикъ начинаетъ накрапывать. Вы, Иванъ Михайловичъ, взяли шары и молотки съ крокета?

Ваня.

Да, они въ бесѣдкѣ.

Соня.

Какъ-то мы доѣдемъ?

Александра Ѳед.

Ничего, лучше не такъ пыльно будетъ.

Котоминъ *(продолжая свой разговоръ съ Тяпунинымъ).*

Я плохой хозяинъ. То-есть, если хотите, я въ теоріи сельское хозяйство знаю, даже приходилось мнѣ помѣщать о немъ статьи въ столичныхъ органахъ, но практикомъ я никогда не былъ... Здѣсь машинныя работы въ ходу?

Тяпунинъ.

Да помилуйте, намъ безъ машинъ не успѣть убраться! У меня по моему хозяйству, четыре жнеи работаютъ...

Котоминъ.

На сколько я знаю, онѣ часто портятся... остановка въ работахъ...

Тяпунинъ.

А мастеръ на что? у меня, батенька, переносная кузница такъ за жнеями и ѣздитъ... Молотилка по двѣнадцати, да по шестнадцати лошадей! Жужжитъ такъ, что за полверсты слышно... Собираюсь все паровые плуги выписать, да жгутся, канальи: по двадцати тысячъ штука... Къ будущему году надо будетъ машинку такую достать... надо...

Котоминъ.

Жучкà у васъ здѣсь не было?

Тяпунинъ.

Господь миловалъ,—жучокъ остался южнѣе, до нашего уѣзда не дотронулся... Дифтеритъ у насъ на ребятишкахъ—вотъ что скверно...

Леля *(у балконной двери. Возлѣ нея Зубцовъ и Соня. Челикановъ и Ваня на балконѣ).*

Я передъ грозой чувствую всегда какое-то нервное разстройство...

Зубцовъ.

Боитесь?

Леля.

Не боюсь. Вѣдь я знаю, не убьетъ-же именно меня, а такъ,—безотчетный страхъ какой-то. Разъ меня съ мамой гроза въ степи застала, такъ я двадцать верстъ, пока дó-дома доѣхали, почти безъ чувствъ пролежала, уткнувшись въ ея колѣна.

Соня.

А я, напротивъ, страшно люблю грозу. Мое наслажденіе—сидѣть на балконѣ и смотрѣть, какъ молнія блещетъ, громъ рокочетъ. Смотрите, какъ красиво,—вонъ зарницы пошли...

Зубцовъ.

Помните, какъ это хорошо у Тютчева:

Неостывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Соня.

Какая прелесть этотъ Тютчевъ. У него вѣдь все въ этомъ родѣ. Помните романсъ: „Ночевала тучка золотая"?

Зубцовъ.

Это Лермонтова.

Соня.

Ахъ, да,—Лермонтова,—я все путаю.

Тяпунинъ.

Да это Соня должна знать... Соня, поди-ка сюда на минутку.

Соня *(съ неохотой).*

Что тебѣ надо, папа?

Тяпунинъ *(разговаривая съ Котоминымъ).*

На минутку, сюда. *(Она подходитъ).* Вотъ Дмитрій Михайловичъ меня спрашиваетъ...

Леля *(Зубцову).*

Скажите, пожалуйста, она вамъ нравится?

Зубцовъ.

Она, мнѣ? Съ чего это вамъ въ голову пришло?

Леля.

Вѣдь она миленькая. Вы посмотрите вотъ отсюда какой задорный профиль.

Зубцовъ.

Да она вообще принадлежитъ къ задорному типу,— это провинціальныя барышни самой новѣйшей формаціи. Прежде провинція отличалась кисейными существами, которыя потупляли глазки при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... Теперешнія барышни рѣшились на все глядѣть прямо, ни передъ чѣмъ не сморгнуть: онѣ это находятъ... оригинальнымъ.

Леля.

Я васъ не совсѣмъ понимаю...

Зубцовъ.

А вотъ изволите видѣть,—нынче все шуточкой прикрыть стараются—какую-бы гадость барышня ни задумала. Сперва, ради шутки, на свиданія, чортъ знаетъ, къ какому проходимцу ходить начнетъ въ садъ: надо, молъ, попробовать, что это за штука—тайныя свиданія... а потомъ...

Леля.

Неужели-же вы Соню причисляете къ разряду такихъ барышенъ?

Зубцовъ.

Причисляю. Да это вѣдь ничего: хуже бываетъ... *(Ударъ грома).*

Тяпунинъ.

Эге-ге... Гроза-то совсѣмъ близко... Заложили-ли экипажъ?

Александра Ѳед.

Иди, узнай, Ваня... Дмитрій Михайловичъ, такъ вы остаетесь?

Котоминъ.

Если позволите...

Александра Ѳед.

Пожалуйста... Ваня, скажи, чтобы отложили коляску Дмитрія Михайловича.

Котоминъ.

Тамъ мои вещи. Потрудитесь сказать, чтобъ безъ меня не вынимали: я сейчасъ... *(Ваня уходитъ).*

VIII.

Тѣ-же, безъ **Вани.**

Тяпунинъ.

Я чрезвычайно радъ познакомиться съ вами... Еще однимъ образованнымъ сельскимъ хозяиномъ въ уѣздѣ больше,—это въ высшей степени пріятное явленіе.

Котоминъ (*отвѣчая на его рукопожатіе*).

Я, съ своей стороны, еще болѣе радъ знакомству съ вами.—Если я поселюсь здѣсь, позвольте надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ совѣтахъ, какъ опытный, превосходный хозяинъ?

Александра Ѳед.

Константинъ Ильичъ считается у насъ первымъ хозяиномъ по губерніи...

Тяпунинъ.

Ну ужъ, коли говорить правду, такъ первый хозяинъ по губерніи не я, а—вотъ кто: Павелъ Петровичъ!

Зубцовъ.

Куда мнѣ, Константинъ Ильичъ, за вами тягаться. У меня едва треть того, что у васъ.

Тяпунинъ.

Да, у васъ втрое меньше моего, а получаете вы дохода меньше противъ моего только вдвое... Кто же лучшій хозяинъ-то? На какихъ, батенька, раціональныхъ началахъ все это устроено... Боже ты мой!..

Котоминъ.

Что за чудеса! Куда не пріѣдешь—всюду лучшій хозяинъ—мѣстный мировой судья. Очевидно почетная

должность миротворца удивительно хорошо вліяетъ на агрономическія способности...

Сильный порывъ вѣтра распахиваетъ окно, летятъ цвѣты, занавѣсы вздуваются. Ударъ грома.

IX.

Тѣ-же и **Ваня.**

Вашъ тарантасъ поданъ.

Тяпунинъ.

Соня, собирайся!

Соня.

Сейчасъ, папа. (*Отходитъ надѣть шляпку*).

Челикановъ (*ей тихо*).

Когда-же мы увидимся?

Соня.

Не знаю... Завтра, въ седьмомъ часу я поѣду кататься верхомъ одна.

Челикановъ.

Ну?

Соня.

Ждите меня у Болдыревской рощи.

Челикановъ.

Вы не надуете?

Соня.

Дуракъ! (*Расходятся*) Я готова, папа.

Тяпунинъ.

Ну-съ, такъ ѣдемъ. (*Рукопожатіе и поцѣлуи*). Заѣзжайте къ намъ, Александра Ѳедоровна, на-дняхъ намъ изъ Петербурга новый крокетъ пришлютъ.

Александра Ѳед.

Какъ, и у васъ тоже? Ну, — весь уѣздъ заигралъ... Пріѣдемъ, пріѣдемъ...

Колокольчикъ подъѣхавшей тройки.

Тяпунинъ (*Зубцову*).

До свиданія, голубчикъ. Такъ заѣзжайте на счетъ вѣялокъ-то переговорить. Надо скорѣй дѣло дѣлать.

Зубцовъ.

Непремѣнно...

Котоминъ.

Мнѣ надо распорядиться о вещахъ...

Ваня.

Ваша коляска тутъ-же.

Котоминъ.

Ну вотъ и прекрасно.

Всѣ идутъ направо, кромѣ **Зубцова** *и* **Челиканова.**

Челикановъ.

До свиданія. (*Холодное рукопожатіе*). Или вы остаетесь?

Зубцовъ.

Нѣтъ,—тоже ѣду.

Челикановъ (*вслѣдъ Ванѣ*).

Иванъ Михайловичъ, проходите наверхъ. (*Уходитъ*).

X.

Зубцовъ (*одинъ*).

На потемнѣвшемъ фонѣ сада молнія и громъ.

Зубцовъ.

Разъѣзжаются. (*Подходитъ къ окну*). Макаръ, осѣдлай

мою лошадь! Ты напоилъ ее? хорошо! Сѣдлай скорѣй. (*Отходитъ къ дивану*). Экъ набралось сегодня здѣсь, и двухъ словъ нельзя какъ надо сказать. Кто этотъ Котоминъ, откуда? Прямолинейность, стройность и покровительственная улыбочка. Барынька очевидно къ нему благоволитъ. Ужъ не шалости-ли давно мивувшихъ дней?.. (*Колокольчикъ отъѣзжающаго экипажа*).

XI.

Зубцовъ, Александра Ѳед. и **Леля.**

Александра Ѳед.

Пока онъ тамъ съ вещами возится, я пойду распоряжусь комнатой.

Зубцовъ.

До свиданія, Александра Ѳедоровна.

Александра Ѳед.

До свиданія, Павелъ Петровичъ,—не забывайте насъ, заглядывайте.

Зубцовъ.

У меня теперь дѣла въ съѣздѣ,—да и возовица подходитъ. Скоро едва-ли увидимся. Черезъ недѣлю, можетъ черезъ полторы.

Александра Ѳед.

Заѣзжайте, какъ только можно будетъ: вы знаете, какъ мы всегда вамъ рады... Ну, до свиданія... Мнѣ распорядиться... (*уходитъ*).

Зубцовъ (*беретъ шляпу и нагайку*.

До свиданія...

Леля.

До свиданія... Неужели вы на полторы недѣли пропадете?

Зубцовъ.

Дѣлà.

Леля.

И такъ-таки ни одной свободной минутки?

Зубцовъ.

Ну, если захотѣть...

Леля.

А вы захотите...

Зубцовъ.

Это надо, чтобъ захотѣли вы... (*Молнія*). Что вы ёжитесь? Я не зналъ, что вы такая трусиха.

Леля.

Говорю вамъ, что я во время грозы сама не своя: меня трясетъ, какъ въ лихорадкѣ... (*Ударъ грома*). Затворите дверь на балконъ.

Зубцовъ (*затворяя*).

Да полноте, чего вы боитесь, — у васъ домъ крѣпкій, каменный.

Леля.

Куда вы поѣдете по такой погодѣ? смотрите темень какая, ливень какъ изъ ведра.

Зубцовъ.

Я еще не ѣду: лошадь не готова...

Леля (*садясь на диванъ*).

Не уходите... я боюсь одна... Зажгите свѣчи... (*Онъ зажигаетъ свѣчи*). Какъ тихо... Это передъ ударомъ... Садитесь сюда, ближе.

Зубцовъ (*садясь*).

Ольга Михайловна, — надо, наконецъ, развязать узелъ,—такъ дальше нельзя...

Леля.

Что такое?..

Зубцовъ.

Я не знаю, что со мной дѣлается, голова идетъ кругомъ, языкъ путается.

Леля.

Влюбились въ Соню?

Зубцовъ.

Ольга Михайловна, мы довольно съ вами шутили,— поговоримте серьезно. Вы вотъ сказали, что не знаете, любите-ли меня. Согласитесь сами, что эта фраза, по меньшей мѣрѣ, странна... Неужели-же вы даже послѣ вопроса Александры Ѳедоровны не спросили себя: „да что-же, въ самомъ дѣлѣ, — чувствую я къ нему хоть каплю любви, или нѣтъ?..“ Мы видимся съ вами чуть не каждый день,—неужели-жъ вы ни разу не подумали о моихъ чувствахъ... о возможности отвѣта на нихъ?

Леля.

Нѣтъ...

Зубцовъ.

И такъ, значитъ ни малѣйшей мысли обо мнѣ, а ужъ о какомъ-бы то ни было чувствѣ нечего и говорить?

Леля.

Спустите, пожалуйста, занавѣску у оконъ...

Зубцовъ *(на прежнемъ мѣстѣ).*

Значитъ мнѣ остается уѣхать, уѣхать отсюда не на полторы недѣли, а совсѣмъ, и больше не возвращаться?

Леля.

Зачѣмъ?

Зубцовъ.

Опять вопросъ странный!.. Что-же мнѣ,—зачѣмъ ѣздить къ вамъ?

Леля.

Ахъ, вы все не то говорите! Почемъ я знаю, что я чувствую,—я никогда объ этомъ не думала...

Зубцовъ.

Вотъ это-то и больно, и досадно, что вы никогда не подумали обо мнѣ. А вѣдь вы для меня все состав-

ляете,—все: жизнь, воздухъ—я дышу вами. Я сажусь за работу, передо мной стоитъ, меня одушевляетъ къ труду вашъ образъ... До васъ все было такой сѣренькой, монотонной, будничной прозой... А теперь такимъ тепломъ и свѣтомъ пахнуло,—словно весна настала... Я скакалъ сюда къ вамъ,—такъ вѣдь чуть отъ восторга не плакалъ... Вѣдь смѣшно, вѣдь не мальчикъ я, не гимназистъ пятаго класса,—не юношескіе-же это порывы... Скажите мнѣ, чтобъ я уходилъ... *(Молнія).*

Леля.

Зачѣмъ-же?

Зубцовъ *(беретъ ее за руку).*

Вѣдь вотъ я сижу здѣсь, держу васъ за руку,—у васъ рука холодная, дрожитъ... Вы... я... Послушайте, Ольга Михайловна, отвѣтьте мнѣ что нибудь,—дайте хоть надежду...

(Молнія и одновременно рядъ ударовъ-взрывовъ. **Леля** *внезапно прячетъ голову на его груди).*

Зубцовъ. *(Осыпая ее поцѣлуями).*

Милая, дорогая!..

Леля.

Что вы дѣлаете, послушайте...

Зубцовъ.

Ольга... Леля... Ждалъ-ли я, думалъ-ли, что сегодня...

Леля *(освобождаясь изъ его объятій).*

Что вы, что вы!.. Съ ума сошли?

Зубцовъ.

Леля... ты...

Леля.

Какъ вы смѣете называть меня Лелей, говорить „ты“?

Зубцовъ.

Ольга Михайловна...

Леля.

Пустите! Вы сумасшедшій!.. *(Убѣгаетъ).*

XIII.

Зубцовъ, *потомъ* **Котоминъ.**

Зубцовъ *(стоитъ въ оцѣпененіи).*

Ничего не понимаю. Признанія... боится грозы... Любитъ, наконецъ, она меня или не любитъ?.. „Не смѣйте меня называть Лелей!"... (*Беретъ шляпу*). Да вѣдь надо-же это чѣмъ нибудь разрѣшить...

Котоминъ (*входя съ балкона*).

Кажется всѣ разошлись?

Зубцовъ.

Всѣ.

Котоминъ.

А я еще путаюсь въ этомъ домѣ, попадаю не туда, куда надо... Здѣсь кажется, сейчасъ была Ольга Михайловна?

Зубцовъ (*какъ-бы не слыша, смотритъ въ окно*).

Котоминъ.

Вы вашу лошадь смотрите? Она осѣдлана и подана. (*Рукопожатіе*). Вы мнѣ позволите заглянуть какъ нибудь къ вамъ? Вамъ отдаютъ здѣсь пальму первенства... Вдобавокъ меня интересуетъ сельское судопроизводство... Господинъ Тяпунинъ расхваливалъ васъ, какъ самаго безпристрастнаго судью въ мірѣ.

Голосъ за сценой.

Павелъ Петровичъ,—готово!

Зубцовъ.

Иду!

(*Новое рукопожатіе. Расходятся.* **Котоминъ,** *съ улыбкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ соблюденіемъ собственнаго достоинства идетъ во внутреннія комнаты. Слабый громовой раскатъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ Токмаковой. Въ глубинѣ сцены, слегка закрытый деревьями старый фонтанъ, большой, каменный. У его бассейна скамейка. Налѣво, за деревьями, фасадъ того балкона, что былъ виденъ въ первомъ актѣ. Правѣе фонтана ведетъ съ авансцены въ глубь аллея. На самой авансценѣ двѣ скамьи, сзади ихъ клумбы цвѣтовъ. Стеклянные шары и вазы на тумбахъ. Садъ слегка запущенъ. Задній его фонъ составляютъ пирамидальные тополи, акаціи и вербы. Утро.

I.

(**Соня** *входитъ оглядываясь*).

Соня.

Куда запропастился этотъ противный Челикановъ! Ходитъ, заложа руки въ карманы,—ему хоть трава не расти.—То какъ кисель сидитъ, не сдвинешь съ мѣста, то рыскаетъ по полямъ съ утра до ночи... Вѣдь пошлетъ-же Господь такого! А что станешь дѣлать, коли нѣтъ больше никого; не киснуть-же въ четырехъ стѣнахъ... Зубцова теперь отъ Ольги клещами не оттащишь. Чего-бы я, кажется, ни дала, чтобы только посмотрѣть, какъ они въ любви объяснялись... Вѣроятно, цѣликомъ страница изъ скучнѣйшаго англійскаго романа... У—мямли! Плѣсѣнью всѣ, грибами обросли!.. Ну, катится чурбанъ—слава Богу...

II.

Соня *и* **Челикановъ.**

Челикановъ.

Здравствуйте..

Соня.

Здравствуйте. (*Онъ тянется ее поцѣловать. Она отстраняется*). Батюшки нѣжности какія! Откуда это!

Челикановъ.

Да что-жъ такое! Весьма естественно...

Соня.

Помилуйте: совсѣмъ сверхъ-естественно: Василій Челикановъ растаялъ отъ любви!..

Челикановъ.

Да, растаешь, какъ два часа за абристами просидишь.

Соня.

За какими абристами?

Челикановъ.

А мальчишкѣ греческія спряженія вдалбливаю...

Соня.

Такъ это вы послѣ горькаго, сладкаго захотѣли?.. (*Садятся*). Что вы это нынче все свирѣпѣете, Васинька, вы точно людоѣдъ какой...

Челикановъ.

Я все удивляюсь что вамъ за охота со мной возиться: ну на что я вамъ?

Соня.

Фу, какъ вы глупы—вѣдь мнѣ скучно...

Челикановъ.

А мнѣ что за дѣло?..

Соня.

Ну, я вашего мнѣнія не спрашиваю... Вожусь пока хочу возиться,—надоѣстъ—брошу.

Челикановъ.

А зачѣмъ надуваете: вчера сказали, чтобы я приходилъ на пристань, вмѣстѣ кататься на лодкѣ, а сами не пришли.

Соня.

Ахъ, милый, да я и забываю сейчасъ что говорю,-велика важность, что промялись.

Челикановъ.

Ну вотъ въ другой разъ не пойду.

Соня.

Смѣйте только, я вамъ такого задамъ: вотъ всю вашу бороденку выщиплю... (*Шутя схватываетъ его за бороду*). Господи! что я за барышня, а? Мужчинъ за бороды таскаю...

Челикановъ.

Это хорошо, это самое лучшее что у васъ есть—непринужденность: все просто, подумала—сдѣлала. За это я васъ и люблю.

Соня.

Любишь-ли?

Челикановъ.

Извѣстно люблю,—врать я стану что-ли?—вѣдь мнѣ въ сущности наплевать...

Соня.

То есть какъ это наплевать?

Челикановъ.

Да такъ—я на всѣ ваши вѣжливости, на вашу эстетику, или какъ этотъ Котоминъ говоритъ, — на стилистику—плюю. Я прямо говорю вамъ, что вы вотъ тутъ (*Показываетъ на лобъ*) маленичко тверды, не дошли

еще... А за то натуры въ васъ много!.. Мы съ вами здѣсь, въ этой тинѣ, самые свѣжіе люди—не изломаные.

Соня.

Такъ вы себя неломанымъ считаете?.. А по моему, Васинька, вы весь совсѣмъ изломались и у васъ такъ таки ни одного живого мѣста въ душѣ нѣтъ, все исковеркано,—у васъ всѣ убѣжденія верхъ дномъ стоятъ...

Челикановъ.

Такъ у кого-же убѣжденія-то нормальныя: у Зубцова, что-ли?

Соня.

Да ужъ скорѣе у Зубцова.

Челикановъ.

Ну еще-бы — идолъ непогрѣшимый! Теперь у насъ ихъ цѣлыхъ два: онъ да Котоминъ. Котоминъ ужъ совсѣмъ истуканъ—олимпійскимъ снисхожденіемъ прыщетъ. И запахъ какой отъ него идетъ—словно фиміамомъ насквозь прокуренъ.

Соня.

Мнѣ нравится въ немъ эта чистота—пылинки нѣтъ... (*Оглядывая своего собесѣдника*)... Вы отдаете когда нибудь Настѣ чистить ваше платье?.. Ахъ, да—вспомнила: на прошлой недѣлѣ она ваше пальто чистила... Ну, чего отворачиваетесь? Ну... (*Беретъ его голову руками и цѣлуетъ въ лобъ*)... Видите, какая я добрая?

Челикановъ.

Къ кому?

Соня.

Къ вамъ: цѣлую...

Челикановъ.

Такъ вѣдь это вы для себя...

Соня.

Глупенькій!.. Вѣдь на вашемъ мѣстѣ всякій бы хотѣлъ быть, сидѣть здѣсь, рядомъ со мной. Вы этого не цѣните. Вѣдь я на васъ никакихъ обязанностей не налагаю.

Челикановъ.

Какихъ такихъ обязанностей?

Соня.

А свадьба?..

Челикановъ (*свиститъ*).

Экъ вѣдь хватила... Да вы-то сами развѣ пошли-бы за меня?

Соня.

Съ моимъ-то приданымъ? Нашелъ дуру!

Челикановъ.

Ну вотъ то-то и есть... Вы-бы за Котоминымъ походили...

Соня.

Это вы какъ—отъ души совѣтуете?

Челикановъ.

Говорю вамъ: у меня что на умѣ, то и на языкѣ...

Соня.

Какъ у пьянаго значитъ?.. Ну что-жъ—примемъ совѣтъ къ свѣдѣнію,—можетъ быть что изъ этого и выйдетъ... Вы смотрите, утро-то какое, какъ свѣжимъ сѣномъ съ поля пахнетъ. Какое небо: вѣдь это не ваше петербургское—медикохирургическое... А, да гдѣ вамъ! вы этого понять не въ состояніи!

Челикановъ.

Вотъ тебѣ разъ! Да вы знаете, что я сельское утро въ стихахъ описывалъ?

Соня.

Вы?.. Вы писали стихи? Какъ-же это вы?..

Челикановъ.

Извѣстно какъ—помакнулъ перо въ чернильницу и пошелъ писать. Это въ семинаріи еще было, профессоръ задавалъ.

Соня.

Ну и что-же? хорошо вышло?

Челикановъ.

Внизу профессоръ помѣтку сдѣлалъ: „Это не стихи, а лапоть!"

Соня.

Пай-мальчикъ! Еще посѣкли чего добраго?

Челикановъ (*зѣвнувъ*).

Не помню!..

Соня.

Вы-бы лучше и теперь писали стихи, чѣмъ всякую чушь проповѣдывать... Вѣдь васъ скоро сгонятъ—смотрите.

Челикановъ.

Да я самъ удеру отсюда скоро: дѣлать-то здѣсь нечего.

Соня.

А меня вамъ не жалко будетъ?

Челикановъ.

Найдете другого... Что это вы съ простыней?

Соня.

Купаться съ Лелей идемъ... Вотъ тоже навязался къ ней этотъ Котоминъ: вторую недѣлю не отходитъ... Вонъ Леля мнѣ, кажется, рукой машетъ... (*Кричитъ*). Иду!.. Вы не уходите—я съ рѣки зайду сюда... Иду!... (*Уходитъ*).

III.

Челикановъ *одинъ,* **Настя** *показывается на балконѣ.*

Челикановъ.

Экій чертенокъ!.. Она кажется способна мужу въ самый день свадьбы наставить рога, а нѣтъ, такъ еще и наканунѣ... (*Замѣтивъ Настю*). Настя, куда?

Настя.

Пустите! Барышнѣ простыню несу—будутъ браниться.

Челикановъ.

Онѣ только сейчасъ пошли,—видишь—вонъ платья по дорожкѣ мелькаютъ... Экая комплекція-то у тебя,—подкожнаго жира пуда на три... Съ деревенскихъ хлѣбовъ разноситъ!

Настя.

Не съ вашихъ!

Челикановъ.

Можетъ и съ моихъ...

Настя.

Ну васъ къ Богу, измяли всю! Пустите—идетъ кто-то на балконъ. Ну!.. (*Вырывается и убѣгаетъ*).

Челикановъ.

Что она—соврала, или точно кто-то идетъ?.. Идетъ!.. Фу—„самъ":—чело Горація Коклеса, собирающагося спасти Римъ!.. Идетъ словно не замѣчаетъ насъ, пигмеевъ... Какъ у меня сегодня на него языкъ чешется...

IV.

Челикановъ *и* **Котоминъ.**

Котоминъ (*сходя съ балкона*).

А и вы здѣсь...

Челикановъ (*картинно махнувъ шляпой*).

А развѣ нельзя?

Котоминъ.

То есть чего нельзя?

Челикановъ.

Провѣтривать себя здѣсь, въ паркѣ.

Котоминъ.

Что за мысль! Я развѣ въ этомъ тонѣ спрашиваю.—Утро-то какое чудное.

Челикановъ.

Утро какъ утро.

Котоминъ.

Воздухъ просто пудами здоровье вливаетъ. Экій край благодатный... благораствореніе воздуховъ. Я совсѣмъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь, въ этомъ затишьѣ, такую природу, такой жизненный комфортъ. Напримѣръ этотъ фонтанъ—чрезвычайно грандіозное сооруженіе...

Челикановъ.

Вы вѣроятно ожидали здѣсь встрѣтить голую степь, клюкву и казака съ пикой, поѣдающаго сальныя свѣчи?

Котоминъ (*слегка пожавъ плечами*).

Я право не знаю какимъ языкомъ говорить съ вами... Вы—pardon—можетъ быть вамъ это покажется обиднымъ,—не имѣете совершенно понятія о словѣ „порядочность".

Челикановъ.

Гм... вы изволите говорить „порядочность". Гдѣ-же мнѣ научиться вашей „порядочности"? Мой родитель—сельскій дьячокъ, въ рубашкѣ и лаптяхъ землю боронитъ, а матка дальше сотни считать не умѣетъ.

Котоминъ.

Да, но вы, какъ человѣкъ образованный, какъ будущій врачъ...

Челикановъ.

Я врачемъ никогда не буду.—Вы полагаете—коли надѣлъ сарафанъ—такъ и дѣвка.

Котоминъ.

Понимаю-съ: вы въ медицину не вѣрите?

Челикановъ.

Да кто-же въ нее вѣритъ? Развѣ одни неродившіяся дѣти...

Котоминъ.

Это не ново—это нынче въ модѣ... Но я вамъ долженъ сказать, что во время моихъ скитаній по Европѣ,

мнѣ не разъ случалось сталкиваться съ свѣтилами науки, съ такими личностями, какъ Вирховъ, Люце, Брэмъ, Фохтъ, покойный Либихъ... И я долженъ вамъ сказать, что эти люди въ науку вѣрятъ.

Челикановъ.

... Да вѣдь и наши ученые вѣрятъ,—вѣдь они за это деньги получаютъ,—вѣдь они живутъ ею. Какъ-же въ рубль не вѣрить, коли онъ вотъ тутъ на ладони лежитъ?

Котоминъ.

Васъ положительно невыносимо слушать. — Ваши убѣжденія,—извините...

Челикановъ.

Не стѣсняйтесь пожалуйста...

Котоминъ.

До того цинично-матеріальны, что... что я удивляюсь, какъ Александра Ѳедоровна рѣшается держать васъ какъ наставника.

Челикановъ.

Такъ вы-бы, какъ другъ дома, посовѣтовали меня удалить отсюда? Вѣдь Зубцовъ ужъ совѣтовалъ отказать мнѣ... Эстетики, молъ, въ немъ мало—стилизма.

Котоминъ.

Да ужъ, ваша эстетика...

Челикановъ.

Откуда-жъ мнѣ взять-то ее? Въ аптекѣ не купишь. Хорошо вамъ съ малыхъ лѣтъ на Итальянскомъ бульварѣ, на Баденской эстрадѣ да по вѣнскимъ кофейнымъ эстетикой набираться. Намъ съ суконнымъ рыломъ куда-жъ за вами...

Котоминъ.

Все, что вы мнѣ говорите — это не ново. Я даже знаю ваши идеалы, цѣли и принципы. Мнѣ еще недавно тоже встрѣтился одинъ изъ вашихъ...

Челикановъ.

То есть какъ это изъ моихъ? Я ни къ какимъ шайкамъ не принадлежу.

Котоминъ.

Однимъ словомъ изъ той части молодежи, что отрицаютъ эстетику.

Челикановъ.

Ага!

Котоминъ.

Такъ онъ на мой вопросъ о принципѣ знаете что отвѣтилъ? Мой, говоритъ, главнѣйшій принципъ— „жрать“!

Челикановъ.

Гм... немножко по-скотски, а сильно.

Котоминъ.

Вы полагаете?

Челикановъ.

Да согласитесь, вѣдь вы сами... кушаете?

Котоминъ.

Да. Но вѣдь не могу-же я ставить своимъ принципомъ только одну ѣду,—одно, такъ сказать, удовлетвореніе плоти.

Челикановъ.

Вамъ пищу для души надо? Такъ-съ!.. Должно быть поэтому вы вчера на балконѣ у Ольги Михайловны ручки цѣловали?

Котоминъ (*вспыхнувъ*).

А вы подсматривали?

Челикановъ.

Помилуйте, вы такъ чмокали, что на три версты слышно было: я вотъ у фонтана сидѣлъ—не зналъ куда дѣваться. Луна свѣтитъ, пройти мимо васъ,—пожалуй вы меня эстетикой упрекнете. Оставалось одно—сидѣть и ждать. Вѣдь вы меня до двухъ часовъ проморили,—я ужъ соснулъ здѣсь.

Котоминъ.

И вы слышали нашъ разговоръ?

Челикановъ.

Немного... Вы по этой части ходокъ!

Котоминъ.

Послушайте господинъ... господинъ Куликановъ...

Челикановъ.

Не стѣсняйтесь, сдѣлайте милость! Велика важность, что свидѣтель нашелся: не преступленье-же совершили какое,—ручки цѣловали... Да коли ручка мягкая, да хорошая—отчего-же ее и не поцѣловать? Вдобавокъ на правахъ друга дома, на правахъ старика...

Котоминъ.

Я надѣюсь, что вы...

Челикановъ.

Охъ, не безпокойтесь! разсказывать я никому не буду: цѣли нѣтъ... Да и вдобавокъ сегодня будетъ у васъ сильный конкуррентъ: Зубцовъ здѣсь.

Котоминъ (*морщась*).

А, онъ пріѣхалъ?

Челикановъ.

Кисло?! Н-да-съ, вамъ его не одолѣть... Во первыхъ—не глупъ, во вторыхъ—богатъ, въ третьихъ—молодъ... Вы знаете что я-бы вамъ посовѣтовалъ? Приволокнуться за Тяпуниной, за Софьей Николаевной.

Котоминъ.

Но, господинъ Куликановъ, мнѣ кажется это не ваше дѣло.

Челикановъ.

Соперниковъ нѣтъ—это разъ, а второе — приданое не меньше чѣмъ у нашей барышни... А тутъ не выгоритъ: даю вамъ слово.

Котоминъ.

Господинъ Куликановъ...

Челикановъ.

Фамилія моя *Че*ликановъ, а не *Ку*ликановъ... Вы

чего-же палкой машете,—побить меня, что-ли собираетесь? Такъ я вамъ скажу, господинъ Котоминъ, что я подковы гну, пятаки скручиваю. Если вамъ угодно—можете пощупать мои двуглавыя мышцы... Не угодно-ли?

V.

Тѣ-же, **Александра Ѳед.** *и* **Зубцовъ.**

Александра Ѳед.

Вотъ вы гдѣ! А мы ужъ съ Павломъ Петровичемъ въ полѣ были: у насъ возовица началась. Вы не знаете, что значитъ по здѣшнему возовица? Уборка хлѣба... Какъ здѣсь хорошо, прохладно... Въ полѣ теплынь такая... (*Здоровается*).

Котоминъ.

А я все по петербургскому —поздно встаю. Никакъ не могу привыкнуть къ сельской жизни. Да вдобавокъ мы вчера заговорились съ Лелей до поздней ночи... Вотъ господинъ Челикановъ даже заснулъ во время нашей бесѣды.

Челикановъ.

Да-съ... тема снотворная.

Котоминъ (*быстро*).

А у васъ, образцовый хозяинъ, кажется ужъ все вывезено съ поля?

Зубцовъ.

Нѣтъ, еще овесъ остался... Что-же вы въ своемъ имѣньѣ начали работы?

Котоминъ.

Нѣтъ еще...

Зубцовъ.

Мнѣ Тяпунинъ говорилъ, что вамъ надо взяться за дѣло энергично, самому и немедленно...

Котоминъ.

Да, да—я вотъ все здѣсь приглядываюсь.

Зубцовъ.

Вамъ бы лучше хозяйство Константина Ильича взглянуть,—у него на все машины... Александра Өедоровна только въ этомъ году, по моему настоянію, взялась за правильное хозяйство.

Котоминъ.

Да, непремѣнно, непремѣнно...

Александра Өед.

Вы, Дмитрій Михаиловичъ, давно встали?

Котоминъ.

Да ужъ порядочно.—Вотъ я здѣсь все бесѣдовалъ съ господиномъ Челикановымъ... Не совсѣмъ сошлись во мнѣніяхъ, потому что люди крайнихъ партій.

Челикановъ.

Повторяю вамъ, я ни къ какимъ партіямъ не принадлежу и дѣйствую совершенно самостоятельно.

Котоминъ.

Одни міръ перевернуть хотите?

Челикановъ.

Зачѣмъ мнѣ міръ перевертывать — да чортъ его возьми, пускай самъ вертится, какъ ему заблагоразсудится.

Котоминъ.

Во-отъ какъ?.. А я думалъ... Какъ-же вы смотрите на современное броженіе?

Челикановъ.

Да коли на то пошло,—такъ весь этотъ нигилизмъ шестидесятыхъ годовъ и соціализмъ семидесятыхъ—ерунда! Ерунда, потому что въ свою задачу вѣритъ, идеалы какіе-то себѣ въ грядущемъ создаетъ,—сказано: „не пецыйся объ утріе"... Вотъ сегодня жарко—иди купаться, холодно—топи печи!.. Есть земля—сѣй, паши; нѣтъ земли—тюки таскай на биржѣ, продавай по улицамъ мышеловки, пиши романы тенденціозные по пятиалтынному за строчку: однимъ словомъ, выполняй законъ природы...

Котоминъ.

Это какой законъ:—жрать?

Челикановъ.

Жрать!

Александра Ѳед.

Вы Василій Ивановичъ, ужасный человѣкъ!.. Дмитрій Михаиловичъ, вы исполнили, что я васъ просила на счетъ...

Котоминъ.

Да.

Александра Ѳед.

Мы не пройдемся-ли съ вами по этой аллеѣ?

Котоминъ.

Съ удовольствіемъ... (*Подаетъ ей руку. Они идутъ въ глубину*). Мнѣ вдобавокъ тоже хотѣлось кое-что вамъ сообщить, но прежде я выскажу вамъ мое мнѣніе относительно... (*Голоса теряются за деревьями*).

VI.

Зубцовъ *и* **Челикановъ.**

Челикановъ (*фыркнувъ*).

Вы знаете, о чемъ они говорить будутъ?

Зубцовъ.

Почемъ я знаю!

Челикановъ.

Обо мнѣ. Александра Ѳедоровна будетъ выспрашивать, какого онъ обо мнѣ мнѣнія и согласенъ-ли онъ съ вашей мыслью, что я произвожу вредное вліяніе на Ваню.

Зубцовъ.

Вамъ ужъ ныньче даже чужія мысли извѣстны?

Челикановъ.

Извѣстны! Впрочемъ, вы думаете, онъ будетъ соли

даренъ съ вами? Нѣтъ-тъ, онъ чего добраго рекомендуетъ меня, какъ глубоко нравственнаго человѣка. А все почему?—потому что я вчера ночью вотъ здѣсь у фонтана сидѣлъ, а онъ на балконѣ у Ольги Михайловны ручки цѣловалъ. На старости лѣтъ врѣзался... А мамаша къ нему липнетъ, воображаетъ, что это онъ для нея гоститъ здѣсь безвыѣздно... Вотъ я думаю, онъ ее тамъ въ аллеѣ посылаетъ теперь ко всѣмъ чертямъ...

Зубцовъ.

Скажите пожалуйста, зачѣмъ вы мнѣ все это разсказываете? (*Оглядывается*).

Челикановъ.

Ольга Михайловна купаться пошла.

Зубцовъ.

Я и объ этомъ не спрашиваю.

Челикановъ.

Вы оглядываетесь, во всѣ стороны смотрите, надо полагать ее,—я вамъ на вашъ внутренній вопросъ и отвѣтилъ.—Да-съ, я въ первый разъ наблюдаю влюбленнаго селадона. Глаза у него какъ въ растопленномъ маслѣ плаваютъ, ноздри раздуваются, на лбу испарина,—рожа совсѣмъ какъ у кота. Вѣдь спитъ и видитъ жениться. А впрочемъ чертъ его знаетъ, можетъ онъ комедію ломаетъ,—вѣдь практика, надо полагать, у него на этотъ счетъ была обширная. До приданаго вѣрнѣе всего добирается... Ну что-жъ—женится, и счастливъ будетъ...

Зубцовъ.

Женившись-то на приданомъ?

Челикановъ.

Да-съ. Да по вашему что такое бракъ,—вы какъ думаете?

Зубцовъ.

Бракъ—извѣстная форма жизни.

Челикановъ.

Нѣтъ-съ. Это вы не то;—я вамъ на этотъ счетъ цѣ-

лую исторію разскажу. Я самъ такъ думалъ во дни юности моей, какъ и вы: форма молъ и прочее. А потомъ какъ попринюхался къ жизни, да къ семейнымъ очагамъ, такъ всякое представленіе потерялъ, — такое образовалось понятіе, что ни подъ какую терминологію не подходитъ. Встрѣчаюсь, по счастію, съ одной вдовушкой,—сквозь огонь и мѣдныя трубы прошла. Я къ ней,—опредѣлите, говорю, что такое *бракъ*. „Извольте, говоритъ:—бракъ есть перемѣна фамиліи и мѣстожительства“... Чувствую просвѣтленіе! Потомъ раскинулъ мыслями,—нѣтъ: темно! Вѣдь можно за однофамильца замужъ выйти и на той-же квартирѣ остаться. И такъ-бы я безъ опредѣленія и остался, кабы не актеръ одинъ провинціальный—пьяница горчайшій,—онъ меня и надоумилъ: „бракъ, говоритъ,—это взаимный обманъ съ приложеніемъ казенной печати!“

Зубцовъ (*вставая*).

Вы Богъ знаетъ какую дичь несете...

Челикановъ.

Вѣрно-съ. Скажу болѣе того. Бракъ тогда только будетъ счастливъ, когда либо мужъ, либо жена сбѣжитъ на другой день послѣ свадьбы: полная, взаимная свобода отношеній...

Зубцовъ.

Да зачѣмъ-же тогда жениться?

Челикановъ.

Зачѣмъ? А зачѣмъ на свѣтѣ дифтеритъ существуетъ,—вѣдь кажется совсѣмъ-бы не нужно,—анъ есть! Это-съ „логика неисповѣдимыхъ законовъ“, какъ говорятъ идеалисты,—и логика эта индѣичья, потому что судьба—индѣйка... И какъ вы эту логику постигать начнете, такъ сейчасъ въ мелочную лавку пойдете, купите веревку въ гривенникъ, да на ней себя и подвѣсите.

Зубцовъ.

Вы Ванѣ ваше индѣичьи теоріи высказывали?

Челикановъ.

Вотъ—очень нужно! Да вы вообще не пугайтесь,—я

скоро удеру отсюда,—онъ невиннымъ птенцомъ останется, а выростетъ—Котоминымъ будетъ. Вонъ барышни выкупались—идутъ,—значитъ можно и намъ купаться... (*Къ дому кричитъ*). Иванъ Михайловичъ! купаться пойдете?

Голосъ Вани (*Изъ второго этажа*).

Нѣтъ!

Челикановъ.

Такъ я иду... (*Уходя*). Павелъ Петровичъ,—пріятнаго времяпровожденія—пользуйтесь... (*Уходитъ*).

VII.

Зубцовъ, Леля—*входитъ справа. Немного погодя*—**Соня.**

Леля.

Наконецъ-то! Что вы давно не были?

Зубцовъ.

Все дѣла. Да я четвертаго дня къ вамъ заѣзжалъ...

Леля.

Это я не считаю—на минутку. Сегодня вы къ намъ на цѣлый день,—да? Я васъ не выпущу... Садитесь. Я безъ васъ совсѣмъ соскучилась, Павелъ Петровичъ.

Зубцовъ.

Вѣдь у васъ гоститъ Котоминъ?

Леля.

Онъ гоститъ у мамаши—ея гость, а вы ко мнѣ пріѣзжайте.

Зубцовъ.

Что-же вы подѣлываете?

Леля.

Да ничего,—какъ всегда... (*Входитъ Соня*).

Соня.

Павелъ Петровичъ. (*Небрежно протягиваетъ руку и проходитъ въ домъ*).

Зубцовъ.

Вотъ я въ четвертый разъ подъ-рядъ заѣзжаю къ вамъ,—и все мнѣ не удается съ вами поговорить какъ надо: все гости и гости...

Леля.

Да вотъ теперь нѣтъ никого, мы одни.

Зубцовъ (*снимая шляпу и обтирая лобъ*).

Жарко какъ сегодня...

Леля.

Августъ.

Зубцовъ.

Что... этотъ Котоминъ,—я до сихъ поръ его не знаю,—интересный господинъ?

Леля.

Да... онъ уменъ, образованъ, очень много видѣлъ... Знаетъ чуть-ли не всѣ европейскіе языки, много путешествовалъ. Вы замѣтили—у него на каждомъ шагу: когда я былъ въ Брюсселѣ, когда я былъ въ Ниццѣ... Онъ разсказываетъ прелестно: мы съ нимъ до поздней ночи засиживаемся.

Зубцовъ.

Онъ, кажется, ухаживаетъ за вами?

Леля.

Мама говоритъ, что нѣтъ женщины, за которой-бы онъ не ухаживалъ... Онъ мнѣ надоѣдаетъ немножко... Мама на него какъ на бога смотритъ...

Зубцовъ.

Онъ еще недуренъ до сихъ поръ.

Леля.

Очень недуренъ. (*Пауза*).

Зубцовъ.

Ольга Михайловна... Я собираюсь возвратиться къ

тому разговору, что мы вели съ вами недѣли три назадъ... помните,—во время грозы?

Леля (*опустивъ глаза*).

Ну!

Зубцовъ.

Я до сихъ поръ не понимаю нашихъ взаимныхъ отношеній. Если дѣйствительно вы испугались грозы и очутились въ моихъ объятіяхъ невольно,—мнѣ кажется—вы-бы уже давно объ этомъ мнѣ сказали... Ольга Михайловна,—быть можетъ вы *теперь* подумали о... о томъ, о чемъ не хотѣли думать прежде?

Леля.

Да, я думала,—много думала... И, вы знаете,—чѣмъ я больше думаю, тѣмъ мнѣ какъ-то радостнѣе, свѣтлѣе становится на душѣ. Мнѣ эти дни такъ легко, такъ свободно... Вотъ вы мнѣ говорили, что когда ѣдете къ намъ,- какъ ребенокъ восхищаетесь каждымъ цвѣткомъ,—вотъ и у меня теперь такое настроеніе... Мнѣ жизнь кажется такъ хороша, такъ полна... Ахъ, я не знаю... (*Закрываетъ лицо руками*).

Зубцовъ.

Такъ вы... меня любите?

Леля.

Я всѣхъ люблю, весь міръ,—всѣ люди мнѣ кажутся такими милыми, хорошими, добрыми... Деревья, небо... Я плакать готова...

Зубцовъ.

Дайте сюда ваши руки... Вы, кажется, въ самомъ дѣлѣ собрались заплакать... О чемъ?—Если міръ въ самомъ дѣлѣ такъ хорошъ, такъ о чемъ-же плакать?

Леля.

Вы знаете, я точно дымкой какой окутана, золотой дымкой прозрачной... Вы бывали на югѣ? Тамъ такія утра бываютъ: совсѣмъ розовыя, туманныя;—вода и небо сливаются и только вокругъ—сверху, снизу—все золотое, дымчатое...

Зубцовъ.

О, да вы поэтъ! Я не зналъ за вами этого качества... Впрочемъ, говорятъ, всѣ влюбленные—поэты.

Леля.

Значитъ... и вы поэтъ?

Зубцовъ.

Значитъ...

Леля.

Вы меня сильно любите?

Зубцовъ.

Ольга Михайловна,—что за вопросъ... *(беретъ ее за руки).*

Леля *(тихо освобождаясь).*

Идутъ... Это мама съ Котоминымъ... Пойдемте къ фонтану... *(Отходятъ въ глубину).*

VIII.

Тѣ-же, **Александра Ѳед.** *и* **Котоминъ.**

Александра Ѳед. *(въ сильномъ волненіи).*

Но я такъ поражена, Дмитрій Михайловичъ...

Котоминъ.

Быть можетъ, вамъ это показалось съ моей стороны слишкомъ необдуманнымъ... Но развѣ такія предложенія необдумавши дѣлаютъ?

Александра Ѳед.

Дмитрій Михаиловичъ,—вы ее всего знаете какихънибудь три недѣли... Притомъ она такъ молода... Впрочемъ, поговорите съ ней...

Котоминъ.

Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы *вы* сообщили ей мое предложеніе.

Александра Ѳед.

Извольте, извольте... Я готова.

Котоминъ.

Но вы сами ничего противъ этого не имѣете?

Александра Ѳед.

Ни... ничего. *(Онъ цѣлуетъ ея руку)*. Кого-жъ я могу болѣе пожелать зятемъ чѣмъ васъ, мой дорогой другъ... У меня отъ жара немного кружится голова... Леля!

Леля *(подходя)*.

Что, мама?

Котоминъ (*приподнимая шляпу*).

Съ добрымъ утромъ!.. (*Отходитъ къ фонтану*).

Александра Ѳед.

Леля... Мнѣ сейчасъ Дмитрій Михайловичъ сдѣлалъ предложеніе...

Леля *(въ изумленіи)*.

Тебѣ?.. и ты согласна?

Александра Ѳед.

Это тебя надо спросить.

Леля.

Да при чемъ-же я тутъ?

Александра Ѳед.

Ты меня, кажется, не вполнѣ поняла... Онъ сдѣлалъ *тебѣ* предложеніе.

Леля.

Мнѣ? (*Сдерживая улыбку*). Мама... но онъ старикъ...

Александра Ѳед.

Я тебѣ ничего не говорю... Я только передаю — онъ меня объ этомъ просилъ — его предложеніе... Прибавлю отъ себя, что онъ хорошій, честный человѣкъ...

Леля.

Я... я мама за него не пойду.

Александра Ѳед.

Дѣлай какъ хочешь... говори съ нимъ... а у меня... у меня ужасно разболѣлась голова,—я къ завтраку не выйду... (*Быстро идетъ къ дому*).

IX.

Леля, Зубцовъ, Котоминъ, *потомъ* **Соня.**

Леля (*на авансценѣ*).

Котоминъ мнѣ предложенье!.. Теперь, сегодня, сейчасъ послѣ... Какъ это мило... и глупо!..

Соня (*съ письмомъ, сходитъ съ балкона*).

Павелъ Петровичъ, вы здѣсь? Отъ папы нарочный пріѣхалъ, вамъ письмо привезъ...

Зубцовъ (*выходя на авансцену*).

Мнѣ? (*Леля послѣ секунднаго колебанія идетъ съ улыбкой къ фонтану и садится тамъ на скамейку рядомъ съ Котоминымъ.*

Зубцовъ (*вскрывъ письмо*).

Ахъ, это вѣроятно на счетъ новыхъ вѣялокъ! Ну такъ и есть... Вы не видали,— въ клунѣ вчера сколько вѣялокъ работало?

Соня.

Почемъ я знаю,—я въ ваши клуни не хожу,—тамъ пыль столбомъ.

Зубцовъ.

А рапсъ весь вымолоченъ?

Соня.

Не знаю я, не спрашивайте вы меня о хозяйствѣ; коли что нужно узнать—заѣзжайте къ намъ, да и смотрите сами... (*Пауза. Другимъ тономъ*). Теперь васъ къ намъ калачемъ не заманишь.

Зубцовъ.

Вашъ отецъ часто заѣзжаетъ ко мнѣ - такъ что о дѣлахъ у меня теперь толкуемъ.

Соня.

А такъ, безъ дѣла нельзя заглянуть?

Зубцовъ.

Все занятъ, горячая пора...

Соня.

Было время, когда вамъ занятія не мѣшали бывать у насъ каждый день. (*Садится рядомъ съ нимъ на скамейку*).

Зубцовъ.

Тогда у меня хозяйство было меньше.

Соня.

Помните,—бывало, работа въ полѣ, смотрѣть надо за тѣмъ, за другимъ, а вы, сломя голову, скачете къ намъ на хуторъ, хоть на минутку: двумя-тремя словами перекинуться?..

Зубцовъ.

Софья Константиновна...

Соня.

Бывало, цѣлые вечера просиживали вмѣстѣ,—помните скамейку у пруда? Вы отворачиваетесь, вамъ теперь не охота вспомнить?.. А кто разъ, въ темный іюльскій вечеръ прискакалъ какъ сумасшедшій на своемъ караковомъ конькѣ, съ отуманенной головой? Кто бросился цѣловать мои руки, кто увѣрялъ, что онъ счастливъ?

Зубцовъ.

Софья Константиновна, мнѣ странно, зачѣмъ вы вспоминаете объ этомъ?

Соня.

Отчего-же, отчего-же мнѣ и не вспоминать?

Зубцовъ.

Зачѣмъ? Это прошлое, былое—вы сами его порвали...

Соня.

Я?

Зубцовъ.

Вы помните, я пріѣхалъ сюда, четыре года назадъ, изъ университета, встрѣтилъ васъ, и... и быть можетъ, полюбилъ,—то-есть мнѣ показалось, что я полюбилъ васъ.—Но потомъ пріѣхалъ этотъ гусаръ, майоръ,— вы стали съ нимъ безбожно кокетничать, потомъ съ предводителемъ, потомъ съ Войскобойниковымъ... Вы— мотылекъ порхающій, вы сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ,—вамъ нужно разнообразіе,—какая-же вы жена?

Соня.

Вы полагаете, что я способна только порхать?

Зубцовъ.

Только порхать, и въ грядущемъ—извините за откровенность,—я ничего не вижу. Развѣ осчастливите кого нибудь идеальнымъ бракомъ, о которомъ мечтаетъ Челикановъ: сбѣжите отъ мужа на другой день послѣ свадьбы.

Соня.

А что-жъ—и сбѣгу,—особливо, если вы подвернетесь...

Зубцовъ.

Нѣтъ, слуга покорный—возьмите кого другаго.

Соня.

Вы полагаете, что со мной сбѣжать даже не интересно?

Зубцовъ.

Не то что не интересно, а просто мнѣ некогда бѣгать.

Соня.

Я-бы съ удовольствіемъ съ вами убѣжала куда нибудь, особенно въ Парижъ. Я, въ Парижѣ, съ вами! Ха-ха!.. И въ день именинъ моего мужа посылаемъ телеграмму: „Я и Поль поздравляемъ тебя съ ангеломъ, цѣлуемъ крѣпко!..“ Ха-ха!..

Зубцовъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ вы начинаете походить на Челиканова.

Соня.

Вы все смѣетесь надо мной, а я, право, не такая вертушка, какъ вамъ кажется. Я способна искренно, глубоко полюбить...

Зубцовъ.

Вы? полноте!

Соня.

Ей Богу!—да вы знаете, я, право, васъ люблю, очень люблю. Все мое вѣтреничанье съ другими—шалости пустяки, вздоръ... Что я кокетничаю со всякой дрянью—велика важность! Вы вѣдь лучше всѣхъ ихъ: умный, милый, хорошій... (*кладетъ руку на его руку*). Не бойтесь, не увидятъ...

Зубцовъ.

Я не боюсь.

Соня.

Они своимъ разговоромъ заняты: онъ кажется, въ любви объясняется... Да, Павелъ Петровичъ, вотъ четыре года я васъ люблю, и не переставала любить,—но съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселились Токмаковы... (*Зубцовъ нетерпѣливо встаетъ*) вы меня разлюбили совсѣмъ...

Зубцовъ.

Оставимте этотъ разговоръ...

Леля (*изъ глубины*).

Соня, я здѣсь положила простыню, скажи потомъ, чтобъ Настя взяла. (*Идетъ подъ руку съ Котоминымъ въ глубь аллеи*).

Соня *подходитъ за простыней къ фонтану.*

X.

Зубцовъ, Соня, *потомъ* **Челикановъ**.

Зубцовъ.

Она уходитъ съ нимъ въ паркъ... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ

онъ здѣсь, что ему надо?— что между ними можетъ быть общаго?.. Играетъ она со мной, что-ли? Не говоритъ ни да, ни нѣтъ... А сердце вотъ такъ и прыгаетъ, такъ и рвется... Брожу какъ пьяный, работа валится изъ рукъ... эта дѣвочка сведетъ меня съ ума... (*Опускается на скамью*).

Челикановъ (*входя справа*).

Софья Константиновна— на минутку. (*Она подходитъ*). Позвольте васъ поздравить: у насъ женихъ и невѣста...

Соня.

Что ты городишь?

Челикановъ.

Сейчасъ возлѣ мостика встрѣча: господинъ Котоминъ— машетъ руками, прыщетъ краснорѣчіемъ, и проситъ руки Ольги Михайловны. Меня увидѣли, оба сконфузились, а я приподнялъ шляпу и говорю: сдѣлайте одолженіе продолжайте!

Соня.

Ну, а Леля что?..

Челикановъ.

А я почемъ знаю... Чувствую только, что господинъ Зубцовъ останется при „пиковомъ интересѣ..." (*указывая на Зубцова*). Должно быть, предчувствуетъ —сидитъ въ самой меланхолической позѣ.

Соня.

Леля выходитъ за Котомина!.. Вы, можетъ, все врете?..

Челикановъ.

Не вѣрите, такъ мнѣ вѣдь и наплевать— велика печаль.

XI.

Тѣ-же и **Настя.**

Настя (*звонитъ на балконѣ*).

Пожалуйте, завтракъ поданъ...

Челикановъ.

Дѣло! Кормятъ здѣсь отлично, основной жизненный принципъ уважаютъ. Знаете, сегодня Котоминъ умной фразой обмолвился,—конечно, съ чужого голоса. Главнѣйшій, говоритъ, принципъ нашей жизни—„жрать"! Разумѣется, онъ не признаетъ этого принципа, а самъ, посмотрите-ка, какой за завтракомъ кусокъ ростбифа себѣ стянетъ... Охъ вы—престидижитаторы,—папуанцы съ необитаемыхъ острововъ! (*Уходитъ*).

XII.

Зубцовъ, Соня, *потомъ* **Леля** *и* **Котоминъ.**

Соня (*Подходя сзади къ Зубцову*).

Ну, о чемъ задумался... Полно! Терпѣть не могу, когда вы хмуритесь... (*Проводитъ рукой по его лбу*) долой морщины! Ѣдемте вмѣстѣ къ намъ... Я ѣду сейчасъ послѣ завтрака... Мы здѣсь лишніе!..

Зубцовъ (*машинально*).

Лишніе?..

Соня.

Котоминъ сдѣлалъ Лелѣ предложеніе. Начнутся семейныя сцены, поздравленія,—лучше удрать!.. Что намъ здѣсь дѣлать? Ѣдемъ! Какими я васъ варенниками угощу!.. (*Быстро къ нему наклоняется и цѣлуетъ его въ лобъ. Котоминъ и Леля, появившіеся въ это время въ глубинѣ аллеи, въ изумленіи останавливаются и потомъ быстро идутъ къ дому: Котоминъ съ серьезно-холоднымъ выраженіемъ лица, Леля — низко опустивши голову.*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Другая часть парка. Густо разросшіеся деревья и кусты. Направо, между двумя толстыми стволами изогнувшихся деревьевъ легкій гамакъ. Лѣвѣе всю середину сцены заняли кусты; они поднялись почти на сажень вверхъ, и совершенно закрыли пріютившуюся у края аллеи скамейку; аллея убѣгаетъ въ глубь сцены. Налѣво въ глубинѣ маленькая пристань и сходъ къ пруду, очевидно, къ лодкѣ. Вечерѣетъ.

I.

Зубцовъ *и* **Тяпунинъ**—*ходятъ по аллеѣ.*

Тяпунинъ.

Вѣдь это Богъ знаетъ что такое! Наѣхали санитары—дезинфицируютъ дифтеритныя хаты, льютъ свои составы направо и налѣво... Вчера ко мнѣ двѣ бабы прибѣгали: плачутъ-разливаются; одной всѣ запасы крупы перепортили,—другой еще тамъ что-то такое; въ награду двѣ дѣтскихъ рубашенки выдали... Вонь отъ крупы идетъ такая, что кажется свиньи и тѣ ее ѣсть не станутъ... Помилуйте, что-же это оздоровленіе края!

Зубцовъ.

Надо будетъ принять какія нибудь мѣры...

Тяпунинъ.

Да что вы противъ нихъ предпримите, корреспонденцію въ *Московскія Вѣдомости* или въ *Новое Время* отправите, да ее черезъ мѣсяцъ только напечатаютъ... Былъ я сегодня въ городѣ—содомъ чистый... Протопопъ соборъ перекрашиваетъ, старую живопись велѣлъ бѣлилами замазать; готовятся къ земскому собранію, составляютъ партіи, подводятъ другъ подъ друга мины... Порфирьевъ не хочетъ ѣздить по уѣзду, говоритъ, что жалованья мало; Ивановскій... да, батенька—это по вашей части:—Ивановскій до полусмерти избилъ Грицкò за потраву...

Зубцовъ.

Скотина...

Тяпунинъ.

Да, а посмотрите на выборахъ онъ опять попадетъ... Понравилась мнѣ сегодня одна статейка въ газетахъ, пишутъ откуда-то, что крестьяне за ведро водки выбираютъ кого угодно: все равно, молъ, мошенникъ, а тутъ, по крайности, водка... Да я полагаю и у насъ то-же... И куда это люди подѣвались, Павелъ Петровичъ, куда?

Зубцовъ.

Да, скверное время, Константинъ Ильичъ, пожалуй, правъ Челикановъ: теперь основнымъ принципомъ явилось слово *жрать*. Борьба за существованіе идетъ. И въ то-же время кругомъ затишье мертвенное,—живаго голоса не услышишь, бродятъ вокругъ какъ осеннія мухи.

Тяпунинъ.

Да, люди-то гдѣ, скажите, гдѣ люди? Вѣдь не можетъ быть, чтобъ людей не было,—вѣдь есть они гдѣ нибудь, только по угламъ попрятались, знать о себѣ не даютъ... Развертываешь газету: на каждомъ шагу такіе подвиги описываются,— только руками разведешь... Сегодня къ Аннѣ Павловнѣ Васильковой заѣхалъ,—вы знаете, она ныньче подъ замкомъ газеты держитъ: у меня, говоритъ, дочери взрослыя... Это смѣшно коли хотите, но я вполнѣ съ этимъ согласенъ. Ну, я про свою Соньку не говорю,—она отпѣтая какая-то,—что

дѣлать—безъ матери не съумѣлъ воспитать... но вѣдь возьмите—ну хоть Ольгу Михайловну — прекрасная, милая дѣвушка... Что вы дадите ей современный романъ? зачѣмъ? Что бы ни съ того ни съ сего развернуть передъ ней картинки самаго гаденькаго, подленькаго разврата...

Зубцовъ.

Такова жизнь, Константинъ Ильичъ.

Тяпунинъ.

Лгутъ, на жизнь лгутъ—не однѣ мрачныя картины у насъ есть, найдутся и свѣтлыя стороны. Я давно отсталъ отъ многаго, но я не вѣрю, я никогда не повѣрю, чтобъ кромѣ грязи не было у насъ ничего! Вчера я съ Котоминымъ сцѣпился въ спорѣ,—поголовно хулитъ все, что только подъ руку попадетъ... А самъ? сдѣлалъ-ли онъ хоть что нибудь путное въ своей жизни... Да, кстати о Котоминѣ! Говорятъ, у него дѣла ужасно плохи, запутаны,—все, что есть—имѣнье сестрино—да и тѣмъ заняться надо, тогда только что нибудь будетъ... Говорятъ, изъ Петербурга онъ уѣхалъ съ положительной цѣлью найти въ провинціи богатую невѣсту... Если это правда—жаль, очень жаль будетъ Ольгу Михайлову.

Зубцовъ.

Вы не знаете, когда ихъ свадьба?

Тяпунинъ.

Не знаю, да, кажется, еще ничего не рѣшено.

Зубцовъ.

Александра Өедоровна на дняхъ мнѣ дѣлала такіе намеки, что я считаю это дѣло совсѣмъ рѣшеннымъ.

Тяпунинъ.

Меня, признаюсь, сильно удивило его предложеніе... Не такого мужа надо Ольгѣ Михайловнѣ.

Зубцовъ.

Вы полагаете?

Тяпунинъ (*ласково опуская руку на его плечо*).

Зачѣмъ пропустилъ такую невѣсту?—тебѣ, батюшка

Павелъ Петровичъ, а не ему надо было на ней жениться.

Зубцовъ.

Почему-же именно мнѣ... и почему на ней?

Тяпунинъ.

Да васъ во всемъ уѣздѣ одна только такая подходящая пара и есть... Невѣсты всѣ наперечетъ.

Зубцовъ.

Да я и самъ не знаю, какъ это вышло. Вѣдь дѣло между нами почти все выяснено было.

Тяпунинъ.

Ну, и что-же?

Зубцовъ.

Ну, и вдругъ все словно ножемъ отрѣзало. Не говоритъ со мной, не смотритъ на меня, точно меня не существуетъ. Она не замѣчаетъ меня, не хочетъ замѣчать... Можетъ быть сердится она,—можетъ быть я неосторожно поступилъ, когда мнѣ Софья Константиновна сказала объ этой свадьбѣ: я уѣхалъ сейчасъ отъ нихъ, не прощаясь... Но что-же мнѣ было тутъ дѣлать! Надо было-бы объясниться... Объясненія хороши въ повѣстяхъ выходятъ: тамъ во время войдутъ, уйдутъ, во время посердятся, во время перестанутъ... А тутъ и подойти неловко...

Тяпунинъ.

Ужъ не моя-ли дѣвчонка тутъ проказитъ? Все говоритъ, что ей скучно, и со скуки такія штуки творитъ, что бѣда!.. Вотъ обѣими-бы руками перекрестился, если-бы кто ее замужъ взялъ! Всѣмъ отказываетъ... Не могу ладить съ ней,—вѣдь она съ малыхъ лѣтъ бѣшеная какая-то...

Зубцовъ.

Въ ней то̀, что называютъ избыткомъ жизненныхъ силъ.

Тяпунинъ.

Ну да, я и говорю—бѣшеная.

II.

Котоминъ *и* **Челикановъ** *изъ глубины аллеи. На Челикановѣ высокіе сапоги.*

Челикановъ.

Полноте, пожалуйста, господинъ Котоминъ, какіе тамъ идеалы—одно пустое занятіе.

Котоминъ.

Для васъ пустое занятіе, а для насъ идеалъ. У цѣлыхъ націй есть свои опредѣленные идеалы.

Челикановъ.

Тутъ дѣло не въ идеалѣ, а просто въ палкѣ.

Котоминъ.

Опять аффоризмы и парадоксы!

Челикановъ.

Совсѣмъ не парадоксы;—если надъ данной націей палки нѣтъ, она сейчасъ заскучаетъ, а есть палка—и довольна, и идеалъ сейчасъ сложитъ: „Эхъ, хорошо-бы, дескать, было, кабы этой палки да не было"...

Котоминъ.

Это что-то не оригинально и даже не остроумно...

Челикановъ.

Я острить и не желаю... Павелъ Петровичъ, Константинъ Ильичъ... (*Кланяется*).

Тяпунинъ (*смотря на его сапоги*).

Что это вы—на охоту собрались?

Челикановъ.

Нѣтъ, совсѣмъ удираю!..

Тяпунинъ.

Куда?

Челикановъ.

Dahin, wo die Citronen blühen... и потому нахожусь въ самомъ радужномъ настроеніи.

Тяпунинъ.

Какъ же вы нарушаете кондицію, раньше времени оставляете занятія?

Челикановъ.

Да я мальчику не нуженъ, онъ и самъ заниматься можетъ. Я не знаю, зачѣмъ меня брали сюда.

Котоминъ.

А мнѣ еще недавно говорила Александра Ѳедоровна, что она въ сущности ничего противъ васъ не имѣетъ...

Челикановъ.

Еще-бы: вамъ надо было за меня заступиться: вы почему-то вообразили, что я могу помѣшать вашимъ предпріятіямъ.

Котоминъ.

Какимъ предпріятіямъ?

Челикановъ.

Ну разсчетамъ,—называйте какъ хотите.—Вы, пожалуйста, къ мимическимъ упражненіямъ не прибѣгайте. Совершенно безполезно... Мы вотъ барышенъ, кажется, съ вами потеряли?..

III.

Тѣ-же, **Леля** *и* **Соня**, *съ книгой въ рукахъ.*

Леля.

Павелъ Петровичъ!

Зубцовъ.

Вы меня не ждали встрѣтить?

Леля.

Не ждала.

Зубцовъ.

Я давно у васъ не былъ. Александра Ѳедоровна прислала мнѣ записку, просила быть... Вы не знаете зачѣмъ?

Леля (*небрежно*).

Вѣроятно что нибудь по хозяйству... Ну что-же, Дмитрій Михайловичъ,—видѣли?

Котоминъ.

Нѣтъ, мы еще не были тамъ: васъ ждали.

Леля.

Совсѣмъ устроено такъ, какъ вы говорили: не на пескѣ, а на дернѣ—гладко-гладко укатано.

Тяпунинъ.

Что это такое?

Леля.

Новое мѣсто для крокета,—на англійскій манеръ. (*Котомину*) Хотите посмотрѣть?

Котоминъ.

Съ удовольствіемъ.

Леля.

Константинъ Ильичъ,—вы пойдете?

Тяпунинъ.

Пойдемте.

Зубцовъ.

Ольга Михайловна,—я третьяго дня хотѣлъ...

Леля (*взявъ подъ руку Котомина*).

А ты, Соня, остаешься съ Павломъ Петровичемъ?

Соня.

Нѣтъ, я здѣсь читать буду,--Павелъ Петровичъ можетъ съ вами пойти...

IV.

Тѣ-же, **Александра Ѳед.** *и* **Ваня.**

Александра Ѳед.

А-а, всѣ въ сборѣ! Здравствуйте, Дмитрій Михайловичъ. (*Онъ цѣлуетъ ея руку, она его въ голову*). А я

васъ утромъ ждала сегодня, Павелъ Петровичъ, что вы запропали... Мнѣ очень нужно съ вами поговорить.

Зубцовъ.

Я весь къ вашимъ услугамъ.

Александра Ѳед.

Да что-же мы стоимъ,—пойдемте куда нибудь.

Леля.

Мы хотѣли, мама, посмотрѣть новый крокетъ.

Александра Ѳед.

Такъ пойдемте... можетъ быть, партійку сыграемъ, обновимъ новое мѣсто? Насъ сколько: пять... семь... восемь... Восемь человѣкъ. Ваня, сходи за молотками, шары садовникъ снесъ туда еще утромъ. Пойдемте, господа! Павелъ Петровичъ, вашу руку... (*беретъ его подъ руку*). Ахъ, до чего я счастлива, Павелъ Петровичъ! (*Ваня уходитъ*).

Зубцовъ.

Вы счастливы?

Александра Ѳед.

Я счастлива вполнѣ, безпредѣльно... Я просто помолодѣла...

Зубцовъ.

Мнѣ кажется напротивъ—вы похудѣли за недѣлю, что я васъ не видѣлъ. (*Скрываются направо*).

Тяпунинъ.

Я пока схожу—велю отпречь: должно быть мы здѣсь засидимся. (*Идетъ въ глубину*).

Соня (*ему вслѣдъ*).

Папа, я сегодня съ вами ѣду.

Леля.

Ты хотѣла пробыть до воскресенья?

Соня.

Нѣтъ, мнѣ сегодня надо быть дома.

Леля.

Какъ хочешь... *(Уходитъ съ Котоминымъ).*

V.

Соня *и* **Челикановъ. Соня** *(лежитъ въ гамакѣ).*

Челикановъ *(подходя къ ней).*

Сейчасъ ѣду! Телѣжку подмазываютъ.

Соня.

Да?

Челикановъ.

Остается только проститься.

Соня.

Прощайте.

Челикановъ.

Можетъ быть, больше не увидимся.

Соня.

Можетъ быть. *(Пауза).*

Челикановъ.

Что вы,—не въ духѣ сегодня?

Соня.

Съ чего вы взяли?

Челикановъ.

Что-то хмуритесь.

Соня.

Такъ. Вотъ новый романъ читала, да скучно.

Челикановъ.

Оттого и скучно, что ерунду читаете...

Соня.

Почему-же ерунду?

Челикановъ.

Да развѣ живыхъ людей въ романахъ выводятъ? Что ни герой—то идіотъ какой-то, что ни героиня—то медицинскій случай... Одна патологія!

Соня.

Такъ всѣ романы ерунда?.. Да вѣдь они, Васинька, насъ съ вами отражаютъ, жизнь нашу...

Челикановъ.

Отражаютъ! А вы схватите, попробуйте, эту живую-то жизнь за хвостъ: конца-края не увидите. Расползлась, разъѣхалась во всѣ стороны безъ конца безъ начала... Ну хоть-бы мы съ вами: чѣмъ не романъ?

Соня.

Романъ—еще-бы!

Челикановъ.

А гдѣ начало, гдѣ конецъ?

Соня.

Да конецъ, надо полагать, сегодня, коли вы уѣдете.

Челикановъ.

А начало?

Соня.

А начало? Я не помню, когда начало было: какъ нибудь этимъ лѣтомъ.

Челикановъ.

То-то и есть! А что мы говорили, о чемъ думали—и сами теперь не вспомнимъ. Уложились въ мозгу извѣстныя впечатлѣнія и засѣли тамъ, чортъ ихъ знаетъ зачѣмъ, до самой смерти.—Разойдемся—и останется у насъ другъ о другѣ какое-то смутное воспоминаніе, обликъ...

Соня.

Васинька философствуетъ, да еще въ лирическомъ тонѣ. Передъ отъѣздомъ впадаетъ въ уныніе и грусть. Эхъ, Васинька, я тоже за философію взяться хочу: скучно!

Челикановъ.

Чего вамъ скучать—ѣшь-пей не хочу.

Соня.

Глупенькій вы,—надоѣло мнѣ все это.

Челикановъ.

Ну не ѣшьте, проморите себя голодомъ недѣльки двѣ.

Соня.

Не въ томъ дѣло,—удрать мнѣ надо отсюда, какъ и вамъ, вотъ что...

Челикановъ.

Вамъ-то зачѣмъ?

Соня.

Не могу, не могу здѣсь дольше въ этомъ затишьѣ жить! Все это одно и то-же. все это одно и то-же: вчера какъ сегодня, завтра какъ вчера... Тошно!..

Челикановъ.

Куда-же вы поѣдете?

Соня.

А не знаю,—только куда нибудь да поѣду. Я больше не могу... Отецъ зимой живетъ здѣсь въ деревнѣ, сосѣди всѣ разъѣзжаются, къ теткѣ въ Кіевъ ѣздить мнѣ надоѣло,—нѣтъ, надо покончить. Мнѣ просто иногда кажется, что я начинаю сходить съ ума. Вдругъ представится, что я давно ужъ такъ живу, очень давно, нѣсколько столѣтій, и прежде я жила такъ-же, безъ конца... И все это одно и то-же, одно и то-же... (*Пауза*).

Челикановъ.

Насилу засталъ васъ одну проститься.

Соня.

А при другихъ-то вамъ со мной совѣстно прощаться, что-ли?

Челикановъ *(наклоняясь къ ней).*

Можно?

Соня.

Подите... Нельзя... Убирайтесь, говорю вамъ... Что за нѣжности,—прошло время.

Челикановъ.

Неужели вы такъ-таки совсѣмъ?..

Соня.

Такъ-таки совсѣмъ!..

Челикановъ.

Все старое по боку?

Соня.

Ахъ, все старое, да старое... Надоѣло мнѣ это старое,—мнѣ-бы чего-нибудь новенькаго... Тише! Кажется, голоса слышны?

Челикановъ *(взглянувъ черезъ кусты)*.

Нашъ женихъ съ невѣстой.

Соня.

Ну, убирайтесь,—еще застанутъ васъ,—живо!

Челикановъ *(протягиваетъ руку)*.

Прощайте!

Соня *(не вынимая рукъ, заложенныхъ подъ голову)*.

Вамъ говорятъ или нѣтъ? Вашу телѣжку подмазали,—маршъ!

Голоса дѣлаются явственно слышны. **Челикановъ** *ускользаетъ въ кусты.* **Соня** *укладывается половчѣе и развертываетъ книгу.*

VI.

Соня, *и* **Леля** *и* **Котоминъ.**

Котоминъ.

Вы сказали, Ольга Михайловна, что дадите сегодня рѣшительный отвѣтъ.

Леля.

Да.

Котоминъ.

Я жду.

Леля.

Я отвѣтъ вамъ дамъ... только не сейчасъ.

Котоминъ.

Да отчего-же?

Леля.

По многимъ причинамъ... Вѣдь „сегодня“ еще не прошло...

Котоминъ.

Хорошо-съ, я подожду... Хотя, откровенно говоря, я не понимаю причинъ такой отсрочки... Неужели присутствіе Зубцова?.. Но вѣдь Богъ его знаетъ, въ какихъ онъ отношеніяхъ съ этой молодой особой... *(Она дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ)*. Ну, не буду, не буду... Мнѣ кажется, Ольга Михайловна, васъ все еще нѣсколько смущаетъ мысль о бракѣ со мной? Мнѣ-бы хотѣлось выяснить этотъ вопросъ... Вы, быть можетъ, боитесь промѣнять свободу на полное ограниченіе правъ? Ольга Михайловна, теперь не существуетъ болѣе теремовъ.

Леля.

Да я никогда и не думала, что вы станете стѣснять меня.

Котоминъ.

Нѣтъ, намъ вообще надо объясниться именно теперь, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній... Вамъ угодно? *(Она киваетъ головой)*. Хотите, сядемъ въ лодку и прокатимся?

Леля.

Нѣтъ, сыро становится.

Котоминъ.

Такъ вотъ сядемъ здѣсь. *(Садятся)*.

Соня *(въ гамакѣ).*

Интересно!

Котоминъ.

Быть можетъ, вы думаете, Ольга Михайловна, что я придерживаюсь тѣхъ узкихъ, стереотипныхъ понятій и взглядовъ на бракъ, которые такъ твердо держатся въ извѣстной части буржуазной среды нашего общества, и подъ словомъ супружества понимаю соединеніе двухъ любящихъ сердецъ? Но подобныя наивныя идеи въ настоящее время не могутъ найти мѣста на практикѣ. Думать, что вы влюблены въ меня—по меньшей мѣрѣ нелѣпо; я для васъ старъ, я человѣкъ иного поколѣнія, если я васъ могу еще любить, какъ женщину, то вы меня, какъ мужа, едва-ли можете любить,—вы видите, я откровененъ.

Леля.

Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, намъ...

Котоминъ.

Зачѣмъ? Да если-бы мы взаимно пылали другъ къ другу страстью, я-бы никогда не рѣшился сдѣлать вамъ предложеніе. Не даромъ сказалъ чуть-ли не Бѣлинскій, что бракъ—это могила любви,—это онъ сказалъ при разборѣ какого-то романа... Вы видите,—я самъ не опьяненъ страстью,—спокойно привожу цитаты... И такъ—любовь сама по себѣ, а бракъ— самъ по себѣ... Бракъ—это формальное закрѣпленіе за женой и дѣтьми правъ на имя и состояніе. Бракъ, раціональный бракъ—это соединеніе труда и капитала. Ни мужъ, ни жена не могутъ, не имѣютъ права жить взаимно одинъ на счетъ другого. Каждый долженъ жить на свои средства, на капиталъ или на свой трудъ. Человѣкъ богатый, женившись на бѣдной дѣвушкѣ—не разсчетливъ. Нищій,—женившійся на богачкѣ—тунеядецъ.—Повторяю, я признаю только равновѣсіе капиталовъ.

Леля.

А любовь?

Котоминъ.

Хорошо, конечно, если при этомъ есть любовь, скажу

болѣе,—бракъ безъ любви—нелѣпость. Надо хотя нѣсколько любить и, во всякомъ случаѣ, уважать того человѣка, съ которымъ вы соединяетесь на всю жизнь. Супруги—это компаньйоны—люди, сошедшіеся характерами, могущіе ужиться вмѣстѣ.

Леля.

Но, повторяю вамъ,—гдѣ-же любовь?

Котоминъ.

Мать всегда будетъ любить своихъ дѣтей. Если-же ихъ нѣтъ, а мужа вы... не любите, или разлюбили, то... можно полюбить другого. Вотъ въ этомъ-то, Ольга Михайловна, и заключается мой свободный взглядъ на супружество. Если-бы я замѣтилъ, что вы полюбили кого другого, я-бы ни на минуту не задержалъ васъ. Тутъ ревность не у мѣста...

Соня.

Какая прелесть!

Леля.

Но если вы жену любите?

Котоминъ.

Вотъ поэтому-то я ее и отпущу. Если я вижу, что она несчастна со мной, и можетъ быть счастлива съ другимъ,—повторяю, я ни на минуту не задумаюсь пожертвовать собой.

Соня.

Если не вретъ, такъ правда.

Котоминъ.

Я, съ своей стороны, предлагаю женѣ самую постоянную, самую нѣжную привязанность, предлагаю блестящее положеніе въ интеллигентныхъ кружкахъ Петербурга...

Леля.

Позвольте, Дмитрій Михайловичъ,—но какая-же будущность ждетъ разошедшихся супруговъ; косые взгляды, вѣчные намеки, разбитая жизнь...

Котоминъ.

Ольга Михайловна, я старъ. Посмотрите, вѣдь у меня почти половина головы сѣдыхъ волосъ. Я много жилъ, много видѣлъ, много самъ куралесилъ на вѣку— и знаете: я не вѣрю въ разбитыя жизни... Изъ цѣлыхъ десятковъ разбитыхъ жизней, въ сущности, ни одна не разбилась: большинство доживаетъ свой вѣкъ самыми счастливыми супругами.

Леля.

Но вѣдь это безнравственно!

Котоминъ.

Ого, какъ громко! Чтò безнравственнѣе — жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, или отдаться любимому,—это еще вопросъ.

Леля.

По моему,—безнравственно нарушать свой долгъ, свое слово, обѣщанія.

Котоминъ.

Да если ни словъ, ни обѣщаній дано не было? Да вотъ я не беру съ васъ никакихъ словъ и обѣщаній... Я не буду совершенно протестовать, если вы мнѣ измѣните...

Леля *(вставая).*

Замужъ я за васъ не пойду...

Котоминъ.

Почему?

Леля.

За человѣка съ такими убѣжденіями я выйти не могу...

Котоминъ.

Идеалистка вы, идеалистка! Подумайте...

Леля.

Тутъ нечего думать. Я обѣщалась вамъ дать отвѣтъ сегодня. Извольте: нѣтъ!

Котоминъ *(взволнованнымъ голосомъ).*

Ольга Михайловна, вы не шутите?

Леля.

Я шучу?.. Дмитрій Михайловичъ, мы, кажется, говорили серьезно...

Котоминъ.

Но вѣдь я люблю васъ, поймите—люблю...

Леля.

Я вамъ очень благодарна за вашу любовь, но замужъ я за васъ не пойду. Оставьте руку.

Котоминъ *(схватывая ея за руки).*

Ольга Михайловна...

Леля.

Вы хорошо сдѣлали, что высказались теперь...

Котоминъ.

Да что-же я сказалъ такое?

Леля.

Мужа, который не будетъ протестовать, если я ему измѣню... Такого мужа я не признаю... Пустите,—меня ждутъ на крокетѣ... *(Уходитъ).*

VII.

Котоминъ *и* **Соня.**

Котоминъ *(пораженный).*

Что такое?... Неужели... Фу, какъ глупо! Да неужели-жъ всѣ расчеты, предпріятія... Неужели ѣхать ни съ чѣмъ?... Скверно! Прелестная дѣвочка... Чудные глазки и... и... огромное наслѣдство... Пошлая роль, пошлое положенье! Этотъ Зубцовъ тутъ какъ нарочно... И кто могъ ожидать здѣсь такихъ извращенныхъ понятій,—да и откуда онѣ у нея?.. Зиму живетъ въ Москвѣ... Нечего дѣлать, надо велѣть закладывать... *(Идетъ).*

Соня.

Дмитрій Михайловичъ! *(Онъ въ удивленіи останавливается)*. Пожалуйте сюда!

Котоминъ *(подходя)*.

Вы здѣсь?

Соня.

Садитесь...

Котоминъ.

Вы давно здѣсь?

Соня.

Давно,—лежу и скучаю... А-ахъ! *(Зѣваетъ и закладываетъ руки назадъ подъ голову)*.

Котоминъ.

Что за чортъ! тогда этотъ Челикановъ у фонтана, теперь эта...

Соня.

Садитесь, говорятъ вамъ. *(Онъ садится)*. Что, съ носомъ оставили? Васъ вѣдь Челикановъ предупреждалъ... Я вотъ здѣсь лежала, слушала,—мнѣ васъ даже жалко стало.

Котоминъ.

Напрасно сожалѣете!

Соня.

Да какъ-же! Такого мужа, какъ вы, выпустить изъ рукъ... На это способна только такая добродѣтельная дѣвица, какъ Ольга...

Котоминъ.

Почему вы полагаете?

Соня.

Помилуйте, обѣщаетесь не ревновать, давать женѣ полную свободу.

Котоминъ.

Я высказывалъ свои искреннія убѣжденія.

Соня.

А мнѣ кажется, что вы все врали.

Котоминъ.

Я, право, не знаю, чѣмъ-же я могу вамъ доказать мои слова.

Соня.

Да, немножко трудно... развѣ жениться на мнѣ? Жаль только, что я за васъ не пойду,—стары; *(Онъ хочетъ встать)*. Сидите! Вамъ не по себѣ что-то, бѣдненькій... Жаль разстаться съ Лелей?

Котоминъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я лучше пойду...

Соня.

Не смѣйте, сидите тутъ. Вы думаете, я занять васъ не сумѣю?.. Вы сказали: моя жена будетъ блистать. Что вы подразумѣваете подъ словомъ „блистать"?

Котоминъ.

Выѣзжать, веселиться, имѣть поклонниковъ.

Соня.

Такъ. Вы это ей предлагали вмѣсто любви, для которой устарѣли. *(Онъ внимательно на нее смотритъ)*. Хотите я вамъ скажу, о чемъ вы думаете?

Котоминъ.

О чемъ?

Соня.

Вы смотрите на меня и думаете: а какіе у ней хорошенькіе глазенки, какое задорное личико, отчего я раньше ее не замѣчалъ... и ручки у нея хороши... Ручки у меня, дѣйствительно, хороши—посмотрите. *(Вынимаетъ одну изъ-подъ головы и протягиваетъ ему)*. Хороша? Поцѣлуйте! То-то вотъ и есть,.. Нѣтъ, послушайте, старичекъ, что если-бы я вамъ сдѣлала предложеніе?

Котоминъ.

То-есть какъ предложеніе?

Соня.

Выйти за васъ замужъ... Постойте, мы серьезно поговоримъ, я только немного повыше лягу. Слушайте. Мнѣ нужно непремѣнно выйти замужъ. Приданое у меня большое, собой я хорошенькая. Жениховъ ко мнѣ сваталось много—да я ихъ всѣхъ по шапкѣ, не потому, чтобы не нравились, а потому, что я боялась свободу свою потерять... Сегодня, когда я услышала ваши разсужденія о супружествѣ, я чуть не выпрыгнула отсюда и не кинулась вамъ на шею. Вамъ, вѣдь, что нужно? Молоденькую, хорошенькую, богатую невѣсту,—все есть! Вѣдь вамъ нужна компаньйонка въ земной юдоли? Развѣ я въ компаньйонки не гожусь?

Котоминъ *(улыбаясь)*.

Въ компаньйонки годитесь.

Соня.

Да вѣдь у меня и деньги есть, стало быть, я гожусь и въ жены... Послушайте... *(Садится въ гамакъ, но не спускаетъ ногъ)*. Вы глупы будете, если на мнѣ не женитесь.

Котоминъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Соня.

Ольга вамъ отказала. За васъ если пойдутъ, такъ особы, вродѣ Александры Ѳедоровны, — молодымъ вы что-же за приманка... *(внезапно сообразивъ что-то)*. Только кто поручится, что вы не надуете, и не станете стѣснять меня? Слушайте, милый, вы мнѣ дадите отдѣльное свидѣтельство на жительство еще до свадьбы, и оставите мѣсто для числа, чтобы потомъ вписать можно было...

Котоминъ.

Ха-ха!.. Откуда у васъ такія практическія знанія?.. Вы говорите обо всемъ этомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ.

Соня.

Я съ своей стороны буду примѣрной женой... Во-первыхъ вамъ будетъ со мною не скучно, потому что вы, хотя и старикъ, но еще ничего; съ вами повозиться можно, а во-вторыхъ, если вы меня стѣснять не будете... такъ и сбѣжать цѣли не будетъ...

Котоминъ.

Браво! Нѣтъ, я отъ васъ, извините, отказываюсь: мнѣ, чего добраго, съ вами не справиться.

Соня.

Да зачѣмъ вамъ со мной справляться? Мнѣ здѣсь все ужасно надоѣло, я хочу удрать; одной нельзя, неловко, неудобно... Будь я мелкопомѣстной шушерой—я-бы выбралась отсюда,—въ актрисы-бы пошла, или на курсы поѣхала... А то, вѣдь, я богатая невѣста... Такъ что-же? По рукамъ?

Котоминъ.

Нѣтъ,—вы слишкомъ неожиданно сдѣлали мнѣ это предложеніе... Наконецъ, мы съ вами не французскій водевиль съ переодѣваньемъ играемъ... Такъ нельзя... Недѣлю назадъ вы съ Зубцовымъ...

Соня.

Что такое съ Зубцовымъ?.. Вы видѣли что-нибудь?

Котоминъ.

Не то что видѣлъ, а...

Соня.

Что такое, говорите сейчасъ. Ну-же, говорите!

Котоминъ.

Я...

Соня.

Ну... Вы не конфузьтесь, пожалуйста.

Котоминъ.

Я шелъ съ Ольгой Михайловной по аллеѣ... вы наклонились къ Зубцову и...

Соня.

Да-ну!..

Котоминъ.

И поцѣловали.

Соня.

Ха-ха-ха! Ну, такъ что-же! Велика важность! Хотите, я и васъ поцѣлую?

Котоминъ.

Но это такъ тогда вышло неловко. Ольга Михайловна была поражена, что въ ея домѣ...

Соня.

Во-первыхъ, это было въ саду, а не въ домѣ, а во-вторыхъ все это пустяки... Такъ вотъ она за что на меня дуется, — понимаю... *(хохочетъ)*. Эффектно вышло... Скажите, что вы подумали?

Котоминъ.

Я подумалъ, что вы любите другъ друга,—женихъ и невѣста...

Соня.

Ха-ха! Еще лучше! Стало быть... *(оглядывается въ аллею)* если-бы насъ застали здѣсь занимающимися поцѣлуями, тоже подумали-бы, что любимъ другъ друга... *(Выпрыгиваетъ изъ гамака и охватываетъ его шею руками)*. Такъ вотъ-же вамъ, вотъ, вотъ, вотъ!

VIII.

Тѣ-же, **Тяпунинъ** *и* **Челикановъ.**

Тяпунинъ.

Что это такое, Соня... а?

Соня.

Ничего,—пусть онъ самъ скажетъ...

Котоминъ.

Нѣтъ ужъ, Софья Константиновна, я ничего говорить не буду...

Соня.

Да, впрочемъ, и говорить-то нечего... Кажется, и безъ объясненій все ясно.

Тяпунинъ.

Что, ясно?

Соня.

Что ясно! Если я цѣлуюсь, значитъ имѣю причины... и права...

Тяпунинъ.

Какія?

Соня.

Да что вы, папа, точно семилѣтній ребенокъ, — замужъ выхожу...

Тяпунинъ.

За... за Дмитрія Михайловича?

Соня.

Ну да, да... Пойдемте-же играть въ крокетъ... Дмитрій Михайловичъ,—мы съ вами въ одной партіи—зелеными шарами, въ честь надежды?.. *(Подходитъ къ отцу)*. Папа,—онъ завтра пріѣдетъ къ тебѣ переговорить о... ну о чемъ вамъ тамъ нужно будетъ... Идемте, идемте!..

Тяпунинъ.

Да что съ тобой, Соня?

Соня.

Господи, да ничего...

Тяпунинъ *(отводя ее въ сторону)*.

Послушай Соня,—ты знаешь, у него дѣла сильно запутаны, ничего нѣтъ...

Соня.

А Бочаги-то?

Тяпунинъ.

Бочаги надо поднять, онъ этого не сумѣетъ... Тутъ надо опытнаго хозяина...

Соня.

Но... поднять ихъ можно? Большой съ нихъ доходъ можно получать?

Тяпунинъ.

Со временемъ—огромный.

Соня.

Да?.. Такъ слушай... Я куплю у него Бочаги на свое имя... сколько тамъ они стоятъ,—можно даже лишку переплатить: вѣдь, всетаки, мужъ,—и отдамъ ихъ тебѣ на нѣсколько лѣтъ на поправку, а сама съ нимъ года на три за-границу. Понимаешь?

Тяпунинъ *(пожавъ плечами)*.

Дѣлай, какъ хочешь...

Соня.

Еще одно слово: не вздумай ты, сохрани Богъ, говорить съ нимъ сегодня обо мнѣ и о свадьбѣ...

Тяпунинъ.

Это еще что?

Соня.

Да ужъ я тебѣ говорю... Завтра онъ самъ къ тебѣ прiѣдетъ,—только дай мнѣ его на сегодняшнiй вечеръ въ мои руки... Дочка твоя не пропадетъ, не изъ таковскихъ. Ну, что-жъ, обними меня... Вѣдь я еще пока въ первый разъ замужъ-то выхожу!

Тяпунинъ *(крѣпко цѣлуетъ ее)*.

Ахъ, Сонька, Сонька!

IX.

Тѣ-же и **Александра Ѳедоровна.**

Александра Ѳед.

Что такое?.. Дмитрiй Михайловичъ!.. *(Тотъ подходитъ къ ней)*. Мнѣ сейчасъ Леля сказала... Я, право, не знаю...

Котоминъ.

Ольга Михайловна мнѣ отказала—вотъ и все.

Александра Ѳед.

Но почему-же, что такое вышло у васъ?

Котоминъ.

Не сошлись въ убѣжденіяхъ.

Александра Ѳед.

Это какое нибудь недоразумѣніе... Я была такъ рада, я такъ привыкла къ мысли, что вы будете... тутъ... роднымъ...

Котоминъ.

Мнѣ самому, Александра Ѳедоровна, крайне непріятно...

Александра Ѳед.

Но она такъ молода,—это можно разъяснить...

Котоминъ.

Поздно, Александра Ѳедоровна. Я вамъ безконечно благодаренъ (*цѣлуетъ ея руки*) за вашу доброту, но теперь поздно,—прошлаго не воротишь... Я сегодня-же уѣду отъ васъ.

Александра Ѳед.

Но, мой другъ, оставайтесь, сколько хотите, это не можетъ измѣнить нашихъ хорошихъ отношеній.

Котоминъ.

О, да, но... мнѣ надо уѣхать... (*Возвысивъ голосъ*) Быть можетъ, Константинъ Ильичъ позволитъ мнѣ проѣздомъ остановиться у него? Мнѣ очень хочется взглянуть на его хозяйство. Позволите?..

Тяпунинъ (*поспѣшно*).

Сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе... Я съ своей стороны очень радъ...

X.

Тѣ-же и **Ваня** *съ молотками.*

Соня.

Ну вотъ и молотки,—можно играть,—пойдемте.

Челикановъ.

Позвольте проститься. Телѣжка готова.

Александра Ѳед.

Что-же это вы такъ вдругъ? Подождите до утра.

Челикановъ.

Мнѣ нужно сегодня.

Александра Ѳед.

Это такъ вышло неожиданно.

Челикановъ.

Да, я телеграмму получилъ, потому и уѣзжаю. Быть можетъ, дня черезъ два спрашивать про меня будутъ, такъ вы потрудитесь сказать, что я въ Харьковъ уѣхалъ.

Александра Ѳед.

Ну, до свиданія! (*Тихо*). Вамъ, можетъ быть, денегъ надо?

Челикановъ *(строго).*

Нѣтъ, у меня есть деньги... Софья Константиновна!..

Соня.

Прощайте, не поминайте лихомъ,—добромъ-то, вѣдь, не помянете?..

Челикановъ.

Константинъ Ильичъ...

Тяпунинъ.

Какъ-же это вы такъ, въ самомъ дѣлѣ, сразу?..

Челикановъ.

Меня ждутъ.

Тяпунинъ.

Родные, должно быть?..

Челикановъ.

Должно быть, родные. *(Переходитъ далѣе)*. Господинъ Котоминъ...

Котоминъ.

Господинъ Челикановъ...

Челикановъ.

Вотъ мы съ вами сегодня говорили о разницѣ между подлецомъ и честнымъ человѣкомъ. Мнѣ почему-то теперь кажется, что разница между ними такова: подлецъ откровененъ, онъ сразу всю свою подлость выложитъ, а честный человѣкъ сперва поломается.

Котоминъ.

Вѣдь васъ телѣжка ждетъ?

Челикановъ.

Да-съ,—только я хотѣлъ съ Ольгой Михайловной проститься.

Александра Ѳед.

Леля, иди сюда. Василій Ивановичъ уѣзжаетъ, проститься хочетъ.

Челикановъ (*Котомину*).

Во всякомъ случаѣ, позвольте васъ поздравить... съ приложеніемъ соотвѣтствующей печати... Прощайте, Иванъ Михайловичъ...

XI.

Тѣ-же, **Зубцовъ** *и* **Леля.**

Леля.

Уѣзжаете?

Челикановъ.

Сейчасъ.

Зубцовъ.

Намъ съ вами по дорогѣ. Я велю сѣдлать лошадь.

Челикановъ.

Я полагаю, что отъ вашей лошади пыль на меня пойдетъ, а намъ не будетъ оттого ни пользы, ни удовольствія.

Зубцовъ.

Я сверну вправо, полями... Прощайте, Ольга Михайловна...

Леля.

Ваня хотѣлъ провожать Василія Ивановича,—насъ останется пять человѣкъ... неловко играть... До прихода Вани не сыграете-ли вы?

Зубцовъ.

Если хотите...

Леля.

Наша партія: вы, я и мамаша.

Соня.

А наша: я, папа и Дмитрій Михайловичъ. (*Весело*).

Дмитрій Михайловичъ, вы давно не бѣгали,—не хотите-ли вспомнить?.. Поймайте меня... Разъ, два, три... *(Бѣжитъ въ аллею. Котоминъ, послѣ минутнаго колебанія, въ припрыжку слѣдуетъ за ней).*

Александра Ѳед. *(съ изумленіемъ).*

Что это такое?

Челикановъ.

Взаимный обманъ съ приложеніемъ казенной печати... Имѣю честь кланяться! *(Приподнимаетъ шляпу и уходитъ).*

Занавѣсъ.

1880 г.

ЖЕНЯ.

ЭТЮДЪ СЪ НАТУРЫ

ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

Играна въ первый разъ въ Александринскомъ театрѣ
10 февраля 1884 года, въ бенефисъ г. Давыдова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Марья Антоновна Хотькова, вдова лѣтъ 45, особа недальновидная, очень полная, но еще сохранившая слѣды былой красоты.

Женя, ея дочь; очень недурна собой; говоритъ нехотя, лѣниво. Порою оживляется,—тогда рѣчь быстра, глаза горятъ.

Владиміръ Сергѣевичъ Кадминъ, молодой человѣкъ; служитъ въ какомъ-то министерствѣ; немножко фатоватъ, но отнюдь не производитъ дурного впечатлѣнія.

Юрій Всеволодовичъ Веребейниковъ, генералъ. Голова сѣдая, усы черные. Маленькій, пухлый. Робѣетъ и путается въ рѣчахъ, Старается быть солиднымъ, но это ему совсѣмъ не удается.

Дѣйствіе у Хотьковыхъ—въ Петербургѣ.

Небольшой будуаръ, обставленный весьма комфортабельно. Стѣны и потолокъ обиты свѣтленькой матеріей. Налѣво—турецкій диванъ. Направо, на первомъ планѣ, топится печка. Обычная обстановка: туалетъ, шкапы, жардиньерки, письменный столъ и т. д. Съ потолка—розовый фонарь. Двѣ двери: направо и въ серединѣ.

I.

Женя *лежитъ на диванѣ. Входитъ* **Марья Антоновна** *изъ среднихъ дверей.*

Марья Антоновна.

Что у тебя за привычка валяться цѣлый день на диванѣ!

Женя.

Да вѣдь дѣлать-то больше нечего.

Марья Антоновна.

Тебѣ отдали книги, что я принесла изъ библіотеки?

Женя.

Отдали. Я ужъ прочла одну.

Марья Антоновна.

Ну, и что же?

Женя.

Гадость!

Марья Антоновна.

Да чѣмъ же? Прекрасный романъ.

Женя.

Все разварные какіе-то...

Марья Антоновна.

Сама-то ты разварная! Двадцать четыре года дѣвушкѣ.

Женя.

Двадцать три.

Марья Антоновна.

Скоро будетъ двадцать четыре,—черезъ три мѣсяца!

Женя.

Ну, еще когда что будетъ!

Марья Антоновна.

По цѣлымъ днямъ, поджавши ноги, сидитъ, глупѣйшіе романы читаетъ!

Женя.

Ну, займите меня чѣмъ-нибудь!

Марья Антоновна.

Да вѣдь ты не малый ребенокъ, сама занять себя можешь.

Женя.

Сама?... сама я занимаюсь...

Марья Антоновна.

Чѣмъ это, позвольте узнать?

Женя.

Разговорами... съ Кадминымъ.

Марья Антоновна.

Развѣ-что!

Женя (*послѣ паузы*).

Ну, а мигрень у тебя—лучше?

Марья Антоновна.

Нѣтъ, все скверно. Вотъ спиртъ нюхаю, да не помогаетъ... Лампа у тебя плохо горитъ. Керосину, что-ли, мало?

Женя.

А не знаю.

Марья Антоновна.

Ты ждешь кого сегодня?

Женя.

Особенно никого не жду. Можетъ быть, Кадминъ прiѣдетъ. (*Зѣваетъ*).

Марья Антоновна.

Онъ къ намъ часто повадился за послѣднее время.

Женя.

Черезъ день ходитъ.

Марья Антоновна.

Тебѣ весело съ нимъ?

Женя.

Не то что весело... Собой онъ очень красивъ.

Марья Антоновна.

О чемъ вы съ нимъ говорите по цѣлымъ часамъ?

Женя.

О вздорѣ. Развѣ можно говорить съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ.

Марья Антоновна.

Не собирается онъ предложенiе тебѣ сдѣлать?

Женя.

Должно быть не собирается.

Марья Антоновна.

Говоритъ же онъ тебѣ когда-нибудь, что ты ему нравишься...

Женя.

А тебѣ зачѣмъ это знать?

Марья Антоновна.

Ты думаешь, это мнѣ не интересно?

Женя.

Говори прямо, ты хочешь, чтобъ я замужъ вышла?

Марья Антоновна.

Какая ты, Женя...

Женя.

Нѣтъ, отвѣчай на вопросъ: хочешь?

Марья Антоновна.

Ты знаешь, мы проживаемъ послѣднее... Пенсіонъ отъ отца, что остался, не великъ. Тебѣ двадцать три года...

Женя.

То-есть замужъ пора? Давай руку. Ну, давай, давай...

Марья Антоновна.

Да зачѣмъ? (*Подаетъ руку*).

Женя.

Это мы по рукамъ ударили, чтобъ крѣпче было... Замужъ выхожу...

Марья Антоновна.

За кого?

Женя.

А,—это трудный вопросъ? Я еще сама не знаю.

Марья Антоновна.

Ну, въ кого ты такая родилась. Я была куда тише тебя въ молодости. Объ отцѣ и говорить нечего.

Женя.

Очень тебѣ хочется сбыть меня съ рукъ?

Марья Антоновна (*слезливо*).

Женя, ты меня обижаешь... Такія предположенія это... это Богъ знаетъ что такое. Ты вѣдь вспомни, кто былъ твой отецъ... Всѣми уважаемый, талантливый профессоръ университета.

Женя (*махнувъ рукой*).

Ну, завела канитель!

Марья Антоновна.

Посмотри, въ ученыхъ трудахъ до сихъ поръ встрѣчается его имя... Конечно, я, быть можетъ, не сумѣла дать тебѣ должнаго воспитанія; можетъ быть, онъ гораздо лучше выполнилъ бы эту задачу... Но... но ты меня обижаешь...

Женя.

Только ты, ради Бога, безъ слезъ! Все, что угодно, но не плачь...

Марья Антоновна.

Тебѣ стыдно, Женя: я тебя воспитала, какъ умѣла, дала все, что могла... Но изъ тебя вышло Богъ знаетъ что...

Женя.

Ну, хорошо, хорошо... мы лучше о женихахъ поговоримъ. Какъ тебѣ нравится Кадминъ?

Марья Антоновна (*неуспокоившимся голосомъ*).

Что-жъ, онъ, кажется, ничего.

Женя.

Собой —прелесть.

Марья Антоновна.

Да... я не знаю, какъ ты, а я...

Женя.

У него, вѣдь, нѣтъ ничего?

Марья Антоновна.

Онъ жалованьемъ живетъ: тысячу двѣсти получаетъ.

Женя.

Такъ развѣ это деньги? Мы съ тобой двѣ тысячи проживаемъ,—а какъ же мы живемъ? Ну, а какъ у насъ дѣти пойдутъ,—что тогда?

Марья Антоновна.

Трудно будетъ.

Женя.

То-то вотъ и есть. *(Закуриваетъ папиросу. Пауза).* Ну, а генералъ?

Марья Антоновна.

Веребейниковъ?

Женя.

Да.

Марья Антоновна.

Вѣдь онъ старикъ... Съ состояніемъ, но онъ старикъ.

Женя.

Сорокъ девять, я знаю навѣрное.

Марья Антоновна.

Старъ... да и не далекъ онъ очень.

Женя.

Пороху не выдумаетъ... А все-таки хорошій человѣкъ.

Марья Антоновна.

Отличный человѣкъ.

Женя.

Да-съ. (*Пауза*).

Марья Антоновна.

Еще есть?

Женя.

Кто?

Марья Антоновна.

Захаровъ.

Женя.

Нашла. У него ноги колесомъ.

Марья Антоновна.

Ужъ и колесомъ!

Женя.

Да и глупъ ужъ очень.

Марья Антоновна.

Ну, нельзя сказать, чтобы очень.

Женя.

Но порядочно?

Марья Антоновна.

Пожалуй, порядочно. (*Пауза*).

Женя.

Который часъ теперь?

Марья Антоновна (*взглянувъ на свои часы*).

Безъ пяти восемь.

Женя.

Экая тоска! (*Закладываетъ подъ голову руки*). Хоть-бы тройку взять, прокатиться.

Марья Антоновна.

А вотъ братъ пріѣдетъ, можно будетъ.

Женя.

Это съ дядей-то Петей?—удивительно весело! Нѣтъ, ужъ тогда лучше дома.

Марья Антоновна.

Отчего тебѣ скучно?—вотъ мнѣ не скучно.

Женя (*сквозь зубы*).

Старухамъ никогда не скучно.

Марья Антоновна.

Какая-же я старуха?

Женя.

Скажешь—молодая? Слушай, мама: когда я замужъ выйду, взять тебя къ себѣ?

Марья Антоновна.

Ну, полно...

Женя.

Лучше не брать, ты надоѣшь, чего добраго, вѣдь я тебя знаю. Нервы расходятся, а я виновата.

Марья Антоновна.

Со стороны послушать, точно я тебя принуждаю.

Женя.

Мама, тебя папа слушался?

Марья Антоновна.

Слушался.

Женя.

Во всемъ?

Марья Антоновна.

Во всемъ.

Женя.

Вотъ это хорошо. Это ты хорошо сдѣлала, что тебя онъ во всемъ слушался... Другая этого не умѣетъ. Я бы тебя за это поцѣловала, да...

Марья Антоновна.

Да что?

Женя.

Да лѣнь съ дивана подняться, ужъ очень хорошо я улеглась.

Марья Антоновна.

Экая ты лѣнивая, подумать—ужасъ! *(Съ любовью наклоняется къ ней и цѣлуетъ).*

Женя.

Слушай, мама: мужъ у меня будетъ вотъ гдѣ! *(сжимаетъ кулакъ).*

Марья Антоновна.

Смотри, какъ бы онъ тебя не забралъ такъ.

Женя.

Это меня-то?.. Меня не заберешь, не таковская... *(Звонокъ).* А вѣдь это кто-то пришелъ?..

Марья Антоновна.

Ахъ, не Лидія-ли Андревна? Вотъ тоска-то... А у меня голова все разбаливается. Знаешь что, если это она,—прими ее, скажи, что я больна... А я пойду къ себѣ. Ахъ, этотъ мигрень, мигрень... *(уходитъ въ дверь налѣво).*

II.

Кадминъ и Женя.

Женя.

Здравствуйте... Вставать лѣнь. Я какъ отобѣдала, такъ ноги съ дивана не спускаю. Берите кресла, двигайтесь ближе.

Кадминъ.

Что подѣлывали вчера вечеромъ?

Женя.

Въ потолокъ смотрѣла.

Кадминъ.

Интересно?

Женя.

Очень. Видите этотъ кружочекъ отъ лампы *(показываетъ на потолокъ).* Вотъ все на него и смотрю. А вы что дѣлали?

Кадминъ.

Занимался. На вашъ портретъ смотрѣлъ.

Женя.

Знаете что? Отдайте мнѣ его назадъ.

Кадминъ.

Еще что выдумали?

Женя.

Съ какой стати мой портретъ у васъ?.. Вдругъ мама узнаетъ.

Кадминъ.

Что-жъ вы,—боитесь?

Женя.

Ну, вотъ еще—бояться! Я, вѣдь, глупость сдѣлала, что поѣхала тогда въ фотографію съ вами...

Кадминъ.

Чѣмъ-же? Я выигралъ съ васъ пари, захотѣлъ, чтобы вы снялись только для меня, въ одномъ экземплярѣ. Потомъ негативъ уничтожили.

Женя.

Ну, а вдругъ я выйду замужъ, и мой мужъ увидитъ у васъ этотъ портретъ?

Кадминъ.

Развѣ вы собираетесь?

Женя.

Я сейчасъ имѣла съ мамой разговоръ...

Кадминъ.

Ну?..

Женя.

Говорили о замужествѣ. Все, что въ этихъ случаяхъ матери говорятъ, то я говорила — а то, что дочери должны сказать,—то мамаша. Вѣдь у насъ всегда такъ.

Кадминъ.

И къ чему-же пришли?

Женя.

Мама ужъ очень васъ хвалила. Какой, говоритъ, красивый... Или это я говорила?.. Вотъ ужъ не помню... Во всякомъ случаѣ, обѣ хвалили.

Кадминъ.

Мнѣ очень пріятно.

Женя *(быстро)*.

Правда, что вы на Рогатиной женитесь?

Кадминъ.

Какой вздоръ!

Женя.

Отчего-же? Партія отличная! Богата, образована,—что она косая,—какъ это вѣдь что же...

Кадминъ.

Откуда у васъ свѣдѣнія о ней? Я бываю у Рогатиныхъ,—они очень милые люди. Правда, тамъ ужъ очень много о спиритизмѣ говорятъ, — такъ это вѣдь что-же?

Женя.

Это ничего. Мы вотъ съ вами ни о чемъ не говоримъ, а весело время проводимъ...

Кадминъ.

Она милая дѣвушка... Только я, все-таки, на ней не женюсь.

Женя.

Отчего это?

Кадминъ.

Я ее не люблю. Я васъ люблю.

Женя.

Merci.

Кадминъ.

Я васъ очень люблю.

Женя.

Я которая?—сорокъ первая?

Кадминъ.

Какъ сорокъ первая?

Женя.

По счету вашей любви?

Кадминъ.

Да скажите когда-нибудь хоть одно слово серьезно.

Женя.

Я вамъ въ тонъ попадаю.

Кадминъ.

Я серьезно говорю, что влюбленъ въ васъ.

Женя.

А я серьезно говорю, что я—сорокъ первая.

Кадминъ.

Ну, васъ!..

Женя.

Ужъ вы не сердиться-ли вздумали?.. Такъ, пожалуйста, не надо.

Кадминъ.

На васъ развѣ можно сердиться?

Женя.

И то правда,—я вѣдь въ состоянiи невмѣняемости.

Кадминъ.

Я ужасно привыкъ къ вамъ. Ужасно! Я все думаю—что̀, если сдѣлать вамъ предложенiе?

Женя.

Попробуйте.

Кадминъ.

А вдругъ вы откажете?

Женя.

Попробуйте.

Кадминъ.

Не хочу! Я самолюбивъ; вы откажете, —я разсержусь на себя.

Женя.

Очень вамъ хочется на мнѣ жениться?

Кадминъ.

Очень.

Женя.

Ну, дѣлайте предложеніе.

Кадминъ.

Не хочу.

Женя.

Милый, голубчикъ, дѣлайте. Ужасно скучно. Это я у васъ выучилась „ужасно“ говорить...

Кадминъ.

Я шутомъ не хочу быть.

Женя.

Даже для меня?

Кадминъ.

Да что-же такое вы?—пустая дѣвочка, вертушка.

Женя.

А зачѣмъ-же вы жениться на мнѣ хотите?

Кадминъ.

Да когда я втюрился въ васъ по уши,—что-же мнѣ дѣлать?

Женя.

Милочка, гдѣ-же мы вѣнчаться будемъ?.. Отвѣчайте... Ну, отвѣчайте! *(Тормошитъ его за рукавъ; онъ, поймавъ ея руку, цѣлуетъ въ ладонь; она, не обращая вниманія, продолжаетъ).* Только, ради Бога, не въ приходской церкви: терпѣть не могу,—то-ли дѣло домовая.

Кадминъ.

Что у васъ за способность...

Женя.

Въ посаженые отцы я возьму Веребейникова.

Кадминъ.

Онъ, кажется, на свадьбы не ѣздитъ, боится.

Женя.

Что самого женятъ?

Кадминъ.

Нѣтъ, онъ шаферомъ былъ на свадьбѣ, какого-то товарища вѣнчалъ. Товарищъ-то высокій, а онъ-то маленькій. Вѣнцомъ какъ-то жениху за голову зацѣпилъ, да при всемъ народѣ парикъ ему и стащилъ. Невѣста чуть въ обморокъ не упала...

Женя.

Экая чушь!..

Кадминъ.

Ей-ей! да вы спросите:—объ этомъ весь Петербургъ говорилъ.

Женя.

Ну, у васъ вѣдь свои волосы? Наклонитесь...

Кадминъ.

Ой, вѣдь больно!..

Женя.

Должна-же я убѣдиться: не могу-же выходить за васъ замужъ и не знать—свои-ли у васъ волосы...

Кадминъ.

Серьезно, вы за меня пойдете?..

Женя.

Дѣлайте предложеніе.

Кадминъ.

Не хочу.

Женя.

Ну, давайте говорить, какъ мы будемъ жить въ бракѣ. Вы мнѣ будете вѣрнымъ мужемъ?

Кадминъ.

Буду.

Женя.

А если я отъ васъ сбѣгу?

Кадминъ.

Я стороной узнаю, что вы собираетесь сбѣжать, и самъ сбѣгу двумя часами раньше.

Женя.

Вы меня будете держать въ ежовыхъ?

Кадминъ.

На замкѣ.

Женя.

Мама все сожалѣетъ, что не сѣкла меня въ дѣтствѣ.

Кадминъ.

Да и я о томъ-же сожалѣю.

Женя.

Знаете,—я вѣдь ужасная дрянь...

Кадминъ.

Мм...

Женя.

Ну, какая я вамъ жена? Мнѣ васъ жалко. Вы еще отъ меня въ чахотку впадете...

Кадминъ.

Можетъ быть, если не кормить васъ, такъ лучше будетъ!

Женя.

Нѣтъ, ѣсть я ужасно люблю... Только ѣсть-то вѣдь много не придется. Вы сколько жалованья получаете?

Кадминъ.

Тысячу сто.

Женя.

Это значитъ *(Подумавъ)*. 91 р. 60 к. въ мѣсяцъ... Это, чего добраго, обѣдать-то въ двунадесятые праздники только будемъ?

Кадминъ.

Вамъ смѣшно, что я бѣденъ?

Женя.

Что вы!—вѣдь бѣдность не порокъ! А дѣти будутъ у насъ?

Кадминъ.

Полагаю.

Женя.

Вдругъ, четырнадцать человѣкъ! Чѣмъ-же мы ихъ кормить будемъ? Я буду уроки давать по двугривенному въ часъ, а ночью, по полтиннику съ акта, пьесы переписывать. То-то счастье будетъ!.. А потомъ вы запьете...

Кадминъ.

А потомъ землетрясеніе случится, пойдетъ каменный дождь съ неба,—и мы обратимся въ соляные столбы.

Женя.

Ну, этого-то не будетъ: это ваша фантазія. А вотъ тò, что я говорю,—это вѣрно... Ну, дѣлайте, дѣлайте предложеніе.

Кадминъ.

Вамъ смѣшно?

Женя.

Да серьезно я за васъ замужъ хочу... Не шутя, ей Богу... Начинайте...

Кадминъ.

Ахъ, Евгенія Павловна!..

Женя.

Что--ахъ?

Кадминъ.

Право, это съ вашей стороны немножко безжалостно... Ну, вы видите, что человѣкъ...

Женя.

Страдаетъ?

Кадминъ.

Ну, да, пожалуй, страдаетъ... Смѣйтесь, смѣйтесь. Ничего тутъ смѣшного нѣтъ... А вы безъ ножа рѣжете...

Женя.

Я? Да я за васъ съ радостью замужъ иду...

Кадминъ *(опираясь на кушетку, наклоняется къ ней).*

Женя, ну, дайте мнѣ прямой отвѣтъ, серьезно, откровенно... *(Звонокъ).*

Женя.

Слышите,—звонокъ!.. Посмотрите, кто это.

Кадминъ *(посмотрѣвъ въ дверь).*

Веребейниковъ.

Женя.

Пройдите въ комнату мамаши, она не совсѣмъ здорова... А мнѣ надо съ Веребейниковымъ поговорить...

Кадминъ.

Съ Веребейниковымъ? о чемъ?

Женя.

Подите сюда, я вамъ на ушко скажу. Ну, скорѣй! Наклонитесь. *(Внезапно обнимаетъ его за шею и цѣлуетъ прямо въ губы).* Ну, ступайте къ мамашѣ...

Кадминъ.

Женя, а отвѣтъ?..

Женя.

Ступайте, говорятъ вамъ. Отвѣтъ послѣ... Мамѣ ни слова.

Кадминъ *(уходитъ налѣво).*

III.

Женя *укладывается поудобнѣе на диванъ. Довольно длинная пауза.* **Веребейниковъ** *входитъ съ коробкой конфетъ.*

Женя.

Здравствуйте, Юрій Всеволодовичъ!

Веребейниковъ.

Вотъ... *(Подаетъ коробку).*

Женя.

Merci. *(Протягиваетъ руку,—онъ цѣлуетъ).*

Веребейниковъ.

Хотѣлъ вчера... задержали...

Женя.

Очень жаль.

Веребейниковъ.

А Марья Антоновна?

Женя.

У себя, не совсѣмъ здорова—мигрень. У нея Кадминъ.

Веребейниковъ.

Какъ жаль, что нездорова... А я...

Женя.

Что?

Веребейниковъ.

Нѣтъ, я такъ... *(Путается).*

Женя *(открывъ коробку).*

Экая прелесть.— Хотите?

Веребейниковъ.

Позвольте. *(Осторожно беретъ щипчиками одну конфетку).*

Женя.

Скука какая, Юрій Всеволодовичъ.

Веребейниковъ.

Чего вамъ скучать, вы молодая дѣвушка, хорошенькая...

Женя.

Кому же и скучать, какъ не мнѣ?..

Веребейниковъ.

Передъ вами жизнь, можно сказать, впереди... Коли ужъ скучать кому,—такъ старикамъ... Вотъ хоть например...

Женя.

Кому?

Веребейниковъ.

Мнѣ...

Женя.

Ахъ, вы на своемъ вѣку повеселились, Юрій Всеволодовичъ.

Веребейниковъ *(впадая въ меланхолію)*.

А каково теперь? Пока я молодъ былъ, мнѣ холостая жизнь все завиднѣе казалась... Время пропустилъ; а вотъ, какъ теперь остался старымъ холостякомъ, просто—бѣда...

Женя.

Что-же?

Веребейниковъ *(совсѣмъ раскисая)*.

Въ прошломъ году прихворнулъ къ Пасхѣ. И нѣтъ никого. Прислуга—и та къ заутрени ушла,—одинъ кучеръ остался. Лежу на диванѣ; колокола звонятъ, по улицамъ плошки... А я тутъ одинъ, и нѣтъ никого. Такъ вѣдь вотъ вамъ смѣшно, можетъ быть, покажется,—а я плакалъ...

Женя.

Что же тутъ смѣшного, Юрій Всеволодовичъ? Это очень грустно...

Веребейниковъ.

Вы добрая дѣвушка, милая. Сердце у васъ хорошее,— вы поймете... *(Цѣлуетъ руку).*

Женя.

Неужели у васъ никого изъ родственниковъ нѣтъ?

Веребейниковъ.

Нѣтъ. Всѣ перемерли, поразъѣхались. Бобыль, совсѣмъ бобыль.

Женя *(съ участіемъ).*

Отчего же вы не женитесь?

Веребейниковъ.

Евгенія Павловна, милая,—да кто же за меня пойдетъ, какая дѣвушка?

Женя.

Да отчего же, Юрій Всеволодовичъ,—васъ знаютъ за милаго, хорошаго человѣка...

Веребейниковъ.

И все-таки не пойдутъ... Вѣдь вы не пойдете?

Женя *(потупивъ глаза).*

Вы мнѣ предложенія не дѣлали.

Веребейниковъ.

Какъ, развѣ если бы?..

Женя *(быстро).*

Какая сегодня погода?..

Веребейниковъ *(оторопѣвъ).*

Морозитъ... А ничего погода.

Женя.

Вы давно въ театрѣ были?

Веребейниковъ.

Недавно... я, право, не помню,—кажется, давно...

Женя.

Вы не знаете,— въ академіи выставка скоро откроется?

Веребейниковъ.

Право, не знаю...

Женя.

Поѣдемте, какъ нибудь, со мной и съ мамашей въ академію на выставку.

Веребейниковъ.

Поѣдемте, поѣдемте... я всегда готовъ, что угодно...

Женя.

Скушайте еще конфетку. *(Подаетъ коробку).*

Веребейниковъ.

Merçi. *(Пауза).* Вотъ вы мнѣ сказали, что... что если-бы я вамъ предложеніе сдѣлалъ...

Женя.

Ну, такъ что же?

Веребейниковъ.

Вы пошли бы за меня?

Женя.

Отчего же нѣтъ...

Веребейниковъ *(растерявшись).*

Вы... вы серьезно это?

Женя.

Да... Впрочемъ вы мнѣ никогда предложенія не сдѣлаете...

Веребейниковъ.

Какъ, какъ, почему же?.. Я васъ такъ уважаю и... люблю.

Женя.

По многимъ причинамъ.

Веребейниковъ.

Но по какимъ же?

Женя.

Вы, говорятъ, боитесь на свадьбы ѣздить?

Веребейниковъ.

Что за вздоръ,—какъ боюсь?

Женя.

Вы вѣнцомъ съ кого-то парикъ стащили. Правда?

Веребейниковъ (*совершенно переконфузившись*).

Я... я... кто вамъ сказалъ?..

Женя.

Правда?

Веребейниковъ.

Это... это не со мной было... Я... право не знаю.

Женя.

Да и мало-ли вообще причинъ... А какъ вы думаете—это я совсѣмъ серьезно у васъ спрашиваю:—пошла бы я за васъ замужъ,—или нѣтъ?..

Веребейниковъ.

Боюсь и думать...

Женя.

Боитесь!—значитъ, все-таки надежда есть; ну, это хорошо... *(Пауза)*. Вы этотъ журналъ выписываете?

Веребейниковъ.

Гм... Евгенія Павловна... Я... я въ самомъ дѣлѣ прошу вашей руки... Вы мнѣ дали надежду... Я бы никогда не рѣшился, никогда... Рѣшайте сейчасъ. Не стѣсняйтесь, прямо скажите...

Женя.

Прямо? Только вы мнѣ должны сперва отвѣтить на одинъ вопросъ,—и правду. Обѣщаете?

Веребейниковъ.

Клянусь вамъ.

Женя.

Какъ бы щекотливъ вопросъ ни былъ?

Веребейниковъ.

Да.

Женя.

Генералъ, душечка, красите вы усы, или нѣтъ?

Веребейниковъ *(вставая)*.

Какъ вамъ не грѣхъ такъ издѣваться!

Женя *(удерживая его)*.

Юрій Всеволодовичъ, голубчикъ, не обижайтесь, простите, я—глупая дѣвчонка... Я вамъ сейчасъ отвѣчу на ваше предложеніе. Сядьте. *(Онъ садится)*. Видите, я... *(Остановясь)*. Юрій Всеволодовичъ, а усы-то вы все-таки красите. Милочка, гдѣ вы краску покупаете?..

Веребейниковъ.

Ребенокъ...

Женя *(капризно)*.

Нѣтъ, вы должны сознаться: красите вы усы или нѣтъ. Безъ этого я, право, замужъ не пойду... Послушайте, я разсержусь! Я навѣрно знаю, что вы красите... Ну, да. да?

Веребейниковъ *(съ усиліемъ)*.

Д-да!

Женя *(нравоучительно)*.

Вотъ это хорошо: откровенность первое дѣло...

Веребейниковъ.

Не мучьте меня... Отвѣтьте.

Женя.

Отвѣтить? Извольте. Я вамъ вотъ что скажу. Я не отъ себя буду говорить, нѣтъ,—я вообще...

Веребейнниковъ.

Позвольте, то есть какъ же это вообще?..

Женя.

А вотъ послушайте. Бракъ можетъ быть двухъ родовъ: по любви и по расчету. Если молодая дѣвушка

выходитъ за старика, то, какъ вы думаете, что руководитъ ею: любовь, или расчетъ?

Веребейниковъ.

Ммм...

Женя.

Конечно, можетъ быть и то и другое. „Полтаву“ Пушкина помните? Но дѣло въ томъ, что я не Марія... да и вы какъ-то мало похожи на Мазепу.

Веребейниковъ.

Мм...

Женя.

Остается расчетъ. Вы богаты, стары. Я бѣдна и недурна собой. Каждый скажетъ—она за богатаго замужъ вышла, чтобы потомъ обманывать мужа...

Веребейниковъ.

Ну, зачѣмъ же?

Женя.

Да непремѣнно такъ, иначе никто толковать не будетъ. А про васъ скажутъ: вотъ, старый шутъ, молоденькую подцѣпилъ!

Веребейниковъ.

Евгенія Павловна...

Женя *(тономъ резонера).*

Какой же это бракъ? На первомъ планѣ въ бракѣ—любовь, взаимная поддержка. Надо, чтобъ мужъ съ женой рука-объ-руку шли. Чтобъ не руководили ими какіе-нибудь гаденькіе расчеты и интересы. А если мужъ старикъ, —такъ ужъ, какъ тамъ хотите, какая жена не будь, —а на молодыхъ она засматриваться станетъ, да про себя говорить: „вотъ навязался, старый хрѣнъ, хоть бы поскорѣе онъ“...

Веребейниковъ.

Значитъ, вы не согласны?

Женя *(какъ будто не слушая).*

Бракъ—установленіе священное, а такія mésalliances—поруганіе брака, святотатство.—Какая семья можетъ быть создана при такомъ бракѣ? Какія нравственныя основы будутъ вложены въ дѣтей?.. И мнѣ кажется, что тѣ, кто рѣшается на подобныя бракосочетанія,—недостойны имени честныхъ людей...

Веребейниковъ *(поднимаясь).*

Въ такомъ случаѣ, извините...

Женя *съ (удивленіемъ).*

Куда вы?

Веребейниковъ.

Мнѣ остается удалиться.

Женя.

Боже мой!.. Да вѣдь это я говорю вообще...

Веребейниковъ.

Но, вѣроятно, вы и сами такого же мнѣнія?..

Женя.

Я?—отгадайте!

Веребейниковъ.

Я не отгадчикъ;—прощайте!

Женя.

Да куда же вы? Вѣдь вы мнѣ сдѣлали предложеніе,—я вамъ еще не отвѣтила.

Веребейниковъ.

Вы мнѣ отвѣтили...

Женя.

Да нѣтъ же! Сядьте, сядьте, Юрій Всеволодовичъ. Вѣдь я васъ знаю за прекраснаго, милаго, глубоконравственнаго человѣка. Вы всегда сумѣете заставить себя уважать и любить; вы остановите жену отъ всякаго неразумнаго шага и поступка. Да больше того:

мнѣ кажется, надо быть глубоко испорченнымъ существомъ, чтобы, бывши вашей женой, рѣшиться на какіе-нибудь faux pas... Мало-ли мы видимъ несчастныхъ молодыхъ супруговъ—лѣта тутъ не при чемъ... Вамъ вѣдь сколько лѣтъ?

Веребейниковъ.

Сорокъ... семь...

Женя.

Вотъ видите,—много-ли это?.. Я увѣрена, что вы, несмотря на свои сорокъ девять лѣтъ, можете составить счастіе.

Веребейниковъ.

Вы серьезно...

Женя.

Да, да... вотъ вамъ рука моя. *(Тотъ, захлебываясь, цѣлуетъ).* Подойдите, пожалуйста, къ этой двери, попросите войти сюда мамашу...

Веребейниковъ *(цѣлуя руку).*

Божество, божество! *(Идетъ къ двери)* Марья Антоновна, пожалуйте сюда! *(Возвращаясь, цѣлуетъ руки).* Божество, божество...

IV.

Входятъ **Марья Антоновна** *и* **Кадминъ** *слѣва.*

Веребейниковъ *(кидаясь къ ней, цѣлуетъ руки).*

Марья Антоновна!

Марья Антоновна.

Здравствуйте, Юрій Всеволодовичъ.

Женя *(сдерживая волненіе).*

Мама, я тебя просила сюда придти, — хотѣла сама къ тебѣ,—да лѣнь съ дивана подняться. Ты ужь потрудись благословить насъ!

Кадминъ.

Какъ?

Марья Антоновна.

Что?.. Да неужели?..

Веребейниковъ *(цѣлуетъ ея руки)*.

Да, она согласна... Я прошу руки.

Марья Антоновна.

Женя! *(Обнимаетъ ее)*. Милочка... какъ ты такъ скоро, вдругъ...

Женя.

О чемъ же думать, мамаша? *(Стараясь быть какъ можно веселѣе)*. Владиміръ Сергѣевичъ, что же вы не поздравляете?

Кадминъ. *(совершенно потерянный)*.

Поздравляю, поздравляю...

Веребейниковъ.

Марья Антоновна,—на минутку. *(Отводитъ ее въ сторону)*.

Женя.

Владиміръ Сергѣевичъ,—вотъ вамъ ключъ. Откройте шифоньерку, тамъ направо въ ящикѣ *(сильно понизивъ голосъ)* ваши письма. Можете взять ихъ себѣ... А нѣтъ,—кинуть туда—видите, печка топится. Юрій Всеволодовичъ!

Веребейниковъ *(быстро)*.

Что прикажете?

Женя.

Можно тройку достать,—мнѣ хочется по островамъ прокатиться? Только хорошую...

Веребейниковъ *(схватывая фуражку)*.

Такую, что духъ захватитъ, сердце замретъ!

Женя.

Только вы поскорѣе... Я не могу здѣсь, — мнѣ на воздухъ надо.

Веребейниковъ.

Одно мгновеніе! Тройки здѣсь, на площади. До свиданія, божество! *(цѣлуетъ ручку)*. До свиданія, мамаша. Я помолодѣлъ совсѣмъ... Одно мгновеніе! *(Уходитъ)*.

Женя.

Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, съ нами поѣдете. И ты, мама, тоже. Иди, переодѣнься, голубчикъ.

Марья Антоновна *(уходитъ)*.

Женя.

Владиміръ Сергѣевичъ, берите кресло, двигайтесь сюда ближе... Что вы такой? Что съ вами? Конфетку хотите?

Кадминъ.

Какъ же это такъ,—а?

Женя.

А что же?

Кадминъ.

Вѣдь вы меня сейчасъ цѣловали?

Женя.

Я... васъ?.. Никогда этого не было!

Кадминъ.

Женя! Какъ, какъ не было? Послушайте, вѣдь вы гибнете. То, что вы дѣлаете, это ужасно нелѣпо, невозможно! Остановитесь, опомнитесь! Вѣдь я плакать, я рыдать готовъ!..

Женя.

Батюшки! Да вы въ самомъ дѣлѣ плачете? Садитесь! Ну, садитесь!.. Давайте глазки вытру... Вотъ такъ.

Кадминъ.

Не думалъ я, что вы такая... Поймите, что вѣдь я васъ безумно люблю. Я на все готовъ, на всѣ жертвы...

Женя.

Вы сколько получаете? 91 рубль 66 копеекъ?

Кадминъ.

Безсердечная вы дѣвушка!

Женя.

Нисколько! вы посмотрите, какой я чудесной женой буду. Вы тоже жéнитесь, возьмете дѣвушку съ возвышенными чувствами... жалованьемъ вашимъ она довольствоваться будетъ. Вы здѣсь останетесь,—а я съ мужемъ въ Парижъ и Монако... Такъ что же—конфетку хотите? Откройте ротикъ! Не плачьте! Ну, полно! До свадьбы заживетъ! Право, заживетъ!

V.

Веребейниковъ *изъ среднихъ дверей,* **Хотькова** *въ ротондѣ слѣва.*

Веребейниковъ *(съ паөосомъ).*

Евгенія Павловна! что за тройка!

Марья Антоновна.

Вотъ и я готова.

Кадминъ *(быстро встаетъ).*

Прощайте! *(Уходитъ).*

Женя *(еле сдерживается,—она близка къ истерикѣ).*

Да ѣхать-ли? Хорошо здѣсь, такъ уютно! Да и не хочется что-то... Раздѣвайся, мамочка... Я никуда, никуда не поѣду... *(Прячетъ лицо въ подушку, чтобы не разрыдаться).*

Занавѣсъ.

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

ЭСКИЗЫ КУПАЛЬНАГО СЕЗОНА

въ двухъ картинахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Петровичъ Боровиковъ, пухленькій, плѣшивенькій господинъ, самаго добродушнаго вида. Сильно воодушевляется, машетъ руками.

Александра Михайловна, его жена.

Павелъ Евгеньевичъ Казанцевъ, довольно представительная, сухая фигура. Мѣрно отчеканиваетъ слова, придавая каждому значеніе и важность.

Катя, его дочь.

Юлій Ѳедоровичъ Вертъ.

Михаилъ Петровичъ Колесниковъ, художникъ.

Разсохина, вдова, молодая, очень полная особа.

Грюнбергъ, докторъ. Трогательно чистъ, аккуратенъ и, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, конфузливъ. Говоритъ съ акцентомъ, слегка картавя.

Неби, татаринъ—мѣшаный, полугреческій, полугенуэзскій типъ.

Лакей въ отелѣ.

Дѣйствіе—въ Крыму.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Справа красивыми изломами поднимается кверху утесъ. Пирамидальные тополи, каштаны; въ глубинѣ море. Вечерѣетъ.

I.

Колесниковъ *на утесѣ, подъ большимъ бѣлымъ зонтикомъ, пишетъ этюдъ. Входятъ* **Разсохина** *и* **Неби**. *Разсохина ѣстъ виноградъ, вынимая его изъ маленькаго плетенаго портъ-сака.*

Разсохина.

А сёстры у тебя есть?

Неби.

Есть, мадамъ,—два сестрà есть.

Разсохина.

И братья есть?

Неби.

Четыре брата: въ Акъ-Мечеть всѣ, въ Симферополъ.

Разсохина.

Такіе-же красавцы, какъ ты?

Неби.

Такіе-же, мадамъ,—мы всѣ красавцы.

Разсохина.

Сколько тебѣ лѣтъ?

Неби.

Девятнадцать лѣтъ.

Разсохина.

А жены нѣтъ у тебя?

Неби.

Я еще не женился, мадамъ. А невѣста у меня есть. Хорошій невѣста, богатый невѣста!

Разсохина.

И собой красива?

Неби.

Красивъ, мадамъ, такой толстый!

Разсохина.

А мы сегодня куда поѣдемъ?

Неби.

Куда хочешь, мадамъ, мнѣ все одно. Мнѣ лишь-бы деньги за коней заплатили.

Разсохина.

Мы съ тобой на источникъ поѣдемъ.

Неби.

Это семь рублей стоитъ.

Разсохина.

Отчего-же семь? Вѣдь я тебѣ всегда пять платила?

Неби.

Сегодня семь. Ночью кони подрались, покусались въ кровь. Арабскіе кони, хорошіе кони. Семь рублей.

Разсохина.

Ну, хорошо, это ужъ я такъ для тебя только... ты такой хорошій проводникъ.

Неби.

Я два года ѣзжу. Я хорошій проводникъ. Мнѣ подарки дарятъ. Въ прошломъ году тутъ барыня мнѣ изъ Ялты поясъ съ серебромъ привезла. Добрый барыня, глупый барыня! Денегъ у нея много...

Разсохина.

Посмотри, это кто?

Неби.

Это баринъ, что у Мустафа живетъ, что Крымъ пишетъ.

Разсохина.

Ахъ, Колесниковъ! Monsieur Колесниковъ! Monsieur Колесниковъ!

Колесниковъ.

Вотъ, перина московская, замѣтила-таки.

Разсохина.

Вотъ вы куда забрались! Что-же оттуда видно что нибудь?

Колесниковъ.

Коли работаю, значитъ, видно.

Разсохина.

Къ вамъ можно?

Колесниковъ..

Не влѣзете—круто.

Разсохина.

А я попробую. Неби, помоги, дай руку.

Неби.

Вставай крѣпче, мадамъ, давай рука.

Разсохина.

Ай, я упаду!

Неби.

Какая тяжелая, мадамъ, жиру много нагуляла.

Разсохина.

Comme il est drole, n'est-ce pas?

Колесниковъ.

Да что-жъ тутъ „дроль“, —что думаетъ, то и говоритъ—первобытная натура.

Разсохина.

Уфъ, насилу влѣзла. Здравствуйте.

Колесниковъ.

Здравствуйте. Руки въ краскахъ—не подамъ.

Разсохина.

Ахъ, какъ здѣсь хорошо, высоко... Какъ здѣсь пахнетъ.

Колесниковъ.

Скипидаромъ?.. Я тутъ пролилъ баночку...

Разсохина.

Нѣтъ, моремъ... Знаете, воздухъ живительный. Онъ удивительно на эмфизему легкихъ дѣйствуетъ.

Колесниковъ.

На что? на что?

Разсохина.

На эмфизему.

Колесниковъ.

Это что-же за штука такая?

Разсохина.

Эмфизема?.. Да это всегда такъ говорится. У меня вѣдь мужъ докторомъ въ Москвѣ былъ. Ахъ, какимъ онъ былъ докторомъ! Онъ былъ очень хорошимъ докторомъ!.. Вотъ я теперь седьмой мѣсяцъ вдовѣю... Это всегда говорится,—воздухъ вліяетъ на эмфизему.

Неби.

Такъ коли ѣхать, мадамъ, я за лошадьми пойду, а то поздно будетъ.

Разсохина.

Ступай, Неби, ступай. Я сейчасъ приду домой, одѣнусь. *(Неби уходитъ)*. Винограда хотите?

Колесниковъ.

Богъ съ нимъ,—онъ мнѣ опротивѣлъ. Куда вы ѣхать собрались?

Разсохина.

Къ источнику, знаете тамъ, въ горахъ. Какъ я отлично верхомъ ѣздить выучилась! Мнѣ это очень здорово. Мой мужъ всегда мнѣ совѣтовалъ верхомъ ѣздить... Ахъ, какъ я была счастлива съ мужемъ. Вотъ это былъ человѣкъ!.. Я съ нимъ одиннадцать лѣтъ прожила,—вы понимаете—одиннадцать лѣтъ...

Колесниковъ *(все время продолжая рисовать, разговариваетъ совершенно машинально)*.

Ну! неужели одиннадцать?..

Разсохина.

Михаилъ Петровичъ, поѣдемте на источникъ.

Колесниковъ.

Я тамъ былъ.

Разсохина.

Ахъ, и я тамъ была, но тамъ очаровательно! Вы художникъ, вы можете чувствовать... Крымъ такая прелесть. Я въ восторгѣ. Вы въ восторгѣ?

Колесниковъ.

Нѣтъ, я ничего...

Разсохина.

Какъ ничего, какъ ничего!.. Вѣдь вы эстетикъ? Вы читали Тэна?

Колесниковъ.

Читалъ.

Разсохина.

Правда прелесть? Я еще только начала, восемь страницъ прочла, но все некогда... Вы какого воззрѣнія на эстетику?

(Колесниковъ издаетъ какой-то необыкновенный звукъ).

Разсохина.

Что это съ вами?..

Колесниковъ.

Муха...

Разсохина.

Она вамъ работать мѣшаетъ? Вѣдь это непріятно, когда хочешь работать, а мѣшаютъ... *(Оглядываясь).* Посмотрите, вонъ ваши петербургскіе гуляютъ... И докторъ, кажется, съ ними... Докторъ! докторъ! *(Машетъ рукой).* На минуту сюда...

II.

Колесниковъ, Разсохина *и* Грюнбергъ.

Разсохина.

Докторъ, милый докторъ Извините, я васъ оторвала отъ пріятной компаніи...

Грюнбергъ.

Очень радъ, очень радъ; чѣмъ могу служить?

Разсохина.

Можете на минутку сюда войти?.. Я васъ цѣлое утро искала...

Грюнбергъ *(карабкаясь наверхъ).*

Господинъ Колесниковъ!

Колесниковъ.

Здравствуйте, докторъ! Руки въ краскахъ...

Разсохина.

Я васъ весь день искала—меня тошнитъ, докторъ... аппетита нѣтъ.

Грюнбергъ.

Вы много употребляете винограда... Я говорилъ вамъ: не больше восьми фунтовъ въ день...

Разсохина.

Но, докторъ, я вѣдь плюю кожу, понимаете, плюю...

Грюнбергъ.

Все равно, кушайте меньше... Вдобавокъ у васъ, я вижу, не лѣчебный сортъ винограда...

Разсохина.

Ахъ, я вашего лѣчебнаго не выношу... Такъ вы думаете это ничего?

Грюнбергъ.

Что-съ?

Разсохина.

Что меня тошнитъ?

Грюнбергъ.

Это ничего. Это даже здорово. *(Смотря на этюдъ)*. Прелестный пейзажикъ...

Разсохина.

Послушайте, докторъ: кто эти Боровиковы, вы лѣчите у нихъ, знаете?

Грюнбергъ.

Это мужъ съ женой. Прiѣхали сюда лѣчиться. Очень милые люди.

Разсохина.

Кто-же боленъ,—онъ или она?

Грюнбергъ.

Ее послали въ Крымъ купаться—у нея дѣтей нѣтъ. А мужъ ее провожаетъ.

Разсохина.

А это кто вертлявенькая со старикомъ?

Грюнбергъ.

Это Казанцевы, отецъ съ дочерью... Они не лѣчатся, такъ—провѣтриваться пріѣхали. Она, такъ сказать, насчетъ жениховъ больше...

Разсохина.

Докторъ, я хочу познакомиться... Я à la lettre умираю съ тоски, хоть въ воду бросайся... Познакомьте меня съ ними. Я не привыкла къ одиночеству. Я одиннадцать лѣтъ жила съ мужемъ... Познакомите?

Грюнбергъ.

Извольте... Вы извините... Я отошелъ отъ нихъ не окончивъ разговора... *(Приподнимаетъ шляпу)*.

Разсохина.

Да вотъ они сюда идутъ... Докторъ, послушайте— я что-то хотѣла вамъ сказать... Что-то очень нужное...

Грюнбергъ.

Я завтра утромъ къ вамъ съ визитомъ... *(Приподнимаетъ шляпу)*.

Разсохина.

Противный—такъ и норовитъ уйти. Да ужъ идите идите, Богъ съ вами.

Колесниковъ.

Да и вамъ-бы пора... Вѣдь Неби ждетъ васъ.

Разсохина.

Пора, пора... Михаилъ Петровичъ, такъ не поѣдете?..

Колесниковъ.

Этюдъ пишу-съ.

Разсохина.

Всѣ вы, господа, противные... Какъ только мнѣ сойти отсюда?

Колесниковъ.

У меня руки въ краскахъ.

Грюнбрегъ.

Позвольте-съ *(подаетъ ей руку)*.

Разсохина.

А-ахъ, какъ страшно... А-ахъ!..

III.

Тѣ-же, **Боровиковы**—*мужъ съ женою*—*и* **Вертъ.**

Боровиковъ.

Климатъ-то, климатъ! Сашечка, милушка, — а? воздухъ, воздухъ какой?..

Разсохина.

Насилу сошла... *(Вертъ ей кланяется).* Здравствуйте, monsieur Вертъ... Monsieur Вертъ,—не хотите-ли ѣхать въ горы на источникъ?.. Тамъ чудныя мѣста...

Вертъ.

Къ сожалѣнію, принужденъ отказаться. Я занятъ.

Разсохина.

И вы тоже! Но вѣдь это ужасно—ѣздить одной по горамъ съ татарами... А сидѣть я не могу на мѣстѣ. Мнѣ еще покойный мужъ всегда говорилъ, чтобы я постоянно находилась въ движеніи. И какія тамъ мѣста!.. Тамъ очень хорошо... Очень хорошо.

Боровиковъ.

А не поѣхать-ли намъ?

Александра Мих.

Ты знаешь, мнѣ нельзя: усиленныя движенія мнѣ запрещены.

Боровиковъ.

Жаль, жаль! чудныя мѣста, сударыня, — вы правду изволили сказать. Южный берегъ Крыма — вѣдь это что-же? Рай! рай! Горы, облака, минареты... Я чувствую, что въ меня по три пуда здоровья вливается каждый день. И какое настроеніе!.. Поэтомъ дѣлаешься... Позвольте представиться:—Боровиковъ Петръ Петровичъ.

Разсохина.

Очень рада. Я только что доктора просила меня познакомить съ вами... Здѣсь ужасно скучно, я привыкла къ обществу: одиннадцать лѣтъ жила съ мужемъ.

Боровиковъ.

А это моя супруга.

Разсохина.

Какъ жаль, что вамъ нельзя ѣхать сейчасъ... Представьте себѣ,—водопадъ: ужасный водопадъ! Такой водопадъ, что если стоять внизу во время дождей, такъ всю замочитъ: онъ до того усиливается во время ливней, что брызги летятъ далеко вокругъ.

Грюнбергъ *(смотря на часы).*

Если вы на водопадъ—вамъ-бы не опоздать до заката.

Разсохина.

Да, да, я опять заболталась... До свиданья! Очень рада, что случай доставилъ мнѣ возможность съ вами познакомиться... Надѣюсь, что наше знакомство продолжится... Докторъ, не забудьте—завтра утромъ... Мнѣ очень васъ нужно... До свиданья!.. *(Уходитъ).*

IV.

Тѣже безъ **Разсохиной.**

Боровиковъ.

Экая славная баба!.. Простуха!.. И люди-то все здѣсь какіе хорошіе! Вотъ, что̀ пріѣхали—на Юлія Ѳедоровича наткнулись, на стараго знакомаго... Потомъ док-

торъ—прелестнѣйшій человѣкъ! *(Жметъ ему руку)*. Я очень радъ, я ужасно радъ... Доктора говорятъ: везите жену на югъ, ей надо купаться и развлекаться... Я такъ боялся, что здѣсь не достану хорошаго доктора... Ахъ, что за мѣста, за мѣста!

Грюнбергъ.

Здѣсь очень здорово, очень.

Боровиковъ.

Сашечка, развлекайся, — милая моя, развлекайся... Пользуйся благодатью... Вѣдь не каждая осень такая... Нѣтъ, ты на небо, на небо посмотри, вотъ это облачко таетъ вѣдь, смотри, таетъ... А море, море... Помните, Юлій Ѳедоровичъ—

. . . . и зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и кипитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Вертъ.

Нѣтъ, не помню.

Боровиковъ.

Какъ-же, а у Пушкина-то!.. Куда это Казанцевы дѣвались?

Грюнбергъ.

Они наверхъ пошли, на этотъ утесъ: оттуда вся долина видна.

Боровиковъ.

А! пойдемте, пойдемте, докторъ. Сашечка, ты не утомляйся, побудь здѣсь,—мы сейчасъ назадъ... Пойдемте, докторъ...

Грюнбергъ.

Пойдемте.

Боровиковъ.

Докторъ, а что эта дама полненькая... Она кто?..

Грюнбергъ.

Она лѣчится. Достойная уваженія особа. Ей очень

хочется похудѣть, и она поэтому все двигается. Я бывалъ прежде у нея часто. Но это очень утомительно. Она постоянно двигается...

Боровиковъ.

Вотъ мнѣ бы съ ней гулять. Сашечка, ты позволишь, ты ревновать не будешь?

Александра Мих.

Сдѣлай одолженіе, сколько угодно.

Боровиковъ.

А у самой, я думаю, сердчишко ёкъ-ёкъ, если-бы я съ ней на цѣлый день пропалъ...

Александра Мих.

Пожалуйста...

Боровиковъ *(смѣется)*.

Сердится, когда я говорю, что она меня любитъ... Сашечка, Сашурокъ мой милый! *(Цѣлуетъ ее)*. Ну, докторъ... Въ горы, въ горы! *(Уходитъ)*.

V.

Александра Михайловна, Вертъ *и* **Колесниковъ.** *(Послѣдній на утесъ). За деревьями имъ взаимно не видно другъ друга.*

Александра Мих.

Что это за новое знакомство съ этой барыней, къ чему?

Вертъ.

Не все-ли вамъ равно?

Александра Мих.

Пожалуй пристанетъ, будетъ хвостомъ ходить сзади. Или, можетъ быть, вамъ это нравится?

Вертъ.

Нѣтъ, это скверно. И безъ того, намъ не каждый день приходится поговорить съ глазу на глазъ.

Александра Мих.

О чемъ намъ говорить?..

Вертъ.

Вс̀е о̀ томъ же.

Александра Мих.

Глупости!

Вертъ.

Александра Михайловна, зачѣмъ же я прискакалъ сюда за двѣ тысячи верстъ! Узналъ, что вы ѣдете въ Крымъ, бросилъ все, полетѣлъ сюда, какъ сумасшедшій; вѣдь пока вы не пріѣхали, я цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ выносить сообщество этой вдовицы, таскаться съ нею по горамъ, ѣсть виноградъ... Для чего все это?

Александра Мих.

Почемъ я знаю...

Вертъ.

Нѣтъ, вы знаете... Вы очень хорошо знаете. Вы знаете, что я отдамъ за васъ жизнь...

Александра Мих.

Что за фразы!..

Вертъ.

Скажите одно слово—и я... я не знаю, что надъ собою сдѣлаю. Пять лѣтъ, цѣлыхъ пять долгихъ лѣтъ я мучаюсь, изнываю, ни на одну минуту не могу позабыть васъ... Вы помните, что со мной сдѣлалось, когда я узналъ о вашемъ замужествѣ, я рыдалъ какъ женщина, какъ ребенокъ...

Александра Мих.

Но, что же вамъ надо отъ меня?

Вертъ.

Александра Михайловна, вы свободны, бездѣтны,—мужа вы не любите... Да, да... не возражайте же, мужа вы не любите! Я знаю женщинъ, обмануть меня трудно. Вы мужа не любите!.. Онъ васъ не сто̀итъ,—вы чуд-

ное, милое, доброе существо—ну, можете-ли вы жить съ этимъ... Онъ не пойметъ, не оцѣнитъ васъ...

Александра Мих. *(вставая съ камня).*

Перестаньте...

Вертъ.

Нѣтъ, не перестану... Зачѣмъ вы за него вышли замужъ? Зачѣмъ? Онъ былъ и останется вамъ чужимъ, онъ никогда не будетъ вамъ такъ близокъ, какъ я... Помните вы старую бесѣдку въ паркѣ, когда вы еще были не замужемъ? помните эти вечера, прогулки верхомъ въ рощѣ?.. Помните наши поцѣлуи украдкой? Помните эти ночи тихія, лунныя...

Александра Мих.

Мало-ли что было... Глупости, ребяческія шалости!

Вертъ.

Нѣтъ, это было не ребячество, это было чувство, святое, искреннее, которое охватывало насъ, которымъ мы жили. Бывало, ждешь—не дождешься семи часовъ. Заложишь шарабанъ — и къ вамъ. Духъ замираетъ. Издали видишь на балконѣ свѣтленькое платье. Вы выбѣжите на террасу... А потомъ не наговоримся, не наслушаемся...

Александра Мих. *(нервно).*

Зачѣмъ же вы не женились на мнѣ?

Вертъ.

А я васъ спрошу, зачѣмъ же вы замужъ вышли?.. Все это такъ неожиданно... Возвращаюсь изъ Москвы... вы объявлены невѣстой... Теперь вотъ прошло два года, какъ вы замужемъ,—и не могу я примириться съ этой мыслью, съ этой ужасной мыслью.

Александра Мих.

Вы за это время ухаживали за сколькими женщинами?

Вертъ.

Да, ухаживалъ, ухаживалъ. Я хотѣлъ забыться, я чувствовалъ, что вы потеряны для меня.

Александра Мих.

Вы влюбились въ Волховскую...

Вертъ.

Какая это любовь, что за любовь! Васъ одну только женщину, я и любилъ... Мимолетно заинтересуетъ личико, мимолетно—на мѣсяцъ, другой, а потомъ ни горя, ни сожалѣнія, что разстались... *(Схватываетъ ее за руку).* Вы одна, одна вы... милая, дорогая, я такъ васъ полно, безгранично люблю... Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, дорогая, что я не обманываю васъ; вѣрьте моей любви, она не можетъ прекратиться... Если вы...

Александра Мих.

Смотрите—они спускаются... Опять онъ съ своими восторгами! Какъ онъ надоѣдаетъ мнѣ.

Вертъ.

Что, не правъ я, не правъ!

Александра Мих.

Ну, правы, правы,—тысячу разъ правы. Что же, вы довольны тѣмъ, что я несчастна, радуетесь?..

Вертъ.

Не радуюсь, а глубоко сожалѣю и... и указываю исходъ...

Александра Мих.

Какой?

Вертъ *(тихо).*

Полюбите человѣка, который вамъ преданъ всей душой, всей жизнью... который...

VI.

Тѣ-же, **Боровиковъ, Грюнбергъ, Казанцевъ** *и* **Катя.**

Вертъ *(не прерывая предыдущей рѣчи, тѣмъ же тономъ).*

Хорошъ видъ, Петръ Петровичъ?

Боровиковъ.

Чудо, чудо... Эдемъ!

Казанцевъ.

Скажите, кто это здѣсь визжалъ?

Вертъ.

Когда?

Казанцевъ.

Минутъ десять назадъ?

Вертъ.

Ахъ, это должно быть Разсохина... вдова одна... Она съ утеса сходила, такъ страшно ей было...

Казанцевъ.

Фу, какъ жарко... Чортъ знаетъ, что такое, совсѣмъ работать не могу!.. Чортъ знаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ.

Боровиковъ.

А у васъ дѣло тутъ?

Казанцевъ.

Да, я филоксеру изслѣдую, я не энтомологъ, а просто любитель. Не могу, жарко!.. Костюмы наши не цѣлесообразны. Я новый изобрѣлъ, чертежъ сдѣлалъ, закажу, тутъ портной есть—парикмахеръ, что фотографію держитъ. Отличный портной. Онъ сдѣлаетъ.

Боровиковъ.

Какой-же костюмъ?

Казанцевъ.

А-а халатъ... и до пятъ. Вродѣ больничнаго, наглухо застегнутъ,—и подъ халатомъ—ничего. Единственное средство. Дышать нельзя. Придешь къ морю, разинешь ротъ—хочешь схватить воздуха и нѣтъ. Сегодня еще ничего, а вчера...

Боровиковъ.

Сегодня прелесть, прелесть!

Казанцевъ.

А вчера я филоксеру изслѣдовалъ въ костюмѣ гоголевскаго Ивана Никифорыча. Чортъ знаетъ что такое!.. Въ морѣ долго тоже не высидишь... Еще купанья!..

Боровиковъ.

Я, признаться, не купаюсь здѣсь... Все сбираюсь день за день...

Казанцевъ.

Помилуйте! ляжешь ничкомъ на песокъ, какъ бѣлуга, уцѣпишься и ждешь. Идетъ волна, черезъ голову— трахъ! Прокатится на берегъ и назадъ. Лежишь мокрый, солнце паритъ, ждешь волны. Новая—трахъ! Чортъ знаетъ что такое!

Вертъ.

Какъ вы это картинно описываете.

Казанцевъ.

Что это тамъ за индивидуумъ на утесѣ,—Колесниковъ?

Грюнбергъ.

Да, вы съ нимъ знакомы?

Катя.

Папа, я къ нему пойду... вѣдь онъ тамъ не съѣстъ меня?

Грюнбергъ.

Какъ вы влѣзете... я помогу...

Катя.

Не надо, не надо, я сама! *(Вбѣгаетъ на утесъ).*

Александра Мих. *(Верту).*

Онъ былъ тутъ, онъ все слышалъ?

Вертъ.

Да что же хоть и слышалъ, да я всему міру скажу, что люблю васъ...

Катя *(на утесъ, смотря на холстъ).*

Ай, какая прелесть...

Колесниковъ *(смотря на нее).*

Этюдикъ недурной...

Катя.

Михаилъ Петровичъ, а вѣдь вы настоящій художникъ?..

Колесниковъ.

Настоящій... Вы думали—я аплике?

Катя.

Какъ это аплике?

Колесниковъ.

Мельхіоровый...

Грюнбергъ.

Михаилъ Петровичъ, наше общество проситъ васъ оказать ему честь — дать возможность полюбоваться вашимъ новымъ произведеніемъ...

Колесниковъ.

Я иду къ вамъ *(спускается съ ящикомъ. Зонтикъ и стулъ наверху. Катя тоже спускается).*

Боровиковъ.

Колесниковъ! Вѣдь это громкая фамилья?

Грюнбергъ.

Извѣстность въ художественномъ мірѣ.

Колесниковъ *(съ легкимъ полупоклономъ).*

Вотъ-съ! *(Ставитъ ящикъ на траву).*

Боровиковъ.

Натура, натура!.. Это что же: конченная картина?

Колесниковъ.

Этюдъ. Я съ этого буду писать картину.

Боровиковъ.

Батенька, за мной оставьте—впередъ покупаю. Сашурочка, посмотри облачко-то, облачко, что я тебѣ показывалъ давеча... а?.. Если это у меня въ кабинетѣ... а?

Колесниковъ.

Я въ сущности не пейзажистъ...

Казанцевъ.

Да, да, я помню ваши вещи на выставкѣ... Маленькie chefs-d'oeuvre.

Колесниковъ.

Не нравятся мнѣ здѣшнія мѣста...

Боровиковъ.

Что вы, что вы!..

Колесниковъ.

Сладко. Вы посмотрите; небо фіолетовое, гора розовая, вода зеленая—безвкусица! А у насъ-то на сѣверѣ, въ Финляндіи: вода—хрусталь горный, слеза, а здѣсь—тяжелая, густая, тягучая... Все такое прѣсное, приторное, незадушевное. Глазъ тѣшитъ, а на душѣ тяжело...

Казанцевъ.

Моя мысль, моя мысль! Я дочери говорю: давитъ, тутъ давитъ. Она на дыбы сейчасъ. Видишь!

Катя.

У каждаго, папа, свое убѣжденіе.

Казанцевъ.

Не логично: у всѣхъ должно быть одно убѣжденіе.

Катя.

Это какъ?

Казанцевъ.

Да. Вдругъ у тебя сложится убѣжденіе, что таскать платки изъ кармановъ—хорошо. Но этому убѣжденію никто не дастъ въ тебѣ укорениться, сейчасъ поса-

дятъ въ уединенное мѣсто;—въ иныхъ случаяхъ должно быть у всѣхъ одно общее убѣжденіе. Да!.. *(Смотря на картину)*. Зной выдержанъ, зной!.. Прелестно выдержанъ...

VII.

Тѣ-же и **Разсохина.**

Разсохина.

Господа, вы Неби не видали?

Вертъ.

Нѣтъ, а что вамъ?

Разсохина.

Помилуйте, онъ здѣсь при monsieur Колесниковѣ говорилъ, что меньше семи рублей не поѣдетъ, а привелъ лошадей—десять проситъ. Я разсердилась и прогнала его...

Колесниковъ.

Такъ зачѣмъ же онъ вамъ теперь?

Разсохина.

Да я ѣхать все-таки хочу.

Колесниковъ.

Возьмите у другого татарина лошадей.

Разсохина *(чуть не плача)*.

Да я здѣсь не знаю никого, какъ же я съ незнакомымъ татариномъ поѣду... Докторъ, поѣдемте...

Грюнбергъ.

Не могу-съ, у меня визитація сегодня вечеромъ, никакъ не могу... Мнѣ совѣстно... но я никакъ...

Боровиковъ.

Сударыня, позвольте вамъ предложить свои услуги... Мнѣ очень полезно движеніе...

Разсохина.

Да?.. Очень рада, вы меня премного обяжете... Только какъ-же ваша супруга?

Александра Мих.

Пускай ѣдетъ, Богъ съ нимъ.

Катя.

Папа, милый отпусти меня съ ними.

Казанцевъ.

Тебя отпустить?—нѣтъ.

Катя.

Да отчего? Что же тутъ такого?

Казанцевъ.

Во-первыхъ, ты можешь стѣснить...

Разсохина.

Помилуйте, намъ будетъ очень пріятно.

Казанцевъ.

Во-вторыхъ, ты свалишься и ушибешься... Въ третьихъ, ты можешь въ горахъ простудиться. Въ четвертыхъ—безъ меня ѣхать тебѣ неудобно. А впрочемъ поступай какъ знаешь—я тебя не стѣсняю. Я займусь своей филоксерой.

Разсохина.

Я увѣрена, что mademoiselle будетъ очень довольна прогулкой. Какой тамъ воздухъ: онъ удивительно дѣйствуетъ на эмфизему...

Казанцевъ.

Поѣзжай. Только, пожалуйста не свихни себѣ спину; помни, что ты одна, другой у меня нѣтъ.

Разсохина.

Такъ ѣдемте, господа! Я положительно не могу... мнѣ движеніе необходимо...

Боровиковъ *(женѣ)*.

До свиданія, Сашурочекъ, не скучай, развлекайся;

пойми, что развлеченіе тебѣ необходимо... Ты мнѣ завидуешь? Вѣдь я буду тамъ въ горахъ, среди облаковъ и орлиныхъ стай...

Александра Мих.

Завидно, но что же дѣлать.

Колесниковъ.

Катерина Павловна,—а что же моя просьба?

Катя.

Какая?

Колесниковъ.

Когда-же я примусь за вашъ портретъ?

Катя.

Ахъ очень рада. Какъ, папа?..

Казанцевъ.

Увѣковѣчить на полотнѣ образъ—прекрасная мысль особенно такою кистью... прекрасная мысль!

Разсохина.

Такъ вы портретистъ?.. Я и не знала. Спишите съ меня портретъ, Михаилъ Петровичъ, голубчикъ... Въ какомъ нибудь видѣ... вы меня на лошади не видали? нѣтъ? Я здѣсь мимо проѣду... Господа, ѣдемте, ѣдемте! Докторъ, меня опять тошнитъ... что это значитъ, понять не могу?

Казанцевъ.

Я съ вами тоже до дому пойду... Надо составить набѣло чертежи халата. Дышать нельзя совсѣмъ. Чортъ знаетъ, что такое...

Колесниковъ.

А я до заката еще этюдъ одинъ думаю кончить. *(Идетъ на утесъ).*

Разсохина *(ему вслѣдъ).*

Я здѣсь проѣду, не забудьте!.. Господа, а знаете, мы лошадей возьмемъ все-таки у Неби—зачѣмъ обижать мальчика... Онъ хорошій.

Боровиковъ *(цѣлуя жену).*

Развлекайся, милочка, развлекайся... *(Казанцевъ, Катя, Боровиковъ и Разсохина уходятъ).*

VIII.

Колесниковъ, Александра Михайловна, Вертъ *и* **Грюнбергъ.**

(Грюнбергъ идетъ на утесъ къ Колесникову).

Александра Мих. *(отираясь платкомъ).*

Эти поцѣлуи его возмущаютъ меня, возмущаютъ... Послушайте, что это такое: вы все время, не опуская глазъ, смотрѣли на эту дѣвочку?..

Вертъ.

Ого! вы ревнуете!

Александра Мих.

Ну да, ревную... Я ревнива, ревнива...

Вертъ.

Но чтобы ревновать—надо имѣть правà.

Александра Мих.

А у меня ихъ нѣтъ?—хорошо! Это черезъ пять минутъ послѣ объясненія въ любви!—прелестно...

Вертъ.

Но вѣдь вы-же оттолкнули меня?

Александра Мих.

Съ чего вы взяли?..

Вертъ.

Такъ я могу надѣяться...

Александра Мих.

Чуть увидѣлъ хорошенькіе глазки—растаялъ, готовъ все забыть, бѣжать на край свѣта...

Вертъ.

Александра Михайловна, и не грѣшно вамъ упре-

кать меня? Послушайте,— откинемте въ сторону всю ложь, всю неправду нашихъ отношенiй... Если вы меня оттолкнули, то я ничѣмъ не связанъ, могу глядѣть на кого угодно, и поступать какъ захочу. Если-же—если-же вы меня любите, то... то тогда я весь вашъ—весь до послѣдней капли крови...

Александра Мих.

Правда?

Вертъ.

Да, да—правда. Вѣрьте, вѣрьте мнѣ—болѣе святой болѣе безкорыстной любви вы не найдете... Скажите одно слово—и мы уѣдемъ отсюда. И навсегда, навсегда я вашъ работникъ, батракъ... Ловить взглядъ вашъ, ласковое слово — вотъ мое блаженство моя жизнь...

Александра Мих.

А если... если вы меня обманете?..

Вертъ.

Васъ обмануть... Да какъ-же я обману васъ, когда вы все для меня? все—внѣ васъ нѣтъ мiра, нѣтъ любви и счастья... Васъ обмануть... обмануть весь мiръ, оскорбить всѣ лучшiя, святыя струны сердца. *(Грюнбергъ спускается съ утеса).*

Александра Мих.

Какъ я счастлива, вполнѣ счастлива...

Вертъ *(цѣлуя ея руки).*

Милая, дорогая, — а я-то, я то!.. Вотъ онъ, вотъ мигъ, котораго я такъ давно ожидалъ, вотъ онъ наступилъ, идетъ... *(Обнимаетъ ее; она прислоняется къ его груди головой. Грюнбергъ раздвигаетъ кусты и остается въ окаменѣнiи).*

Александра Мих. *(замѣтя Грюнберга).*

Ахъ!..

Грюнбергъ *(въ смущенiи).*

Виноватъ! Вашъ супругъ просилъ, чтобъ... чтобъ я

способствовалъ вашему развлеченію... Я-съ... я-съ готовъ, я къ вашимъ услугамъ.

Вертъ.

Докторъ... ей дурно, помогите... Видите она безъ чувствъ...

Александра Мих.

Мнѣ лучше... лучше. Теперь проходитъ... Merci, Юлій Ѳедоровичъ, что вы мнѣ помогли, поддержали меня... И васъ благодарю, докторъ, за участіе.

Грюнбергъ.

Вамъ волненіи надо меньше... Будьте покойнѣе.

Александра Мих.

Ахъ, докторъ,—я теперь покойна и счастлива... я буду все время покойна.

Грюнбергъ.

Да... да—покой и развлеченіе... Вы извините... я приходилъ проститься... мнѣ пора на визитъ.

Александра Мих.

Мы васъ проводимъ... Юлій Ѳедоровичъ, вашу руку...

Грюнбергъ.

Я увѣренъ, что Крымъ на васъ отлично повліяетъ... я увѣренъ... *(Уходятъ).*

IX.

Колесниковъ *одинъ, потомъ* **Катя.**

Колесниковъ *(внизу натягивая новый холстъ).*

Улетучились; что за способность стрекотать безъ умолку цѣлый вечеръ! Какъ ихъ здѣсь, на подножномъ корму, разноситъ... Еще лечиться пріѣзжаютъ... Хуже мѣста точно нѣтъ... *(Входитъ Катя).*

Катя.

Ахъ, вы здѣсь еще!

Колесниковъ.

А вы, не уѣхали?..

Катя.

Нѣтъ,—да я и не поѣду. Я сказала, что порт-монэ потеряла, и вернулась искать...

Колесниковъ.

Я поищу...

Катя *(дотрогиваясь до его плеча).*

Сидите, сидите...

Колесниковъ.

Много денегъ было?

(Она молчитъ. Онъ оглядывается на нее; она улыбается и вдругъ садится сзади его на камень).

Катя.

Можно?

Колесниковъ *(поспѣшно).*

Разумѣется.

Катя.

Посмотримъ, какъ вы будете мазать. Я не мѣшаю?

Колесниковъ *(выпускаетъ на палитрѣ краски и безпокойно поводитъ головой).*

Помилуйте, да развѣ вы можете мѣшать?

Катя.

Ай!

Колесниковъ.

Что?

Катя.

Какъ вы заговорили. Кто-же такъ говоритъ?

Колесниковъ.

А что-же?

Катя.

Неужели я вамъ никогда не могу помѣшать *(придвигаясь ближе)*,—никогда.

Колесниковъ *(чувствуя ее близко за спиной, поводитъ плечами)*.

Никогда...

Катя.

Ну, пишите, пишите... *(Пауза)*.

Катя.

Это какая краска?

Колесниковъ.

Хромъ.

Катя.

Ага! *(Пауза)*.

Колесниковъ.

Что-же вы не ищите порт-монэ?

Катя.

Зачѣмъ?

Колесниковъ.

Да вѣдь вы потеряли?

Катя.

Почему вы думаете?

Колесниковъ.

Вы такъ папашѣ сказали?

Катя.

Сказала... Можетъ быть я ошиблась.

Онъ на нее взглядываетъ. Она хохочетъ и отворачивается.

Катя.

Это какая краска?

Колесниковъ *(послѣ паузы отрывисто).*

Кадмій.

Катя *(наклоняя ее ближе).*

Я не мѣшаю?

Колесниковъ *(отрывисто).*

Нѣтъ.

Катя.

Пишите, пишите. *(Пауза).*

Катя.

Михаилъ Петровичъ!.. Что-же вы, не слышите? Михаилъ Петровичъ.

Колесниковъ *(сквозь зубы).*

Слышу.

Катя.

Такъ вы портретъ будете съ меня писать?

Колесниковъ.

Буду.

Катя.

У насъ?

Колесниковъ.

У васъ.

Катя.

Въ моей комнатѣ? Что? Что-же вы дуетесь?

Колесниковъ.

Я не дуюсь, а только... Катерина Павловна,—вы зачѣмъ сюда пришли?

Катя.

Портъ-монэ искать.

Колесниковъ.

Такъ лучше ищите *(повертывается къ этюду).*

Катя *(встаетъ и опирается слегка руками о его плечи).*

Какъ вы скоро пишете... *(наклоняется къ нему).* Очень скоро,—вы вѣдь хорошій живописецъ...

Колесниковъ *(сразу отшвырнувъ ящикъ, хочетъ схватить ее за руки).*

Послушайте, Катерина Павловна...

Катя *(отскакивая).*

Что съ вами?
Онъ стоитъ въ нерѣшимости.

Катя *(посмѣиваясь).*

Такъ когда же начнутся сеансы, завтра?

Колесниковъ.

Завтра.

Катя.

Не обманете?

Колесниковъ.

Нѣтъ.

Катя.

Такъ значитъ... *(дѣлая реверансъ)* до завтра!

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Зало въ гостинницѣ. Лѣпныя стѣны и потолокъ. Задняя стѣна—сплошныя стеклянныя двери на балконъ. Съ него видъ на заливъ. По стѣнамъ копіи съ Айвазовскаго. У правой стѣны рояль. Небольшіе круглые столы, покрытые скатертями, съ мельхіоровыми судками и колокольчиками, разставлены по залу и балкону. Утро.

I.

Катя *играетъ на фортепіано. Входитъ* **Вертъ** *и* **лакей.**

Вертъ *(лакею).*

Стаканъ кофе съ горячими сливками!.. Катерина Павловна!.. Я въ первый разъ вижу васъ за фортепьяно.—Я зналъ, что вы играете. *(Лакей уходитъ).*

Катя.

Плохо.

Вертъ.

Что это—скромность?

Катя.

Или неумѣнье. Я не играю, не люблю играть, потому что самолюбива. А играть плохо, чтобы вызвать натянутый комплиментъ,—это не въ моемъ характерѣ.

Вертъ.

Не думаю, чтобы вы играли дурно. Я рѣшительно не могъ замѣтить, чтобы вы хоть что нибудь дурно дѣлали... Все, что вы дѣлаете,—это прелестно.

Катя.

Ну, ужъ вы...

Вертъ.

Откровененъ очень? Что-жъ дѣлать, если я съ нѣкоторыхъ поръ сталъ самъ не свой, путаюсь въ словахъ и мысляхъ.

Катя.

Бѣдненькій, отчего же это?..

Вертъ.

Что за страсть у женщинъ представляться, что онѣ не понимаютъ того, что такъ ясно и просто.

Катя.

Да это совсѣмъ не ясно и не просто... У васъ путается языкъ?.. Вѣдь это можетъ быть отъ разныхъ причинъ: отъ болѣзни... послѣ ужина...

Вертъ.

Катерина Павловна, пожалѣйте! вѣдь такъ нельзя...

Катя.

Наконецъ отъ любви... Можетъ быть вы влюблены? Да? Такъ?

Вертъ.

Ну, а если и такъ...

Катя.

Я давно это замѣтила.

Вертъ.

Вы замѣтили?..

Катя.

Ну да, что же тутъ такое? Замѣтить было не трудно. Все съ ней, да съ ней...

Вертъ.

Да вы про кого?

Катя.

Про Александру Михайловну, конечно... Что-жъ она очень милая дама.

Вертъ.

Богъ съ вами; неужели вы думаете я ее люблю? это такъ со скуки... Мы старые друзья—не больше.

Катя.

Такъ не въ Разсохину же вы влюбились?

Вертъ.

Фи, какъ вамъ не стыдно...

Катя.

Она, впрочемъ, къ вамъ благоволитъ—и очень. Еще вчера она мнѣ расхваливала васъ. Главное, говоритъ, я люблю, что у него проборъ спереди. Ужасно люблю мужчинъ, которые проборъ посрединѣ носятъ. Это ничего, что она недавно овдовѣла; она съ удовольствіемъ выйдетъ замужъ, вы не смущайтесь. Вѣдь вы женихъ хоть куда; какая же женщина вамъ откажетъ.

Вертъ.

Это ваше мнѣніе?

Катя.

Искреннее.

Вертъ.

Шутки въ сторону, Катерина Павловна... Я первый разъ въ жизни полюбилъ—и полюбилъ серьезно...

Катя.

Поздравляю.

Вертъ.

До сихъ поръ все это были пустяки, мимолетныя увлеченія... Теперь я понялъ, что значитъ истинная любовь: я живу, я дышу ею...

Катя.

Что́-же... Признаюсь, я удивлена... Но... но... я вамъ сочувствую.

Вертъ.

Да? да?.. Неужели? *(Внезапно схватываетъ ея руку и цѣлуетъ).*

Катя *(отдернувъ руку, встаетъ).*

Это что за глупости?..

Лакей *(входитъ съ подносомъ).*

Пожалуйте, готово-съ.

Вертъ.

Хорошо. Ступайте. *(Лакей уходитъ).* Катерина Павловна... Послушайте... Еслибъ я вамъ сдѣлалъ предложеніе? Что-бы вы мнѣ отвѣтили?

Катя.

Неужели вы не догадываетесь?

Вертъ.

Ну, не мучьте меня...

Катя.

Догадайтесь!

II.

Тѣ-же, **Казанцевъ, Колесниковъ** *и* **Боровиковъ.** *(На Казанцевѣ бѣлый кашемировый халатъ).*

Казанцевъ.

А, очень радъ, что господинъ Вертъ тутъ: ну-съ, скажите пожалуйста ваше мнѣніе о моемъ костюмѣ.

Вертъ.

Превосходно!..

Казанцевъ.

Ну, посмотрите, ну можетъ-ли быть что-нибудь цѣлесообразнѣе этого? Отнюдь не можетъ. Посмотрите сзади *(повертывается)*, я самъ кроилъ. Вѣдь внизу можно ничего не носить. Цѣлесообразно?

Вертъ.

Прелестно!

Казанцевъ.

Да. А вотъ Михаилъ Петровичъ говоритъ, что гадость, мерзость...

Колесниковъ.

Никогда я не говорилъ, что гадость. А говорилъ, что теперь жары проходятъ — можно въ обыкновенномъ платьѣ ходить.

Казанцевъ.

На будущій годъ пригодится. Я еще татарскія туфли куплю.

Боровиковъ *(лакею)*.

Дай, братецъ, чаю намъ. *(Лакей уходитъ)*. Что-жъ, господа, возсядемъ... *(Всѣ садятся на авансценѣ. Катя опять за фортепьяно)*. Что это Разсохиной не видно?..

Колесниковъ.

Она съ татарченкомъ объясняется. Онъ ей по утрамъ виноградъ носитъ. Мой номеръ стѣна объ стѣну—все слышно. Отчего, спрашиваетъ, у тебя носъ тоненькій, греческій? а онъ говоритъ: не у всѣхъ же, мадамъ, носъ грушей...

Боровиковъ.

Славная баба... ей-Богу, славная! Сколько мы съ ней за послѣднее время по горамъ исколесили, — бѣда!.. Только какъ внизъ ѣхать, визжитъ ужасно... За гриву уцѣпится и вопитъ. А все-таки славная баба... безъ нея мнѣ страсть была бы скука. Докторъ каждый день

меня гоняетъ,—говоритъ, что мнѣ моціонъ необходимъ, верстъ по сорока ежедневно!.. И вѣдь что удивительно: пока въ Петербургѣ жилъ—былъ здоровъ совершенно,—какъ въ Крымъ пріѣхалъ, докторъ меня послушалъ,—вы, говоритъ, больны.

Колесниковъ.

Да вы что̀ чувствуете?

Боровиковъ.

Какъ вамъ сказать... Собствѐнно говоря̀, я ничего не чувствую... рѣшительно ничего... То-есть, понимаете,—я все чувствую, все нормально...

Колесниковъ.

Такъ зачѣмъ же вамъ мучиться по жарѣ?..

Боровиковъ.

Хорошо вамъ—вы здоровы—сидите себѣ, помазываете... Ну, а что портретъ Катерины Павловны?

Колесниковъ.

Кончилъ.

Боровиковъ.

Вы что-то долго писали.

Колесниковъ.

Сеансовъ двадцать...

Вертъ.

Ужасно долго!..

Лакей *(съ подносомъ).*

Куда прикажете? Здѣсь или на балконъ?

Боровиковъ.

Да что, вѣтра нѣтъ сегодня?

Лакей.

Никакъ нѣтъ.

Боровиковъ.

Такъ пойдемте лучше на балконъ... Неси туда. *(Лакей несетъ на балконъ подносъ. Всѣ встаютъ. Катя подходитъ на авансцену).*

Вертъ *(подходя къ ней).*

Катерина Павловна, вы мнѣ позволите поговорить съ вашимъ батюшкой?

Катя.

О чемъ?

Вертъ.

Вообще... обо всемъ этомъ...

Катя.

„Вообще“ можете...

Вертъ.

Серьезно?

Катя.

Серьезно, серьезно... Только я сперва скажу папа.

Всѣ уходятъ на балконъ. На авансценѣ **Катя** *и* **Казанцевъ.**

Катя *(Казанцеву).*

Папа,—мнѣ надо тебѣ сказать нѣсколько словъ.

Казанцевъ.

Что?

Катя.

Я тебѣ нѣсколько словъ хочу сказать.

Казанцевъ.

Странно. Съ чего это ты? Никогда не говорила, и вдругъ говорить хочешь.

Катя.

Садись.

Казанцевъ.

Я лучше стоя. Прохладнѣе.

Катя.

Садись, тебѣ говорятъ. *(Садятся).*

Катя.

Мнѣ сколько лѣтъ?

Казанцевъ.

А я почемъ знаю!

Катя.

Говори, сколько мнѣ лѣтъ?

Казанцевъ.

Ты еще до эмансипаціи родилась.

Катя.

Ну, значитъ?

Казанцевъ.

Значитъ... *(считаетъ по пальцамъ)* да много тебѣ...

Катя.

Не пора-ли мнѣ тебя покинуть... уйти?

Казанцевъ *(прищуря одинъ глазъ).*

Куда?

Катя.

Это вопросъ пока лишній. Ты ничего противъ не имѣешь?

Казанцевъ.

Очень радъ. Ты вѣдь мнѣ надоѣла.

Катя.

О!

Казанцевъ.

Ей Богу, надоѣла. Мнѣ безъ тебя покойнѣе будетъ. Да и свободнѣе.

Катя.

То-есть какъ?

Казанцевъ.

Ухаживать могу. Вѣдь я мужчина видный.

Катя.

Ну, и прекрасно. Михаилъ Петровичъ, Михаилъ Петровичъ! Васъ папаша зоветъ...

Колесниковъ *(входитъ).*

Катя.

Вы ему сообщить что-то хотѣли...

Казанцевъ *(быстро).*

Вы не подумайте, что я васъ звалъ,—и не думалъ...

Катя.

Ну-же, ну!

Колесниковъ.

Я, я долженъ вамъ сказать, Павелъ Евгеньевичъ, что я писалъ портретъ съ Катерины Павловны... Портретъ требуетъ извѣстнаго времени... Надо изучить данное лицо... Я изучалъ, изучалъ внимательно и глубоко...

Казанцевъ.

Ну, что-же вы стали?

Колесниковъ.

Я изучилъ глубоко...

Казанцевъ.

Слышалъ!

Колесниковъ.

Лицо, особенно глаза—это зеркало души... Лицо Катерины Павловны очень оригинальнаго стиля...

Катя.

Вы скорѣе!..

Казанцевъ.

Да, вы насчетъ этихъ зеркалъ и стилей покороче...

Колесниковъ.

Я изучалъ, Павелъ Евгеньевичъ—видѣлъ, что каждый мускулъ, каждая мышца до того полно и ясно выражаютъ идею общаго...

Казанцевъ.

Я ничего не понимаю, вы, пожалуйста, безъ терминовъ.

Колесниковъ.

До того полно, что я, что мы...

Катя *(быстро).*

Что мы вѣнчаться хотимъ.

Казанцевъ.

Ка-акъ! Сразу?

Катя.

Не сразу,—мы послѣ Рождества поженимся.

Казанцевъ.

Да ты въ какомъ смыслѣ?

Катя.

Въ томъ самомъ, о которомъ мы говорили.

Казанцевъ.

Ну что-жъ, merci.

Катя.

За что?

Казанцевъ.

За то, что предупредили: я вѣдь отецъ! *(Вертъ показывается на балконѣ).*

Катя.

Вотъ, папаша, и у него есть дѣло къ вамъ,—ну-съ, Михаилъ Петровичъ, вашу руку. *(Идутъ на балконъ).*

III.

Казанцевъ *и* **Вертъ** *(остальные на балконѣ).*

Казанцевъ.

Ну-съ?

Вертъ.

То, что я вамъ скажу, Павелъ Евгеньевичъ, будетъ для васъ, вѣроятно, очень неожиданно...

Казанцевъ.

Гм!..

Вертъ.

Я хочу у васъ просить...

Казанцевъ.

Pardon—перебью: у меня есть правило: денегъ въ долгъ не давать...

Вертъ.

Не безпокойтесь: я денегъ просить не буду.

Казанцевъ.

Гм... ну?

Вертъ.

Я люблю Катерину Павловну.

Казанцевъ.

Мою дочь?

Вертъ.

И я хочу жениться на ней... и она согласна...

Казанцевъ.

Какъ согласна? Не можетъ быть... Она съ ума сошла... И... и скажите пожалуйста, вы любите ее?

Вертъ.

Люблю, люблю, какъ никогда никого не любилъ.

Казанцевъ.

Гм... Ну, это фраза!

Вертъ.

Почему-же вы думаете, что я не могу любить... Вѣдь вы сами когда-нибудь любили?..

Казанцевъ.

Да, я и теперь люблю... Я вотъ телячьи котлеты люблю, только изъ этого ничего не слѣдуетъ... Да и я все-таки тутъ не причемъ... Чортъ знаетъ что такое!.. Катя! Катя!..

IV.

Вертъ, Казанцевъ *и* Катя.

Казанцевъ.

Зачѣмъ ты его ко мнѣ послала?..

Катя.

Я?.. и не думала.

Вертъ.

Я просилъ у васъ позволенья переговорить съ Павломъ Евгеньевичемъ.

Катя.

Я вамъ запретить не могла.

Казанцевъ.

Нѣтъ, матушка, уволь,—вы меня извините—объясняйтесь другъ съ дружкой,—а я такъ говорить не умѣю... (*Уходитъ*).

Катя.

Что вы ему сказали?

Вертъ.

О моемъ предложеніи... Онъ смѣется надъ тѣмъ, что

я ему сказалъ, что я васъ такъ люблю, какъ никого не любилъ.

Катя.

Даже Александру Михайловну?

Вертъ.

Ахъ, оставьте вы, ради Бога, Александру Михайловну. Поймите, что для меня кромѣ васъ ничего не существуетъ... Ловить взглядъ вашъ, тѣмъ воздухомъ дышать, что вы дышете—и то ужъ для меня блаженство...

Катя.

Видите, тутъ недоразумѣніе маленькое кроется... Я все думала, что вы о Разсохиной говорите, а вы обо мнѣ...

Вертъ.

Катерина Павловна!..

Катя.

Простите, голубчикъ, вы думаете быть можетъ я смѣюсь?—право, я спутала... Не сердитесь... Я никакъ не думала, что вы мнѣ сдѣлаете предложеніе... Я не вѣрила этому... счастью.

Вертъ.

Ну... и?..

Катя.

Ахъ, нѣсколько поздно...

Вертъ.

Поздно?

Катя.

Видите, я бы пошла за васъ съ радостію, съ большою радостію, но... вы опоздали... мнѣ сдѣлалъ предложеніе Михаилъ Петровичъ, и я согласилась.

Вертъ.

Но вы любите его?

Катя.

Люблю-ли нѣтъ-ли, не ловко же отказать.

Вертъ.

Итакъ—отказъ и полный...

Катя.

Да вѣдь вамъ что же, милочка, все равно? вѣдь вы на Разсохиной женитесь... Вѣдь стрѣляться не будете?.. Вотъ она идетъ вдобавокъ сюда... Не хотите-ли объясниться?.. Ну, полно, чего вы кисните! Пойдемте чай пить. Такъ вы меня какъ,—очень любите?

Вертъ.

Зачѣмъ вы спрашиваете?..

Катя.

Хотите шаферомъ приглашу, или, можетъ быть, вы хотите въ кумовья? Ну, не буду, не буду! вашу руку!—вы какъ любите чай—сладко?.. Я вамъ налью сладко-разсладко... ну, идемъ!.. (*Идутъ на балконъ*).

V.

Грюнбергъ *и* Разсохина.

Разсохина.

Я думаю вы меня проклинаете, докторъ: я васъ всюду таскаю за собою?

Грюнбергъ.

Помилуйте, что за мысль! Сообщество съ вами мнѣ доставляетъ удовольствіе въ очень значительной степени.

Разсохина.

Я вамъ надоѣла?

Грюнбергъ.

Напротивъ,—признаюсь, я такъ привыкъ къ вамъ, что одна мысль, что вы, такъ сказать, здѣсь залетная гостья, производитъ во мнѣ непріятное ощущеніе. Такихъ образованныхъ дамъ такъ рѣдко и здѣсь можно встрѣтить.

Разсохина.

На меня Крымъ повліялъ благодѣтельно...

Грюнбергъ.

Вамъ бы не дурно здѣсь остаться на зиму.

Разсохина.

Знаете, я чувствую, какъ здѣшній воздухъ дѣйствуетъ на эмфизему...

Грюнбергъ.

О, да...

Разсохина.

Меня такъ поразила потеря моего мужа, теперь впечатлѣнія Крыма какъ-то изглаживаютъ изъ памяти эти ужасныя воспоминанія...

Грюнбергъ.

Но что дѣлать! Про человѣка сказано: terra es, et in terra ibis.

Разсохина.

Это на латинскомъ языкѣ?

Грюнбергъ.

Да. Это значитъ: ты еси земля и въ землю уйдешь.

Разсохина.

Отъидешь.

Грюнбергъ.

Какъ-съ?

Разсохина.

Говорится—отъидешь. А въ землю уйдешь, это точно свая... Что такое я у васъ спросить хотѣла?.. Что-то важное... Да, скажите, чѣмъ боленъ Боровиковъ?

Грюнбергъ.

У него... *(мнется)*.

Разсохина.

Докторъ, я любопытна, я очень любопытна... Вѣдь вы мнѣ другъ? Да? Вы не скроете, если я спрошу... Скажите, чьи это штуки?

Грюнбергъ.

Увольте...

Разсохина.

Нѣтъ, нѣтъ, я приказываю—говорите...

Грюнбергъ.

Александра Михайловна настаиваетъ, чтобы ея супругъ уѣзжалъ на прогулки, чтобы я ему совѣтовалъ...

Разсохина.

Во-отъ что! Я такъ и знала...

VI.

Тѣ-же и **Александра Михайловна** (*она нервна и порывиста*).

Грюнбергъ.

Только съ постели? Поздно, поздно! Немножко въ лицѣ блѣдноваты.

Александра Мих. (*здороваясь*).

Плохо спала... безсонница...

Грюнбергъ.

Вы мало движенія дѣлаете...

Александра Мих.

Да, я сама тоже думаю... Я на этотъ счетъ хотѣла съ вами поговорить.

Разсохина.

А! Да вотъ гдѣ всѣ—на балконѣ... Мнѣ надо было что-то спросить у Казанцева... Что такое?—совсѣмъ изъ головы вонъ... (*Идетъ на балконъ*).

VII.

Грюнбергъ *и* **Александра Михайловна.** (*Остальные въ глубинѣ*).

Александра Мих.

Докторъ, я къ вамъ по дѣлу... Докторъ, помогите мнѣ, помогите... Вѣдь дольше я такъ не могу.

Грюнбергъ.

Что прикажете?

Александра Мих.

Докторъ, вы прекрасный, добрый человѣкъ,—я васъ такъ искренно, горячо люблю...

Грюнбергъ.

О, madame...

Александра Мих.

Вы человѣкъ умный,—вы видите и понимаете многое... Вы, быть можетъ замѣтили, что я несчастна. (*Грюнбергъ значительно сжимаетъ губы*). Я знаю, васъ удивитъ... то... что я скажу... Я краснѣю, вы видите...

Грюнбергъ.

Вашъ супругъ сегодня ѣдетъ верстъ за пятнадцать.

Александра Мих.

Ахъ, не то... Мнѣ, напротивъ... Мнѣ надо, чтобъ онъ остался.

Грюнбергъ (*съ удивленіемъ*).

Остался.

Александра Мих.

Ну, да, да... Вы можете его удержать... вы удержите его. (*Вертъ показывается на порогѣ балкона*).

Вертъ.

Я не мѣшаю?..

Александра Мих.

Какъ вы можете мѣшать здѣсь, въ общей залѣ... Подите сюда на два слова... (*Докторъ идетъ въ глубину*). Послушайте, я дольше не могу этого выносить... Я сегодня не спала всю ночь...

Вертъ.

То-есть чего?

Александра Мих.

Вы не отходите отъ Кати! Вы шагъ за шагомъ слѣ-

дите за ней! Не спускаете съ нея глазъ, безъ нея разсѣяны, при ней оживлены... Вы влюблены въ нее, что ли, думаете жениться?

Вертъ.

Мнѣ жениться на ней? да съ какой стати!.. Господь съ вами...

Александра Мих.

Такъ что же вы, зачѣмъ же это ухаживаніе?

Вертъ.

И не думалъ! Если хотите, я не подойду къ ней сегодня.

Александра Мих.

Да?

Вертъ.

Конечно да. Вѣдь васъ—одну васъ я люблю, остального нѣтъ для меня, не существуетъ. Одно ваше слово— и я вашъ... Этотъ поцѣлуй разъ, тогда, помните, и затѣмъ постоянная холодность... Ну что же—со злости пойдешь, начнешь болтать съ этой дѣвочкой, думаешь, авось хоть этимъ возбудить въ васъ ревность...

Александра Мих.

Я все думаю, не прокатиться-ли намъ сегодня? Всѣ ѣдутъ какія-то развалины смотрѣть... Поѣдемте и мы...

Вертъ.

То-есть кто же всѣ? Петръ Петровичъ?

Александра Мих. (*лукаво*).

И Петръ Петровичъ... Послушайте... А если вы меня оставите одну и все время будете говорить съ Катей?..

Вертъ.

Клянусь вамъ, нѣтъ. Увѣряю васъ, я не подойду къ ней.

Александра Мих. (*Полуласково, полусердито*).

Гадкій, вѣдь я ревнива... вы знаете...

VIII.

Тѣ-же, **Боровиковъ,** *потомъ остальные.*

Боровиковъ.

А-а, встала! Здравствуй, милочка, здравствуй прелесть моя (*цѣлуетъ ее*)!.. А утро-то какое! Небо—бирюза сплошная. И не жарко: этакій маленькій-маленькій вѣтерокъ.

Александра Мих.

Я сегодня думаю прокатиться.

Боровиковъ.

Вотъ и прекрасно, а мы только что тамъ сговаривались. Всѣ, кромѣ Павла Евгеньевича, ѣдутъ. Павелъ Евгеньевичъ филоксерой своей хочетъ заниматься. А ты новый костюмъ Павла Евгеньевича не видала?

Александра Мих.

Ахъ, какая прелесть!..

Казанцевъ.

Цѣлесообразно, удивительно цѣлесообразно. Вѣдь это привиллегію можно взять... Свободно, легко, поддуваетъ... и прилично... Къ этому нейдетъ вотъ эта шляпа, что у меня, широкая, съ соломенными полями; тутъ надо кабулъ, знаете—стаканчикомъ, такимъ, опрокинутымъ колокольчикомъ.

Разсохина.

Безподобно... Я непремѣнно себѣ такой сошью.

Казанцевъ.

Позвольте предложить свои услуги по кройкѣ... Вамъ портниха не скроитъ. Вѣдь вы чувствуете какой это фасонъ.

Катя.

Папа, такъ ты не ѣдешь?

Казанцевъ.

Ты знаешь, у меня филоксера (*тихо*)... Да... скажи, пожалуйста, ну что же?

Катя.

Что?

Казанцевъ (*показывая большимъ пальцемъ на Верта*).

Что онъ мнѣ такое говорилъ? Я, говоритъ, никогда, никого...

Катя.

Это мы, папа, разъяснили, онъ перепуталъ...

Казанцевъ.

Я такъ и думалъ, что перепуталъ. Сѣлъ предо мной на стулъ и вертится: путалъ, путалъ... Меня, говоритъ, она къ вамъ прислала... я сперва думалъ — за двухъ она замужъ собралась, что-ли? Не спуталъ ли я чего?

Боровиковъ.

Господа, какая новость! Сегодня жена съ нами ѣдетъ и Юлій Өедоровичъ тоже...

Разсохина.

Неужели?—вотъ весело-то будетъ!

Грюнбергъ.

Я-бы у васъ попросилъ пульсъ (*беретъ руку Боровикова*). Гм!..

Боровиковъ (*испуганно*).

Что, опять что нибудь?

Грюнбергъ.

Позвольте послушать грудь... Да... кой-какое осложненіе...

Боровиковъ.

Что за пропасть—вотъ тебѣ и Крымъ.

Грюнбергъ.

Вамъ надо лѣчиться... серьезнѣе...

Боровиковъ.

Сдѣлайте одолженіе, — скажите, что̀ надо — я тотчасъ...

Грюнбергъ.

По моему,—сегодня вамъ надо посидѣть дома, никуда не уходить.

Боровиковъ.

Но помилуйте, докторъ...

Казанцевъ.

Ничего,—мы оба займемся съ вами филоксерой. Вы вѣдь профанъ по этой части,—я васъ просвѣщу.

Боровиковъ.

Конечно, это очень интересно...

Казанцевъ.

У меня чудесные микроскопическіе препараты, вотъ вы увидите.

Разсохина.

Какъ-же я, господа, безъ кавалера?

Грюнбергъ.

Если позволите, быть вашимъ спутникомъ... то...

Разсохина.

Великолѣпно! Ну, господа, ѣдемъ! то-то весело будетъ.

Катя (*Колесникову*).

Милочка, вы бы распорядились лошадками...

Колесниковъ.

Иду, иду!..

Александра Мих.

Такъ надо торопиться... Я даже не знаю, въ какомъ у меня сундукѣ амазонка. (*Колесниковъ и Александра Мих. уходятъ*).

IX.

Катя, Боровиковъ. Казанцевъ, Вертъ, Грюнбергъ *и* **Разсохина.**

Разсохина.

Что-то я хотѣла спросить у васъ, Павелъ Евгеньевичъ... вы это знаете...

Казанцевъ.

Что такое?

Разсохина.

Да! Какъ изъ айвы варенье варятъ?..

Казанцевъ.

Я, сударыня, мелочной лавочки не содержу, почему же вы думаете, что я варенья варить умѣю?

Разсохина.

Да вѣдь вы-жъ меня научили, какъ кефаль приготовлять.

Казанцевъ.

Такъ кефаль рыба... Я повару платилъ здѣшнему, чтобъ онъ меня научилъ...

Разсохина.

Ай, какъ жаль. А я варить хотѣла на зиму...

Боровиковъ.

Разобьете дорогой банки—я это на себѣ испыталъ.

Разсохина.

Да я на зиму хочу здѣсь остаться.

Боровиковъ.

Здѣсь? Да вѣдь всѣ разъѣдутся.

Разсохина.

Докторъ говоритъ, что здѣшній воздухъ такъ дѣйствуетъ на эмфизему.

Катя (*тихо Грюнбергу*).

Такъ это вы ей посовѣтовали. Вотъ вы какой... (*Грюнбергъ стыдливо потупляетъ глаза*). Поздравляю, поздравляю...

Грюнбергъ.

Помилуйте, что-же... я ничего...

Катя (*тихо Верту*).

Прозѣвали, опять прозѣвали...

Вертъ.

Что?

Катя.

Невѣсту... Видите—парочка...

Вертъ.

Богъ съ ней! вы потеряны для меня навсегда... но образъ вашъ я буду носить въ сердцѣ.

Катя.

Зачѣмъ же въ сердцѣ,—я этого совсѣмъ не желаю. Я лучше дамъ вамъ фотографическую карточку—вложите въ альбомъ и любуйтесь.

Разсохина.

Катерина Павловна, одѣваться...

Катя.

Идемте. (*Верту*) Такъ навсегда, меня одну — да! Всей душой?

Вертъ.

Да...

Катя.

Юлій Ѳедоровичъ, милый,—я вамъ вотъ (*показывая кончикъ пальца*) ни на столько не вѣрю... До свиданья... (*Катя и Разсохина уходятъ*).

X.

Боровиковъ, Казанцевъ, Грюнбергъ *и* Вертъ.

Вертъ.

Петръ Петровичъ, такъ вы остаетесь дома?

Боровиковъ.

Что дѣлать, что дѣлать!

Вертъ.

Въ такомъ случаѣ я у васъ попрошу гамаши,—у меня нѣтъ.

Боровиковъ.

Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, голубчикъ. Да возьмите сами, въ моемъ номерѣ въ корзинѣ лежатъ... Прямо идите и возьмите. (*Вертъ уходитъ*). Ну, что же мы, господа, дѣлать будемъ?

Казанцевъ.

Филоксерой, филоксерой займемся...

Боровиковъ.

Часамъ къ четыремъ вы вернетесь съ этихъ развалинъ?

Грюнбергъ.

Часамъ къ пяти.

Боровиковъ.

Я къ этому времени обѣдъ приготовлю... Скучно будетъ сегодня цѣлый день такъ-то сидѣть.. И поговорить не удастся.

Казанцевъ.

Ну, ужъ эти пустые разговоры, душу всю вытянутъ,—только цѣлый день слышишь тр... тр... трещетки!

Боровиковъ.

А вотъ докторъ съ madame Разсохиной договорился до чего-то... Она на зиму остается.

Грюнбергъ (*вспыхнувъ*).

Она очень достойная дама, образованная... она сама...

Боровиковъ.

Вѣрю, батюшка, вѣрю.

Грюнбергъ.

Я бы за счастье почелъ имѣть такую супругу...

Боровиковъ.

Вѣдь у нея состояньице есть?

Грюнбергъ.

Да... это... конечно, имѣетъ свое... Но тутъ главное пріятность.

Боровиковъ (*хлопая его по плечу*).

Хорошо, хорошо,—одобряю! Договорились съ нею...

Казанцевъ.

А моя дорисовалась съ художникомъ-то.

Боровиковъ.

Какъ?

Казанцевъ.

Да такъ... Рисовали, рисовали, а потомъ вдругъ ко мнѣ оба... Вѣнчаться, говоритъ, хотимъ послѣ Рождества.

Боровиковъ.

Ну, а вы что же?

Казанцевъ.

Я поблагодарилъ, что хоть предупредили меня...

Боровиковъ.

Да, такъ вотъ южный-то берегъ дѣйствуетъ. Поэтическая страна...

Грюнбергъ.

Удивительно здоровая мѣстность...

Боровиковъ.

Вотъ на меня только дурно вліяетъ. Скажите, докторъ, и долго мнѣ придется сидѣть?

Грюнбергъ.

Трудно опредѣлить... судя по обстоятельствамъ.

Боровиковъ.

Ну, я посижу—главное жена была бы здорова.

Грюнбергъ.

Чтожь, она теперь можетъ ѣздить...

Боровиковъ.

Ахъ, докторъ,—этимъ вамъ я обязанъ... Какъ я вамъ благодаренъ за жену, какъ благодаренъ.

Грюнбергъ.

Помилуйте.

Боровиковъ (*чуть не со слезами обнимаетъ его*).

Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу—это сердечныя изліянія... Я отъ души, отъ всей души... Вы думаете,. она совсѣмъ излечится къ зимѣ, совсѣмъ будетъ здорова?

Грюнбергъ.

Полагаю.

Казанцевъ.

Ну, пойдемте,—я вамъ демонстрирую филоксеру... Я васъ просвѣщу...

Боровиковъ.

Ахъ, докторъ, какъ я вамъ благодаренъ, какъ благодаренъ!..

Занавѣсъ.

1881 г.

ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ЛѢТНІЕ СИЛУЭТЫ

въ 3-хъ картинахъ.

Представлены въ первый разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра 25 сентября 1886 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Анна Дмитріевна Илимская. Помѣщица, красивая, плотная, свѣжая старуха, съ увѣренными, плавными движеніями; носитъ пышныя, широкія платья, при разговорѣ позвякиваетъ ключами, какъ эмблемой своего хозяйства.

Елена Александровна, ея внучка отъ покойной дочери.

Иванъ Ивановичъ Ставучановъ. Директоръ какого-то акціонернаго общества, совсѣмъ бѣлый, съ бородой и цѣлой шапкой серебряныхъ волосъ, только брови черныя. Выраженіе лица какое-то удивленное, отчасти растерянное.

Алексѣй Павловичъ Калитвинъ. Сосѣдъ Илимской, владѣлецъ писчебумажной фабрики; несмотря на чисто русское происхожденіе, производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе нѣмца: такой онъ гладкій и розовый.

Константинъ Алексѣевичъ, его сынъ, кандидатъ университета.

Сергѣй Николаевичъ Кондратьевъ. Дальній родственникъ Анны Дмитріевны, товарищъ по гимназіи молодого Калитвина. Носитъ золотыя очки, жидкую бороду; лицо красноватое, въ веснушкахъ; длинные волосы, рыжевато-пѣгіе, какъ пѣтушиныя перья, прядями лежатъ по плечамъ.

Наталья Петровна Велюбская, вдова помѣщица, далеко еще не старуха.

Тальниковъ.

Ѳедоръ, старый лакей Илимской.

Тихонъ. Деревенскій почтальонъ; лапти, армякъ, фуражка. На боку сумка или клеенчатый мѣшокъ на веревкѣ, откуда онъ достаетъ письма.

Дѣйствіе—въ имѣньѣ Илимской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Закрытый стеклянный балконъ. Справа — стѣна дома, съ дверью и двумя окнами по бокамъ. Съ балкона — сходъ въ большой тѣнистый садъ. Посрединѣ, нѣсколько въ глубинѣ, — обѣденный столъ и пять стульевъ. Слѣва — низенькій балконный диванчикъ, справа — качалка. Много цвѣтовъ и на подоконникахъ, и на столахъ въ вазочкахъ.

I.

Ставучановъ *ходитъ по комнатѣ; у двери* **Ѳедоръ**; *потомъ входятъ:* **Кондратьевъ и Калитвинъ.**

Ставучановъ.

Не приносили?

Ѳедоръ.

Никакъ нѣтъ.

Ставучановъ (*смотритъ на часы*).

Чтó онъ, какъ поздно сегодня! Всегда въ это время приноситъ. Ты, какъ только онъ,— сейчасъ крикни. Я такъ и сказалъ Тихону,—коли есть мнѣ письма, такъ чтобы онъ здѣсь оставилъ, ко мнѣ не носилъ. Слышишь?

Ѳедоръ.

Слушаю-съ... да вы ужъ мнѣ изволили говорить.

Ставучановъ.

Такъ не забудь, сдѣлай милость... *(Идетъ къ саду. Навстрѣчу ему Кондратьевъ и Константинъ Калитвинъ).* Тихона не видали?

К. Калитвинъ.

Нѣтъ,—да что вы о немъ такъ тревожитесь?

Ставучановъ.

Я письма жду. Я не знаю, что у насъ въ обществѣ дѣлается. Въ прошлую почту я такое сообщеніе получилъ... Мнѣ пишетъ одинъ мой коллега: не спокойно у насъ что-то...

К. Калитвинъ.

То-есть какъ?

Ставучановъ.

Въ обществѣ,—въ кассѣ.

К. Калитвинъ.

Растрата?

Ставучановъ.

Да вотъ то-то, что не знаю... Чортъ ихъ знаетъ!

Кондратьевъ.

Тревожитесь, значитъ, по пословицѣ о пуганой воронѣ?

Ставучановъ.

Будешь пуганымъ, когда вокругъ такой омутъ... Я какъ на иголкахъ теперь, взялъ отпускъ и не знаю, что дѣлать, — кто ихъ тамъ разберетъ!.. Не растрата, такъ еще хуже что-нибудь...

К. Калитвинъ.

То-есть что-же хуже?

Ставучановъ.

А не знаю,—почемъ мнѣ знать! Того и гляди, какую нибудь офиціальную повѣстку...

Кондратьевъ.

Какую официальную повѣстку, выдумаете вы!.. Откуда?

Ставучановъ.

Не знаю откуда, я ничего не знаю, — откуда мнѣ знать... Я не могу здѣсь, мнѣ на воздухъ надо... Тамъ Анна Дмитріевна?

Кондратьевъ.

Кажется, въ аллеѣ.

Ставучановъ.

Вы крикните, когда письма, ежели ко мнѣ... *(Уходитъ въ садъ).*

Кондратьевъ *(садится слѣва).*

Вотъ тоже самъ себѣ печаль накачиваетъ.

К. Калитвинъ *(ходя по комнатѣ).*

Окончимъ, пожалуйста, нашъ разговоръ.

Кондратьевъ.

Да вѣдь это пустопорожняя трата времени, одно пустословіе.

К. Калитвинъ.

Отчего-же пустословіе? Я вопросъ ставлю прямо и ясно: ты не хочешь почему-то на него отвѣчать.

Кондратьевъ.

На какой вопросъ?

К. Калитвинъ.

Что ты такое изъ себя представляешь?

Кондратьевъ.

Я?—Я кандидатъ университета.

К. Калитвинъ.

Далѣе!

Кондратьевъ.

Далѣе — изучаю мухъ, жуковъ, — ну, словомъ, занимаюсь энтомологіей.

К. Калитвинъ.

Далѣе!

Кондратьевъ.

Больше ничего.

К. Калитвинъ.

И это все? Да развѣ это дѣло?

Кондратьевъ.

Дѣло, и очень важное,

К. Калитвинъ.

Милочка моя, такъ нельзя. Вѣдь ты въ рамочкѣ сидишь, вѣдь ты не живой человѣкъ — ты египетская мумія. Вѣдь тебя ничто живое не можетъ интересовать, ты вѣдь какъ кротъ въ землѣ роешься. Я понимаю если бы ты дѣйствительнымъ ученымъ былъ, ну, тамъ законъ какой-нибудь происхожденія видовъ открылъ, — а ты вѣдь дальше хоботковъ да лапокъ нейдешь.

Кондратьевъ.

Экъ куда ты хватилъ, божья ты коровка! Не всѣмъ геніями быть: мы мелкота, чернорабочіе! Мы фундаментъ, основаніе науки кладемъ, — а общіе выводы — это не наше дѣло.

К. Калитвинъ.

И ты довольствуешься своей норой?

Кондратьевъ.

Вполнѣ, и никуда больше не стремлюсь.

К. Калитвинъ.

Ну, и поздравляю! *(ходитъ по балкону)*.

Кондратьевъ.

Позволь—ну, а ты? ты что представляешь изъ себя? Ты вѣдь тоже кандидатъ, а что ты дѣлаешь?

К. Калитвинъ.

Я завѣдую писчебумажнымъ производствомъ.

Кондратьевъ.

Это отецъ твой завѣдуетъ, а не ты. Я вотъ смотрю на тебя цѣлое лѣто,—ты палецъ о палецъ не ударишь. Да и скажи, пожалуйста, что за особенная птица— писчебумажный фабрикантъ? Чѣмъ ты міръ облагодѣтельствовалъ,—эксплуатаціей рабочаго?

К. Калитвинъ.

Рабочихъ ни я, ни отецъ не эксплуатируемъ —ты это отлично знаешь, не такіе мы люди; а что въ послѣднее время я совсѣмъ фабрику забросилъ — въ этомъ ты правъ,—теперь тамъ больше всего работаетъ мой старикъ. Я зобросилъ ее и очень радъ, потому что...

Кондратьевъ.

Постой, постой... Смотри-ка, жукъ какой чудесный! *(Ловитъ его на подоконникъ)*. Смотри, сяжки-то какіе!

К. Калитвинъ.

Я и смотрѣть-то не хочу...

Кондратьевъ.

Отчего?

К. Калитвинъ.

Не интересно!

Кондратьевъ.

Да, конечно, съ Еленой Александровной интереснѣе по саду гулять.

К. Калитвинъ.

При чемъ тутъ Елена Александровна?

Кондратьевъ.

Да вѣдь ты цѣлый день шатаешься за нею по аллеямъ.

К. Калитвинъ.

Она пользуется у бабушки полной свободой, и если гуляетъ со мной больше, чѣмъ съ тобой, значитъ, она мое общество предпочитаетъ.

Кондратьевъ.

Я тебѣ скажу, что Елена Александровна дѣвушка

такая, что... Впрочемъ, я говорю это, какъ двоюродный братъ, — я видовъ на нее никакихъ не имѣю, и не могу имѣть...

К. Калитвинъ *(сквозь зубы)*.

Да, знаемъ мы этихъ двоюродныхъ братьевъ!

Кондратьевъ *(смотря жука)*.

Здоровые сяжки!

К. Калитвинъ.

Вотъ ты теперь пойдешь къ себѣ на верхъ, вздѣнешь этого жука на булавку — и думаешь, что свое назначенье выполнилъ?

Кондратьевъ.

Костенька, не нервничай ты Христа ради. Это совсѣмъ къ тебѣ нейдетъ. Точно ты губернаторша, которую чиновникъ особыхъ порученій разстроилъ... Стыдись! Вѣдь тебя бѣситъ то, что человѣкъ работаетъ, потому что самъ ты неспособенъ ни къ какому труду.

К. Калитвинъ *(молча садится)*.

Кондратьевъ.

Вѣдь тебѣ теперь смерть въ садъ хочется, а ты вотъ сидишь со мною.

К. Калитвинъ.

Мнѣ хочется одного: быть окруженному людьми. Я не могу выносить, когда вмѣсто людей передо мной какія-то отвлеченныя понятія, какія-то идейки на ножкахъ. И главное—самомнѣніе выше головы.

Кондратьевъ.

Послушай, ты бы пошелъ къ Ивану Ивановичу, онъ цѣлый день себѣ непріятности выдумываетъ и брюзжитъ съ утра до ночи: васъ совсѣмъ пара.

К. Калитвинъ.

Да ужъ во всякомъ случаѣ больше пара, чѣмъ съ тобой. *(Встаетъ)*. Вотъ Елена Александровна идетъ сюда, можешь самъ наслаждаться бесѣдой съ нею.

II.

Тѣ-же и **Елена** *изъ сада, съ раскрытымъ зонтикомъ.*

Елена.

Опять споръ!.. Да какъ вамъ не стыдно!.. Изъ-за чего опять?

Кондратьевъ.

Да вотъ Костенька! У нихъ нервы ходятъ. Нѣтъ-ли у васъ капелекъ успокоительныхъ? *(Калитвинъ идетъ къ двери въ садъ).*

Елена.

Куда вы?

К. Калитвинъ *(останавливаясь).*

Не хотите-ли заняться: вашъ cousin преподастъ вамъ урокъ энтомологіи... нѣчто о рогатыхъ жукахъ и... божьихъ коровкахъ. А я ухожу, у меня въ головѣ все какъ-то путается, да и душно здѣсь.

Кондратьевъ.

Ты что-же,—на ледникъ пойдешь?

К. Калитвинъ.

Это ты сострить хотѣлъ?

Елена *(топая ногой).*

Перестаньте, точно дѣти, цѣлый день спорятъ! Вотъ я скажу бабушкѣ, чтобъ она васъ безъ обѣда оставила. Что это такое въ самомъ дѣлѣ: никакого слада съ вами нѣтъ.

К. Калитвинъ. *(мрачно).*

Я въ городъ поѣду.

Елена.

Это еще зачѣмъ?

Калитвинъ *(еще мрачнѣе).*

Дѣла!

Елена.

Какія у васъ дѣла въ городѣ! Завтра бабушкино рожденье, и вы не смѣете отъ насъ уѣхать.

К. Калитвинъ.

Мнѣ въ городъ надо.

Кондратьевъ.

Драгоцѣнность ты моя,—въ самомъ дѣлѣ, прогуляйся гдѣ-нибудь въ тѣни, тебѣ на солнцѣ головку напекло.

К. Калитвинъ *(надѣвая шляпу).*

Иванъ Ивановичъ съ бабушкой?

Елена.

Съ бабушкой, въ липовой аллеѣ.

К. Калитвинъ.

До свиданія! *(Въ полъ-оборота).* Чернорабочая сила, фундаментъ науки!.. *(Уходитъ).*

III.

Елена *и* **Кондратьевъ.**

Елена.

Что онъ какой?

Кондратьевъ.

Я вамъ говорю—нервы. Нынче это въ модѣ. Прежде говорили — блажитъ, съ жиру бѣсится, а теперь — нервы...

Елена.

Знаете, Сережа, у васъ ужасный языкъ. Вѣдь вы цѣлыми днями ядовитничаете.

Кондратьевъ.

Такая натура.

Елена.

Что вы къ нему все привязываетесь?

Кондратьевъ.

А то, что мнѣ на этого кисляя смотрѣть противно. Ну, чего онъ мармеладничаетъ цѣлыми днями? У него фабрика, дѣло, занятіе есть, а онъ каждый день къ

вамъ,—да еще иногда, вотъ какъ сегодня, чуть не съ утра закатываетъ.

Елена *(смѣется)*.

Чѣмъ же онъ вамъ мѣшаетъ?

Кондратьевъ.

Всѣмъ. Вѣдь я его давно знаю, въ гимназіи рядомъ сидѣли, въ университетѣ одновременно были. Вѣдь всегда онъ такимъ верхоглядомъ былъ: макушки-да-верхушки, а внизу никакой почвы, такъ болото стоячее, плѣсень...

Елена.

Фу, какой вы сегодня! Вотъ и правда, что бабушка недовольна вами: не люблю, говоритъ, что онъ никакъ не можетъ на людей прямо смотрѣть—во всѣхъ гадость видитъ.

Кондратьевъ.

Ну, нѣтъ, не во всѣхъ,—бываютъ исключенія. Да я въ первой бабушкѣ гадостей не вижу. Прелестная старуха. Да и вы тоже: вы вѣдь чудесное существо.

Елена.

Merci.

Кондратьевъ.

Не за что. А Костьку я все-таки ругать буду; онъ злитъ меня, злитъ такъ, что я просто готовъ временами побить его.

Елена.

За что?

Кондратьевъ.

А за то, что вы съ нимъ разговариваете, за то, что ходите съ нимъ по саду, за то, что онъ липнетъ къ вамъ до неприличія...

Елена *(вспыхнувъ)*.

Ну, Сережа, вы, кажется, могли бы мнѣ этого не говорить. Это не ваше дѣло,—и я не дѣвочка, и вы не гувернеръ.

[redacted]

Кондратьевъ.

Отчего-же? Я вамъ говорю, какъ родственникъ, какъ двоюродный братъ. Чѣмъ-же я виноватъ, что бабушка не видитъ.

Елена *(вставая)*.

Ну, довольно,—я не желаю продолжать этого разговора.

Кондратьевъ.

Да, вамъ желательно было-бы пойти въ липовую аллею...

Елена.

Сережа, замолчите!

Кондратьевъ.

Послушайте,—вѣдь вы умная, право, умная дѣвушка. Я васъ остерегаю. Ну, чего онъ вамъ дался?

Елена.

Мнѣ скучно. Я рада, когда онъ прiѣзжаетъ.

Кондратьевъ.

Со мной скучно?

Елена.

Вообще скучно, а съ вами въ особенности.

Кондратьевъ.

Вѣдь я понимаю, чего ради вы этого несчастнаго за носъ водите. Да-съ, нечего удивленныхъ глазъ дѣлать,—конечно, вы его за носъ водите...

Елена.

Интересно будетъ послушать.

Кондратьевъ.

Оттого, что женщина безъ кокетства жить не можетъ,—если не съ кѣмъ кокетничать, она передъ зеркаломъ начнетъ кривляться, а своего не упуститъ. Вамъ Костенька ни одной минуты не нравится,—я это знаю. Но вамъ прiятно, что онъ, какъ селезень, хво-

стомъ ходитъ за вами и страстно кудахчетъ. Влюбленъ вѣдь, несчастный, врѣзался!

Елена *(сдерживая улыбку).*

Почему-же вы думаете—влюбленъ?

Кондратьевъ.

Что? Да вы-то сами развѣ не видите! Изнываетъ человѣкъ, глаза посоловѣли, галстукъ на боку, ничего не видитъ и не знаетъ. Говоритъ, а у самого уши на сторожѣ,—нейдете-ли вы. Мечется по комнатѣ изъ угла въ уголъ, а ужъ это первый признакъ, — какъ заходилъ человѣкъ по комнатѣ,—баста, влюбленъ.

Елена.

Какая у васъ прозорливость, Сережа. Вы очень наблюдательны; вы наблюдательны, умны. И все-таки жестоко ошибаетесь.

Кондратьевъ.

Я-съ? въ этомъ? Да его портретъ иначе рисовать нельзя, какъ амуромъ съ крылышками, и на голубенькой ленточкѣ колчанъ за спиной. Онъ въ облакахъ паритъ. Вчера-то въ бесѣдкѣ былъ какой паѳосъ—фу!

Елена.

За вами водится, Сережа, прегадкая привычка—вы шпіоните.

Кондратьевъ.

Какъ—я?

Елена.

Сознайтесь, откуда-же вы знаете, что онъ говорилъ мнѣ въ бесѣдкѣ?

Кондратьевъ.

Ага, попались! Я сказалъ наугадъ. Я шелъ вчера вечеромъ по саду, вижу васъ вдвоемъ, онъ безъ шляпы и рукой все такъ, такъ. *(Показываетъ какъ).*

Елена.

А я что?

Кондратьевъ.

Вы что? А право, не знаю. Надо полагать, ничего. Онъ все руками махалъ и все что-то на лобъ показывалъ,—дескать у меня тутъ ничего нѣтъ, безъ ума отъ васъ... Еслибъ онъ мнѣ въ эту минуту подвернулся, да еслибъ у меня была палка...

Елена.

Такъ вы преспокойно стали-бы гулять съ нимъ по саду. Знаю я васъ, Сережа, не первый годъ. На словахъ вы прескверный человѣкъ, а на дѣлѣ гораздо лучше.

Кондратьевъ.

Ну, ужъ даю вамъ слово: если онъ не прекратитъ этого ферлакурства съ вами—я его отсюда выпровожу. Не знаю какъ—но его здѣсь не будетъ.

Елена.

Какъ вы смѣете въ домѣ бабушки такъ распоряжаться?

Кондратьевъ.

Смѣю-съ.

Елена.

Вы этого не сдѣлаете.

Кондратьевъ.

Отчего?

Елена.

Я не хочу.

Кондратьевъ.

Посмотримъ.

IV.

Тѣ-же, на балконѣ показывается **Тихонъ.**

Тихонъ *(снимая шляпу).*

Алёна Лексановна, — баушкѣ газеты. *(Вынимаетъ изъ сумки).*

Елена.

Положи на столъ.

Тихонъ *(кладя письмо)*.

У васъ хорошо въ домѣ, Алёна Лексановна, у васъ газетъ никто не читаетъ.

Елена.

А ты почемъ знаешь?

Тихонъ.

Да вонъ онѣ кучкой на балконѣ складены, и бандароль цѣла... *(Отирая лобъ)*. Теплынь-то какая и-и Господи! Послѣ намеднишняго дождя грибъ пошелъ. Лѣскомъ этто я бѣжу, а боровички-то такъ кучками, кучками... *(Отворяя сумку)*. Коскенкинъ Лексѣичъ, должно, тутъ, у васъ?

Елена.

Тутъ.

Тихонъ.

Ему тоже письмо есть... Чтобъ не нести къ нимъ, я оставлю.

Кондратьевъ.

А ты почемъ знаешь, что онъ здѣсь?

Тихонъ.

Да они здѣсь кажинный день...

Кондратьевъ *(вполголоса Еленѣ)*.

Дождались?

Тихонъ.

Надо полагать, французская марка, съ ликомъ. Ужъ вы, Алёна Лексановна, передайте имъ.

Елена.

Положи вмѣстѣ съ письмами.

Тихонъ *(оставивъ письма)*.

Прощайте! *(Уходитъ)*.

V.

Елена *и* **Кондратьевъ.**

Кондратьевъ.

Дождались! рады! въ деревнѣ заговорили—„кажинный день“...

Елена.

Сережа, что вы ко мнѣ привязываетесь; отстаньте, пожалуйста. Вы говорите, что у Калитвина нервы, а у васъ-то что? По цѣлымъ днямъ привязываетесь.

Кондратьевъ.

Радуйтесь: скоро уѣду.

Елена.

Васъ никто не гонитъ.

Кондратьевъ.

Гонятъ—и гоните вы!

Елена.

Я?

Кондратьевъ.

Да,—вотъ посмотрите, какъ ваши глазенки блеснули. Молнія, а не глаза,—я отъ нихъ и бѣгу.

Елена.

Перестаньте,—вы кажетесь такимъ серьезнымъ человѣкомъ, а иногда Богъ знаетъ, что городите. *(Смотритъ заграничное письмо)*.

Кондратьевъ.

Интересно?

Елена *(вздрогнувъ)*.

Что?

Кондратьевъ.

Отъ кого и откуда? *(Подходитъ къ ней)*. Дайте посмотрю. *(Беретъ письмо)*. Почеркъ мелкій, сбитый, должно быть, женскій, видна неустойчивость въ харак-

терѣ, слабосиліе... *(Нюхаетъ).* Надушено, или нѣтъ?.. *(Смотря ей въ глаза).* Откуда-бы это могло быть?

Елена *(быстро раскрываетъ зонтикъ, и хочетъ итти).*

Кондратьевъ.

Постойте, вы сердитесь... не сердитесь, Лена.

VI.

Тѣ-же и **Анна Дмитріевна** *изъ сада; потомъ* **Ѳедоръ.**

Анна Дмитр.

Принесъ письма Тихонъ?

Елена.

Нѣтъ, бабушка, только газеты.

Анна Дмитр. *(Кричитъ въ садъ).*

Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ, письмà нѣтъ.— А у васъ ужъ опять лица надуты! Что это, отецъ мой, ты всѣхъ баломутишь?

Кондратьевъ.

Я ничего—жука смотрю.

Анна Дмитр.

Да, ничего—какъ-же! Ужъ вѣрно фыркалъ на кого. Правда, Лена?

Кондратьевъ.

Я бабушка, васъ хвалилъ.

Анна Дмитр.

Съ чего-же это ты?

Кондратьевъ.

Говорилъ, что вы такая милая, разсудительная...

Анна Дмитр.

Скажите, какъ поетъ! Да что тебѣ денегъ въ долгъ надо, что-ли?

Кондратьевъ *(обидясь).*

Бабушка, да когда-же я у васъ денегъ бралъ?

Анна Дмитр.

Знаю, что не бралъ, вотъ и удивляюсь,—съ чего-же ты меня хвалить-то началъ?

Кондратьевъ.

Ну, ужъ кто пессимистъ, бабушка, такъ это вы: коли захотите, вы въ человѣкѣ такую изнанку найдете, какой никому и не придумать.

Анна Дмитр.

Пес-си-мистъ... гм! Слово-то какое скажетъ,—пессимистъ! Я, отецъ мой, старуха, много видѣла на вѣку, потому такъ и разсуждаю. А ты—другое дѣло. Ты обязанъ все съ хорошей стороны видѣть...

Кондратьевъ.

Это почему-же?

Анна Дмитр.

А потому что ты не искусился. Ты юнъ еще,—ты не не имѣешь права на людей скверно смотрѣть.

Кондратьевъ.

Я, бабушка, на все имѣю право.

Анна Дмитр.

Скажи на милость, какой выискался! Да кто тебѣ это право далъ? Тебя выучили, образовали, сытъ, обутъ, вытянулся въ коломенскую версту,—чего тебѣ еще надо? А ты еще бранишься.

Елена *(вынимаетъ изъ рабочей корзинки вышиванье, и потомъ садится слѣва работать).*

Хорошенько его, бабушка, хорошенько! Что это въ самомъ дѣлѣ,—онъ только васъ однѣхъ и слушаетъ. Вотъ чѣмъ разныя глупости говорить, вы бы сюрпризъ къ завтрашнему дню рожденія для бабушки приготовили.

Кондратьевъ.

Танецъ съ кастаньетами?

Анна Дмитр.

Зачѣмъ танецъ,— а ты-бы вотъ чѣмъ меня утѣшилъ: взялъ-бы да постригся. Чего у тебя космы-то висятъ? Пѣгій, клокоченый. Срамота, отецъ мой, всякій умный человѣкъ осудитъ.

Кондратьевъ.

Сомнѣваюсь, чтобы всякій...

Анна Дмитр.

Ты во всемъ сомнѣваешься. Вѣдь ты, я думаю, и въ Богѣ сомнѣваешься? Вѣдь, по твоему, все изъ мыльнаго пузыря пошло. Отчего ты къ обѣднѣ никогда не ходишь? Поѣдемъ вотъ завтра, и Калитвинъ съ нами ѣдетъ, а тоже молодой человѣкъ.

Кондратьевъ.

Такъ вѣдь онъ для Лены ѣдетъ.

Анна Дмитр.

Охъ, Сергѣй Николаевичъ! Разсердишь ты меня когда-нибудь, я велю заложить лошадей и свезти тебя на станцію.

Кондратьевъ.

Да что я, тюкъ—что-ли?

Анна Дмитр. *(звонитъ).*

Ты хуже: ты ужасно безпокойный человѣкъ!

Кондратьевъ.

Это вы что-же звоните? Укладывать меня на станцію будете?

Ѳедоръ *(входитъ справа).*

Анна Дмитр.

Что ты до сихъ поръ не накрываешь на столъ? обѣдать пора. *(Ѳедоръ уходитъ).*

Кондратьевъ.

Ну, какъ-же вамъ не удивляться, бабушка! О сотво-

реніи міра говорите, а сами объ обѣдѣ думаете. У васъ вѣдь въ головѣ образцовый порядокъ, все равно какъ въ хозяйствѣ. Знаете, бабушка, я вашу голову не могу иначе представить, какъ большимъ-большимъ шкапомъ... И тамъ ящички, отдѣленія,—въ такомъ порядкѣ, по ранжиру разложено.

Елена.

Благодарите, бабушка, а? со шкапомъ сравнилъ васъ,—мило, не правда-ли?

VII.

Тѣ-же,—изъ сада входятъ: **Ставучановъ** *и молодой* **Калитвинъ. Өедоръ** *въ глубинѣ накрываетъ на столъ.*

Ставучановъ.

Вы говорите, газеты принесли. Гдѣ? А, вотъ! *(Беретъ газеты, надѣваетъ пенснэ и садится въ качалку).*

Елена *(Калитвину).*

А вамъ письмо. *(Подаетъ ему).*

Калитвинъ *(взглянувъ на письмо, радостно).*

А-а! наконецъ-то.

Кондратьевъ.

Обрадовался?

Анна Дмитр. *(очень добродушно).*

Да полно тебѣ! Ну, обрадовался человѣкъ, обрадовался,—письмо хорошее, отъ того, кого любитъ, получилъ. Вѣдь это вотъ ты никого не любишь!

Кондратьевъ.

Я васъ люблю, бабушка, и письма ваши люблю получать.

Анна Дмитр.

Да, я думаю, тамъ разныя ошибки выискиваешь, да смѣешься надъ старухой!

Кондратьевъ.

Безъ запятыхъ вы, бабушка, пишете,—такъ это еще лучше: прочтешь скорѣй.

Ставучановъ (*внезапно вскрикиваетъ*).

А!

Всѣ.

Что вы?

Ставучановъ.

Представьте: опять денежную почту ограбили!..

Анна Дмитр.

Фу, какъ вы постоянно всѣхъ всполохнете, отецъ мой!

Ставучановъ.

Да нѣтъ, представьте,—въ одинъ мѣсяцъ—два случая ограбленія... Вѣдь это что-же? чѣмъ мы гарантированы...

Анна Дмитр.

Гдѣ-же это—у насъ?

Ставучановъ.

Нѣтъ... это... это... (*ищетъ въ газетѣ*)... въ Одессѣ.

Өедоръ (*Аннѣ Дмитріевнѣ*).

Ваше превосходительство, васъ на кухню просятъ.

Анна Дмитр.

Иду! (*Ставучанову.*) Бросьте вы это, что вамъ за охота! Каждый разъ, какъ возьмете въ руки газету, такъ и разстроитесь...

Кондратьевъ.

И я пойду съ вами, бабушка,—мнѣ безъ васъ скучно. Да и жука на новомъ мѣстѣ жительства водворить надо. Вы посмотрите, какіе сяжки!

Анна Дмитр.

Пошелъ ты! Тычетъ мнѣ въ носъ своего таракана,—

невидаль какая! Вотъ я пойду на счетъ ботвиньи справиться—это куда интереснѣе... Пошелъ!

Кондратьевъ.

Сяжки, бабушка, сяжки!... *(Уходятъ оживленно разговаривая).*

VIII.

Елена, Калитвинъ, Ставучановъ; *въ глубинѣ* **Ѳедоръ** *накрываетъ на столъ.*

Елена *(небрежно).*

Отъ кого письмо?

Калитвинъ.

Изъ-за границы: образцы бумаги высланы,—отецъ давно ужъ ждетъ; посмотрите, какой связный почеркъ. (*Протягиваетъ письмо.*)

Елена (*не беретъ его*).

Скажите, за что васъ такъ не любитъ Сережа?

Калитвинъ.

Не знаю... отъ самомнѣнія, должно быть, чертовскаго. Онъ ко мнѣ здѣсь приставалъ, приставалъ... я боюсь, какъ-бы у насъ не кончились наши отношенія серьезной ссорой...

Елена (*украдкой, взглянувъ на Ставучанова*).

Онъ все меня вами дразнитъ, все говоритъ о томъ, что вы фабрику бросили.

Калитвинъ.

Пусть говоритъ, вѣдь это правда... Ахъ, Елена Александровна, странная вы дѣвушка,—Богъ васъ знаетъ. Вѣдь вы все хорошо видите, понимаете, вы видите, что я нездоровъ: развѣ это нормально—бросить, кинуть все свое дѣло.

Елена.

Зачѣмъ-же вы его бросаете?

Калитвинъ.

Не могу же я и на фабрикѣ, и здѣсь быть въ одно время. А я вѣдь у васъ днюю и ночую. Срамъ сказать: на прошлой недѣлѣ ночевать остался, испугался дождика,—это въ восьми-то верстахъ отъ дома! Я удивляюсь долготерпѣнію вашей бабушки, что она позволяетъ мнѣ торчать здѣсь съ утра до ночи.

Елена *(смѣется)*.

Она васъ любитъ. Если вы долго не ѣдете, она начинаетъ безпокоиться, трясетъ своими ключами: „Ахъ, гдѣ онъ, да что онъ, да не случилось-ли чего?" Даже разъ на дорогу выходила смотрѣть... (*Пауза*). Ну, ужъ такъ и быть,—скажу вамъ одну вещь.

Калитвинъ.

Ну?...

Елена.

Не надо бы говорить вамъ—не стòите вы...

Калитвинъ.

Не стòю?

Елена *(очень внимательно работаетъ)*.

На-дняхъ прихожу я къ бабушкѣ въ спальню прощаться, она перекрестила меня,—она всегда меня на ночь креститъ,—да и говоритъ... *(Останавливается и начинаетъ считать кресты на узорѣ)*.

Калитвинъ.

Ну, ну?..

Елена.

Постойте, не мѣшайте... *(Досчитавъ)*. Смотритъ мнѣ въ глаза, да и говоритъ: „порá!"

Калитвинъ.

Какъ? порá, и больше ничего?

Елена.

Да—такъ вотъ—порá, и больше ничего.

Калитвинъ.

Такъ что-же тутъ... что-же вы мнѣ не хотѣли сказать?..

Елена.

Извините, вы иногда бываете ужасно...

Калитвинъ.

Глупъ?

Елена.

Именно. А я, знаете, что бабушкѣ сказала? Я сказала: „Бабушка, у насъ такъ хорошо, такъ уютно, свѣжо, душисто въ нашемъ уголкѣ. Такая тишь у насъ, спокойствіе—мы себѣ точно гнѣздышко въ цвѣтахъ свили..."

Калитвинъ.

Да вѣдь нельзя-же весь вѣкъ въ гнѣздышкахъ сидѣть, вѣдь и на чистый воздухъ потянетъ.

Елена.

Куда отсюда потянетъ,—вы оглянитесь, какая прелесть у насъ. Тѣнь, ароматъ,—а у пруда такъ прохладно, даже сыро. Вотъ мы туда пойдемъ съ вами послѣ обѣда.

Калитвинъ.

Всѣ вмѣстѣ?

Елена.

Всѣ,—и бабушка, и Иванъ Ивановичъ, — всѣ пойдемте,—и Сережа.

Калитвинъ.

Вотъ это мнѣ и невыносимо... Понимаете, я хочу быть одинъ съ вами, глазъ-на-глазъ, мнѣ тяжело, я не могу быть со всѣми... Бабушка вамъ говоритъ: „порá!" Послушайте бабушку. (*Беретъ ея руку*). Вѣдь вы видите, что порá,—ну, пожалѣйте меня... Я совсѣмъ безъ ума...

Елена.

Что вы, вѣдь здѣсь Иванъ Ивановичъ!

Калитвинъ.

Онъ занятъ, не слышитъ... Лена, ну ради Бога! Я вамъ такой цвѣтникъ устрою—пышнѣе здѣшняго... Лена...

Елена.

Вотъ бабушка... *(Кидается ей на встрѣчу)*.

IX.

Тѣ-же и **Анна Дмитріевна.**

Елена.

Бабушка, милочка, голубчикъ!.. *(Цѣлуетъ ее)*.

Анна Дмитр.

Тише—ты! Старуху съ ногъ свалишь! Ключи я здѣсь забыла.

Елена.

Давайте ключи, я въ кладовую вмѣсто васъ сбѣгаю... Давайте!..

Анна Дмитр.

Батюшки, да она никакъ плачетъ...

Елена.

Милая, душечка... *(Цѣлуетъ)*. Вотъ вамъ, красота моя, вотъ вамъ! *(Убѣгаетъ)*.

X.

Тѣ-же безъ **Елены.**

Анна Дмитр.

Что это у васъ случилось?

Калитвинъ.

Я не знаю, право... ничего.

Анна Дмитр. *(качая головой)*.

Э-эхъ,—посмотрю я на васъ: какіе вы всѣ—все вы что-то скрываете, таите въ себѣ, а на свѣтъ-то все

видно. Вы вотъ, какъ страусы: въ песокъ сунетъ голову и думаетъ, что спрятался. Я вѣдь все вижу! *(Ерошитъ ему волосы)*. Ахъ, ты! Молода она у меня, вотъ что... Терпи, казакъ...

Ставучановъ *(вскрикиваетъ)*.

Вотъ, вотъ!

Анна Дмитр.

Ну, что опять случилось?

Ставучановъ. *(въ сильномъ волненіи)*.

Вообразите... вообразите!

Анна Дмитр.

Ну, ну?

Ставучановъ.

Въ обществѣ... въ обществѣ у насъ.

Анна Дмитр.

Ну, что-что?

Ставучановъ.

У насъ, у насъ!

Анна Дмитр.

Да читайте, что такое...

Ставучановъ *(прерывающимся голосомъ читаетъ)*.

„Мы слышали, что въ одномъ обширномъ акціонерномъ обществѣ обнаружена растрата, достигающая полумильона рублей... Кассиръ скрылся неизвѣстно куда"... *(Безпомощно разводя руками)*. Что-же мнѣ теперь дѣлать... а? Ну, что-же мнѣ теперь дѣлать?..

Калитвинъ *(взявши газету)*.

Да развѣ это въ вашемъ обществѣ?

Ставучановъ.

Въ нашемъ, въ нашемъ!

Калитвинъ.

Да почему-же, развѣ, у васъ кассиръ сомнительный человѣкъ?

Ставучановъ.

Кассиръ—честнѣйшая душа, безусловно честнѣйшая... Человѣкъ семейный... Но вѣдь нужда...

Калитвинъ.

Содержаніе небольшое?

Ставучановъ.

Содержаніе большое! Но соблазнъ съ деньгами, касса постоянно на глазахъ,—вѣдь не камень...

Калитвинъ.

Ревизіи развѣ не было?

Ставучановъ.

Была! Я самъ ревизовалъ. Да вѣдь мы этого не понимаемъ. Показываетъ расходъ, балансъ, дивидендъ и чортъ его знаетъ еще что,—ну и подпишешь.

Анна Дмитр.

Да почему-же вы знаете, что это непремѣнно у васъ?

Ставучановъ (*чуть не со слезами*).

У насъ, у насъ! У насъ еще никогда не воровали, никогда! Такъ долго не могло тянуться. Я все говорилъ: „охъ, украдутъ!" Ну вотъ и вышло по моему, и вышло!

Анна Дмитр.

Да успокойтесь, полно...

Ставучановъ (*вынимая платокъ*).

Помилуйте, тамъ украдетъ какой-нибудь мерзавецъ,—а ты за него подъ судъ идешь. Скажутъ—не ревизовалъ, а какъ ты его уревизуешь! У него вотъ все цифры. Тутъ цифры, тамъ цифры,—не считать же по счетамъ. Я не могу, я въ отставку подамъ, мнѣ мой покой дороже... Покажите, гдѣ это тутъ?

Калитвинъ (*подавая газету*).

Вотъ!

Ставучановъ (*читаетъ*).

„Въ одномъ обширномъ акціонерномъ обществѣ"... Это у насъ... Я въ Петербургъ поѣду... (*Встаетъ*).

Анна Дмитр.

Полно вамъ, у меня ботвинья съ лососиной,—чего вы...

Ставучановъ.

Я вѣдь былъ свидѣтелемъ такихъ примѣровъ, былъ! Честный, прекрасный человѣкъ,—если въ долгъ возьметъ на слово, такъ ужъ во что-бы то ни стало, въ срокъ отдастъ. Прямая, открытая душа... И вдругъ взялъ, и укралъ сто тысячъ! Такъ прямо въ сундукъ пошелъ, запустилъ лапу и выгребъ. На меня, говоритъ, аффектъ нашелъ. А аффектъ-то потомъ оказался танцовщицей. А тоже человѣкъ семейный. (*Ходитъ въ волненіи*).

Калитвинъ.

Вѣдь это все еще ваши фантазіи, вѣдь вы ничего не знаете.

Ставучановъ.

Все знаю! Не украсть нельзя. Какъ-же можно не взять, коли другой украдетъ. А на судѣ, конечно, оправдаютъ, потому что въ аффектѣ... Я въ отставку подамъ...

Анна Дмитр.

Да полно вамъ малодушествовать, точно недоросль.

Ставучановъ.

Я поѣду.

Калитвинъ.

Пошлите телеграмму кому-нибудь,—спросите, все-ли благополучно.

Ставучановъ (*останавливаясь*).

А... это мысль! Да! да... надо послать. Я, знаете, я прямо на его имя: кассиру, самое вѣрное.

Калитвинъ.

И прекрасно!

Ставучановъ (*жметъ Калитвину руку*).

Весьма обязанъ,—это меня успокоитъ.

Анна Дмитр.

У меня въ комнатѣ напишите—тамъ и бумага, и перья есть.

Ставучановъ.

Да, я пойду...

XI.

Тѣ-же и **Кондратьевъ.**

Ставучановъ (*на ходу*).

Вотъ, батюшка... (*Тычетъ пальцемъ въ газету*). Вотъ ныньче какъ: одинъ неизвѣстно куда скрылся, а другого за это въ тюрьму сажаютъ. Хорошо время—нечего сказать. *(Уходитъ).*

Кондратьевъ.

Кого это въ тюрьму сажаютъ?

Анна Дмитр.

Всполошился, старикъ, жалко мнѣ его.

Ѳедоръ *(поставивши миску).*

Кушать готово, ваше превосходительство.

Анна Дмитр.

Скажи барышнѣ... *(Ѳедоръ уходитъ).* А что-жъ отецъ не пріѣдетъ сегодня?

Калитвинъ.

Онъ занятъ на фабрикѣ. Вечеромъ онъ свободенъ...

Анна Дмитр.

Да, сынокъ что-то мало отцу помогаетъ...

Кондратьевъ.

Помилуйте, когда-же ему!

XII.

Тѣ-же **Ставучановъ,** *потомъ* **Елена** *и* **Ѳедоръ.**

Ставучановъ *(съ бумагой и карандашомъ).*

Я не знаю, куда-же мнѣ писать,—вѣдь онъ неизвѣстно куда скрылся?.. Если на Петербургскую квартиру къ нему...

Калитвинъ.

Напишите туда.

Ставучановъ.

Да и какъ написать? Нельзя-же прямо: „правда-ли, что вы украли“?

Калитвинъ.

Нельзя. Спросите,—все-ли въ „обществѣ“ благополучно, и больше ничего.

Ставучановъ.

Это слишкомъ ясный намекъ, можно обидѣть. А если такъ; „не было ли въ Петербургѣ кражъ“?

Кондратьевъ.

Онъ вамъ и отвѣтитъ: вчера украдено бѣлье съ чердака въ Гороховой улицѣ.

Ставучановъ.

Да, это неловко. (*Входитъ Елена*).

Анна Дмитр.

Послѣ обѣда придумаете. Теперь садитесь кушать, а то ботвинья согрѣется.

Елена.

Умертвили жука?

Кондратьевъ.

Умертвилъ. Онъ васъ, кажется, интересуетъ: герой дня?

Елена.

А знаете, мнѣ ихъ очень жалко, когда вы ихъ протыкаете булавкой!

Кондратьевъ.

Что за сентиментальность! Какъ вамъ не стыдно,— ужъ хоть бы не разсказывали...

Елена.

Отчего-же,—я что думаю, то и говорю...

Анна Дмитр.

Ну, садитесь, садитесь... Иванъ Ивановичъ, полно! Идите сюда.

Калитвинъ (*проходя мимо Елены*).

Ужъ я сегодня добьюсь отъ васъ отвѣта.

Ставучановъ (*затыкая за воротъ салфетку*).

А если такъ: „до меня дошло свѣдѣніе"...

Өедоръ (*подставляя ему блюдо*).

Пожалуйте!

Ставучановъ (*беретъ лососину*).

„До меня дошло свѣдѣніе, что въ обществѣ произошло нѣкоторое недоразумѣніе, сущность котораго хотя мнѣ неизвѣстна, но..."

Анна Дмитр.

Что-же вы раковыхъ шеекъ не взяли?.. Өедоръ, подай...

Ставучановъ (*беретъ*).

„Но, тѣмъ не менѣе, прошу мнѣ отвѣтить, на сколько слухъ этотъ..."

Занавѣсъ скрываетъ обѣдающихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная. Прямо—большое венеціанское окно въ садъ. Налѣво, на первомъ планѣ, отдѣленъ ширмочками уютный уголокъ: диванъ и нѣсколько креселъ. Между ними раскрытъ ломберный столъ. Направо кушетка и маленькій столикъ. Съ потолка висячая лампа съ матовымъ колпакомъ тюльпаномъ. Двери въ боковыхъ стѣнахъ на самомъ заднемъ планѣ. Вообще комната дѣлаетъ нѣсколько яркое, но весьма уютное впечатлѣніе. Къ концу акта, въ окнѣ совершенная темнота.

I.

Молодой Калитвинъ *сидитъ въ креслахъ. Изъ правыхъ дверей показывается* **Өедоръ.**

Өедоръ.

Кенскенкинъ Алексѣичъ, папенька пріѣхали.

Калитвинъ.

Да?

Өедоръ.

Съ Иванъ Ивановичемъ на балконѣ стоятъ. Бесѣдуютъ о чемъ-то.

Калитвинъ.

Ага!

Өедоръ.

Видъ очень пріятный у вашего папеньки, степенный. Особливо сегодня. Такъ словно бы они пріѣхали по какому дѣлу не терпящему, въ смыслѣ объясненія.

Калитвинъ.

Какого объясненія?

Өедоръ.

То-есть оно, конечно, хотя намъ и не вѣдомо, а все-же по догадкамъ...

Калитвинъ.

Что такое?

Өедоръ.

Дѣло видное, Кенскенкинъ Алексѣичъ, тутъ глазъ не отведешь... Можно сказать, какъ на ладонькѣ: во всѣ стороны.

Калитвинъ.

Что видно-то, говори, старина!

Өедоръ *(таинственно)*.

Приказано лампу зажечь. *(Показываетъ на нее)*. Торжество!

Калитвинъ.

Рожденье завтра.

Өедоръ.

Господи,—что рожденье! Не въ рожденьѣ дѣло—рожденье кажный годъ,—да и праздникъ нѣмецкій: у насъ больше ангела справляютъ, чѣмъ рожденье по плоти... Не тѣмъ пахнетъ-съ... *(Приставляетъ стулъ, чтобы влѣзть къ лампѣ)*. Это бываетъ, Кенскенкинъ Алексѣевичъ, часто бываетъ... Все нѣтъ ничего, нѣтъ ничего,—анъ посмотришь, и есть... Вотъ тоже сосѣдка генеральша Перехтѣева, дочку съ офицеромъ застала,—можно сказать, скандалъ... *(Осматривая лампу)*. Ишь сколько пыли-то на ней насѣло... Ну, и что же? Все даже въ благополучномъ видѣ обошлось. Съ феверокомъ свадьба была.

Калитвинъ.

Да къ чему ты все это несешь?

Ѳедоръ (*зажигая лампу*).

Я къ тому, Кенскенкинъ Алексѣевичъ, чтобы вы не сомнѣвались. Въ такомъ случаѣ сомнѣнье не годится... (*Слѣзаетъ со стула*). Вотъ племянница вдовы инженерной, что въ Лопухинкѣ живетъ, та съ землемѣрнымъ подмастерьемъ сбѣжала,—послѣднее дѣло! (*Увидя входящаго Алексѣя Павловича.*) Здравствуйте, батюшка Алексѣй Павловичъ! Никакъ вы къ намъ пѣшкомъ пожаловали?

II.

Тѣ-же и **Алексѣй Павловичъ.**

Алексѣй Павл.

Пѣшкомъ, братецъ, пѣшкомъ.. Моціонъ дѣлаю.

Ѳедоръ.

Молодецъ, вы, ей Богу, молодецъ... А я вотъ лампу зажигалъ. (*Уходитъ.*)

Алексѣй Павл.

Послушай, зачѣмъ меня выписали? Пишутъ—нужно...

Калитвинъ.

Не знаю,—для винта, должно быть.

Алексѣй Павл.

Только? Больше не за чѣмъ?

Калитвинъ.

Полагаю.

Алексѣй Павл.

А!... а я, было, думалъ...

Калитвинъ (*быстро*).

Что?

Алексѣй Павл.

Я думалъ, что ты сдѣлалъ... То-есть я ничего не думалъ, я такъ...

Калитвинъ.

Говори, отецъ, что хотѣлъ сказать.

Алексѣй Павл.

Ничего я не хотѣлъ сказать... (*Смотритъ въ окно.*) Ишь, какъ у нихъ цвѣтникъ-то разросся!

Калитвинъ.

Говори, отецъ, что ты хотѣлъ сказать?

Алексѣй Павл.

И лиліи, и гіацинты... А это вотъ что? темно становится, не вижу...

Калитвинъ.

Отвѣчай, отецъ, что ты подумалъ?

Алексѣй Павл.

Да отстань ты отъ меня, что ты присталъ!.. Что я подумалъ? Мало-ли что я подумалъ,—такъ все и докладывать!

Калитвинъ.

Нѣтъ, отецъ, ты мнѣ скажешь, я это долженъ знать...

Алексѣй Павл. (*рѣзко повернувшись къ нему, почти съ крикомъ*).

Подумалъ, что ты предложеніе Ленѣ сдѣлалъ,—вотъ что подумалъ!

Калитвинъ (*послѣ паузы*).

Ну, а если-бы это было такъ,—что-бы ты сказалъ?

Алексѣй Павл. (*сердито ходя*).

Это твое дѣло,—мнѣ-то что, женись.

Калитвинъ (*посмѣиваясь*).

Скажи правду; вѣдь ты бы не особенно желалъ этого? Что-же ты молчишь?

Алексѣй Павл.

Не особенно желалъ-бы? не особенно? ты думаешь? (*Подходя къ нему, въ упоръ*). Да знаешь-ли ты, что такое женитьба? Знаешь-ли ты, что такое жена?

Калитвинъ.

Кажется, я...

Алексѣй Павл.

Ты ничего не знаешь,—ты мальчишка, молокососъ, Ты не видѣлъ, ты не знакомъ съ жизнью. Ты вотъ теперь свободный человѣкъ, обезпеченный, у тебя есть занятія—фабрика твоя; есть дѣло,—ты можешь служить, путешествовать; ты образованъ, уменъ,—ну чего тебѣ еще надо, чего надо? Нѣтъ вотъ: мало спокойной жизни, мало своего угла,—непремѣнно надо лѣзть въ петлю!

Калитвинъ.

Ужъ и въ петлю! Ты скажешь!

Алексѣй Павл.

Въ петлю,—конечно, въ петлю! Знаешь-ли ты, что такое женитьба? Это значитъ, что въ твоей комнатѣ явятся стклянoчки, баночки, уксусы, пудры, всякая дрянь, на креслѣ—туфли, корсетъ, на ночномъ столикѣ—шпильки, въ углу—туалетное зеркальце, на зеркальцѣ—папильйотки. Вставать, какъ человѣкъ, ты ужъ не можешь, надо все дѣлать осторожно, чтобы не разбудить жену: ходи на цыпочкахъ, ни крикнуть прислугу, ни позвонить нельзя,—это въ своемъ-то домѣ, понимаешь? А потомъ жена нездорова. Слышишь: не-здо-ро-ва! А знаешь-ли, что значитъ—она нездорова? Сегодня ей подавай кислой капусты, завтра кружевную мантилью, послѣ-завтра коляску на резинкѣ, а потомъ тамъ еще что нибудь. Ты не можещь пройти мимо: полъ скрипитъ, это отдаетъ ей въ голову. Солнце тѣмъ мѣшаетъ ей, что свѣтитъ, поэтому она днемъ не выходитъ. Вечеромъ она боится летучихъ мышей и лягушекъ, поэтому не сидитъ даже на балконѣ. А между тѣмъ, докторъ предписалъ движеніе... Наконецъ, наступаетъ время—ты ждешь наслѣдника... Ты въ восторгѣ отъ

этой мысли, ты рѣшился назвать его Костькой, ты ждешь, понимаешь-ли ты этотъ восторгъ,—ты ждешь наслѣдника, представителя твоей фамиліи!

Калитвинъ.

Что-жъ тутъ ужаснаго?

Алексѣй Павл.

А то ужасно, что вдругъ родится дѣвчонка! Всѣ твои надежды—все рухнуло... Или еще того хуже: ты мальчишекъ не любишь. Буяны, драчуны,—исторія съ классическими гимназіями!.. Ты хочешь, чтобъ была дѣвочка, собираешься ее назвать Капочкой или Кирочкой,—и вдругъ судьба преподноситъ тебѣ мальчишку!

Калитвинъ *(смѣется)*.

Ну, съ этимъ можно еще примириться: несчастье не такъ еще велико.

Алексѣй Павл.

А фабрика? Ты думаешь, тебѣ фабрика пойдетъ въ это время въ голову? Пойдетъ? У тебя въ головѣ будутъ пеленки, кормилицы, зубки, женины турнюры,—и ужъ никакъ не артельщики и комиссіонеры. Ты вотъ теперь интересуешься финляндскимъ производствомъ и пошлинами, и всѣмъ этимъ, а. тогда ты скажешь: „а мнѣ провались всѣ фабрики,—у Капочки желудочекъ разстроенъ, для меня это важнѣе всего въ мірѣ"... И ты будешь правъ, совершенно правъ и счастливъ.

Калитвинъ.

А если счастливъ—чего-жъ тебѣ еще надо?

Алексѣй Павл.

Понимаешь: ты подъ стеклояннымъ колпакомъ будешь. Ты ужъ не будешь, какъ человѣкъ, какъ всѣ... Ты будешь семьянинъ! Ты будешь банкротъ, потому что все лопнетъ, все полетитъ въ трубу!..

Калитвинъ.

Скажи прямо—тебѣ не нравится Елена Александровна?

Алексѣй Павл.

Мнѣ не нравится? Елена Александровна превосходная дѣвушка,—во всѣхъ отношеніяхъ превосходная!

Калитвинъ.

Ну такъ, что-жъ?.. Эхъ, отецъ! Ты думаешь, я не вижу!—отлично вижу, въ чемъ дѣло. Ты просто любишь меня... Ты меня ревнуешь къ будущей женѣ. Ты знаешь, что я теперь одного тебя люблю, а тогда любовь моя раздѣлится...

Алексѣй Павл. (*смущенно*).

Что ты! вотъ вздоръ!

Калитвинъ (*трепля его по плечу*).

Полно, отецъ,—отъ меня этого не скроешь. Я тебя знаю: ты вѣдь прелестный, ты безконечно-чудесный у меня старикъ... (*Обнимаетъ его*).

Алексѣй Павл. (*внезапно всхлипнувъ*).

Костька, Костька,—дуракъ ты! Единственный мой! (*Крѣпко его цѣлуетъ*). Чертъ тебя возьми, дѣлай ты, что хочешь,—ну, женись ты, женись...

III.

Тѣ-же и **Анна Дмитріевна.**

Анна Дмитр.

А, пріѣхалъ,—что, отецъ мой, поздно? А мы васъ къ обѣду ждали. Что это вы съ сыномъ-то цѣлуетесь, не видались сегодня?

Алексѣй Павл. (*цѣлуя ея руку*).

Не видались. Да гдѣ-же видѣться: онъ къ вамъ совсѣмъ переселился. Какъ вы его терпите?

Анна Дмитр. (*шутливо*).

Ничего,—ужъ такъ, кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ.

Алексѣй Павл.

Вы бы гнали его,—вѣдь что безъ него дѣлается! Вся

фабрика — вверхъ дномъ! Рабочіе пьянствуютъ, всѣ разбѣжались, книги запущены, матерьялы не записаны.

Анна Дмитр.

Ну, отецъ мой, вы прибавляете, — чтобы у васъ на фабрикѣ да было что запущено: никогда не повѣрю, не можетъ этого быть... *(Кладетъ руку на плечо молодого Калитвина)*. Ишь ты, какой онъ хорошій у вас! Кабы была я помоложе — влюбилась бы...

Калитвинъ *(цѣлуетъ у нея руку)*.

Анна Дмитр.

Ну, чего ты сидишь, иди на балконъ. Лена одна тамъ.

Калитвинъ *(опять цѣлуетъ руку, протягиваетъ руку отцу, хочетъ что-то ему сказать, но потомъ быстро уходитъ)*.

IV.

Анна Дмитріевна *и* **Алексѣй Павловичъ.**

Анна Дмитр.

Что это онъ ласковый какой сегодня, никогда этого съ нимъ не бывало.

Алексѣй Павл.

Хорошій малый.

Анна Дмитр.

Ныньче такихъ немного, и душа любящая у него да и верченности нѣтъ никакой...

Алексѣй Павл.

Отъ дома вотъ отбился.

Анна Дмитр.

И, отецъ мой, это временно: полоса такая нашла. Сами знаете, молоды были.

Алексѣй Павл.

Это что говорить! Я двѣ недѣли съ цыганскимъ таборомъ пропадалъ... Отецъ всю полицію на ноги поставилъ...

Анна Дмитр. *(хохочетъ, качая головой).*

Ну, вотъ,—а еще сына осуждать! Теперь молодые-то куда солиднѣе противъ прежняго стали... Прежде непремѣнно молодые люди, вотъ какъ вы говорите, пропадали: хоть на три, на четыре дня да пропадутъ: Ихъ ужъ и не ищутъ, знаютъ, что вернутся домой... А ныньче совсѣмъ про это не слышно. Ну, а на счетъ того, что Костя отъ Лены не отходитъ—дѣло понятное.

Алексѣй Павл. *(мрачно).*

Да, но чѣмъ это кончится?

Анна Дмитр.

Да что это, отецъ мой, да чѣмъ-же можетъ кончиться: извѣстно, женятся. Вотъ на этотъ счетъ все по старому идетъ. Только прежде все вздыхали, а ныньче, ноютъ. По всѣмъ правиламъ эту сердечную канитель разводятъ. Прежде, коли кто влюбленъ, бывало, все кашляетъ, да за грудь хватается, словно въ чахоткѣ въ послѣдней степени. А ныньче—только лицо кислое дѣлаютъ и ноютъ: словно у нихъ изжога. На повѣрку—одно́ и то-же выходитъ.

Алексѣй Павл.

Такъ, это такъ.

Анна Дмитр.

И, знаете, что меня удивляетъ: никогда, ни прежде, ни теперь, не умѣютъ прямо и просто до дѣла дойти,—все это они околеснымъ путемъ, изъ тридесятаго царства подъѣзжаютъ. Да кажется, кабы я молодымъ мужчиной была, да мнѣ дѣвушка нравилась,—я бы прямо такъ и ляпнула: „а что, молъ, если-бы намъ повѣнчаться?“ А они вѣдь какъ теперь разговариваютъ: „вы, говоритъ, пессимистка, и я пессимистъ...“ Это давеча Сережа мнѣ такое слово сказалъ. Да за такія-то слова въ прежнее время отъ дома отказывали...

Алексѣй Павл. *(смотритъ ей прямо въ глаза).*

Да, матушка, хорошо бы!

Анна Дмитр. *(съ легкимъ вздохомъ).*

Хорошо бы.

Алексѣй Павл.

Чего они тянутъ?

Анна Дмитр.

Не добрались еще, все въ тридесятомъ царствѣ сидятъ. И хочется мнѣ, чтобы это случилось, да и жалко разстаться. Вѣдь она, какъ солнышко, здѣсь, въ нашемъ цвѣтникѣ, свѣтитъ... А и держать-то ее нельзя-же такъ всегда.

Алексѣй Павл. *(припадая къ ея рукѣ).*

Ахъ, Анна Дмитріевна, уйдетъ онъ отъ меня...

Анна Дмитр.

Да вы то, отецъ мой, влюблены въ своего сына, что ли? Скажите, сирота какой! Кому плакать—такъ мнѣ. Вы съ сыномъ останетесь, а она отъ меня уйдетъ... *(Прислушиваясь).* Вы не слышите? Колокольчикъ, кажется.

Алексѣй Павл.

Ѣдутъ, да, ѣдутъ...

Анна Дмитр.

Это Велелюбская, должно быть.

Алексѣй Павл. *(у окна).*

Темнѣетъ теперь... *(Смотритъ).* Она! кучеръ ея.

Анна Дмитр.

Ну, вотъ и партнеръ у насъ.

Алексѣй Павл.

Да она не одна, вдвоемъ съ кѣмъ-то.

Анна Дмитр.

Какъ вдвоемъ? *(Беретъ со стола бинокль и смотритъ).* Да, вдвоемъ,—кто бы это могъ быть...

Алексѣй Павл.

Да вѣдь она постоянно на сворѣ какого нибудь юнца водитъ. Безъ этого она не можетъ.

Анна Дмитр.

Ишь, катитъ... Ну, пойдемте встрѣчать...

V.

Тѣ-же и **Кондратьевъ** *справа.*

Кондратьевъ.

Велелюбская ѣдетъ.

Анна Дмитр.

Видѣла,—съ кѣмъ она?

Кондратьевъ.

Это она съ собой какого-то вольноопредѣляющагося возитъ, всѣмъ показываетъ.

Анна Дмитр. *(взбѣсившись).*

А мнѣ-то онъ зачѣмъ? Экая сумасшедшая баба! Ну, на что онъ мнѣ, скажите ради Бога! Только этого не хватало... Вѣдь она ночевать ко мнѣ пріѣхала. Я его вотъ въ комнатахъ не положу, пусть на сѣновалѣ спитъ,—теперь тепло. Пусть обижается, мнѣ все равно. Въ другой разъ не пріѣдетъ. *(Уходитъ съ Алексѣемъ Павловичемъ).*

VI.

Кондратьевъ *садится справа и развертываетъ книгу. Изъ глубины слѣва выходитъ* **Елена** *и идетъ въ противоположную сторону.*

Кондратьевъ.

Лена!

Елена *(останавливаясь).*

Что?

Кондратьевъ.

Куда вы?

Елена.

Гости пріѣхали.

Кондратьевъ.

Бросьте ихъ, чтó вамъ за дѣло, — присядьте на минутку.

Елена *(подходя)*.

Неловко какъ-то.

Кондратьевъ.

Полноте, все это вздоръ и пустяки! Послушайте, я сегодня не могу на васъ смотрѣть, — вы вся какая-то сіяющая. И такимъ ровнымъ свѣтомъ, точно вы довольны чѣмъ-то чрезмѣрно.

Елена *(улыбаясь)*.

Да, мнѣ хорошо!

Кондратьевъ.

Хорошо?.. Я не знаю, что васъ привело въ такое настроеніе, но я сегодня цѣлый день мучаюсь. Мучаюсь, потому что вы чѣмъ-то счастливы и довольны...

Елена *(смѣется)*.

„Мнѣ грустно, оттого что весело тебѣ".

Кондратьевъ.

Объясните вы мнѣ, объясните это явленіе. Ну, вотъ вы дѣвушка хорошая, милая, но вы еще совсѣмъ молоды, совсѣмъ не знаете жизни. Откуда же у васъ эта увѣренность, это спокойствіе, это сознаніе своей правоты? Васъ ничто не смущаетъ,—все, что дѣлается вокругъ, все это, по вашему, такъ и должно быть, и быть иначе не можетъ...

Елена.

Вы только это хотѣли сказать?

Кондратьевъ.

Развѣ это не интересно?

Елена.

Ничуть. Вы меня, Сережа, цѣлый день разсматриваете, анализируете,—это скучно.

Кондратьевъ.

Неужели болтать съ Костенькой веселѣе?

Елена.

Гораздо!

Кондратьевъ.

А я не думалъ, что вы настолько...

Елена.

Настолько пуста?.. Ну, что-жъ дѣлать! Вы на меня смотрите, какъ на какой-то сфинксъ, на какую-то загадку. А между тѣмъ, я вся тутъ, вся на лицо, какъ есть.

Кондратьевъ.

Послушайте, да вѣдь нельзя-же такъ. Вы опомнитесь, встряхнитесь, что вы дѣлаете! Развѣ можно всю жизнь въ такомъ туманѣ жить? Вѣдь вы спите.

Елена.

Да, но сонъ очень хорошій!

Кондратьевъ.

Проснитесь! Проснитесь! Вѣдь нельзя-же весь вѣкъ въ цвѣтахъ жить, — вѣдь, кромѣ цвѣтовъ, есть другая сторона жизни, болѣе нормальная, болѣе здоровая.

Елена.

Здѣсь красиво,—я люблю все красивое.

Кондратьевъ.

Вамъ нельзя оставаться здѣсь, въ обществѣ Костенекъ...

Елена.

А вы знаете, онъ то-же говоритъ, что и вы: говоритъ, что мнѣ надо уйти отсюда.

Кондратьевъ *(съ изумленіемъ).*

Да? онъ это говоритъ?

Елена *(съ самымъ невиннымъ видомъ).*

Онъ проситъ... чтобы я замужъ за него вышла.

Кондратьевъ.

Да,—такъ! Прекрасная партія.

Елена.

Благословляете?

Кондратьевъ.

Еще бы! *(Прохаживается по комнатѣ).* Онъ будетъ цѣлый вѣкъ на скамеечкѣ сидѣть у вашихъ ногъ и цѣловать ручки... Ребятъ будетъ на фабрикѣ пріучать... Семейная картина.

Елена *(дѣлаетъ движеніе встать).*

Право, для этого не стоило меня останавливать.

Кондратьевъ.

Нѣтъ, вы сядьте, пожалуйста, сядьте! *(Садится рядомъ и беретъ ея руку.)* Я цѣлый день все собираюсь поговорить съ вами и не могу... Я совсѣмъ у васъ поглупѣлъ тутъ.

Елена.

Хорошее начало.

Кондратьевъ.

Послушайте, Лена, вы меня знаете съ дѣтства, вы знаете, что я честный человѣкъ. Что я желченъ, что говорю часто рѣзко и грубо,—это вы тоже знаете. Ну, что-же,—это мой порокъ, мой недостатокъ, съ такимъ недостаткомъ помириться еще можно. Вы видите, я хорошій работникъ, хорошій труженикъ. Вы на меня ока-

зываете дивное вліяніе. *(Останавливается).* Вы, кажется, не слушаете меня.

Елена *(разсѣянно).*

Что?

Кондратьевъ.

Да, ну, конечно, такъ нельзя говорить ни о чемъ, ваши мысли такъ далеки,—онѣ гдѣ-то въ заоблачномъ эфирѣ.

Елена.

Говорите, Сережа, что хотѣли сказать, но говорите скорѣй.

Кондратьевъ.

Еще есть время,—опомнитесь, остановитесь, что вы дѣлаете, вы гибнете! Вы въ омутъ идете.

Елена.

Я?

Кондратьевъ.

Вы. Вы собрались замужъ за этого мармеладнаго героя.

Елена *(встаетъ).*

Пустите!

Кондратьевъ *(схватываетъ ее за руку).*

Нѣтъ, не пущу! Скажите мнѣ прямо,—выходите вы за него или нѣтъ?

Елена.

Чтó вы дѣлаете, Сережа, опомнитесь,—сюда могутъ войти...

Кондратьевъ.

Мнѣ все равно; пускай идутъ, пускай видятъ, пускай говорятъ, думаютъ, что хотятъ.

Елена.

Пустите,—вы не имѣете права...

VII.

Тѣ же и **Калитвинъ** *слѣва. Увидя ихъ, онъ останавливается.*

Кондратьевъ.

Выходите-ли вы за него?

Елена.

Ахъ, я ничего не знаю,—послушайте, вѣдь это насиліе—держать меня здѣсь. Я крикну, если вы не отпустите.

Кондратьевъ.

Кричите, кричите... Да неужели-же вы не видите, что я совсѣмъ сумасшедшій...

Елена *(замѣтивъ Калитвина).*

Пустите, говорятъ вамъ! *(Вырываетъ отъ него руки).*

Калитвинъ *(дѣлаетъ шагъ впередъ).*

Сергѣй!..

Кондратьевъ.

А! вотъ и вашъ защитникъ явился. Ну, хорошо, пока мы кончимъ нашъ разговоръ, — вы можете итти занимать гостей...

Калитвинъ.

Слушай, Сергѣй...

Елена.

Ради Бога, только безъ шума, чтобы бабушка не услыхала. Потомъ, завтра... Всѣ идутъ сюда. Потомъ поговоримъ, все устроимъ. Завтра рожденье бабушки... Ради Бога. *(Идетъ направо).*

Калитвинъ.

Это что-же значитъ?

Кондратьевъ *(медленно отчеканивая слова).*

Ты что это подсматривать принялся? Ну, такъ знай,

что я не нуждаюсь въ твоемъ контролѣ... Иди къ бабушкѣ, жалуйся на меня...

Калитвинъ.

А я тебѣ говорю, что твое поведеніе возмутительно! Ты переходишь всѣ границы... я этого не потерплю...

Кондратьевъ.

На дуэль, что-ли вызовешь?

Калитвинъ.

Можетъ быть...

Кондратьевъ.

Божья коровка, скажите!..

Калитвинъ.

Молчи! Я тебѣ говорю—молчи, пока...

Кондратьевъ.

Соблюдаете конвенансы—сюда идутъ...

Калитвинъ *(увидя входящихъ, сдерживается).*

Хорошо, мы поговоримъ съ тобою потомъ...

VIII.

Кондратьевъ, Калитвинъ; *справа входятъ:* **Анна Дмитріевна, Елена, Велелюбская** *и* **Тальниковъ.**

Велелюбская.

Вотъ и молодежь наша тутъ, и, по обыкновенію, кажется, споритъ. Какъ поживаете, господа! Вы, Сергѣй Николаевичъ, все съ козявками возитесь?

Кондратьевъ *(небрежно).*

Да, со всякой дрянью!

Велелюбская *(пожимая руку Калитвину).*

Какой у васъ поэтическій видъ сегодня... Позвольте, господа, васъ познакомить: monsieur Тальниковъ. *(Тотъ кланяется).*

Анна Дмитр *(ему)*.

Вы, молодой человѣкъ, въ карты играете?

Тальниковъ.

Нѣтъ-съ, не умѣю.

Велелюбская.

Я вамъ говорю, ему некогда, Анна Дмитріевна, заниматься этимъ вздоромъ. У него столько дѣла... *(Садится налѣво у стола, тутъ-же садится Анна Дмитріевна. Камитвинъ, видя, что Елена тоже сѣла, уходитъ)*.

Анна Дмитр.

Къ экзаменамъ, вѣроятно?

Велелюбская *(съ презрѣніемъ)*.

О, нѣтъ! Онъ читаетъ. Онъ занимается саморазвитіемъ... Затѣмъ его переписка...

Анна Дмитр.

А что же молодой человѣкъ переписываетъ?

Велелюбская.

Онъ не переписываетъ, онъ переписывается. Онъ ведетъ обширную корреспонденцію... *(Понизивъ голосъ)*. Я надѣюсь, что вы, Анна Дмитріевна, не разсердились на меня за него?

Анна Дмитр.

То-есть, за что-же?

Велелюбская.

Что я его привезла къ вамъ. Онъ живетъ у меня. Вы знаете, онъ совсѣмъ бѣдный, Анна Дмитріевна, у него рѣшительно ничего нѣтъ,—все, что на немъ есть, я ему все это сдѣлала. *(Еще понизивъ голосъ)*. Вы знаете, Анна Дмитріевна *(Наклоняясь къ ней)*, — вѣдь онъ радикалъ!

Анна Дмитр.

Радикалъ?

Вѳлелюбская.

Радикалъ! *(Къ Еленѣ)*. Это очень интересно, не правда-ли?

Елена *(машинально работаетъ, изрѣдка слѣдя за Кондратьевымъ. На вопросъ Велелюбской она только взглядываетъ на нее)*.

Анна Дмитр.

Ахъ, мать моя, зачѣмъ-же вы эту шушеру у себя держите?

Велелюбская.

Я не могу, Анна Дмитріевна,—вы знаете, до чего я отзывчива... Я на все отзываюсь. Я чувствую, что съ нимъ я становлюсь совсѣмъ другая. Вы знаете, Анна Дмитріевна, я тоже дѣлаюсь радикальной... *(Торжественнымъ шепотомъ)*. Онъ два разъ у меня деньги бралъ.

Анна Дмитр.

Я не знаю, какъ же вы, мать моя, такого прощалыгу привезли ночевать ко мнѣ?

Велелюбская *(обидѣвшись)*.

Позвольте, Анна Дмитріевна, гостей, которыхъ я рекомендую... это... это... я его домой лучше отправлю... Jean! Jean!

Тальниковъ *(сидѣвшій все время недвижно на стулѣ въ позѣ египетской статуи)*.

Чего изволите?

Анна Дмитр.

Да нѣтъ же, мать моя, я не къ тому. Полно, ну, пускай его здѣсь путается, вѣдь не пролежитъ онъ у меня кровати.

Велелюбская.

Я знаю, что моя излишняя отзывчивость приноситъ

мнѣ много непріятностей, Анна Дмитріевна. Я слишкомъ добра, Анна Дмитріевна, — меня всѣ эксплуатируютъ. Что-же дѣлать, что я радикальная. Я одна заправляю огромнымъ хозяйствомъ. Я должна быть самостоятельной, Анна Дмитріевна. Мнѣ завидуютъ, надо мной смѣются изъ зависти.

Анна Дмитр.

Ну, ужъ и завидуютъ!

Вележобская.

Завидуютъ, Анна Дмитріевна... Нѣтъ, но вы только послушайте, какъ онъ иногда заговоритъ, какъ онъ начнетъ проповѣдывать, разгорячается, глаза горятъ.

Анна Дмитр. *(взглянувъ на него).*

Что-то непохоже.

Вележобская.

Ахъ, онъ такъ въ комнатѣ не можетъ,—онъ въ саду, особенно при лунѣ. Онъ пойдетъ въ садъ, онъ начнетъ говорить, — говоритъ, говоритъ, а соловей-то такъ и поетъ,—у меня даже слезы на глазахъ. *(Громко).* Jean, я разсказываю, какъ вы чудесно говорите.

Тальниковъ.

Да-съ.

Вележобская.

Я говорю, что вы чудесно говорите.

Тальниковъ.

Да-съ.

Вележобская *(Аннѣ Дмитріевнѣ).*

Правда, какой онъ симпатичный?

Анна Дмитр.

Очень... *(Еленѣ).* Скажи, мой другъ, чтобы дали ящикъ съ картами.

Елена *(подходя къ Кондратьеву).*

Покончите, какъ хотите, но покончите все тихо и безъ шума. Я этого требую, я этого хочу.

Кондратьевъ *(который справа читалъ книгу).*

То-есть что-же прикажете мнѣ дѣлать?

Елена.

Уѣзжайте сейчасъ отсюда.

Кондратьевъ.

Куда?

Елена.

Куда ходите, но чтобы къ домѣ бабушки, особенно завтра, никакого шума не было.

Кондратьевъ.

Въ данномъ случаѣ я у васъ позволенія не спрошу. Уѣду я, но только не сейчасъ...

Елена.

Ну, берегитесь!

Кондратьевъ *(ей вслѣдъ, почти громко).*

Нечего беречься,—я не изъ трусливыхъ.

Анна Дмитр.

Да кликни, Лена, нашихъ партнеровъ, что-жъ они?

Елена.

Хорошо! *(Уходитъ).*

IX.

Анна Дмитріевна, Велелюбская, Кондратьевъ *и* **Тальниковъ.**

Анна Дмитр. *(показывая работу Елены).*

А правда—милый узоръ?

Велелюбская.

Очень. *(Продолжаетъ тихо разговаривать).*

Тальниковъ *(Кондратьеву).*

Вы, говорятъ, гадами занимаетесь?

Кондратьевъ.

Гадами.

Тальниковъ.

Это интересно?

Кондратьевъ.

А вы какъ думаете?

Тальниковъ.

Я думаю, что скучно.

Кондратьевъ.

Ну, и оставайтесь при своемъ мнѣніи.

Тальниковъ.

У насъ, въ училищѣ, одинъ тоже этимъ занимался. У меня отъ него наслѣдство осталось. Банка. Хотите, подарю — привезу въ слѣдующій разъ, или вы заверните. Съ Кавказа!

Кондратьевъ.

Да что такое?

Тальниковъ.

Скорпіонъ,—знаете, который хвостомъ жалитъ.

Кондратьевъ.

Знаю, только я не этимъ занимаюсь, а мухами.

Тальниковъ.

Какъ? простыми мухами? Вотъ такъ занятіе! *(Хохочетъ).*

X.

Тѣ-же, **Ставучановъ, Алексѣй Павловичъ,** *молодой* **Калитвинъ** *съ карточнымъ ящикомъ. Онъ ставитъ ящикъ на столъ и отходитъ въ глубь, къ окну.*

Алексѣй Павл.

Вотъ ни за что его не уговоришь, что хочешь!

Анна Дмитр.

Потерпите, отецъ мой, ночью отвѣтъ получите и успокоитесь.

Ставучановъ.

Знаете, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. У меня точно бѣлка въ головѣ бѣгаетъ,—такъ колесо какое-то вертится, и все одно и то-же, одно и то-же... Чувствую конецъ...

Алексѣй Павл.

Полно, какой конецъ!

Ставучановъ.

Да такой вотъ, какъ всегда концы бываютъ. Вѣдь поймите вы, — ну, соверши я тамъ убійство какое-нибудь, ну, почту ограбь,—это все ничего, меня бы оправдали, нашли-бы, что я ненормаленъ. А разъ я директоръ общества, такъ ужъ непремѣнно почему-то предполагаютъ, что я въ здравомъ разсудкѣ... Украсть можно и быть въ состояніи невмѣняемости, а ревизовать кассу въ состояніи невмѣняемости нельзя. Да объясните мнѣ, почему?

Алексѣй Павл.

Полно, Иванъ Ивановичъ, садись за карты,—вотъ мы сейчасъ сыграемъ большой шлемъ безъ козырей...

Ставучановъ.

Да, шлемъ!.. *(Бормочетъ).* Бубновый тузъ на спину надѣнутъ,—такой будетъ шлемъ безкозырный!

Алексѣй Павл.

Бери, бери карту, — кому съ кѣмъ. *(Берутъ).* Ну, вотъ такъ и есть—мнѣ съ тобой.

Анна Дмитр. *(Велелюбской).*

Только, пожалуйста, не горячитесь, по обыкновенію.

(Всѣ усаживаются. Налѣво, на диванъ, Анна Дмитріевна, противъ нея Велелюбская, сзади ея на стулъ присаживается Тальниковъ. Алексѣй Павловичъ пришелся спиной къ публикѣ).

Ставучановъ.

Вѣдь это обидно! Обидно, что тебя же въ каррикатурахъ на улицахъ продавать будутъ по двугривенному.

Алексѣй Павл.

Да оставь ты,—ты точно передъ свѣтопреставленіемъ раскаркался.

Велелюбская *(подвигая Ставучанову колоду).*

Вамъ сдавать.

Ставучановъ *(машинально снимаетъ).*

Не такъ еще закаркаешь, какъ прокуроръ въ гости пріѣдетъ: „а что, скажетъ, вы можете сообщить по извѣстному вамъ дѣлу?"

Велелюбская *(суетъ ему въ руки карты).*

Сдавайте!

Ставучановъ.

А что я знаю? Я ничего не знаю! *(Сдаетъ.)*

Калитвинъ-сынъ *(подходитъ изъ глубины къ Кондратьеву).*

Намъ надо объясниться...

Кондратьевъ.

Нечего объясняться: я не хочу, чтобы ты былъ здѣсь,—убирайся, пока...

Калитвинъ.

Мы разрѣшимъ утромъ споръ, кому остаться.

Кондратьевъ.

Останусь я!

Калитвинъ.

Приходи подъ утро въ садъ, къ пруду.

Кондратьевъ.

Что-же, рыцарскій поединокъ у насъ будетъ? Изволь: приду, не испугаюсь.

Анна Дмитр.

А гдѣ-же Лена? Хоть-бы она намъ сыграла что-нибудь на фортепіано... Да что это, отецъ мой, вы мнѣ четырнадцать картъ сдали. *(Развертываетъ игру).*

Ставучановъ *(убитымъ голосомъ).*

Засдался. *(Тасуетъ снова.)*

Анна Дмитр. *(трясетъ его за плечи).*

Да что вы, точно женихъ по невѣстѣ убиваетесь?

Велелюбская *(оглядываясь на Тальникова).*

Учитесь, Jean?

Тальниковъ.

Да-съ, только пока ничего у васъ не выходитъ.

Анна Дмитр.

Сережа, скажи, чтобъ Лена сыграла что-нибудь. *(Кондратьевъ идетъ къ двери и встрѣчаетъ Елену).*

XI.

Тѣ-же и **Елена.**

Кондратьевъ.

Да вотъ она! Васъ просятъ осчастливить вашей божественной игрой. *(Она глядитъ на него съ изумленіемъ, онъ, слегка поклонившись, уходитъ.)*

Анна Дмитр.

Сыграй намъ, Лена.

Елена.

Хорошо.

Калитвинъ *(тихо Еленѣ).*

Ради Бога, когда всѣ лягутъ, выйдите въ садъ. Мнѣ необходимо васъ видѣть. Выйдете?

Елена.

Зачѣмъ это?

Калитвинъ.

Умоляю васъ, если вы мнѣ сочувствуете хотя немножко. Вы не знаете, какъ это важно.

Елена.

Мнѣ самой надо было бы сказать вамъ кое-что.

Калитвинъ.

Такъ будете?

Елена.

Да.

Ставучановъ.

Пасъ!

Велелюбская.

Бубны!

Алексѣй Павл.

Черви!

Велелюбская.

Два бубны!

Анна Дмитр.

Ну, что же, Лена, поиграй намъ.

Елена.

Не знаю, чтобы такое...

Велелюбская.

Я сказала—два бубны.

Анна Дмитр.

Слышала, мать моя, слышала. А ты сыграй тотъ новый вальсъ, что третьяго дня полученъ.

Велелюбская.

Три бубны!

Анна Дмитр.

Три черви!

Велелюбская *(безпокойно повертываясь)*.

Все на свою игру!

Анна Дмитр.

Да чего вы горячитесь-то! Три безъ козыря.

Алексѣй Павл.

Повалило! *(Ивану Ивановичу)*. У васъ ничего?

Ставучановъ *(отчаянно покачивая головой)*.

Ничего, что ужъ тутъ!

Анна Дмитр.

Такъ вотъ и сыграй вальсъ. Мосье Тальникову скучно.

Тальниковъ.

Не извольте безпокоиться.

Елена *(нехотя Тальникову)*.

Пойдемте,—вы любите музыку?

Тальниковъ.

Ничего себѣ.

Калитвинъ *(пропустивъ впередъ Тальникова, тихо Еленѣ)*.

Такъ—когда всѣ лягутъ...

Елена (*скоро и недовольно*).

Ну, да! (*Уходитъ.*)

Анна Дмитр.

Я скажу—четыре бубны.

Велелюбская (*прискакивая*).

Я такъ и знала!

Анна Дмитр.

Что вы знали, ничего вы не знали! Я вотъ пять скажу!

Велелюбская.

Ну, и будемъ безъ трехъ.

Анна Дмитр.

А зачѣмъ вы...

Алексѣй Павл.

Нельзя теперь,—потомъ будете говорить. (*Изъ сосѣдней комнаты раздается вальсъ.*)

Ставучановъ.

Я хожу.

Анна Дмитр.

Зачѣмъ же вы пропускаете? Вѣдь мы пять играемъ.

Велелюбская.

Позвольте,—вы говорите—черви, вы говорили—три черви.

Анна Дмитр.

А вы говорите: бубны, два бубны, три...

Алексѣй Павл.

Позвольте, это послѣ игры будете говорить, — позвольте!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Берегъ большого свѣтлаго пруда. На первомъ планѣ, налѣво, старая скамья, сдѣланная подъ мраморъ, съ вазами на высокой спинкѣ. Зелень густая. За прудомъ виднѣется крыша дома. Передъ разсвѣтомъ. На небѣ звѣзды. Авансцена залита луннымъ свѣтомъ.

I.

Ставучановъ *и* **Калитвинъ-сынъ.**

Ставучановъ (*сидитъ на скамейкѣ*).

Что тебѣ надо отъ меня? Вѣдь ты, кажется, видишь, какъ я разстроенъ!

Калитвинъ.

Я вамъ говорю, что у меня къ вамъ дѣло.

Ставучановъ.

Какое дѣло! Ни у кого теперь никакого дѣла не можетъ быть... И мнѣ самому ни до кого и ни до чего...

Калитвинъ.

Что вы все смотрите туда?

Ставучановъ.

Что смотрю? Смотрю на дорогу, отсюда Тихонъ придетъ съ телеграммой. Я ему велѣлъ тамъ и сидѣть и ждать на станціи, пока не придетъ депеша,—и вѣдь не догадался старичина на лошади поѣхать, нѣтъ, ковыляетъ такъ, да еще гдѣ-нибудь, бестія, сѣлъ, отдыхаетъ.

Калитвинъ.

Скажите, вы все тутъ и будете сидѣть?

Ставучановъ.

Тутъ и буду, пока онъ не придетъ. Умру на этомъ мѣстѣ—не встану.

Калитвинъ *(взглянувъ на часы, садится рядомъ).*

Послушайте, у меня, право, до васъ дѣло, — только вы не удивляйтесь очень...

Ставучановъ.

Я теперь ничему не удивляюсь.

Калитвинъ.

Видите, я... Вы, должно быть, замѣтили, — я, я повздорилъ съ Сергѣемъ... Ссора зашла слишкомъ далеко. Онъ сталъ мнѣ на дорогѣ, и настолько, что я не вижу выхода изъ своего положенія. Я его вызову.

Ставучановъ.

Что-о?

Калитвинъ.

Я его вызову, и прошу васъ быть моимъ секундантомъ.

Ставучановъ.

Да ты съ ума сошелъ!

Калитвинъ.

Нисколько.

Ставучановъ.

Послушай, да ты хуже-то меня никого не нашелъ?

Съ какой это стороны я на секунданта похожъ, объясни, пожалуйста? Что я—мальчишка, что-ли?

Калитвинъ.

Мнѣ не къ кому обратиться, поэтому я рѣшилъ безпокоить васъ.

Ставучановъ.

Убирайся ты! У меня и своихъ заботъ довольно. Я вотъ отцу скажу, чтобъ онъ тебя за уши оттрепалъ хорошенько.

Калитвинъ.

Нѣтъ, вы отцу ничего не скажете,—я не хочу, чтобы вы говорили... Вы, какъ старый другъ отца, исполните мою просьбу и будете свидѣтелемъ.

Ставучановъ.

Это вы другъ въ друга палить будете, а я въ ладоши хлопать, кричать, когда стрѣлять? Да что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это очень умно—зарядилъ пистолеты да и палить по живому человѣку.

Калитвинъ.

Я ничего не думаю, — я знаю, что это такъ надо. Дѣло обострилось, исхода другого нѣтъ. Это вопросъ чести и онъ разрѣшится только дуэлью.

Ставучановъ.

Ну, поѣхалъ, точно изъ романа вычиталъ. И вѣрно, изъ-за юбки въ драку лѣзете; ужъ коли вопросъ чести,—значитъ, баба завязалась.

Калитвинъ.

Такъ вы рѣшительно отказываете?

Ставучановъ.

Не отказываю, а говорю, глупо и пошло.

Калитвинъ.

Да это я и самъ знаю.

Ставучановъ.

Чортъ знаетъ, что такое! Прежде хоть стрѣлялись, да думали, что дѣйствительно подвигъ совершаютъ, а теперь знаютъ, что это завѣдомая пошлость, и все-таки лобъ подставляютъ... Мило!

Калитвинъ.

По теоріи одно, а на практикѣ другое; иначе разрѣшить нельзя.

Ставучановъ.

Ахъ, да стрѣляйтесь, сколько хотите, — чтò мнѣ за дѣло! Ну, я заявлю слѣдователю—что увижу,—за одно ужъ по судамъ-то таскаться.

Калитвинъ *(пожимая ему руку)*.

Благодарю васъ.

Ставучановъ.

Не за что. (*Молчаніе*).

Калитвинъ.

Экая ночь какая! Звѣзды горятъ, цвѣтами какъ пахнетъ,—хорошо!

Ставучановъ.

Ничего нѣтъ хорошаго.. Ни до какихъ звѣздъ мнѣ теперь дѣла нѣтъ никакого. Имъ хорошо тамъ моргать наверху,—тамъ ни ревизій, ни юбокъ, ни кассъ. Вотъ вѣдь когда сознаёшь (*растопыриваетъ руки*), сознаёшь, что человѣкъ существо безсильное! Ну, чтò мы,—пигмеи какіе-то, букашки, ползаемъ, бременимъ землю, коптимъ небо, да еще воруемъ, стрѣляемся! Ахъ, поневолѣ можно въ ожесточеніе впасть! (*Калитвинъ все время безпокойно вглядывался въ аллею и смотрѣлъ на часы*).

Калитвинъ.

Идетъ кто-то.

Ставучановъ (*встрепенувшись*).

А! Тихонъ! (*Поднимается навстрѣчу*).

II.

Тѣ-же; изъ глубины **Тальниковъ.**

Ставучановъ (*разглядѣвъ фигуру, недовольнымъ голосомъ*).

Нѣтъ, не онъ. (*Садится*).

Тальниковъ (*приподнимаетъ фуражку*).

Вы тоже не спите, прогуливаетесь. Въ комнатахъ душно-съ... (*Присаживается на скамью*). У меня въ привычку вошло-съ гулять послѣ ужина. Медики говорятъ, что на пищевареніе хорошо дѣйствуетъ, — я это тоже замѣчаю. Да и Наталья Петровна къ ночнымъ прогулкамъ меня пріучили. Онѣ очень любятъ ночью при лунѣ гулять.

Ставучановъ.

А что гуляете съ ней?

Тальниковъ.

Каждый вечеръ, Иванъ Ивановичъ, аккуратно. Вотъ только сегодня первый день, что я одинъ, и то потому только, что въ чужомъ домѣ.

Калитвинъ (*безпокойно*).

Можетъ, она придетъ сюда?

Тальниковъ.

Нѣтъ-съ: онѣ спятъ очень крѣпко. Онѣ утомились съ дороги... (*Пожимается*). Дрожь что-то пробираетъ,— ночи-то холоднѣе стали, надо бы подъ-низъ фуфайку надѣвать.

Ставучановъ.

Скажите, пожалуйста, отчего васъ Наталья Петровна радикаломъ зоветъ?

Тальниковъ.

Не знаю-съ. Это ихъ фантазія. Онѣ вѣдь вообще какія-то странныя, ровно не въ себѣ. Я вѣдь имъ дальнимъ родственникомъ прихожусь. Онѣ меня послѣ

лагеря у себя поселили. Потомъ вдругъ привязались къ одному слову и стали звать меня радикаломъ. А какой-же я радикалъ-съ! Увѣряютъ даже, что я будто-бы неблагонадеженъ,—а меня начальство, Иванъ Ивановичъ, ей Богу, такъ аттестуетъ, такъ аттестуетъ. А это имъ нравится говорить, что онѣ при себѣ нигилиста держатъ. Богъ знаетъ, что про меня разсказываютъ. Такъ что я даже опасаюсь. Вѣдь это, положимъ, все на вѣтеръ: въ одно ухо примутъ, въ другое выпустятъ;— ну, а вдругъ кто приметъ въ прямомъ смыслѣ? Вѣдь это карьеры можно лишиться по одному только подозрѣнію. Я даже скажу вамъ откровенно, Иванъ Ивановичъ, при всей своей недостаточности средствъ, тягощусь пребываніемъ у Натальи Петровны, — и такія минуты у меня бываютъ, что хоть бѣжать, такъ въ ту пору.

Ставучановъ.

Это доброе дѣло.

Тальниковъ.

Это вы насчетъ чего-съ?

Ставучановъ.

Чтобы сбѣжать. На чорта она вамъ?

Тальниковъ *(потупившись)*.

Средствъ у меня никакихъ нѣтъ-съ.

Ставучановъ.

Ну, а на ея-то иждивеніи жить какая вамъ честь? Еще, смотрите, надъ вами смѣяться товарищи будутъ.

Тальниковъ.

Это такъ-съ. Они и то говорятъ: ну, бобра убилъ!

Ставучановъ.

А и правда — холодно! Выйти развѣ на дорогу... *(Встаетъ)*. Тутъ у забора, версты на три видно.

Тальниковъ *(тоже вставая)*.

Пойдемте-съ, я не прочь. Константинъ Алексѣевичъ, составите компанію?

Калитвинъ.

Нѣтъ, я спать иду. *(Тальниковъ съ Иваномъ Ивановичемъ идутъ влѣво).*

Ставучановъ *(возвращается).*

Только ты брось, что затѣялъ, послушай старика. Глупо, право, глупо!

Калитвинъ.

Я съ нимъ объясняюсь,—тамъ посмотримъ.

Ставучановъ.

И не путай ты меня въ эту передрягу... Я знаю какіе вы стрѣлки. Еще вмѣсто себя секундантовъ подстрѣлите, чего добраго,—такъ я слуга покорный! *(Уходя).* Прощай.

Калитвинъ *(посматривая въ аллею).*

Покойной ночи! *(Смотритъ, ушелъ-ли Иванъ Ивановичъ, и быстро идетъ въ аллею).*

III.

Калитвинъ; *изъ аллеи навстрѣчу ему* **Елена.**

Елена.

Это вы?

Калитвинъ *(беретъ ее за руку).*

Вы дрожите?

Елена.

Я не знаю, что со мною. Я ушла тихонько — всѣ спятъ: тамъ какая-то странная тишина въ домѣ.

Калитвинъ.

Сядьте здѣсь.

Елена *(оглядываясь).*

Никого нѣтъ?

Калитвинъ.

Никого. Да еслибъ и увидѣли—велика важность.

Елена *(быстро)*.

Послушайте, я не виновата въ томъ, что было между мной и Сережей. Вы сами видѣли...

Калитвинъ *(цѣлуя ея руки)*.

Развѣ я васъ виню въ чемъ?

Елена.

Вы видѣли, онъ какъ сумасшедшій, схватилъ меня. Что-же я могла сдѣлать? Я ему сказала, чтобъ онъ уѣзжалъ,—онъ не хочетъ.

Калитвинъ.

Мы это дѣло разрѣшимъ: — или онъ, или я, — кто-нибудь да уѣдетъ завтра.

Елена.

Или вы? Какъ, вы хотите уѣхать?

Калитвинъ.

Намъ вдвоемъ здѣсь быть нельзя.

Елена.

Такъ пускай онъ ѣдетъ, — зачѣмъ-же вамъ уѣзжать? *(Беретъ его за руку)*. Я не хочу, слышите-ли вы, не хочу, чтобы вы уѣзжали! Я не хочу оставаться одна, я не хочу, чтобы подлѣ меня былъ Сергѣй. Я просто боюсь его.

Калитвинъ.

Мы какъ-нибудь все это устроимъ.

Елена.

Вы мнѣ не говорите чего-то; послушайте, скажите,— вы вѣрно видѣлись съ нимъ, говорили?

Калитвинъ.

Настоящаго объясненія у насъ еще не было...

Елена *(взявшись за голову)*.

У меня такъ кружится голова,—не отъ цвѣтовъ-ли это?

Калитвинъ.

Можетъ, простудились? Сыро здѣсь.

Елена.

А! все равно... Послушайте,—за этотъ вечеръ со мной какая-то перемѣна: я точно вся не своя. Я не чувствую подъ собою шаговъ, когда иду. Отъ меня все, все окружающее, даже бабушка,—куда-то все это ушло: ничего нѣтъ... Я только одно чувствую...

Калитвинъ.

Ну, что-же?

Елена.

Я боюсь потерять васъ... Мнѣ кажется, что вы уйдете отъ меня, и васъ не будетъ,—и никогда, никогда ужъ болѣе я васъ не увижу.

Калитвинъ.

А что, если... Что, если въ самомъ дѣлѣ сидимъ мы съ вами вмѣстѣ въ послѣдній разъ, и никогда ужъ больше намъ не доведется такъ сидѣть?

Елена.

Отчего-же? *(Придвигаясь къ нему)*. Нѣтъ, напротивъ,—мы будемъ видѣться теперь чаще, чѣмъ прежде. Вѣдь вы не уѣдете? Да? *(Сжимаетъ ему руку)*. Ну, отвѣчайте, отвѣчайте-же!

Калитвинъ.

Ничего я не знаю,—не отъ меня это зависитъ.

Елена.

Такъ отъ кого-же?.. Да нѣтъ же, нѣтъ, я не хочу этого!.. Мнѣ такъ тяжело,—точно сплю я, и сонъ какой-то горячечный, смутный... Точно вотъ сейчасъ, что-то случится... *(Послѣ секундной паузы быстро встаетъ)*. Нѣтъ, вы меня не понимаете, не понимаете того, что во мнѣ происходитъ... я не могу дольше оставаться,—мнѣ надо домой.

Калитвинъ.

Подождите, ну, подождите... зачѣмъ-же было прихо-

дить такъ не надолго? Вы знаете, до чего я счастливъ, что вы вышли въ садъ для меня. Вы днемъ для всѣхъ, — а теперь вы вѣдь для меня, для одного пришли сюда?

Елена.

Мнѣ пора...

Калитвинъ (*заглядывая ей въ лицо*).

Что съ вами?.. Вы за минуту были не такая... Вамъ дурно? У васъ лицо совсѣмъ другое.

Елена (*отрицательно качая головой*).

Я такая-же,—мнѣ надо итти.

Калитвинъ.

Нѣтъ, вы такъ не уйдете, такъ нельзя уйти, нельзя такъ разстаться. Зачѣмъ вы молчите? Отчего-же ни слова?..

Елена.

Я, кажется, много говорила.

Калитвинъ.

Не того я ждалъ отъ нашей встрѣчи... Ну, что-же, я ошибся.

Елена.

Я тоже не того ждала.

Калитвинъ.

Какъ, и вы?

Елена.

Ахъ, какіе вы всѣ!.. Когда васъ не просятъ, вы по пятамъ ходите, пристаете съ своей любовью,—а когда надо что сказать, вы не понимаете этого, и начинаете хныкать... Я пришла къ вамъ одна ночью, бросила все, пожертвовала всѣмъ, — вѣдь меня могли увидѣть съ вами; а вы вздыхаете, да охаете... Хоть бы слово, какое нибудь слово сочувствія!.. Чего вы ждете, чего? Вы хотите, чтобъ я вамъ первая сказала то, что надо...

Калитвинъ.

Лена...

Елена.

Извольте, я скажу... *(Подходитъ къ нему и охватываетъ шею руками)*. Люблю я тебя, люблю, — понимаешь? Ты хотѣлъ это слышать, — такъ слушай вотъ теперь: люблю, люблю!

Калитвинъ.

Милая! *(Сажаетъ ее на скамью, рядомъ съ собою)*. Счастье ты мое!

Елена.

Глупый ты, отчего ты первый не сказалъ, зачѣмъ дожидался меня? Интересно было посмотрѣть, какъ я скажу первая?

Калитвинъ.

Какъ первая, Лена? Да, я сколько разъ говорилъ, что божество ты мое...

Елена.

Говорилъ-то ты всегда не во время. Вотъ сегодня при Иванѣ Ивановичѣ. Умно, — скажешь? А сколько разъ, когда минутами я тебя такъ любила, такъ любила, — ты въ это время нылъ, какъ всегда, по обыкновенію. Я иногда бѣсила тебя нарочно, потому что мнѣ противно было видѣть, что ты такой недогадливый. Вѣдь я знала, что ты мой, весь мой... *(беретъ его руками за шею)*, что вотъ что захочу, то съ тобою и сдѣлаю... Ну, ну что ты? Есть-ли въ тебѣ какая сила? Смѣешь ты пошевелиться? *(Смѣясь, прячетъ голову у него на груди)*.

Калитвинъ.

Радость ты моя!

Елена.

Ну, смотри мнѣ въ глаза, говори правду: будешь меня любить? Хорошо? Горячо? Крѣпко? Да?

Калитвинъ.

Ты-то меня не разлюби!

Елена.

Объ этомъ ты и думать не можешь, и не смѣешь и не можешь говорить! Какое ты имѣлъ право сказать это? Еще смѣется! *(Прижимается къ нему и прилегаетъ на плечо)*. А хорошо такъ—а?

Калитвинъ.

Хорошо.

Елена.

Если-бы ночь эта все тянулась, тянулась — и конца бы ей не было!.. Вѣдь вотъ тамъ, въ домѣ, спятъ всѣ и ничего не знаютъ,—не знаютъ, что мы счастливы.

Калитвинъ.

Ну, можетъ быть, не всѣ спятъ.

Елена.

Постой, погоди, — кажется, шаги я слышу... Нѣтъ, такъ, ничего, — это вѣтеръ. Вотъ что я хотѣла сказать,—какъ же намъ съ Сергѣемъ быть? Знаешь, — я все бабушкѣ скажу.

Калитвинъ

Кто-то идетъ,—отодвинься.

Елена *(встаетъ съ улыбкой)*.

Я не боюсь,—пускай всѣ смотрятъ, всѣ видятъ.

IV.

Тѣ-же и **Кондратьевъ** *изъ глубины.*

Кондратьевъ *(Увидя Елену, сразу останавливается)*.

А! неожиданная встрѣча... Вотъ какъ Елена Александровна! Поздравляю. Какъ же это вы говорили, что не знаете, выходите замужъ или нѣтъ,—а сами по ночамъ на свиданье ходите?

Елена.

Я вамъ еще разъ повторяю, что у васъ есть скверная манера—шпіонить.

Кондратьевъ.

Извините, я шелъ сюда не ради васъ,—мнѣ въ голову не могло притти, что вы здѣсь.

Калитвинъ.

Замолчи!

Кондратьевъ.

Ахъ, пожалуйста, безъ этихъ угрозъ, безъ драматическихъ жестовъ. Это глупо, скучно, здѣсь имъ не мѣсто. Зачѣмъ я буду молчать? Предъ кѣмъ стѣсняться? Да я вамъ прямо скажу: Я очень радъ, что увидѣлъ васъ здѣсь—и съ нимъ. Мнѣ легче теперь порвать все, уйти отъ васъ.

Елена.

Сережа, я снова васъ прошу уѣхать отсюда. Я не хотѣла вамъ говорить, теперь я говорю прямо: я выхожу замужъ за него. Это давно ужъ рѣшено мною.

Кондратьевъ.

Давно?.. Ну, послушайте, ну, скажите прямо: честно ли вы поступали со мною?

Елена.

Честно ли? Да что же я безчестнаго сдѣлала?

Кондратьевъ.

Вы молчали. Когда я васъ спрашивалъ о замужествѣ, вы отвѣчали уклончиво, вы играли словами... Съ женской точки зрѣнія вы правы.

Калитвинъ.

Послушай—ты...

Кондратьевъ.

У меня накипѣла это на душѣ, я молчать не могу, я долженъ говорить, а вы должны меня выслушать...

Елена.

Не мѣшайте ему, Константинъ Алексѣевичъ,—очень интересно, что онъ скажетъ.

Кондратьевъ.

Что „онъ“ скажетъ? Ахъ, не уколете вы теперь меня этимъ пренебрежительнымъ „онъ“! Я скажу только одно: мужчина всегда честнѣе женщины, и прямѣе, и открытѣе. Женщина пряма только на словахъ, а въ сущности ея натура куда мельче нашей... Не перебивайте меня, постойте! Дайте мнѣ сбросить этотъ грузъ, который давитъ меня, дайте высказаться. Зачѣмъ было не говорить прямо, зачѣмъ было давать какую-то надежду на будущее, на сочувствіе?..

Елена.

Вы клевещете на меня, Сережа,—никогда я вамъ не подавала повода.

Кондратьевъ.

Не подавали? Вы не подавали повода, когда часами ходили со мною по саду, ѣздили въ лодкѣ, слушали чтеніе?

Елена.

Да что-же тутъ такого? Я со всякимъ могу и гулять, и кататься на лодкѣ.

Кондратьевъ.

Со всякимъ? Со всякимъ вы можете, а съ тѣмъ человѣкомъ, который... ну, да что тутъ! Вы видѣли, что я люблю васъ, и со мной вы не имѣете права кокетничать.

Елена.

Что-же я сдѣлала вамъ дурного тѣмъ, что проводила время съ вами?

Кондратьевъ.

Вотъ она,—эта женская логика! Я *удобенъ* вамъ былъ, я жилъ въ одномъ домѣ съ вами. Пока еще Костенька

пріѣдетъ, да въ какомъ духѣ, а тутъ подлѣ есть человѣкъ, который и клубочекъ принесетъ, и по саду погуляетъ, и анекдотъ разскажетъ. Все-таки веселѣе, чѣмъ если никого нѣтъ,—отчего-же и не приручать такого субъекта? Пусть побѣгаетъ на веревочкѣ, поноски потаскаетъ, пусть надъ нимъ всѣ посмѣются... можно намекнуть: я, дескать, вамъ во всемъ сочувствую... Ну, а если у него мелькнетъ мысль,—а не другого-ли она любитъ,—такъ вѣдь и солгать можно...

Елена.

Ну, довольно, — я не хочу васъ больше слушать. *(Быстро подойдя къ нему).* Я вамъ прощаю оскорбленія, что вы мнѣ наговорили, прощаю, потому что когда вы подумаете обо всемъ, что насказали, — вамъ самимъ будетъ стыдно. До свиданія! *(Уходитъ въ глубину).*

V.

К. Калитвинъ, Кондратьевъ, *потомъ изъ глубины* **Велелюбская.**

Калитвинъ.

Сергѣй, я оскорблять ее не позволю! Слышишь ты: не позволю! ты мнѣ заплатишь за нее!

Кондратьевъ.

Заплатишь? А чѣмъ ты, чѣмъ ты заплатишь мнѣ за нее? Вѣдь пойми, она всѣмъ была для меня, я дышалъ здѣсь ею одною—я вѣдь больше, чѣмъ ты, забросилъ все, всѣ свои работы. Я думалъ, я мечталъ, я ждалъ того мига, когда она протянетъ мнѣ руку, пойдетъ за мной,—ты у меня ее отнялъ, ты взялъ у меня все, и требуешь еще чтобы я же тебѣ заплатилъ за это!.. *(Увидя входящую Велелюбскую).* Вотъ твои героини, оставлялъ бы въ покоѣ тѣхъ дѣвушехъ... Э, да что мнѣ съ тобой говорить,—развѣ можешь ты что нибудь понять?

Калитвинъ.

Мы разрѣшимъ этотъ споръ дуэлью!

Кондратьевъ.

А! вотъ что, — дуэль! Ну, да! Конечно... это самый благородный способъ — кровью смыть оскорбленіе, — что-жъ, возьми въ секунданты этого кадета. Вотъ обратись къ его патронессѣ!

Велелюбская *(въ недоумѣніи слушавшая ихъ).*

Позвольте, господа, что такое,—я не понимаю... Почему вы говорите, что я героиня?.. Какая дуэль...

Кондратьевъ.

Лучше всего тò, что вы ничего не понимаете... Идите-ка, ложитесь спать; хотите мечтать,—идите къ своему кадету, онъ гдѣ-то здѣсь путается возлѣ сада. Это будетъ самое умное, что вы только можете сдѣлать. Живите, пока живется, — наслаждайтесь жизнью, дышите, пока дышется, а все остальное чепуха...

Велелюбская.

Monsieur Кондратьевъ, да что съ вами?

Кондратьевъ.

Ахъ, madame Велелюбская, вѣрьте, вы мнѣ, что вы, право, преумная женщина! Вы вѣдь счастливы, бываете временами? Ну, вотъ это счастье и есть жизнь, а все остальное,—это какой-то туманъ, одна блажь, горячка.

Велелюбская.

Боже мой, что это! — я это не привыкла слушать, это ужасно... *(Въ недоумѣніи скрывается въ аллею. Звѣзды погасли. Свѣтаетъ).*

VI.

Кондратьевъ *и* **Калитвинъ.**

Калитвинъ.

Значитъ, ты отказываешься, ты не хочешь со мной драться?

Кондратьевъ.

Драться съ тобой—убивать тебя? Если я былъ глупъ, если я, какъ послѣдній мальчишка, былъ смѣшенъ все лѣто, — зачѣмъ-же теперь мнѣ доводить до конца эту глупость, быть твоей же мишенью? Предложи ты мнѣ дуэль вчера, сегодня, полчаса назадъ, — а, можетъ быть, я бы ее и принялъ! Я, быть можетъ, какъ сумашедшій, пошелъ былъ на проломъ,—а теперь, теперь изъ-за чего-же мнѣ биться? изъ-за счастья, которое мнѣ не досталось?

VII.

Тѣ же и **Елена,** *запыхавшись.*

Елена.

Послушайте, что вы дѣлаете! Велелюбская мнѣ сказала, что у васъ дуэль.

Калитвинъ.

Я его вызвалъ. Онъ не принимаетъ вызова.

Кондратьевъ.

Договаривай: „струсилъ".—Оставайтесь, Елена Алексанровна при этой мысли. Я, къ величайшему вашему сожалѣнію, не доставлю вамъ удовольствія: быть героиней турнира, вдобавокъ—такихъ блестящихъ рыцарей. Быть можетъ, это, по вашему, выходитъ не... ну, какъ бы вамъ сказать, — не порядочно, что-ли; но я считаю, что такъ умнѣе, и останусь при своемъ убѣжденіи... Быть можетъ, это не картинно, недостаточно красиво—а вы такъ любите все красивое; но—увы, я не герой романа и по шаблоннымъ пружинамъ вертѣться не намѣренъ.

Елена.

Ахъ, да я рада, что у васъ все такъ кончилось!

Кондратьевъ.

За меня рады или за него?.. За себя, должно быть! Ну, скажите мнѣ только одно послѣднее слово: такъ уѣзжать?

Елена.

Да.

Кондратьевъ *(протягиваетъ ей руку, она подаетъ свою; онъ внезапно подноситъ ее къ своимъ губамъ и съ жаромъ цѣлуетъ).*

VIII.

Тѣ-же, **Анна Дмитр.** *и* **Велелюбская.**

Велелюбская.

Здѣзь, здѣсь!

Анна Дмитр. *(въ широкомъ ночномъ пенюарѣ).*

Это что? Да, всѣ здѣсь! Я не повѣрила, думала, что это она съ просонья насказала. Лена, да что ты съ ума сошла? Ночью съ ними! Онъ цѣлуетъ руки...

Елена *(прижимаясь къ ней).*

Бабушка...

Анна Дмитр. *(отстраняя ее).*

А вы что! Что вы тутъ у меня въ домѣ затѣваете, что за шумъ, за исторія ночью! Это все ты, Сергѣй, все ты...

Кондратьевъ.

Меня Константинъ вызвалъ, а не я...

Анна Дмитр.

Такъ ужъ вѣрно ты довелъ его до этого своими приставаньями... Чужое счастье поперекъ горла стало!

Кондратьевъ.

Ну, довольно, бабушка! Я васъ люблю и уважаю, но нотацій слушать не хочу.

Анна Дмитр.

Не хочешь? А знаешь, что я съ тобой сдѣлаю? Велю запереть на ледникъ, вотъ и будешь знать, какъ у меня въ саду поединки устраивать. Я тебѣ говорила, что ты въ Бога не вѣришь—моя правда! Смиренія въ тебѣ, сударь мой, нѣтъ. Уѣзжай ты отсюда, уѣзжай,— намъ такихъ не надо. Ты весь нашъ цвѣтникъ портишь,—ты съ своей ученостью, какъ бѣльмо на глазу. Я тебѣ прямо скажу: совсѣмъ я тебя разлюбила.

Кондратьевъ.

Какъ? и вы меня гоните?

Анна Дмитр.

Не гоню, а просто говорю, что большое одолженіе сдѣлаешь, если уѣдешь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Кондратьевъ *(проводя рукой по волосамъ)*.

Да, видно, такъ и придется сдѣлать.

Анна Дмитр.

Лучшую тройку велю тебѣ заложить.

Кондратьевъ.

Да, надо уѣхать! Работать у васъ здѣсь нельзя. Хорошо у васъ, ярко, цвѣтисто,—но пустота, пустота такая... такъ вотъ и засасываетъ, и затягиваетъ въ тину... *(Тряхнувъ головой)*. Ну, поѣду за границу, возьмусь за работу, весь ей отдамся, — быть можетъ, стряхну съ себя все это.

Анна Дмитр.

Смотри въ свой микроскопъ,—это, отецъ мой, дѣло по крайней мѣрѣ безобидное: никому вреда не принесешь.

Кондратьевъ.

А быть можетъ принесемъ и пользу. Ну-съ, до свиданья! Живите счастливо, такъ всю жизнь въ цвѣтахъ:

времяпровожденіе пріятное, да и со стороны пейзажа весьма интересное; а мы въ бурное море пойдемъ!.. *(Приподнимаетъ шляпу и, проходя, останавливается передъ Еленой).* Хорошая вы дѣвушка, а только... ахъ, да что тутъ! Не поминайте лихомъ! *(Уходитъ. Съ боку пробивается заря).*

IX.

Тѣ-же безъ **Кондратьева.**

Анна Дмитр.

Ну, намъ въ бурное море далеко, а вотъ мы спать пойдемъ,—это вѣрно... *(Останавливаясь передъ Константиномъ).* А ты какъ смѣлъ въ моемъ саду дуэли устраивать? Погоди, я все отцу скажу,—такъ и знай. Кабы не Наталья Петровна, чѣмъ бы это кончилось... *(Къ Велелюбской).* А вы-то чего до такого часа колобродили?

Велелюбская.

Ахъ, чего я натерпѣлась, Анна Дмитріевна... Я все слышу шумъ какой-то: то одинъ мимо оконъ пройдетъ, то другой, — я думала, не случилось ли чего, не пожаръ ли?

Анна Дмитр.

Богъ съ вами!.. Что это вамъ за страсти грезятся постоянно!

Велелюбская.

Я очень отзывчива, Анна Дмитріевна. Я, натурально. вышла на балконъ, иду по аллеѣ, — вдругъ вижу: Леночка идетъ; я кричу: Леночка, Леночка! Она ничего не слышитъ такъ, скоро идетъ. Я слышу голоса, бѣгу сюда, а они спорятъ. Сергѣй Васильевичъ показываетъ на меня пальцемъ,—вотъ, говоритъ, твоя героиня!

Анна Дмитр.

Да что это вы городите?

Велелюбская.

Ей Богу, Анна Дмитріевна, — да вотъ вы спросите Константина Алексѣевича. Такъ Константинъ Алексѣевичъ? Вотъ, говоритъ, твоя героиня... А Константинъ Алексѣевичъ: я, говоритъ, васъ вызываю... Я обомлѣла, и къ вамъ; Леночка на балконѣ сидитъ въ слезахъ, я ей кричу по дорогѣ: Леночка, тамъ стрѣляются!—а сама въ вашу комнату... *(Увидя входящаго Тальникова).* А! вотъ и Jean!

X.

Тѣ-же и **Тальниковъ.**

Тальниковъ.

Тамъ Иванъ Ивановичъ телеграмму получилъ...

Анна Дмитр.

Ну, что-жъ тамъ у него?

Тальниковъ.

Все благополучно.

Анна Дмитр.

Ну, и ладно,—а теперь спать пора... Идемте, идемте,— солнце скоро встанетъ.

Елена.

Бабушка, со днемъ рожденія!

Анна Дмитр.

Нѣтъ, матушка, утромъ, когда встанемъ, тогда и поздравь; а теперь и безъ того такъ меня поздравили, что ноги до сихъ поръ трясутся.

Тальниковъ *(зѣваетъ).*

Анна Дмитр.

Батюшки, — ротъ-то какой у него... Ну, маршъ по своимъ комнатамъ, я и двери всѣ балконныя сама

запру, а васъ тутъ оставь, вы передеретесь... Дѣтки малыя! Хороши, нечего сказать! у меня въ саду...

Калитвинъ.

Мы на опушкѣ, бабушка хотѣли...

Анна Дмитр.

Ты меня какъ смѣешь бабушкой звать? — рано еще, сударь...

XI.

Тѣ-же и **Ставучановъ** (*съ телеграммой*).

Ставучановъ.

Вотъ получилъ!

Анна Дмитр.

Ну, и что-же?

Ставучановъ.

Я, знаете, пораженъ. Онъ телеграфируетъ: „стыдно вѣрить газетнымъ беднямъ“.

Анна Дмитр.

Да вѣдь и я, отецъ мой, тоже вамъ говорила.

Ставучановъ.

Пишетъ: „не волнуйтесь понапрасну“.

Анна Дмитр.

Ну, такъ чего-жъ вы?..

Ставучановъ.

Да я все думаю, какъ же это такъ, — неужели не украли? Не подвохъ-ли тутъ съ чьей-нибудь стороны: хотятъ глаза отвести?

Анна Дмитр.

Полно вамъ! Вотъ ужъ тоже пессимистъ какой! Пойдемте спать, нечего... Ну, радикалъ, двигайтесь!..

Ставучановъ.

Это хуже, что не украли... значитъ, скоро украдутъ,—по теоріи вѣроятности, непремѣнно скоро украдутъ...

Анна Дмитр.

Идемъ, идемъ... завтра наговоримся...

(Идутъ. Совсѣмъ свѣтло. Кое-гдѣ сквозь листву про биваетcя солнце).

Занавѣсъ.

1885 г.

[redacted]

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Мотивъ заимствованъ).

Играна въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра 13 января 1886 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Зинаида Сергѣевна Васильчикова.

Орестъ Александровичъ Ольховской, ея дядя.

Юрій Николаевичъ Краснокутскій.

Слуга.

Дѣйствіе—у Васильчиковой.

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Мотивъ заимствованъ).

Играна въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра 13 января 1886 года.

въ голову пришло, и дѣло съ концомъ? А, нѣтъ,—тутъ надо извѣстнаго рода дарованіе.

Зинаида.

Въ такомъ случаѣ—всѣ ваши комплименты относятся къ повару: я выдаю ему деньги, и остальное—его дѣло.

Ольховской.

Очень жаль: однимъ талантомъ въ тебѣ, значитъ, меньше.

Зинаида.

А развѣ во мнѣ много талантовъ?

Ольховской.

Въ тебѣ? Цѣлый океанъ!

Слуга *уходитъ.*

Зинаида *(смѣется).*

Дядя! Вы сегодня себя какъ-то странно ведете. Сами назвались ко мнѣ обѣдать...

Ольховской.

Что-жъ тебѣ противно это?

Зинаида.

Не то. Вы весь день точно хотите мнѣ что-то сказать—и не рѣшаетесь. Вы мнѣ насказали за обѣдомъ такъ много хорошихъ вещей,—что и умна-то я, и красива, и образована,—ну, словомъ, совершенство всѣхъ твореній... Я чувствую, что это къ чему-то клонится. Вы, дядя, плохой дипломатъ; всѣ ваши хитрости бѣлыми нитками шиты. Ну, нечего: сознавайтесь въ чемъ дѣло.

Ольховской.

То есть что это за порода — женщины! Чортъ васъ знаетъ, откуда у васъ этотъ нюхъ, это умѣнье схватить все на лету,

Зинаида.

Ага, дядя! Значитъ я угадала... Ну-съ, и такъ...

Ольховской.

Ты думаешь, это очень легко?..

Зинаида.

Развѣ вы мнѣ хотите сообщить нѣчто ужасное?

Ольховской.

Не то что ужасное,— а только, взялъ я на себя роль, которая мнѣ совсѣмъ не къ физіономіи... Ну, я приступлю къ дѣлу прямо и откровенно.

Зинаида.

И прекрасно.

Ольховской.

Видишь-ли... *(Останавливается).*—У тебя къ кофе подаютъ ликеры?

Зинаида.

Если хотите.

Ольховской.

Я привыкъ рюмочку джинджера... Ну-съ, такъ вотъ что... Скажи пожалуйста: ты... Почему ты постоянно въ темныхъ платьяхъ?

Зинаида *(удивленно).*

Потому что это трауръ,—со дня смерти мужа не прошло еще года.

Ольховской.

Гм... такъ... Ну, да,—это понятно, не прошло года.— Ну, и скажи: ты такъ до могилы не снимешь этихъ печальныхъ цвѣтовъ?

Зинаида.

Отчего-же?

Ольховской.

То есть другими словами—ты способна забыть своего перваго мужа?

Зинаида.

Не то что забыть, — а... темныя платья мнѣ не къ лицу.

Ольховской.

Гм... Это совсѣмъ по-женски!.. Ну-съ, мы теперь на прямой дорогѣ. Твой покойникъ былъ совсѣмъ не по тебѣ. Что общаго было между тобой и имъ?

Зинаида.

Дядя, не вы-ли мнѣ его такъ усердно сватали?

Ольховской.

А Боже мой,—я тебѣ сваталъ не даромъ,—какое теперь у тебя состояніе! Но онъ былъ старъ для тебя,—онъ тебя заморозилъ. Ты вѣдь эти три года выжила какъ на полюсѣ. Теперь тебѣ нужно нѣчто совершенно противоположное...

Зинаида.

То есть — африканскую страсть? Ой, дядя, не хотите-ли вы сватать мнѣ какого-нибудь венеціанскаго мавра?

Ольховской.

Ты угадала — я именно явился къ тебѣ свахой, — простой московской свахой, замоскворѣцкой просвирней... Я хочу посватать тебѣ твоего неизмѣннаго и стараго поклонника...

Зинаида.

Дядя, въ числѣ моихъ поклонниковъ нѣтъ африканцевъ.

Ольховской.

Африканцевъ! Заладила: африканцевъ! Ты думаешь, что это очень остро? Я тебѣ хочу посватать не африканца, а нѣмца. Прекраснаго нѣмца—барона фонъ-Бока. Чего ты отворачиваешься? Прекрасный нѣмецъ?

Красивый, богатый, — въ министерствѣ на чудесномъ счету, влюбленъ въ тебя до чортиковъ! Ты знаешь-ли за нимъ кто бѣгаетъ? Сама графиня Трувиль: спитъ и видитъ выдать за него племянницу,—онъ все бросаетъ, онъ ни на что не хочетъ смотрѣть, кромѣ тебя... Я знаю многое, онъ мнѣ признался.

Входитъ **Слуга** *съ кофе.*

Ольховской.

Онъ признался... Дай-ко мнѣ ликеру, того, что, прошлый разъ подавалъ... Онъ мнѣ сказалъ все...

Зинаида.

Онъ сказалъ?

Слуга *уходитъ.*

Ольховской.

Онъ сказалъ, что врѣзался въ тебя—и зарыдалъ,—да вѣдь какъ: точно фонтанъ открылъ, такъ знаешь сразу, внезапно. Я его, конечно утѣшать, — онъ меня и проситъ быть посредникомъ. Ради Бога, говоритъ,—устройте это... Я, знаешь, въ первый разъ видѣлъ, какъ бароны плачутъ...

Зинаида.

Что-же, особенно какъ-нибудь?

Ольховской.

У, какими духами платокъ у него надушенъ! что-то такое не то восточное...

Зинаида.

Не то африканское?

Ольховской.

Такъ, знаешь, въ носъ и бьетъ. Но влюбленъ, я тебѣ скажу, до глупости, до безобразія...

Входитъ **Слуга** *съ ликеромъ.*

Ольховской.

Я, говоритъ...

Зинаида.

Что-же онъ говоритъ?

Ольховской *(Слуга).*

Больше ничего. *(Смотритъ, какъ тотъ уходитъ).* Не могу-же я при немъ... Я, говоритъ, лишенъ разсудка настолько, что съ трудомъ составляю одну докладную записку въ день, когда прежде составлялъ ихъ въ день цѣлыхъ четыре... Можешь вообразить его положеніе! Я, говоритъ, даромъ получаю жалованье. Я чувствую, что его недостоинъ. До чего ты его довела! Ай, до чего ты его довела!

Зинаида.

Я думаю, онъ самъ себя довелъ до этого...

Ольховской.

Я бы могъ сказать, что онъ наканунѣ самоубійства, если-бы ихъ раса была способна на самоубійство,—но кажется, это у нихъ строго воспрещается. Но можешь себѣ вообразить, до чего дошло дѣло. Онъ, при всей его... ну не скажу скупости... при всей его расчетливости, угостилъ меня вчера ужиномъ, да вѣдь съ какими стерлядями! Выпили мы съ нимъ четыре бутылки помери...

Зинаида.

Онъ послѣ ужина плакалъ?..

Ольховской.

Представь, — до ужина! Послѣ ужина онъ мнѣ сказалъ знаешь что: если, говоритъ, все это устроится,— я вамъ подарю такого рысака! на призы бѣгалъ!..

Зинаида.

Вотъ вы изъ-за чего стараетесь! *(Встаетъ).*

Ольховской.

Ты думаешь изъ-за этого? Ей Богу не изъ-за лошади, а изъ-за тебя: мнѣ хочется тебя пристроить... Нѣтъ, ты сядь, я не могу говорить когда ходятъ: у меня дѣлается мельканье передъ глазами... Сядь пожалуйста.

Зинаида *(садясь)*.

Ну-съ?

Ольховской.

Положенье твое, какъ молодой вдовы, безъ родныхъ, согласись, двусмысленное. Вѣдь за тобой будутъ ухаживать, пойдутъ сплетни. У тебя въ домѣ нѣтъ даже какой-нибудь старушки для приличія, такъ — для мебели, — чтобы сидѣла гдѣ-нибудь въ углу и дышала... Тебѣ необходимо обзавестись мужемъ...

Зинаида.

Ну да́,—Я это слышала. Видите, дядя,—я буду откровенна: я ни одной минуты не собираюсь остаться вдовой, и замужъ выйти думаю.

Ольховской.

Превосходно.

Зинаида.

Но баронъ этотъ... Знаю я его очень мало. Я вамъ не могу теперь ничего обѣщать — я должна съ нимъ познакомиться поближе.

Ольховской.

Превосходно,—все къ этому и велось. Онъ меня умолялъ, чтобы я пристроилъ какъ-нибудь его у тебя въ домѣ, чтобъ ты его по вечерамъ принимала. А то говоритъ, эти утренніе визиты отнимаютъ у него время по службѣ, да и офиціальны очень. А онъ, всеконечно, мечтаетъ объ интимномъ уголкѣ. Онъ теперь въ ажитаціи: ждетъ меня: я отсюда прямо къ нему.

Зинаида.

Пусть приходитъ вечеромъ, Богъ съ нимъ.

Ольховской.

Сегодня?

Зинаида.

Да хоть сегодня.

Ольховской.

Чудесно! Я поѣду въ клубъ, а къ тебѣ пришлю его. И такъ,—ты будешь баронесса...

Зинаида.

Можетъ быть... только чего добраго, онъ еще больше заморозитъ меня своими докладными записками...

Ольховской.

О, нѣтъ, это прекрасный, добрый человѣкъ...

Зинаида.

Рысака вамъ обѣщалъ.

Ольховской.

Экій языкъ у тебя... *(Встаетъ)*. Ну-съ, такъ я къ нему. *(Надѣваетъ перчатки)*. Мой тебѣ совѣтъ—бери, партія приличная, — и пригласи его бывать у тебя. Впрочемъ, постой, постой! сегодня вамъ, чего добраго, еще помѣшаютъ: знаешь, у тебя будетъ гость.

Зинаида.

Кто?

Ольховской.

Поднимаюсь къ тебѣ, встрѣчаю на лѣстницѣ, идетъ къ теткѣ обѣдать, а тетка живетъ какъ разъ ниже тебя... Знаешь кто? Краснокутскій!

Зинаида *(быстро вскакивая)*.

Краснокутскій! Развѣ онъ вернулся?

Ольховской.

Они только-что пришли изъ плаванія. Спрашиваетъ, къ кому я иду; я говорю—къ тебѣ. Развѣ она здѣсь живетъ? Здѣсь. Я, говоритъ, если она позволитъ, зайду послѣ обѣда непремѣнно; мы были прежде друзьями, она проститъ мнѣ вечерній визитъ.

Зинаида *(ходя по комнатѣ)*.

Онъ здѣсь, онъ здѣсь!

Ольховской.

Что ты, что съ тобой?.. Вели его не принимать, если это тебя безпокоитъ.

Зинаида *(подходитъ къ нему).*

Дядя, дядя, онъ здѣсь!..

Ольховской *(беретъ ее за руки).*

Да что ты, успокойся... Что онъ тебѣ?

Зинаида *(вырывая руки отходитъ въ глубину).*

Ахъ, если-бъ вы знали...

Ольховской.

Да, говори толкомъ...

Зинаида.

Положите, дядя, шляпу и сядьте, мнѣ вамъ нѣсколько словъ сказать надо.

Ольховской *(безпокойно).*

Ну, ну! *(Садится у фортепіано на табуретъ, спиной къ публикѣ).*

Зинаида *(опершись на рояль, стоитъ передъ нимъ).*

Вы помните, какъ Краснокутскій былъ принятъ въ нашемъ домѣ, какъ его всѣ любили?

Ольховской.

И ты въ томъ числѣ?

Зинаида.

Помните, онъ былъ у насъ, какъ свой, съ утра до ночи... Вы знаете, что онъ мнѣ *почти* сдѣлалъ предложеніе.

Ольховской.

Ну да,—ты не приняла, и умно поступил...

Зинаида.

Я говорю: почти. Мамаша и вы настаивали, чтобъ я вышла за Васильчикова.—Краснокутскій отправился въ

плаваніе, между нами все было кончено. Но эти три года, что его здѣсь не было—составили для меня муку... У него остались мои письма.

Ольховской.

Письма?

Зинаида.

Мы переписывались. Ничего такого особеннаго въ моихъ письмахъ не было, но мнѣ непріятно, что они остались у него. Теперь, тѣмъ болѣе я хочу, чтобъ онъ ихъ возвратилъ мнѣ,—я собираюсь замужъ, и существованіе этой переписки—совершенно лишнее.

Ольховской.

Согласенъ.

Зинаида.

Я хотѣла у васъ спросить: имѣю-ли я право потребовать эти письма обратно?

Ольховской.

Гм... Какъ тебѣ сказать... Вопросъ это щекотливый. Меня во время óно просила одна барынька возвратить ея письмецо,—я говорю: „а можно снять копію?"—это можете, говоритъ.—Я письмо возвратилъ, но предварительно засвидѣтельствовалъ у нотаріуса...

Зинаида.

Вы все шутите!

Ольховской.

Да ты просто попроси его, чтобъ онъ уничтожилъ ихъ, далъ-бы слово... Онъ человѣкъ порядочный—положиться на него ты можешь.

Зинаида.

Значитъ такъ и сдѣлать?..

II.

Тѣ-же, **Слуга**, *потомъ* **Краснокутскій.**

Слуга.

Господинъ Краснокутскій!

Ольховской.

Легокъ на поминѣ... Примешь?

Зинаида.

Да... Вы его встрѣтьте, дядя, я сейчасъ приду.

Ольховской.

Да полно, чего ты смущаешься: онъ можетъ быть давно забросилъ твои письма гдѣ нибудь въ Индѣйскомъ океанѣ.

Зинаида *(Слугѣ).*

Просите. *(Онъ уходитъ).* Такъ вы значитъ устроите, дядя?

Ольховской.

Что? насчетъ барона? Устрою, устрою!

Зинаида.

Я сейчасъ выйду *(уходитъ въ дверь, которая правѣе).*

Ольховской *(смотритъ на часы).*

Пора: баронъ ждетъ. Жеребчикъ-то, кажется, наклевывается.

Краснокутскій *(онъ въ морской формѣ).*

Еще разъ, Орестъ Александровичъ *(здоровается).* Ничего, я во время? можно видѣть?

Ольховской.

Можно, можно, подождите минутку. — Эгэ! какъ вы поправились,—поздоровѣли, похорошѣли, возмужали...

Краснокутскій.

Три года,—Орестъ Александровичъ. У васъ сколько перемѣнъ! Зинаида Сергѣевна овдовѣла!..

Ольховской.

Овдовѣла, овдовѣла, — и даже опять замужъ собралась...

Краснокутскій *(внезапно вспыхнувъ).*

Уже! За кого?

Ольховской.

То есть, видите, — это еще пока не рѣшено, но кажется за Бока...

Краснокутскій *(морщась).*

Неужели? Я его знаю: вѣдь онъ изъ папье-маше сдѣланъ.

Ольховской.

Прекрасный нѣмецъ, превосходный нѣмецъ. На хорошей дорогѣ.

Краснокутскій.

Удивляюсь выбору Зинаиды Сергѣевны...

Ольховской.

Напрасно удивляетесь: это мой вкусъ...

III.

Тѣ-же и **Зинаида Сергѣевна.**

Краснокутскій *(быстро подходитъ къ ней, беретъ за руку и остается въ нерѣшимости: цѣловать или нѣтъ).*

Зинаида Сергѣевна,—давно, давно не видались.

Зинаида.

Три года...

Краснокутскій.

А вы и не перемѣнились,—все такая-же...

Ольховской.

Ну, пора, пора мнѣ. *(Цѣлуетъ у племянницы руку и говоритъ ей тихо).* Такъ я его пришлю сейчасъ,—ты этого выпроводи скорѣе... *(вслухъ).* До свиданія, дорогой мой! Я говорю, Зина,—какъ онъ похорошѣлъ-то, а? Прелесть! Сколько, я думаю, морскихъ побѣдъ одержано...

Краснокутскій.

Морскихъ побѣдъ?

Ольховской.

Да,—только не въ открытомъ морѣ, а въ приморскихъ мѣстностяхъ... Десантъ былъ, я думаю, недурной!.. Ха, ха!.. До свиданія! *(Уходитъ).*

IV.

Зинаида Сергѣевна *и* **Краснокутскій.**

Зинаида.

Садитесь... *(Садится у камина).* Въ самомъ дѣлѣ, побѣдъ за вами много числится? Правду дядя сказалъ?

Краснокутскій.

Увы! ни одной!

Зинаида.

О!

Краснокутскій.

Вотъ за вами, кажется, побѣды есть.

Зинаида.

За мной?

Краснокутскій.

Замужъ выходите?

Зинаида.

А что? Вы думаете, что я стара?

Краснокутскій.

Напротивъ! Эти три года васъ не измѣнили: такая-же вы свѣжая, прелестная,—тѣми-же духами пахнетъ отъ васъ. Какъ вы вошли, — на меня вдругъ повѣяло прежнимъ, такимъ милымъ, хорошимъ, счастливымъ временемъ...

Зинаида.

А развѣ вы теперь несчастны?

Краснокутскій.

Не то что несчастенъ, а... Скажите, вы въ самомъ дѣлѣ выходите замужъ?

Зинаида.

Непремѣнно.

Краснокутскій.

Это дѣло рѣшенное?

Зинаида.

Рѣшенное.

Краснокутскій.

За барона?

Зинаида *(смѣется).*

Вамъ дядя сказалъ?

Краснокутскій.

Онъ...

Зинаида.

Я очень рада васъ видѣть. У меня вѣдь есть до васъ дѣло, и серьезное.

Краснокутскій.

А именно.

Зинаида.

Вы сами сразу заговорили о моемъ замужествѣ... Это мнѣ облегчило разговоръ... У меня къ вамъ просьба. У васъ есть мои письма?

Краснокутскій.

Есть.

Зинаида.

Вы ихъ не уничтожили?

Краснокутскій.

Зачѣмъ?

Зинаида.

Къ чему они вамъ! Но если они цѣлы, тѣмъ лучше: вы возвратите ихъ мнѣ.

Краснокутскій.

Какая цѣль этого возвращенія?

Зинаида.

Они меня могутъ компрометировать.

Краснокутскій.

То есть, вы думаете, что я способенъ воспользоваться ими для какихъ-нибудь цѣлей?

Зинаида.

О, нѣтъ, — но мало-ли что можетъ случиться. Они могутъ попасться кому-нибудь въ руки. Это совершенно лишнее.

Краснокутскій.

Они ни къ кому никогда не попадутъ.

Зинаида.

Но если я васъ прошу? Неужели-же вамъ такъ трудно съ ними разстаться?

Краснокутскій.

Говорить правду? Трудно.

Зинаида.

Вы-бы мнѣ этимъ оказали большое одолженіе.

Краснокутскій (*послѣ нѣкотораго колебанія*).

Извольте.

Зинаида.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Краснокутскій.

Если хотите—сейчасъ. (*Вынимаетъ изъ боковаго кармана пачку писемъ*).

Зинаида (*съ легкимъ вскрикомъ*).

Какъ, они съ вами?

Краснокутскій (*нѣсколько небрежно*).

У меня всѣ документы со мной. Я только вчера изъ Кронштадта, всѣ сундуки еще заперты.

Зинаида.

Вы мои письма причисляете къ документамъ?

Краснокутскій.

Отчасти. Это протоколы давно-минувшихъ событій, удостовѣренныя подписями дѣйствующихъ лицъ. (*Развязываетъ пачку*). Любопытно знать, что-же вы будете дѣлать съ ними?

Зинаида.

Уничтожу. Самое лучшее, чтобъ намъ обоимъ успокоиться...

Краснокутскій.

Да я совершенно спокоенъ...

Зинаида (*не слушая*).

Самое лучшее бросить теперь-же все это въ огонь, благо каминъ топится. Я вамъ препоручаю устроить это ауто-да-фе.

Краснокутскій (*пристально смотритъ на нее*).

Зинаида.

Что вы смотрите? — у меня сегодня немного нервы ходятъ.

Краснокутскій (*послѣ паузы*).

Такъ жечь?

Зинаида.

Жечь!

Краснокутскій.

Мнѣ это крайне непріятно, а надо повиноваться. Я дѣлаю это для васъ. Но услуга за услугу. Окажите мнѣ маленькое удовольствіе: преступнику предъ казнью оказываютъ разныя льготы.

Зинаида.

Что именно?

Краснокутскій.

Позвольте мнѣ передъ этимъ сожженіемъ прочесть письма.

Зинаида.

Сдѣлайте одолженіе.

Краснокутскій.

Только вслухъ.

Зинаида.

Зачѣмъ это?

Краснокутскій.

Я этого прошу.

Зинаида *(холодно)*.

Извольте... Хотите кофе?

Краснокутскій.

Merci,—я пилъ.

Зинаида.

Вамъ не темно?

Краснокутскій.

Нѣтъ, видно. *(Пододвигаетъ къ себѣ свѣчу подъ колпачкомъ, что стояла на столѣ).* Зинаида Сергѣевна,—говорятъ, вы были несчастны замужемъ?

Зинаида.

Нѣтъ.

Краснокутскій.

Вѣдь Васильчиковъ ничѣмъ не подходилъ къ вамъ, вы и молоды были для него, да и...

Зинаида.

Оставимте этотъ разговоръ—онъ къ дѣлу не относится.

Краснокутскій.

Въ такомъ случаѣ, я буду читать...

Зинаида.

Пожалуйста.

Краснокутскій *(читаетъ).*

„Любезный Юрій Николаевичъ, мамаша васъ проситъ завтра обѣдать къ намъ. Надѣюсь, вы не откажете. Зина."

Зинаида.

Только?

Краснокутскій.

Только.

Зинаида.

Не много.

Краснокутскій.

Тамъ далѣе будетъ больше.

Зинаида.

Можете это письмо сохранить — ничего не имѣю противъ.

Краснокутскій.

Нѣтъ, зачѣмъ-же,—ужъ коли жечь, такъ все... *(Бросаетъ записку въ огонь).* Смотрите, не хочетъ горѣть... *(Поправляетъ щипцами).* Ага, загорѣлась... Покраснѣло,

свернулось въ трубку, скрутилось, — одинъ пепелъ — и тотъ кверху улетѣлъ...

Зинаида.

Къ небесамъ?

Краснокутскій.

Да!.. А знаете, — это была первая ваша записка ко мнѣ, — оттого я ее и хранилъ.

Зинаида.

Отчего-же вы не хотѣли ее сохранить?

Краснокутскій *(рѣзко).*

Зачѣмъ?

Зинаида.

Читайте далѣе.

Краснокутскій *(читаетъ).*

„Вы насъ совсѣмъ забыли; приходите, мнѣ очень скучно. Приносите книгъ. Посидимъ, поболтаемъ..." Кидать? *(Зинаида киваетъ головой. Онъ кидаетъ и развертываетъ новое письмо).* „Я васъ ненавижу..."

Зинаида.

Ого!

Краснокутскій.

Сильно сказано!.. „Я васъ ненавижу: какое право вы имѣли вчера такъ внезапно схватить мои руки и цѣловать ихъ. Вы воспользовались тѣмъ, что никого не было въ комнатѣ. Это безчестно и низко. Я васъ ненавижу. Мамаша васъ проситъ притти сегодня къ обѣду, и велѣла мнѣ написать вамъ. Знайте: я скажу, что у меня болитъ голова, и къ обѣду не выйду..." Однако вы вышли.

Зинаида.

Да?

Краснокутскій.

Да.—А на слѣдующій день я получилъ вотъ эту записку. „Если вчера"... ахъ, виноватъ, я не бросилъ этого письма въ огонь *(бросаетъ)*. „Если вчера я не сдержала обѣщанія и вышла къ столу, то надѣялась что вы по крайней мѣрѣ найдете случай, тихонько отъ другихъ, извиниться за третьяго дня. И что-же: вы хоть-бы слово. Я васъ не только ненавижу, — я васъ презираю." *(Бросаетъ письмо)*.

Зинаида.

Какія все короткія записки...

Краснокутскій *(развертываетъ еще письмо)*.

„Милый мой, дорогой!.."

Зинаида.

Что-о?

Краснокутскій *(очень спокойно)*.

„Милый мой, дорогой!.."

Зинаида.

Это когда-же писано?

Краснокутскій.

Черезъ день. — Немножко рѣзкій переходъ, но это ничего. „Милый мой, дорогой!.."

Зинаида.

Вы ужъ это читали два раза...

Краснокутскій.

„...дорогой! Какъ я счастлива. Вчерашній день рѣшилъ все. Ты не можешь вообразить, какой восторгъ, какое счастье охватило меня. Я полна, полна тобою..."

Зинаида *(нервно встаетъ и начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ)*.

Краснокутскій.

„...Только-бы ты меня не разлюбилъ, а я никогда, никогда не разлюблю тебя...“

Зинаида.

Тамъ еще много, въ этомъ письмѣ?

Краснокутскій.

Много. Продолжать?

Зинаида.

Продолжайте.

Краснокутскій.

„...я никогда не разлюблю тебя. Противный! Можно-ли было такъ прямо подойти, схватить меня и поцѣловать...“ Вы, Зинаида Сергѣевна, помните, это было въ угольной гостиной, вы сидѣли у фортепьяно и играли...

Зинаида *(все ходитъ)*.

Да, да, помню...

Краснокутскій.

Я смотрѣлъ на вашу головку, на вашу милую фигурку, — и вдругъ меня охватилъ такой приливъ страсти... Я подошелъ къ вамъ... Это даже для меня неожиданно вышло,—запрокинулъ вашу головку...

Зинаида *(нетерпѣливо)*.

Я помню... Тамъ дальше въ письмѣ ничего нѣтъ?

Краснокутскій.

Я до сихъ поръ слышу, чувствую этотъ мотивъ,—и какъ вы хорошо тогда играли...

Зинаида.

Дочитывайте письмо.

Краснокутскій.

„Какое счастье, что ты мой. Приходи, приходи непремѣнно къ намъ каждый день,—я не могу жить безъ тебя. Прощай милый, дорогой, хорошій. Твоя Зина...“ Туда-же его?

Зинаида.

Туда-же.

Краснокутскій *(кидаетъ и беретъ новое).*

„Дорогой мой Юрій, — неужели-же нельзя избѣжать этого противнаго плаванія? Сейчасъ дядя говорилъ, что ты назначенъ...“

Зинаида *(подходитъ къ роялю, открываетъ крышку и беретъ нѣсколько аккордовъ).*

Краснокутскій *(останавливается и смотритъ на нее).*

Зинаида... Сергѣевна—зачѣмъ вы... зачѣмъ вы этотъ мотивъ?..

Зинаида *(захлопывая крышку, отходитъ на авансцену).*

Я вспоминала, думала, что забыла... Продолжайте. *(Садится).*

Краснокутскій.

„...дядя говорилъ, что ты назначенъ въ плаваніе. Неужели, неужели ты уѣдешь, и намъ суждено разстаться? Развѣ это плаваніе нельзя какъ-нибудь отложить, или замѣнить чѣмъ-нибудь. Дорогой мой, милый, прелестный! на кого ты оставишь свою Зину...“

Зинаида *(скрывая волненіе).*

Вотъ это хорошо написано...

Краснокутскій.

Хорошо. Слогъ не совсѣмъ литературный... Бросать?

Зинаида.

Это даже жалко. Ну, да ужъ все равно—всѣмъ туда дорога.

Краснокутскій.

Да,—я помню, что я отвѣтилъ на это письмо: „Зинокъ мой,—все, что ты только хочешь...“

Зинаида.

Неправда, неправда, — на *ты* вы никогда не смѣли мнѣ писать

Краснокутскій.

Нѣтъ, я именно писалъ на *ты*..

Зинаида.

Да нѣтъ-же, говорю вамъ...

Краснокутскій.

Вы забыли?

Зинаида.

Я забыла. Да вы съ ума сошли! *(Быстро подходитъ къ серебряному баулу и выхвативъ пачку писемъ, находитъ одно)*. Я вамъ докажу, я вамъ сейчасъ докажу, какъ вы заблуждаетесь. *(Читаетъ)*. „Зинокъ мой,—все что вы желаете: ваше желаніе законъ,—скажите одно слово — я выйду въ отставку, всю службу пошлю къ чорту...“

Краснокутскій *(вкрадчиво)*.

А у васъ всѣ мои письма цѣлы?..

Зинаида *(нѣсколько смутившись)*.

Вы видите—я права...

Краснокутскій.

Вижу,—я извиняюсь..

Зинаида *(закрывъ ящикъ, хочетъ его запереть)*.

Краснокутскій.

Позвольте,—а развѣ вы мои письма жечь не будете?

Зинаида *(послѣ минутнаго колебанія).*

Конечно буду, и даже не перечитывая...

Краснокутскій.

Вотъ какъ!

Зинаида *(кидаетъ въ каминъ всю пачку).*

Смотрите, какъ весело они горятъ, — куда веселѣе моихъ... Должно быть у васъ было больше жара... А теперь—осталась только зола...

Краснокутскій *(задумчиво).*

Стоило хранить три года,—для того, чтобы бросить въ огонь...

Зинаида.

Я, признаться, совсѣмъ забыла, что они лежатъ тутъ, въ баулѣ...

Краснокутскій.

Вотъ какъ!

Зинаида.

Да. *(Нервно захлопываетъ ящикъ и небрежно швыряетъ его на столъ).*

Краснокутскій.

Продолжать?

Зинаида.

Продолжайте.

Краснокутскій.

Я пропускаю нѣсколько писемъ. *(Небрежно швыряетъ пять или шесть писемъ въ огонь).* Вотъ, ваше письмо, первое письмо, полученное мною во время плаванія. Сколько въ немъ чувства, сколько милой, живой поэзіи. „Мой дорогой, мой милый другъ,—мнѣ съ каждымъ днемъ все грустнѣе и грустнѣе,—все сознательнѣе дѣлается эта пустота вокругъ. Зачѣмъ мы встрѣтились, и зачѣмъ разстались! Тоска, тоска страшная...

Самое ужасное—это то, что я не предвижу, когда судьба столкнетъ насъ снова—когда и гдѣ встрѣтимся мы..."

Зинаида *(начинаетъ опять ходить по комнатѣ).*

Краснокутскій.

„...Оттого и рыдала-то я такъ горько, разставаясь съ тобою: я чувствовала, что теряю тебя, теряю, быть можетъ, навсегда... Не сердись, моя радость, за эти мрачныя прѣдсказанія, самъ-же ты просилъ писать только то, что диктуетъ сердце. Я вѣрю въ предчувствія и оплакиваю нашъ чудный, поэтическій сонъ... Любить, любить хочу тебя, и вѣрь—никому, кромѣ тебя, принадлежать не буду..." *(Торопливо).* Прикажете кидать?

Зинаида.

Какъ хотите...

Краснокутскій.

Вы полгода спустя вышли замужъ?

Зинаида *(останавливаясь, вызывающе смотритъ на него).*

Вышла. Ну и что-же?

Краснокутскій *(читаетъ).*

„...Никому, кромѣ тебя, принадлежать не буду..."

Зинаида *(съ жаромъ).*

Да поймите вы, поймите, что мнѣ выхода не было. Мать была чуть не при смерти, она съ ужасомъ думала, какъ я останусь одна, совсѣмъ одна, на рукахъ взбалмошнаго дяди. Она заклинала меня идти за Васильчикова. Я плакала, я молилась, я видѣла какъ она таяла день ото дня, — вы были гдѣ-то за десятки тысячъ верстъ, — ни писемъ, ни слуховъ... Что-же мнѣ оставалось дѣлать,—что дѣлать!.. Она-же меня уговорила, чтобъ я не портила вашей карьеры, отправила въ плаваніе, и она-же умолила меня выйти за другого. Вы спросите—мнѣ-то, мнѣ что пришлось вытерпѣть и вынести... *(Опускается въ слезахъ у стола).*

Краснокутскій.

Но, однако, вы примирились съ этой жизнью?

Зинаида.

Я примирилась!? Кто вамъ сказалъ... Да развѣ это жизнь была? Это былъ болѣзненный бредъ.

Краснокутскій.

Но вѣдь теперь это прошло... Успокойтесь, успокойтесь... Послушайте, да неужели... Неужели теперь не сбудутся наши мечты,—неужели-же послѣ всѣхъ этихъ бурь, послѣ этихъ ураганов, мы не подойдемъ къ мирной, спокойной пристани?.. Еще вся жизнь впереди,—и сильны мы, и молоды, и независимы: что же еще намъ надо для счастья?.. Зина, разсвѣтъ впереди—смотрите, какимъ блаженствомъ надѣлитъ насъ судьба...

V.

Тѣ-же и **Слуга.**

Слуга.

Баронъ фонъ-Боккъ.

Краснокутскій (*внезапно остановившись*).

А!.. онъ!..

Зинаида (*слугѣ*).

Скажите, что я больна и принять не могу

Слуга (*уходитъ*).

Краснокутскій (*съ изумленіемъ*).

Больны?

Зинаида.

Да, мнѣ нездоровится... Я не могу никого видѣть...

Краснокутскій.

Прикажете уйти?

Зинаида *(послѣ паузы).*

Останьтесь... *(Берется за голову).* Мнѣ въ самомъ дѣлѣ не здоровится...

Она подходитъ къ роялю, открываетъ крышку и начинаетъ играть тотъ мотивъ, аккорды котораго брала передъ этимъ. Онъ смотритъ долго на нее, потомъ подходитъ тихонько, останавливается, вдругъ наклоняется, запрокидываетъ ея голову и цѣлуетъ. Она перестаетъ играть.

Занавѣсъ опускается.

1885 г.

СТАРАЯ СКАЗКА.

КОМЕДІЯ

въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Представлено въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра 17 ноября 1886 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Александръ Андреевичъ Рахмановъ, редакторъ большого повременнаго изданія.

Нина Алексѣевна, жена его.

Анна Ивановна Багряницына, ея мать.

Ѳедоръ Васильевичъ Штейнъ, полковникъ.

Катерина Ѳедоровна, жена его.

Николай Николаевичъ Алымовъ, докторъ.

Марья Никитична,—гувернантка въ домѣ Рахмановыхъ.

Зоя Павловна Крамская.

Тертій Петровичъ Веретенниковъ, присяжный повѣренный, уже немолодой, съ сѣдоватой бородкой, въ очкахъ.

Тихоміровъ, секретарь редакціи.

Конторщикъ.

Горничная Рахмановой.

Лакей Алымова.

Первыя два дѣйствія происходятъ въ Петербургѣ, у Рахмановыхъ; третье—въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ Алымова; четвертое—въ Павловскѣ, на дачѣ Рахманова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ. Двѣ двери въ глубинѣ: справа и слѣва. На дверяхъ и окнахъ тяжелыя драпировки на кольцахъ. Много шкаповъ съ книгами, этажерокъ. Направо, на авансценѣ, подъ прямымъ угломъ къ рампѣ—огромный письменный столъ. Посреди комнаты маленькая сафьянная кушетка и круглый столъ заваленный книгами. Налѣво, на первомъ планѣ, теплится каминъ.

I.

Рахмановъ, *потомъ* **Тихоміровъ. Рахмановъ,** *за письменнымъ столомъ перебираетъ бумаги, потомъ звонитъ въ ударный колокольчикъ. Изъ правой двери входитъ* **Тихоміровъ.**

Рахмановъ.

Владиміръ Петровичъ, — пожалуйста, если кто изъ незнакомыхъ будетъ меня спрашивать — не пускайте сюда. Постарайтесь сами переговорить съ ними, узнать что надо. А то каждый день у меня здѣсь толчея такая...

Тихоміровъ.

Хорошо-съ.

Рахмановъ.

Въ конторѣ никого сегодня не было?

Тихоміровъ.

Былъ какой-то господинъ со статьей. Статья, кажется полемическаго характера. Хотѣлъ непремѣнно васъ видѣть.

Рахмановъ.

Вы сказали ему, что у насъ не ежедневная газета, и полемику мы совершенно исключили изъ нашей программы?

Тихоміровъ.

Говорилъ, — но вѣдь развѣ съ ними можно ладить: затвердилъ—„я хочу говорить съ редакторомъ"...

Рахмановъ.

Нѣтъ, пожалуйста, не пускайте его сюда. Мнѣ нездоровится, и право не до постороннихъ.

Тихоміровъ.

Блѣдный вы какой сегодня, — работаете много, устаете...

Рахмановъ *(почти про себя)*.

А, что работа,—все это вздоръ... Такъ, пожалуйста, сдѣлайте, какъ я сказалъ.

II.

Тѣ-же и **Конторщикъ**, *потомъ* **Нина Алексѣевна**. **Конторщикъ**, *войдя справа, кладетъ письма на столъ.*

Рахмановъ *(мелькомъ взглянувъ на нихъ)*.

Попросите сюда барыню. *(Конторщикъ уходитъ въ дверь налѣво)*.

Тихоміровъ.

Не прикажете-ли посмотрѣть новую бумагу финляндскаго производства? Старая стала изъ рукъ вонъ плоха.

Рахмановъ *(разсматривая конверты).*

Что?

Тихоміровъ.

Не съѣздить-ли посмотрѣть новую бумагу того фабриканта, что былъ вчера?

Рахмановъ *(поднимая голову).*

Бумагу? Да дѣлайте какъ хотите, вѣдь вы сами лучше знаете;—зачѣмъ вы спрашиваете меня.

Тихоміровъ.

Потомъ надо-бы въ типографію сдать рукописи слѣдующей книжки. Метранпажъ здѣсь сидитъ какъ разъ,—онъ и снесетъ.

Рахмановъ.

Хорошо—только это потомъ, Владиміръ Петровичъ,—вы подождите. Теперь я не могу,—мнѣ надо подобрать ихъ. Я подберу и позову васъ тогда.

Слѣва выходитъ Нина Алексѣевна. Конторщикъ, сзади ея, проходитъ въ правую дверь.

Нина Алек.

Ты звалъ меня? Здравствуйте. (*Подаетъ руку Тихомірову*).

Рахмановъ.

Письмо тебѣ отъ твоей мамы.

Нина Алек.

А! (*Беретъ письмо и садится на кушетку*).

Тихоміровъ.

Больше ничего-съ?

Рахмановъ.

Ничего. (*Тихоміровъ уходитъ*).

III.

Рахмановъ *и* **Нина Алексѣевна.** *Она читаетъ письмо. Онъ тоже просматриваетъ принесенную корреспонденцію, распечатывая одинъ конвертъ за другимъ. Изрѣдка онъ взглядываетъ на жену. Дочитавъ, она опускаетъ письмо.*

Рахмановъ.

Что она пишетъ?

Нина Алек.

Спрашиваетъ о здоровьѣ Оли.

Рахмановъ.

А какъ Олѣ сегодня?

Нина Алек.

Гораздо лучше. Она спала спокойнѣе. Я жду Николая Николаевича—что онъ найдетъ. *(Пауза).*

Нина Алек.

Все-таки, надо правду сказать, онъ скоро поправилъ ее: онъ хорошій докторъ.

Рахмановъ *(небрежно).*

Да, у него способности. *(Вскрывая конверты).* Я право не знаю, сколько дать за эту болѣзнь.

Нина Алек.

Съ какой стати: онъ твой товарищъ по гимназіи. Онъ обидится.

Рахмановъ *(нервно).*

Ты думаешь?

Нина Алек.

Какъ ты перемѣнился за это время.

Рахмановъ.

Да?

Нина Алек.

Ты какъ-то нервенъ, порывисто лихорадоченъ. Что съ тобой?

Рахмановъ.

Ничего.

Нина Алек.

Ты нездоровъ,—у тебя совсѣмъ воспаленные глаза. Мама еще недавно мнѣ это замѣтила, говорила, чтобы я обратила вниманіе.

Рахмановъ.

Нѣтъ,—я здоровъ. А такъ что-то мнѣ не по себѣ. Я не вѣрю ни въ какія предчувствія, ни въ какія вздоры и бабьи сказки. А вотъ сердце у меня такъ сжимается, какъ никогда. Я вздохнуть не могу. Понимаешь—вотъ тутъ *(показываетъ)* стѣсненіе до боли... *(Пристально смотритъ на нее)*. Точно что случится... и скоро.

Нина Алек. *(не смотря на него, вертитъ письмо)*.

Тебѣ въ самомъ дѣлѣ слѣдовало-бы лѣчиться, и какъ надо. Поѣхаль-бы ты куда-нибудь лѣтомъ на воды.

Рахмановъ.

Одинъ?

Нина Алек. *(поднимая на него глаза)*.

Что-же, ты боишься меня оставить? Маленькая я, что-ли?

Рахмановъ.

Отчего-же ты не можешь ѣхать со мной?

Нина Алек.

Какъ? Съ дѣтьми? Съ двумя дѣвочками?

Рахмановъ.

Отчего-же нѣтъ? Уѣхали-бы куда-нибудь подальше, подальше отсюда...

Нина Алек.

Нѣтъ, ты положительно боленъ. А я было шла поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ.

Рахмановъ *(быстро вставая)*.

О дѣлѣ? О какомъ?

Нина Алек.

Да что ты?.. Не о чемъ особенномъ: — о нашей гувернанткѣ.

Рахмановъ.

Ага, вотъ о чемъ! *(Опускается въ кресло и барабанитъ по столу пальцами)*. Что-же ты хотѣла сказать о гувернанткѣ?

Нина Алек.

Я хотѣла сказать, что вотъ кому надо было-бы сдѣлать подарокъ. Она такъ ходила за Олей, какъ за родной сестрой. Просиживала у нея ночи.

Рахмановъ.

Не люблю я ее.

Нина Алек.

За что? Скромная, милая дѣвушка.

Рахмановъ.

Напускное все это. Вѣчно—размѣренный тонъ, прилизанъ волосокъ къ волоску, постоянное спокойствіе,— ни улыбки, ни смѣха...

Нина Алек.

Да, но какъ хочешь, все-таки ей надо что нибудь подарить. Поблагодари ее отъ себя: сегодня платежъ жалованья.

Рахмановъ.

Изволь. Если это надо, если ты хочешь... *(Останавливается и потомъ рѣшительно)*. Послушай, я вотъ получилъ и хотѣлъ тебѣ прочесть... *(Вынимаетъ изъ стола письмо)*.

Нина Алек.

Опять о Западномъ краѣ?

Рахмановъ *(опуская письмо, послѣ небольшой паузы)*.

Да, я думаю... Я думаю, что тебѣ будетъ скучно.

Нина Алек. *(умостившись удобнѣе на кушеткѣ).*

Нѣтъ, отчего-же, читай, я привыкла.

Рахмановъ *(косо усмѣхнувшись).*

Привыкла скучать со мной?

Нина Алек.

Ты, кажется, никогда не замѣчалъ, скучаю я, или нѣтъ. Да и вообще тебѣ такъ мало дѣла до меня.

Рахмановъ.

Ты думаешь?

Нина Алек.

Мы шесть лѣтъ женаты, Саша. Шесть лѣтъ — это срокъ, и большой срокъ... Въ шесть лѣтъ можно узнать человѣка.

Рахмановъ.

Трудно.

Нина Алек.

Почему?

Рахмановъ.

А потому что человѣкъ вообще, а женщина въ особенности — загадка. Ты думаешь, я знаю тебя? Нѣтъ. Богъ тебя вѣдаетъ, хорошая ты женщина, или дурная,—прямое-ли ты, честное существо, или нѣтъ.

Нина Алек. *(встаетъ).*

Ты совсѣмъ сегодня не въ духѣ.

Рахмановъ.

Отчего-же ты смущаешься, зачѣмъ встаешь?

Нина Алек.

Я не смушаюсь, а только мнѣ не нравится этотъ разговоръ. Я не привыкла къ такимъ бесѣдамъ.

Рахмановъ.

То-есть что это значитъ—къ такимъ?

Нина Алек.

Вообще ты разговорами никогда меня особенно не баловалъ. Въ послѣднее время ты началъ со мной разговаривать, и все какими-то неясными намеками, полусловами.

Рахмановъ.

Да вѣдь и ты тоже никогда не была со мной особенно разговорчива.

Нина Алек.

Не о чемъ намъ было говорить. Ты знаешь всю мою жизнь, я—твою. Прелесть новизны потеряна. Интересуемся мы взаимно очень мало. Мы слишкомъ привыкли другъ къ другу. Шесть лѣтъ, я повторяю,—это много, очень много времени.

Рахмановъ.

Я не совсѣмъ понимаю: что ты разлюбила меня, что-ли?

Нина Алек.

Знаешь, я этого вопроса не ожидала, никакъ не ожидала отъ тебя. Я даже не могу на него отвѣтить. Развѣ ты любилъ меня когда?

Рахмановъ.

А развѣ нѣтъ?

Нина Алек.

Ты—милый, ты очень милый человѣкъ,—и честный и хорошій. Но зачѣмъ-же притворяться: ты женился на мнѣ ради заведеннаго порядка. Всѣ женятся — какъ-же тебѣ не жениться? Ты обезпеченъ, уменъ, талантливъ, недуренъ собой, за тобой женщины бѣгали— были три-четыре побѣды, доставившія тебѣ лавры. Ты наконецъ сказалъ: „довольно! пора быть солиднымъ человѣкомъ, для пріемовъ мнѣ нужна хорошенькая жена".—Это такая стародавняя, избитая исторія—твоя женитьба. Послушай,—я вѣдь тебя очень люблю—ты чрезвычайно хорошъ и удобенъ для общежитія, чудесный человѣкъ, но...

Рахмановъ.

Но выдохся для тебя? Потерялъ, какъ ты сейчасъ сказала, прелесть новизны?.. Что-же, ты собираешься влюбиться въ кого?

Нина Алек.

Я тебѣ повторяю, что на эту тему не хочу разговаривать. Ну, ты читать не будешь, что хотѣлъ?

Рахмановъ.

Нѣтъ.

Нина Алек.

Такъ я пошлю къ тебѣ Марью Никитичну. *(Останавливается въ полъ-оборота).* А все-таки я скажу, что тебѣ надо лѣчиться—и лѣчиться серьезно. Поѣзжай на воды—это необходимо для тебя. Тебѣ надо успокоиться... *(Уходитъ).*

Рахмановъ *(смотритъ долго ей вслѣдъ, потомъ проводитъ нервно рукой по лбу).*

А, все это нелѣпыя фантазіи, пустяки... *(Беретъ перо и начинаетъ писать; потомъ подымаетъ голову и смотритъ на ея дверь).* Зачѣмъ она смущается, краснѣетъ?.. И потомъ это письмо... *(Отбрасываетъ перо, открываетъ конторку и вынимаетъ изъ нея пачку рукописей, затѣмъ звонитъ).*

IV.

Рахмановъ *и* **Тихоміровъ,** *справа; потомъ* **Марья Никитична.**

Рахмановъ.

Вы спрашивали у меня наборъ:—вотъ вамъ. Перенумеруйте въ томъ порядкѣ, какъ онѣ лежатъ, — и сдайте. *(Тихоміровъ беретъ тетради и уходитъ. Рахмановъ сидитъ задумавшись, запустивъ пальцы въ волосы. Марья Никитична входитъ и подходитъ къ столу. Онъ поднимаетъ голову).*

Рахмановъ.

Ахъ, виноватъ... Я васъ просилъ сюда, хотѣлъ, во-первыхъ, выдать вамъ жалованье...

Марья Никит.

Да, сегодня срокъ,

Рахмановъ.

А во-вторыхъ, поблагодарить васъ за ваше сочувствіе, за ваши заботы объ Олѣ.

Марья Никит.

Это моя обязанность.

Рахмановъ.

Вы не обязаны быть сидѣлкой. Жена говоритъ, что вы ночи просиживали у бѣдной дѣвочки.

Марья Никит.

Нина Алексѣевна такъ добра. Она сама гораздо больше сидѣла. Да это и понятно — она мать. Олечкѣ было такъ плохо, такъ плохо... Но вотъ кто меня чрезвычайно удивляетъ—это Николай Николаевичъ.

Рахмановъ.

А что-же?

Марья Никит.

Какъ онъ просиживалъ до бѣла-дня въ дѣтской? Такое вниманіе доктора—это право такъ удивительно въ наше время. Съ тѣхъ поръ, какъ меня съ Катей перевели изъ дѣтской — онъ по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ тамъ съ Ниной Алексѣевной. Лѣкарство такъ аккуратно давали черезъ каждые два часа.

Рахмановъ.

А я не зналъ, что онъ оставался такъ долго.

Марья Никит.

Третьяго дня онъ въ шесть часовъ ушелъ. Сидятъ такъ тихо на диванчикѣ, знаете, что въ углу,—боятся слова сказать громко, — все шепотомъ. Конечно, онъ вашъ товарищъ дѣтства—это все онъ для васъ дѣлаетъ.

Рахмановъ *(встаетъ и ходитъ)*.

Да, да,—для меня.

Марья Никит.

Я даже не могу сказать, чтобы онъ любилъ особенно Олечку. Онъ никогда ее не ласкаетъ, относится къ ней совершенно холодно. Мнѣ даже иногда кажется, что она раздражаетъ его. Сидятъ они иногда съ Ниной Алексѣевной, разговариваютъ, — вдругъ Оля вбѣжитъ, кинется къ нему, а онъ такъ брови сдвинетъ...

Рахмановъ *(останавливается)*.

Гм...

Марья Никит.

Да, — а теперь вдругъ такое вниманіе. Нѣтъ, это положительно для васъ дѣлается. Да, это понятно, это совершенно понятно. Онъ такъ привязанъ къ вашему дому. *(Слегка вздохнувъ)*. Да, это неоцѣненный человѣкъ. Олечкѣ только благодаря ему стало легче.

Рахмановъ *(раздраженно прерывая ее)*.

Ну-съ, такъ вотъ такъ... Все-таки вы, не смотря на вашу... скромность, принесли много пользы Олѣ. Я очень радъ.

Марья Никит. *(встаетъ)*.

Благодарю васъ. Вѣрьте въ искренность моихъ чувствъ, Александръ Андреевичъ. Я такъ рада, что мнѣ пришлось служить въ вашемъ домѣ, быть вамъ полезной хоть чѣмъ нибудь...

V.

Тѣ-же; справа **Конторщикъ,** *потомъ* **Алымовъ** *и* **Штейнъ.**

Конторщикъ.

Господинъ Штейнъ и Николай Николаевичъ.

Марья Никит.

Ну вотъ, какъ я рада: а то Нина Алексѣевна безпокоится, что доктора нѣтъ. Пойти сказать; благодарю васъ, Александръ Андреевичъ... *(Уходитъ)*.

Рахмановъ.

Цѣлую ночь до шести часовъ... и все это для меня, Прекрасный докторъ... *(Алымовъ и Штейнъ здороваются съ Рахмановымъ).*

Алымовъ.

Ну что Оля?

Рахмановъ.

Ничего. Вѣдь ты ушелъ, сегодня на разсвѣтѣ,—тебѣ, какъ доктору, лучше знать.

Алымовъ.

Вчера ей лучше стало къ вечеру.

Рахмановъ.

Пройди туда, посмотри. Нина ждетъ тебя.

Алымовъ.

Она все говоритъ, что ты нездоровъ. У тебя, въ самомъ дѣлѣ, видъ не важный (*Штейну*). Какъ вы находите?

Штейнъ.

Да блѣденъ, очень блѣденъ, даже желтъ. Знаете— журнальная дѣятельность такъ раздражаетъ милѣйшаго Александра Андреевича, такъ раздражаетъ...

Алымовъ.

Я зайду къ тебѣ потомъ, отъ Оли.

Рахмановъ.

Да, зайди—мнѣ надо поговорить съ тобой.

Алымовъ уходитъ налѣво.

VI.

Рахмановъ *и* **Штейнъ.** (*Рахмановъ по прежнему за письменнымъ столомъ, Штейнъ въ креслахъ, по другую сторону стола*).

Штейнъ.

У васъ, я думаю, это печень, многоуважаемый Александръ Андреевичъ. У меня тоже печень. Вы знаете,—

у меня ужъ давно печень. О, очень давно! И вотъ Николай Николаевичъ меня лѣчитъ — и съ тѣхъ поръ мнѣ, такъ сказать, въ значительной мѣрѣ легче. Я хожу, ѣмъ, пишу, сажусь на лошадь, и ничего,—Николай Николаевичъ прекрасный діагностъ. Вотъ моя жена, напримѣръ: вы знаете, какіе у нея нервы,—чуть что,—сейчасъ истерика. Теперь она по утрамъ глотаетъ какой-то бѣлый порошо́къ, — и увѣряю васъ, она стала гораздо спокойнѣе. А вѣдь у нея безпокойство съ самаго дня свадьбы: она точно, съ позволенія сказать, ртуть. Никогда она не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Мы вѣдь вообще представляемъ съ нею въ нѣкоторомъ родѣ контрасты. Контрасты вообще дополняютъ человѣка. Мнѣ кажется, что именно это и есть счастливый бракъ. Знаете, какъ французы говорятъ: les extrêmes...

Рахмановъ.

Вы думаете?

Штейнъ.

О, да! Конечно! Что такое любовь — вы знаете, что такое любовь, Александръ Андреевичъ? Это извѣстные токи и не больше. Что такое взаимное влеченіе? Столкновеніе двухъ электрическихъ токовъ—и только. Если одинъ заряженъ положительно, другой отрицательно—тѣла́ притянулись. А два однородныхъ тока—отталкиваются. Законъ физики—не больше. Вы возьмите бузинный шарикъ, знаете, простой шарикъ изъ бузины...

Рахмановъ.

А изъ васъ кто-же заряженъ отрицательно: вы или Катерина Ѳедоровна?

Штейнъ.

О, конечно Катерина Ѳедоровна, конечно! Все положительное ей чуждо. Вѣдь если я съ нею примиряюсь, то только благодаря контрастамъ,—о, только поэтому! Когда она начинаетъ мнѣ противорѣчить, сопротивляться,—я только вспоминаю свою теорію: я говорю: „Боже мой, это токи, это не болѣе какъ токи!“ Я ее поцѣлую, и все кончается этимъ. А она такая прелестная, такая свѣжая, такая здоровая женщина. Я

очень счастливъ въ супружествѣ, — и вы это знаете, Александръ Андреевичъ.

Рахмановъ.

Знаю.

Штейнъ.

Я такъ счастливъ въ супружествѣ! И какую я теперь купилъ чудесную новую мебель. Можете себѣ представить, ну самая-самая темно-коричневая атласная съ золотомъ: и диванъ, и стулья, и кресла. Просто съ ума сойти какая! Я купилъ ее очень недорого, по случаю, у этого, знаете, извѣстнаго шуллера Иванишевича. Онъ уѣзжалъ за границу, и очень очень дешево я у него купилъ: почти задаромъ. Потомъ мы купили себѣ новую кровать. Знаете, тонкій-тонкій волосяной тюфякъ на мѣдной сѣткѣ. Знаете, такой тугой гамакъ. Такъ тебя и покачиваетъ *(показываетъ рукой какъ)*. Знаете, это чище, чѣмъ дерево. Вообще я очень счастливъ. Да вотъ по службѣ, напримѣръ, чего мнѣ надо? Начальство меня, могу сказать, цѣнитъ...

Рахмановъ.

Да, вамъ позавидуешь.

Штейнъ.

Ну, вамъ чего-же,—вы литераторъ, вы извѣстность. У васъ такая прелестная жена, такая милая, благородная...

Рахмановъ.

Вашему довольству позавидуешь, вотъ чему. По вашему, какое величайшее счастье на землѣ?

Штейнъ.

О,—почетъ, слава, богатство, здоровье... потомъ эти токи,—любовь.

Рахмановъ.

Нѣтъ, — величайшее счастье — это всегда и вѣчно быть довольнымъ самимъ собой.

Штейнъ.

Да, съ этой точки зрѣнія я очень счастливъ, чрез-

вычайно... Но вотъ только не знаю, какъ мнѣ фортуна служитъ въ томъ случаѣ, когда я мѣняю мечъ на перо... Вы... читали?

Рахмановъ.

Что-съ?

Штейнъ *(съ запинкой)*.

М... мою рукопись.

Рахмановъ *(спохватившись)*.

Да-съ, читалъ, какъ-же, какъ-же... Но только вы извините *(вынимаетъ рукопись изъ стола)*. Это черезчуръ спеціально.

Штейнъ.

Помилуйте, отчего-же? по моему это имѣетъ огромный общественный интересъ.

Рахмановъ.

Вы описываете движеніе одного небольшого отряда, слѣдите за нимъ шагъ за шагомъ,—это нѣсколько утомительно. Наконецъ, это было чуть не десять лѣтъ назадъ, все это забылось.

Штейнъ.

Но позвольте, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ! вы говорите: „забылось",—развѣ можно забывать движеніе отряда полковника Каломейцева? Такія вещи не забываются.

Рахмановъ.

Ваша статья можетъ быть прекрасна, но отдайте въ спеціальный военный органъ: тамъ возьмутъ ее съ наслажденіемъ. Но намъ, простымъ смертнымъ, это не интересно.

Штейнъ.

Знаете, вы такъ говорите, какъ моя супруга, Катерина Өедоровна; это право для меня нѣсколько странно.

Рахмановъ.

А вы читали эту статью Катеринѣ Өедоровнѣ?

Штейнъ.

Читалъ. Она съ первой-же страницы такъ стала зѣвать, такъ разѣвать ротъ, что я даже не предполагалъ, что она можетъ такъ его разинуть. Какое, говоритъ, мнѣ дѣло до полковника Каломейцева и его движеній? Но вѣдь тò женщина. Но вы... это для меня странно.

Рахмановъ.

Извините, пожалуйста.

Штейнъ.

Что-жъ дѣлать,—я вполнѣ васъ понимаю,—я знаю, вы лично противъ меня ничего не имѣете... Ну что-жъ, *(беретъ рукопись)*—я обращусь въ спеціальный органъ. Васъ эти вопросы не интересуютъ. Жена говоритъ, что теперь на очереди отнюдь не военные вопросы, а вопросы чувства. Быть можетъ поэтому и является болѣе спроса на романы, чѣмъ на серьезныя статьи, очень можетъ быть...

Рахмановъ.

Да... вопросы чувства вещь важная.

Штейнъ.

Позвольте, да какіе-же могутъ быть вопросы въ дѣлѣ чувства? Мнѣ кажется, Ева разъ навсегда разрѣшила всѣ вопросы,—и весьма удовлетворительно. А если и есть вопросы, то такая мелочь, о которыхъ и говорить не стоитъ...

VII.

Тѣ-же и **Алымовъ**.

Штейнъ.

Ну что ваша паціентка?

Алымовъ.

Хорошо, совсѣмъ хорошо. Организмъ пока истощенъ, но недѣли черезъ двѣ силы возстановятся. Скорѣе на дачу перебирайтесь. Пусти-ка меня, я пропишу рецеп-

тикъ. *(Садится за столъ вмѣсто Рахманова).* Я и тебѣ пропишу чего-нибудь,—хоть бромистаго калія, что-ли. Ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ на себя не похожъ.

Рахмановъ *(ходя по комнатѣ).*

Есть причины.

Штейнъ.

Ну, что-же — теперь къ хозяйкѣ можно пройти... Я вамъ мѣшать не буду.

Алымовъ.

Можно, можно,—она въ будуарѣ.

Штейнъ *(вставая).*

У меня къ ней порученіе отъ жены, и очень глупое порученіе,—но что-жъ дѣлать—женщины,—отъ нихъ развѣ можно требовать... *(Уходитъ налѣво).*

VIII.

Рахмановъ *и* **Алымовъ.**

Рахмановъ *(вынимаетъ изъ кармана письмо, которое онъ хотѣлъ читать женѣ).*

Я получилъ, Николай, анонимное письмо.

Алымовъ *(дрогнувшимъ голосомъ).*

Ну?

Рахмановъ.

Кто-же вѣритъ безъименнымъ письмамъ? Ихъ просто жгутъ не читая. Такъ вѣдь? Но я вотъ прочелъ. Прочелъ, и даже рѣшилъ тебѣ показать. Вдобавокъ это тебя касается. „Милостивый государь! Предупреждаю васъ: отношенія господина Алымова къ вашей женѣ слишкомъ ясны. Объ этомъ говорятъ открыто. Зачѣмъ вы это допускаете. Пока есть время—опомнитесь, внушите вашей супругѣ, что поведеніе ея бросаетъ тѣнь на васъ, а друга вашего не пускайте на порогъ". Хочешь посмотрѣть? *(Протягиваетъ письмо).*

Алымовъ (*взглянувъ, пожимаетъ плечами*).

Зачѣмъ ты мнѣ показываешь это?

Рахмановъ (*стараясь казаться спокойнымъ*).

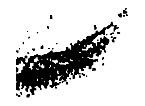
Отчего-же не показать? Мнѣ принесли письмо, я его распечаталъ, прочелъ. Оно касается тебя, я тебѣ его и передалъ.

Алымовъ.

Ужъ если показывать было кому—такъ Нинѣ Алексѣевнѣ, а не мнѣ. Да и наконецъ, послушай. Вѣдь что нибудь одно изъ двухъ: ты этому либо вѣришь, либо нѣтъ?

Рахмановъ.

Либо вѣрю, либо нѣтъ.



Алымовъ.

Такъ не лучше-ли объясниться прямо: въ такихъ обстоятельствахъ кривить душой нейдетъ.

Рахмановъ.

Я не вѣрю. Не хочу вѣрить тому, чтобы ты, да и она тоже...

Алымовъ.

Чудесно. Значитъ, если все это вздоръ и чепуха, зачѣмъ-же мнѣ давать это письмо? Швырни его въ корзинку и дѣло съ концомъ.

Рахмановъ.

Да, конечно, тебѣ не надо было его читать.

Алымовъ (*разсматривая письмо*).

Ну такъ, измѣненный почеркъ: баба писала несомнѣнно. Что-же поздно спохватились? Я у тебя три года пороги обиваю,—ужь надо было-бы раньше.

Рахмановъ (*садится у камина*).

Да, лучше совсѣмъ никогда не имѣть своего гнѣзда, чѣмъ выносить все, что я выношу. И безсиліе, пони-

маешь, полное безсиліе... Что̀ я могу сдѣлать, что̀ предпринять? Ты говоришь, надо дѣйствовать на чистоту. Да, конечно, на чистоту надо дѣйствовать. Лучше всего говорить прямо. Ну, я тебя спрашиваю — что дѣлать? По городу стали ходить сплетни...

Алымовъ.

Ты имъ придаешь значеніе?

Рахмановъ.

Не придаю я имъ никакого значенія, повѣрь; но согласись, все это и мерзко, и грязно.

Алымовъ.

Соглашаюсь.

Рахмановъ.

Чѣмъ-же остановить эту исторію, эти толки? Какъ я зажму глотку этой дряни, что пишетъ мнѣ эти мерзости?

Алымовъ.

Средство есть.

Рахмановъ.

Какое?

Алымовъ.

Мнѣ надо перестать бывать у васъ.

Рахмановъ *(смущенно)*.

Но какъ-же Оля?..

Алымовъ.

Она поправляется, настоятельной необходимости во мнѣ теперь нѣтъ. А если даже я и перестану бывать у васъ какъ знакомый, ежедневно, — это не мѣшаетъ пріѣзжать мнѣ къ вамъ, какъ доктору, въ случаѣ надобности. Скажи, что ты этого хочешь, и повѣрь — я это сдѣлаю.

Рахмановъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же, на основаніи вздорнаго письма...

Алымовъ.

Однако, ты поблѣднѣлъ, тебя всего трясетъ отъ этого вздорнаго письма. Я тебѣ скажу открвоенно: да, мнѣ очень тяжело будетъ разстаться съ твоимъ домомъ,—я какъ родной здѣсь. Но если это нужно, если это необходимо для соблюденія внѣшнихъ приличій, и (это самое главное) твоего спокойствія—повѣрь, я перестану у тебя бывать.

Рахмановъ.

Ты одно пойми: я вдругъ, сразу, потерялъ почву, изъ-подъ ногъ...

Алымовъ.

Да скажи мнѣ прямо и открыто: ты увѣренъ въ своей женѣ?

Рахмановъ *(послѣ колебанія).*

Увѣренъ.

Алымовъ.

А я тебѣ скажу—нѣтъ. Ты боишься, боишься чего-то; сидитъ въ тебѣ чертенокъ и точитъ тебя.

Рахмановъ.

Послушай, еслибы ты былъ женатъ,—и жена измѣнила бы... Ты что-бы съ ней сдѣлалъ?

Алымовъ.

Гм... я никогда объ этомъ не думалъ. Ну, въ первую минуту, очень можетъ быть, убилъ бы ее. А если-бы эта первая минута прошла... Ну, я не знаю...

IX.

Тѣ-же и **Тихоміровъ.**

Тихоміровъ.

Васъ метранпажъ хочетъ видѣть, Александръ Андреевичъ.

Рахмановъ.

Пусть подождетъ,—я выйду сейчасъ.

Тихоміровъ.

Хорошо-съ. *(Уходитъ).*

Рахмановъ.

Знаешь-ли ты, что самое ужасное во всемъ этомъ? То, что ты порядочный человѣкъ. Ты удивляешься? Находишь это страннымъ? Мнѣ было бы легче, если бы ты былъ такъ,—пустой балаболкой,—я бы не велѣлъ тебя пускать и кончено дѣло. Я мало вѣрю людямъ, даже совсѣмъ въ нихъ не вѣрю...

Алымовъ.

И отлично дѣлаешь...

Рахмановъ.

Между тѣмъ въ тебя и жену мнѣ хотѣлось бы вѣрить. Послушай, Николай, я тебя пятнадцать лѣтъ знаю. Неужели ты думаешь, что я изъ-за этой гадости *(показываетъ на письмо)* способенъ порвать съ тобою всѣ сношенія? Но у меня вѣдь голова идетъ кругомъ. Я виноватъ, быть можетъ,—виноватъ всецѣло. Нельзя было относиться къ женѣ такъ, какъ относился я: принимать, какъ нѣчто должное, ея и любовь и заботы ко мнѣ. Теперь мнѣ вдругъ показалось, что я ее теряю, что она выскальзываетъ изъ моихъ рукъ,—и навсегда...

X.

Тѣ-же, **Нина Алексѣевна** *и* **Штейнъ.**

Нина Алек.

Слышалъ, Саша: Өедоръ Васильевичъ нанялъ дачу въ Павловскѣ и отъ насъ недалеко.

Штейнъ.

Недалеко: черезъ двѣ улицы. Жена нашла. У нея удивительный, такъ сказать, нюхъ на розыски всѣхъ этихъ дачъ и прочаго. Очень удобная дача: превосходный ледникъ, а это главное. А вы, докторъ,—гдѣ?

Алымовъ.

Въ Царскомъ: я всегда вѣдь тамъ.

Штейнъ.

Это очень пріятно,—особенно для жены, въ виду ея припадковъ. *(Рахмановъ уходитъ въ контору).*

Нина Алек.

Да развѣ Катя припадочная? Богъ съ вами!

Штейнъ.

Ну да называйте какъ хотите. Говорятъ—нервы. Въ старину, въ доброе старое время, говорили—припадки: всѣ эти горючія слезы, вздохи, ахи. На все это можно смотрѣть только черезъ призму мужскаго терпѣнія... Стоитъ только посмотрѣть на женщину не какъ на человѣка...

Нина Алек.

Merci.

Штейнъ.

Да, да! посмотрите на мужчину и женщину: это какая-то разновидность, это не одно и тоже. Возьмите исторію: изобрѣтенія, открытія, писатели, художники, полководцы,—Боже мой: это все мужчины. А женщины—ихъ нѣтъ въ исторіи! Жена Пентефрія, Юдифь, маркиза Помпадуръ... это что же такое... это какая-же исторія?

Алымовъ.

Все хорошія исторіи.

Штейнъ.

Но контрастъ, контрастъ какой?.. Да это прекрасно, это превосходно, что женщина ни на что неспособна *(беретъ свою рукопись и фуражку).* Всѣ изобрѣтенія все это вздоръ и пустяки передъ однимъ взглядомъ маркизы Помпадуръ *(цѣлуетъ руку Нины Алексѣевны).*

Нина Алек.

Однако, какой вы...

Штейнъ.

О, я всегда такой—вы меня не знаете...

Нина Алек.

Что-же, увидимся до дачи?

Штейнъ.

Да, да,—мы вечеркомъ какъ нибудь!

Нина Алек.

Съ Катей?

Штейнъ.

Да, съ моей разновидностью,—обязательно. Мое почтеніе, Николай Николаевичъ, Александръ Андреевичъ въ контбрѣ должно быть?.. *(Уходитъ).*

XI.

Алымовъ *и* **Нина Алексѣевна.**

Нина Алек. *(подходитъ къ нему и кладетъ руки на плечи).*

Что ты какой сегодня?

Алымовъ *(беретъ ее за руки и тихонько снимаетъ).*

Интересная новость: мужъ тебя ревнуетъ.

Нина Алек. *(пожавъ плечами).*

Да вѣдь это давно ужъ.

Алымовъ.

Сейчасъ имѣлъ съ нимъ объясненіе.

Нина Алек.

Объясненіе? Какое?

Алымовъ.

Онъ получилъ анонимное письмо.

Нина Алек.

О чемъ?

Алымовъ,

Конечно о нашихъ отношеніяхъ... Разыгралъ роль

благороднаго сюзерена: снисходительно далъ мнѣ прочесть и спросилъ мое мнѣніе.

Нина Алек.

Что-же ты?

Алымовъ.

Ты лучше спроси — что онъ? Онъ въ насъ обоихъ вѣритъ, не хочетъ допустить даже мысли... А въ тоже время сомнѣніе не даетъ ему покоя...

Нина Алек.

Ну и хорошо, коли вѣритъ.

Алымовъ.

Нѣтъ. Я уже говорилъ тебѣ и опять повторяю: дольше выносить этого я не могу. Что за ложь, что за укрывательство? Коли любить, такъ любить! Ну, скажи ему все прямо. Вѣдь это такая ложь, такая подлая ложь. Мнѣ приходится прямо смотрѣть ему въ глаза, жать руку. Ты заставляешь меня съ напускнымъ нахальствомъ говорить съ нимъ. Это возмутительно. Я не помню самъ, что говорю... Еще ты удивляешься, что я никогда не остаюсь у васъ обѣдать. Да мнѣ каждый кусокъ противенъ,—именно противенъ, потому, что я и тебя-то люблю, да и... да и къ Александру привязанъ.

Нина Алек.

Все это мелочи. Погоди, ну погоди немного—все это выяснится.

Алымовъ.

Я полгода жду. Послушай,—вѣдь это не мимолетная встрѣча. Сошлись мы, потому что такъ надо было, потому что нельзя было иначе. Ты говоришь, что никакого чувства любви къ мужу у тебя не осталось, да и не было его никогда. Меня—это тоже твои слова,—ты любишь, какъ только можешь любить. Скажи ему, предложи разводъ, онъ согласится.

Нина Алек.

Онъ не отдастъ дѣтей.

Алымовъ.

Но вѣдь то, что происходить теперь, это невозможно! Я не могу выносить этого, я не понимаю, какъ тебя на это хватаетъ. Твои визиты ко мнѣ, украдкой, опасенія каждый разъ, когда ты спускаешься съ лѣстницы, чтобы кто не повстрѣчался—да это ужасно! Ты теперь полна чувствомъ,—но пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ,—ты устанешь, эта таинственность, вѣчная эмоція—тебѣ надоѣдятъ, и заговоритъ сознаніе нарушеннаго долга и все прочее. Я говорю все это для того, чтобы сохранить прочность нашего чувства. Ты вѣдь не барынька—салонная вертушка, готовая мѣнять каждый мѣсяцъ своихъ обожателей? Да и въ мое положеніе войди,—мы не для того сошлись, чтобы попасть въ эту каторгу.

Нина Алек.

Ахъ, милый, пойми ты, пойми, что я безумная; я еще ничего не знаю, не понимаю. Дай выздоровѣть совсѣмъ Олѣ, тогда я тебѣ отвѣчу, тогда я быть можетъ буду въ состояніи соображать и дѣйствовать. А теперь я ничего не понимаю, кромѣ того, что люблю тебя, люблю всею душой, всѣмъ существомъ *(порывисто его обнимаетъ и цѣлуетъ)*.

Алымовъ *(послѣ небольшой паузы)*.

Ну, что-жъ, подождемъ.

XII.

Тѣ-же, изъ конторы выходитъ **Рахмановъ**. *Онъ мелькомъ на нихъ взглядываетъ и проходитъ къ своему столу.* **Алымовъ** *не торопясь встаетъ и идетъ за шляпой, которую онъ оставилъ въ глубинѣ на столикѣ.*

Алымовъ.

До свиданія, Нина Алексѣевна, вечеромъ я заѣду. *(Подходитъ къ Рахманову)*. До свиданія. *(Пожимаетъ ему руку и уходитъ)*.

Нина Алек. *(встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ опирается на письменный столъ).*

Послушай... Я давно... я давно хотѣла тебѣ скязать...

Рахмановъ *(поднимая голову).*

Ну?

Нина Алек. *(послѣ внутренней борьбы).*

Нѣтъ,—ничего... *(Быстро идетъ въ свою комнату).*

Рахмановъ *(сдвинувъ брови, глядитъ ей вслѣдъ).*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Нины Алексѣевны. Черезъ всю сцену идетъ пестрый занавѣсъ со спущеннымъ входомъ въ серединѣ. Налѣво на авансценѣ кружевной туалетъ. Далѣе—дверь съ такой же портьерой какъ занавѣсъ. Вдоль занавѣса до прохода — кушетка, два стула и маленькій столикъ съ вазой искусственныхъ цвѣтовъ. Правѣе входа — диванъ; подъ прямымъ угломъ къ нему, вдоль правой стѣны, еще другой диванчикъ. Передъ ними столъ подъ скатертью. На столѣ апельсины и конфеты. Съ потолка—большой зажженный фонарь.

I.

У стола сидятъ **Багряницына, Нина Алексѣевна** *и* **Катерина Ѳедоровна.**

Кат. Ѳед. *(ѣстъ апельсинъ).*

Все это вздоръ, пустяки! Вотъ Анна Ивановна говоритъ про убѣжденія. Какія у насъ убѣжденія!

Багряницына *(что-то вяжетъ).*

Слава Богу, сознались.

Кат. Ѳед.

Да, конечно. Это прежде жили по убѣжденіямъ, а теперь рѣшили, что не стоитъ того. Вѣдь убѣжденья то выдумать надо, а гдѣ тутъ думать—помилуйте.

Багряницына.

Да вы какими-же такими государственными дѣлами занимаетесь?

Кат. Ѳед.

Я? Я не только государственными — я никакими не занимаюсь. Просто—некогда.

Багряницына.

Порохъ выдумываете?

Кат. Ѳед.

Какой порохъ! Вы полагаете мало возни у меня дома? Одинъ Ѳедоръ Васильевичъ чего стоитъ! Вѣдь онъ совсѣмъ въ античномъ вкусѣ. Вѣдь это такой метафизикъ: онъ все разсуждаетъ: веревка вервіе простое;— онъ ложечкой въ стаканѣ безъ философіи не пошевелитъ. Вѣдь онъ умыться безъ меня не можетъ,—я его чуть не три часа кирпичемъ оттираю. А потомъ младенцы мои: съ этими бѣсенятами вы думаете легко ладить? того въ уголъ, этому шлепковъ надаешь, третьяго,—азбукѣ учишь.

Багряницына.

Развѣ вы всѣмъ этимъ сами занимаетесь?

Кат. Ѳед.

А кто-же, помилуйте? — все на моихъ рукахъ: и съ кухаркой бранись, и съ горничной бранись, и съ прачкой бранись, и съ портнихой...

Нина Алек.

Захотѣла ты еще, чтобъ мужъ съ портнихами говорилъ.

Кат. Ѳед.

А что-же? Ты знаешь начальника мужа—Крамскаго? Генералъ, почтенный человѣкъ, а самъ своей женѣ тюникъ вышилъ стеклярусомъ.

Багряницына.

Вотъ стараго-то человѣка и видно.

Кат. Ѳед.

Да онъ вѣдь у жены на своркѣ,—поноску носитъ,—ужъ совсѣмъ разсыпается отъ ветхости, какъ говорится—мышей не давитъ.

Нина Алек.

Катя,—и выраженія у тебя.

Кат. Ѳед.

А что-же выраженія? Прекрасныя. Онъ хоть и начальникомъ моего мужа, а правду отчего-же про него не сказать? Жена у него, Зоя Павловна, ухъ какая! Ты не видала ее? Весною портретъ ея былъ на выставкѣ,—еще сирень вотъ тутъ приколота. Ты спроси у своего доктора,—онъ у нихъ лѣчитъ,—красавица!..

Нина Алек.

Николай Николаевичъ?

Кат. Ѳед.

Ну да,—вѣдь одинъ у тебя докторъ,—не два...

Нина Алек.

То-есть какъ это у меня?

Кат. Ѳед.

Ахъ, да не привязывайся, пожалуйста, къ словамъ; ну не у тебя, — здѣсь у васъ, у твоихъ дѣтей, какъ хочешь. Я сказала „у тебя“, потому что онъ у васъ чуть не живетъ.

Багряницына.

А знаешь, Нина, это вѣдь правда, онъ днюетъ и ночуетъ. Зачѣмъ онъ такъ часто?

Нина Алек.

Онъ лѣчитъ Олю.

Багряницына.

Онъ и до болѣзни Оли былъ постоянно у васъ. Что

Катерина Өедоровна въ шутку скажетъ—это, конечно, ничего, но другіе...

Кат. Өед.

Ну, Анна Ивановна, коли уши распускать на всѣ сплетни—такъ это жить нельзя. Оно понятно: Нина—хорошенькая женщина; онъ—какъ нашъ деньщикъ говоритъ—мужчина форменный по всѣмъ статьямъ,—ну и сидятъ вмѣстѣ. Не киснуть же ей съ Александромъ Андреевичемъ.

Нина Алек.

Катя, что ты говоришь!

Кат. Өед.

Что говорю — конечно дѣло... Вотъ про меня мало-ли вздора болтаютъ: и Чепуринъ, и Костливцевъ, и Шперкъ—и кого только не перебрали; такъ вѣдь если это слушать...

Багряницына.

Не понимаю я васъ, нынѣшнихъ: — „не слушать?“ Такъ зачѣмъ-же давать поводъ-то къ разговору!..

Кат. Өед.

Анна Ивановна, да вѣдь языкъ-то для чего нибудь повѣшенъ? Ну и болтается зря изъ стороны въ сторону. Не о томъ, такъ о другомъ звонить будетъ. А мнѣ все равно: пусть говорятъ: Костливцевъ—такъ Костливцевъ, Шперкъ—такъ Шперкъ.

Багряницына.

А мужъ?

Кат. Өед.

Мужъ? Что мужъ! Онъ книгу пишетъ: „Система обходовъ во время походовъ“, или что-то въ этомъ родѣ, — онъ дѣломъ занятъ, да и у него на все свой взглядъ. Еслибы ему и натолковали про меня всякаго вздора, такъ онъ у меня умный: вида не покажетъ; скажетъ только: „это, мой ангелъ, совершенно излишнія вліянія“...

Багряницына.

Вотъ и по нашему, по старому, это вліянія лишнія. Нельзя-же сквозь пальцы смотрѣть. Оттого и распущенность такая всюду, что сквозь пальцы смотрятъ. Семейный очагъ—хорошъ, нечего сказать! Два сырыхъ полѣна, оба полуобгорѣли,—чадятъ только, а радости никакой. Ну какъ вы своихъ дѣтей воспитаете? Я просто съ ужасомъ думаю, что изъ нихъ, несчастныхъ, выйдетъ...

Кат. Ѳед.

Да, можетъ быть, они лучше насъ будутъ.

Багряницына.

Полагаю, что лучше, потому что хуже васъ, нынѣшнихъ, и не найти!

Кат. Ѳед.

Вѣдь насъ вы-же воспитали?

Багряницына.

Да мы всѣ готовы отъ васъ отказаться. Точно васъ подмѣнили: отъ насъ ничего такого родиться не могло.

Кат. Ѳед.

Да что-же мы такое?

Багряницына.

Съ дурью въ головѣ—вотъ что. Все, видишь-ли, имъ скучно съ мужемъ, тѣсно дома, на просторъ хочется. Ну, зачѣмъ вы замужъ выходите?

Кат. Ѳед.

Изъ любопытства.

Багряницына.

Это какъ-же?

Кат. Ѳед.

Да такъ-же. Всѣ выходятъ—ну и любопытно.

Багряницына.

Да вѣдь это не въ жмурки игра.

Кат. Ѳед.

Хуже! Просто, Анна Ивановна, лотерея, — Либо пустышка, либо выигрышъ. Почти всегда пустышка. Ну съ чего этимъ мужчинишкамъ порядочными быть? Все такая гадость, одинъ хуже другаго: точно на заказъ подобрали. Да если имъ еще повадку дать, да за носъ ихъ не водить,—такъ это лучше и не жить на свѣтѣ! Да что-же ты, Нина, молчишь все, ни слова не скажешь?—ты должна наше поколѣніе защищать.

Нина Алек.

Ты одна такъ краснорѣчива, что мнѣ остается только любоваться.

Багряницына.

Да вы одна цѣлый полкъ насъ уложите: зачѣмъ вамъ подмога.

Кат. Ѳед. *(встаетъ)*.

Нѣтъ, Анна Ивановна,—вы знаете, что мнѣ досадно. Вѣдь вы Богъ знаетъ, что обо мнѣ думаете: „Что это за женщина — каррикатура какая-то, пародія! А я, ей Богу, еще лучше многихъ. Что я говорю все, что думаю,—велика важность! Другіе молчатъ, да за спиной сплетни пускаютъ,—такъ это хуже. Я вотъ вся на лицо, вся, безъ утайки. Барыни наши въ ужасъ отъ меня приходятъ, какъ отъ чумы бѣгутъ: какъ я ее на вечеръ позову, да она меня сконфузитъ,—такого наговоритъ, что потомъ въ годъ не разберешь. А я вотъ не могу молчать,—если какую гадость увижу—такъ прямо все и выложу. Мой нѣмецъ за это меня и цѣнитъ: ходитъ вокругъ, да въ глаза смотритъ; надышаться не можетъ. А что я много говорю—это правда.

Багряницына.

Ужасно много! Извините: въ ушахъ звенитъ, такъ много.

Кат. Ѳед.

Да не я одна — всѣ говорятъ. Теперь нигдѣ никто никакого дѣла не дѣлаетъ, а только говоритъ. Ужъ такое время. Если кто и увѣряетъ, что занятъ дѣломъ—такъ вѣрно вретъ.

II.

Тѣ-же, **Рахмановъ, Штейнъ** *и* **Алымовъ.**

Штейнъ.

О, какой паѳосъ, со стороны моей .дрожайшей половины!.. И совсѣмъ не у мѣста: пора ѣхать, а ты разгорячилась, — шейка даже сырая *(трогаетъ ея шею):* теперь ты должна остыть...

Рахмановъ.

Да что-же вы торопитесь, посидите.

Штейнъ.

Первый часъ, — а завтра рано вставать: у насъ докладъ... *(Къ дамамъ).* Ну, о чемъ-же тутъ были у васъ пренія?

Багряницына.

Вамъ не икалось? О васъ была рѣчь.

Штейнъ.

О!

Багряницына.

Да. Вотъ, скажите пожалуйста, отчего Катерина Ѳедоровна терпѣть не можетъ мужчинъ?

Штейнъ.

Развѣ? Но я, во всякомъ случаѣ, составляю исключеніе. Меня она обожаетъ...

Кат. Ѳед.

Смѣло сказано!

Штейнъ.

Мы просто съ ума сойти, какъ счастливы. Какъ мы устроились теперь, — вся обстановка новая. Мёбель,— представьте себѣ, темнаго, темнаго атласа...

Кат. Ѳед.

Да не приставай ты ко всѣмъ со своею мёбелью: триста разъ въ день всѣмъ разсказываетъ одно и то же.

Штейнъ.

Позволь, но что-же тутъ дурного,—что дурного, что я купилъ мёбель дешево? Что это—преступленіе?..

Багряницына.

Вотъ что вы лучше скажите: въ самомъ дѣлѣ она у васъ хорошая хозяйка?

Штейнъ.

О, совершенство, образецъ! *(Смотритъ съ довольнымъ видомъ на жену)*. Она могла-бы высшій призъ получить на выставкѣ.

Алымовъ.

Только отчего-же вы мужчинъ терпѣть не можете? Это нѣсколько обидно слушать, представляя собою въ нѣкоторомъ родѣ...

Кат. Ѳед.

Это вы-то мужчина? Полноте! Вы такъ—рыбица какая-то!

Штейнъ.

Ого! Чтò, попались! *(Молодцовато позвякивая шпорами)*. Да, моя благовѣрная не постоитъ за словомъ.

Кат. Ѳед.

Вы вѣдь ни на какой аффектъ, ни на какую страсть, неспособны.

Алымовъ.

Да что-же мнѣ—на стѣны кидаться, стулья грызть?

Кат. Ѳед.

Нигдѣ не бываетъ, развѣ вотъ съ Ниной куда поѣдетъ; ничего знать не хочетъ, кромѣ своей медицины. Вы мумія какая-то засохшая. Ничто васъ не интересуетъ. Вчера меня m-me Крамская о васъ спрашивала,—„что, говоритъ, онъ провалился.“

Алымовъ.

Да она здорова,—зачѣмъ я къ ней поѣду?

Кат. Ѳед.

Къ хорошенькимъ женщинамъ, особенно коли мужья у нихъ важное мѣсто занимаютъ, всегда надо ѣздить... Во-первыхъ, вы ей по какому-то дѣлу серьезно нужны, а во-вторыхъ: вы знаете, что она мнѣ сказала: я бы, говоритъ, ему чудесное мѣсто достала: у насъ скоро вакансія открывается.

Штейнъ.

Да? Поѣзжайте, Николай Николаевичъ, обязательно поѣзжайте. Вы знаете, что женщина можетъ сдѣлать если захочетъ? все,—что угодно.

Алымовъ.

Не поѣду.

Штейнъ.

Какъ? Вы такимъ случаемъ пренебрегаете? Протекціей женщины?

Нина Алек.

Да вѣдь по вашимъ теоріямъ — женщина не человѣкъ?

Штейнъ.

Выше человѣка! Это переходное состояніе къ безплотному духу.

Алымовъ.

Вы вѣдь и хватите иногда!

Штейнъ.

Серьезно! Это мое убѣжденіе: женщина — высшій разрядъ. Тамъ далѣе идутъ существа превосходящія наше воображеніе.

Алымовъ.

Ну, я вамъ скажу, на Папуасскихъ островахъ (я вчера фотографію видѣлъ) такія дамы обитаютъ, съ такими икрами,—что право ихъ къ ангеламъ не причислишь...

Штейнъ.

Ну ужъ и вы примѣръ приведете! Еще бы вы обезьяну взяли. У какого-нибудь мандрилла супруга, ко-

нечно, не отличается тѣми качествами, о которыхъ я говорю. Но вамъ, кажется, непонятно, къ чему я веду? замѣтьте, какое удивительное вліяніе оказываютъ женщины на насъ. Подчинялся-ли когда мужчина мужчинѣ настолько какъ женщинѣ? Нѣтъ! Женщина дѣлаетъ чудеса: министровъ сажаетъ, и отставки даетъ: протекціи черезъ женщинъ наивѣрнѣйшія. Это божество какое-то!.. Я самъ много обязанъ дамамъ. И я не знаю, я совсѣмъ не знаю, почему-бы Николаю Николаевичу не получить черезъ госпожу Крамскую, черезъ Зою Павловну, мѣсто при министерствѣ? Зоѣ Павловнѣ, стоитъ только заикнуться...

Нина Алек.

Вы развѣ лѣчите у Крамскаго?

Алымовъ.

Да.

Нина Алек.

Вы мнѣ никогда не говорили, я не знала.

Алымовъ.

Если вамъ угодно, я принесу вамъ полный списокъ моихъ паціентовъ.

Нина Алек.

Нѣтъ, благодарю—мнѣ не надо.

Штейнъ.

Ну вотъ хоть вы посовѣтуйте ему: онъ васъ послушаетъ.

Нина Алек.

Почему-же вы думаете, что онъ меня послушаетъ?

Рахмановъ *(быстро встаетъ).*

Кат. Өед.

Навѣрно послушаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вели ему съѣздить къ Крамской — зачѣмъ хорошимъ мѣстомъ пренебрегать.

Багряницына.

Попытайтесь, конечно,—не убудетъ васъ.

[redacted]

Кат. Ѳед.

По твоему тоже не надо?

Нина Алек.

Нѣтъ, отчего-же.—Надо поѣхать, ручки поцѣловать: это можетъ принести большую пользу.

Алымовъ.

Вы отлично знаете, что я ручки цѣловать не охотникъ.

Багряницына.

Вѣдь вотъ вы нынѣшніе: гордость у васъ, да и гордость нелѣпая. Какъ я поклонюсь да попрошу: это подло черезъ протекціи мѣста доставать. А вѣдь хуже будетъ, когда вмѣсто тебя подлецъ поклонится да мѣсто получитъ. Теперь у насъ два хода: либо талантъ, либо протекція. Таланта у васъ на ваше дѣло нѣтъ.

Алымовъ.

Вы увѣрены?

Багряницына.

Да конечно. Никакихъ такихъ великихъ открытій вы не совершили.

Алымовъ.

Да какія, я открытія могу сдѣлать?

Багряницына.

Да вотъ Иноземцевъ—изобрѣлъ-же капли. Вотъ бы и вы что нибудь въ этомъ родѣ. Оспу какую-нибудь особенную для прививки...

Алымовъ.

Нынче въ модѣ холеру прививать. Одинъ докторъ на-дняхъ привилъ въ Парижѣ холерный ядъ здоровому пріятелю.

Штейнъ.

Ну и что-же?

Алымовъ.

Подѣйствовало. Черезъ три часа умеръ. А вѣдь если

личается тѣми каче
замъ, кажется, непо
кое удивительное в
ъ. Подчинялся-ли
акъ женщинѣ? Н
стровъ сажаетъ,
ъ женщинъ наив
самъ много обяз
е знаю, почему-
черезъ госпож
ѣсто при мини
о заикнуться...

Нина

лѣчите у Крам

Алы

Нин

икогда не го

А

угодно, я
нтовъ.

Н

годарю—м

оть вы г

вы ду

ослуш
Кра

ь,

тру
ѣсьт
кнет
ебя.
иваю
двока
въ н

руко

гов
лжн
ъ ши
у
ъ...

сам
что д
зала
ми и
кто

Кат. Ѳед.

По твоему тоже не надо?

Нина Алек.

Нѣтъ, отчего-же.—Надо поѣхать, ручки поцѣловать: это можетъ принести большую пользу.

Алымовъ.

Вы отлично знаете, что я ручки цѣловать не охотникъ.

Багряницына.

Вѣдь вотъ вы нынѣшніе: гордость у васъ, да и гордость нелѣпая. Какъ я поклонюсь да попрошу: это подло черезъ протекціи мѣста доставать. А вѣдь хуже будетъ, когда вмѣсто тебя подлецъ поклонится да мѣсто получитъ. Теперь у насъ два хода: либо талантъ, либо протекція. Таланта у васъ на ваше дѣло нѣтъ.

Алымовъ.

Вы увѣрены?

Багряницына.

Да конечно. Никакихъ такихъ великихъ открытій вы не совершили.

Алымовъ.

Да какія, я открытія могу сдѣлать?

Багряницына.

Да вотъ Иноземцевъ—изобрѣлъ-же капли. Вотъ бы и вы что нибудь въ этомъ родѣ. Оспу какую-нибудь особенную для прививки...

Алымовъ.

Нынче въ модѣ холеру прививать. Одинъ докторъ на-дняхъ привилъ въ Парижѣ холерный ядъ здоровому пріятелю.

Штейнъ.

Ну и что-же?

Алымовъ.

Подѣйствовало. Черезъ три часа умеръ. А вѣдь если

модныя болѣзни лѣчить, тогда придется вывѣску надъ квартирой повѣсить: купидонъ съ аптечной банкой и надпись: „пользуютъ нервы".

Багряницына.

И вывѣску сдѣлайте, и вывѣска не мѣшаетъ. Вы все путаетесь въ мелочахъ: я, дескать, не хочу о себѣ трубить—это реклама. Да хоть десять вывѣсокъ повѣсьте, коли дѣло будете дѣлать — никто васъ не упрекнетъ. Все вы скромность силитесь изобразить изъ себя. Я вотъ ко всѣмъ вамъ, нынѣшнимъ, присматриваюсь: очень вы опытны на счетъ скромности стали: адвокаты и тѣ невинность такую представляютъ, что въ наше время только институтки такими были...

Алымовъ.

Ну за что вы насъ такъ...

Багряницына *(махнувъ рукой).*

А впрочемъ я давно дала себѣ слово не говорить, не путаться въ такіе разговоры. Я давно должно быть разумѣнье потеряла; чувствую, что все идетъ шиворотъ на выворотъ. Жила нынче въ провинціи у сестры: чего не насмотрѣлась и тамъ, и по дорогѣ...

Алымовъ.

Что-же вы тамъ ужаснаго видѣли?

Багряницына.

Да вотъ хоть-бы насчетъ разводовъ,—самое модное времяпрепровожденіе. Ну посмотрите вы что дѣлается—сколько теперь разведенныхъ женъ. Ѣхала я съ юга: на каждой большой станціи такъ кучками и сидятъ. Я разспрашивала ихъ—все разведенныя,—кто въ Москву, кто въ Петербургъ.

Кат. Ѳед. *(застегивая перчатки).*

Зачѣмъ-же онѣ ѣдутъ?

Багряницына.

А шутъ ихъ знаетъ. Должно быть женскимъ трудомъ заниматься хотятъ. Да и трудъ-то женскій нынче такой странный. Прежде бывало шли въ портнихи, либо

въ бабки, а нѣтъ—въ гувернантки. А нынче какъ,— одна мнѣ говоритъ: „я въ пажи иду“.—Какъ въ пажи, къ кому? Въ Москву, говоритъ, въ оперетку, въ хорѣ пажей изображать. А другая еще лучше: я, говоритъ, въ микроскопъ трихину буду на бойнѣ смотрѣть. Полюбовалась я на нихъ: мѣшечки какіе-то плюшевые висятъ на рукѣ, платьица поддернуты, папиросы курятъ, на шляпкахъ не то что птицы—цѣлыя тетерьки сидятъ. Ужъ я не знаю, радоваться-ли за ихъ мужей или печалиться, что они одни остались. Вотъ ребятишекъ жалко.

Кат. Ѳед. *(мужу).*

Знаешь, это правда. Кабы не ребятишки—я бы отъ тебя ушла трихину смотрѣть, благо вотъ и папиросы курю.

Нина Алек.

По твоему дѣти помѣха къ разводу?

Кат. Ѳед.

Я бы ребятишекъ ни за что не бросила. Вѣдь имъ носа безъ меня не высморкаютъ какъ надо. Какая ни на есть мать, а все-таки мать настоящая.

Нина Алек.

Если-бы ты искренно полюбила—ты посмотрѣла бы иначе. Да и наконецъ дѣти при тебѣ бы остались...

Штейнъ *(женѣ).*

Ни на бойню итти, ни разводиться я тебѣ не позволю. Все это такъ разные токи въ тебѣ ходятъ: слишкомъ ты заряжена у меня. *(Трогая ея шею).* Ну, шейка, кажется, простыла; ну, да:—совсѣмъ простыла. Двигаемся, двигаемся: время.

Кат. Ѳед. *(Багряницыной).*

До свиданія.

Багряницына.

Да и я съ вами выйду, — вотъ только соберу свои потроха *(укладываетъ работу въ мѣшокъ)*,—чтобы ужъ сразу,—швейцара не будить. Терпѣть ихъ не могу,—

вотъ тоже египетскую язву завели: стоятъ соглядатаи у каждаго дома, да двугривенные обираютъ. *(Цѣлуетъ дочь)*. Зайду завтра, коли свободно будетъ...

Кат. Ѳед.

У васъ, я думаю, жужжанье дѣлается въ ушахъ послѣ нашей бесѣды...

Штейнъ.

Я могу сказать, что моя жена вполнѣ пользуется тѣмъ даромъ слова, что наградила ее природа.

Кат. Ѳед. *(Алымову)*.

Заѣзжайте къ намъ, Николай Николаевичъ,—одного-то васъ не заманишь,—вы хоть съ Ниночкой заѣзжайте. Тащи его, Нина, не давай ему закисать.

Штейнъ *(Рахманову)*.

Скоро въ Павловскъ?

Рахмановъ.

Да такъ числу къ десятому, послѣ Николина дня.

Штейнъ.

Да? Ну мы тоже не раньше.

Всѣ шумно прощаются, и идутъ къ двери. Рахмановы ихъ провожаютъ.

III.

Алымовъ *и* **Нина Алексѣевна.**

Алымовъ *(останавливая ее, тихо)*.

Нина Алексѣевна,—на минутку.

Нина Алек. *(подходя къ нему)*.

Что это за новости? Что за визиты къ этой Зоѣ Павловнѣ?

Алымовъ.

Оставь, пожалуйста, этотъ вздоръ. Ужъ не ревно-

вать-ли ты вздумала? Нашла время! Ты слышала сейчасъ эти приглашенія, эти намеки?..

Нина Алек.

Что съ тобой?

Алымовъ.

А то, что я дальше тянуть не могу и не стану. Онъ глядитъ—звѣрь-звѣремъ. Здѣсь шагалъ цѣлый часъ по комнатѣ, да губы кусалъ. Я вполнѣ-вполнѣ понимаю его. Я больше не могу. Или я уйду, чтобъ больше не возвращаться...

Нина Алек.

Уйдешь?

Алымовъ.

Или скажу ему все сейчасъ-же. Это невозможно, невыносимо. Лгать я не могу и не хочу. Какъ ты не понимаешь, что все это унизительно. Если это практикуется всюду, на каждомъ шагу, то *намъ-то* это не указъ. Это свыше силъ...

Нина Алек. *(взявъ его за руки).*

Успокойся. Отложи до завтра, ты сегодня не можешь говорить. Отчего ты вдругъ такъ разстроился?

Алымовъ.

Не вдругъ: я пришелъ сюда сегодня съ тѣмъ, чтобы, наконецъ, разорвать этотъ узелъ, — я не ожидалъ наткнуться на гостей. Но тѣмъ лучше — они меня еще больше возбудили къ разговору. Ты не проси, — я не отмѣню своего намѣренія. Больше того: я прошу тебя непремѣнно быть при нашемъ разговорѣ.

Нина Алек.

Зачѣмъ?

Алымовъ.

Такъ надо,—это необходимо...

Нина Алек. *(отнимая руки).*

Дѣлай какъ хочешь.

Въ это время въ дверяхъ показывается **Рахмановъ.**

IV.

Тѣ-же и **Рахмановъ.**

Рахмановъ.

Нина, что-же ты? Они тамъ уходятъ. Проводи ихъ.

Нина Алек.

Иду.

(Уходитъ).

V.

Рахмановъ *и* **Алымовъ.**

Рахмановъ.

Ты остаешься?

Алымовъ.

Да мнѣ надо съ тобой поговорить.

Рахмановъ *(вздрогнувъ).*

Теперь?

Алымовъ.

Да, теперь. Откладывать нечего. Чѣмъ дальше откладывать, тѣмъ хуже.

Рахмановъ.

Что-же, я готовъ—пойдемъ въ кабинетъ.

Алымовъ.

Нѣтъ, это рѣшительно все равно. Нина Алексѣевна если и придетъ, она намъ не помѣшаетъ. Наше объясненіе будетъ своебразно... Но оно основано только на томъ, что я тебя считаю честнымъ и благороднымъ человѣкомъ.

Рахмановъ *(наливая стаканъ воды).*

Ну.

Алымовъ *(ходитъ по комнатѣ).*

Я тебя предупреждаю: я готовъ на все, и подчинюсь тому, что ты захочешь.

Рахмановъ.

Подчинишься?

VI.

Тѣ-же и **Нина Алексѣевна. Нина Алексѣевна** *входитъ, взглянувъ на нихъ садится къ столу и начинаетъ чистить апельсинъ. По другую сторону стола, у правой стѣны*—**Рахмановъ. Алымовъ** *все время ходитъ.*

Алымовъ.

Да, подчинюсь. *(Пауза).* Ты, конечно, знаешь, чувствуешь, видишь, что я люблю Нину Алексѣевну...

Рахмановъ *(на нее взглядываетъ. Она не поднимая глазъ чиститъ апельсинъ).*

Алымовъ.

Она любитъ меня. Я не буду касаться вашихъ взаимныхъ отношеній,— это не мое дѣло, это вы разберете сами. Мнѣ разрѣшила Нина Алексѣевна говорить съ тобою, и я говорю. Вопросъ поставленъ прямо и безповоротно. Я очень радъ, что Нина Алексѣевна здѣсь: она подтвердитъ все это. Вопросъ, повторяю, рѣшенъ въ одну сторону. Теперь твое дѣло выяснить наши отношенія...

Рахмановъ *(блѣдный, глухимъ голосомъ).*

Выяснить отношенія? Да что-же тутъ выяснять? Къ сожалѣнію, ты человѣкъ, къ которому я былъ привязанъ, котораго любилъ...

Алымовъ.

Не мнѣ тебя учить. Ты понимаешь, что ты долженъ сдѣлать.

Рахмановъ *(косо усмѣхаясь).*

Дѣйствительно, разговоръ своеобразный. Что-же ты хочешь? Жениться на Нинѣ Алексѣевнѣ?

Алымовъ.

Да.

Рахмановъ.

Вамъ нуженъ формальный разводъ?

Алымовъ.

Я тебѣ говорю, что ты самъ долженъ рѣшить. Будетъ-ли это формальный разводъ, или нѣтъ — это твое дѣло. Ты долженъ притти съ женою къ взаимному соглашенію...:

Рахмановъ *(подумавъ).*

А если я не приду?

Алымовъ.

Это дѣло Нины Алексѣевны. Я полагаю, она настоитъ, потому что наше положеніе невыносимо. Наконецъ, если ты хочешь удовлетворенія, — я къ твоимъ услугамъ...

Нина Алек. *(смотритъ на мужа).*

Рахмановъ *(вставая).*

Нѣтъ. Мы разрѣшимъ это какъ-нибудь иначе *(берется за голову)*. Да, конечно,—во всемъ виноватъ я, и больше никто.

Алымовъ.

Тебя никто не винитъ, повѣрь,—обстоятельства такъ сложились, что привели къ этому результату.

Рахмановъ *(почти вскрикивая).*

Обстоятельства, что обстоятельства! *(Отбрасываетъ подвернувшійся подъ руку стулъ)*. Все дѣло не въ обстоятельствахъ, а во мнѣ. Чего-же ты не сказалъ мнѣ, чего-же ты лгалъ мнѣ въ лицо, когда я тебѣ показывалъ это проклятое письмо? Зачѣмъ ты мнѣ прямо смотрѣлъ въ глаза?

Нина Алек.

Этого я хотѣла, — я просила Николая Николаевича подождать до весны.

Рахмановъ *(не глядя на жену).*

А зачѣмъ мнѣ все это знать, зачѣмъ?

Алымовъ.

Какъ? Ты бы хотѣлъ жить въ блаженномъ невѣдѣніи, чтобы все это творилось за твоей спиной?

Рахмановъ *(отвернувшись).*

Уйди, уйди пожалуйста, я прошу тебя. Послѣ, потомъ, мы поговоримъ съ тобою,—но теперь я не могу. Уходи, уходи скорѣе. Я прошу тебя, я умоляю—уйди, иначе я теперь не поручусь за себя...

Алымовъ.

Да вѣдь тѣмъ что я уйду—дѣлу не поможешь.

Нина Алек. *(тихо).*

Идите, я сама поговорю съ нимъ.

Алымовъ *(протягивая ей руку).*

Только, ради Бога, рѣшайте скорѣе... *(Уходитъ).*

VII.

Рахмановъ *и* **Нина Алексѣевна.**

Рахмановъ *(послѣ большой паузы).*

Итакъ, значитъ уже все покончено?

Нина Алек. *(утвердительно киваетъ головой).*

Рахмановъ *(закрываетъ лицо руками. Потомъ допиваетъ стаканъ. Паузы).*

А дѣти?

Нина Алек.

Что дѣти?

Рахмановъ.

За что они терпятъ, за что ты ихъ бросаешь?

Нина Алек.

Я ихъ не брошу.

Рахмановъ.

Что-же, ну а я? Ни сожалѣній, ни угрызеній совѣсти?

Нина Алек.

Я развѣ оправдываюсь? Я прямо и сознаюсь въ своей винѣ. Мнѣ кажется, было бы безчестнѣе молчать. Я полюбила — и вотъ прямо прихожу тебѣ сказать: да, я люблю другого, — а ты смотри на это какъ хочешь. Убить меня желаешь — убей, я защищаться не буду. Но чувству своему я противиться не могу *(встаетъ)*. Я люблю. Понимаешь, я первый разъ въ жизни полюбила—полно, сознательно.

Рахмановъ *(швырнувъ со стола колокольчикъ)*.

Молчи!

Нина Алек.

Какъ? Ты, ты на меня кричишь?

Рахмановъ.

Что-же мнѣ, радоваться, благодарить тебя за то, что ты меня обманула?

Нина Алек.

Обманула! Это все слова, Саша. Я возвращаюсь къ нашему недавнему разговору. Вспомни, какъ я выходила замужъ...

VIII.

Тѣ-же и **Маша.**

Рахмановъ.

Что тебѣ?

Маша.

Вы звонили? *(Поднимаетъ колокольчикъ).*

Нина Алек.

Да, приготовь мнѣ капотъ. *(Маша проходитъ за драпировку).* Мы окончимъ съ тобою сейчасъ этотъ разговоръ.

Рахмановъ *(барабанитъ ножемъ по столу).*

Ну, а если я приму его предложеніе?

Нина Алек.

Какое?

Рахмановъ.

Объ удовлетвореніи.

Нина Алек.

Этого не будетъ. Я не допущу этого. Идите, Маша, я сама переодѣнусь. (**Маша** *идетъ изъ-за драпировки и хочетъ взять вазу съ апельсинами).*

Рахмановъ.

Оставьте, потомъ уберете—завтра. *(Она уходитъ).*

IX.

Рахмановъ *и* Нина Алексѣевна.

Рахмановъ.

Какъ-же ты не допустишь?

Нина Алек.

Не допущу. Къ чему эти кровавыя развязки, что онѣ разрѣшатъ? Да и, наконецъ, ты не имѣешь права подвергать себя риску: у тебя есть дѣти.

Рахмановъ.

Такъ ты хочешь дѣтей мнѣ отдать, а сама уйти къ нему? Такъ что-ли?

Нина Алек.

Ни за что. Неужели ты думаешь — я способна разстаться съ ними? Ни въ какомъ случаѣ!

Рахмановъ.

Что у тебя за обдуманность, за твердость рѣшенія,— откуда это?

Нина Алек.

Да, ты правъ былъ, говоря, что трудно узнать человѣка въ какія нибудь шесть лѣтъ. Ты вѣдь очень мало знаешь меня. Ты все время смотрѣлъ на меня, какъ на домашнюю утварь.

Рахмановъ.

Я?

Нина Алек.

Конечно. Ну пришла-ли тебѣ хоть разъ въ голову мысль — взглянуть на меня какъ на самостоятельное существо? Сознайся—нѣтъ.

Рахмановъ.

Я сознаюсь, что въ чемъ была съ моей стороны ошибка, такъ это въ томъ, что я представилъ тебя лучше, чѣмъ ты есть. Зачѣмъ ты вышла замужъ? Прежде я думалъ, что ты нашла во мнѣ человѣка, который можетъ служить тебѣ другомъ, съ которымъ ты рѣшила пройти жизнь, выростить дѣтей...

Нина Алек.

И ошибся?

Рахмановъ.

Да, ошибся. Ты вышла очертя голову, — ты видѣла во мнѣ человѣка порядочнаго, но не любила...

Нина Алек.

Сознаюсь и въ этомъ,—прямо сознаюсь... А теперь я полюбила другого искренно и чисто...

Рахмановъ.

Скажи, пожалуйста,—ты говорила, что ты религіозна. Ну, а твой взгядъ на счетъ церковнаго обѣта?

Нина Алек.

Если будетъ формальный разводъ, то все прежнее формально уничтожится. Передай мнѣ мой платокъ съ дивана, мнѣ что-то холодно.

Рахмановъ (*передавая*).

Такъ ты хочешь формальный разводъ? Кто-же беретъ на себя вину.

Нина Алек.

Ты.

Рахмановъ.

Ты шутишь?

Нина Алек.

Я? Ничуть. Послушай, да неужели если-бы въ эти шесть лѣтъ замужества ты бы сумѣлъ возбудить во мнѣ любовь, — я бы полюбила кого другого? Всѣ вы мужчины на одинъ ладъ. Ты вотъ теперь и блѣднѣешь, и мучишься—спохватился. Тебѣ просто завидно стало мое чувство. Тебѣ легко я досталась. Сдѣлалъ предложеніе—я согласилась. Женился—никогда не разставались, — весь домъ въ порядкѣ, хозяйство идетъ какъ надо — стоитъ-ли еще о женѣ думать? Такъ должно быть и ничего другого быть не можетъ. Даже ревновать—и то никогда повода не подавала. Ну, значитъ, и можно не обращать на нее вниманія, пропадать ночи по клубамъ, относиться небрежно, съ-плеча. До моего внутренняго міра тебѣ нѣтъ дѣла.

Рахмановъ.

Ну, а господинъ Алымовъ обладаетъ этой способностью—видѣть твой внутренній міръ?

Нина Алек.

Представь: обладаетъ. И любитъ меня такъ, какъ никогда ты меня не любилъ.

Рахмановъ.

Серьезно?.. Ну, посмотримъ... И такъ — значитъ я беру вину на себя... А дѣти?..

Нина Алек.

Я тебѣ сказала, что не могу жить безъ нихъ.

Рахмановъ.

Какъ—ты и ихъ у меня отнимаешь?

Нина Алек.

Да какъ-же ты можешь воспитывать дѣвочекъ? Для этого нужна женщина.

Рахмановъ *(ударивъ ножемъ по столу)*.

Но не такая, какъ ты!

Нина Алек.

Ты чего-же кричишь: я не испугаюсь.

Рахмановъ.

Да пойми ты, что разстраивая мой домъ, мою семью, ты хочешь все отнять у меня: не только себя, но и дѣтей,—все мое, всю жизнь... Я боготворю ихъ...

Нина Алек.

Чтожъ ты силой ихъ возьмешь—что-ли? Да по какому праву? Потому, что я разлюбила тебя, потому что я полюбила другого. Вы приходите къ намъ, удовлетворенные вашими похожденіями, смотрите на насъ какъ на какую-то собственность; для васъ жизнь кончена—вы почиваете на лаврахъ,—а я любить, понимаешь—я любить хочу! Я полюбила — и рада. Это не безнравственно, потому что я люблю всѣмъ сердцемъ, люблю, какъ только могу любить...

Рахмановъ *(схватывая ее за руку)*.

Да вѣдь ты забываешь, что у тебя дѣти, — вѣдь у тебя назначенье есть, заботы, обязанности.

Нина Алек.

Пусти руку,—мнѣ больно.

Рахмановъ.

Если-бы дѣтей не было — другое дѣло: иди на всѣ четыре стороны. Но теперь ты не имѣешь права бросать...

Нина Алек.

Пусти, ты мнѣ руку сломаешь...

Рахмановъ.

Ты должна забыть себя, ты ужъ не дѣвочка... Какой примѣръ дѣтямъ... *(Выпускаетъ руку).*

Нина Алек.

Послушай, вѣдь мы можемъ устроиться. Мы будемъ жить на одной квартирѣ, на разныхъ половинахъ... Для дѣтей дурного примѣра не будетъ. Ты будешь ежедневно ихъ видѣть, даже заниматься съ ними. Но кто ко мнѣ будетъ ѣздить—до этого тебѣ дѣла нѣтъ...

Рахмановъ.

Да ты съ ума сошла. Какъ? Я въ своемъ домѣ позволю...

Нина Алек.

Ты самъ говорилъ, что для дѣтей надо приносить жертвы. Ты не хочешь ради какихъ-то условныхъ приличій...

Рахмановъ *(съ жаромъ).*

Какъ условныхъ приличій? Онъ будетъ сюда пріѣзжать какъ въ свой домъ, чтобъ отдохнуть послѣ занятій, чтобъ насладиться семьею, счастьемъ,—а я кое-какъ, урывками, за обѣдомъ, буду видѣть дѣтей и тебя, — да при каждомъ звонкѣ думать, что это онъ пришелъ, и мучиться, и терзаться? Да за кого ты меня принимаешь, чтобъ я согласился на это?.. Нина, Нина, родная моя, — выкинь весь этотъ вздоръ изъ головы, забудь... Ну, поѣдемъ съ тобою на воды, какъ ты хотѣла, тебя развлечетъ это...

Нина Алек.

Да не могу, пойми ты,—я не могу этого,—вѣдь я еще молода. Я не жила, я жить хочу... *(Плачетъ).*

Рахмановъ *(опускаясь передъ ней на колѣни).*

Послушай, опомнись, пожалѣй себя и меня... Вѣдь я

люблю теперь тебя, я люблю... Я обѣщаю тебѣ все, что только могу сдѣлать—все дать.

Нина Алек. *(плача).*

Ничего мнѣ не надо... Дай мнѣ силы разлюбить его, научи это сдѣлать—я буду счастлива...

Рахмановъ.

Ну, слушай... Ты послушай, что я тебѣ скажу. Ты вѣдь сама колеблешься, ты сама, кажется, нетвердо увѣрена въ прочности своего чувства. Я тебя прошу объ одномъ: подожди лѣта. Пройдетъ оно—если чувство это въ тебѣ останется, тогда... Ну, тогда мы какъ нибудь устроимся—разойдемся, разведемся, только тихо, безъ шума. Я одного прошу: подождемъ конца лѣта.

Нина Алек. *(послѣ небольшой паузы).*

Хорошо.

Рахмановъ *(притягиваетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ въ лобъ, потомъ встаетъ съ колѣнъ).*

Ты разстроена. Выпей воды, и лягъ. Потолкуемъ завтра—до свиданія.

Нина Алек.

Ты куда?

Рахмановъ.

Я лягу въ кабинетѣ.

(Еще разъ взглядываетъ на нее и уходитъ. Она, опершись о столбъ драпировки, задумчиво стоитъ у входа посрединѣ сцены).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Алымова на его дачѣ въ Царскомъ Селѣ. Справа окна. Въ глубинѣ балконная дверь. Налѣво на заднемъ планѣ дверь; на первомъ планѣ—тахта. Посрединѣ столъ круглый, большой, и нѣсколько стульевъ. Вечеръ.

I.

Алымовъ *и* Веретенниковъ.

Веретенниковъ.

Такъ въ принципѣ, значитъ, вопросъ рѣшенъ?

Алымовъ.

Ну конечно.

Веретенниковъ.

Мужъ беретъ на себя вину?

Алымовъ.

Да. Только видишь-ли,—тутъ недоразумѣніе: она не хочетъ отдавать ему своихъ двухъ дѣвочекъ.

Веретенниковъ.

Такъ пусть не отдаетъ.

Алымовъ.

Да вѣдь по закону дѣвочки, въ случаѣ развода, идутъ къ отцу.

Веретенниковъ.

Эхъ вы, законники! По закону! Много вы всѣ законы знаете! По закону дѣтей беретъ невиновная сторона. А обыкновенно дѣлается это по взаимному соглашенію. Въ данномъ случаѣ, если мужъ беретъ на себя вину— дѣвочки на законномъ основаніи поступаютъ къ матери... Когда-же начнете разводъ?

Алымовъ.

Въ концѣ лѣта.

Веретенниковъ.

Какъ хочешь, — а только мой совѣтъ не женись: не тѣ, братъ, времена. Ныньче на прочность этихъ узъ Гименея нельзя разсчитывать. Если одного мужа оставила ради тебя, такъ и тебя оставитъ ради кого другого... можетъ опять къ прежнему мужу уйдетъ.

Алымовъ.

Ну, за это я не боюсь.

Веретенниковъ.

Бойся. Ныньче, братецъ, это повѣтріе: прежде мужья женъ бросали, а теперь жены мужей. И жена такъ просто не броситъ, непремѣнно съ разводомъ. У меня вотъ портфель: онъ хоть не толстъ, а какъ фараонова крава, сколько поглотила процессовъ. Сколько я этихъ узъ расторгъ, если-бы ты зналъ! И всегда я сочувствую мужу, — потому что онъ всегда беретъ вину на себя. Жена низачто и никогда. И потомъ мужъ всегда первый вступаетъ въ новый бракъ, хоть и незаконный,— не можетъ иначе: семейныя начала тверды... А женщина — вѣдь она всенепремѣнно надуетъ. Что ты на меня такъ смотришь? Конечно, надуетъ.

Алымовъ.

Личнымъ опытомъ до этого дошелъ?

Веретенниковъ.

Да еще какимъ опытомъ-то! Сколько разъ, то-есть

сколько разъ меня надували! Кажется чего ужъ: адвокатъ, извѣстность, ораторъ: такихъ прокуроровъ на удочку поддѣвалъ, что только диву давались; говорю,—присяжные навзрыдъ плачутъ, даже у жандармовъ слезы на глазахъ, — а барыню ничѣмъ этимъ не обойдешь, всѣ эти рессурсы сводятся къ нулю. — „Я, говоритъ, люблю васъ на трибунѣ, когда вы со значкомъ на груди исторгаете слезы". А у нея въ будуарѣ — никакого престижа. Лѣтъ пятнадцать назадъ былъ разгаръ нашей дѣятельности, былъ я моложе, плѣши еще не было—сколько романовъ было...

Алымовъ.

Помню...

Веретенниковъ.

Ну, какъ не помнить! Чего-чего не было: и мужей бросали, и въ вѣчной любви клялись, и къ подсудимымъ ревновали, одна даже, кажется, нанесла въ залѣ суда оскорбленье дѣйствіемъ...

Алымовъ.

Помню.

Веретенниковъ.

Ну, это еще вопросъ спорный. Понимаешь, любили до изступленія: все повидимому къ чорту,—и семья, и общественное мнѣніе — ну одна профильтрованная страсть. Ну, и въ самый критическій моментъ, когда тебѣ дѣйствительно нужна опора, когда ты въ женщинѣ ищешь поддержки — она тебя въ лужу и посадитъ, да вѣдь какъ: такъ въ самую жижу и вляпаетъ,— даже очумѣешь, сознанье потеряешь,—а она еще носъ подниметъ, да такъ черезъ плечо съ важностью: „Я, говоритъ, въ васъ ошиблась: вы, говоритъ, не оправдали моего довѣрія!"

Алымовъ.

Не всѣ-же по одной мѣркѣ. Я знаю ту особу, на которой собираюсь жениться. Она женщина съ правилами и убѣжденіями.

Веретенниковъ.

И, братецъ, все одинъ сортъ. Я тебѣ говорю, разво-

дится не потому, что тебя любитъ, а потому, что надоѣло ей все старое, вся эта обстановка: вѣчный мужъ, ребятишки, бездѣятельность. Ну, сердчишко стучитъ, любить хочется, жить надо. Фантазія у нихъ богатѣйшая,—ну и рисуетъ въ перспективѣ всякія марева, или какъ у насъ на югѣ называютъ—навожденія. Кажешься ты ей идеаломъ, и тѣмъ, и другимъ,—а какъ подошла поближе:—и нѣтъ ничего—одни голыши,—а марево опять отступило туда, на горизонтъ—и опять къ себѣ манитъ оттуда. Всѣ нынче такъ—эпидемія это: спеціально заболѣваютъ на третьемъ годѣ супружества,—и никакія лѣкарства не помогутъ: ампутація и кончено дѣло. Я, братецъ, тебя глубоко сожалѣю: коли избѣжалъ ты этой горькой участи супружества, — такъ и держись своего положенія.

Алымовъ.

А нѣтъ, — ты вотъ увидишь ее: она должна сейчасъ пріѣхать: ты сразу увидишь, что это за существо. Мужъ у нея человѣкъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ.

Веретенниковъ.

Еще того лучше.

Алымовъ.

Она тоже прекрасная женщина.

Веретенниковъ.

И ты прекрасный мужчина: всѣ трое люди прекрасные...

Алымовъ.

Да, и всѣ трое мы буквальные мученики: мы уважаемъ другъ друга, понимаешь: уважаемъ,—въ этомъ все несчастіе.

Веретенниковъ.

Не знаю: вотъ я такъ всѣхъ васъ троихъ совсѣмъ не уважаю.

Алымовъ.

Постой,—ну найди исходъ нашему положенію, сдѣлай милость.

Веретенниковъ.

Какому, такому положенію? У тебя отъ практики отбоя нѣтъ, у нея—ребята,—вотъ вамъ обоимъ и занятія. Съ жиру вы бѣситесь, вотъ что. Оставайтесь какъ вы есть — благословляю я васъ обѣими руками.

Алымовъ.

Это безнравственно и цинично!

Веретенниковъ.

Ну ужъ не знаю, безнравственно тамъ, или цинично, но я всѣми силами отговорю твою барыню отъ развода. Что-же мнѣ—своими собственными руками тебѣ петлю вить?.. Очень нужно! *(Смотритъ на часы)*. Только я тебя предупреждаю: если она черезъ полчаса не пріѣдетъ—я улетучиваюсь,—у меня дѣло въ Павловскѣ.

Алымовъ.

Да скажи, пожалуйста,—вѣдь ты самъ-то женатъ?

Веретенниковъ.

Женатъ. Развелъ свою жену съ мужемъ, а она въ благодарность за меня замужъ вышла. Только изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Я не указъ тебѣ...

II.

Тѣ-же и **Зоя Павловна** *съ балкона. На ней шляпа Van-Dyck, подбитая чѣмъ-то пунцовымъ, свѣтленькое платье съ пестрой отдѣлкой, раскрытый зонтикъ,—на видъ лѣтъ тридцать пять.*

Зоя Павловна.

Puis-je entrer?

Алымовъ (*вставая*).

Сдѣлайте одолженіе.

Зоя Павловна.

Ни въ саду, ни на балконѣ ни души и двери настежь,—восточное гостепріимство.

Алымовъ.

Мнѣ скрываться не отъ кого.

Зоя Павловна.

Что-же вы отъ меня-то прячетесь? Два мѣсяца ни ногой?

Алымовъ.

Вы меня не звали.

Зоя Павловна.

Васъ звать нужно?.. Впрочемъ вѣдь у васъ такая практика — когда-же вамъ. — Ну, если вы не приглашаете меня садиться,—я сама сяду.

Алымовъ *(быстро придвигая стулъ)*.

Позвольте познакомить—Тертій Петровичъ Веретенниковъ—присяжный повѣренный, мой пріятель.

Зоя Павловна.

Если не ошибаюсь — вы Сонечку Кудрявцеву разводили?

Веретенниковъ.

Имѣлъ случай.

Зоя Павловна.

Вѣдь вы спеціалистъ по расторженію браковъ? Enchantée. *(Алымову)*. Ну-съ,—такъ вамъ все некогда. А я васъ часто вижу въ Павловскѣ, — не васъ, а лошадей вашихъ; у редакторской дачи такъ и стоятъ. Тамъ боленъ кто?

Алымовъ.

Что это васъ такъ интересуетъ?

Зоя Павловна.

Pardon,—я задала кажется нескромный вопросъ?

Алымовъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Зоя Павловна.

А знаете,—другой бы на вашемъ мѣстѣ долженъ на колѣнкахъ передо мной стоять.

Алымовъ.

Чѣмъ же я провинился?

Зоя Павловна.

Не провинились, а благодарить должны. Вы мѣсто получили: тó, что хотѣли—при васильевской больницѣ.

Алымовъ.

Я не просилъ.

Зоя Павловна.

Но хотѣли его: Мнѣ Катя Штейнъ сказала, — я и распорядилась.

Алымовъ *(пожимая плечами)*.

Безъ моего вѣдома.

Веретенниковъ.

Ты не разсуждай, а ручку цѣлуй.

Зоя Павловна.

Вы, кажется, удивлены? Что-же тутъ страннаго? Кому нибудь надо же это мѣсто? Я васъ знаю — поэтому и рекомендовала васъ.

Алымовъ.

Но все-таки...

Зоя Павловна.

Ахъ, да не принимайте, сдѣлайте одолженіе, — другой найдется... Если находите приличнымъ чепыжиться—такъ Богъ съ вами.

Веретенниковъ.

Ай-яй-яй, Николай, какой ты! нехорошо!

Зоя Павловна.

Ну, это въ сторону. Хотите — возьмете мѣсто, не хотите — не надо. А вотъ вы мнѣ должны помочь въ одномъ дѣлѣ. Мнѣ заграницу надо.

Алымовъ.

Такъ что-же прикажете?

Зоя Павловна.

Мнѣ болѣзнь надо какую нибудь. Только понеобыкновеннѣе.

Алымовъ.

На́ воды?

Зоя Павловна.

Куда нибудь, — только отъ дома подальше. А мужъ не пускаетъ.—Я бы хотѣла въ Парижъ.

Алымовъ.

Отъ какой-же вы болѣзни въ Парижѣ лѣчиться будете?

Зоя Павловна.

Тамъ, говорятъ, ныньче нервы лѣчатъ. Ей Богу я слышала,—у Шарко́, кажется.

Алымовъ.

Да—развѣ что нервы!

Зоя Павловна.

Мнѣ все равно—что хотите выдумывайте, только я больше не въ силахъ здѣсь торчать. Faites de moi même une hysterique si vous voulez. Николай Николаевичъ,—прелестный—вы должны это сдѣлать...

III.

Тѣ-же, и **Лакей** *слѣва.*

Алымовъ.

Что? (*Подходитъ къ нему*).

Лакей *(тихо)*.

Госпожа Рахманова васъ просятъ, онѣ давно ужъ прiѣхали.

Алымовъ.

Скажи, что сейчасъ. *(Лакей уходитъ)*. Виноватъ, я на одну минуту. *(Уходитъ налѣво)*.

IV.

Зоя Павловна *и* Веретенниковъ.

Веретенниковъ.

Вотъ вы изволили выразиться, что вы у супружескаго очага...

Зоя Павловна.

Закисла.

Веретенниковъ.

Изволили закиснуть. Но мой совѣтъ, какъ юриста:—отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы вы ѣхали за границу.

Зоя Павловна.

Это отчего?

Веретенниковъ.

Незыблемость семьи въ наше время,—это, сударыня, дѣло великое. Притомъ—дѣти.

Зоя Павловна (*удивленно*).

У меня нѣтъ дѣтей.

Веретенниковъ.

Нѣтъ? Какъ это странно... а мнѣ Алымовъ говорилъ именно, что у васъ двѣ дѣвочки.

Зоя Павловна.

Зачѣмъ-же онъ это говорилъ?

Веретенниковъ.

Я самъ удивляюсь. Въ такомъ случаѣ, это измѣняетъ дѣло.

Зоя Павловна (*недоумѣвая*).

Какое?

Веретенниковъ.

Онъ такъ много говорилъ о вашемъ супругѣ.

Зоя Павловна.

Да? Онъ у меня, конечно, человѣкъ со странностями...

Веретенниковъ.

Вы, конечно, могли ожидать отъ меня совсѣмъ другого,—скорѣе помощи, чѣмъ того, что я говорю вамъ. Но меня просилъ Николай, чтобы я прямо высказалъ вамъ свое мнѣніе. Онъ поймалъ меня въ вагонѣ и насильно притащилъ сюда...

Зоя Павловна (*съ удивленіемъ его оглядываетъ*).

Веретенниковъ.

Я бы вамъ совѣтывалъ подумать... Еслибы вы знали сколько хлопотъ...

Зоя Павловна.

Заграничный паспортъ?

Веретенниковъ.

Да, выдаютъ съ большимъ затрудненіемъ...

V.

Тѣ-же и **Алымовъ.**

Зоя Павловна.

Зачѣмъ вы наградили меня двумя дѣвочками?

Веретенниковъ.

Вѣдь ты же говорилъ... (*вдругъ сообразивъ*). Виноватъ,—сударыня, извините, ради Бога,—я предполагалъ, что вы по бракоразводному дѣлу. Противъ поѣздки заграницу я рѣшительно ничего не могу сказать... Я убѣжденъ, что вы теперь смотрите на меня и думаете, что я бѣглый изъ клиники душевныхъ больныхъ... Простите, сударыня, ради Бога простите!

Зоя Павловна.

Охотно прощаю, но въ наказаніе вы должны помочь мнѣ уговорить нашего эскулапа. Николай Николаевичъ, ну, помогите, дорогой! je compte sur vous!

Алымовъ.

Извольте, я къ вамъ на-дняхъ заѣду.

Зоя Павловна.

Вы чѣмъ нибудь попугайте мужа посерьезнѣе... Скажите: обязательно ей къ Шаркó,—иначе нервы дойдутъ до высшей степени напряженія. А онъ моего нервнаго напряженія больше всего боится.

Алымовъ (*улыбаясь*).

Хорошо-съ.

Зоя Павловна (*протягивая руку*).

А мѣсто берете?

Алымовъ.

Подумаю.

Зоя Павловна.

Ужасно глупо.—Monsieur Веретенниковъ. (*Жметъ ему руку*). Очень рада знакомству съ вами...

Веретенниковъ (*шутливо*).

Пожалуйста, въ случаѣ надобности...

Зоя Павловна.

Нѣтъ: у моего благовѣрнаго подагра и хирагра. Разводиться намъ—варварство... (*Тихо Алымову, прощаясь съ нимъ*). Вы кого-же это разводить вздумали? M-me Рахманову. Bonne chance! Только вы холостой право интереснѣе. (*Громко*). До свиданія!

(*Уходитъ, Алымовъ провожаетъ ее на балконъ*).

VI.

Алымовъ *и* **Веретенниковъ;** *потомъ* **Нина Алексѣевна.**

Веретенниковъ (*у окна*).

Ого, рысаки какіе! Запрыгала барынька на резинкахъ. (*Входящему Алымову*). Я тебѣ скажу: ого-го-го!

Алымовъ.

Она премилая барыня.

Веретенниковъ.

Вижу, вижу,—это такое ого-го-го!

Алымовъ.

Ну, я тебя сейчасъ познакомлю съ госпожей Рахмановой. Она не хотѣла при ней войти сюда.

Веретенниковъ.

Пожалуйста...

Алымовъ *(у двери).*

Нина Алексѣевна—милости просимъ. *(Она входитъ).* Позвольте васъ познакомить—Тертій Петровичъ Веретенниковъ.

Веретенниковъ.

Очень пріятно. Сейчасъ вышло маленькое недоразумѣніе: я принялъ паціентку Николая за васъ — она меня чуть не побила.

Алымовъ.

Снимайте шляпку.

Нина Алек. *(снимая).*

Я не знала, что вы настолько хорошо знакомы съ Крамской. Она мѣсто вамъ предлагала?

Алымовъ.

Вы слышали?

Нина Алек.

Слышала: двери вѣдь незатворены. Что-же вы—берете?

Алымовъ.

Не знаю.

Веретенниковъ.

Отчего-же тебѣ не брать? Чудеснѣйшее мѣсто, доходовъ страсть,—что тутъ накрасть можно.

Алымовъ.

Ну, я этимъ не занимаюсь.

Веретенниковъ.

Тѣмъ лучше... Въ такомъ случаѣ обрати вниманіе на положеніе твое соціальное — въ смыслѣ служебной

іерархіи. *(На стол̀ѣ бьетъ восемь)*. Батюшки, какъ поздно! Когда я въ Павловскъ?

Алымовъ.

Ну — и такъ, Нина Алексѣевна, Веретенниковъ берется вести дѣло... Дѣло о вашемъ разводѣ. Ты скажи, какъ-же это надо дѣлать, и съ чего начать?

Веретенниковъ.

Да первымъ долгомъ надо повидаться съ ихъ супругомъ.

Алымовъ.

Когда его можно застать?

Нина Алек.

Его никогда нѣтъ на дачѣ, — онъ все время въ городѣ. Да я думаю, что еслибы онъ и былъ въ Павловскѣ, едва-ли бы онъ принялъ monsieur Веретенникова.

Веретенниковъ.

Что-же—онъ вѣдь согласенъ на разводъ?

Нина Алек.

Онъ говоритъ, дѣлайте что хотите, я пальцемъ не шевельну, я никуда не поѣду, ни о чемъ хлопотать не буду,—если нужно что подписать—подпишу, но чтобы я былъ въ сторонѣ.

Веретенниковъ.

Восхитительно! Больше ничего и не нужно! Только во всякомъ случаѣ повидаться съ нимъ необходимо, кое о чемъ поговорить. Вы предупредите вашего супруга. Я возьмусь за дѣло не сразу: повѣрьте, я осторожно сумѣю подойти къ вопросу,—я знаю, насколько это щекотливо. Только, какъ это ни страннымъ вамъ покажется, я положительно протестую въ данномъ случаѣ противъ развода.

Алымовъ.

Да, ты ужъ говорилъ это.

Веретенниковъ.

Да, — и нахожу необходимымъ повторить это при

госпожѣ Рахмановой. Я долженъ признаться, что не смотря на то, что бракоразводныя дѣла—моя спеціальность,—я положительно врагъ развода. Незыблемость семейнаго очага я ставлю на первомъ планѣ, особенно, если есть потомство. Если позволите, я прослѣжу мою мысль такъ сказать ab ovo. Основное назначеніе всего живущаго на землѣ—поддерживать свой родъ. Свойство и животнаго, и растительнаго царства:—питаніе и размноженіе. Если мы обратимся къ самымъ эмбріональнымъ формамъ животной жизни, мы замѣтимъ, что тамъ инстикты размноженія граничатъ съ самымъ существованіемъ животнаго: произведя на свѣтъ дѣтенышей—самка умираетъ...

Алымовъ.

Экъ куда тебя понесло...

Веретенниковъ *(Воодушевляясь все болѣе, встаетъ и опирается на спинку стула).*

Конечно мы, какъ представители культуры, какъ существа, стоящія на кульминаціонной точкѣ земныхъ организмовъ,—мы, занятые высшими проявленіями человѣческаго духа, въ значительной мѣрѣ отдаляемся отъ первобытнаго назначенія каждаго организма: раціональнаго воспитанія потомства, которое въ сущности и есть базисъ нашего существованія. Я, господа, считаю, что женщина обязана всецѣло исполнять именно это предначертанье природы, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія чувствованія и всякія свои сердечныя увлеченія. Только та женщина достойна великаго назначенія, что дано ей свыше, которая, отбросивъ все, посвятила себя всецѣло величайшей идеѣ—воспитанія дѣтей. Несогласіе характеровъ — ея и мужа — по моему не только не препятствуетъ воспитанію, но, напротивъ того, способствуетъ этому. Жена, нелюбя своего мужа, гораздо съ большей страстью можетъ отдаться дѣтямъ, гораздо полнѣе ихъ любить, такъ какъ она любовь свою не дѣлитъ между дѣтьми и мужемъ, — и я полагаю, что моя кліентка... *(Внезапно останавливается и, опомнившись, гораздо болѣе простымъ голосомъ).* Что госпожа Рахманова раздѣляетъ именно мое мнѣніе...

Нина Алек. *(улыбаясь).*

Нѣтъ не раздѣляю.

Веретенниковъ.

Отчего-же? Развѣ я говорилъ недостаточно убѣдительно!

Нина Алек.

Очень убѣдительно, но для меня это вопросъ рѣшоный.

Веретенниковъ.

Что я тебѣ говорилъ о женщинахъ? Видишь, какъ принимаются ими самые задушевные совѣты!

Алымовъ.

Да, — ну такъ что-же: ты рѣшительно не хочешь браться за дѣло?

Веретенниковъ.

Помилуй, — да я съ наслажденіемъ, когда хочешь! Что-же мнѣ? Я свой долгъ исполнилъ, а если меня не хотятъ слушать—то мнѣ остается умолкнуть, и завести для вашего дѣла новую обложку.

Алымовъ.

Такъ что-же? На-дняхъ можно начать?

Веретенниковъ.

Хоть сію минуту, — дѣло привычное. *(Взглянувъ на часы).* Ангелъ мой, не могу больше! *(Встаетъ).* Я удираю.

Алымовъ *(тоже вставая).*

Боюсь задерживать.

Веретенниковъ.

До свиданія, сударыня, значитъ еще много будетъ встрѣчъ? Ну что-же, — видно мнѣ ужъ такое счастье: всю жизнь веду дѣла противъ внутренняго убѣжденія. Ну-съ, до свиданія. *(Тихо ему).* А только берегись— вдругъ въ лужу посадитъ! *(Громко).* Не провожай, братъ,—я и самъ дорогу найду. До свиданія! *(Уходитъ).*

VII.

Нина Алексѣевна *и* Алымовъ.

Нина Алек.

Откуда ты досталъ этого помѣшаннаго?

Алымовъ.

Встрѣтился съ нимъ въ вагонѣ и притащилъ сюда. Послушай, ну чего-же мы будемъ тянуть, — надо же начинать процессъ... Неужели ты не можешь повлiять на мужа?

Нина Алек.

Не могу.

Алымовъ.

Почему?

Нина Алек.

Потому что онъ не говоритъ со мной, потому что онъ совсѣмъ не живетъ нынче въ Павловскѣ. Онъ все время въ городѣ. Прiѣдетъ раза два въ недѣлю, на минуту, посмотритъ на дѣтей, иногда пообѣдаетъ, но со мной, кромѣ двухъ-трехъ необходимыхъ фразъ, ни слова...

Алымовъ.

Ну такъ вѣдь надо-же это все кончать.

Нина Алек. *(обвиваетъ его шею руками).*

Милый ты мой, милый,—ты не безпокойся: все будетъ, только не сразу.

Алымовъ *(тихонько освобождаясь).*

Я тебя рѣшительно не понимаю...

Нина Алек.

Чего ты не понимаешь? Не понимаешь, что я счастлива любовью къ тебѣ? Ты не цѣнишь, что тебѣ женщина въ глаза это говоритъ? Ты ужъ черезчуръ зазнался, вотъ что я тебѣ скажу. Легко тебѣ досталась эта жизнь,—ты на меня какъ на побрякушку смотришь, на развлеченiе.

Алымовъ.

Я?—Да помилуй, я напротивъ—стараюсь закрѣпить возможно больше наши отношенія, а не обрывать ихъ. Мнѣ хочется, чтобы ты была всецѣло моею, а не видѣть тебя урывками по получасу въ день. Ты думаешь только о себѣ и своемъ спокойствіи.

Нина Алек.

О спокойствіи? Какъ? Ты думаешь, я спокойна, когда пріѣзжаю сюда, ты думаешь я спокойна, когда встрѣчаюсь съ мужемъ, и онъ молча взглядываетъ на меня, желая узнать—была-ли я здѣсь.—А мою репутацію ты ни во что не цѣнишь?

Алымовъ.

Ни во что. Представь себѣ—рѣшительно ни во что.

Нина Алек.

Какъ? Тебѣ все равно, чтобы про меня ни говорили?

Алымовъ.

То-есть кто? Всѣ эти дуры въ модныхъ шляпкахъ, что вертятся на музыкѣ ради сплетенъ? Да пускай говорятъ что хотятъ — мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

Нина Алек.

Ну, а мнѣ большое дѣло.

Алымовъ.

Очень жаль, если ты еще можешь обращать на это вниманіе. А затѣмъ—въ чемъ-же дѣло? Что онѣ могутъ такого сказать про тебя ужаснаго?

Нина Алек.

А про мои отношенія къ тебѣ?

Алымовъ.

Да вѣдь это правда. Еслибы онѣ взводили-бы на тебя клевету — ну было-бы изъ чего волноваться, а если скажутъ про то, что есть—велика важность.

Нина Алек.

Благодарю покорно,—я еще не такъ низко стою въ

нравственномъ отношеніи, чтобы мнѣ было безразлично — считаютъ меня порядочной женщиной или нѣтъ.

Алымовъ.

Постой. Вѣдь ты же говоришь, что любишь меня, оставляешь мужа. Значитъ ты открыто, передъ всѣмъ свѣтомъ хочешь показать, что твое чувство неизмѣнно и свято? Что-же въ такомъ случаѣ безчестнаго? А наконецъ, если тебя это можетъ волновать, то объ этомъ надо было думать раньше—теперь ужъ поздно.

Нина Алек.

Ахъ, вотъ куда пошло! Ты ужь теперь, кажется, сожалѣешь, зачѣмъ мы сошлись. Да я и не оправдываюсь: конечно, это было необдумано съ моей стороны. *(Подходитъ къ столу и беретъ шляпу).*

Алымовъ.

Куда это?

Нина Алек.

Домой.

Алымовъ.

Мы не кончили разговора.

Нина Алек.

Да что-же намъ его кончать? Я пришла совсѣмъ не для того, чтобы слушать наставленія.

Алымовъ *(беретъ у нея изъ рукъ перчатки).*

Нѣтъ, я тебя не пущу. Сядь—сними шляпу *(хочетъ снять).*

Нина Алек. *(уклоняясь).*

Пусти! Пусти—ты сомнешь,—да пусти-же, говорю,— я сама сяду *(садится).* Ну, что-же?

Алымовъ.

Ты говоришь, что твоя репутація страдаетъ. Ужь если страдаетъ чья репутація, такъ моя.

Нина Алек. *(съ гримасой).*

Твоя?

Алымовъ.

Да. Ты женщина очень хорошая, и честная, и прямая, но въ тебѣ есть это... (ты не сердись—я правду говорю) эта отвратительная женская манера—ставить въ неловкое положеніе мужчину, который ей близокъ. Ты не допускаешь мысли, чтобы открыто говорили про наши отношенія,—и въ то-же время ты ихъ при всѣхъ подчеркиваешь. Ну посмотри, зачѣмъ ты сейчасъ показала, что тебѣ непріятенъ визитъ этой барыни... Вѣдь Веретенниковъ сразу это замѣтилъ.

Нина Алек.

А зачѣмъ она пріѣзжаетъ! Я не хочу, чтобъ она была.

Алымовъ.

Она паціентка.

Нина Алек.

Мало-ли другихъ докторовъ. Ѣздитъ къ тебѣ, потому что ты собой красивъ,—а я этого не хочу, и не желаю. И мѣста этого не смѣй принимать,—что за подачки...

Алымовъ.

Все это ты могла сказать глазъ-на-глазъ, а не при постороннихъ. Ты пользуешься правомъ женщины, знаешь, что я тебѣ на дерзость не могу отвѣтить дерзостью. И вотъ поэтому, на глазахъ у всѣхъ, приходится играть роль воздыхателя, несчастнаго любовника. Никто не знаетъ, какая ты со мною вдвоемъ,—видятъ, что ты невозможно третируешь меня при людяхъ. Вѣдь надо мною смѣются. Смѣются, когда видятъ, что я рѣдкій день не заѣду къ тебѣ. У меня теперь ужь и кучеръ не спрашиваетъ, куда ѣхать,—чего! даже лошади, и тѣ—такъ съ мѣста прямо къ тебѣ полной рысью. И потомъ разговоры, обычные, вѣчные разговоры: онъ у нея, несчастный, на побѣгушкахъ...

Нина Алек. *(смѣется).*

Алымовъ.

Ужь право не знаю, смѣшно это, или нѣтъ. По моему—скорѣе грустно. У васъ вѣдь это страсть рядить

человѣка въ шуты. Это какая-то ненужная жестокость: это въ крови у женщины.

Нина Алек.

Ха! Мнѣ смѣшно,—когда ты такъ сердишься—у тебя брови ходятъ.

Алымовъ.

Да, вотъ о тебѣ о дѣлѣ говоришь, а ты замѣчаешь брови и всякій вздоръ. Пустая ты женщина, больше ничего.

Нина Алек.

Ты думаешь, я разсержусь?—Нѣтъ—теперь не разсердишь.

Алымовъ.

Зачѣмъ-же ты въ шляпкѣ сидишь?

Нина Алек.

Хочу, и сижу.

Алымовъ.

Какъ хочешь,—вѣчное кривлянье и капризы.

Нина Алек. *(слѣдитъ за нимъ глазами).*

Ты непремѣнно хочешь представиться такимъ сердитымъ, такимъ разстроеннымъ.

Алымовъ.

Да нѣтъ, я не понимаю! Цѣлое лѣто проходитъ, вотъ какъ сегодняшній день — разговоры, разговоры безъ конца,—а дѣло ни съ мѣста!.. Чего ты ждешь, чего тебѣ еще надо? Мало что ты меня—ты и мужа мучаешь...

Нина Алек.

Ахъ, теперь ужь тебѣ его стало жалко...

Алымовъ *(подойдя къ ней).*

Скажи пожалуйста:—какъ онъ къ тебѣ относится?

Нина Алек.

Да никакъ. Я не понимаю его. Съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали на дачу—онъ другой человѣкъ. Предо-

ставилъ мнѣ полную свободу, и точно меня нѣтъ и не существуетъ...

Алымовъ.

Странно такъ все это... Любилъ-ли онъ тебя когда?

Нина Алек.

Не знаю. Мнѣ кажется, что если *да*... то это чувство въ немъ начинается только теперь...

Алымовъ.

И о дѣтяхъ разговора не было?

Нина Алек.

Онъ въ городѣ еще мнѣ сказалъ, что не отдастъ ихъ.

Алымовъ.

Да, онъ правъ, правъ!—Я-бы на его мѣстѣ тоже не отдалъ.

Нина Алек.

Отчего-же? Что-же я воспитать ихъ не сумѣю? Наконецъ, онъ будетъ видѣться съ нами.

Алымовъ.

Видѣться?

Нина Алек.

Да. Эту уступку, конечно, ему надо будетъ сдѣлать. По воскресеньямъ онъ долженъ съ ними видѣться.

Алымовъ.

И онъ согласенъ на это?

Нина Алек.

Долженъ согласиться. Я не понимаю васъ, мужчинъ! Правà отца—какія такія правà! Я допускаю правà матери: болѣзнь, страданья,—а отецъ—развѣ онъ стоитъ такъ близко? Для него ребенокъ — это случайный результатъ его отношеній къ женѣ—и только...

Алымовъ *(покрутивъ головой)*.

Философія у васъ, нечего сказать!

Нина Алек.

А это просто упрямство: „мои дѣти, хочу ихъ воспитывать!“ Пока жили подъ однимъ кровомъ—по три недѣли въ дѣтскую не заглядывалъ, а какъ разъѣхались, такъ и любовь явилась, и отцовскія права̀! Все это тѣшенье самолюбія и больше ничего: никого вы не любите кромѣ себя,— и подчиняться вашимъ капризамъ намъ нечего.

Алымовъ (*наблюдая за нею*).

Энергіи много! Знаешь, я вотъ смотрю на тебя и думаю: ты женщина нашего, нынѣшняго вѣка. И знаешь какая въ васъ отличительная черта? вы не отдаетесь мужчинамъ, а вы берете ихъ. Взяла мужа,—никто не неволилъ, никто не гналъ замужъ,—взяла и обвѣнчалась. Потомъ другой полюбился, ну можетъ быть искренно, чисто,—ты его берешь, а мужу говоришь: я не хочу быть съ тобою, прощай. Этой энергіи не бывало у васъ въ прежнее время.

Нина Алек.

А теперь есть. Вѣдь стоитъ захотѣть—вы все сдѣлаете по нашему, и дѣтей отдадите,—да еще счастливы будете... Вѣдь если-бы я не пошла за тебя замужъ, и на разводъ не согласилась — вѣдь ты-бы попрежнему любилъ меня?

Алымовъ.

Не думаю.

Нина Алек.

А я думаю, что такъ. *(Смотритъ въ зеркало).* Вѣдь я недурна сегодня... *(поворачивается).* Ты какъ находишь? *(Онъ молчитъ. Она подходитъ къ нему сзади, и кладетъ одну руку на плечо, а другой поглаживаетъ его по волосамъ).* Что-же, снять шляпку?

Алымовъ (*не поворачиваясь*).

Какъ хочешь.

Нина Алек.

А ты какъ полагаешь?

Алымовъ.

Ничего я не полагаю.

Нина Алек. (*отойдя отъ него*).

Домой пора.

Алымовъ (*вставая*).

Поѣзжай. (*Начинаетъ ходить по комнатѣ*).

Нина Алек. (*Садится на тахту, гдѣ онъ сидѣлъ, и совершенно другимъ тономъ*).

Такъ значитъ по твоему надо рѣшать дѣло скорѣе, уговорить мужа начать процессъ, и послѣ лѣта переѣзжать на отдѣльную квартиру?

Алымовъ.

Конечно, конечно!

Нина Алек.

Такъ и сдѣлать,—а? Ну, поди сюда, поди, когда тебѣ говорятъ (*онъ подходитъ*). Садись, ну! (*заставляетъ его сѣсть*). Ты дуться на меня не смѣешь... Я тебѣ задамъ... Все, милый, будетъ, все по твоему... (*развязывая ленты*). Брось туда шляпку. (*Онъ бросаетъ ее на столъ*). Ну, иди сюда,—какой ты у меня сердитый да строгій... (*прижимается къ его плечу головой*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дача Рахмановыхъ въ Павловскѣ. Прямо открытый балконъ,— черезъ него видѣнъ садъ,—цвѣты, клумбы. Дверь направо. Налѣво—письменный женскій столикъ. Посрединѣ сцены большой дорожный сундукъ-чемоданъ. Правѣе—кушетка. Сумерки.

I.

Нина Алексѣевна *и* **Катерина Ѳедоровна.** *Обѣ укладываютъ сундукъ.*

Кат. Ѳед.

Когда-же онъ ѣдетъ?

Нина Алек.

Не знаю,—кажется завтра.

Кат. Ѳед.

Сразу собрался?

Нина Алек.

Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга съ заграничнымъ паспортомъ и сказалъ, что уѣзжаетъ.

Кат. Ѳед.

Надолго?

Нина Алек.

Ничего не знаю—онъ не говоритъ со мною.

Кат. Өед.

А какъ-же разводъ?

Нина Алек.

Онъ не сказалъ со мною за эти двѣ недѣли двухъ словъ. Я ничего теперь не понимаю, что дѣлается. Что будетъ, какъ и когда онъ вернется—неизвѣстно.

Кат. Өед.

Да, это оттянетъ разводъ.

Нина Алек.

Что-жъ мнѣ дѣлать,—я на него вліянья не оказываю.

Кат. Өед.

Грустно, грустно! *(Садится на кушетку)*. Неужели вы не могли какъ-нибудь между собой поладить? Что-же твои дѣвочки—вѣдь будутъ спрашивать—куда папа дѣвался.

Нина Алек.

Развѣ онъ не могъ уѣхать по дѣламъ за границу?

Кат. Өед.

Ну, а когда другой папа явится, что ты тогда скажешь?

Нина Алек.

Да что-же дѣлать-то? Ты думаешь, я не знаю, что все это безобразіе, что все это не такъ. Ну, научи, что дѣлать?

Кат. Өед. *(закуривая папироску)*.

Не отпускать мужа.

Нина Алек.

Это какъ?

Кат. Өед.

Попросить остаться.

Нина Алек.

Онъ не останется.

Кат. Ѳед.

Тогда ѣхать съ нимъ.

Нина Алек.

Съ дѣтьми?

Кат. Ѳед.

Съ дѣтьми. А нѣтъ — у меня ихъ оставь. У меня надзоръ чудесный.

Нина Алек.

Все ты невозможныя вещи предлагаешь. Теперь дѣло покончено. Ничего я впереди не вижу,—дошла до обрыва,—куда иду—не знаю. Мнѣ все казалось просто такъ, естественно — вотъ до послѣдняго времени, — а теперь... а теперь спуталось, сбилось. Возврата нѣтъ: корабли сожжены.

Кат. Ѳед.

Фу, какъ громко — корабли сожжены, — римскій ты полководецъ! А по моему ужъ какой разводъ при дѣтяхъ. Не хочешь любить втихомолку, — ну застынь, окаменѣй, — все забудь: главное самое себя. Ты говоришь—надо дѣйствовать открыто, чтобы оставаться честной. Все это пустяки, вздоръ. — Главное — чтобы ребятишки ничего худого не видѣли — въ этомъ все дѣло, — а что о тебѣ въ вокзалѣ наши старушки наплетутъ — такъ очень тебѣ нужно...

Нина Алек.

Словà, словà! Всѣ мнѣ только говорятъ, и ты, и мамаша, и всѣ—и никакого совѣта ни откуда. Какимъ-то туманомъ прошло лѣто,—казалось мнѣ, вотъ конецъ, вотъ сейчасъ свѣтъ будетъ, день настанетъ, а вмѣсто этого— тьма какая-то. Я разумѣнье потеряла: понимаешь, не вижу ничего кругомъ.

II.

Тѣ-же, справа **Рахмановъ** *и* **Багряницына.**

Рахмановъ.

Вотъ книги, — ты ихъ положишь въ сундукъ, онѣ

мнѣ нужны. *(Взглянувъ на груды платья и бѣлья)*. Зачѣмъ ты сама—это лакей могъ-бы сдѣлать.

Нина Алек.

Ничего—все равно.

Багряницына.

Какъ-же вы журналъ-то свой бросаете?

Рахмановъ.

Одинъ мой товарищъ за меня будетъ, — я просилъ его. Особенно не нужно мое присутствіе — подписка еще не скоро.

Багряницына.

Надолго вы ѣдете?

Рахмановъ.

Трудно сказать—какъ поживется.

Багряницына.

Куда-же вы отсюда?

Рахмановъ.

Думаю, въ Голландію.

Багряницына.

Это еще зачѣмъ?

Рахмановъ.

Никогда не былъ.—Меня голландцы интересуютъ... Рембрандтъ.

Багряницына.

Ага! искусство изучать будете. Ну, а что-же по пріѣздѣ,—разводъ?

Рахмановъ *(небрежно)*.

Вѣроятно.

Багряницына.

А гдѣ-же будетъ Нина жить? на вашей прежней квартирѣ?

Рахмановъ.

Не знаю,—это ея дѣло.

Багряницына.

Эхъ, вы! договорились! Не жилось попросту, все нужно съ вывертами. *(Дочери)*. Ну, ты какъ-же думаешь?

Нина Алек.

Не знаю, мама—буду одна жить.

Кат. Ѳед.

Хочешь—къ намъ переѣзжай.

Нина Алек.

Что ты, зачѣмъ?

Кат. Ѳед.

Чтобъ разговору лишняго не было. А мы, слава Богу, не передеремся.

Багряницына.

Ужь коли жить куда—такъ скорѣй ко мнѣ.

Нина Алек.

Нѣтъ, мама, я сказала, что буду жить одна и своего рѣшенья не измѣню.

Багряницына.

Смотрѣть-то на васъ тошно! Вотъ теперь теща въ модѣ: притча во языцѣхъ; а я скажу прямо, что держу сторону зятя, а не дочери, и считаю, что ты во всемъ виновата.

Нина Алек.

Ахъ, мама, очень легко все это говорить. Всѣ осуждаютъ, — вотъ и Катя тоже: это не хорошо, это безнравственно. А дали вы мнѣ совѣтъ во время? Поддержали меня? Ну, вотъ ты, мама,—ты вѣдь умная женщина, и нравственная, и честная, жизненный опытъ у тебя есть: — какъ-бы ты могла быть намъ полезна, а что ты сдѣлала? Ну, вотъ я прихожу къ тебѣ за совѣтомъ. Я спрашиваю: что дѣлать? Ну, отвѣчай мнѣ, дай практическій совѣтъ, вѣдь мы отъ васъ, отъ старыхъ поколѣній, житейской мудрости ждемъ.

Багряницына.

Помилуйте, — да гдѣ-же мнѣ вамъ совѣты давать: я отжила свой вѣкъ, я старое поколѣніе, меня давно пора въ архивъ. Я не привыкла къ вашимъ нынѣшнимъ правиламъ, или, какъ у васъ тамъ говорятъ— принципамъ. Я скажу свое,—вы-же засмѣете меня,— вотъ, дескать, старая дура,—ей въ гробъ пора, а она съ совѣтами лѣзетъ.

Нина Алек.

Ну, мама, это не отвѣтъ.

Багряницына.

А то какъ-же? Конечно такъ. Да у меня правило вдобавокъ: въ семейныя дѣла дочери не мѣшаться.

Нина Алек.

Даже въ такомъ важномъ шагѣ, какъ разводъ?

Багряницына.

Да чего ты хочешь отъ меня? Неужто ты думаешь, что я тебя по головкѣ поглажу за всѣ ваши выдумки: „иди, дескать, милая, съ Богомъ,—разводись!" Мерзость это, вотъ что! Жизнь тяжелая, выхода нѣтъ—скажите! Какъ же ваши то бабки, да прабабки жили, по теремамъ тосковали, да не разводились? Смотрѣли онѣ на мужа, какъ на главу Богомъ даннаго, и ужь тамъ какъ бы-то ни было—любили, нѣтъ-ли, а семьи не разрывали. А теперь—изволите видѣть—новыя вѣянія, новыя потребности! Это изъ-за границы, изъ Парижа, наши путаныя бабенки вмѣстѣ съ модами и разводъ привезли: пріятное занятіе. Вѣдь сами вы чувствуете, что гадость дѣлаете: не даромъ канитель тянете, кукситесь да пружитесь, оба зеленые ходите, да огрызаетесь на все, какъ волки...

Рахмановъ.

Вотъ уѣду, не буду огрызаться.

Багряницына.

Теперь вотъ этотъ ѣдетъ. Къ чему зачѣмъ, почему— и самъ не знаетъ.

Рахмановъ.

Какъ вы не хотите понять, что оставаться мнѣ здѣсь невыносимо. Можетъ быть мнѣ легче будетъ заграницей.

Кат. Ѳед. *(помогая Нинѣ Алекс. укладываться).*

Мой супругъ аппетитъ потерялъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что вы раводитесь,—и все на меня смотритъ такъ черезъ очки. Даже ночью смотритъ—какъ кошмаръ какой. Проснется, выставитъ голову изъ-подъ одѣяла, надѣнетъ очки и смотритъ. Я говорю: чего ты? Ничего, говоритъ, я такъ. Положитъ свои глядѣлки въ футляръ, и въ подушку носомъ. Это онъ все боится, что я заражусь вашимъ примѣромъ.

Багряницына.

Ну нѣтъ, я бы на его мѣстѣ за васъ не боялась. Я теперь къ такому убѣжденію пришла: чѣмъ больше женщина о себѣ вздора говоритъ, и чѣмъ больше про нее сплетенъ ходитъ,—тѣмъ больше на нее понадѣяться можно. А развода добиваются обыкновенно вотъ такія тихони: воды не замутятъ, а потомъ вдругъ — хочу, и кончено дѣло. Такія-то хуже.

Рахмановъ *(у балкона).*

Что это дѣти до сихъ поръ въ саду, и темно, и сыро становится.

III.

Тѣ-же и **Марья Никитична.**

Марья Никит.

Къ вамъ пріѣхалъ Тихоміровъ изъ города. Вы ему передать что-то хотѣли.

Марья Никит.

Хорошо,—пусть подождетъ въ кабинетѣ.

Нина Алек.

Надо дѣвочекъ позвать въ комнаты, отчего онѣ до сихъ поръ въ саду?

Марья Никит.

Я думала, что онѣ пришли.

Нина Алек. *(раздраженно).*

Да вѣдь это ваше дѣло—смотрѣть за ними.

Марья Никит.

Мнѣ некогда было: я шила платье себѣ: мнѣ къ воскресенью хочется окончить.

Багряницына.

Мнѣ кажется, что васъ здѣсь держатъ не затѣмъ чтобы вы себѣ платья шили.

Марья Никит.

Извините, Анна Ивановна, я не у васъ служу. Мнѣ замѣчанія могутъ дѣлать только Александръ Андреевичъ или его супруга.

Рахмановъ.

Если вы напрашиваетесь на замѣчаніе, я могу вамъ сказать, что вы недобросовѣстно исполняете ваши обязанности.

Марья Никит. *(тѣмъ же ровнымъ голосомъ).*

Въ такомъ случаѣ вы мнѣ можете отказать.

Рахмановъ.

Вы кажется этого и хотите. А еще недавно вы говорили, что такъ дорожите мѣстомъ.

Марья Никит.

Прежде—да. Но теперь, когда вы уѣзжаете—обстоятельства измѣнились.

Нина Алекс.

Вы не хотите у меня служить?

Марья Никит.

Не то что не хочу, а не считаю возможнымъ. Я изъ хорошей семьи, и могу быть только въ семейныхъ домахъ.

Рахмановъ.

Подите вонъ! Вы сегодня же получите разсчетъ.

Марья Никит. *(выпрямляясь).*

Чего-же вы кричите, я не прислуга. Гнать такимъ образомъ вы не имѣете права.

Рахмановъ.

Нѣтъ-съ имѣю. Вы забыли ваши обязанности.

Марья Никит.

Ну, мало-ли кто свои обязанности забываетъ, обязанности посерьезнѣе моихъ. А мнѣ кажется, вы не кричать-бы должны, а на прощанье сказать мнѣ доброе слово, поблагодарить.

Рахмановъ.

Это еще за что?

Марья Никит.

При другихъ мнѣ говорить объ этомъ неловко,—вы сами знаете.

Рахмановъ.

Сдѣлайте одолженіе, безъ намековъ. У меня ни отъ кого никакихъ тайнъ нѣтъ—говорите.

Марья Никит.

Я вамъ первая дала понять и замѣтить то, что слѣдовало.

Рахмановъ.

Подите вонъ.

Марья Никит. *(поворачиваясь).*

У меня уже есть мѣсто у графини Бѣлозерской.

Рахмановъ *(ей вслѣдъ).*

Скажите,—не отъ васъ-ли я имѣлъ удовольствіе получить весною письмо безъ подписи?

Марья Никит. *(съ улыбкой пожимая плечами).*

Можетъ быть. (*Подойдя къ двери*). Не забудьте, Александръ Андреевичъ, что васъ секретарь дожидается *(Уходитъ).*

IV.

Тѣ-же, безъ **Марьи Никитичны.**

Багряницына.

Въ мое время такихъ гувернантокъ въ полицію отправляли.

Рахмановъ.

Видишь начало того глупаго положенія, въ которое ты становишься? Всякая тварь можетъ тебя оскорблять,—заявляя, что ей неприлично быть въ твоемъ домѣ.

Нина Алек.

Что ты этимъ хочешь сказать?

Рахмановъ.

Ничего особеннаго,—я говорю только то, что есть.

Багряницына *(вставая).*

Ну, что-же,—увижу я васъ завтра. Вы отсюда въ которомъ часу?

Рахмановъ.

Пораньше уѣду.

Багряницына.

Во всякомъ случаѣ увидимся еще: я зайду.

Нина Алек.

Куда-же ты, мама?

Багряницына.

Домой. Что мнѣ здѣсь дѣлать,—на сундуки смотрѣть?—такъ я ихъ много въ жизни перевидала,—а на васъ любоваться—не интересно. Я вообще зажилась должно быть: чувствую, что путается у меня все въ головѣ,—самыхъ простыхъ вещей понять не могу. Нѣтъ, пора намъ на смѣну. Развѣ мы люди въ самомъ дѣлѣ,—такъ, тѣни какія-то загробныя,—только живыхъ пугаемъ. До свиданія! *(Уходитъ).*

[redacted]

V.

Тѣ-же безъ **Багряницыной.**

Рахмановъ *(у балкона).*

А ужъ желтыхъ листьевъ сколько. Какъ скоро лѣто прошло. Въ Парижѣ, я думаю, еще совсѣмъ зелено. Помнишь, Нина, Парижъ,—мы тамъ были въ годъ нашей свадьбы. Какая прелесть онъ весною.

Нина Алек.

Помню.

Кат. Ѳед.

А вы и теперь въ Парижъ думаете?

Рахмановъ.

Да, вѣроятно изъ Голландіи.

Кат. Ѳед.

Вы съ пріятной спутницей ѣдете.

Рахмановъ.

Кто такая?

Кат. Ѳед.

Крамская завтра съ экспрессомъ ѣдетъ за границу.

Рахмановъ.

А! Очень пріятно. Я ее мало знаю. Впрочемъ, можетъ быть путешествіе насъ сблизитъ.

Нина Алек. (*останавливается укладывать, взглядываетъ, но ничего не говоритъ*).

Рахмановъ (*опускаясь въ кресло*).

Да, вотъ послѣдній вечеръ въ семьѣ. Сразу умираетъ все—цѣлыя шесть лѣтъ. Ворочусь изъ-за границы на холостую квартиру,—и снова жизнь начну.

Кат. Ѳед.

А вы женитесь опять. Вы такой вѣдь хорошій. Я,

ей-Богу, готова со своимъ нѣмцемъ развестись, чтобы только за васъ выйти.

Рахмановъ.

Не годенъ, Катерина Ѳедоровна,—не годенъ я для семейнаго очага. Вотъ на седьмомъ году сдали въ ломъ... Впрочемъ, не знаю—можетъ быть теперь я былъ-бы и лучшимъ мужемъ.

Нина Алек.

Лѣтнія соломенныя шляпы ты возьмешь? Тутъ есть мѣсто.

Рахмановъ.

Все равно: хочешь—клади, хочешь—нѣтъ,—это безразлично. Ахъ, Нина, все это вздоръ и пустяки.

Нина Алек.

Да вѣдь надо-же взять въ дорогу все что необходимо...

Рахмановъ.

Почему-же надо? Ну, понадобится мнѣ шляпа—я куплю ее въ первомъ городѣ: стоитъ объ этомъ говорить... Если-бы я ничего не взялъ, и то не бѣда. Мелочи все это... Итти надо къ секретарю, а итти не хочется.

Кат. Ѳед.

Такъ не ходите.

Рахмановъ.

Нельзя, надо. (*Встаетъ и подходитъ къ балкону*). Да, желтые листья, желтые листья, покоробились, пожелтѣли...

Кат. Ѳед.

А за осенью слѣдомъ знаете что бываетъ?

Рахмановъ.

Зима.

Кат. Ѳед.

А зима чѣмъ кончается?

Рахмановъ.

Кончается-то она и тепломъ, и весною, но бываетъ такъ, что и зиму не переживаютъ. (*Уходитъ*).

VI.

Нина Алексѣевна *и* Катерина Ѳедоровна.

Кат. Ѳед.

Не смѣй его отпускать, Нина,—не смѣй! Ну, посмотри ты на него, до чего ты его довела! Ну чего тебѣ надо,—красивый, умный, съ положеньемъ, съ талантомъ.

Нина Алек.

Пойми, возврата нѣтъ. Ну, полюбила я Николая, полюбила какъ сумасшедшая. Можетъ Саша и лучше и умнѣе,—да чѣмъ-же я виновата, что это такъ случилось...

Кат. Ѳед.

Знаешь, твой мужъ совсѣмъ удивительный, совсѣмъ. Вѣдь онъ молчитъ вотъ, хмурится,—а ты видишь какая борьба въ немъ идетъ! Онъ все лѣто молчалъ: вотъ это и есть его оружіе, его сила. Ты вѣдь ни слова противъ него сказать не можешь: великодушіе, чуть-ли не геройство! Но что любитъ онъ тебя теперь—ты это видишь: иначе чего-же ему уѣзжать, чего тянуть съ разводомъ. И ты замѣть когда онъ тебя полюбилъ: когда ты измѣнила ему,—онъ полюбилъ тебя дурной, а не такой какъ ты была. И вѣдь онъ все простить готовъ, вѣдь онъ одного слова, одного движенія твоего ждетъ... Да и неужели ты такъ наивна, что думаешь быть счастливою съ Алымовымъ? Все это пока, до поры до времени кажется тебѣ счастьемъ. А потомъ то-же будетъ: по цѣлымъ днямъ на практикѣ, дома усталый,—ребятишки твои для него все-таки чужіе...

Нина Алек.

Да что-же мнѣ дѣлать, что дѣлать!

Кат. Ѳед.

Скажи правду. Дай слово, дай честное слово, что ты правду скажешь.

Нина Алек.

Ну?

Кат. Ѳед.

Любишь ты Алымова? Вотъ теперь, въ эту минуту?

Нина Алек.

Люблю.

Кат. Ѳед.

Сильно? Безповоротно? Можешь для него мужа бросить, дѣтей?.. Что-же ты молчишь?

Нина Алек.

Не знаю.

Кат. Ѳед.

Ага! Иди сюда. Садись къ столу, бери бумагу и перо.

Нина Алек.

Что такое?

Кат. Ѳед.

Вотъ перо, чернила, — пиши. Пиши, я буду диктовать. „Не ходите ко мнѣ, ради Бога. Я не могу васъ принимать. Объясненій не надо". Написала. Давай сюда. (*Запечатываетъ въ конвертъ*). Пиши адресъ Алымова.

Нина Алек. (*отталкивая письмо*).

Нѣтъ, нѣтъ я не пошлю это письмо. Ты знаешь, онъ и такъ три дня у меня не былъ, — я не позволила ему ходить, пока Саша былъ здѣсь. Но теперь, когда Саша уѣдетъ...

Кат. Ѳед.

Теперь, именно теперь и надо его послать. (*Становясь на колѣни передъ ней*). Душечка, милая, отошли его сейчасъ, — въ этомъ твое спокойствіе, твоя будущность, твое счастье.

Нина Алек. (*взглянувъ въ садъ, быстро встаетъ*).

Онъ идетъ сюда, — онъ идетъ... Я должна его принять.

Кат. Ѳед.

Я скажу, что тебѣ нездоровится, что ты не можешь...

Нина Алек.

Нѣтъ,—я должна его принять. Оставь насъ—я объяснюсь съ нимъ.

Кат. Ѳед.

Послушай, только не сегодня, только не сегодня...

VII.

Тѣ-же и **Алымовъ** [illegible]*алкона*).

Кат. Ѳед. (*увидя* [illegible] *безъ остановки*).

А! Николай Николаевичъ,—вот[illegible]гки на поминѣ:—только что о васъ говорили...

Алымовъ (*Н*[illegible]*ѣ*).

Вы больны?

Нина Алек.

Нѣтъ, благодарю васъ, ничего.

Алымовъ.

Случилось что нибудь? Вы присылали мнѣ такія тревожныя записки?

Нина Алек.

Если-бы кто заболѣлъ, повѣрьте, скорѣй всего послали-бы за вами.

Алымовъ (*указывая на сундукъ*).

Что это такое?

Кат. Ѳед. (*цѣлуя Нину*).

До свиданія. Я завтра утромъ тоже зайду.

Алымовъ.

Что это?

Кат. Ѳед.

Это?.. Плоды наказаннаго злонравія! *(Уходитъ)*.

VIII.

Нина Алек. *и* **Алымовъ.**

Алымовъ.

Что такое? Что случилось? Что значатъ эти письма? Ты ѣдешь куда?

Нина Алек.

Нѣтъ, мужъ ѣдетъ.

Алымовъ.

Куда?

Нина Алек.

За границу. Не спрашивай, зачѣмъ, на долго-ли, что онъ говоритъ, что дѣлаетъ, — ничего не спрашивай,— ничего не надо.

Алымовъ.

Ты не волнуйся, скажи что-же такое, въ чемъ дѣло. Ну, ѣдетъ онъ — и прекрасно, зачѣмъ-же эта экзальтація. *(Хочетъ съ ней рядомъ сѣсть на кушетку)*.

Нина Алек.

Нѣтъ, — не надо, не надо: сядь пожалуйста вонъ туда, подальше.

Алымовъ *(удивленно взглянувъ на нее, садится въ кресло)*.

Да нѣтъ-же, — что нибудь произошло у васъ: откуда въ тебѣ эта перемѣна? Отчего ты не хотѣла меня видѣть?

Нина Алек.

Ну прошу тебя: оставь меня покамѣсть. Мужъ уѣзжаетъ, — онъ со мной послѣдній вечеръ. У насъ мо-

гутъ быть дѣла, о которыхъ мы должны поговорить,— а онъ не войдетъ сюда, зная, что ты тутъ.

Алымовъ.

Подожди хоть немного, дай мнѣ пять минутъ вздохнуть! Вѣдь я пѣшкомъ пришелъ изъ Царскаго.

Нина Алек.

Ну, сиди свои пять минутъ, и уходи скорѣе.

Алымовъ.

Нина, что это за комедія, для чего ты ее играешь?

Нина Алек. (*встаетъ и опять начинаетъ рыться въ шкапу и въ сундукѣ*).

Алымовъ.

Ну, сегодня послѣдній вечеръ, — отчего-же ты вчера, третьяго дня не позволила мнѣ притти къ себѣ?

Нина Алек.

Считала это лишнимъ.

Алымовъ.

Почему?

Нина Алек.

Ну, потомъ поговоримъ съ тобою, не теперь, — ты видишь, мнѣ не до того.

Алымовъ.

Даже пяти минутъ не можешь мнѣ дать, — непремѣнно теперь именно понадобилась укладка?

Нина Алек.

Ну, я не буду ничего дѣлать — я сяду (*садится*). Говори, что ты хотѣлъ сказать.

Алымовъ.

Отчего ты у меня не была?

Нина Алек. (*съ нетерпѣніемъ проводитъ рукой по лбу.*)

А! опять эти допросы...

Алымовъ.

Да послушай, — вѣдь я же живой человѣкъ, вѣдь я люблю тебя, пойми ты это!

Нина Алек.

Любишь? Еслибы ты любилъ меня, ты не сидѣлъ бы здѣсь, не мучилъ меня...

Алымовъ.

А самъ мучился бы дома, не зналъ что тутъ у васъ дѣлается? Хоть-бы написала ты мнѣ толкомъ, что тутъ такое. А то какія-то коротенькія записочки: „Не приходи—нельзя“, „не приходи—не надо“. Такъ не поступаютъ порядочныя женщины...

Нина Алек.

Ну, хорошо,—пусть я буду непорядочная женщина, — все равно.

Алымовъ.

Да нѣтъ-же, — ты что-то скрываешь, — не можетъ быть, чтобы все это было безъ причины.

Нина Алек.

Ничего я не скрываю... Ну, прошу тебя — уйди отсюда. Неужели ты не понимаешь, что я не могу тебя видѣть?

Алымовъ.

Нѣтъ, не понимаю, рѣшительно не понимаю. Ты хочешь меня оставить въ прежнемъ недоумѣніи: опять безсонныя ночи, опять тоска.

Нина Алек. (*вставая*).

Вотъ мука! У себя дома не могу остаться одна.

Алымовъ.

Не можешь, не можешь, если я тутъ. Это мой домъ настолько-же, какъ и твой. Мой, потому что я тебя люблю, и потому что ты моя.

Нина Алек.

Если ты не уйдешь — я позову мужа.

Алымовъ.

Что? ты мужа позовешь?

Нина Алек.

Да... или въ его кабинетъ пойду и не выйду пока ты здѣсь. А ты къ нему войти не посмѣешь.

Алымовъ.

Что за злость въ тебѣ? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Нина Алек.

А то, что я тебя въ эту минуту ненавижу.

Алымовъ.

Ого! Что-же это ты вдругъ воспылала ненавистью? Три дня назадъ и любила, и ласкала, — а теперь вдругъ ненависть...

Нина Алек.

Ты долго здѣсь будешь мучить и раздражать меня?

Алымовъ.

Я не могу уйти, это съ твоей стороны безсовѣстно, возмутительно...

Нина Алек.

Ну еще бы! Тебя надо всегда по шерсткѣ гладить. Чуть немножко противъ — сейчасъ и на дыбы. Хорошъ характеръ, нечего сказать... Что-же тебѣ надо?

Алымовъ.

Ну, если онъ уѣзжаетъ — какъ же разводъ нашъ?

Нина Алек. *(опять начинаетъ укладку).*

Не знаю.

Алымовъ.

Когда-же дѣло начнется?

Нина Алек.

Вѣроятно, когда онъ возвратится.

Алымовъ.

Ты смѣешься надо мной?

Нина Алек.

Да какъ-же начинать безъ него?

Алымовъ (*выйдя изъ себя*).

Да вѣдь это-жъ невозможно, — опять откладывать дѣло въ долгій ящикъ, опять ждать...

Нина Алек. (*спокойно*).

Ну что-же — и подождемъ.

Алымовъ.

Да что ты шутишь со мной!..

Нина Алек.

Ха-ха! Какой у тебя трагическій видъ...

Алымовъ.

Послушай, замолчи, не смѣй смѣяться, а не то...

Нина Алек.

Не то что?

Алымовъ.

Брось это, брось сейчасъ, пойдемъ, поговоримъ какъ надо, поговоримъ серьезно.

Нина Алек.

Ничего я не брошу, никуда не пойду, — а уйдешь ты.

Алымовъ.

Что-же ты, разлюбила меня? Разлюбила совсѣмъ, въ конецъ? Сбылось то, о чемъ говорилъ я?

Нина Алек.

Я не виновата. Ты говорилъ, что я въ тебѣ ошибусь, — нѣтъ, я не въ тебѣ, я въ себѣ ошиблась.

Алымовъ.

Въ себѣ?

Нина Алек.

Мнѣ показалось, что я тебя люблю. Это была ошибка. Это былъ порывъ, мимолетная буря...

Алымовъ.

Ошибка? Порывъ? Такъ какъ же ты смѣла, не провѣривъ своего чувства, привязать меня къ себѣ? За что же ты мою жизнь испортила?... Что-же мнѣ ждать теперь впереди?..

Нина Алек.

Не знаю: я къ тебѣ быть можетъ... привыкну.

Алымовъ.

Не знаешь?... А, — съ какимъ бы наслажденіемъ я задушилъ тебя теперь...

Нина Алек.

Что?

Алымовъ.

Задушилъ бы...

Нина Алек.

За что? За то что я не лгу, за то, что я прямо тебѣ говорю, что мое чувство къ тебѣ не то что прежде?..

Алымовъ (*схвативъ ее за плечи*).

Что-же ты,—сожалѣешь теперь, что мужъ уѣзжаетъ? Ты теперь готова бросить меня, чтобы только онъ остался?

Нина Алек.

Можетъ быть.

Алымовъ.

А, вотъ какъ! (*Отшвыриваетъ ее, она падаетъ на кушетку*).

Нина Алек.

Что ты!

Алымовъ (*схватившись за голову*).

Фу, какъ это мерзко все... Какъ все невозможно и гадко... (*Уходитъ*).

IX.

Нина Алек. *одна, потомъ* **Маша. Нина Алек.** *приподнимается съ кушетки, блѣдная, съ широко-открытыми глазами. Большая пауза. Она проводитъ рукой по лбу и волосамъ, потомъ встаетъ; шатаясь, но съ рѣшительнымъ видомъ подходитъ къ столу, садится, надписываетъ конвертъ, оставленный* **Катериной Ѳедоровной,** *потомъ звонитъ.*

Маша *(изъ двери справа).*

Нина Алек.

Снеси это къ доктору,—сейчасъ-же.

Маша.

Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

X.

Нина Алексѣевна *нѣкоторое время сидитъ неподвижно; затѣмъ вынимаетъ платокъ и прячетъ въ него лицо; плечи ея конвульсивно вздрагиваютъ.*

Нина Алексѣевна *и* **Рахмановъ** *справа.*

Рахмановъ.

Ушелъ онъ? *(Увидя, что она плачетъ, останавливается).* Что ты? О чемъ? Что у васъ вышло? Успокойся.

Нина Алек. *не отвѣчаетъ, но все больше плачетъ.*

Рахмановъ *(наливаетъ воды).*

На, выпей воды. *(Она дѣлаетъ нѣсколько глотковъ).* Ну, послушай, да что-же такое? Можетъ быть помочь чѣмъ можно, пособить твоему горю?... *(Садится рядомъ съ ней на кушетку и беретъ ея руку).* Скажи, Нина, ну скажи, милая,—ну довѣрься мнѣ,—ну скажи, какъ ты прежде говорила...

Нина Алек. *(повернувшись къ нему, прижимаетъ къ его груди плачущее лицо).*

Ты завтра не уѣзжай, подожди немного... Мнѣ съ тобой надо поговорить серьезно... Ты не уѣдешь?.. Да?.. Ты не уѣдешь?.. *(Отъ слезъ не можетъ говорить).*

Занавѣсъ.

1886 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

На хуторѣ 5

Женя 87

На южномъ берегу Крыма 119

Въ цвѣтахъ 177

Горящія письма 259

Старая сказка 289

Исполнители напечатанныхъ въ этомъ томѣ пьесъ на сценахъ Императорскихъ театровъ.

I. НА ХУТОРѢ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.—Токмакова—г-жа *Абаринова;* Леля—г-жа *Читау 2* (г-жа *Ильинская*); Тяпунинъ—г. *Варламовъ;* Соня—г-жа *Савина;* Котоминъ—г. *Киселевскій* (г. *Далматовъ*); Зубцовъ—г. *Петипа* (г. *Аполлонскій*); Челпановъ—г. *Сазоновъ.*

II. ЖЕНЯ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.—Хотькова—г-жа *Жулева;* Женя—г-жа *Савина;* Веребейниковъ—г. *Свободинъ* (г. *Давыдовъ*); Кадминъ—г. *Далматовъ* (г. *Аполлонскій*).
ВЪ МОСКВѢ.—Хотькова—г-жа *Медвѣдева;* Женя—г-жа *Савина;* Веребейниковъ—г. *Макшеевъ*; Кадминъ—г. *Южинъ.*

III. НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Не шла на Императорской сценѣ.

IV. ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.—Анна Дмитріевна—г-жа *Жулева*; Елена—г-жа *Ильинская* (г-жа *Абаринова 2*); Калитвинъ-отецъ—г. *Варламовъ*; Калитвинъ-сынъ—г. *Аполлонскій*; Кондратьевъ—г. *Далматовъ*; Велелюбская—г-жа *Абаринова 1*; Тальниковъ—г. *Панчинъ*; Ставучановъ—г. *Свободинъ.*

V. ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.—Васильчикова—г-жа *Н. Васильева*; Орѣховскій—г. *Варламовъ*; Краснокутскій—г. *Далматовъ*;
ВЪ МОСКВѢ.—Васильчикова—г-жа *Верещагина*; Краснокутскій—г. *Горевъ* (*Ильинскій*); Орѣховскій—г. *Макшеевъ* (г. *Ѳедотовъ*).

VI. СТАРАЯ СКАЗКА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.—Рахмановъ—г. *Сазоновъ*; Нина—г-жа *Савина*; Алымовъ—г. *Далматовъ*; Штейнъ—г. *Свободинъ*; Катерина Ѳедоровна—г-жа *Васильева*; Вагрянинцына—г-жа *Жулева*; Веретенниковъ—г. *Варламовъ*; гувернантка—г-жа *Ѳедорова*; Зоя Павловна—г-жа *Кадмина.*
ВЪ МОСКВѢ.—Рахмановъ—г. *Горевъ*; Нина—г-жа *Лешковская*; Алымовъ—г. *Южинъ*; Штейнъ—г. *Правдинъ*; Катерина Ѳедоровна—г-жа *Никулина*; Вагрянинцына—г-жа *Медвѣдева*; Веретенниковъ—г. *Ленскій*; гувернантка—г-жа *Васильева*; Зоя Павловна—г-жа *Верещагина.*

П. П. ГНѢДИЧЪ

ВТОРОЙ ТОМЪ КОМЕДІЙ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ. — (Горящія письма. — На хуторѣ. -Женя.— На южномъ берегу Крыма.—Въ цвѣтахъ. —Старая сказка). Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ съ сокращеніями согласно требованіямъ сцены. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

ЗА РАМПОЙ. Повѣсть. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Съ 71 рис. М. Дальковича, исп. Ангереромъ въ Вѣнѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. 1 т., съ 430 рис. Спб. 1885 г. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.

П. П. ГНѢДИЧЪ

ВТОРОЙ ТОМЪ

КОМЕДІЙ

Viola Tricolor. — Перекати-поле. — Ненастье. — Встрѣча. — Венецейскій Истуканъ. — Вракъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1894

Всѣ комедіи, помѣщенныя въ настоящемъ томѣ, представляютъ точную перепечатку текста, безусловно одобреннаго драматическою цензурою къ представленію на сценѣ.

VIOLA TRICOLOR

(ТРЕХЦВѢТНАЯ ФІАЛКА)

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

(МОТИВЪ ЗАИМСТВОВАНЪ)

Представлена въ первый разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра 10-го декабря 1887 г., въ бенефисъ г. Далматова.

ЛИЦА:

Давидъ Евграфовичъ Адикаевъ.
Ксенія Петровна, жена его.
Иванъ Дмитріевичъ Бунинъ, дальній родственникъ Адикаева.
Горничная.

Дѣйствіе—въ деревнѣ Адикаева, близъ Петербурга.

Садъ. Въ глубинѣ—терраса дома. Цвѣтникъ. Слѣва—скамейка подъ тиковымъ зонтомъ, справа—садовый столъ. Яркій лѣтній день.

I.

АДИКАЕВЪ *и* **БУНИНЪ** *спускаются съ террасы.*

Адикаевъ.

Куда тебя несетъ нелегкая? Посмотри, какой день! Восторгъ одинъ! а ты — въ городъ...

Бунинъ.

Нѣтъ, ужъ вы извините, мнѣ надо.

Адикаевъ.

Да что мнѣ тебѣ извинять! Вѣдь ты не на цѣпи сидишь. Хочешь—ѣдешь, не хочешь—остаешься. Ты знаешь, я всегда радъ, когда ты тутъ. Жена тоже рада. Назадъ ты когда же?

Бунинъ.

Опредѣленнаго ничего не могу сказать.

Адикаевъ, *посмотрѣвъ ему въ глаза.*

Плохо, братъ, плохо!

Бунинъ.

То-есть, что это плохо?

Адикаевъ, *стучить себя по лбу.*

Тутъ не въ порядкѣ.

Бунинъ.

У кого это?

Адикаевъ.

У тебя, братецъ, у тебя. Повихнулся маленечко.

Бунинъ.

Изъ чего же вы это заключаете?

Адикаевъ.

Да изо всего. Ну, скажи, развѣ ты здоровъ? Ну, посмотри, что у тебя за физіономія! Срамъ! И вѣдь я отлично все вижу, все понимаю.

Бунинъ, *быстро.*

Да?

Адикаевъ.

Ты думаешь, что ужъ мы не въ состояніи и наблюдать? Нѣтъ, ангелъ мой, жизненный-то опытъ что нибудь да значитъ.

Бунинъ.

Что же вы извлекли изъ этого опыта?

Адикаевъ.

А то, что съ тобою творится что-то неладное. Тотъ ли ты, какимъ былъ годъ назадъ? Пожелтѣлъ, позеленѣлъ, похудѣлъ. Прежде, бывало, въ тебѣ кровь ключемъ била, а теперь ходишь, какъ гимназистъ передъ поркой. Я съ женой надивиться не могу.

Бунинъ.

Ахъ, и Ксенія Петровна тоже удивляется?

Адикаевъ, *взявъ его подъ руку.*

Вчера, когда всѣ разошлись, мы долго съ ней бесѣдовали. Я отгадалъ причину, и она согласна со мной. Ты влюбленъ!

Бунинъ.

Влюбленъ?

Адикаевъ.

Безвозвратно, глупо, по-мальчишески...

Бунинъ.

Какъ, и Ксенія Петровна... Она тоже думаетъ?

Адикаевъ.

Она согласна со мной. Тутъ ничего другого не можетъ быть. Да что же,- -въ основѣ это прекрасно. Я одобряю.

Бунинъ.

А Ксенія Петровна?..

Адикаевъ.

Ну, чего же ты, какъ попугай, долбишь: «Ксенія Петровна, Ксенія Петровна!»... Самъ спрашивай у нея, если это такъ тебя интересуетъ.—Я тебѣ говорю мое мнѣніе: прекрасно! Дань молодости. Я въ твои года ужъ стрѣлялся отъ любви.

Бунинъ.

Стрѣлялись?

Адикаевъ.

Чего ты такъ смотришь? Да, вотъ—стрѣлялся.

Бунинъ.

Ну и что же?

Адикаевъ.

Глупый вопросъ! Вѣдь ты видишь, что я живъ,—а до подробностей тебѣ нѣтъ дѣла. Ну, такъ вотъ, передъ тобой примѣръ: передъ тобой человѣкъ, удрученный опытомъ. Слушай его: я одобряю. Давно пора! Ты, вѣдь, слава Богу, не мальчишка. Вѣдь тебѣ за двадцать за пять?

Бунинъ.

Около того.

Адикаевъ.

Ну, видишь!—слава Богу—а все еще къ чему-то готовишься, все что-то высматриваешь, почвы у тебя нѣтъ.—Ну, а если ты женишься?

Бунинъ, *съ изумленіемъ.*

Женюсь?

Адикаевъ.

Знаешь, ты теперь ужъ и говорить-то не можешь какъ надо, по-человѣчески. «Женюсь!..» Ты такъ выпучилъ глаза, точно я тебѣ сказалъ непроходимую глупость.

Бунинъ.

Я жениться не собираюсь.

Адикаевъ.

Почему?

Бунинъ.

Да такъ обстоятельства сложились... нельзя...

Адикаевъ.

Ахъ, вотъ оно что! Понимаю, любезнѣйшій. *(Въ волненіи шагаетъ между куртинъ).*—Теперь ясно. Ты влюбился въ какую нибудь дрянь!

Бунинъ.

Въ дрянь?

Адикаевъ.

Да, на которой стыдно жениться...

Бунинъ.

Выдумаете вы тоже!

Адикаевъ.

Или... или постой! *(Останавливаясь).* Я догадываюсь: ты влюбился въ замужнюю.

Бунинъ.

Вы полагаете?

Адикаевъ.

Несомнѣнно! Отбиваешь жену у порядочнаго человѣка, разоряешь чье нибудь гнѣздо. Стыдно, стыдно!

Бунинъ.

Да позвольте...

Адикаевъ.

Конечно, стыдно.—Я не понимаю, что̀ тебѣ можетъ помѣшать жениться? Состояніе есть, собой ты красивъ, образованъ, ловокъ. За тебя всякая пойдетъ, всякая влюбится.

Бунинъ.

Всякая?

Адикаевъ.

Ты ужасно глупо сталъ разговаривать за это время. Ты въ разговорѣ привыкъ послѣднія слова повторять. Самъ ты никакую мысль переварить не можешь: клапанъ у тебя, завитокъ тамъ какой-то попортился, и ты такъ только дѣлаешь видъ, что говоришь.

Бунинъ.

Вы думаете?

Адикаевъ, *взбѣсившись.*

Сдѣлай одолженіе, не говори такъ,—ты мнѣ на нервы дѣйствуешь. «Вы думаете», «вы полагаете»! Я очень терпѣливъ и совсѣмъ не нервенъ,—но съ тобой всякое терпѣніе потеряешь. Будь ты человѣкомъ, не кисни. Посмотри на меня, я почти вдвое тебя старше, а бодръ, веселъ и свѣжъ какъ майское утро. Цѣлый день услишь свои сигары,—хоть бы грибы собиралъ. Отчего ты грибы никогда не собираешь? Наморщитъ лобъ и цѣлый вечеръ по заднимъ аллеямъ шагаетъ. Я думаю, тамъ тебя всѣ лягушки знаютъ. А нѣтъ, еще занятіе: на луну смотритъ. Сядетъ какъ нѣмка:—«Oh, dieser Mond»—Ты скоро лунатикомъ будешь, по крышамъ, по разнымъ жердямъ будешь ходить ночью. Да, смотри, смотри больше на звѣзды,—то ли еще будетъ! *(Внимательно глядя на него).* Нѣтъ, вотъ это лучше всего! Съ нимъ разговариваешь, а онъ мыслями чортъ знаетъ гдѣ. Сознайся, ты вѣдь ни одного слова не понимаешь, что̀ я говорю?

Бунинъ.

Нѣтъ, видите,—я боюсь опоздать...

Адикаевъ.

Некуда тебѣ опаздывать, потому что незачѣмъ ѣхать.

Бунинъ, *нетерпѣливо.*

Ахъ, я уже вамъ сказалъ, что мнѣ необходимо.

Адикаевъ.

Вотъ и это новая черта: ты сталъ раздражителенъ. Чуть что, сейчасъ,—хлопъ, какъ ракета! У меня есть кодеинъ, — это удивительно успокаиваетъ, особенно если съ лавровишневыми каплями. Я тебѣ непремѣнно дамъ въ дорогу.

Бунинъ, *смотритъ на часы.*

У васъ который часъ?

Адикаевъ.

Теперь... теперь половина двѣнадцатаго.—Чего ты торопишься? Лошадь десять минутъ заложить, а до станціи въ пять минутъ двѣ версты проѣхать.

Бунинъ.

Да, но все-таки надо закладывать...

II.

На балконѣ показывается **КСЕНІЯ ПЕТРОВНА.**

Адикаевъ.

Такъ ты рѣшилъ серьезно, что ѣдешь?

Бунинъ.

Да, сейчасъ же.

Адикаевъ.

Сумасшедшій! *(Идетъ на встрѣчу женѣ).* Слышишь, —ашъ-то—ѣдетъ!

Ксенія.

Куда?

Адикаевъ.

Въ городъ. Соскучился на чистомъ воздухѣ, потянуло въ духоту. Прогулки здѣшнія надоѣли. То ли дѣло на Мойкѣ или въ Чернышевомъ переулкѣ! Мостовыя новыя стелятъ, сверху окачиваютъ краской, сбоку изъ кишки дворники прохожихъ поливаютъ...

Ксенія.

Да зачѣмъ же намъ держать Ивана Дмитріевича, если онъ не хочетъ?

Адикаевъ.

Да кто его держитъ! Вотъ сейчасъ пойду—велю шарабанъ заложить. Ѣдетъ — значитъ надо. Еще бы: — коли сердце туда тянетъ.

Ксенія, *лукаво.*

А у Ивана Дмитріевича развѣ есть сердце?

Бунинъ, *злобно.*

Скажете, нѣтъ!?

Адикаевъ, *женѣ.*

Ну, поздравь! Я вѣдь теперь все знаю: онъ мнѣ признался.

Ксенія, *нѣсколько оторопѣвъ.*

Признался?

Адикаевъ.

Да! Знаешь, кто она? Представь, замужняя! А? Милый мальчикъ?

Ксенія.

Поздравляю!

Бунинъ, *небрежно.*

Благодарю васъ.

Адикаевъ.

Нѣтъ, но ты замѣчаешь перемѣну въ характерѣ? Вѣдь это не тотъ Иванъ, фальшивый какой-то; перепутали въ городѣ, и другого похожаго прислали. Я ужъ его вотъ жениться уговариваю. Не слушаетъ. Знаешь, хоть ты бы съ нимъ на этотъ счетъ...

Ксенія, ***посмѣиваясь.***

Уговорить жениться?

Адикаевъ.

Да. У васъ это, у барынь, какъ-то все выходитъ такъ убѣдительно. Жени ты его, ради Бога! Кто его знаетъ, въ кого онъ тамъ врѣзался. *(Ему).* Я тебѣ говорю—это единственное твое спасеніе.

Бунинъ.

Вотъ лошадь бы надо заложить... А то опоздаю.

Адикаевъ.

Иду... иду, не суетись. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).*—Да, постой. Я тебя спросить хотѣлъ... Гдѣ куртки изъ сосновой шерсти продаютъ?

Бунинъ.

Не знаю, право.

Адикаевъ.

Я хотѣлъ тебя попросить, чтобы ты привезъ на мой ростъ,—я тебѣ заплачу, конечно, сколько надо.

Бунинъ.

Я поищу.

Ксенія.

Не трудитесь. Я завтра буду въ городѣ и все сдѣлаю. Зачѣмъ же васъ затруднять.

Бунинъ.

Да мнѣ не трудно...

Адикаевъ.

А ты зачѣмъ же въ городъ?

Ксенія.

Я на одинъ день. Надо платья примѣрить у портнихи.

Адикаевъ, *Бунину.*

Такъ подожди до завтра, вмѣстѣ поѣхали бы, что же ей одной.

Бунинъ.

Нѣтъ, я ужъ сегодня.

Адикаевъ.

Уперся какъ пень. Не надо мнѣ отъ тебя ни фуфаекъ сосновыхъ, ничего.

Ксенія.

Ты идешь въ домъ, вели мнѣ дать ножницы, я букетъ нарѣжу.

Адикаевъ.

А ты уговори его, пожалуйста, можетъ тебя онъ и послушаетъ. — Ахъ, ты! Стыдно! Лунатикъ этакой! — Вотъ я тебѣ капель принесу. Ты пососи на сахарѣ.— Сердцеѣдъ! *(Уходитъ).*

III.

КСЕНІЯ *и* БУНИНЪ.

Ксенія.

Чье это вы сердце кушать собираетесь?

Бунинъ.

Не знаю. Ваше должно быть,—если позволите.

Ксенія, *смѣется.*

Ахъ, вотъ что! Щука говоритъ ершу—какъ это въ сказкѣ: — повернись ко мнѣ, ершъ, а то противъ щетины глотать тебя неудобно.

Бунинъ.

Скажите, пожалуйста, зачѣмъ это вы въ городъ ѣдете?

Ксенія.

Я вѣдь васъ не спрашиваю, зачѣмъ вы ѣдете.

Бунинъ.

Вотъ какимъ тономъ мы стали говорить?

Ксенія.

Да, вотъ какимъ. Смотрите, какія чудесныя «Анютины глазки» *(Срываетъ).* — Стойте смирно, я вамъ приколю.

Бунинъ, *уклоняясь.*

Право все это лишнее.

Ксенія.

Не желаете?... а цвѣтокъ-то какой чудесный...

Бунинъ.

Мнѣ не до цвѣточковъ!

Ксенія.

Какъ хотите.

Бунинъ.

Помилуйте, я у васъ четыре дня торчу,—вы со мной какъ кошка съ мышью. Для чего вы велѣли мнѣ пріѣхать!

Ксенія.

А развѣ здѣсь дурно? Липой-то какъ пахнетъ, — а? а еще вечеромъ соловей.

Бунинъ.

Соловьи-то ужъ пѣть перестали.

Ксенія.

Въ гнѣздышкахъ сидятъ, или улетѣли?

Бунинъ.

А не могу вамъ сказать, я по зоологіи слабъ.

Ксенія, *хохочетъ.*

Ахъ, какой вы смѣшной!

Бунинъ.

Право, больше къ вамъ не пріѣду, что̀ это, въ самомъ дѣлѣ, за мука...

IV.

ГОРНИЧНАЯ *съ ножницами.*

Ксенія.

Что же вы остановились?

Бунинъ, *косясь на горничную.*

Да, анютины глазки—хорошій цвѣтокъ... это, по-ученому, трехцвѣтная фіалка—viola tricolor.

Ксенія, *взявъ ножницы.*

Спасибо, Дуняша.

(Горничная уходитъ).

Ксенія.

Вы ботанику знаете лучше зоологіи...

Бунинъ.

Я ничего не знаю, кромѣ того, что вы тиранка. Если бы вы были женой Кесаря,—вы бы меня затравили въ циркѣ.

Ксенія.

Эка вы мелете сегодня! Ну, я буду срѣзàть, а вы берите. Мнѣ хочется два букета къ обѣду приготовить.

Бунинъ.

Потому что этотъ ротмистръ пріѣдетъ! Я вотъ потому и уѣзжаю, чтобъ не видѣть, какъ вы будете съ нимъ кокетничать. Потому что если это будетъ у меня на глазахъ...

Ксенія.

Такъ вы его заколете вилкой? Смотрите, какая эта астра пышная.

Бунинъ.

Скажите,—а ваше обѣщаніе?

Ксенія.

Какое?

Бунинъ.

Помните, въ минуту благоволенія, вечеромъ, когда мы рука объ руку шли съ вами...

Ксенія.

Господи! Вы точно это изъ повѣсти изъ какой нибудь...

Бунинъ.

Когда мы шли съ вами мимо риги...

Ксенія.

Это когда свиней гнали,—и вы такъ ихъ испугались, что на плетень полѣзли?

Бунинъ.

Совсѣмъ я не лѣзъ на плетень, а просто предложилъ вамъ переждать у забора, пока ихъ прогонятъ.

Ксенія.

Ну да, какъ же можно,—намъ съ вами,—и вдругъ въ свиномъ стадѣ!... Да, ну такъ что-жъ тогда было?

Бунинъ.

Вы мнѣ сказали: «когда я буду въ Петербургѣ, хотѣлось бы мнѣ прокатиться по островамъ, посмотрѣть эту новую танцовщицу и оперетку послушать».

Ксенія.

Сказала.

Бунинъ.

Такъ вотъ бы завтра...

Ксенія.

Да вѣдь я безъ мужа. У него теперь работы въ полѣ, онъ не поѣдетъ.

Бунинъ.

Вы, помнится, говорили, что... со мной

Ксенія.

Ахъ, съ вами! Да... но вѣдь я на девяти-часовомъ поѣздѣ назадъ.

Бунинъ, *заискивающе.*

У бабушки не останетесь на денекъ, на Каменномъ острову?

Ксенія.

Едва ли.

Бунинъ.

А то бы такъ хорошо,—я бы васъ и привезъ туда послѣ спектакля.

Ксенія.

Merci,—вы такъ предупредительны. Если и останусь даже на день, то съ вами вдвоемъ въ Аркадію не поѣду. Вотъ развѣ... бабушку прихватить?

Бунинъ.

Ну нѣтъ,—благодарю покорно! *(Пауза).* А если не туда,—прокатимся по островамъ.

Ксенія.

Нѣтъ...

Бунинъ.

Или, послушайте: вы къ часу будете въ городѣ? Пріѣзжайте ко мнѣ завтракать.

Ксенія.

Нѣтъ.

Бунинъ.

Отчего же?

Ксенія.

Мнѣ къ портнихѣ надо. Она мнѣ чудесное платье сшила, очень оригинальное: красное сатиновое съ пѣтухами.

Бунинъ.

Мнѣ это нисколько не интересно. Не все ли мнѣ равно, въ какомъ вы платьѣ: съ пѣтухами или безъ пѣтуховъ.

Ксенія.

Я часа два просижу у нея: вѣдь вы знаете, до чего мы пусты, женщины! особенно когда дѣло идетъ о тряпкахъ. Что же вы цвѣты не держите, разроняли по песку. Подбирайте, подбирайте!

Бунинъ.

А какой бы я завтракъ приготовилъ—все ваше любимое. Въ квартирѣ у меня прохладно, комнаты большія... Будете?

Ксенія.

Ни за что.

Бунинъ.

Что я вамъ сдѣлалъ?!

Ксенія.

Помилуйте, — хотѣла приколоть цвѣтокъ и того нельзя,—затопорщился!

Бунинъ.

Да приколите хоть весь букетъ.

Ксенія.

Нѣтъ, зачѣмъ же...

Бунинъ.

Послушайте, я черезъ пять минутъ, черезъ пять минутъ уѣзжаю. Скажите же мнѣ серьезно—будете завтракать, или нѣтъ?

Ксенія.

Нѣтъ.

Бунинъ.

Я васъ встрѣчу на поѣздѣ.

Ксенія.

Нѣтъ, ради Бога! Кто нибудь изъ знакомыхъ можетъ ѣхать. Нѣтъ, не надо...

Бунинъ.

Ну, если такъ—берегитесь!

Ксенія.

Вы, правда, сумасшедшій. Вы еще грозить мнѣ вздумали? Васъ оставили здѣсь для увѣщанія...

Бунинъ.

Какъ для увѣщанія?!

Ксенія.

Ну, да. Я васъ на путь нравственности должна наставить, а вы, вмѣсто того, чтобы передо мною покаяться...

Бунинъ.

Да я каюсь, каюсь, что врѣзался въ васъ по уши...

V.

АДИКАЕВЪ *показывается на балконѣ.*

Бунинъ, *понижая голосъ.*

Я все-таки васъ буду ждать.

Ксенія.

Напрасно.

Бунинъ, *скорымъ шопотомъ.*

Я увѣренъ, что вы передумаете, и если да... если вы согласны—вы... вы передъ отъѣздомъ мнѣ приколите этотъ цвѣтокъ... эту viola tricolor...

Адикаевъ, *подойдя къ нимъ, женѣ.*

Видишь, видишь, какъ онъ говоритъ: голосъ глухой, глаза воспалены, видишь?! *(Даетъ ему пузырекъ).* Вотъ, принимай, двадцать капель на сахарѣ. Особенно на ночь хорошо. Это тебя успокоитъ.

Бунинъ.

Что же лошадь?

Адикаевъ.

Да у меня не пожарная команда, не на крючкахъ упряжь-то. Погоди, сейчасъ будетъ.—Знаешь: ты еще хуже сталъ! Ты съ нимъ говорила?

Ксенія.

Говорила. Мой разговоръ не помогаетъ!

Адикаевъ.

Поди сюда, сядь. *(Сажаетъ его на скамейку; самъ садится спиной къ женѣ. Бунинъ все время слѣдитъ за Ксеніей. Ксенія стоя разбираетъ цвѣты, брошенные на столъ).*

Адикаевъ.

Слушай, я не успѣлъ докончить свою мысль. Я вѣдь самъ, когда былъ твоихъ лѣтъ, думалъ, что свобода первое дѣло, что никогда не женюсь. А между тѣмъ я только и сталъ человѣкомъ за эти пять лѣтъ, какъ женился. Ты вообразить, представить себѣ не можешь, до чего радикально измѣняется все со дня свадьбы. Ты самъ выростаешь въ своихъ глазахъ. Ты чувствуешь, наконецъ, ясно свою полноправность. Не бойся ты семейнаго очага, не бойся. Ты посмотри на меня, вотъ тебѣ примѣръ...

Бунинъ.

Это, наконецъ, невыносимо!

Адикаевъ.

Это, братецъ, даже грубо! Если я тебѣ говорю, ты долженъ слушать, а не говорить: «ахъ, это невыносимо!»—Тебѣ серьезно надо посовѣтоваться съ докторомъ. Воды какія нибудь по утрамъ пить, что ли, для ослабленія дѣятельности нервной системы. Дай мнѣ руку, какой пульсъ у тебя...

Бунинъ *вырываетъ руку.*

Да вы меня дѣйствительно до сумасшествія доведете!

Адикаевъ.

Ну, я радъ, что ты самъ сознаешь свою ненормальность. *(Женѣ).* Скажи пожалуйста, что же онъ, сообщилъ тебѣ, кто «она»?

Ксенія.

Хранитъ глубокую и упорную тайну: нѣмъ какъ могила.

Адикаевъ, *дотрогиваясь пальцемъ до его колѣна.*

Послушай, Ваня. Вѣдь мы тебѣ добра, мы тебѣ, право, добра желаемъ; и я, и Ксеничка—мы только и думаемъ, какъ бы тебѣ было лучше. Дѣтей у насъ нѣтъ... Ты, вмѣсто сына...

Ксенія.

Позволь,—вѣдь я однихъ лѣтъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ... Какой же онъ мнѣ сынъ?

Адикаевъ.

Ну да, ты даже моложе. Ну, она тебѣ какъ сестра желаетъ всего, всего хорошаго. Ксеничка, ну, посовѣтуй ему, чтобы онъ мнѣ прямо сказалъ,—кто предметъ этой пагубной страсти. Я, быть можетъ, чѣмъ нибудь помогу. Послушай: ты не стѣсняйся, ты, пожалуйста, не стѣсняйся, ты какъ на духу, такъ все, знаешь, съ полной откровенностью; ты и ее не стѣсняйся, зачѣмъ—мы вѣдь свои?..

Бунинъ.

Я... *(Видя, что Ксенія съ анютиными глазками идетъ къ нимъ)* я... я... Вы, вы приколоть... приколоть хотите?

Ксенія.

Какой вы догадливый... Почемъ вы знаете?..

Адикаевъ.

Ахъ, вѣдь онъ способный, очень способный, онъ еще когда въ школѣ мальчикомъ...

Ксенія *прикалываетъ цвѣтокъ мужу.*—**Бунинъ** *вскакиваетъ.*

Адикаевъ.

Только вотъ теперь эта болѣзнь... Видишь, какіе порывы у него? Сорвался съ мѣста и побѣжалъ...

Ксенія *хохочетъ.*

Адикаевъ, *понизивъ голосъ.*

Нѣтъ, ты этимъ не шути. Это можетъ очень печально кончиться. *(Идетъ за нимъ).* Послушай, постой,—еще лошадь не готова. *(Беретъ его за пуговицу).* Иди сюда, иди. Знаешь,—я даже боюсь тебя одного отпускать. Не поѣхать ли мнѣ съ нимъ, Ксеничка?

Ксенія.

А что же, это было бы очень хорошо. Я одна приму гостей...

Бунинъ.

Нѣтъ, благодарствуйте, — я еще на людей не кидаюсь,—меня еще на веревкѣ можно не водить. Но, кажется, скоро будутъ...

Адикаевъ.

Ого! Слышишь, Ксеничка,—ужъ начинается.

Бунинъ.

Да, начинается. Потому что бываютъ иногда такіе случаи, бываютъ такія обстоятельства, что единственный выходъ,—хоть въ прудъ, или пулю въ лобъ!

Адикаевъ, *всплеснувъ руками.*

Пулю въ лобъ!—слышишь, Ксеничка!

Бунинъ.

Да, я дѣйствительно до изступленія доведенъ, до предѣла...

VI.

ГОРНИЧНАЯ *съ балкона.*

Горничная.

Шарабанъ поданъ. Я вамъ сакъ-вояжъ вынесла.

Бунинъ.

Хорошо, я сейчасъ. *(Она уходитъ).* Вы понимаете, понимаете, что всему есть предѣлъ, всему граница; можно мучить человѣка, можно смѣяться надъ нимъ, шутить,—но всему есть мѣра...

Адикаевъ.

Нѣтъ, нѣтъ,—что съ нимъ, ты посмотри! Его въ постель надо, холодный компрессъ на голову...

Бунинъ.

Когда я вернусь сюду—не знаю. Можетъ быть, все лѣто не пріѣду.

Адикаевъ.

Холодный компрессъ, холодный компрессъ!

Ксенія *снимаетъ съ себя цвѣтокъ, показываетъ Бунину издали.*

А вамъ прикалывать не буду, не пойду—много чести... Сами подойдете...

Бунинъ, *сразу мѣняя тонъ и захлебываясь.*

Давидъ Евграфовичъ, послушайте, вы не сердитесь на меня... Я вижу, вы сѐрдитесь! вы простите, право-же, право-же я не хотѣлъ сказать вамъ ничего непріятнаго...

Адикаевъ, *вставая, женѣ.*

Посмотри, посмотри, что съ нимъ дѣлается! Какіе переходы! И, замѣть, совершенно безпричинные! Съ чего онъ вдругъ?...

Бунинъ.

Милый! Вы не знаете, но это такъ наперерывъ одно за другимъ идетъ. То счастье, то горе...

Адикаевъ, *качая головой.*

Да, жаль мнѣ тебя, очень жаль. Скажи, и съ которыхъ поръ ты началъ наблюдать за собой?

Бунинъ, *цѣлуя его.*

Все это вздоръ, пустяки. Милый вы мой, дорогой, хорошій! Я знаю, что никто меня не любитъ такъ, какъ вы... Я тоже ужасно люблю васъ.

Адикаевъ.

Больно, больно!

Бунинъ, *цѣлуя руку Ксеніи.*

До свиданія. Какъ только будетъ можно, я пріѣду тотчасъ.

Ксенія.

Позвольте, не вертитесь: я приколю.

Адикаевъ.

Ты его хорошенько, до самой кожи. Чортъ его знаетъ,—то ругается, то цѣлуется.

Бунинъ.

Ну, до свиданія еще разъ. Ужъ я самъ фуфайку вамъ привезу. Весь городъ перерою,—а достану.

Адикаевъ.

Знаешь, теперь ужъ для меня это внѣ сомнѣнія: ты свихнулся окончательно. И, Богъ знаетъ, вернешься ли когда на путь истинный.—Да вотъ тебѣ совѣтъ: возьми отдѣльное купэ: если ты въ припадкѣ накинешься на кого...

Бунинъ.

И отдѣльное купэ возьму, и все сдѣлаю. — До свиданья, мой дорогой, до свиданья, Ксенія Петровна... До скораго. *(Идетъ направо).*

Адикаевъ, *женѣ.*

И ты еще со мной спорила, что онъ не сумасшедшій? — Помяни мое слово, что скоро его на цѣпь посадятъ!

1886 г.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Грибоѣдовская премія Общества Русскихъ драматическихъ писателей въ 1891 г.

Представлена въ первый разъ на сценахъ Императорскихъ театровъ: въ Петербургѣ—12 октября 1890 г., въ Москвѣ — 21 сентября 1892 г.

ЛИЦА:

Михаилъ Ивановичъ Чагадаевъ,—землевладѣлецъ.
Вѣра Александровна—жена его.
Викторъ Петровичъ Волховской—товарищъ Чагадаева.
Любовь Ивановна Цвѣткова.
Князь Ханыковъ-Алсуфьевъ—мировой судья.
Агриппина Петровна Третьякова—сосѣдка Чагадаева.
Григорій Григорьевичъ Смарагдовъ—становой.
Простомолотовъ.
Лиза—горничная Чагадаевыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Чагадаева, въ средней полосѣ Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Балконъ въ домѣ Чагадаева.

I.

ЛИЗА *что-то прибираетъ. Изъ сада выходитъ* **ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА**; *лѣтъ ей 25, а можетъ быть и побольше; одѣта ярко, платье дѣлано, очевидно, дома, но съ претензіей на вкусъ и моду.*

Любовь Ивановна.

Гдѣ же всѣ?

Лиза.

На заводъ пошли.

Любовь Ивановна.

А Вѣра Александровна?

Лиза.

Всѣ-съ ушли. У насъ вѣдь новость.

Любовь Ивановна.

Ну?

Лиза.

Господинъ Волховской пріѣхали.

Любовь Ивановна, *опускаясь въ изумленіи на стулъ.*

Нежданно, вдругъ?

Лиза.

Да-съ. Вчера до полуночи ихъ прождали, и рѣшили, что ужъ коли будутъ, такъ сегодня послѣ обѣда. А они въ половинѣ восьмого.

Любовь Ивановна.

По ночному поѣзду?

Лиза.

Да-съ. Слышу: голосятъ колокольчики,—черезъ плотину, и такъ скоро-скоро къ намъ. Вижу—господинъ, фуражка бѣленькая съ козыречкомъ...

Любовь Ивановна.

Знаю: а ля жокэ.

Лиза.

Я къ барину въ кабинетъ стучусь. Ну, они очень обрадовались. Такъ крѣпко обнялись, цѣловались долго такъ.

Любовь Ивановна.

Ну, ну!?

Лиза.

Потомъ въ комнаты пошли и опять цѣловались.

Любовь Ивановна.

А Вѣра Александровна?

Лиза.

Онѣ сразу не вышли,—были еще не одѣты.

Любовь Ивановна.

Ну, потомъ, потомъ что?

Лиза.

Потомъ баринъ съ чаемъ стали торопить, а они говорятъ: я сперва помоюсь и переодѣнусь. Пошли въ комнату.

Любовь Ивановна.

Ну, а потомъ?

Лиза.

Потомъ черезъ дверь подали мнѣ панталоны чистить.

Любовь Ивановна.

Не то,—что же, говорилъ онъ? Собой-то онъ каковъ,—красивъ?

Лиза.

Нашъ баринъ, какъ будто, повиднѣе,—а собою зато они, можно сказать, очень хороши. Усики у нихъ такими хвостиками кверху.

Любовь Ивановна.

А глаза какіе? Черные или голубые?

Лиза.

Этого ужъ я не доглядѣла.

Любовь Ивановна.

Ну, и глупа. Незнакомому мужчинѣ надо первымъ долгомъ въ глаза смотрѣть.

Лиза.

А только глядятъ они какъ...

Любовь Ивановна.

А что?

Лиза *хохочетъ.*

Да ужъ такъ глядятъ, что просто не знаешь, куда дѣваться.

Любовь Ивановна *одобрительно киваетъ головой.*

Это бываетъ.—Ну, скажи, пожалуйста, а багажу много съ нимъ?

Лиза.

Сундучище здоровый такой, бѣлый, сѣтка внутри.

Любовь Ивановна.

Знаю—это кофръ. У губернаторши есть такой.

Лиза.

Потомъ маленькій такой дорожный мѣшечекъ.

Любовь Ивановна.

Знаю—это портъ-нессессеръ. Изъ Петербурга всѣ съ портъ-нессессерами ѣздять.

Лиза.

Полотенца огромныя, мохнатыя. Сапоги желтые.

Любовь Ивановна.

А комнату ему какую отвели?

Лиза.

Угловую, что на рѣку.

Любовь Ивановна.

Знаю. Зелененькіе обои съ попугаями. А это чей же у тебя пиджакъ?

Лиза.

Это ихъ-же-съ.

Любовь Ивановна.

Покажи сюда. Это че-чун-ча. Это дорогая штука. А здѣсь что въ карманѣ? платокъ! Мѣтка-то какая — а! И пахнетъ. Ахъ, — вотъ такъ запахъ! Что это такое? вродѣ чего? Понять не могу... Ты, Лиза, не знаешь?

Лиза, *нюхая.*

Не знаю, а хорошо...

Любовь Ивановна.

Ну, а скажи ты мнѣ: Вѣрѣ Александровнѣ онъ понравился?

Лиза.

А ужъ не знаю. Надо полагать, понравился. Замашки такія благородныя у него.

Любовь Ивановна.

А тутъ въ другихъ карманахъ ничего у него нѣтъ? *(Шаритъ).* Записочка! «Табаку четыре фунта, путеводитель Ландцерта; мятныхъ лепешекъ»... Ну, это не интересно. Ну, скажи, Лиза, о чемъ же Вѣра Александровна съ нимъ говорила?

Лиза.

Этого я не знаю,—потому я пошла въ дѣвичью чистить брюки и жилетъ...

Любовь Ивановна.

Ничего-то ты не знаешь самаго интереснаго! И подслушать-то не умѣешь какъ надо! *(Прохаживаясь по балкону).*—Ну, вотъ, Лиза, наконецъ, къ намъ мужчина настоящій пріѣхалъ! Только интереса ему у насъ нѣтъ никакого—кромѣ Вѣры Александровны. Что у насъ за дѣвицы? Такъ, кислятина какая-то. А онъ привыкъ къ утонченнымъ манерамъ: чтобы дама была съ высшихъ курсовъ, граціозная, съ иностраннымъ выговоромъ...

Лиза.

Вонъ барыня идетъ.

Любовь Ивановна *подбѣгая къ рѣшеткѣ.*

Ахъ, одна! Гдѣ же другіе? И что она такъ торопится! Не запачкалась ли гдѣ? *(Кричитъ).* Здравствуйте, душечка, Вѣра Александровна! Что же вы однѣ,—гдѣ всѣхъ разсыпали по дорогѣ?

II.

Тѣ-же *и* **ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА,** *стройненькая съ короткими вьющимися волосами.*

Любовь Ивановна, *цѣлуетъ ее съ жаромъ.*

Вы не запачкались?

Вѣра Александровна.

Нѣтъ. Съ чего это вы?

Любовь Ивановна.

Да вы такъ скоро идете.

Вѣра Александровна.

Миша послалъ впередъ распорядиться.—Лиза, вотъ ключи. Бѣги въ кладовую, вынь наливокъ—вишневку и смородину, и сюда вотъ на столъ. *(Лиза уходитъ).*

Любовь Ивановна *кидается Вѣрѣ на шею.*

Ну, душечка, поздравляю, поздравляю!

Вѣра Александровна.

Съ чѣмъ это?

Любовь Ивановна.

Наконецъ наше мертвенное затишье оживилось,—повѣяло весеннимъ вѣтеркомъ. *(Прищуривается).* Ну, что—хорошъ?

Вѣра Александровна *смѣется.*

Да вы, Любочка, ей-Богу, съ ума сошли: развѣ можно такъ смотрѣть?

Любовь Ивановна.

Я за васъ, за васъ радуюсь,—вѣдь вы здѣсь въ такихъ мерехлюндіяхъ.—Вамъ жизнь нужна клокочущая, бурная. Ну, что здѣсь? Вотъ мужъ вашъ, напримѣръ...

Вѣра Александровна.

Любочка, вы завираетесь!

Любовь Ивановна.

Душечка, не оправдывайтесь. Я все знаю и вижу. Что̀ вокругъ васъ? Сельская природа! Это говоритъ душѣ, а не сердцу.

Вѣра Александровна.

Любочка, сдержите вашъ языкъ,—нельзя такъ тараторить: вѣдь онъ у васъ какъ заяцъ—безъ оглядки съ кочки на кочку. Что о васъ подумаетъ monsieur Волховской, если вы при немъ покажете ваши способности.

Любовь Ивановна.

Душечка,—не заговаривайте! Я все до ниточки понимаю. Я ужасно рада—и за васъ, и за себя. Вѣдь что это будетъ за чудное лѣто! Онъ на все лѣто пріѣхалъ?

Вѣра Александровна.

А не знаю, спросите у него.

Любовь Ивановна.

Что это за лѣто будетъ:—катанья въ лодкахъ, костры въ лѣсу, скачки верхомъ, веселье, смѣхъ...

Вѣра Александровна.

Смотрю на васъ, Любочка, и удивляюсь: никогда въ институтѣ вы не были,—а духомъ институтскимъ заражены...

Любовь Ивановна.

Да я серьезно, душечка, совершенно серьезно говорю. Вѣдь я чему радуюсь?.. Хотите, я какъ по книжкѣ разскажу, что дальше будетъ?

Вѣра Александровна.

Ну-съ?

Любовь Ивановна.

Произойдетъ романъ.

Вѣра Александровна.

У васъ съ monsieur Волховскимъ?

Любовь Ивановна.

Нѣтъ, душечка, не у меня, а именно у васъ. Ну, что мы здѣсь, въ глуши, дѣлаемъ? Цвѣточки нюхаемъ, грибы собираемъ, наливки готовимъ... И вдругъ молодой красавецъ...

Вѣра Александровна.

Вѣдь вы его не видѣли даже?

Любовь Ивановна.

Не перебивайте!—И вдругъ молодой красавецъ изъ Петербурга. На комъ ему остановить вниманіе? На васъ, всеконечно. И пойдетъ романъ,—да вѣдь какой романъ-то! Въ трехъ частяхъ! Я это ужасно люблю! И такъ онъ интересно начинается—въ аглицкомъ духѣ,—точно вотъ здѣсь коттеджъ, онъ — милордъ, а вы—миледи.

Вѣра Александровна.

Не довольно ли, Любочка?

Любовь Ивановна.

Вотъ видите, видите — вы сами чувствуете, что я права!

Вѣра Александровна.

Нисколько я этого не вижу, но если вы ужъ съѣхали на англійскій романъ, такъ давайте объясняться, какъ лэди объясняются съ наперсницами. Вы думаете, я не люблю мужа?

Любовь Ивановна.

Любите, всенепремѣнно любите! Но вѣдь разница какая! Онъ все больше насчетъ конскаго завода, — а вы? Ну, что общаго между вами и конскимъ заводомъ? Онъ вашей любви недостоинъ.

Вѣра Александровна.

Почему?

Любовь Ивановна.

Потому что онъ недостаточно идеаленъ!

Вѣра Александровна.

Любочка, Любочка, какая вы идеалистка! Ну, гдѣ вы этихъ идеальныхъ мужчинъ видѣли? У васъ институтское обожаніе къ каждымъ усамъ, къ каждому галстуку. Вотъ погодите, какъ выйдете замужъ, такъ и узнàете... А къ мужу вы несправедливы. Я вамъ разъ навсегда скажу,—вы такъ и знайте: мужа я люблю и уважаю глубоко.

Любовь Ивановна.

Да и я уважаю,—я его еще глубже вашего уважаю. Его всѣ уважаютъ,—но изъ этого ничего не слѣдуетъ...

III.

Тѣ-же *и* **ЛИЗА** *съ наливками.*

Любовь Ивановна.

Я, во всякомъ случаѣ, остаюсь при своемъ мнѣніи, и рада, рада до безконечности! И поэтому поздравляю васъ тысячу разъ. — Ну, а теперь понюхайте-ка вотъ это:—какова прелесть! Вы знаете, какіе это духи?

Вѣра Александровна.

Не знаю.

Любовь Ивановна.

Я тоже не знаю. Я знаю только, что вашъ романъ начинается необыкновенно душисто.

IV.

Тѣ-же,—*изъ сада на балконъ поднимаются* **ЧАГАДАЕВЪ** *и* **ВОЛХОВСКОЙ.** *Имъ лѣтъ по тридцати пяти. Чагадаевъ постарше, пополнѣе, менѣе сохранилъ волосъ, но въ то же время румянѣе и здоровѣе товарища. Волховской,— слегка начавшій тяжелѣть, красивый господинъ, съ круглымъ подбородкомъ, усиками съ закрученными концами и въ пенснэ. Одѣтъ онъ ловко, по-петербургски, быть можетъ, даже нѣсколько молодо.*

Чагадаевъ.

А, Любовь Ивановна! Вотъ позволь, Викторъ Петровичъ, познакомить тебя съ нашей прелестной Любовь Ивановной. Сойдетесь навѣрно, если не заговоритесь оба до полусмерти.

Любовь Ивановна, *присѣдая.*

Васъ не растрясло?

Волховской.

Порядкомъ.—А что?

Любовь Ивановна.

Вѣдь у насъ такія дороги! Въ прошломъ году везли мертвое тѣло на телѣгѣ, такъ онъ воскресъ.

Волховской.

Кто?

Любовь Ивановна.

Мертвый-то. Такая страсть была. А то предводительша здѣшняя языкъ сбоку совсѣмъ откусила на ухабѣ.

Вѣра Александровна.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошо доѣхали?

Волховской.

Ничего не откусилъ, все цѣло. Я, Вѣра Александровна, столько исколесилъ на своемъ вѣку,—и съ горъ падалъ, и въ полыньи проваливался, и тонулъ, и горѣлъ,—что меня ничѣмъ не удивишь.

Чагадаевъ.

Дороги у насъ мерзѣйшія—это вѣрно. А зато здѣсь-то прелесть какая! Рѣка-то, рѣка.

Волховской.

Красавица-рѣка.

Чагадаевъ.

Судоходная. Вотъ заведу съ будущаго года пароходикъ, тогда прямо отсюда на желѣзную дорогу водою,—семьдесятъ верстъ.

Волховской.

А!.. Тогда все имѣніе выиграетъ. *(У балкона)*. Вѣдь дѣйствительно хорошо. Рѣки молочныя, берега кисельные.—Мессопотамія да и только.

Чагадаевъ, *наливая рюмки.*

Ну, попробуй-ка нашихъ настоекъ. Это, братецъ, не та жижа, что наши помѣщики въ бутыляхъ на солнцѣ настаиваютъ.

Волховской, *попробовавъ, смотритъ въ глаза Чагадаеву.*

Да это что-жъ такое? Вѣдь это только отцу родному на Пасхѣ по рюмочкѣ разъ въ годъ выдавать можно.

Чагадаевъ.

Ага! расчухалъ! У меня здѣсь все въ этомъ родѣ. Хлѣбнаго квасу такого ты нигдѣ не пилъ, какой на столъ у насъ становится. Водянки какія! Какъ откормлены телята, что за утки, за гуси!

Волховской, *присматриваясь къ платку, что держитъ Любовь Ивановна.*

Виноватъ,—это... это, судя по мѣткѣ...

Любовь Ивановна.

Вашъ, вашъ! Я вотъ духовъ не могу разобрать.

Волховской.

А тутъ смѣсь всякая...

Любовь Ивановна.

Вотъ что! Смѣсь! Слышите, душечка: смѣсь!

Чагадаевъ.

Караси какіе! Въ сметанѣ ихъ какъ поваръ дѣлаетъ! Вѣрушокъ, ты вели ихъ намъ сейчасъ же зажарить. Скажи рыболову, чтобы покрупнѣе вытянулъ.

Волховской.

Блаженство! Ну, и что же, вы не скучаете здѣсь, Вѣра Александровна?

Вѣра Александровна.

Нисколько. Да я привыкла.

Чагадаевъ.

Здѣсь скучать! Въ Чагадаевкѣ!.. Да ты рехнулся!

Волховской.

Вѣдь вы и лѣто, и зиму здѣсь безвыѣздно?

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, мы на выборы ѣздимъ въ городъ. Кое-кто и зимой заглядываетъ.

Чагадаевъ.

Вѣдь вотъ васъ какъ оболваниваетъ петербургская жизнь,—вѣдь вы подобіе Божіе въ вашихъ канцеляріяхъ, клубахъ, да редакціяхъ теряете. Образъ на васъ звѣриный! Только сѣна не жрете. Чтобы такую природу на ваши промозглыя улицы мѣнять. Вотъ смотри. *(Тащитъ его къ краю балкона).* Вотъ это за рѣкой «Мѣховицы», правѣе—топылевскій лѣсъ, налѣво—демидовскія поля... а тамъ... *(Показываетъ еще куда-то рукой и даже пригибаетъ его голову).* Ты нагнись немного, присядь... видишь... вонъ тамъ. *(Продолжаетъ ему что-то объяснять, но голосъ его теряется).*

Любовь Ивановна—*на авансценѣ.*

Ну, душечка, теперь, увидѣвши, я вамъ скажу, что это такая прелесть!—и если вы не влюбитесь въ него по-уши,—такъ... такъ вы не женщина, а Богъ знаетъ, что такое... Развѣ затѣмъ вы созданы...

Вѣра Александровна.

Пойдемте, Любочка, заказывать карасей. Женщина создана первымъ долгомъ для хозяйства.

Волховской, *отходя отъ рѣшетки.*

Но вѣдь зимой все это подъ снѣгомъ?

Чагадаевъ.

Ничего ты не понимаешь,—оболванился. Въ образѣ звѣриномъ!

Любовь Ивановна.

Вотъ уже я не понимаю такихъ словъ: образъ звѣриный! Напротивъ, Викторъ Петровичъ элегантенъ. Здѣсь такой элегантности мы и не видимъ. У насъ такіе кавалеры! Здѣсь вотъ князь Ханыковъ, судья мировой, лучшимъ женихомъ считается. Даромъ что изъ гвардейцевъ—самъ въ полѣ коситъ, на рукахъ мозоли, лицо какъ самоваръ отъ загара. Никакого удовольствія — одинъ срамъ. Гулять пойдешь — руки не предложитъ. Я, говоритъ, на мужчинъ и на женщинъ гляжу безразлично. А вѣдь вы, Викторъ Петровичъ, не смотрите безразлично?

Вѣра Александровна.

Ну, довольно, Любочка,—вы ужъ до чего нибудь такого договоритесь по обыкновенію. Пойдемте на прудъ къ рыболову.

Любовь Ивановна.

Я вамъ такихъ карасей выберу... *(Идетъ на балконъ).*

Волховской.

Позвольте, позвольте, позвольте,—а платокъ мой...

Любовь Ивановна.

Ахъ, виновата! Это я въ забывчивости. Вы не подумайте, что я съ дурнымъ намѣреніемъ, я, ей-Богу...

Вѣра Александровна.

Любочка, я жду!

Любовь Ивановна.

Лечу! *(Уходитъ).*

V.

ЧАГАДАЕВЪ *и* ВОЛХОВСКОЙ.

Волховской.

Такъ вотъ ты какъ устроился! Хорошо, братецъ, отлично!

Чагадаевъ.

Не жалуюсь. Система, милый другъ, много значитъ; все по системѣ.

Волховской.

Самъ ты цвѣтешь, аки кринъ сельный. Плантаторъ, да и только.

Чагадаевъ.

Опустился я здѣсь маленько. Зато на тебѣ столичная политура сохранилась во всемъ блескѣ, нигдѣ не потерся, не потрескался, — вихри жизни пронеслись, не коснувшись твоей главы.

Волховской.

А ты думаешь, мало пертурбацій со мной было, — хо-хо! Энергія во мнѣ врожденная есть,—одна она только и поддерживаетъ меня. Вѣдь до тридцати пяти лѣтъ никуда прилѣпиться не могъ—срамота! Медвѣдь и тотъ на зиму себѣ берлогу роетъ, чтобы лапу сосать на покоѣ. Вѣдь это только устрица съ домомъ на головѣ ходитъ. Ну, а гдѣ она, берлога-то моя?

Чагадаевъ.

Вольно-жъ тебѣ! Вѣдь ты и лаборантомъ былъ, и въ офицерахъ, и лекціи читалъ.

Волховской.

Эхъ, милый! Всѣ мы теперь, какъ кукушки по чужимъ гнѣздамъ пристраиваемся. Прежде, бывало, нашъ братъ, дворянинъ, еще не родился, а ужъ сержантомъ въ полкъ записанъ—та же устрица со скорлупой. А теперь не то...

Чагадаевъ.

Чего тебѣ на мѣстѣ не сидится? Прыгаешь какъ воробей по крышѣ...

Волховской.

Все лучшаго хочется. Недовольство настоящимъ; тянетъ куда-то...

Чагадаевъ.

Чортъ васъ знаетъ! Вотъ меня никуда не тянетъ. Сижу здѣсь сиднемъ, за своимъ дѣломъ смотрю.

Волховской.

Никуда не ѣздишь, ничего не читаешь?

Чагадаевъ.

Иногда газеты читаю, на пристань часто ѣзжу.

Волховской.

Ну, а въ Петербургъ, въ Крымъ, на Кавказъ, заграницу?

Чагадаевъ.

Ишь захотѣлъ чего! А что мнѣ тамъ дѣлать? Петербургъ мнѣ давно оскомину набилъ. На Кавказъ ѣхать мнѣ не для чего,—потому что ни въ какихъ водахъ я не нуждаюсь, а пейзажами любоваться,—это глупо. Вотъ за-границу я иногда ѣзжу, машины покупаю...

Волховской.

Машины! Да вѣдь нельзя же все машинами заниматься?

Чагадаевъ, *вставая.*

Ну, братъ,—никакъ вы опять нынче беретесь за миндальничанье—опять въ высь заноситесь, какъ въ сороковыхъ годахъ.—То въ грязной ямѣ сидѣли и человѣчество спасали, то опять къ заоблачному эфиру стремитесь.—Глупо!

Волховской.

Въ ямѣ-то развѣ лучше сидѣть?

Чагадаевъ.

Да вѣдь вы отчего рветесь кверху? Оттого, что полетъ у васъ орлиный? Какъ бы не такъ! Просто-напросто вы шары гуттаперчевые,—вотъ что на вербахъ у васъ продаютъ. «Среда неподходящая, обстановка!» Да пузырь оттого и летитъ кверху, что сгущенная атмосфера не по немъ: ему надо разрѣженный воздухъ. Пузыри вы всѣ, больше ничего... Пей наливку-то.

Волховской.

Да вѣдь я во всѣ стороны совался. Хотѣлъ остаться лаборантомъ,—да тутъ какъ-разъ воинская повинность подвернулась. Поступилъ вольноопредѣляющимся. Потомъ, думаю,—шутка офицерскій экзаменъ сдамъ,—сдалъ. Потомъ мѣсто мнѣ предложили въ гимназіи—учителемъ сдѣлался.

Чагадаевъ.

Химіи?

Волховской.

То-то что нѣтъ: географіи.

Чагадаевъ.

Съ чего-жъ это ты?

Волховской.

Вотъ поди-жъ, я ужъ и самъ диву дивился. Потомъ въ женскомъ пансіонѣ исторію среднихъ вѣковъ преподавалъ. А тутъ одинъ издатель подвернулся: механику съ нѣмецкаго перевести,- -ну, я и за нее...

Чагадаевъ.

Эка талантища-то въ тебѣ...

Волховской.

Да, а потомъ, должно быть вотъ про этотъ самый талантъ прослышавъ, ко мнѣ другой издатель: а не можете ли вы Байрона стихами?... Ну, съ Байрономъ-то я не сладилъ.

Чагадаевъ.

Значитъ химію свою по боку?

Волховской.

Нѣтъ, я фотографіей началъ заниматься, хотѣлъ усовершенствовать способъ съ сухими пластинками.

Чагадаевъ.

Много наусовершенствовалъ?

Волховской.

Одинъ новенькій способъ открылъ.

Чагадаевъ.

Что же, привилегію взялъ?

Волховской.

Нѣтъ, ну ихъ!

Чагадаевъ!

Глупо!

Волховской.

Потомъ рѣшился знаменитымъ путешественникомъ сдѣлаться. Собаку купилъ.

Чагадаевъ.

Зачѣмъ же собаку?

Волховской.

Право не знаю. Путешественники всегда съ собакой бываютъ. Поѣхалъ черезъ Ботническій заливъ въ Торнео, а оттуда на Мурманскій берегъ.

Чагадаевъ.

Экъ тебя носило-то!

Волховской.

О китоловствѣ три статьи напечаталъ. Хвалили. Дѣйствительно, досконально я это дѣло изучилъ.

Чагадаевъ.

На кой оно тебѣ шутъ?

Волховской.

Нѣтъ, не говори: — если организовать правильную компанію...

Чагадаевъ.

Милый другъ, да предоставь ты ловить этихъ китовъ мурманцамъ: вѣдь у насъ у самихъ золотое дно подъ ногами: на кой же дьяволъ кисель ѣсть за двѣ тысячи верстъ! Брось ты эту цыганщину, — довольно побираться! Принимайся за живую, настоящую дѣятельность.

Волховской.

Голубчикъ, да вѣдь я ее жажду, ищу эту самую-то, настоящую-то дѣятельность. Вѣдь чего-чего только я не знаю: и химію, и механику, и марщировать умѣю.

Чагадаевъ.

Основывайся здѣсь, покупай землю.

Волховской.

Нѣтъ, нѣтъ. Я врагъ недвижимой собственности!

Чагадаевъ, *выпучивъ глаза.*

Это почему?

Волховской.

Человѣкъ долженъ быть свободенъ какъ птица. Зачѣмъ я буду себя связывать какимъ нибудь клочкомъ земли!

Чагадаевъ.

Какъ клочкомъ? Да ты устрой заводъ, какъ я, заведи фабрику. Деньги у тебя есть... Вотъ что: хочешь ты, или не хочешь, но ты отъ меня отсюда не уѣдешь: я тебя засажу за работу.

Волховской.

Да я отдыхать къ тебѣ пріѣхалъ, а не работать,—слуга покорный!

Чагадаевъ.

Ладно, ладно! Вотъ что ты мнѣ скажи: ты намѣреваешься долго здѣсь оставаться?

Волховской.

Право не знаю. Я свободенъ совершенно.

Чагадаевъ.

Значитъ, на все лѣто,—ну, ладно.—Я тебѣ даю недѣлю отдыха! Ходи, гуляй, купайся, ѣзди верхомъ. А потомъ мы поговоримъ серьезно. Ну *(хлопая его по плечу)*... я ужасно радъ, что ты пріѣхалъ. Жена скучаетъ. Я не занимаюсь ею совсѣмъ. Поухаживай за ней, ради Бога, она, вѣдь, тоже талантъ. Ты вотъ видѣлъ ее такъ, мелькомъ, а посмотри поближе: и рисуетъ, и играетъ, и повѣсти пишетъ.

Волховской *морщится.*

Ну, вотъ этого я не особенно долюбливаю.

Чагадаевъ.

Что?

Волховской.

На счетъ повѣстей-то.

Чагадаевъ.

Ничего,—у нея никто ихъ не печатаетъ. Немножко кислосладко выходитъ, по-бабьи. Все какая нибудь не-

понятная дѣвица страдаетъ неизвѣстно отчего — и въ концѣ-концовъ топится. Ну, да вѣдь это у всѣхъ у нихъ одна канитель. Я насчетъ всякихъ искусствъ совсѣмъ пасъ. Насчетъ лошадей и всего такого—другое дѣло,—ну, а это,—«шопотъ, робкое дыханье»—и прочее—не по мнѣ...

Волховской.

Твоя жена очень мила собой.

Чагадаевъ.

Ахъ, она милая! Ты присмотрись къ ней хорошенько. Она пречудесная. Скучаетъ, потому что ребятишекъ нѣтъ. А съ ней поговорить пріятно обо всемъ. Чудная женщина.

VI.

Тѣ-же *и* **князь ХАНЫКОВЪ-АЛСУФЬЕВЪ.** *На немъ широкая блуза, ременный поясъ, высокіе сапоги, соломенная шляпа съ широчайшими полями; черная борода; лицо, опаленное солнцемъ; въ рукахъ суковатая палка, заграничнаго, впрочемъ, происхожденія. Лѣтъ за тридцать.*

Чагадаевъ.

Кириллъ Андреевичъ! Позвольте познакомить. Мой товарищъ университетскій, Волховской, гостить пріѣхалъ.

Князь.

Очень радъ.

Чагадаевъ—*Волховскому.*

Рекомендую, — тоже врагъ собственности. Не признаетъ недвижимаго имущества.

Волховской.

Если не ошибаюсь, я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ въ Петербургѣ. Вы тогда еще были въ формѣ...

Князь.

Возможно. Очень возможно. Но я давно оттуда: отрясъ прахъ отъ ногъ. Я ужъ шестой годъ здѣсь.

Чагадаевъ.

Наливочки?

Князь.

Одолжите. *(Волховскому).* А вы путешествуете?

Волховской.

Шляюсь отъ нечего дѣлать.

Князь.

А вы прикрѣпитесь къ землѣ.

Чагадаевъ.

Вотъ-вотъ! И я говорю.

Волховской.

Не чувствую, знаете, расположенія къ осѣдлости. Какъ весна, такъ и тянетъ меня на просторъ, на волю.

Князь, *хлебнувъ изъ рюмки.*

Прикрѣпитесь.

Волховской.

Позвольте, Михаилъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ, что вы собственности не сочувствуете?

Князь.

Ну, такъ что же? Земля — не собственность. Земля дана человѣку, чтобы ее обрабатывать. Но такъ какъ даромъ вамъ ее никто не дастъ, то и купите участокъ. Ничего тутъ дурного нѣтъ. А если не хотите валандаться съ землей, идите ко мнѣ въ работу.

Волховской.

То есть какъ, въ управляющіе?

Князь.

Въ какіе управляющіе! Въ поле! Вы косить умѣете?

Волховской.

Не пробовалъ.

Князь.

А вы научитесь. Здорово. Смотрите, мозоли какія. А грудь, а? *(Ударяетъ себя по груди).* Застрахованъ отъ всѣхъ болѣзней: кузнечные мѣха вмѣсто легкихъ.

Чагадаевъ.

Нашелъ чѣмъ хвалиться! Да у любого битюга грудь еще сильнѣе,—такъ вѣдь не возы же вамъ возить надо.

Князь—*Волховскому.*

Вотъ меня здѣсь полупомѣшаннымъ какимъ-то считаютъ, какъ на воронье пугало смотрятъ. Помилуйте—службу бросилъ, пріѣхалъ въ глушь, въ полѣ съ утра до ночи, раздаю крестьянамъ брошюры о нравственности и о вредѣ питія. Ну, какъ же не помѣшанный?

Чагадаевъ.

Ты спроси у него, какъ онъ свои мировыя обязанности отправляетъ.

Волховской.

Я бы никогда не подумалъ, что вы судья. Судя по нѣсколькимъ вашимъ фразамъ, я думалъ, что вы врагъ какого бы то ни было судилища,—по тексту: «не судите, да не судимы будете»...

Князь.

Я-съ выхожу изъ положенія: «блаженны миротворцы». У меня почти всѣ дѣла кончаются миромъ. Въ камеру ко мнѣ съ прошеніями только помѣщики ходятъ, да и то съ неудовольствіемъ: я вѣдь сужу по внутреннему убѣжденію, а они его-то какъ-разъ и не признаютъ. Мужички ко мнѣ прямо въ поле во время обѣда: «Кирилла Андреичъ—суди». Я тутъ же ихъ и разберу, на сѣнѣ. У меня и цѣпь всегда съ собой для большей помпы. *(Вынимаетъ изъ кармана цѣпь).* Поцѣлуются, помирятся. Упорныхъ сажаю на хлѣбъ и на воду въ холодную.

Волховской.

Однако заточаете въ узилище-то?

Князь.

Заточаю, безъ этого нельзя.

Волховской.

А ежели кто недоволенъ?

Князь.

Ну, тогда въ камеру. Результатъ тотъ же, только наказаніе прилагается въ усиленной мѣрѣ.

Волховской.

Гм! Упрощенное судопроизводство!

Чагадаевъ.

Тебѣ вотъ, послѣ петербургской прямолинейности, можетъ быть, покажется это дикимъ. А вѣдь дѣло-то у насъ идетъ хорошо.

Князь.

Вотъ позвольте вамъ презентовать. *(Вынимаетъ изъ кармана брошюру).* Образецъ той назидательности, которую я здѣсь насаждаю.

Волховской.

Вы всегда съ запасомъ? *(Читаетъ).* «Пьянство—порожденіе сатаны». И съ рисункомъ, да еще раскрашеннымъ. Это что же?

Князь.

Внутренности послѣ упорнаго пьянства. Извольте видѣть, печень-то какъ раздуло. Это губернскій архитекторъ рисовалъ по моему заказу, да, кажется, ужъ очень перехватилъ: цензоръ пропускать даже не хотѣлъ: сверхъестества, говоритъ, изображено. Да это ничего, страшнѣе.

Волховской.

И хорошо раскупаютъ?

Князь.

Отлично идутъ. Впрочемъ, я больше даромъ раздаю.

Волховской.

И дѣйствуетъ?

Чагадаевъ.

Ужъ я не знаю,—отъ брошюры ли князя, отъ другого ли чего—но у насъ въ округѣ всѣ кабаки позакрывались. У насъ уѣздъ на этотъ счетъ первостатейный.

Волховской.

Ну, а другія брошюры?

Князь.

Все въ этомъ родѣ. Я вѣдь мужика вдоль и поперекъ изучилъ, — знаю его потребности, поэтому онъ меня и читаетъ. *(Подноситъ руку къ носу).* Только отъ этихъ полевыхъ работъ и отъ соприкосновенія съ пейзанами такой одеръ всегда въ домъ принесешь,—что самому дышать противно.

Чагадаевъ.

Можетъ умыться хотите?

Князь.

Нѣтъ, ужъ потерплю до дома... Чортъ знаетъ, гадость какая!

Чагадаевъ.

Я возвращаюсь къ нашему разговору. Я вотъ совѣтую Виктору Петровичу не шалберничать, а заняться дѣломъ: мельницей, заводомъ,—чѣмъ нибудь?

Князь.

Что-жъ, мельница дѣло хорошее,—вы мололи когда нибудь?

Волховской.

Муку? нѣтъ, не доводилось.

Князь.

Привыкните.

VII.

Тѣ-же, *съ балкона* **ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА** *и* **ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА**; *у послѣдней въ рукахъ большой сачекъ съ живыми карасями.*

Любовь Ивановна *летитъ впередъ.*

Смотрите-ка, звѣри какіе, а?—Здравствуйте, Кириллъ Андреевичъ.—пожмите руку вотъ здѣсь, повыше, я выпустить боюсь карасиковъ. — Викторъ Петровичъ, — звѣрушки-то милые какіе! А какіе вкусные, коли ихъ въ сметанѣ на сковородѣ...

Чагадаевъ.

Ну, Вѣрушокъ, новость! У насъ Викторъ Петровичъ мельникомъ будетъ.

Любовь Ивановна.

Вотъ тебѣ разъ!

Вѣра Александровна.

Я думаю, Викторъ Петровичъ никогда въ жизни жёрнова не видѣлъ.

Волховской.

Постойте,—да я еще не рѣшилъ этого вопроса...

Чагадаевъ.

Да тебѣ и рѣшать не надо, будемъ рѣшать мы. У меня цѣлый планъ составился.

Любовь Ивановна.

Безподобно! За это имъ надо скорѣе карасиковъ. *(На авансценѣ, тихо Вѣрѣ Александровнѣ).* Ну, что—не угадала я, не угадала? На все лѣто, на всю зиму — навсегда! — Помяните мое слово: сегодня начало романа. Душечка, поздравляю. Обняла бы васъ, да руки заняты. *(Громко).* А карасей я сама зажарю. *(Убѣгаетъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ. Слѣва подъ густыми акаціями скамейки и столъ. Справа—отъ авансцены вглубь — идетъ рѣшетка, отдѣляющая садъ отъ большой дороги. У рѣшетки на авансценѣ бесѣдка; далѣе въ глубинѣ—ворота на дорогу. Дождливое утро.

I.

ЧАГАДАЕВЪ *и* ПРОСТОМОЛОТОВЪ.

Простомолотовъ.

Ваше высокородіе, уважьте,—по какимъ же причинамъ вы не желаете?

Чагадаевъ.

Не желаю, милый другъ, да и все тутъ.

Простомолотовъ.

Человѣкъ я, можно сказать, безъ фальши, художествъ за мной никакихъ, шапки народъ передо мной ломаетъ,— за что же такой афронтъ?

Чагадаевъ.

Да я, милый другъ, считаю тебя за дѣльца, и съ этой стороны уважаю. Въ иныхъ случаяхъ, положимъ, ты и сплутовать не прочь...

Простомолотовъ.

Гм...

Чагадаевъ.

Крякай, не крякай, а ужъ такъ. Да я и плутовство тебѣ до извѣстной степени готовъ спустить, и дѣло готовъ всегда съ тобой дѣлать, потому что ты человѣкъ вѣрный,—а мельницы все-таки тебѣ не отдамъ.

Простомолотовъ.

Но по какимъ же причинамъ?

Чагадаевъ.

У тебя, братецъ, и такъ дѣла по горло:—чего ты только не дѣлаешь, чѣмъ не занимаешься:—ну, на кой лѣшій тебѣ эта мельница?

Простомолотовъ.

Помилуйте, — ежели я арендовалъ ее у васъ пять годовъ?

Чагадаевъ.

Ну, и будетъ. Чего же тебѣ еще?

Простомолотовъ.

Какіе же, съ позволенія сказать, резоны?

Чагадаевъ.

Резоны? Пріѣхалъ пріятель ко мнѣ изъ Петербурга,— сдаю я ему луга заливные, да мельницу.

Простомолотовъ.

И луга, значитъ, къ нимъ отходятъ?

Чагадаевъ.

Отходятъ. Ну, вотъ, по этому самому, такъ какъ у насъ черезъ двѣ недѣли срокъ условію, такъ я тебѣ и заявляю, что аренды продолжать не желаю.

Простомолотовъ.

Ахъ, ты, Господи;—вотъ напасть-то!

Чагадаевъ.

Чего еще?

Простомолотовъ.

Да ежели я еще съ зимы рабочихъ нанялъ въ разсужденіи покоса.

Чагадаевъ.

Не уйдутъ у тебя въ дѣло люди!? Сказалъ тоже!

Простомолотовъ.

Да уйти-то уйдутъ, какъ не уйти. А только, что разсчетъ этотъ самый въ умѣ у меня былъ, и вдругъ нѣтъ. Я даже, такъ будемъ говорить, пятьдесятъ рубликовъ надбавлю.

Чагадаевъ.

Это насчетъ чего?

Простомолотовъ.

Да аренды-то.

Чагадаевъ.

Двѣсти прибавляй—не возьму.

Простомолотовъ.

О!.. Ишь ты!..

Чагадаевъ.

Н-да!..

Простомолотовъ.

Пріятелю, значитъ, услужить хотите,—такъ! Ну, а ежели, такъ какъ имъ косить надо, я своихъ людей имъ поставлю?

Чагадаевъ.

Я ему хотѣлъ своихъ предложить. Ну, а коли ты дешевле возьмешь—твое дѣло. Повидайся съ нимъ.

Простомолотовъ.

А они гдѣ же теперь?

Чагадаевъ.

Онъ спитъ еще.

Простомолотовъ.

По-петербургски, значитъ. Это насчетъ хозяйства очень сомнительно.

Чагадаевъ.

Приходи вечеромъ какъ-нибудь и потолкуемъ. Ну, а ты не держи меня, я и такъ опоздалъ,—на заводъ иду.

Простомолотовъ.

Такъ-съ. Ну, а ежели, Михаилъ Ивановичъ, я у васъ насчетъ лѣска?

Чагадаевъ.

Какого лѣска?

Простомолотовъ.

Рощицы запрудной.

Чагадаевъ.

Что ты точно съ неба свалился? Вѣдь тебѣ сказано, чтобы ты и не прицѣливался. Ты опять за свое?

Простомолотовъ.

Да оно такъ точно... Только у меня въ головѣ-то все...

Чагадаевъ.

Что у тебя въ головѣ?

Простомолотовъ.

Да роща-то...

Чагадаевъ.

Выросла?

Простомолотовъ.

Точно, что выросла,—корни, можно сказать, пустила. Я даже думаю такъ, что ежели бы за весь лѣсокъ двѣнадцать тысячъ,—такъ и то я не прочь бы.

Чагадаевъ.

И гдѣ это ты нахапалъ столько? Вотъ кафтанишкото пѣгій сталъ, жаль новаго сшить, а туда же,—двѣнадцать тысячъ!

Простомолотовъ.

Рощица-то ужъ очень увлекательная: березки-то какъ на подборъ. Сегодня утромъ шелъ я: духъ отъ нихъ какой послѣ грозы-то!...

Чагадаевъ.

Что же ты, купишь ее, да нюхать будешь?

Простомолотовъ.

Зачѣмъ нюхать—мѣсто чудесное. Красоты такой поискать! На срубъ надо.

Чагадаевъ.

Красиво будетъ!

Простомолотовъ.

У меня другая такая была—у Мютихина-вражка. Всю вырубилъ. Пеньки до сихъ поръ стоятъ,—налюбоваться нельзя на мѣсто. Все въ два обхвата—одинъ къ одному—на цѣлую версту. Красота, сердце радуется! Этакій лѣсъ былъ!

Чагадаевъ.

Да, не мало ты у насъ въ уѣздѣ такой красоты завелъ. Ѣдешь ровно по кладбищу. И рѣки отъ того мелѣть стали.

Простомолотовъ.

Да отъ лѣса-то вѣдь сырость идетъ. Песокъ-отъ здоровѣе.

Чагадаевъ.

Ну, толкуй тутъ, мнѣ некогда. Заходи вечеркомъ когда.

Простомолотовъ.

Значитъ, о рощѣ и не думать?

Чагадаевъ.

И не думай.

Простомолотовъ.

Грѣхи! Въ такомъ разѣ, прощенья просимъ!
(Уходитъ. Слѣва, по аллеѣ, что сзади акацій, входитъ Вѣра).

II.

ЧАГАДАЕВЪ *и* ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вѣра Александровна.

Ты куда? Я поговорить съ тобой хотѣла.

Чагадаевъ.

Некогда мнѣ,—на заводъ я иду.

Вѣра Александровна.

Дѣло важное.

Чагадаевъ.

Такъ неужели же такъ загорѣлось, что вотъ сейчасъ?

Вѣра Александровна.

Да когда же? Ты цѣлый день снуешь изъ стороны въ сторону. Вечеромъ придешь въ спальню, какъ колода бухнешься на кровать, и храпишь такъ, что собаки лаютъ.

Чагадаевъ.

За день-то, я думаю, можно устать.

Вѣра Александровна.

То-то и есть. Вотъ я и выбираю время, пока ты еще свѣжъ.

Чагадаевъ, *глядя на часы.*

Я сорокъ минутъ назадъ вышелъ изъ дому,—меня уже три раза перехватывали по дорогѣ,—а я изъ воротъ выйти не могу. Я вѣдь на минутку, сейчасъ освобожусь.

Вѣра Александровна.

Да и я къ тебѣ на минутку. Ты не злись, а слушай.

Чагадаевъ, *садясь.*

Ну, барабань живѣе, такъ и быть.

Вѣра Александровна.

Скажи, пожалуйста,—Волховской долго у насъ проживетъ?

Чагадаевъ.

Не знаю,—онъ можетъ совсѣмъ здѣсь поселится.

Вѣра Александровна.

Какъ? здѣсь? у насъ въ домѣ?

Чагадаевъ.

Ну, можетъ быть и не въ домѣ,—я не знаю, а вообще въ этомъ краѣ.

Вѣра Александровна.

Зачѣмъ?

Чагадаевъ.

Хозяйничать.

Вѣра Александровна.

Да какой же онъ хозяинъ!

Чагадаевъ.

Я помогать ему буду,—отчего-жъ ему не хозяйничать? Да и наконецъ тебѣ же будетъ веселѣе. Вмѣстѣ будете музицировать, гулять...

Вѣра Александровна.

Ну, а если онъ будетъ за мной ухаживать?

Чагадаевъ.

Такъ мнѣ-то что? На здоровье!

Вѣра Александровна.

Какъ на здоровье? Что тебѣ за радость, что по околотку будутъ про насъ трезвонить?

Чагадаевъ, *дѣлаетъ движенiе встать.*

Стоило меня останавливать изъ-за такого вздора.

Вѣра Александровна.

Постой, постой! Ну, а если онъ влюбится?

Чагадаевъ.

Такъ Господь съ нимъ! Да ужъ онъ, кажется, и теперь врѣзался въ тебя. А что же,—ты у меня ничего! Ишь ты! *(Щелкаетъ ее пальцами по подбородку).* Хоть куда! и одѣваться умѣешь. Все это у тебя такъ пригнано, пристроено; тобою всякiй заинтересуется.

Вѣра Александровна.

Я тебя, ей-Богу, не понимаю,—что ты такое несешь?

Чагадаевъ.

То-есть, какъ это несу?

Вѣра Александровна.

Ты подумай, чтò ты говоришь.

Чагадаевъ.

Что-жъ я, кажется, все какъ надо. Эка, невидаль, что въ жену влюбятся! Ужъ, это, значитъ, плоха та жена, на которую никто не обращаетъ вниманiя.

Вѣра Александровна.

Онъ мнѣ на нервы дѣйствуетъ.

Чагадаевъ.

Это отчего? Что за новости! Молодой, красивый, умный, образованный—и вдругъ—на нервы! Что-жъ у тебя за нервы послѣ этого? Ну, сдерживай ихъ, что ли.

Вѣра Александровна.

Помилуй, да я цѣлые дни съ нимъ. Съ утра, какъ только выйду къ чаю, и вплоть до вечера, онъ такъ за мной по-пятамъ и ходитъ. Я даже съ тобой поговорить не могу. Чуть я къ тебѣ—и онъ хвостомъ тянется.

Чагадаевъ.

Ревнуетъ! ха-ха!

Вѣра Александровна.

Чего же ты смѣешься?

Чагадаевъ.

Да какъ же не смѣяться: *онъ тебя* ко *мнѣ* ревнуетъ... Ха-ха!

Вѣра Александровна.

Послушай,—ну, а если... если я влюблюсь въ него?

Чагадаевъ, *обрывая смѣхъ.*

Что? Ты, въ него? *(Быстро встаетъ и совершенно серьезно).* Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя.

Вѣра Александровна.

Отчего же?

Чагадаевъ, *ходитъ.*

Отчего же? Да оттого что... Я не знаю—отчего... но это невозможно. Какъ же это такъ?—вѣдь ты замужняя женщина!...

Вѣра Александровна.

А вдругъ?

Чагадаевъ, *топая ногой.*

Не смѣй говорить такого вздора,—я не хочу слушать. То-есть, что̀ это вамъ, бабамъ, за вздоръ въ голову приходитъ—это ужасъ!

Вѣра Александровна.

Но вѣдь, согласись самъ, онъ, по твоимъ же словамъ, и молодой, и красивый...

Чагадаевъ.

Ей-Богу, паклей уши заткну! Что тебѣ за охота пришла вдругъ дразнить меня?

Вѣра Александровна.

Ого,—да и ты ревнивъ.

Чагадаевъ.

Я? Я! Никогда! Я только люблю поступать по логикѣ—и больше ничего. Скажи, пожалуйста, ну съ какой стати я буду ревновать тебя къ школьному другу?

Вѣра Александровна.

Ну, этотъ школьной другъ...

Чагадаевъ.

Что? Что?..

Вѣра Александровна, *мѣняя тонъ.*

Полагаю, такой же, какъ и другіе.

Чагадаевъ, *ходитъ.*

Положимъ, дѣйствительно, онъ насчетъ женскихъ юбокъ ходокъ. Исторія съ актрисой Коробчевской извѣстна была всему Петербургу. Потомъ онъ увезъ жену одного адъютанта. На дуэль его вызывали — онъ, кажется, потому-то и изъ полка вышелъ.

Вѣра Александровна.

Вотъ онъ какой!

Чагадаевъ.

Положимъ, еще была одна исторія съ ревельской француженкой, которая выдавала себя за англичанку,—но я полагаю, что это все минуло...

Вѣра Александровна.

А ихъ много было?

Чагадаевъ.

Кого?

Вѣра Александровна.

Всѣхъ этихъ ревельскихъ француженокъ, актрисъ, адъютантшъ?...

Чагадаевъ.

При мнѣ много,—а потомъ, когда мы разстались,—не знаю. Можетъ онъ остепенился.

Вѣра Александровна.

Оно и видно.

Чагадаевъ.

Да,—и я убѣжденъ, что это тебѣ кажется...

Вѣра Александровна.

Кажется?... Однако это постоянное цѣлованіе ручекъ.

Чагадаевъ.

Ого!...

Вѣра Александровна.

Эти вѣчныя темы разговора: онъ по обычной программѣ дѣйствуетъ. Знаешь, совершенно изъ французской пьесы: любовникъ, добивающійся взаимности.

Чагадаевъ.

Во всякомъ случаѣ, все это вздоръ. Онъ поселится возлѣ насъ, мы его женимъ, и будетъ все прекрасно.

Вѣра Александровна.

На комъ же ты собираешься его женить?

Чагадаевъ.

Найдемъ невѣсту.

Вѣра Александровна.

Онъ, кажется, вообще, жениться не располагаетъ...

Чагадаевъ.

Заставлю! Онъ меня во всемъ слушаетъ. И женится, и помѣщикомъ будетъ. Выкинь ты весь этотъ вздоръ изъ головы. Я тебѣ прямо скажу: я настолько считаю себя и тебя порядочными людьми, что не могу себѣ представить и вообразить, чтобы мы... Да помилуй,—отчего же я, наконецъ, ни въ кого не влюбленъ! *(Цѣлуетъ жену въ лобъ).* Я пойду на заводъ, а ты выбрось все это изъ головы! А-а! Идетъ, возсталъ отъ сна.

III.

Тѣ-же *и* **ВОЛХОВСКОЙ**—*слѣва.*

Волховской, *цѣлуя руку Вѣры.*

Сыро сегодня.

Чагадаевъ.

Ты слышалъ, въ шесть часовъ какой дождикъ лилъ?

Волховской.

Какъ же,—я даже проснулся. Барабанитъ по крышѣ какъ горохъ. Мнѣ во снѣ Богъ знаетъ что снилось—домовые какіе-то,—кто-то все наваливался на меня...

Вѣра Александровна.

Вы на ночь много простокваши кушаете.

Волховской.

Какъ? Вы замѣтили?

Чагадаевъ.

Не обращай на нее вниманія: у нея есть эта привычка привязываться ко всему. Слушай, вотъ въ чемъ дѣло: я говорилъ съ Простомолотовымъ насчетъ мельницы.

Волховской.

Избави ты меня, Бога ради, отъ этой мукомольни. Вторую недѣлю ты пристаешь ко мнѣ... Дай мнѣ подумать.

Чагадаевъ.

Ангелъ мой, нельзя же шалберничать цѣлые дни. Ну, хорошо пофинтить, повертѣться день, другой,—ну, а потомъ надо же и за работу... Вѣдь нельзя же цѣлыми днями Шопена разыгрывать, да ручки цѣловать.

Волховской, *смущенно.*

Позволь... какія ручки?

Чагадаевъ, *не слушая, продолжаетъ.*

Какъ въ тебѣ самомъ нѣтъ этой потребности къ дѣятельности! А тутъ еще такой случай подвертывается: единственная мельница въ цѣлой округѣ. Да вѣдь какъ строэна-то! Стѣнъ лѣтъ на двѣсти хватитъ: толще полутора аршина,—пушкой не прошибешь.

Волховской.

Мнѣ, голубчикъ мой, этой дряни даромъ не надо. Я вѣдь не бельмеса—ни въ жерновахъ, ни въ зернѣ, ни въ мукѣ...

Чагадаевъ.

Да ты, когда родился-то, тоже вѣдь ничего не зналъ? Однако родители не отчаялись—выучили тебя; изъ безсловеснаго младенца вонъ какимъ сдѣлали? Вѣдь всякія знанія пріобрѣтаются, а не съ луны падаютъ. Отчего же ты въ одинъ мѣсяцъ не узнаешь всю мельничную махинацію? Вѣдь къ тебѣ крестьяне повалятъ. Вѣдь ты деньги лопатой загребать будешь...

Волховской.

Отчего же ты самъ этой мельницей не займешься?

Чагадаевъ.

Оттого, что я не могу разорваться,—я не могу болтаться какъ за языкъ повѣшенный цѣлые сутки. Я цѣлый часъ иду на заводъ и дойти не могу,—то этотъ Простомолотовъ, то... *(Прислушивается; вдали колокольчикъ).* Слышишь? вѣдь это къ намъ кто-то гонитъ... Я не могу... Я уйду тѣми воротами,—а то тутъ до вечера съ вами простоишь...

Вѣра Александровна, *глядя на дорогу.*

Это становой.

Чагадаевъ.

А,—ну этотъ не задержитъ. Я тебѣ говорю,—бери мельницу обѣими руками. Край здѣсь благословенный,—за что ни возьмись, ни копни,—изъ земли такъ деньги и лѣзутъ. Горохъ начни засѣвать, и то польза...

Волховской.

Ну, вотъ съ горохомъ теперь...

Чагадаевъ.

Да ты знаешь, что гороха у насъ на 60 верстъ нѣтъ! Для артели рабочіе возятъ горохъ-то изъ города. А засади-ка ты имъ зады,—посмотри что будетъ.

Волховской.

Какіе зады?

Чагадаевъ.

У мельницы зады. Тамъ ты что хочешь сѣять можешь. А потомъ вѣсами торговать! Ты слыхалъ, какъ вѣсами торгуютъ? Поставить надо большіе вѣсы, для вѣски сѣна,—и будешь брать съ воза. Много ли тебѣ вѣсы обойдутся,—а процентъ принесутъ невѣроятный.

Волховской.

Ну, кàкъ я съ этимъ сѣномъ... Вздоръ ты все толкуешь!

Чагадаевъ.

Вздоръ? Ну, а воздухъ этотъ—тоже вздоръ? Ты посмотри, благодать какая? Нѣтъ, вдохни въ себя воздухъ посильнѣе, вотъ такъ, всей грудью. А? Чувствуешь? Ну, еще, еще разъ! Каковъ? И ты отсюда уѣдешь? Да я при женѣ скажу, по старой дружбѣ, что ты круглымъ болваномъ будешь, если уѣдешь. Вѣдь ты здоровъ будешь, какъ быкъ,—вѣдь тебя отъ здоровья такъ разопретъ, что ты поперекъ себя будешь толще,—хоть въ балаганахъ показывайся,—да, вотъ что! А ты ѣхать!..

IV.

Тѣ-же *и* **СМАРАГДОВЪ.** *На немъ бѣлый китель и фуражка. Усы и голова палевые; брови и рѣсницы такія же,— щечки розовыя. Галантенъ до приторности.*

Смарагдовъ.

Мое почтенье! Какъ ваше здоровье?

Чагадаевъ.

Мой товарищъ изъ Петербурга, Волховской. Нашъ становой.

Смарагдовъ.

Имѣлъ счастіе слышать о вашемъ пріѣздѣ...

Чагадаевъ.

Зачѣмъ пожаловали, Григорій Григорьевичъ? Садитесь.

Смарагдовъ.

Къ вамъ за совѣтомъ. А вы не боитесь сырости, Вѣра Александровна,—вы такъ легко одѣты?

Вѣра Александровна.

Тепло.

Смарагдовъ.

Я къ вамъ за совѣтомъ, почтеннѣйшій Михаилъ Ивановичъ,—осмѣлился васъ побезпокоить. Просто голову потерялъ. У васъ не была госпожа Третьякова? Не слыхали вы о тѣхъ ужасахъ, что произошли у нихъ въ деревнѣ?

Чагадаевъ.

Слышалъ о пожарѣ какомъ-то. Говорятъ, потушили скоро.

Смарагдовъ.

Ужасное обстоятельство,—изъ ряда вонъ выходящее. *(Волховскому).* Вообразите, дѣло происходитъ въ селѣ Кряжневѣ, бывшемъ имѣніи госпожи Третьяковой. Можете себѣ представить, они—эти мужики—даютъ зарокъ: отнюдь не пьянствовать. Нэсъ-па, сэ трэ-з-аг-реабль?

Волховской.

Прекрасно.

Смарагдовъ.

Даютъ зарокъ торжественно на сходкѣ. Ну, понимаете, призываютъ пастыря, образъ ставятъ на столъ, посреди площадки, и составляютъ зарокъ. И такъ длится не болѣе не менѣе, какъ четыре года. Можете представить—

никто не пьетъ! Ближайшій кабакъ чуть не за пять верстъ. Дѣйствительно, надо сознаться,—ни дракъ, ничего такого у нихъ не слышно. Но вотъ, позапрошлое воскресенье у нихъ происходитъ невозможное событіе.—Есть тамъ мужикъ Ксенофонтовъ.

Чагадаевъ.

Знаю. Гадина порядочная.

Смарагдовъ.

Положимъ, гадина — я согласенъ — онъ гадина, — но вы послушайте, что произошло. Открываетъ онъ на Ѳоминой недѣлѣ,—вопреки зароку, чтобы кабаковъ не держать, — открываетъ у себя въ своемъ домѣ распивочную торговлю. Натурально, мужики возмутились. Говорятъ: «Ты, Ксенофонтовъ, понимаешь, долженъ закрыть». Онъ, какъ собственникъ, основывается на законномъ правѣ, говоритъ: «мнѣ вашъ зарокъ не указъ».—Тѣ—туда, сюда,—рьенъ дю ту! Ничего не подѣлать. Тогда, можете себѣ представить, что они дѣлаютъ. Позапрошлое воскресенье приходятъ къ нему въ кабакъ, спрашиваютъ пива, вина, начинаютъ пить. Вы ясно слѣдите за ходомъ моего разсказа?

Волховской.

Ну, ну! я отлично понимаю.

Смарагдовъ.

Пардонъ:—быть можетъ вамъ, какъ столичному жителю, не ясны наши черноземные нравы. Ну-съ, пьютъ. И вдругъ, можете себѣ представить,—изъ-подъ пола—дымъ. Этакія струйки черезъ щели...

Чагадаевъ, *нетерпѣливо.*

Ну, да —загорѣлось.

Смарагдовъ.

Очевидно. Какъ этотъ дымъ увидѣли,—всѣ, кто былъ въ избѣ, повыскакали и во весь голосъ: «пожаръ, пожаръ, пожаръ!» Натурально, сейчасъ въ набатъ — со всѣхъ сторонъ люди—съ баграми, ведрами, топорами и

въ десять минутъ избу снесли до основанія. Посуда перебита, вино выпущено на землю... Между тѣмъ когда я прибылъ для слѣдствія,—оказывается, что никто избы не ломалъ—всѣ только поливали.—«Мы, говорятъ, себя спасали,—если бы, говорятъ,—pardon за выраженіе,—если бы огонь пошелъ чесать, мы бы, говорятъ, животовъ своихъ не унесли». Всѣ, оказывается, только поливали, да и то больше урядника, чѣмъ домъ...

Чагадаевъ, *хохочетъ.*

Смѣшно!..

Волховской.

Это не безынтересно.

Смарагдовъ.

Теперь, можете себѣ представить, госпожа Третьякова держитъ совершенно ихъ сторону. Я пріѣхалъ на разборъ дѣла, она является тоже въ избу и такихъ вещей мнѣ наговорила, что я не только по своему служебному положенію, но и какъ частное лицо не могу перенести.

Чагадаевъ.

Она баба хорошая, дѣловая баба,—вы на нее напрасно; знаете, если бы такихъ женщинъ было побольше—хо-хо! Это вѣдь отлично, что она васъ всѣхъ въ рукахъ держитъ.

Смарагдовъ.

Но слушайте, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ,—что же мнѣ дѣлать?

Чагадаевъ.

Ну, пусть урядникъ жалуется нашему мировому.—Князь всѣхъ въ холодную посадитъ—онъ не постѣснится... Батюшки, опять кто-то ѣдетъ... Нѣтъ, ужъ довольно... *(Женѣ).* Коли спросятъ меня, скажи, что скоро буду... А вы бросьте всю эту исторію... Ай, застанутъ! *(Скрывается въ глубину).*

IV.

Тѣ-же *безъ* **ЧАГАДАЕВА.** *Потомъ* **ТРЕТЬЯКОВА.**

Смарагдовъ.

Пренепріятно. До некъ-плюсъ-ультра пренепріятно. Служебныя обязанности съ одной стороны,—отношенія къ помѣщикамъ съ другой стороны. До чего вообще осложнилась жизнь...

Третьякова, *направо изъ воротъ. Она подъѣхала въ карафашкѣ, на маленькой лошадкѣ. На ней непромокаемый плащъ съ башлыкомъ.*

Вотъ вы гдѣ! *(Бѣжитъ прямо къ Смарагдову).* Вы отъ меня прятаться? Я-то васъ ищу по всему уѣзду, а вы вотъ гдѣ!

Смарагдовъ.

Извините—я не прячусь, въ моемъ званіи...

Третьякова.

Да я васъ, сударь вы мой,—я васъ такъ проучу, не смотря на званіе ваше... *(Къ Вѣрѣ Александровнѣ).* Здравствуйте, шерочка, здравствуйте, милая. Извините, я сегодня въ ругательномъ настроеніи. А это—гость вашъ питерскій?—Ну, давайте руку. Фу, да вы чистый какой, жилетъ бѣлый! А отъ меня кожей, да дегтемъ такъ и несетъ...

Вѣра Александровна.

Милости просимъ, Агриппина Петровна,—вы вся вымокли,—пойдемте въ домъ.

Третьякова.

Ни-ни! Я въ брезентѣ непромокаемомъ! Да я и не въ гости къ вамъ. Я вотъ эту юлу увидѣла черезъ заборъ, да и соскочила, не могу не поругаться. *(Волховскому).*

Вы даже глаза вытаращили на такое чудовище, думаете, что я съ цѣпи сорвалась? Пріучайтесь, батюшка, пріучайтесь.

Вѣра Александровна.

Онъ, Агриппина Петровна, чудесный мукомолъ, такъ мелетъ!

Третьякова.

А гдѣ же мельница?

Вѣра Александровна.

У мужа покупаетъ.

Третьякова.

Давайте руку, сосѣдями будемъ. Пріятно,—можетъ вы меня, сироту, подъ свое покровительство возьмете.

Волховской.

Я радъ служить, чѣмъ могу,—если только вы находите, что я способенъ быть защитникомъ,—но кто же васъ угнетаетъ?

Третьякова.

Всѣ, батюшка, всѣ!

Волховской.

Ай! Неужели?

Третьякова.

А я существо беззащитное...

Смарагдовъ.

Ого!...

Третьякова.

Нечего «ого!»—Я вѣдь—одна, понимаете, какъ есть одна. Два племянника въ кадетскихъ корпусахъ въ Петербургѣ,—теперь въ Красномъ на маневрахъ. Объ нихъ же надо печься. А ни вокругъ, ни около никого. Муженекъ-отъ вашъ гдѣ?

Вѣра Александровна.

На заводѣ.

Третьякова.

Люблю! Всегда за дѣломъ! Ну, а вы что же свою муку не мелете?

Волховской.

Время не приспѣло.

Третьякова.

Вы ко мнѣ — коли какое затрудненіе — обращайтесь прямо. Сама я существо беззащитное, а другому помогу всегда. Я многимъ помогла. Хозяйство я вѣдь понимаю досконально, потачки никому не даю. Чуть кто обидитъ васъ—ко мнѣ,—въ судъ не подавайте—не стоитъ. Законы я лучше судейскихъ знаю, да и прокуроръ мнѣ родня—на внучатной племянницѣ женатъ, и думаетъ, что я ему наслѣдство оставлю. Пускай думаетъ, мнѣ же лучше.

Волховской.

Я слышалъ, у васъ дивное имѣніе...

Смарагдовъ.

Милліонное-съ, а сами прислуги не держатъ, въ пустомъ домѣ живутъ.

Третьякова.

Какъ въ пустомъ?—у меня Серафима живетъ.

Смарагдовъ.

Кривая, ей-ей, кривая, и лѣтъ ей подъ семьдесятъ!

Волховской.

Какъ же въ глухую осень, зимой, вы не боитесь?

Третьякова.

Какъ не боюсь? ужасно боюсь! Два года назадъ ко мнѣ ночью разбойники полѣзли. Каково положеніе! Я существо беззащитное—думаютъ, что деньги есть, и лѣзутъ. Я вижу: мужичище здоровенный, черезъ окно ко мнѣ въ комнату, и ноги ужъ, подлецъ, перенесъ. Я кричу: какъ ты, мошенникъ, смѣешь, я въ тебя изъ пистолета буду палить,—а онъ все лѣзетъ...

Волховской.

Ну и что же, скажите, пожалуйста?

Третьякова.

Ну, я тутъ перепугалась—какъ хлопну въ него изъ револьвера. А у меня онъ всегда съ собою. *(Внезапно вынимаетъ изъ бокового кармана бульдогъ).* Извольте видѣть, на шесть стволовъ заряженъ.

Смарагдовъ.

Спрячьте, пожалуйста, я ужасно этого боюсь.

Волховской.

И что же дальше?

Третьякова.

Да ничего,—я промахнулась, а онъ убѣжалъ.

Смарагдовъ.

Помилуйте, какъ промахнулись? Все окно въ крови, на снѣгу кровь,—потомъ по этой ранѣ и преступника-то поймали.

Волховской.

Такъ вотъ вы какія! Нѣтъ, ужъ лучше вы меня подъ свое покровительство возьмите...

Третьякова.

Вы женаты?

Волховской.

Нѣтъ.

Третьякова.

Ну, такъ я женю васъ первымъ долгомъ.

Вѣра Александровна.

Въ одно слово съ Мишей—онъ хочетъ того же.

Третьякова.

Безподобно! Вашу руку. Даю вамъ слово, что черезъ полгода...

Волховской.

Не давайте, не давайте,—я врагъ семейной жизни и семейныхъ началъ!

Третьякова.

Что-о? Да какъ вы смѣете это говорить,—при женщинахъ такія неприличности! Васъ въ монастырь на покаяніе за это! Вотъ я напишу преосвященному.

Волховской.

Оставьте,—что вы! Я развѣ затѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобы на меня эпитемьи накладывать.

Третьякова.

Ой, примусь я за васъ, берегитесь,—плохо будетъ...

Волховской.

Я,—ужъ если всѣ такъ хотятъ,—муку стану молоть, извольте. Но не жените меня,—ей-Богу нехорошо будетъ, я рѣшительно къ домашнему очагу неспособенъ.

Третьякова.

Ну, поговоримъ тамъ. Я спеціально для васъ пріѣду... А теперь съ вами надо покончить, monsieur становой. Вы что это, ангелъ мой, съ колокольчикомъ по уѣзду рыскаете, да кричите, что я всякимъ буйствамъ потакаю?

Смарагдовъ.

Жэ-ву-з-асюръ...

Третьякова, *грозя пальцемъ.*

Вы у меня смотрите,—чтобы языкъ за зубами держать. Я вѣдь вамъ такого задамъ... Вы пользуетесь тѣмъ, что я существо беззащитное, такъ вѣдь я вамъ покажу! Я два слова скажу—и вѣдь конецъ вамъ будетъ. Неправды я не потерплю...

Смарагдовъ.

Боже мой,—да какъ же я смѣю,—Господь съ вами...

Третьякова.

Да вѣдь я голову прозакладаю, что вы сплетничать сюда пріѣзжали. По лику вашему вижу, вѣдь вы покраснѣли съ носу: вы съ носу всегда краснѣете. Ну, ѣдемъ сейчасъ.

Смарагдовъ.

Куда?

Третьякова.

Не ваше дѣло, увидите.

Смарагдовъ.

Но, позвольте, по долгу службы...

Третьякова.

Какой долгъ службы, — колоторите вы здѣсь — и больше ничего. Ну, маршъ.

Смарагдовъ.

Странная вы женщина. *(Пожимаетъ плечами)*. Странная! До свиданья, Вѣра Александровна. Мое почтеніе, Викторъ Петровичъ...

Третьякова.

Прощайте, шерочка, мужа поцѣлуйте.—А васъ я женю. *(Смарагдову)*. Ну-съ, ѣдемъ,—накланялись довольно, пожалуйте!... *(Уходятъ оба въ ворота)*.

VI.

ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА *и* ВОЛХОВСКОЙ.

На небѣ хмурится.

Волховской.

Н-да-съ,—экземплярцы у васъ интересные! Здѣсь поживешь, насмотришься кой-чего. Изъ нашего Петербурга этого не видно. Мнѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ нравиться здѣсь все больше и больше.

Вѣра Александровна.

Право?

Волховской.

Право. Такъ какъ же насчетъ мельницы? Вы какъ думаете?

Вѣра Александровна.

А ужъ, это не мое дѣло.

Волховской.

Вы какъ совѣтуете,—оставаться мнѣ здѣсь?

Вѣра Александровна.

Ваше дѣло. Выгодно ли это вамъ?

Волховской.

Ахъ, да я не про то...

Вѣра Александровна.

Отчего же не про то? Вѣдь и выгода дѣло не последнее.

Волховской.

Боже! До чего вы подпали вліянію мужа! Какъ вамъ не стыдно? Вы такая милая, чудесная, губки у васъ такія славныя—и вдругъ выгодно! Чортъ знаетъ что!

Вѣра Александровна.

Да отчего же! Всякій человѣкъ ищетъ гдѣ лучше.

Волховской.

А,— это другое дѣло! Вы сказали — «лучше!» — «Лучше» — это дѣло великое. — Вотъ и вопросъ теперь,—а гдѣ мнѣ будетъ лучше — здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

Вѣра Александровна.

Вамъ рѣшать.

Волховской.

Рѣшите вы—будь что будетъ: какъ вы скажете, такъ все и рѣшится.

Вѣра Александровна.

Ну, нѣтъ, такой отвѣтственности брать на себя я не стану. Да и съ какой стати: я вамъ не тетушка и не бабушка...

Волховской.

Вы чудесное созданіе! Я что въ васъ люблю, какую-то непосредственную свѣжесть взгляда. Въ васъ какая-то особенная чистота. Вѣдь теперь что у насъ за женщины пошли: ни искренней теплоты чувствъ...

Вѣра Александровна, *протягивая руку.*

Смотрите-ка, дождикъ начинается,—я платье испорчу. Пойдемте сюда. *(Идутъ въ бесѣдку).*

Волховской.

Я все удивляюсь на васъ: какъ вы не рветесь отсюда.

Вѣра Александровна.

Куда?

Волховской.

На просторъ, на волю!

Вѣра Александровна.

Да я на просторѣ,—дѣлаю, что хочу. Сосѣдей много, городъ подъ бокомъ, ѣзжу на иноходцѣ,—учу дѣвочекъ. Вы знаете: у меня есть дипломъ на званіе учительницы.

Волховской.

Да это все не то.

Вѣра Александровна.

Чего же вамъ надо? Не китовъ же мнѣ ѣхать ловить, какъ вы разсказывали.

Волховской.

Видите, какая вы злая...

Вѣра Александровна.

Нисколько я не злая, а только рѣшительно васъ не понимаю. Мужъ васъ идеалистомъ называетъ,—ну, какой вы идеалистъ? Развѣ идеалистъ на китовъ ходитъ? Вы совсѣмъ человѣкъ реальный. Только вы не знаете, что вамъ дѣлать. Если бы у васъ не было средствъ, вы бы ходили и ныли, что вамъ ѣсть нечего. А вы, къ несчастію, обезпечены, дѣлать вы рѣшительно ничего не умѣете, все у васъ изъ рукъ валится, ни къ чему вы пристрастія не чувствуете,—и поэтому начинаете негодовать на окружающее.

Волховской.

Такъ неужели лучше, вотъ какъ вашъ мировой, — взять борону, одеколонъ, да и отправиться на поле?

Вѣра Александровна.

Лучше. Все-таки это хоть гимнастика. А вѣдь нельзя же дальше книжки и газеты ничего не видѣть. Вѣдь васъ послушать только: вы ко всему подходите съ вашей петербургской мѣркой.

Волховской.

Ой-ой! однако, какъ вы меня... Больные мы люди,—по латинской поговоркѣ, думаемъ смѣхомъ исправлять нравы.

Вѣра Александровна.

Да нельзя такъ,—ей-Богу не люблю злючекъ. Я еще сегодня говорила мужу, что вы мнѣ на нервы дѣйствуете. Отчего все дурно, все скверно,—только мы хороши!

Волховской.

Экая вы умница—какъ по писанному, такъ и рѣжете. Вотъ вы говорите, что злыхъ не любите, ну, а если я въ добраго превращусь?

Вѣра Александровна.

Смотрите, а дождикъ-то сильнѣе.

Волховской.

Такъ что же? Покупать мельницу, оставаться? Будетъ ли мнѣ здѣсь «лучше»?

Вѣра Александровна.

Не знаю.

Волховской.

Я думаю, что будетъ. Здѣсь есть сочувствующіе мнѣ люди,—и Миша, и вы...

Вѣра Александровна.

А развѣ въ другихъ-то мѣстахъ этихъ сочувствующихъ людей нѣтъ?

Волховской.

Гдѣ же?

Вѣра Александровна.

Ну, напримѣръ, актриса Коробчевская?

Волховской, *вспыхнувъ.*

Что? Откуда вы?...

Вѣра Александровна.

А что?

Волховской.

Да нѣтъ,—это все Михаилъ,—и какъ ему не стыдно! Какая актриса! Ну да,—если и было заблужденіе...

Вѣра Александровна.

А жена адъютанта?

Волховской.

Вы и это?... Ай-ай-ай,—какъ это нехорошо со стороны Михаила,—какъ это нехорошо.

Вѣра Александровна.

Потомъ англичанка изъ Ревеля... Это все до китовъ еще было?

Волховской.

Послушайте, Вѣра Александровна, неужели вы не понимаете, что все это увлеченія. Это все дань молодости...

Вѣра Александровна.

Господи! Сколько этой дани приходится вамъ платить! И все изъ-за женщинъ. А въ результатѣ женщины считаютъ себя несчастными изъ-за васъ...

Волховской.

Вѣдь все прошлое забыто,—ну, стóитъ ли о немъ говорить! Есть только настоящее, а о быломъ не надо ни вспоминать, ни думать. Я чувствую вашу близость, чувствую васъ,—и нѣтъ для меня другого міра—и все забыто...

Вѣра Александровна.

И ревельскія англичанки, и адъютантши...

Волховской.

Все забыто, все! Слушайте, Вѣра... я не шучу, я заговорилъ серьезно... *(Схватываетъ ее за руку).*

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, не надо этого. Пожалуйста, не надо...

VII.

Тѣ-же *и* **ЧАГАДАЕВЪ.** *Онъ показывается изъ аллеи подъ проливнымъ дождемъ; воротникъ его пиджака поднятъ, поля у шляпы отворочены, панталоны подвернуты, руки въ карманахъ; онъ быстрой походкой направляется къ бесѣдкѣ.*

Волховской.

Я готовъ здѣсь остаться. Я останусь. Мнѣ не нужно ни Петербурга, ни прежней жизни, ничего...

Вѣра Александровна.

Ахъ, да замолчите...

Волховской.

Но знайте—я останусь только для васъ...

Чагадаевъ, *остановившись.*

Ого!...

Волховской.

Я готовъ и хозяйствомъ обзавестись,—не только муку молоть—воду возить,—лишь бы съ вами быть...

Чагадаевъ.

Ого!

Волховской.

Я колебался, но теперь не колеблюсь,—говорю твердо и рѣшительно: я остаюсь!..

Чагадаевъ.

Ого! *(Быстро направляется въ другую сторону. Дождь еще сильнѣе).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лужайка въ саду Чагадаева. Въ глубинѣ—печурка для варки варенья. Скамейки и столы.—Вечеръ.

I.

У печурки **ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА,** *съ полотенцемъ черезъ плечо, возится съ тазиками. Возлѣ нея* **ЛИЗА.**—*На авансценѣ* **ВОЛХОВСКОЙ** *сидитъ на скамейкѣ рядомъ съ* **ЛЮБОВЬ ИВАНОВНОЙ.**

Волховской *ѣстъ варенье.*

Удивительно! поразительно! восхитительно! ароматъ, вкуснота!

Любовь Ивановна.

Знаете, она такая мастерица, такая мастерица! Какъ она грибы маринуетъ.

Волховской.

Вѣра Александровна, выучите меня грибы мариновать. Возьмите въ ученики.

Вѣра Александровна.

А вы понятливы?

Волховской.

Я, видите, очень переимчивъ.

Любовь Ивановна *хохочетъ.*

Волховской.

Чего вы?

Любовь Ивановна.

Какъ это вы сказали: переимчивъ! На хорошее или на дурное?

Волховской.

Я на все переимчивъ. *(Смотритъ на Любовь Ивановну).* Какая вы сегодня интересная въ этомъ костюмѣ, прелесть!

Любовь Ивановна.

Это я сама вышивала: мордовскій нарядъ.

Волховской.

О, какая мастерица. *(Наклоняется, чтобы разсмотрѣть узоръ, и беретъ ее за руку).*

Любовь Ивановна.

Ай-ай!...

Волховской.

Что вы?

Любовь Ивановна.

Я боюсь щекотки!

Вѣра Александровна.

Любочка, что съ вами?

Любовь Ивановна.

Нѣтъ, вы не знаете, до чего я боюсь... Вотъ если мнѣ бородой по щекѣ или по шеѣ провести—такъ я на весь садъ крикну.

Вѣра Александровна.

Любочка, можно ли такія глупости говорить!

Любовь Ивановна.

Ей-Богу, душечка,—вы не вѣрите? ей-Богу! А то вотъ еще...

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не разсказывайте...

Любовь Ивановна.

Викторъ Петровичъ, правда, что я много глупостей говорю?

Волховской.

Гм... какъ вамъ сказать... порядочно!..

Любовь Ивановна.

Ахъ, я сама чувствую. Да вѣдь что же дѣлать? Я вѣдь пробовала и про умныя вещи говорить,—ничего не выходитъ.

Волховской *смѣется.*

Ничего?

Любовь Ивановна.

Ничего. Вотъ иногда у Михаила Ивановича, либо у отца Игнатія, соберутся умные люди и поднимутся самые умные, самые умные разговоры. Такъ это все возвышенно, хитро, — ну, ну, что ни на есть мудреныя слова—всѣ скажутъ. Сижу я въ уголкѣ, всѣхъ слушаю, такъ смирнехонько, тихохонько. И вдругъ мнѣ покажется, что всѣ они чепуху городятъ, воду толкутъ, и что гораздо лучше взять кузовокъ, да пойти въ лѣсъ за грибами, или на лодкѣ кататься, или на качели пойти. Вы на качеляхъ любите качаться?

Волховской.

Не особенно.

Любовь Ивановна.

Васъ тошнитъ должно быть?

Вѣра Александровна.

Любочка, да полно вамъ.

Любовь Ивановна.

Нѣтъ, вѣдь это бываетъ. Вотъ нашъ предводитель не можетъ спиной къ кучеру ѣздить, у него мигрень подымается... Ну, чего вы все хохочете? Ей-Богу, вы меня за дуру принимаете, за совсѣмъ, совсѣмъ глупышку какую нибудь. Вотъ и не надо было вамъ разсказывать, что я умныхъ рѣчей не понимаю...

Волховской.

Драгоцѣнная Любовь Ивановна,—все вы понимаете отлично, превосходно,—вы въ самую суть жизни про-

никли. Никакіе Ньютоны и Эдиссоны ничего не стоятъ передъ вашимъ міросозерцаніемъ,—а все потому, что вы хорошенькая.

Любовь Ивановна.

А это кто такіе?

Волховской.

Кто?

Любовь Ивановна.

Мужчины эти, о которыхъ вы говорите?

Волховской.

Мужчины? Да очень они ужъ умные... Такіе, что и говорить-то страшно о нихъ,—и всѣ они не стоятъ вашего мизинчика.

Вѣра Александровна.

Викторъ Петровичъ,—теперь ужъ васъ слѣдуетъ останавливать: не очень ли вы черезъ край?... *(Подходитъ къ авансценѣ).*

Волховской.

Кончили?

Вѣра Александровна.

Совсѣмъ. — Лиза, завяжи банки. Я девять тазиковъ сварила.

Волховской.

Почему же вы думаете, что я «черезъ край»?

Вѣра Александровна.

Ну, чего ради вы приплели Ньютоновъ и Эдиссоновъ?

Волховской.

Какъ, чего ради? Да вы взгляните: вечеръ безподобный—и тепло, и прохладно, хорошо, чудесно, не ушелъ бы. Истома такая нападаетъ,—вотъ такъ бы кажется и обнялъ всѣхъ...

Любовь Ивановна.

Вотъ-вотъ!.. И у меня тоже!..

Волховской.

Ну, что всѣ эти Ньютоны! Что онъ тамъ подъ деревомъ сидѣлъ, да законъ тяготѣнія открылъ и этимъ обо-

гатилъ науку,—такъ очень мнѣ нужно! Вы слыхали, Любовь Ивановна, какъ Архимедъ однажды изъ бани бѣжалъ безо всего по улицѣ?

Вѣра Александровна.

Ну, господа, поздравляю васъ съ милыми разговорами.

Волховской.

Да вы этимъ не смущайтесь, Вѣра Александровна: въ институтахъ учителя барышнямъ объ Архимедахъ разсказываютъ.

Любовь Ивановна.

Ну, ну—и что же?..

Волховской.

Такъ вотъ, изволите видѣть,—такой Архимедъ былъ умный, что фактъ этой прогулки въ исторію былъ занесенъ; надо вамъ сказать, что онъ какъ-разъ въ банѣ открылъ законъ удѣльнаго вѣса.

Вѣра Александровна.

Къ чему вы все это клоните?

Волховской.

А къ тому, что такъ какъ вотъ всѣ мы, не умные, никакихъ тяготѣній и удѣльныхъ вѣсовъ не откроемъ, потому будемъ лучше наслаждаться окружающимъ: смотрѣть на небо, ѣсть варенье, нюхать цвѣточки, восклицать: «Ахъ, какъ хорошо!..» Если хотите, будемъ читать стихи, только не вычислять законовъ тяготѣнія и не быть въ такой вечеръ на заводѣ.

Любовь Ивановна.

Вотъ, какъ Михаилъ Ивановичъ?

Волховской.

Ахъ, оставимъ личности.

Вѣра Александровна.

Ну, и языкъ у васъ!..

Волховской.

Языкъ? А что же, развѣ я опять изъ-подъ цензурныхъ условій вышелъ? Могу оправдаться, какъ Чацкій: «Я пользуюсь минутой, — свиданьемъ съ вами оживленъ»... Ахъ, долженъ я вамъ сказать, что сегодня великій день моей жизни.

Любовь Ивановна.

Рожденье?

Волховской.

Пожалуй, если хотите—рожденье. Вѣрнѣе возрожденіе.

Любовь Ивановна.

Это какъ же?

Волховской.

Къ новой жизни призвалъ самъ себя.

Вѣра Александровна.

Что это вы какимъ слогомъ сегодня говорите?

Волховской.

Говорю, потому что говорится. Какъ птица поетъ безъ всякаго резона повидимому.

Любовь Ивановна.

Пѣтухъ,—тотъ къ хорошей погодѣ.

Волховской.

И я къ хорошей погодѣ.

Любовь Ивановна.

Да день-то сегодня чѣмъ великій?

Волховской.

Великій! Сегодня я дѣлаюсь собственникомъ—пріобрѣтаю мельницу и луга.

Вѣра Александровна, *испуганно.*

Да вы съ ума сошли!

Волховской *хохочетъ.*

Вы не ожидали, кажется... Ужели я такъ опасенъ?..

Любовь Ивановна.

Вы?.. Вы ужасно опасный! Знаете, у васъ иногда бываютъ такіе глаза, вы такъ смотрите!.. Если бы я была мужчиной — на версту бы къ вамъ женщину не подпустила.

Вѣра Александровна.

Послушайте—вы серьезно рѣшили?

Волховской.

Какъ нельзя болѣе.

Вѣра Александровна.

Зачѣмъ же вы остаетесь?

Волховской, *посмѣиваясь.*

Зачѣмъ? Потому что здѣсь все прелестно, потому что природа отвѣчаетъ моему внутреннему настроенію, потому что *(показывая на Лизу)* Лиза такъ завязываетъ банки, что хоть картину съ нея пиши. Чего мнѣ надо? Баста! Съ Петербургомъ все кончено. Покупаю мельницу и дѣло съ концомъ.

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, ради Бога, не надо!

Любовь Ивановна.

Да отчего же, душечка? Такой прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ кавалеръ...

Вѣра Александровна.

Хуже будетъ, гораздо хуже, если вы меня не послушаете, я васъ предупреждаю.

Волховской.

Будетъ все прекрасно, восхитительно, — жизнь покатится праздникомъ. Смотрите, вонъ корова красная идетъ—завтра день хорошій будетъ. Вонъ и князь сюда

подходитъ... *(Махнувъ шляпой).* Мое почтеніе, князь... *(Вѣрѣ Александровнѣ).* Повѣрьте, все будетъ прелестно и безподобно, только не надо...

Вѣра Александровна.

Чего?

Волховской.

Заноситься въ высь и задаваться Ньютонами и Эдиссонами. Ей-Богу, по простотѣ лучше, и если яблоко падаетъ, такъ не думать о законахъ тяготѣнія,—а положить въ ротъ и скушать: право это умнѣе... *(Идетъ на встрѣчу князю).* Какъ здоровье ваше, князь? *(Отходитъ въ глубину и здоровается съ княземъ).*

II.

ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА *и* **ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА.** *Потомъ* **КНЯЗЬ** *и* **ВОЛХОВСКОЙ.**

Любовь Ивановна.

Душечка, я васъ не понимаю: такой безподобный во всѣхъ отношеніяхъ кавалеръ, а вы...

Вѣра Александровна.

Ну, ужъ если васъ Богъ убилъ, такъ вы молчите. Вы мнѣ только путаете все.

Любовь Ивановна.

Я? Да я стараюсь какъ вамъ лучше.

Вѣра Александровна.

Подите вы! Вы только и знай твердите: безподобный кавалеръ, занимательный мужчина! Я *не хочу,* понимаете, я *не хочу,* чтобы онъ покупалъ эту поганую мельницу, чтобы онъ оставался здѣсь. И его не будетъ. Только ужъ я васъ объ одномъ попрошу: не путайтесь вы сегодня, не кокетничайте. Мнѣ надо серьезно съ нимъ поговорить. Поняли?

Любовь Ивановна, *растерянно.*

Поняла, душечка, какъ не понять. Только вы всегда такъ это неожиданно: точно въ канаву опрокинете,— такъ гладко, хорошо — и вдругъ... *(Подходятъ Князь и Волховской).*

Волховской.

А я, князь, думалъ, что вы меня не одобрите.

Князь; *онъ одѣтъ попрежнему въ блузѣ, но болѣе франтовски.*

Здравствуйте, добрый вечеръ! *(Здоровается съ барынями).* Отчего же не одобрить, дѣло хорошее. Довольно слоняться вамъ по весямъ и градамъ. Я вамъ сразу говорилъ: прикрѣпитесь.

Волховской.

Прикрѣпился! На мертвыхъ якоряхъ стою.

Князь.

Ведите дѣльце по системѣ, не горячитесь, не зарывайтесь: главное, деньгами не сорите—деньги чума для людей.

Любовь Ивановна.

Ужъ вы тоже—чума! Отдайте мнѣ эту чуму.

Князь.

Счастливѣй не будете—хуже будетъ.

Любовь Ивановна.

Не будетъ, вы попробуйте, отдайте. Князь, душечка, ей-Богу, отдайте: я васъ въ щечку поцѣлую.

Вѣра Александровна.

Любочка,—молчите!

Любовь Ивановна.

Постойте! — князь все время твердитъ, что деньги только вредъ приносятъ, что съ деньгами хуже.—За-

чѣмъ же онъ при себѣ свои деньги держитъ? Зачѣмъ вы ваши деньги не раздаете нищимъ?

Князь, *полушутливо.*

Зачѣмъ же я чуму буду разводить по-свѣту? Пусть ужъ лучше сидитъ она у меня въ шкапу. По-моему всѣ должны трудиться, а нищіе въ большинствѣ случаевъ побираются изъ лѣни.

Любовь Ивановна.

Не знаю; я, вотъ если бы можно было, никогда бы ничего не дѣлала.

Вѣра Александровна.

Не удержались бы, Любочка,—въ васъ вѣдь бѣсенята сидятъ и покоя не даютъ.

Любовь Ивановна.

Да вы знаете, какъ я деньги люблю? Я вѣдь за бѣднаго, кажется, никогда бы и ни за что не пошла. А за богатаго — хоть сію минуту: за кривого, хромого, рябого,—какого хотите, только бы деньги были.

Князь.

Да зачѣмъ?

Любовь Ивановна.

Да затѣмъ, чтобы ничего не дѣлать,—вѣдь это превесело. Утромъ встала—дѣлать нечего. Чаю напилась, погуляла,—тамъ завтракъ, обѣдъ. Потомъ спать въ саду, подъ вишнями. Потомъ чай. А потомъ опять спать.

Князь.

А мужъ тоже будетъ ѣсть, спать и больше ничего?

Любовь Ивановна.

Больше ничего. Это преинтересно.

Волховской.

А знаете, я согласенъ въ принципѣ съ вами. Все-таки величайшее наслажденіе—ничего не дѣлать, то-есть,

по обязанности ничего не дѣлать. Можно вышить мужу бисеромъ футлярчикъ для уховертки, но это уже не дѣло, а удовольствіе...

Вѣра Александровна.

Такъ вотъ бы вамъ и соединиться двоимъ: прекрасная пара,—цѣлый день на сѣнѣ, либо на диванѣ.

Волховской.

Нѣтъ, я, вы знаете, къ узамъ Гименея особенной симпатіи не чувствую. Я вѣдь себя зачислилъ въ старые холостяки...

III.

Тѣ-же, ЛИЗА, *потомъ* **ПРОСТОМОЛОТОВЪ.**

Лиза.

Викторъ Петровичъ! Васъ Простомолотовъ видѣть желаетъ. Вотъ онъ здѣсь.

Волховской.

Просто... молотовъ? Это кто же такой?

Князь.

Подрядчикъ, кажется, или что-то въ этомъ родѣ. Мошенникъ первостатейный!

Простомолотовъ.

Ну, это вы, ваше сіятельство, напрасно! *(Вѣрѣ Александровнѣ).*—Желаю здоровья, сударыня!

Князь.

Подслушивать, братецъ, скверно. Мало-ли что за глаза говорится? Я за глаза тебя еще не такъ называлъ.

Простомолотовъ.

Да обидно, ваше сіятельство. Какой же теперь разговоръ съ Викторъ Петровичемъ, коль вы сразу такой аттестатъ!

Князь.

А ты что же? его подцѣпить собирался,—зачѣмъ тебя принесло?

Простомолотовъ, *Волховскому.*

Наслышанъ, что ваша милость покосы луговъ за плотиной сняли?

Волховской.

Ну?

Простомолотовъ.

Такъ людишекъ для косьбы могу предоставить—слободные есть.

Князь.

Эге! луга-то отошли отъ тебя! Ужъ тутъ-то больше не наплутуешь!

Простомолотовъ.

Что за напасть такая,—то плутъ, то мошенникъ! При людяхъ-то, ваше сіятельство, да еще при вашемъ христіанскомъ смиреніи, оно ровно бы и не пристало.

Князь.

Антихристъ ты, вотъ что.

Простомолотовъ.

Тьфу ты, наше мѣсто свято!

Князь.

Вы знаете, Викторъ Петровичъ, какъ сей коммерсантъ сѣномъ торгуетъ? Къ его лугамъ линія желѣзнодорожная прилегаетъ, онъ стога-то на границѣ, на самой чертѣ, разставитъ, да и подожжетъ.

Простомолотовъ.

Кто же такую гнусность видѣлъ?

Князь.

А потомъ претензія къ обществу: отъ искры паровозной на тысячу рублей сѣна сгорѣло, а у него и на триста не было.

Простомолотовъ.

За такія дѣла можно и въ Сибирь...

Князь.

Да ты не безпокойся: ты угодишь туда,—я тебя первымъ кандидатомъ считаю. Вѣдь ты чѣмъ-нибудь изъ двухъ кончишь: либо тузомъ будешь, всю губернію въ руки заберешь, либо въ мѣста наиболѣе отдаленныя водворенъ будешь. Такія рожи, какъ ты, просто не кончаютъ.

Простомолотовъ.

Ежели вамъ въ ворожеи, ваше сіятельство, большія деньги можно получить...

Князь.

Я, братъ, и даромъ, коли хочешь, наворожу,—вчера о тебѣ съ прокуроромъ бесѣдовалъ.

Простомолотовъ.

Что же мнѣ прокуроръ, коли я чистъ духомъ? У меня вмѣсто души—хрусталь граненый. Я, ваше сіятельство, о господинѣ прокурорѣ думаю непрестанно, за что бы ни взялся,—и никакой, доложу вамъ, прокуроръ, съ позволенія сказать, носа не подточитъ.

Князь.

Хитеръ-то ты хитеръ, —да на крючокъ все же сядешь...

— —

IV.

Тѣ-же, ТРЕТЬЯКОВА *и* СМАРАГДОВЪ.

Третьякова, *на этотъ разъ она въ довольно приличной тальмѣ.*

Сядешь! Я молебенъ отслужу. Коли въ острогѣ будешь,—калачей ежедневно посылать тебѣ стану.

Простомолотовъ.

Однако, угощеніе!

Третьякова.

Здравствуйте, дамы!... *(Цѣлуются)*. Здравствуйте, безнравственный молодой человѣкъ, и вы, Соломонъ уѣздный, какъ косите, много ли мозолей натерли, умница?

Смарагдовъ.

Бонжуръ! Шармэ!

Третьякова, *показывая на Смарагдова.*

Опять на сворѣ его держу. Хочу, чтобы насчетъ частокола внушеніе сдѣлать.

Смарагдовъ.

Увѣряю васъ, это не моя отрасль. Скорѣе обратитесь къ его сіятельству.

Третьякова.

Я знаю, что я дѣлаю; коли вожу васъ за собою, значитъ, такъ надо, а вы не разсуждайте... А ты все здѣсь еще, несчастный... *(Подходитъ къ Простомолотову)*. Ты какъ смѣешь на глаза мнѣ показываться? Я тебя предупредила, чтобы при видѣ меня ты бѣжалъ.

Простомолотовъ.

Чего мнѣ бѣжать—у меня паспортъ въ порядкѣ.

Третьякова.

Ты разсуждаешь еще—вонъ отсюда! Пошелъ, пошелъ! Сію минуту!

Простомолотовъ, *отступая.*

Ежели я по дѣлу.

Третьякова.

Сейчасъ велю цѣпныхъ собакъ на тебя спустить.

Простомолотовъ.

Однако, угощеніе. *(Скрывается)*.

Третьякова.

Видѣть не могу. Я ужъ два раза травила его псами.

Смарагдовъ.

Боже мой, хоть бы вы при мнѣ-то не разсказывали.

Третьякова.

Ну, вотъ, стану я на васъ вниманіе обращать. Очень нужно. *(Волховскому).* А вы, безбожникъ, какъ поживаете? Слышала, слышала: луга забрали. Совсѣмъ въ нашъ приходъ записываетесь? Дѣло! Теперь я о васъ позабочусь.

Волховской.

Это въ какомъ же смыслѣ?

Третьякова.

Женю.

Волховской.

Я ужъ имѣлъ удовольствіе вамъ докладывать, что болѣе чѣмъ когда-либо не расположенъ къ браку. Я всю свою жизнь влюблялся только въ замужнихъ женщинъ.

Третьякова.

Срамникъ этакій! Ужъ хоть бы не разсказывалъ. И какъ это все у нихъ просто теперь,—какъ будто такъ и надо. Небось, если бы вы украли что-нибудь, вѣдь не хвалились бы? А теперь, извольте видѣть, хвастается...

Смарагдовъ.

Ей-Богу, высокоуважаемая Агриппина Петровна, жэ ву-з-ассюръ, же нэ па лэ танъ! Мертвое тѣло еще вчера вытащили въ пяти верстахъ отсюда. Я долженъ констатировать...

Третьякова.

Не уйдетъ отъ васъ покойникъ-то, подождетъ,—а у меня вы, какъ хотите, слѣдствіе о заборѣ произвести должны... *(Къ Волховскому).* У меня, извольте видѣть, изъ забора всѣ колья повытаскали. Я садовника за вихры: ты что смотришь? «Не досмотрѣть, говоритъ, за всѣмъ». Ну, говорю,—такъ я сама. Револьверъ въ карманъ, коверъ взяла, притащила въ кусты да и залегла съ вечера...

Любовь Ивановна.

Страсть какая!

Третьякова.

Ночь-то лунная, свѣтлая. Лежу я въ травѣ,—стрекозы трещатъ, а я пряники ѣмъ. Во второмъ часу гляжу: Митька Глуздырь и Петька Тарасовъ колья шатаютъ. Ну, я во все горло и кричу: «караулъ, грабятъ!» Они колья побросали—бѣжать.

Смарагдовъ.

Ну, вотъ и привлекайте ихъ къ суду его сіятельства, а я-то тутъ что же?

Третьякова.

Да я теперь совсѣмъ сбилась—кто чѣмъ завѣдуетъ. Я знаю, что по-старому, по-нашему—Петьку съ Митькой посѣчь надо,—а какъ по-нынѣшнему—самъ чортъ не разберетъ!

Волховской.

Смотрите, луна какая выплываетъ...

Любовь Ивановна.

Прелесть,—вотъ это поэзія!

Третьякова.

Гдѣ вы тутъ поэзію увидѣли? Постойте-ка, гдѣ мое пенснэ! Ахъ, скажите, хороша поэзія. Просто тазъ мѣдный, кирпичемъ начищенный.

Волховской.

Не нарушайте иллюзіи влюбленныхъ сердецъ... Къ чему эта проза? Мы рѣшили сегодня наслаждаться природой,—пить росу изъ чашечекъ цвѣтовъ, порхать подобно мотылькамъ...

Смарагдовъ.

Шарманъ!...

Вѣра Александровна.

Ну, ужъ вы за себя, Викторъ Петровичъ, ручайтесь, а насъ отъ этого порханья избавьте, гдѣ намъ за вами!

Волховской.

Меня, кажется, понимаетъ здѣсь только одинъ monsieur Смарагдовъ.

Смарагдовъ.

Ме вуй, же ву компранъ!..

Любовь Ивановна.

Ахъ, нѣтъ, съ этой стороны я васъ чудесно понимаю.

V.

Тѣ-же *и* **ЧАГАДАЕВЪ;** *онъ мраченъ, руки въ карманахъ.*

Третьякова.

Михаилъ Ивановичъ, здравствуйте!...

Чагадаевъ.

Здравствуйте.

Третьякова.

Что вы какой?...

Чагадаевъ, *Волховскому.*

Скажи, пожалуйста,—ты договорился съ Простомолотовымъ?

Волховской.

Нѣтъ еще...

Чагадаевъ.

И хорошо сдѣлалъ.

Волховской.

А что?

Чагадаевъ.

Да такъ... Я, видишь ли, все думаю, о тебѣ забочусь,—мнѣ очень жалко тебя. Все мнѣ кажется, что ты ровно ничего не понимаешь.

Волховской.

Не понимаю я, рѣшительно, братецъ мой, ничего не понимаю.

Чагадаевъ, *прогуливаясь по полянѣ.*

Очень жалко мнѣ тебя. Ахъ, если бы ты зналъ, что здѣсь за народъ: отца родного слопаетъ! Увидятъ, что ты ни шиша не понимаешь—и такъ обойдутъ, что ты ихъ, мерзавцевъ, и поймать-то не будешь въ состояніи. Я тебѣ скажу: воръ на ворѣ. Ты чего добраго въ поле-то выйдешь въ красныхъ перчаткахъ и подъ зонтикомъ, да полъ-ведра одеколону съ собой принесешь... Надъ тобой грудные младенцы станутъ смѣяться...

Волховской.

Но позволь, милый другъ,—я тебѣ пѣлъ ту же пѣсню.

Чагадаевъ.

Да... да... Меня все это огорчаетъ.

Волховской.

Да я совершенно не стою за сѣнокосы. Сдѣлай одолженіе, отдай ихъ Простомолотову,—или какъ тамъ его фамилія.

Чагадаевъ *треплетъ его по плечу.*

Да, да, осторожность прежде всего. Я очень радъ, что ты такъ благоразуменъ.

Вѣра Александровна.

Я и насчетъ мельницы совѣтовала бы вамъ подумать...

Чагадаевъ.

То-есть какъ подумать?

Вѣра Александровна.

Смотрите, не попадитесь.

Волховской.

Нѣтъ, насчетъ мельницы я рѣшилъ, условіе уже готово.

Чагадаевъ.

Да что условіе!... Между нами условіе,—его всегда можно нарушить... Вѣдь что же, въ самомъ дѣлѣ, если ты неудачно поведешь, да запутаешься?

Вѣра Александровна.

Мало ли помѣщиковъ разорилось въ нашемъ округѣ?

Любовь Ивановна.

Вонъ Арсентій Давидычъ — такъ приживальщикомъ и живетъ—отъ сосѣда къ сосѣду переѣзжаетъ.

Чагадаевъ.

Да, — вотъ Арсентій Давидовичъ... Ты воображаешь, что вотъ завертятся жерновà и посыплются тебѣ въ карманъ деньги? Какъ бы не такъ! На мельничномъ дѣлѣ много просадить надо. Да одинъ ремонтъ мельницы чего стоитъ! Вотъ жернова надо новые поставить, да плотину заново всю перебрать надо къ будущей веснѣ,—того и гляди всю прорветъ.

Волховской.

Что же ты мнѣ раньше-то?...

Чагадаевъ.

А потомъ мужикъ нашъ,—ты его попробуй-ка раскусить. Къ Простомолотову онъ шелъ, а къ тебѣ пойдетъ ли, нѣтъ ли,—это вопросъ.

Волховской.

Постой, постой—ты мнѣ просто всю голову вверхъ дномъ перевернулъ. Такъ зачѣмъ ты мнѣ эту мельницу навязываешь?

Чагадаевъ.

Кто? Я! Тебѣ?... Послушай, чтобы доказать тебѣ... Я тебѣ прямо скажу... Ты знаешь... *(Обнимаетъ его и цѣлуетъ)*. Ты знаешь, какъ я горячо люблю тебя... Я готовъ... Я готовъ всякое условіе считать недѣйствительнымъ... Я не хочу, чтобы у тебя тѣнь подозрѣнія была, что я тебѣ навязываю, эксплоатирую тебя...

Волховской.

Фу, что за мысли! *(Цѣлуетъ его)*. Я, чтобы доказать тебѣ, готовъ три мельницы взять...

Чагадаевъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же стѣсняться, я хотя съ убыткомъ, но продамъ... А тебѣ я приищу хорошенькую мукомольню, гдѣ-нибудь поюжнѣе, на Украйнѣ...

Волховской.

Да здѣсь прекрасно... Нѣтъ, я отсюда не поѣду, я готовъ даже не хозяйничать, а просто куплю домишко и заживу скромно, припѣваючи...

Третьякова, *ѣвшая варенье.*

Оставайтесь, климатъ чудесный...

Чагадаевъ.

Ну, не особенно. Осенью у насъ, я тебѣ скажу, такая сырость, что съ непривычки ты черезъ полгода ноги протянешь. Вонъ Вахрамѣевъ,—перебрался изъ Москвы, да черезъ двѣ недѣли и слегъ. А Перетеркинъ, Иванъ Ѳомичъ, — отъ грудной жабы умеръ. Наконецъ, еще весной этой—помѣщикъ Арефьевъ...

Любовь Ивановна.

Ну, Арефьева лошади разбили.

Чагадаевъ.

Ну, да—лошади!... Отчего же его лошади не разобьютъ? Сдѣлайте милость, очень просто! Кабы не оврагъ, Арефьевъ живъ бы остался. А у насъ овраги-то страсть! Вонъ за ригой Первухинъ вражекъ,—мое почтеніе!

Третьякова.

Черезъ край, батюшка, хватилъ. Какъ же мы-то всѣ живемъ, да намъ головы-то еще не поотрывало? Женить его надо,—вотъ что я скажу. Хорошую ему, здоровую бабу надо.

Волховской.

Нѣтъ, ради Бога, даже не подымайте этого разговора... Все что хотите, только не это.

Чагадаевъ.

Нѣтъ, именно, ужъ если оставаться, такъ женись,— непремѣнно, тотчасъ, не медля ни минуты.

———

VI.

Тѣ-же *и* ЛИЗА.

Лиза.

Самоваръ поданъ.

Вѣра Александровна.

Пойдемте, господа! *(Идетъ въ глубину).*

Чагадаевъ.

И ты женишься во что бы то ни стало. Ужъ если что я задумаю...

Третьякова.

А я-то? Я, батенька мой, васъ насильно въ церковь приведу, коли на то пошло. Отъ меня вы ничѣмъ не отвертитесь... Вотъ спросите у другихъ: что я сказала—законъ! Я на вѣтеръ не говорю.

Чагадаевъ.

Ну, идемъ чай пить. Я подтвердить тебѣ могу, что это ужъ дѣйствительно, если Агриппина Петровна захочетъ, такъ ты не увернешься—она тебя въ монастырь упрячетъ. Ну, идемъ чай пить... *(Уходитъ).*

Смарагдовъ.

Экскюзэ муа, же ву занъ при!—Завтра я явлюсь къ вамъ, велю весь частоколъ новый сдѣлать—только на сегодня отпустите...

Третьякова.

Ну, ужъ коли такъ приспичило, поѣзжайте. Но если завтра къ десяти часамъ васъ не будетъ—охъ, попомните вы меня!

Смарагдовъ.

Клянусь вамъ, Агриппина Петровна,—ни одинъ въ мірѣ исправникъ и даже ревизоръ не нагонялъ на меня столько страха, какъ вы. У меня при взглядѣ на васъ—по икрамъ мурашки. До свиданья, господа,—надо торопиться, до свиданья!

Третьякова, *идя за нимъ слѣдомъ.*

И если только завтра къ девяти утра...

Смарагдовъ.

Жэ компранъ, команъ донкъ...

VII.

ВОЛХОВСКОЙ, КНЯЗЬ *и* ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА.

Волховской.

Какъ вамъ это нравится? Я, знаете, совсѣмъ опѣшенъ. Люди пріѣзжаютъ на лѣто отдохнуть, а тутъ... Сперва заставляютъ муку молоть, потомъ луга косить, и наконецъ—жениться... Мнѣ до сихъ поръ въ голову, то-есть, буквально, въ голову не приходила мысль о бракѣ. Я смотрѣлъ всегда на жениха, какъ на овна, ведомаго на закланіе. Помилуйте, я всю свою жизнь провелъ въ кроткой тишинѣ, и вдругъ—роговая музыка.

Князь.

Знаете, я тоже какъ-то мало размышлялъ на этотъ счетъ.

Любовь Ивановна.

А я такъ очень много думала объ этомъ.

Волховской.

Такъ вотъ гдѣ источникъ философіи! Красавица, Любовь Ивановна, повѣдайте намъ, до какихъ столповъ вы додумались?

Любовь Ивановна.

Что вамъ повѣдать, вы опять что-нибудь сморозите объ Архимедѣ.

Волховской.

Повѣдайте намъ грѣшнымъ,—зачѣмъ люди женятся?

Любовь Ивановна.

Да потому, что вдвоемъ лучше.

[redacted]

Волховской.

Отчего же лучше?

Любовь Ивановна.

Какъ отчего? вѣдь вотъ лошади и тѣ бѣгутъ дружнѣе въ дышлѣ, чѣмъ въ одиночку.

Волховской.

Значитъ бракъ—своего рода дышло?

Любовь Ивановна.

Ну вотъ, вы опять за свои насмѣшки! Ну, а если заболѣетъ одинъ, другой ухаживать будетъ. А одному какъ же?

Князь.

За мной скотница Ѳетинья ходитъ.

Любовь Ивановна, *подходя къ нему.*

Вотъ видите! Что хорошаго—скотница! Она должна за коровами смотрѣть, а не за вами. А жена-то ужъ вся для васъ.

Князь, *глядя на нее въ упоръ.*

А какая вы хорошенькая.

Любовь Ивановна, *вспыхнувъ.*

Вотъ тебѣ разъ! Да вѣдь вы женщинъ не признаете.

Князь, *вставая.*

Красивыхъ признаю.

Волховской.

Эге, князь! Я за вами этого не подозрѣвалъ.

Князь, *прохаживаясь.*

Парой въ дышлѣ!... Да, — это сравненіе не дурно. Образно и сильно.

Волховской.

Строго говоря, это не совсѣмъ точно. По закону, пары нѣтъ... Съ юридической стороны—бракъ это соединеніе двухъ паспортовъ въ одинъ. Было два документа: — бацъ, одинъ паспортъ остался—другой испарился.

Любовь Ивановна.

И такъ-таки совсѣмъ мы дѣлаемся безъ документа?

Волховской.

Совсѣмъ. Кромѣ того, лишаетесь нѣкоторыхъ правъ, безъ дозволенія мужа не можете отлучаться съ мѣста жительства.

Любовь Ивановна.

Да какое же это право,—коли ужъ я вышла замужъ, такъ ужъ въ одномъ мѣстѣ съ мужемъ быть должна.

Князь.

Ну, что же, господа, насъ съ чаемъ ждутъ, — пойдемте... *(Уходитъ).*

Волховской.

Ну-съ, пойдемте, Любовь Ивановна, попьемте чаю, подумаемъ грустную думу.

Любовь Ивановна.

Какую же?

Волховской.

Слышали? Женить хотятъ. На этотъ счетъ подумать надо. Дѣйствительно, сегодня вечеръ рискованный. Я—либо останусь, либо уѣду очень скоро...

Любовь Ивановна, *таинственно.*

Послушайте,—а она разводиться не хочетъ?

Волховской, *въ изумленіи.*

Кто?

Любовь Ивановна.

Вѣра Александровна.

Волховской.

Зачѣмъ?

Любовь Ивановна.

Чтобы за васъ замужъ выйти?

Волховской.

За меня? Да Господь съ вами!...

Любовь Ивановна.

Ну, ужъ я вамъ сознаюсь. Какъ вы пріѣхали, у меня въ головѣ былъ такой романъ...

Волховской.

Романъ?

Любовь Ивановна.

Что вотъ вы оба влюбитесь — страстно, до безумія, зеленые будете, сонные, какъ мухи осеннія...

Волховской.

Что же тутъ хорошаго?

Любовь Ивановна.

И потомъ, что вы либо Михаила Ивановича застрѣлите, либо Вѣра Александровна разведется.

Волховской.

Я?... Застрѣлю Мишу?—Голубушка, да вы нездоровы... Вамъ бы въ постель, да мяты напиться...

Любовь Ивановна.

Ей-Богу, я даже съ Вѣрой Александровной объ этомъ толковала.

Волховской.

Съ ней толковали? Господи!... Куда я попалъ...

Любовь Ивановна.

Вѣдь Михаилъ Ивановичъ ей совсѣмъ не подъ пару... Такъ вотъ мы такъ и думали... что вы либо стрѣляться будете—либо разводъ...

Волховской.

Голубушка, пойдемте лучше къ людямъ, вы тутъ заговариваться начали... *(Идутъ)* а потомъ въ постельку, да мяты...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная въ домѣ Чагадаева.

I.

КНЯЗЬ *и* **ЧАГАДАЕВЪ.**

Князь только что вошелъ. Онъ въ черномъ сюртукѣ.

Чагадаевъ.

Что это за метаморфоза? Въ городъ ѣдете, что ли?

Князь.

Нѣтъ, я никуда не ѣду.

Чагадаевъ.

Что же вы въ облаченіи такомъ?

Князь.

А вотъ сейчасъ доложу вамъ,—дайте только закурить папиросу.

Чагадаевъ.

А у насъ перемѣна: Викторъ сегодня уѣзжаетъ.

Князь.

Вотъ какъ? Куда же?

Чагадаевъ.

Чортъ его знаетъ!... Да я радъ. Цѣлый день фиксатуарится, помадится, а никакой пользы—хоть бы слово путное сказалъ. Ну, да что о немъ,—не стоитъ говорить. Что вы хорошенькаго скажете?

Князь.

Не знаю какъ и приступить. Я, изволите видѣть, всю ночь не спалъ—думалъ. Ну, думалъ, думалъ, да и надумалъ.

Чагадаевъ.

Слушаю.

Князь.

Что̀ если бы я женился? Что̀ бы вы сказали?

Чагадаевъ.

Ничего не сказалъ бы.

Князь.

Ну, однако, вашъ совѣтъ дорогъ, вы человѣкъ женатый.

Чагадаевъ *чешетъ за ухомъ.*

Женатый.—Да вы... на комъ же собираетесь?

Князь.

На Любочкѣ.

Чагадаевъ, *высоко приподнявъ брови.*

Вотъ тебѣ разъ! Какъ же это такъ внезапно? Одну ночь подумали,—и конецъ.

Князь.

Чего же больше-то думать? Мужички говорятъ, что отъ думы человѣкъ сохнетъ.

Чагадаевъ.

Да нѣтъ,—это... это... какъ-то не логично. Я вотъ одиннадцать мѣсяцевъ знакомъ былъ, прежде чѣмъ предложеніе сдѣлалъ Вѣрѣ.

Князь.

Да я три года Любочку знаю.

Чагадаевъ *встаетъ.*

Да нѣтъ,—это неожиданно слишкомъ! Жизнь должна по логикѣ идти,—надо, чтобы одно вытекало изъ другого. Вдругъ! бацъ, — ни съ того, ни съ сего — хочу жениться.

Князь.

Да я ни сегодня, ни завтра не буду вѣнчаться. Я только предполагаю, думаю предложеніе сдѣлать. Какъ вы на это посмотрите?

Чагадаевъ.

Вы всегда такъ поверхностно относились къ женщинамъ... Гдѣ же побудительный мотивъ?—Вѣдь нельзя же, ни съ того, ни съ сего: «хочу жениться!»... Отчего вы не спали?

Князь.

А не спалъ я Богъ меня знаетъ почему.—Вчера вечеромъ сидѣли мы втроемъ въ саду: она, я и Викторъ Петровичъ. Вдругъ подошла она ко мнѣ: свѣжая такая, здоровая, глазенки насквозь прожигаютъ, грудь такъ и трепещетъ. «Вдвоемъ, говоритъ, лучше». Меня такъ точно охватило всего. Потомъ, послѣ ужина, начали дурачиться,—она со смѣхомъ носится по дому какъ колокольчикъ. Пришелъ домой, легъ спать,—глаза ея опять такъ и стоятъ предо мною, такъ и говорятъ: «а вдвоемъ-то лучше!» Я и на правый бокъ, и на лѣвый. Комары пищатъ надъ ухомъ. Въ шесть часовъ пошелъ въ поле. За разборомъ дѣла мужики пришли—прогналъ. Новое изданіе брошюры «О грѣхѣ ругательства» началъ просматривать—буквы какъ-то танцуютъ. Ну, вотъ и пришелъ къ вамъ.

Чагадаевъ.

Гм... Что же бы вамъ сказать?... Вѣдь вотъ тутъ... *(показываетъ на лобъ)* у нея въ ущербѣ.

Князь.

Это, можетъ, еще лучше. Можетъ, она меня изъ-за этого-то ущерба любить больше будетъ.

Чагадаевъ.

Любить-то она такъ васъ будетъ, что небу станетъ жарко. Въ ней кипитъ вѣдь все это. А только еще поотполировать вамъ такую княгинюшку надо.

Князь.

Политура-то хуже, Михаилъ Ивановичъ,—только царапается, больше ничего. А тутъ—молодой дубокъ au naturel. Воскъ, въ какую хочешь форму лѣпи.

Чагадаевъ.

Скучно это. Жену взялъ, да еще лѣпи ее. Я бы не выдержалъ.

Князь.

Такъ что же, попробовать?

Чагадаевъ.

Попробуйте,—что же—бываетъ и хуже...

Князь.

Только я къ вамъ съ просьбою: побесѣдуйте съ ней вы объ этомъ. Она здѣсь теперь, — она вѣдь и ночевала у васъ.

Чагадаевъ.

Отчего же вы сами не хотите?

Князь.

Да я не знаю, я не привыкъ о такихъ вещахъ съ женщинами говорить. Хватишь что-нибудь такое, что все дѣло изгадишь.

Чагадаевъ.

Извольте,—я поговорю...

II.

Тѣ-же *и* ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА.

Любовь Ивановна.

Слышу вашъ голосъ... какъ рано... *(всплеснувъ руками)*.— Батюшки! Да вы сегодня одѣты прилично... Да какой же вы молодецъ, какой красивый! Да въ васъ влюбиться можно... Сейчасъ позову посмотрѣть на васъ Вѣру Александровну.

Чагадаевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Любочка,—она потомъ увидитъ его,— а теперь, вы останьтесь, мнѣ нужно кое-о-чемъ побесѣдовать съ вами.

Князь.

А я, чтобы не мѣшать вамъ, пойду къ Виктору Петровичу, поговорить съ нимъ передъ отъѣздомъ.

Любовь Ивановна.

Да вы намъ нисколько не мѣшаете. Повернитесь-ка, повернитесь. Да вы сзади еще лучше! Знаете, васъ хоть сейчасъ въ магазинъ на выставку...

Князь.

Ну, вотъ видите! Значитъ я не совсѣмъ такой обломъ, какъ вы себѣ представляли.

Любовь Ивановна.

Да вы прелесть какой! *(Князь уходитъ).*

III.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА *и* ЧАГАДАЕВЪ.

Любовь Ивановна.

Михаилъ Ивановичъ, отчего онъ никогда такимъ не ходитъ? Напялитъ на себя свою грязную блузу, растреплется...

Чагадаевъ.

Слушайте, Любочка. Мнѣ надо съ вами поговорить объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ. Вы не юлите, пожалуйста,—сядьте! Скажите, какъ вамъ нравится Викторъ Петровичъ?...

Любочка.

Викторъ Петровичъ?... Я въ Викторѣ Петровичѣ разочаровалась. Князь гораздо лучше.

Чагадаевъ.

Вы не знаете, отчего онъ ѣдетъ?

Любочка.

Испугался женитьбы.

Чагадаевъ.

Вы не знаете—онъ не поссорился съ женой? Вѣдь они все были вмѣстѣ?

Любочка.

Какъ же, они всегда были вмѣстѣ. И за грибами въ лѣсъ ходили.

Чагадаевъ *встаетъ.*

Вотъ какъ? За грибами? Когда же это? я не видѣлъ.

Любочка.

Вы на заводѣ въ эти часы всегда были.

Чагадаевъ *ходитъ.*

Ага,—на заводѣ. И что же, часто они ходили?

Любочка.

Мы позавчера еще были...

Чагадаевъ.

Ахъ, и вы тамъ съ ними были...

Любочка.

Какъ же, я всегда съ ними была.

Чагадаевъ, *успокоительно.*

А!...

Любочка.

Вѣдь они очень дружны были первое время. Ужъ это подъ конецъ Вѣра Александровна точно избѣгать его стала.

Чагадаевъ *садится.*

Любочка, я все думалъ,—не обидѣлся ли на что-нибудь Викторъ Петровичъ? Вы мнѣ разскажите все, что знаете...

Любочка.

Видите,—они по вечерамъ, когда вы въ полѣ бывали, всегда занимались музыкой.

Чагадаевъ.

И вы тоже всегда были тутъ?

Любочка.

Нѣтъ, я никогда тутъ не бывала.

Чагадаевъ *встаетъ.*

Отчего же вы не были?

Любочка.

Да я не люблю музыки.

Чагадаевъ.

Напрасно... Отчего же вы не любите?

Любочка.

Вѣра Александровна говорила, что вы все настаивали, чтобы она играла въ четыре руки съ Викторомъ Петровичемъ. Знаете, а онъ мастеръ на это.

Чагадаевъ *ходитъ.*

Онъ мастеръ, онъ большой мастеръ...

Любочка.

Разъ я вхожу въ угловую, — вижу Вѣра Александровна сердитая такая, даже покраснѣла вся,—сидитъ на диванѣ и говоритъ: «отстаньте, я съ вами никогда больше не буду играть»... И больше не играла.

Чагадаевъ *ходитъ.*

Это когда же было?

Любочка.

А вотъ, когда ремонтеръ пріѣзжалъ, вы гнѣдыхъ лошадей отбирали.

Чагадаевъ.

Помню... Ну, и что же такое между ними произошло?

Любочка.

Да разсказываю же я вамъ, что Вѣра Александровна разсердилась, ужасно разсердилась на него.

Чагадаевъ.

Да за что?

Любочка.

Почемъ я знаю! Вѣрно ужъ было за что. И такъ была сердита, что все повторяла: да скоро ли онъ уѣдетъ?

Чагадаевъ.

Но предположить вы ничего не можете—что бы такое?

Любочка.

Да вы спросите у Вѣры Александровны,—она вамъ все скажетъ. Ну, а вчера, послѣ ужина, когда управляющій къ вамъ со счетами пришелъ,—ночь теплая такая была,— пошли мы всѣ въ садъ. Я съ княземъ подъ-руку, а Вѣра Александровна—съ Викторомъ Петровичемъ. Князь такой былъ смѣшной, придавилъ мнѣ локтемъ руку и говоритъ: «мы какъ въ дышлѣ».

Чагадаевъ.

Ну, а Вѣрочка?

Любочка.

Видите, мы походили немного, вдругъ, видимъ, Вѣра Александровна идетъ такъ быстро намъ на встрѣчу, а за ней Викторъ Петровичъ и прощенья проситъ. А она говоритъ: «уѣзжайте завтра утромъ,— тогда я васъ прощу».

Чагадаевъ, *въ отчаяніи.*

Что же онъ сдѣлалъ?

Любочка.

Разсердилъ чѣмъ-нибудь Вѣру Александровну.

———

IV.

Тѣ-же *и* **ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА.**

Чагадаввъ.

Скажи, пожалуйста, что такое съ Волховскимъ у тебя вышло?

Вѣра Александровна, *немножко покраснѣвъ.*

Тебѣ Любочка сказала?

Чагадаевъ.

Разскажи, сдѣлай милость, что такое? Очевидно, человѣкъ обиженъ.

Вѣра Александровна.

Ахъ, ты о немъ хлопочешь!... Нѣтъ, онъ, кажется, не обиженъ...

Чагадаевъ.

Отчего ты такъ скоро шла, и онъ сзади шелъ и прощенья просилъ?

Вѣра Александровна.

Глупости онъ говорилъ,—ну я его и остановила.

Чагадаевъ, *сжавъ кулаки.*

Глупости!... Какія глупости?

Вѣра Александровна.

Ахъ, стану я тебѣ всякій вздоръ повторять. Ну, уѣзжаетъ—и дѣло съ концомъ. Пріѣхалъ, побылъ, повертѣлся,—надоѣло здѣсь — поѣдетъ дальше,—ну, не китовъ ловить, такъ тюленей, или, можетъ быть, бенгальскихъ тигровъ стрѣлять, почемъ я знаю...

V.

Тѣ-же, ВОЛХОВСКОЙ *и* КНЯЗЬ.

Волховской, *смотря на часы.*

Въ которомъ часу поѣздъ идетъ?

Чагадаевъ.

Поспѣешь,—лошади еще не готовы. Сейчасъ подадутъ.

Вѣра Александровна.

Я вамъ велѣла на дорогу испечь пирожковъ.

Волховской.

Ахъ, какъ вы добры! Хоть пирожками желаете подсластить мой отъѣздъ.

Чагадаевъ.

Куда же ты ѣдешь?

Волховской.

Въ Пензу. У меня есть тамъ двоюродная тетенька. У нея четыре кота, да денегъ тысячъ триста. Говорятъ, что имѣніе будетъ раздѣлено между мною и моею сестрою, ибо иного родства нѣтъ. Итого на мою долю: полтораста тысячъ и два кота. Ну, вотъ и надо ѣхать на случай туда. Буду кормить кошекъ, подъ шейками щекотать: «Васенька, Васенька, спой пѣсеньку»...

Любовь Ивановна.

Чтобы васъ кошки любили, вы носите въ карманѣ валерьяновыя капли.

Волховской.

Спасибо за совѣтъ. Онѣ, пожалуй, и для тетушки годятся: она въ нервахъ.—Ну, а отъ тетеньки куда-нибудь на югъ.

Князь.

Прикрѣпляться отдумали?

Волховской.

Не стоитъ. Я какъ Чичиковъ, побуждаемый потребностью и любознательностью, нахожу, что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря о красотѣ мѣстъ, обиліи промысловъ и разнообразіи почвы.

Чагадаевъ.

Не одобряю. Вѣдь на тебя, какъ на шута гороховаго будутъ смотрѣть,—да еще арестуютъ гдѣ-нибудь по подозрѣнію.

Волховской.

Почему же какъ на шута? Вотъ князь—созерцатель,— и я созерцатель. Князь созерцаетъ на одной точкѣ, а я въ пространствѣ. Милый другъ, ты на меня уже черезчуръ смотришь черезъ призму дѣлового человѣка. А я просто перекати-поле. Знаешь, трава такая есть,— по вѣтру съ мѣста на мѣсто комками перекатывается. Все же веселѣе, чѣмъ крапивой у забора рости. Ну, а тебѣ гдѣ же,—ты вѣдь плодъ тепличный, или, вѣрнѣе, парниковый, такъ на солнце себя и выставилъ: пусть, молъ, подпекаетъ — родителямъ и родственникамъ на утѣшеніе—отечеству на пользу...

VI.

Тѣ-же *и* ЛИЗА.

Лиза; *у нея на блюдѣ пирожки.*

Пирожки готовы. Куда прикажете?

Волховской.

Тащите, Лизанька, въ мою комнату, тамъ въ ручной сакъ-вояжъ положимъ *(Звонокъ подъѣхавшей тройки).* Вотъ и кони готовы. Завяжу чемоданъ — и въ путь. *(Уходитъ).*

Князь, *тихо Чагадаеву.*

Говорили съ Любочкой?

Чагадаевъ.

Говорилъ.

Князь.

Ну, что же она?

Чагадаевъ.

Да я не о васъ совсѣмъ говорилъ. Говорите съ ней сами, пожалуйста, а мнѣ не до того. *(Уходитъ въ комнату Волховскаго).*

Лиза.

Надо бы въ бумагу завернуть.

Вѣра Александровна.

Конечно надо. Поди ко мнѣ въ комнату, на этажеркѣ есть вощеная бумага для банокъ—ею и завяжи, чтобы не просалилась... Постой, ты не съумѣешь,—это надо аккуратно. *(Уходитъ съ Лизой).*

VII.

КНЯЗЬ *и* ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА.

Князь.

Такъ вамъ ничего не говорилъ обо мнѣ Михаилъ Ивановичъ?

Любочка.

О васъ? Ничего.

Князь.

Странно. Да-съ, ну, тогда придется ужъ самому. — Вы, Любовь Ивановна, какого мнѣнія насчетъ пары?

Любочка.

Какой пары?

Князь.

Вы вчера говорили—въ дышлѣ лучше. Ну... такъ— въ пару хотите?

Любочка, *смутившись.*

Постойте, постойте,—я ничего не понимаю. Я вѣдь дура. Вы со мной просто говорите.

Князь.

Ахъ, не умѣю я... Чувствую... а не умѣю... Изволите видѣть; пришелъ я вчера домой; казачекъ Пашка сонный сидитъ—носомъ клюетъ; лампа коптитъ—запахъ керосиномъ по всему дому; пыль — не притронуться; прислуга въ моемъ бѣльѣ ходитъ. Скверно.

Любочка.

Да, это непорядокъ,—это очень гадко.

Князь.

А тутъ еще комары надъ ухомъ звенятъ фистулой.

Любочка.

Надо персидскимъ порошкомъ посыпаться или натираться уксусомъ на ночь.

Князь.

Ну, вотъ видите, какая вы умная, — все-то вы знаете по хозяйству.

Любочка.

Я по хозяйству все знаю.

Князь.

Такъ вотъ, извольте видѣть, отъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ сдѣлалась у меня безсонница.

Любочка.

Я сегодня тоже всю ночь не спала. Хоть ты что хочешь. Ужъ я пробовала и таблицу умноженія читать, и ни о чемъ не думать—не помогаетъ.

Князь.

Мнѣ тоже ничего не помогло... Вотъ я и рѣшилъ: сёмъ-ка, пойду я къ Любовь Ивановнѣ...

Любочка.

Я съ удовольствіемъ приду къ вамъ, и пыль сотру, и порядокъ въ домѣ сдѣлаю.

Князь.

Вотъ, вотъ, умница,—это самое и есть. Мнѣ хочется, чтобы вы весь домъ въ руки забрали.

Любочка.

Да... это... неудобно будетъ. Такъ—я могу заглянуть... А то... нѣтъ, это неудобно...

Князь.

Да вы какъ думаете?... Я полагаю ужъ по закону.

Любочка.

Какъ?... Вы думаете меня замужъ? — *(Прыскаетъ со смѣху).* Да какъ же это такъ? Да вы шутите?...

Князь.

Ей-Богу не шучу...

Любочка.

Голубчикъ, да вѣдь я... Да развѣ это можно?... Вѣдь вы «ваше сіятельство»...

Князь.

Ну, такъ что же?

Любочка.

Вѣдь вы женщинъ терпѣть не можете?

Князь.

Кто это вамъ сказалъ? Господь съ вами...

Любочка.

Такъ значитъ... значитъ вы серьезно? *(Охватываетъ его шею руками).* Голубчикъ, какъ это хорошо!... Да нѣтъ... можетъ это не на яву? Можетъ, мы спимъ и комары пищатъ... Дайте-ка ущипну я васъ. Больно?

Князь.

Больно.

Любочка.

Такъ это на яву мы!... Господи, какъ хорошо?... И солнце свѣтить, и птички поютъ... Фу!... голова-то, голова какъ кружится... Да что это со мной?... Только слушайте: ради Бога, никому ни слова.

Князь.

Это отчего?...

Любочка.

Я не могу... Мнѣ стыдно...

Князь.

Вотъ тебѣ разъ!

Любочка.

Поздравлять начнутъ,—я не могу это вынести... А только знаете, что я вамъ скажу? косить больше вы не будете, потому что я не хочу, чтобы у меня мужъ былъ съ мозолями.

Князь.

Я и васъ жать выучу.

Любочка.

Меня?... Да вы меня, чего добраго, бить начнете, какъ обѣщали?...

Князь.

Нѣтъ!.. *(Притягивая ее къ себѣ)*. Мы съ тобой мирно, дружно будемъ жить... въ одномъ дышлѣ.

Любочка, *вырываясь.*

Кажется идутъ!... я не могу—я уйду!...*(Останавливается)*. Скажите,—я тоже буду «ваше сіятельство»?

Князь.

Всеконечно.

Любочка.

Ай... *(Убѣгаетъ)*.

VIII.

КНЯЗЬ *и* **СМАРАГДОВЪ.**

Смарагдовъ, *растерянный.*

Вотръ экселянсъ, съ добрымъ утромъ... Чьи это лошади, кто ѣдетъ?

Князь *ходитъ по комнатѣ.*

Да... да... ѣдетъ...

Смарагдовъ.

Но кто, кто?

Князь.

А этотъ... этотъ—гость... Волховской.

Смарагдовъ.

Боже мой!... какъ это хорошо!... *(Смотритъ въ окно).* Быть можетъ она не догонитъ... Я, знаете, съ новостью, вотръ экселянсъ... Я, рѣшительно попрусь о переводѣ отсюда. Чаша переполнена — дернье гутъ!... Какъ вы совѣтуете?

Князь, *разсѣянно.*

Что-жъ, я совѣтую...

Смарагдовъ.

Согласитесь сами, вотръ экселянсъ, всему есть мѣра: кончится тѣмъ, что она и васъ, и меня высѣчетъ. Жэ ву-з-ассюръ, высѣчетъ.

Князь, *совершенно его не слушая.*

Да... да... конечно....

Смарагдовъ.

Она не дала мнѣ нынче ни минуты покоя во всю ночь; велѣла постлать постель, а сама не пускаетъ меня въ комнату. Попрекаетъ. Имажине-ву, вотръ экселянсъ, она ужъ не знала, чѣмъ меня попрекнуть, и говоритъ: «смотрите, у меня течь въ крышѣ,—вотъ какіе у васъ въ уѣздѣ кровельщики»...

Князь.

Да... да... сегодня вообще мало ночью кто спалъ.

Смарагдовъ.

Земство, говоритъ, дорогу, что ко мнѣ ведетъ, чинить не желаетъ. Вотъ, я, говоритъ, устрою, чтобы архіерей опять поѣхалъ въ объѣздъ по нашему уѣзду. Тогда волей-неволей, не одну мою, а всѣ дороги почините. Каково мнѣ все это слышать?

Князь.

Да, конечно, все это вамъ очень непріятно...

IX.

Тѣ-же, ВОЛХОВСКОЙ, ЧАГАДАЕВЪ *и* ЧАГАДАЕВА.

Волховской.

Ну-съ, традиціонная сумка черезъ плечо, пирожки въ сакъ-вояжѣ... Все въ порядкѣ. Здравствуйте, monsieur Smaragdoff.

Смарагдовъ.

Изволите ѣхать? Смѣю спросить,—далеко?

Волховской.

Въ Пензу.

Смарагдовъ.

По дѣлу?

Волховской.

Кошекъ чесать...

Смарагдовъ.

Если бы я попросилъ васъ довезти меня до станціи, я ѣду въ городъ, а лошади у меня ужасно заморены.

Волховской.

Извольте—мѣсто есть.

Чагадаевъ.

До свиданія, братецъ, до свиданія. Какъ-то что-то не такъ все это... Пріѣхалъ ты, повертѣлся, сумбуръ какой-то вышелъ, теперь уѣзжаешь... Не логично какъ-то это все! Не люблю!

Волховской.

Знаю,—ты любишь, чтобы все какъ по прописи шло: вотъ ждали бы, ждали,—пріѣхалъ наконецъ. Объятія. Затѣмъ поселился бы, умные разговоры наговорилъ, потомъ обзавелся бы хозяйствомъ, либо женился. А если бы и уѣхалъ,—такъ все-таки не такъ какъ я, ни съ того, ни съ сего, а опять же по логикѣ. А тутъ вдругъ — совсѣмъ отступленіе отъ твоей рамки. Собрались, наговорили вздору, дѣла никакого не сдѣлали — а время провели. Ты можешь утѣшиться тѣмъ, что за это время лошадей ремонтеру продалъ, за заводомъ смотрѣлъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что къ людямъ попринюхался, имѣлъ честь свести знакомство съ княземъ и съ господиномъ Смарагдовымъ, съ меня и довольно. Наконецъ, тебя повидалъ: здороваго, свѣжаго, дѣятельнаго. Ты у насъ типъ положительный. Да и госпожа Третьякова тебѣ подъ пару. Я вамъ говорю—вы парниковые, здоровые плоды; вамъ на любой выставкѣ медаль за соревнованье повѣсятъ... Всѣмъ—даже вотъ Любовь Ивановнѣ—и той—за выращеніе здоровыхъ краснощекихъ дѣтей: я убѣжденъ, что дѣтки у нея будутъ патентованныя... А гдѣ же она?

Князь.

Она убѣжала въ садъ, кажется... Вонъ она на лужайкѣ. Любовь Ивановна, Любовь Ивановна! Пожалуйте-ка сюда!

X.

Тѣ-же *и* **ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА.**

Любовь Ивановна *смотритъ нѣсколько исподлобья.*

Что надо?

Вѣра Александровна.

Что вы какая, Любочка?

Любовь Ивановна.

Да ничего... вы знаете?...

Вѣра Александровна.

Что?

Любовь Ивановна.

Онъ вамъ, вѣрно, сказалъ?

Вѣра Александровна.

Кто?

Любовь Ивановна.

Да князь. Вѣдь онъ не вытерпѣлъ бы...

Князь.

Я, Любочка, ничего не говорилъ...

Любовь Ивановна.

Да онъ... онъ хочетъ жениться на мнѣ.

Волховской.

Въ дышло! Поздравляю! Вотъ это, значитъ, ужъ вполнѣ прикрѣпился.

Вѣра Александровна.

Никакъ я этого не ожидала. Отъ души, отъ души поздравляю.

Смарагдовъ.

Позвольте и мнѣ принести вамъ мое поздравленіе.

Волховской, *Чагадаеву.*

Это, братецъ, по твоей программѣ. Дѣло кончается бракомъ,—значитъ тѣмъ паче съ водевильчикомъ мой отъѣздъ.—А только поди-ка, я тебѣ два слова скажу посерьезнѣе. *(Отводитъ его въ сторону).* Я противъ женатой жизни, ты это знаешь,— но твоя жена—исклю-

ченіе. И на твоемъ мѣстѣ, я бы право больше занимался ею, чѣмъ заводами.

Вѣра Александровна.

Ну, что же,—вѣдь вамъ пора ѣхать, Викторъ Петровичъ?

Волховской.

Пора! Что же, присядемъ по русскому обычаю?

Смарагдовъ.

Обязательно.

(Всѣ садятся. На первомъ планѣ Вѣра Александровна садится на ручку того кресла, куда сѣлъ ея мужъ).

Вѣра Александровна, *тихо мужу.*

Что онъ тебѣ сейчасъ говорилъ?

Чагадаевъ.

Совѣтовалъ болѣе тобою заниматься, чѣмъ заводомъ.

Вѣра Александровна.

Ты что же?...

Чагадаевъ.

Да, это вѣрно. *(Молчаніе. Вдали слышенъ колокольчикъ)*... Кто это?

Любовь Ивановна.

Это Агриппина Петровна.

Смарагдовъ, *срываясь съ мѣста.*

Что же вы ѣдете, Викторъ Петровичъ?...

Волховской.

Извольте — ѣдемте. Ну, дружище, до свиданія. *(Цѣлуются).* До свиданія, князь,—давай вамъ Богъ идти въ парѣ хорошенько — не закидываться. *(Цѣлуя руку Вѣры Александровны).* Въ послѣдній разъ позвольте приложиться.

Смарагдовъ, *смотря въ окно.*

На плотину уже въѣхала.

Волховской.

Любовь Ивановна, позвольте пожелать вамъ дюжину ребятишекъ такихъ же здоровыхъ и красивыхъ, какъ вы.

Смарагдовъ.

О, номъ дю сьель!...

Волховской.

Ѣдемте, ѣдемте... *(Всѣ идутъ. Князь и Любовь Ивановна у окна).*

Любовь Ивановна.

Не догонитъ она ихъ, ни за что не догонитъ. Ишь лошади-то какія горячія!...

Князь, *слегка ее обнимая.*

Горячія, совсѣмъ горячія!....

Любовь Ивановна.

Оставьте, что вы дѣлаете? *(За сценой шумъ,* **голоса:** «прощайте, прощайте». *Громче другихъ голосъ* **Волховского:** «прощайте, князь, до свиданія».—*Колокольчикъ).*

Князь, *у окна, цѣлуя Любовь Ивановну.*

Прощайте!...

Любовь Ивановна, *отбиваясь.*

Что вы, что вы...

Князь, *продолжая ее цѣловать.*

Извините, ваше сіятельство!...

1887 г.

НЕНАСТЬЕ

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Представлена въ первый разъ на сценѣ Императорскаго Михайловскаго театра 9 ноября 1892 года.

ЛИЦА:

Приселковъ, Григорій Антоновичъ, инженеръ.
Анна Александровна, жена его.
Леша, ихъ ребенокъ.
Кулмазинъ, Аркадій Ивановичъ, помощникъ Приселкова по постройкамъ.
Пичугинъ, Лазарь Петровичъ, дальній родственникъ Приселкова.
Звягинцева, Глафира Семеновна.
Филиппъ, слуга.
Мариша, няня.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Большая мрачная зала. Послѣобѣденные сумерки. Направо диванъ со столомъ и креслами. На столѣ горитъ лампа. Налѣво то же диванъ, нѣсколько табуретовъ и кресла; въ глубинѣ налѣво концертный рояль съ зажженными свѣчами. Ни лампы, ни свѣчи не могутъ освѣтить комнаты; — отъ потухающаго камина—неопредѣленныя тѣни по стѣнамъ. За окнами дождь и вѣтеръ.

I.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА *за роялемъ,* **КУЛМАЗИНЪ** *съ віолончелью — играютъ дуэтъ;* **ПИЧУГИНЪ** *сидитъ направо въ креслахъ. Дуэтъ постепенно смолкаетъ.* **АННА АЛЕКСАНДРОВНА** *остается попрежнему на мѣстѣ и, не торопясь, перелистываетъ ноты.* **КУЛМАЗИНЪ,** *опустивъ смычекъ, исподлобья наблюдаетъ за ней. Минутное молчаніе.*

Пичугинъ.

Хорошо! Очень хорошо! Облагораживаетъ чувство. Недаромъ Орфей усмирялъ музыкой дикихъ тварей. Или это Аполлонъ?... Что, бишь, я не припомню? Аркадій Ивановичъ, вы не припомните?

Кулмазинъ.

Что вы говорите, Лазарь Петровичъ?

Пичугинъ.

Говорю, что совсѣмъ миѳологію позабылъ. Аполлонъ лирой укрощалъ дикихъ тварей, а Орфей — тотъ, кажется, камни двигалъ; у васъ это въ памяти свѣжѣе?

Кулмазинъ.

Не могу вамъ сказать,—я миѳологіи не учился.

Пичугинъ.

Да и я не учился. Я ее по семейнымъ иллюстрированнымъ журналамъ изучалъ. Впрочемъ, вѣдь вы реалистъ: инженерному дѣлу обучались, — гдѣ же вамъ знать классическую древность.

Кулмазинъ.

Да я и не интересуюсь ею, этой классической древностью.

Пичугинъ.

Напрасно. Отчего же вы такъ не интересуетесь? *(Встаетъ).* За послѣднее время вотъ очень много интересныхъ раскопокъ господинъ Шлиманъ въ Троѣ сдѣлалъ. Знаете, въ Троѣ, куда прекрасную Елену Парисъ увлекъ?

Кулмазинъ, *машинально.*

Знаю.

Пичугинъ.

Интересно. Вѣдь прежде ученые говорили, что и Трои не было, и Елены Прекрасной,—что все это мечта и стихотворный вымыселъ. А тутъ вдругъ явился господинъ Шлиманъ, ученый нѣмецъ, и вдругъ все открылъ— и Пергамъ этотъ самый, и все прочее. Очень интересно. Вы, Аркадій Ивановичъ, какого мнѣнія? Имѣло мѣсто въ исторіи это похищеніе?

Кулмазинъ.

Какое похищеніе?

Пичугинъ.

Да Елены-то. Очень этотъ вопросъ меня интересуетъ. Неужто же и тогда было все такъ же, какъ теперь? — Явится какой-нибудь проходимецъ заморскій и начнетъ на чужую жену зубы точить?...

Анна Александровна.

Посмотрите, Лазарь Петровичъ, что на дворѣ — все такая же вьюга?

Пичугинъ *идетъ къ окнамъ.*

Ухъ, что дѣлается!... Зги не видать... Такъ и рветъ и мечетъ вѣтеръ. Не то снѣгъ, не то дождь. Зловредное время! *(Вздыхаетъ).* Какъ-то теперь Григорій Антоновичъ!

Анна Александровна.

Онъ пріѣдетъ, сейчасъ долженъ быть...

Пичугинъ.

Собаки теперь за ворота не выгонишь, а онъ—линію смотритъ. Подумаешь, надобность какая.—Послалъ бы кого, коли нужно...

Кулмазинъ.

Да я предлагалъ Григорію Антоновичу поѣхать, вмѣсто него, не пожелалъ. Говоритъ,—хозяйскій глазъ...

Пичугинъ.

Хозяйскій глазъ, хозяйскій глазъ,—охъ-хо-хо. На сторонѣ хозяйскій глазъ, а что дома дѣлается — того не видитъ. *(Быстро мѣняя тонъ).* Вотъ я васъ хотѣлъ спросить, Аркадій Ивановичъ, вы человѣкъ ученый: — что это значитъ «ни зги не видно»? Я вотъ сейчасъ у окна стоялъ, и сказалъ это самое: ни зги не видно. Говоришь, какъ попугай, и отчета себѣ не отдаешь. Что это за «зга» такая, и кто ее видѣлъ?

Кулмазинъ.

Не знаю, Лазарь Петровичъ, не знаю: я филологіи не обучался.

Пичугинъ.

И филологіи не знаете? Очень это грустно. Вотъ бываютъ иногда такіе любопытные вопросы—и никто ихъ разрѣшить не можетъ.

Анна Александровна.

Скажите, Лазарь Петровичъ, Филиппу, чтобы на случай, если Григорій Антоновичъ пріѣдетъ, все горячее было.

Пичугинъ.

Пойду, матушка, пойду. Хотя они все это и знаютъ досконально, и въ духовой печи остатки отъ обѣда парятъ, а я все-таки пойду. Можетъ, и говорить ничего Филиппу не буду,—а уйти уйду. Позвольте ручку поцѣловать: за обѣдецъ не поблагодарилъ еще. Я въ комнатѣ своей буду. Коли нужно что—кликните. У меня занятіе: за послѣдній мѣсяцъ вырѣзаю изъ газетъ, что до инженерства относится: тамъ постройки ежели, мосты, столкновенія, аваріи всякія—все это вырѣзаю,—Григорій Антоновичъ это любитъ. До свиданія, пріятной бесѣды. *(Идетъ).* Охъ-хо-хо — погодка какая... Теперь на паровозѣ не интересно... *(Уходитъ).*

II.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА *и* КУЛМАЗИНЪ.

Кулмазинъ.

Больше не будемъ играть?

Анна Александровна.

Нѣтъ, скучно... Неужели вамъ не надоѣло?

Кулмазинъ.

Мнѣ—нѣтъ.

Анна Александровна.

Каждый день все одно и то же, одно и то же.

Кулмазинъ.

Вамъ надоѣло, — а я сроднился до того, что вотъ каждый вечеръ послѣ обѣда, мы садимся съ вами за дуэтъ и два-три часа занимаемся музыкой, что, кажется, еслибы судьба измѣнила это теченіе жизни,—я бы съ ума сошелъ.

Анна Александровна, *задумчиво глядя передъ собой.*

Темныя, большія сырыя комнаты. По угламъ пахнетъ гнилью. Пойдешь—шаги отдаются глухо, точно кто идетъ слѣдомъ за тобою.

Кулмазинъ.

Старинная постройка! Этому дому, я полагаю, сотни двѣ лѣтъ, если не больше. Зато какъ лѣтомъ здѣсь хорошо, въ жаркіе дни,—какая прохлада, сколько воздуху... Посмотрите, какая толща стѣнъ, какія амбразуры у оконъ—точно въ крѣпости.

Анна Александровна.

Да,—казематъ настоящій. *(Вздрагиваетъ)*. А знаете, Аркадій Ивановичъ, какъ весело было у насъ въ семьѣ, пока я замужъ не вышла? Свѣтъ, тепло, хохотъ, шумъ съ утра до ночи. Дѣтей насъ много было. Кто смѣется, кто плачетъ, кто сердится, кто ухаживаетъ — и всѣ влюблены... Я выросла на свѣту, на яркомъ солнцѣ,— я боюсь темноты, боюсь. Я не привыкла сидѣть цѣлыми днями и рѣшать выспренніе философскіе вопросы. Я и училась со смѣхомъ, и замужъ со смѣхомъ шла, и жила первое время такъ весело, что духъ захватывало. Поѣхала я съ Гришей за границу. Исколесили всѣ курорты. Тамъ кислые, зеленые всѣ ходятъ, больные, желчные, а мы-то съ весельемъ, съ молодостью, съ жизнью... Намъ всему было смѣшно—и горамъ, и каштанамъ, и этимъ больнымъ, и нѣмкамъ, и ихъ собакамъ... Мы жили, дышали и любили... А потомъ... *(Сразу обрывается)*.

Кулмазинъ.

А потомъ?

Анна Александровна *встаетъ, молча проходитъ на другую сторону, садится въ кресло. Пауза.*

Кулмазинъ.

Да, вы теперь рѣдко смѣетесь.

Анна Александровна, *нервно усмѣхаясь.*

Рѣдко? Скажите: никогда. Да и радоваться-то, кажется, нечему. Еще пока сестры гостили у меня—все ничего было. А какъ повышли замужъ, да разъѣхались по разнымъ городамъ,—я и засѣла здѣсь, и сижу сиднемъ безвыѣздно. Меня, порою, такъ и манитъ на солнце.—точно я въ склепѣ... Потушите свѣчи у фортепьянъ... И фортепьяно это—точно гробъ какой...

Кулмазинъ *встаетъ и тушитъ свѣчи у своего пюпитра и у рояля.*

Какъ странно: одно и то же на разныхъ людей производитъ совершенно противоположное впечатлѣніе. Когда я сюда, къ вамъ, пріѣхалъ, съ перваго раза меня обдало такимъ тепломъ, какого я никогда въ жизни не испытывалъ. Вотъ болѣе полугода, какъ я здѣсь — и это время кажется мнѣ счастливѣйшимъ въ моей жизни. Мнѣ здѣсь каждый стулъ, каждая колонка мила и дорога. Прошлой жизни точно и не было,—все прошло, точно отрѣзано и никогда не вернется. Я такъ сжился съ этимъ домомъ, съ вами, все это мнѣ кажется такимъ роднымъ, будто съ дѣтства я все это знаю, и вы точно выросли со мною вмѣстѣ... *(Пауза).*

Анна Александровна *задумчиво поигрываетъ кистью кресла.*

Зачѣмъ вы такъ хорошо играете!?

Кулмазинъ.

Зачѣмъ?

Анна Александровна.

Да,—зачѣмъ? Этого совсѣмъ не надо.

Кулмазинъ.

Не надо? Ну, что-жъ... Я никогда больше у васъ играть не буду.

Анна Александровна.

Ахъ, вы меня не понимаете! Я говорю, если бы вы не играли такъ,—вы были бы такой же, какъ и всѣ, а теперь—вы лучше...

Кулмазинъ *смѣется.*

Вы не хотите, чтобы я былъ лучше?

Анна Александровна.

Да... это было бы спокойнѣе для меня.

Кулмазинъ.

Анна Александровна, намъ надо было бы съ вами объясниться.

Анна Александровна.

Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, чтобы не было никакихъ объясненій. Я ихъ знаю, чувствую, предвижу. Я не хочу ихъ.

Кулмазинъ.

Но, Анна Александровна, согласитесь, я тоже человѣкъ.

Анна Александровна.

Я знаю, вы человѣкъ хорошій, добрый, честный, но пожалѣйте меня.

Кулмазинъ, *послѣ нѣкотораго колебанія.*

Скажите мнѣ одно слово, и завтра меня здѣсь не будетъ.

Анна Александровна *встаетъ.*

Ахъ, не то вы, совсѣмъ не то говорите. *(Ходитъ по комнатѣ).* Зачѣмъ вы пріѣхали сюда!? Безъ васъ, безъ этой музыки, мнѣ было легче. Теперь я не могу примириться съ моей обстановкой—довольно. Во мнѣ такой избытокъ силъ, что, кажется, на двѣ жизни хватило бы. Между тѣмъ, идутъ дни за днями, силы уходятъ, уходятъ, и впереди нѣтъ ничего. Впереди все то же—завтракъ, обѣдъ, ужинъ, прогулки по саду, дуэты съ вами; когда пріѣзжаетъ мужъ—вѣчные разговоры о насыпяхъ, шпалахъ, уклонахъ—обо всемъ этомъ вздорѣ, котораго я не понимаю, потому что этому въ институтѣ у насъ не учили, и въ которомъ я ровно ничего

не смыслю. Ну, что же дальше? И завтра то же самое, и послѣзавтра, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ. Гдѣ же конецъ? Гдѣ же исходъ?...

Кулмазинъ.

'Какого же исхода вамъ надо?

Анна Александровна.

Не знаю какого, но во всякомъ случаѣ—жизни. Вы скажете, что я пустая, вздорная бабенка, что я плохая жена, плохая мать,—очень возможно, — я спорить не стану. Но эта замкнутая жизнь, эти вѣчныя цифры, разсчетъ радіусовъ и уклоновъ — это невыносимо для меня. Быть можетъ, другая натура смирилась бы, вошла въ колею, а я не могу. Временами у меня является такая злоба что я начинаю ненавидѣть и мужа, и ребенка...

III.

Въ дверяхъ **ПИЧУГИНЪ.**

Пичугинъ.

Къ вамъ гостья, Анна Александровна.

Анна Александровна.

Этого только не доставало...

Пичугинъ.

Глафира Семеновна.

Анна Александровна.

Пріятный вечеръ, нечего сказать... Просите ее сюда... *(Пичугинъ уходитъ).*

Кулмазинъ.

Позвольте удалиться. *(Берется за фуражку).*

Анна Александровна.

Куда? Зачѣмъ?

Кулмазинъ.

Во избѣжаніе лишняго разговора. Я совершенно не желаю подвергать васъ сплетнямъ.

Анна Александровна.

Останьтесь. Не все ли равно, поговорятъ, перестанутъ.

Кулмазинъ.

Вы слышали намеки Лазаря Петровича? Онъ хоть не скрывается, въ глаза все говоритъ, а эта—за спиной.

Анна Александровна.

Пускай, мнѣ все равно.

Кулмазинъ.

Не понимаю я васъ, Анна Александровна, рѣшительно не понимаю.

Анна Александровна.

Что же я за сфинксъ такой, полнòте...

IV.

Тѣ-же *и* ЗВЯГИНЦЕВА.

Звягинцева.

Здравствуйте, ma chère, не ждали? Здравствуйте, Аркадій Ивановичъ. Какъ это говорится о нежданномъ гостѣ и о татаринѣ?

Анна Александровна.

Я васъ не ждала, но видѣть всегда рада. *(Оглядывая ея туалетъ).* Вы на вечеръ ѣдете?

Звягинцева.

Къ Хотинскимъ. Вѣдь у нихъ сегодня jour fixe — потанцовать захотѣлось, давно не танцовала. Да за вами по дорогѣ заѣхала, не поѣдемъ ли вмѣстѣ?

Анна Александровна.

Нѣтъ, не поѣду. Мужа жду. Онъ два дня не былъ.

Звягинцева.

Пріѣдетъ сегодня?

Анна Александровна.

Да, прислалъ депешу.

Звягинцева.

Жаль.

Анна Александровна.

Что жаль?

Звягинцева.

Что онъ пріѣдетъ, а то все-таки потанцовали бы. Вотъ и Аркадій Ивановичъ поѣхалъ бы.

Кулмазинъ.

Я плохой танцоръ.

Звягинцева.

А Григорій Антоновичъ гдѣ же?

Анна Александровна.

Какъ всегда—на линіи.

Звягинцева.

На линіи!... Удивительный человѣкъ вашъ Григорій Антоновичъ; все-то онъ на линіи, все на линіи. А вотъ вы, Аркадій Ивановичъ, охъ вы какой! Никогда не бываете на службѣ. Все-то музыцируете. Это весьма располагающее занятіе.

Кулмазинъ.

То-есть къ чему собственно?

Звягинцева.

Къ поэзіи, къ мечтательности. Еще вотъ сегодня утромъ мой мужъ удивлялся, что это у васъ за должность странная: Григорій Антоновичъ все одинъ дѣлаетъ, а вы, его помощникъ—ничего.

Куламзинъ, *пожимая плечами.*

Это дѣло Григорія Антоновича. Онъ не любитъ даже допускать меня до работы. Все вездѣ самъ. Вотъ теперь дождь, ненастье, а онъ за восемьдесятъ верстъ на работахъ.

Звягинцева.

И онъ все на паровозѣ ѣздитъ?

Кулмазинъ.

На паровозѣ. Вѣдь поѣзда еще не ходятъ.

Звягинцева.

Я думаю, какъ это вамъ непріятно, что нѣтъ опредѣленнаго часа пріѣзда. Совершенно неожиданно—ночью, днемъ, когда вздумается, тогда и пріѣдетъ...

Анна Александровна *нервно поводитъ плечами.*

Кулмазинъ.

Да, Глафира Семеновна, Григорій Антоновичъ человѣкъ удивительный, вы правду сказали. Это человѣкъ характера, человѣкъ сильной воли, человѣкъ, незнающій, что такое нервы. Онъ своимъ личнымъ трудомъ поднялся на ту высоту, на которой онъ теперь. Такихъ людей единицы на цѣлые милліоны. У него слово и дѣло—одно и то же.

Звягинцева.

Да, я слышала, говорятъ лучше его никто не строитъ теперь линій.

V.

Тѣ-же, МАРИША *и* **ЛЕША.**

Мариша.

Иди, иди, не топчись на мѣстѣ. Иди, нужно съ мамашей проститься... Совсѣмъ спитъ... Иди къ мамѣ... И не видитъ... глаза совсѣмъ закрыты... Цѣлуй ручку...

Анна Александровна.

Ты спишь совсѣмъ, моя радость, иди бай-бай!... Отчего у тебя глазки заплаканы?

Леша.

Спать хочу.

Анна Александровна.

Ну, простись съ тетей, дай ручку... Съ дядей простись.

Леша, *Кулмазину.*

Ты завтра съ утра придешь, какъ всегда?

Кулмазинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, завтра мнѣ некогда. Я конфетъ тебѣ пришлю...

Мариша.

Ну, иди, иди... На стулъ не наткнись. До чего спать захотѣлъ, ишь ты! *(Уходятъ).*

Звягинцева.

Какой прелестный ребенокъ. *(Ему).* Какъ онъ къ вамъ привыкъ: «съ утра, говоритъ, дядя»... Душка какой... Анна Александровна, ну, а какъ вы находите платье? *(Встаетъ).*

Анна Александровна.

Вы прекрасно одѣваетесь всегда.

Звягинцева.

Какъ вамъ, ma chère, нравится матерія? Правда, восторгъ? Вы не слушайте, Аркадій Ивановичъ, вамъ нашъ разговоръ о тряпкахъ не интересенъ. А какъ прелестно сшито. На прошлой недѣлѣ изъ Петербурга мнѣ прислали два платья: madame Довиньи такъ ужъ знаетъ мою фигуру. Въ зеленомъ я была вчера на вечерѣ у Ахвердовыхъ. Представьте, у нихъ былъ литературный вечеръ и читали: «О непротивленіи злу»! Это была такая тоска, я не знала, куда дѣваться, просто не стоило новаго платья надѣвать... Ну, что же я болтаю, я вамъ мѣшаю, можетъ быть?

Анна Александровна.

Чѣмъ же вы можете мѣшать?

Звягинцева.

Вы привыкли вдвоемъ постоянно за роялью.

VI.

Тѣ-же *и* **ПИЧУГИНЪ** *быстро просовываетъ голову въ дверь.*

Пичугинъ.

Паровозъ свиститъ! *(Скрывается).*

Звягинцева.

Это что же значитъ?

Анна Александровна.

Гриша пріѣхалъ.

Звягинцева.

Ахъ, скажите, какъ это у васъ удобно. Дѣйствительно, вѣдъ домъ у васъ совсѣмъ на линіи — такъ что слышно... И онъ ужъ всегда такъ и сторожитъ этотъ Пичугинъ? Сторожитъ и предупреждаетъ?

Анна Александровна *смотритъ ей прямо въ глаза.*

Да, сторожитъ и предупреждаетъ. Онъ очень любитъ Гришу.

Звягинцева.

Вотъ что! Любитъ...

Пичугинъ, *просовывая голову.*

Анна Александровна, я велѣлъ подавать обѣдъ. *(Скрывается).*

Звягинцева.

Ну-съ, я не буду болѣе мѣшать. При семейной встрѣчѣ —постороннихъ не надо. Я только поздороваюсь съ

Григоріемъ Антоновичемъ и улечу. Аркадій Ивановичъ, поѣдемте. Отпустите его, Анна Александровна.

Анна Александровна.

Развѣ я имѣю право держать Аркадія Ивановича?

Звягинцева.

Ну, вотъ и чудесно...

VII.

Тѣ-же, ПРИСЕЛКОВЪ *и* **ПИЧУГИНЪ,** *потомъ* **ЛАКЕЙ.**

Пичугинъ.

Здѣсь всѣ, здѣсь, пожалуйте, а обѣдъ въ столовую ужъ поданъ.

Приселковъ.

Не надо въ столовую, давай сюда! Мнѣ чего-нибудь на скорую руку!... А-а! Глафира Семеновна, здравствуйте. Какъ поживаете. Жена, здравствуй. *(Цѣлуетъ ее).* Здравствуй, дорогой мой. *(Жметъ руку Кулмазину).* Ну, вотъ, какъ я радъ, что всѣ тутъ...

Звягинцева.

Я думаю, промокли, продрогли...

Приселковъ.

И промокъ, и продрогъ, и голоденъ, какъ никогда... *(Пичугину).* Распорядись-ка бутылочку лафита.

Пичугинъ.

Въ моментъ! *(Летитъ въ дверь).*

Приселковъ.

Что Леша легъ спать? Здоровъ? Ну, я къ нему потомъ зайду. *(Лакей вноситъ тарелки на поднось).*

Анна Александровна.

Не лучше ли въ столовой?... Здѣсь неудобно.

Приселковъ.

Отлично, превосходно здѣсь! Супа не надо — тащи прочее. Водку оставь. Что это? Почки? Прекрасно, будемъ ѣсть почки. Лафиту скорѣе.

Лакей.

Лазарь Петровичъ сами ключъ взяли, побѣжали въ погребъ.

Приселковъ.

Подкинь дровъ въ каминъ. *(Пьетъ).* Фу, какъ славно!... Послѣ такого ливня... Хорошее дѣло... *(Ѣстъ).* Ну-съ, что у васъ новаго?... А у насъ дѣло такъ и кипитъ, мѣсяцемъ раньше срока кончимъ. Какъ говорилъ, такъ и кончимъ. Только вотъ этотъ дождь, проклятый, пожалуй, на весь завтрашній день помѣшаетъ... Подрядчика Нестунова къ чорту спустилъ. Взялъ за воротъ, и въ канаву. Мерзавецъ. Пусть жалуется. Мошенничать у меня на глазахъ, у меня!... Ну, какъ вы, Глафира Семеновна? Нарядная какая, въ цвѣтахъ! Нюта, хочешь такое платье? А?...

Звягинцева.

Звала вашу жену сегодня потанцовать — не хочетъ.

Приселковъ.

Отчего не хочетъ? Нюта, отчего ты не хочешь? Тебѣ развлекаться надо. Нельзя же киснуть все время дома. Что за вздоръ! Одѣвайся сейчасъ и поѣзжай.

Анна Александровна.

Нѣтъ, я ужъ отвыкла отъ выѣздовъ. Да и не хочется мнѣ, и нездоровится какъ-то, ознобъ.

Приселковъ.

Поди сюда. *(Трогаетъ ей лобъ).* Ничего, жара нѣтъ, это такъ — нервы. Хининки на ночь. Пошли въ аптеку, только вели соленокислаго...

Пичугинъ, *съ лафитомъ.*

Я изъ самыхъ лучшихъ досталъ, Григорій Антоновичъ. Ну, ужъ и дождь лупитъ... Сильнѣе чѣмъ прежде...

Приселковъ.

Проклятый!... Только что мостъ окрасили... Аркадій, ангелъ мой, распорядись, чтобы на Зарѣцкой мѣшки покрыли, они, скоты, такъ вѣдь и оставятъ муку, какъ вчера она лежала, а въ сараѣ брезенты лежатъ на цѣлую гору. Садись на локомотивъ къ Михельсону, и жарь туда.

Звягинцева.

Васъ отъ меня отнимаютъ, Аркадій Ивановичъ? Мы вѣдь на балъ собирались.

Кулмазинъ.

Служба прежде всего... Больше ничего, Гриша, не надо?

Приселковъ.

Ничего. Обругай ихъ тамъ хорошенько, да оштрафуй Вшидловскаго за несмотрѣніе... Пріѣзжай скорѣй...

Кулмазинъ.

До свиданія, Глафира Семеновна.

Звягинцева.

Вмѣстѣ выйдемъ. До свиданія, ma chère, наслаждайтесь семейнымъ счастіемъ. До свиданія, Григорій Антоновичъ, какой вы всегда довольный, счастливый, здоровый. Смотрѣть завидно.

Приселковъ.

До свиданья, голубушка. Посѣщайте жену-то мою. Вѣдь ей скучно безъ меня. Все одна.

Звягинцева.

Ну, кажется, Аркадій Ивановичъ почти всегда у васъ.

Приселковъ.

Аркадій не въ счетъ. Аркадій свой человѣкъ... Мужу поклонъ. *(Поцѣлуи и прощаніе. Звягинцева и Кулмазинъ уходятъ, ихъ провожаетъ Анна Александровна).*

VIII.

ПРИСЕЛКОВЪ *и* ПИЧУГИНЪ.

Приселковъ.

Хочешь лафиту?

Пичугинъ.

Не откажусь, Григорій Антоновичъ. *(Пьетъ).* Безподобный лафитъ. Такого теперь въ продажѣ нѣтъ. Это только вотъ чрезъ здѣшнихъ жидовъ контрабандой и достаютъ.

Приселковъ.

Не люблю я этого.

Пичугинъ.

Чего? Лафиту-то?

Приселковъ.

Нѣтъ, контрабанды. Подло. Вѣдь это, значитъ, поощрять ее, коли покупать завѣдомо мошенническій товаръ.

Пичугинъ.

Всѣ, родной мой, покупаютъ, не вы одинъ. Въ Петербургѣ какихъ людей я знавалъ, тѣ такъ даже хвастались: вотъ, молъ, какой у меня безбандерольный табакъ.

Приселковъ.

Вотъ я и говорю, что подло.

Пичугинъ.

Безъ подлости не проживешь. Коли копнуть—у кого изъ насъ этой самой подлости-то нѣтъ... *(Входитъ Филиппъ съ кушаньемъ).*

Филиппъ.

Барыня велѣли сказать, что прошли въ дѣтскую и сейчасъ сюда будутъ. *(Забираетъ тарелки и уходитъ).*

Приселковъ, *продолжая обѣдать.*

Много, душа моя, подлости, много. Какъ меня сегодня разобидѣтъ Пестуновъ. Ты знаешь, я пятнадцать пудовъ подымаю. Какъ взялъ я его, да тряхнулъ: вытряхай, говорю, подлость свою, у него даже глаза закатились... Убить такого мерзавца мало. Рабочихъ ржавой солониной накормилъ: половина больныхъ лежитъ. Ну, будетъ помнить...

Пичугинъ.

Не люблю я, Григорій Антоновичъ, когда вы надолго отсюда уѣзжаете. Очень не люблю.

Приселковъ.

Что же мнѣ дѣлать-то здѣсь?

Пичугинъ.

Да такъ-то такъ, да барыня-то наша ужъ очень безъ васъ скучаетъ. Вотъ вчера да сегодня лица на ней нѣтъ. Спросишь что-нибудь, — не отвѣчаетъ, не слышитъ. Играетъ свои дуэты.

Приселковъ.

И слава Богу, что играетъ. Пусть играетъ.

Пичугинъ.

Положимъ, не мое это дѣло и соваться даже мнѣ сюда не слѣдъ. Я знаю, что живу у васъ по вашей добротѣ въ домѣ, считаете вы меня родственникомъ, а можетъ я и не родственникъ: такъ старый актеръ выходной, на заднія ноги разбитый. Вы меня такимъ довѣріемъ обставили, и погребъ на моихъ рукахъ, и домъ вести, и къ нотаріусу съѣздить, и съ рабочими поговорить.

Приселковъ.

Ну, поѣхалъ...

Пичугинъ.

Я васъ съ этакихъ лѣтъ помню, помню, какъ васъ мальчишкой въ семинарію отецъ діаконъ везъ. Помню, какъ онъ потомъ со слезами умиленія говорилъ: «сынъ-

отъ мой, первый!... Ректоромъ отличенъ, профессорами отличенъ, помяни мое слово первымъ будетъ»... конечно, онъ думалъ, что вы по духовной iерархiи пойдете...

Приселковъ.

Ты на вино слабъ. Одинъ стаканъ выпилъ,—и понесъ околесную...

Пичугинъ.

И совсѣмъ не околесную. Я только справку, такъ сказать, о васъ дѣлаю. Было у васъ всегда характера много. Отстояли вы тогда свѣтскую карьеру, пошли въ Технологическiй—первымъ кончили. Ну, думаемъ, довольно учиться—двадцать четыре года. А вы опять въ Путей сообщенiя. Ахнули мы даже!...

Приселковъ.

Чего же вы ахали? Не я одинъ, нынче много такихъ. Учиться, такъ учиться,—вполовину дѣлать нечего.

Пичугинъ.

Лѣтъ молодыхъ жалко—уходятъ.

Приселковъ.

Не уйдутъ! Мужской мозгъ только къ тридцати годамъ формируется. Зато ужъ выступаешь готовымъ на борьбу во всеоружiи. Я еще потомъ поѣхалъ за границу, тамъ учился. А потомъ вернулся въ Россiю, женился на Аннѣ.

Пичугинъ.

Вотъ-вотъ: все хорошо шло, а тутъ и попортили. Жениться-то и не надо было.

Приселковъ.

Это почему же?

Пичугинъ.

А потому, что вы это самое инженерное строительство больше всего на свѣтѣ любите.

Приселковъ.

Вѣрно.

Пичугинъ.

Вы весь туда ушли по-уши и нѣтъ для васъ ничего другого. Такимъ, какъ вы, жениться не надо. Лучше метресокъ завести.

Приселковъ.

Что ты мнѣ за вздоръ несешь?

Пичугинъ.

Не вздоръ. Это у меня давно все перевернуто. Выводы вамъ докладываю.

Приселковъ.

Ну, выводы, братецъ, разные бываютъ, иной такой выводъ, что лучше, еслибъ его совсѣмъ не было.

IX.

Тѣ-же, ФИЛИППЪ, *потомъ* **АННА АЛЕКСАНДРОВНА.**

Филиппъ.

Принять прикажете?

Приселковъ.

Убирай.

Пичугинъ.

Нѣтъ, не скажите. Вы вотъ вѣдь все на линіи, а я здѣсь. Мнѣ виднѣе.

Приселковъ.

Что тебѣ виднѣе? Что жена скучаетъ? Безъ тебя я это знаю. Ну, надо что-нибудь придумать. Ну, въ Москву ее отправлю къ младшей сестрѣ, пусть тамъ поживетъ полгодика.

Пичугинъ.

И отправьте, Григорій Антоновичъ, всенепремѣнно отправьте. Ахъ, не на ней вамъ жениться надо было. Что вы на меня такъ смотрите? Ужъ если такая нашла

на васъ полоса, что непремѣнно надо обзаводиться домомъ, взяли бы простую русскую бабу. Право. Да нынче и въ модѣ это—важные господа ради того, чтобы опроститься, женятся на простыхъ.

Приселковъ.

Вздоръ ты несешь, Лазарь.

Пичугинъ.

Не вздоръ. Натуру вашу я насквозь знаю. Вѣдь, что вамъ надо отъ жены? Небесную страсть? Вздохи подъ кусточкомъ? Ни Боже мой! Вамъ надо, чтобы въ домѣ всегда былъ лафитъ хорошій, да почки вотъ чтобы не перепрѣли, да чтобы сама она въ глаза вамъ смотрѣла, да была здоровой, красивой, чтобы было что приласкать на досугѣ... А вѣдь эти фортепьяны,—они только заниматься мѣшаютъ...

Приселковъ.

Слабъ сталъ, старикъ, слабъ.

Пичугинъ.

Не слабъ... вы сами съ моими выводами согласны—вотъ что...

Анна Александровна *входитъ.*

Ты хотѣлъ къ Лепѣ въ дѣтскую?

Приселковъ.

Да успѣю еще. Ну, поди сюда. Говорятъ, ты скучала безъ меня? А? Правда?

Пичугинъ, *подымаясь со стула.*

Я къ себѣ пойду, Григорій Антоновичъ, у меня дѣла тамъ... А на выводъ мой вниманіе обратите. *(Уходитъ).*

X.

ПРИСЕЛКОВЪ *и* **АННА АЛЕКСАНДРОВНА.**

Приселковъ, *обнимая жену, садится съ нею кушетку.*

Скучала безъ меня? А?

Анна Александровна.

Скучала.

Приселковъ.

Отчего ты не придумаешь себѣ какого-нибудь занятія? Тебѣ скучно отъ того, что ты ничего не дѣлаешь.

Анна Александровна.

Все утро я съ Лешей. Потомъ читаю, гуляю по саду. Послѣ обѣда музыка...

Приселковъ.

Ну, прекрасно. Чего же еще ты хочешь? Ты сама знаешь, что обстоятельства заставляютъ меня жить здѣсь. Хочешь,—поѣзжай въ Петербургъ, въ Москву.

Анна Александровна, *прижимаясь къ нему.*

Я никуда безъ тебя не поѣду.

Приселковъ, *цѣлуя ее.*

Милушка ты моя, радость, что же мнѣ съ тобою дѣлать?...

Анна Александровна, *пряча голову на его груди.*

Спаси меня!

Приселковъ.

Что такое?... Какъ спасти? Отъ чего? Что ты бредишь?

Анна Александровна.

Я не знаю. Со мною творится что-то непонятное...

Приселковъ.

Постой, не прячься отъ меня. Подними голову, вытри глазки. Ну, разсказывай все по порядку. Что за бѣда? Что случилось?

Анна Александровна.

Зачѣмъ ты выписалъ сюда этого Кулмазина? Зачѣмъ онъ у насъ постоянно въ домѣ? Зачѣмъ ты все время держишь его возлѣ меня?

Приселковъ.

Постой, не сразу столько вопросовъ, во всемъ нуженъ извѣстный порядокъ. Зачѣмъ я выписалъ Кулмазина? Потому, что онъ мой товарищъ по институту и очень скверный инженеръ. Кромѣ какъ здѣсь, едва ли онъ гдѣ найдетъ мѣсто. Но онъ всегда былъ хорошій музыкантъ, я его и выписалъ спеціально для тебя, чтобы онъ съ тобою разыгрывалъ дуэты, чтобы тебѣ не такъ было скучно. Ѣзжу я и за него все дѣлаю, во-первыхъ, потому, что я лучше сдѣлаю, чѣмъ онъ, а во-вторыхъ, опять-таки, чтобы ты оставалась съ нимъ.

Анна Александровна.

Ты знаешь, что въ городѣ говорятъ?

Приселковъ.

Знаю. То-есть не знаю, а увѣренъ въ этомъ. Да вотъ сейчасъ эта дура дѣлала намеки.

Анна Александровна.

Ну, и что же?

Приселковъ.

На здоровье! Надо, чтобы я, лично я, былъ убѣжденъ въ чемъ-нибудь—остальное вздоръ. Я смотрю на вещи прямо, какъ смотрю въ глаза всему свѣту... Въ Аркадіѣ я убѣжденъ совершенно, увѣренъ какъ въ самомъ себѣ. Онъ не позволитъ никогда ничѣмъ оскорбить тебя—онъ человѣкъ вполнѣ честный!

Анна Александровна.

Ну, а во мнѣ ты увѣренъ?

Приселковъ.

Постой, я не понимаю, что ты говоришь? Какъ увѣренъ, въ чемъ?

Анна Александровна.

Въ томъ, что наша близость, эта музыка, которая такъ раздражаетъ нервы, не приведетъ насъ къ еще болѣе близкимъ отношеніямъ?

Приселковъ.

Пускай! Вы привыкните другъ къ другу, даже онъ, быть можетъ, влюбится въ тебя. Ну, и что же? Если онъ почувствуетъ, что страсть его зашла далеко—онъ уѣдетъ.

Анна Александровна.

А если... я поѣду за нимъ?

Приселковъ.

Куда?

Анна Александровна.

Не знаю, куда онъ поѣдетъ.

Приселковъ.

Зачѣмъ?

Анна Александровна, *вставая.*

Затѣмъ, что я его могу полюбить,—вотъ зачѣмъ...

Приселковъ, *съ улыбкой качая головой.*

Нѣтъ, этого никогда не будетъ.

Анна Александровна.

Почемъ ты знаешь?

Приселковъ.

Чтобы *моя* жена отъ *меня* могла уйти... Нѣтъ!...

Анна Александровна.

Какое самомнѣнье, какая увѣренность въ себѣ!

Приселковъ.

Я никогда до сихъ поръ ни въ чемъ не ошибался. Неужели же я ошибся въ выборѣ жены? Нѣтъ, этого никогда не будетъ... У тебя нервы ходятъ—это несомнѣнно. Тебѣ надо успокоиться, къ утру все это пройдетъ...

Анна Александровна.

Да нѣтъ же, Гриша, нѣтъ, ты меня не понимаешь. Это не нервы, это что-то гораздо худшее. Я умоляю тебя, не оставляй меня съ нимъ, вѣдь это же безуміе съ твоей стороны.

Приселковъ.

Полно тебѣ, Аня, стыдись, какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія вещи! Чтобы я могъ подумать, представить относительно тебя... Какая же у меня можетъ быть увѣренность въ моей женѣ, если я не могу уѣхать изъ дома по дѣламъ службы!.. Вѣдь ты же не нервная дрянь какая-нибудь... не столичная разлетайка. Если мы сошлись съ тобою, рѣшили вмѣстѣ жить, то никакого возврата назадъ, никакихъ поправокъ уже немыслимо. Ты скажешь: это нравственный деспотизмъ. Нѣтъ: это порядочность. Разъ я съ убѣжденіемъ сдѣлался инженеромъ, ничѣмъ инымъ, кромѣ инженера, я быть не могу—возвращаться поздно. Мы совершенно сознательно подали другъ другу руку—объ чемъ еще говорить? Я не хочу представить себѣ, чтобы ты забыла свой долгъ жены, матери. Ахъ это все слѣды вашего институтскаго образованія: исканіе какихъ-то романовъ, какихъ-то идеаловъ... *(Подходитъ къ ней и поднимаетъ ея голову за подбородокъ).* Ты вѣдь у меня умница, ты головка чудесная, свѣтлая, ты все сама отлично понимаешь и сознаешь... Я только не знаю, какъ мысли такія дурашныя тебѣ въ голову приходятъ. *(Садится рядомъ съ ней).*

Анна Александровна.

Вотъ мнѣ такъ хорошо, когда ты бываешь дома. А когда тебя нѣтъ, мнѣ дѣлается страшно.

Приселковъ, *цѣлуя ее.*

Ну вотъ, намъ и легче стало. Ахъ, радость моя, лучше ты всѣхъ другихъ женщинъ, а все-таки сидитъ въ тебѣ эта подлая женская закваска,—это вѣчное исканіе чего-то новаго, а чего, сама не знаетъ. Въ воздухѣ, что-ли, эпидемія такая носится—ужъ и понять не могу.

Анна Александровна.

Гриша, поѣдемъ за границу. Уѣдемъ отсюда.

Приселковъ.

Нѣтъ, теперь мы никуда не поѣдемъ, потому что у меня срочная работа.

Анна Александровна.

Что работа, работа вздоръ, состояніе у насъ хорошее. Брось все, поѣдемъ отсюда куда-нибудь на югъ. Я задыхаюсь здѣсь...

Приселковъ.

Откроемъ дорогу, тогда я тебѣ обѣщаю—на цѣлыхъ полгода уѣдемъ. Поѣдемъ въ Испанію, на Ривьеру. А теперь ѣхать безуміе. Дѣла своего я не брошу и никуда не поѣду...

Анна Александровна.

Не хочешь ты, не хочешь меня понять... Ну, такъ я теперь требую, слышишь: я требую, чтобы Кулмазина болѣе здѣсь не было. И пусть это отъ тебя, а не отъ меня... Я не могу, я не въ силахъ...

Приселковъ, *строго.*

Ты опять за старое? Никуда я Аркадія не отправлю, онъ останется здѣсь, и никогда ни одной минуты ревновать тебя къ нему я не стану. Еслибъ я хоть на волосъ, хоть на волосъ повѣрилъ возможности измѣны съ твоей стороны... да нѣтъ, тогда можно ли жить, если нельзя вѣрить въ самыхъ близкихъ, въ дорогихъ существъ,—въ свою жену... Бояться ея измѣны, представить себѣ, что другой... *(Встаетъ).* Знаешь: у меня тѣни этой мысли не было никогда... Это такъ чудовищно

и невозможно, какъ если бы я сталъ думать о томъ, что вотъ завтра этотъ потолокъ обвалится и убьетъ насъ на смерть.

Анна Александровна.

Гриша, подумай!... Ты на меня смотришь все какъ на ребенка, ты видишь во мнѣ то, что видѣлъ восемь лѣтъ назадъ. Ты не знаешь меня. Я предупреждаю тебя: подходитъ критическій моментъ, я за себя не ручаюсь. Я могу полюбить другого, понимаешь. Я не люблю еще, но за будущее ручаться не могу. А если я полюблю—возврата не будетъ... Ты меня не знаешь.

Приселковъ.

Нѣтъ, знаю, что ты честная женщина и впредь такой будешь; а все остальное—пустяки...

— —

XI.

Тѣ-же *и* **КУЛМАЗИНЪ,** *потомъ* **ФИЛИППЪ.**

Кулмазинъ.

Гриша, телеграмма сейчасъ получена: на двѣсти третьей верстѣ размываетъ насыпь: трубу подъ ней вырвало...

Приселковъ.

А плотина, что на верху, развѣ еще не поставлена?

Кулмазинъ.

Ничего не знаю. Телеграмма пять словъ.

Приселковъ *взглянулъ на телеграмму.*

Говорилъ я, говорилъ, что надо было отвести воду... не послушали, дорого... Ну, вотъ теперь... Очень радъ, пусть платятся, очень радъ... Я имъ вгоню за эту починку ремонтъ. Не послушали... *(Застегиваясь).* Паровозъ тутъ?

Кулмазинъ.

Тутъ у калитки—два подъ парами.

Приселковъ.

Надо ѣхать.

Кулмазинъ.

Ѣдемъ вмѣстѣ.

Приселковъ.

Ѣдемъ!... *(Останавливается).* Впрочемъ, нѣтъ, я одинъ.

Анна Александровна.

Нѣтъ, ужъ если ѣхать, поѣзжайте оба.

Приселковъ, *звонитъ.*

Я поѣду одинъ. *(Смотритъ на него).* А ты останешься съ женой. Она слишкомъ въ нервахъ, одну ее оставить я не хочу. *(Входитъ Филиппъ).* Непромокаемое пальто, и сказать Никифорову, что я ѣду. Положить въ корзинку коньяку. *(Филиппъ уходитъ).* Я черезъ полчаса тамъ буду и тотчасъ дамъ депеши, какія нужны будутъ распоряженія, такъ что ты, Аркадій, не уходи. Прикажи Лазарю быть готовымъ, если нужно отсчитать рабочихъ и выслать туда. Вели на случай собрать рабочій поѣздъ. *(Цѣлуетъ жену).* Прощай.

Анна Александровна.

Когда же ты домой?

Приселковъ.

Раньше какъ къ утру не буду.

Анна Александровна.

Гриша, умоляю тебя... Я говорила съ тобой серьезно...

Приселковъ.

Я и не думалъ ни одной минуты, что ты шутишь.

Анна Александровна.

Пошли Аркадія...

Приселковъ.

Прощай, Аркадій. Если рабочихъ надо будетъ разбудить и отправить—дай имъ по чаркѣ водки...

Кулмазинъ.

Что ты такъ взволновался?...

Приселковъ.

Досадно!... Новая насыпь—и размываетъ. Ну, такъ до свиданія...

Кулмазинъ.

Нѣтъ, я тебя одного не отпущу.

Приселковъ.

Я тебѣ сказалъ, ты нуженъ здѣсь для распоряженій... Дѣло прежде всего... *(Подходитъ къ женѣ).* До свиданія... *(Смотритъ на нее).* Это все пустая тревога: ненастье къ утру пройдетъ—и все будетъ благополучно... *(Цѣлуетъ ее).* До свиданія!...

XII.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА *и* **КУЛМАЗИНЪ**, *потомъ* **ПИЧУГИНЪ**.

Анна Александровна, *проводя рукой по лбу.*

Сумасшедшій. *(Подходитъ къ окну).* А дождь такъ и льетъ, все сильнѣе и сильнѣе... *(Пауза).*

Кулмазинъ.

Прятать віолончель, Анна Александровна, или будемъ играть?

Анна Александровна.

Да что же больше дѣлать. Будемъ играть, Аркадій Ивановичъ.

Кулмазинъ *зажигаетъ свѣчи.*

Анна Александровна, *у окна.*

Вотъ огоньки двинулись... Это онъ, должно быть... Какъ искры изъ трубы сыплются... Уѣхалъ...

Кулмазинъ.

Ну-съ, готово, Анна Александровна.

Анна Александровна *медленно идетъ къ роялю.*

Чтò же играть, Аркадій Ивановичъ?

Кулмазинъ.

Да повторимъ давишній дуэтъ.

Анна Александровна.

Повторимъ давишній дуэтъ. *(Беретъ аккорды. Начинается дуэтъ. Дверь отворяется, входитъ Пичугинъ).*

Пичугинъ.

И люблю же я эту музыку: то-есть хлѣбомъ меня не корми, а этакую игру дай послушать. *(Опускаясь тихонько въ кресло).* Теперь хоть умру, а до утра съ кресла не встану...

1889 г.

ВСТРѢЧА

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Представлена въ первый разъ на Императорскихъ сценахъ: въ Петербургѣ—26 сентября 1891 г., въ бенефисъ Н. С. Васильевой; въ Москвѣ — 5 февраля 1892 г., въ бенефисъ М. Н. Ермоловой.

ЛИЦА:

Ордынцевъ.
Навроцкій.
Ксенія Андреевна Навроцкая.
Анна Васильевна (Annette).
Иванъ Чиръ.
Ивашка.

Дѣйствіе—на Кавказѣ.

Южная ночь. Полнолуніе. Склонъ горы, поросшей лѣскомъ. Направо, въ глубинѣ, бѣлая хатка, въ ней огонь. Налѣво—подъемъ въ гору. Прямо — спускъ внизъ. За спускомъ степь съ серебристой рѣчкой. На горизонтѣ—горы. Справа и слѣва на авансценѣ по простому столу и по нѣскольку стульевъ.

I.

ЧМЫРЪ — *старый сѣдой казакъ—сидитъ на пнѣ. У ногъ его* **ИВАШКА**—*казаченокъ лѣтъ шестнадцати.*

Чмыръ.

То-то вотъ и оно-то, другъ ты мой любезный, вотъ что. И тридцать этто лѣтъ все это я вижу, нарочито вижу. И, Господи, чего тутъ не было! Хатку-то эту въ шестьдесятъ первомъ году я выстроилъ—да! Женился я, понялъ, значитъ, супругу, и выстроилъ. Ну, а тутъ на счастье и повалили изъ Россіи курсовые лечиться—да. Ѣдутъ, ѣдутъ,—конца-края нѣтъ. Въ тѣ поры богатъ я былъ, дюже богатъ. Въ серебрѣ ходилъ.

Ивашка.

Ну?

Чмыръ.

Провалиться на семъ мѣстѣ! Вѣдь здѣсь серебро кавказское. Луканька ихъ знаетъ, откуда берутъ они его. А ты посмотри, всѣ аулы, весь Кавказъ нарочито въ серебрѣ ходитъ. Все это у меня было въ порядкѣ: газыри серебряные, поясъ въ серебрѣ; за кинжалъ этотъ въ Горячеводскѣ на ярмаркѣ двадцать-пять цѣлковыхъ далъ.

Ивашка.

Ну?

Чмыръ.

Сейчасъ провалиться! И сейчасъ господа пріѣдуть, и самоваръ, и сливокъ, и кислаго молока. И сейчасъ спрашивають: сколько надо. А я этто вытянусь по-старому, по-солдатски, значитъ: не могу знать, ваше благородіе, вамъ нарочито лучше извѣстно, сколько бѣдному человѣку полагается. И сейчасъ—десять рублей.

Ивашка.

Ну?

Чмыръ.

Десять рублей—кредитный билетъ государственнаго банка! «Разживайся, чортовъ сынъ!» Покорнѣйше благодарю, ваше блародіе. Сейчасъ провалиться!

Ивашка.

Шальные у нихъ!

Чмыръ.

Вѣдь изъ Россіи сюда кто ѣдетъ? нешто болящій, кому помереть чередъ пришелъ, ѣдетъ? Да тотъ радъ у себя дома ноги протянуть, большая ему сласть за тысячу верстъ кишки трясти! Какъ же, сдѣлайте милость, да. Сюда коли кто ѣдеть, такъ ежели у него внутри запущено, для очистки. Ужъ тамъ-то прочищать нечѣмъ, такъ здѣшнимъ щелокомъ. Сейчасъ провалиться!

Ивашка.

Помогаетъ?

Чмыръ.

Нарочито помогаетъ. Потому я въ денщикахъ жилъ, все это знаю и понимаю. Теперь какая у нихъ тамъ жизнь? Попьють, поѣдять и въ постель. Потомъ въ карты,—ва-банкъ! И сейчасъ французинки, а ежели тѣ въ расходѣ—чухонки. Съ такой жизни никакая сложенія не выдержитъ. Только щелокомъ ее и возьмешь.

Ивашка.

А беретъ?

Чмыръ.

Щелокомъ все беретъ. Въ немъ ѣдкость. Выѣдаетъ! Да. Полуду накладываетъ. Ну, и потомъ опять вертись на два года.

Ивашка.

Та-акъ.

Чмыръ.

Ну, а какъ Дунька это моя преставилась, такъ я и въ упадокъ пришелъ. Пить началъ, все это серебро въ духанъ снесъ, какъ хаты не пропилъ—неизвѣстно, да. Потомъ пришелъ въ чувство: ни тебѣ скотинки, ни тебѣ запасца.—Ну, и живу здѣсь. И все шло ничего до передпрошлаго года. А тутъ вздумалъ нѣмецъ изъ колоніи, Богданъ Богдановичъ Клюке, отдѣленіе своей гостинницы на горѣ построить. Ну и вывелъ зданіе и назвалъ: «Монтрепо», и сейчасъ всѣ къ нему. Ну, и задави его луканька, а мнѣ плавать, да! Чего мнѣ? ему же я остатки молока продаю. Потому у меня здѣсь свое мѣсто, не сживешь, сдѣлай милость, вотъ что! Когда подохну— пельмянницѣ отдамъ,—да!

Ивашка.

Чего же они сюда ѣздятъ?

Чмыръ.

А видишь, допрежь всего, годовъ пять назадъ, ѣздили восходъ солнца смотрѣть...

Ивашка.

Нашли тоже!

Чмыръ.

Потому въ диковинку. Когда они этотъ восходъ-то видѣли? Въ городѣ-то и восхода нѣтъ, только закатъ. Нарочито много ѣздило. Хорошо въ ту пору кахетинское шло. А потомъ по вечерамъ стали ѣздить для варенія

желудочнаго послѣ обѣда. Тутъ больше насчетъ простоквашъ пошло, да! А теперь мода повернула—ночью при мѣсяцѣ смотрѣть, когда ничего не видно.

Ивашка.

Чего-же они смотрятъ?

Чмыръ.

На небо смотрятъ. Никогда не видали. Тутъ полковница одна третьяго дня пріѣзжала, такъ виляла хвостомъ, точно ее на сковородкѣ поджаривали. «Сколь, говоритъ, я люблю мѣсячное сіяніе и молочный путь на небѣ». А тутъ ученый химикъ былъ изъ Москвы—жженку варилъ, тотъ говоритъ: «это, говоритъ, на небѣ все различныя земли». Заучился, значитъ, заплетаться у него въ головѣ стало.

Ивашка *смѣется.*

Точно что.

Чмыръ.

И чего это они все хлопочуть, бѣгаютъ, кричатъ? Жили бы спокойно! горазнѣе лучше. И все-то бѣситься надо... Вона теперь, смотри, сколько къ Клюке этому наѣхало, шампанское жрутъ, дуй ихъ горой! Посуду ужъ бить два раза начинали.

Ивашка.

Умирать не надо!

Чмыръ.

Добро бы купцы, а то вѣдь господа. Лили бы въ утробу, а то на полъ. Животная,—та по неразумѣнію,—а это какъ?

Ивашка.

Глянь-ко, никакъ ѣдутъ. Барыня съ офицеромъ.

Чмыръ, *поднимаясь.*

И то, сюда ѣдутъ! Бѣжи, Ивашка, спрашивай, не хотятъ ли самовара. Кто такіе, такихъ не ѣздило сюда. *(Ивашка уходитъ).* Принеси, Господи! курсъ нонѣ плохой на все... Слѣзаютъ. Должно, мамуры какіе, безъ проводника пріѣхали.

II.

Входитъ **КСЕНІЯ АНДРЕЕВНА.** *Ей лѣтъ тридцать, цвѣтущая, здоровая женщина. На ней короткая по модѣ амазонка, маленькая кокетливая шапочка. За ней* **ОРДЫНЦЕВЪ,** *въ бѣломъ кителѣ, съ хлыстомъ и въ сапогахъ со шпорами. Лѣтъ тридцати-пяти.*

Ордынцевъ *Ивашкѣ.*

Ты только отпусти подпруги и поводи, мы скоро поѣдемъ.

Ксенія Андреевна.

Молоко у васъ есть?

Чмыръ.

Такъ точно, ваше блародіе, нарочито холодное молоко, да.

Ксенія Андреевна.

Такъ дайте намъ, пожалуйста.

Чмыръ.

Можетъ, самоваръ желаете? У меня чай московскій первосортный.

Ксенія Андреевна.

Ну, и самоваръ давайте. Только поскорѣе.

Чмыръ, *уходя.*

Въ моментъ, ваше блародіе.

Ордынцевъ.

Однако вы и ѣздите! Ни себя, ни лошади не жалѣете.

Ксенія Андреевна.

Лошади здѣсь привычныя, а я себя привыкла не жалѣть. *(Садится).*

Ордынцевъ, *останавливаясь передъ ней.*

Въ самомъ дѣлѣ?

Ксенія Андреевна.

Фу, какъ мнѣ надоѣли эти перчатки! *(Снимаетъ ихъ)*. Можно снять! Здѣсь никто не увидитъ?

Ордынцевъ, *схватывая ея руку и цѣлуя.*

Можно. Здѣсь никто не увидитъ.

Ксенія Андреевна, *слегка отнимая.*

Оставьте, довольно.

Ордынцевъ.

Отчего же довольно? Вы видите и понимаете мое настроеніе.

Ксенія Андреевна *смѣется.*

Понимаю.

Ордынцевъ.

Я совершенно сумасшедшій.

Ксенія Андреевна.

Недѣля какъ мы съ вами знакомы...

Ордынцевъ.

Восемь дней.

Ксенія Андреевна.

Положимъ восемь дней. Неужели достаточно такого промежутка времени, чтобы не мальчику, а человѣку уже не первой молодости влюбиться въ тридцатилѣтнюю женщину.

Ордынцевъ.

Восемь дней назадъ я думалъ, что нельзя, теперь я знаю, что это можно.

Ксенія Андреевна.

Все это такъ старо, такъ избито, я сотни разъ слышала одно и то же. Вы ухаживаете за мной, потому что видите, что я свободна, вы ухаживаете по скверной

мужской привычкѣ пылать любовью передъ всякой женщиной, которая не очень дурна и не прочь часъ-другой поговорить съ вами.

Ордынцевъ.

Что же тутъ удивительнаго, что сотни мужчинъ говорили вамъ то же, что и я! Вы слишкомъ хороши, и потомъ,—знаете, въ чемъ заключается весь демонизмъ вашей натуры?

Ксенія Андреевна.

Боже мой, какъ громко—демонизмъ.

Ордынцевъ.

Въ томъ, что вы, повидимому, кажетесь намъ, мужчинамъ, доступной женщиной. Вы охотно говорите съ нами, ѣздите верхомъ, иногда позволяете цѣловать руку.

Ксенія Андреевна.

Я могу этого и не позволять.

Ордынцевъ.

Но когда подойдешь къ вамъ слишкомъ близко, вы окинете такимъ взглядомъ, что морозъ подеретъ по кожѣ.

Ксенія Андреевна *смѣется.*

Ордынцевъ *продолжаетъ.*

Ваше расположеніе кажущееся, внѣшнее... Вы не ищете въ мужчинѣ ничего, кромѣ поверхностнаго знакомства, веселаго разговора, и ставите грани.

Ксенія Андреевна.

Да, и ставлю грани... Грань—это цѣлованіе ручекъ. А когда, какъ вы говорите, кто подходитъ черезчуръ близко... я этого не хочу. Надѣюсь, что я имѣю право распорядиться собою по своему усмотрѣнію?

Ордынцевъ.

Полное и неотъемлемое.

Ксенія Андреевна.

Ну, и оставимте разъ навсегда этотъ разговоръ. Это скучно, все одно и то же...

Ордынцевъ.

Ну да, передъ вами прошло много такихъ, какъ я; большинство, вѣроятно, было даже лучше меня, и красивѣе, и умнѣе. Я человѣкъ заурядный, особаго интереса для васъ не представляющій...

Ксенія Андреевна.

Нѣтъ, вы хорошій человѣкъ, вы прямой и откровенный; кажется,—искренній, это много значитъ.

Ордынцевъ.

А вы для меня большая загадка. Вы знаете, я не вѣрю, что вы вдова.

Ксенія Андреевна.

Развѣ я вамъ когда нибудь это говорила?

Ордынцевъ.

Вы не говорили, но васъ всѣ здѣсь знаютъ за вдову.

Ксенія Андреевна.

Напрасно, я замужемъ.

Ордынцевъ.

Вы въ разводѣ съ мужемъ?

Ксенія Андреевна.

Нѣтъ, не въ разводѣ.

Ордынцевъ.

Отчего же вы не съ нимъ?

Ксенія Андреевна.

Что это, допросъ?

Ордынцевъ.

Извините меня, но я... Постойте, не отнимайте вашу руку. Что васъ удерживаетъ сказать мнѣ правду?

Ксенія Андреевна.

Да зачѣмъ я вамъ ее буду говорить?

Ордынцевъ.

Затѣмъ, что я... ну, затѣмъ, что я люблю васъ.

III.

ЧМЫРЪ, *съ подносомъ, чайнымъ приборомъ и скатертью, изъ хаты.*

Чмыръ, *про себя.*

Мамуры, форменныя мамуры, какъ есть!

Ксенія Андреевна.

Ставьте туда, на столъ. Что же молоко вы обѣщали?

Чмыръ.

Сейчасъ, ваше блародіе, только скатеретку постелю, да.

Ордынцевъ.

Странная вы! скачете за двадцать верстъ съ малознакомымъ человѣкомъ ночью, и не отвѣчаете ему на самыя обыкновенныя вещи. Какъ вы не понимаете: меня интересуетъ вопросъ —принадлежите вы кому или нѣтъ.

Ксенія Андреевна.

Боже мой, отчего же меня не интересуетъ: холостой вы, вдовый, женатый,—не все ли мнѣ равно?

Ордынцевъ.

Послушайте, Ксенія Андреевна, я вѣдь не лгу и не рисуюсь: голова у меня горитъ, сердце бьется, сонъ я потерялъ совсѣмъ. Я дышу только, когда возлѣ васъ, все остальное время,—сплошной какой-то кошмаръ. Я жду утра, какъ избавленія отъ безсонной ночи.

Чмыръ, *накрывая столъ.*

Объ эту пору, ваше благородіе, у насъ вообще спять мало. Потому жара, она размягчаетъ человѣка. Тутъ вдова-аптекарша, такъ та говоритъ: «и точно меня ночью кипяткомъ шпарятъ». Въ іюлѣ мѣсяцѣ завсегда въ человѣкѣ кровь играетъ—да! *(Идетъ въ хату).*

Ордынцевъ *встаетъ.*

Для чего меня познакомили съ вами?

Ксенія Андреевна.

Какая вы скверная порода—мужчины: чего вы бѣситесь? Что вамъ надо? Я раздражаю ваши нервы? Зачѣмъ вы ко мнѣ пристаете съ вопросами о моемъ семейномъ положеніи? Что же, вы жениться на мнѣ собрались, если узнаете, что я въ разводѣ?

Ордынцевъ.

Можетъ быть.

Ксенія Андреевна.

Полноте вамъ вздоръ говорить. Вы, подъ вліяніемъ безсонницы, потому что вы давно изъ Петербурга и давно не видѣли и не говорили съ женщинами, готовы объясняться въ любви съ первой встрѣчной. Васъ раздражаетъ горный воздухъ, близость со мной, вы себя сами обманываете, увѣряете, что влюблены въ меня. Я даже увѣрена, что вы готовы подъ вліяніемъ минутной вспышки дать слово жениться на мнѣ, и, какъ порядочный человѣкъ, сдержите это слово. Но, другъ мой, зачѣмъ намъ все это?—мы ужъ не дѣти, слава Богу, знаемъ жизнь и иллюзій не строимъ. Вы меня въ восемь дней узнать не могли, вы даже не знаете моего прошлаго, а сами легкомысленно, какъ ребенокъ, играете будущимъ; стыдитесь, Евгеній Павловичъ!...

Ордынцевъ, *хмурясь.*

Благодарю васъ за урокъ: приму его къ свѣдѣнію.

Чмыръ, *съ кувшиномъ молока.*

Ну, и молоко: холодное, да густое. Обоимъ наливать-то?

Ксенія Андреевна.

Обоимъ наливайте.

Чмыръ *наливаетъ.*

А самоваръ-отъ минутъ пятокъ обождать надоть. Какъ закипитъ, я сейчасъ... *(Идетъ).*

Ордынцевъ.

Что у васъ тамъ за компанія на верху?

Чмыръ.

Кто ихъ знаетъ, курсовые какіе, должно быть. У насъ здѣсь гулящее мѣсто. Пьютъ много. Пикникъ устраиваютъ. Дамъ у нихъ видимо невидимо... Все незнакомые, должно, недавно пріѣхали. *(Уходитъ).*

Ордынцевъ.

Веселятся!

Ксенія Андреевна.

Да, а вы скучаете? Подите сюда, не злитесь. Да будьте вы хоть немножко не тѣмъ, чѣмъ вся остальная ваша клика. Посмотрите вы на женщину, какъ на человѣка, какъ на друга.

Ордынцевъ.

А зачѣмъ вы такъ дьявольски хороши? Зачѣмъ вы такая, какъ вы есть? Я не сяду возлѣ васъ, потому что... потому что возлѣ васъ я могу забыться... Лучше ужъ я останусь здѣсь, подальше.

Ксенія Андреевна.

Идите сюда, говорятъ вамъ, и садитесь вотъ сюда. Я думаю, столъ, раздѣляющій насъ, умѣритъ вашъ пылъ. Слушайте. Вы спрашивали о моемъ семейномъ положеніи, -извольте, я вамъ выясню его.

Ордынцевъ *настораживается.*

Ксенія Андреевна.

Повторяю вамъ, я замужемъ. Я съ мужемъ не живу. Ничего связующаго между нами нѣтъ. *(Подавляя вол-*

ненie). Былъ ребенокъ и умеръ. Я вышла замужъ рано, мнѣ не было двадцати лѣтъ. Между мужемъ и мною, какъ это всегда бываетъ, ничего общаго не оказалось. Я была глупой дѣвочкой и вѣрила... вѣрила, что онъ любитъ только меня... Да нѣтъ, я не хочу и не буду этого разсказывать... Это васъ не касается.

Ордынцевъ.

Ну, и онъ оставилъ васъ?

Ксенiя Андреевна, *поднявъ голову горделивымъ движенiемъ.*

Нѣтъ, я оставила его. У меня, къ счастью, свое состоянiе, я отъ него не завишу. Зачѣмъ же намъ было жить вмѣстѣ?

Ордынцевъ.

Отчего же вы не развелись?

Ксенiя Андреевна.

Для чего? Онъ просилъ меня объ этомъ, но я не хотѣла. Я нарочно оставляю его въ вѣчно двусмысленномъ положенiи соломеннаго вдовца... Ничего, это ему здорово.

Ордынцевъ.

Вы любите его?

Ксенiя Андреевна.

Нѣтъ, я любила его, но теперь... теперь отъ этого чувства ничего не осталось... Такъ, какое-то противное ощущенiе, то, что французы называютъ arrière-goût.

Ордынцевъ *встаетъ, дѣлаетъ шагъ къ ней и беретъ ее за руку.*

Разведитесь!

Ксенiя Андреевна, *не отнимая руки.*

Зачѣмъ?

Ордынцевъ.

Затѣмъ, что вы еще молоды, что вы еще половины жизни не прожили.

Ксенія Андреевна.

Милый мой, я свободна! Это такое великое слово! Надо мною нѣтъ ярма, которое давило меня цѣлыхъ семь лѣтъ, семь долгихъ лѣтъ. И свободы этой я ни на что не промѣняю. Даже на любовь. Вы на меня не сердитесь, но я... я любви больше не вѣрю...

VI.

Слѣва, съ горы показывается **НАВРОЦКІЙ** *и* **АННА ВАСИЛЬЕВНА.** *Онъ —очень красивый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ: одѣтъ въ модный лѣтній костюмъ, бородка Henri IV. Манеры свободныя, выработанныя въ холостой компаніи и среди женщинъ, мало прихотливыхъ на этотъ счетъ. Онъ фамильярно поддерживаетъ Анну Васильевну на спускѣ. Ей лѣтъ двадцать-пять, на ней широкополая шляпа.*

Анна Васильевна.

Право, я сейчасъ упаду.

Навроцкій.

Тѣмъ лучше, я донесу васъ на рукахъ.

Анна Васильевна.

Да куда же мы идемъ?

Навроцкій.

Куда? не знаю. По наклонной плоскости внизъ. Ничего дурного отъ этого не произойдетъ, повѣрьте.

Анна Васильевна.

Тс! Кто-то тутъ есть.

Навроцкій.

Влюбленная пара, въ родѣ насъ. Не стѣсняйтесь, мы пройдемъ мимо ихъ, и спустимся. *(Внезапно останавливается).* Ксенія!.

(Пауза).

Навроцкій.

Виноватъ. *(Снимаетъ шляпу).* Я, кажется, помѣшалъ... Я не зналъ, что вы на Кавказѣ, и именно здѣсь, иначе я не осмѣлился бы... *(Хочетъ идти).*

Ордынцевъ.

Милостивый государь...

Навроцкій.

О, повѣрьте, я никакихъ, рѣшительно никакихъ претензій къ вамъ не имѣю... Пожалуйста, продолжайте... бесѣдовать. Пойдемте, Annette! *(Дѣлаетъ шагъ и останавливается).* А только оказываются совершенно преувеличенными слухи о васъ, Ксенія Андреевна, о вашемъ монастырскомъ, замкнутомъ житьѣ... Теперь мнѣ многое понятно,—понятно, почему вы такъ стремились на свободу... Виноватъ, я мѣшаю... Пойдемте, Annette!

Ксенія Андреевна.

Постойте, мнѣ надо сказать вамъ два слова. Проводите вашу даму и вернитесь сюда.

Навроцкій.

О, зачѣмъ же,—она и одна дойдетъ, Идите, Annette,—одна.

Анна Васильевна.

Какъ? Одна?

Навроцкій.

Не ломайтесь, Annette,—вы отлично влѣзете наверхъ. Пожалуйста, безъ разговоровъ!

Анна Васильевна.

Но это подло—бросить меня.

Ксенія Андреевна.

Евгеній Павловичъ, будьте любезны, доведите эту даму до ея знакомыхъ...

Ордынцевъ.

Но какъ же я оставлю васъ?

Навроцкій.

О, не безпокойтесь: неужели такъ опасно мужа съ женой оставить глазъ-на-глазъ на нѣсколько минутъ...

Анна Васильевна.

Съ женой?.. Ахъ, доведите меня!..

Ордынцевъ.

Ну, идемте, идемте! *(Уходятъ).*

— —

V.

НАВРОЦКІЙ, КСЕНІЯ АНДРЕЕВНА, *потомъ* **ЧМЫРЪ.**

Навроцкій, *проводивъ ихъ взглядомъ, быстро подходитъ къ ней.*

Однако, какъ ты похорошѣла за это время! *(Хочетъ взять ея руку).*

Ксенія Андреевна, *закладывая руки за спину.*

Прочь!

Навроцкій.

Ого? еще не угомонилась!

Ксенія Андреевна.

Я остановила васъ вотъ зачѣмъ... Я хочу объявить вамъ разъ навсегда, чтобы вы не смѣли узнавать меня при случайныхъ встрѣчахъ. Я вамъ говорила уже ранѣе объ этомъ, какъ же вы осмѣлились сейчасъ разыграть эту мерзкую сцену?

Навроцкій.

Вотъ новости! Я не имѣю права сдѣлать замѣчаніе, что вы, нося мою фамилію, позорите ее, разъѣзжая ночью съ какими-то тамъ таинственными незнакомцами въ бѣлыхъ кителяхъ?

Ксенія Андреевна, *со всего маху ударяя хлыстомъ о столъ.*

Молчать! И вы, вы смѣете говорить о томъ, что ваше имя можно позорить? Да вы сами такъ опозорили его, такъ втоптали въ грязь, что ужъ хуже репутаціи вашей и быть ничего не можетъ.

Навроцкій.

Чего ты кричишь? насъ могутъ слышать...

Ксенія Андреевна.

А пускай всѣ слышатъ, мнѣ все равно! Я повторяю вамъ, будьте со мною осторожны, не раздражайте меня. У меня слишкомъ много накипѣло противъ васъ, чтобы я могла быть сдержанной...

Навроцкій, *довольно комфортабельно усѣвшись за столъ.*

Мой милый другъ, право, твои хитрости бѣлыми нитками шиты. Неужели я не понимаю, что весь твой гнѣвъ напускной?

Ксенія Андреевна, *съ изумленіемъ.*

Напускной?

Навроцкій.

Не знаю я, что ли, женщину! Тебѣ непріятно, что я тебя засталъ tête-à-tête съ твоимъ кавалеромъ.

Ксенія Андреевна.

Знаешь, всегда ты былъ негодяемъ, но такимъ... *(Отшвыриваетъ хлыстъ далеко въ траву).*

Навроцкій.

Ну, вотъ и прекрасно сдѣлала, что отбросила это оружіе; я только того и ждалъ, что ты имъ вытянешь

меня. Что это, молоко? *(Пробуетъ)*. Чудесное молоко, холодное! Да, я говорю,—ну, будь, Ксенія, благоразумнѣй,—ну, могу ли я имѣть что-нибудь противъ того, что ты тутъ съ этимъ... когда я самъ... Ты видѣла эту пѣвичку? Изъ жидовочекъ. Контральто чудеснѣйшее... Но ты, ей-ей, чертовски похорошѣла. Или это лунный свѣтъ такъ играетъ...

Ксенія Андреевна.

Скажи, ты сегодня много пилъ по обыкновенію?

Навроцкій.

Сколько въ женщинѣ язвы! Вотъ ты называешь меня «ты», но съ какимъ пренебреженіемъ, съ какой ненавистью! Нѣтъ, Ксенія, я трезвъ,—если хочешь—противъ обыкновенія. Мнѣ все это противно, эти кутежи, попойки, эти жидовочки, пѣвички! Живешь изо дня въ день какой-то подлой, скотской жизнью.

Ксенія Андреевна.

Кто же вамъ мѣшаетъ измѣнить ее?

Навроцкій.

На что же измѣнить? Все одно и то же, вездѣ нелѣпое прожиганіе. Меня туманитъ этотъ калейдоскопъ вѣчнаго похмелья, вѣчныхъ мелкихъ интригъ...

Чмыръ *несетъ самоваръ*.

Пожалуйте кушать, готово-съ... Да никакъ другой панъ сидитъ?..

Навроцкій.

Другой, старина, другой! Это вѣдь бываетъ.

Чмыръ.

Бываетъ, ваше благородіе, всяко бываетъ. И чего, то-есть, я насмотрѣлся...

Навроцкій.

Ну, пошелъ прочь! не проѣдайся!

Чмыръ.

Да съ нашимъ удовольствіемъ, ваше благородіе... Намъ что... *(Уходитъ).*

Навроцкій.

Я, Ксенія, иногда съ удовольствіемъ вспоминаю наше съ тобою житье-бытье.

Ксенія Андреевна, *отвертываясь.*

Ну, а я всегда съ отвращеніемъ.

Навроцкій.

Лжешь. Было время, когда ты меня любила.

Ксенія Андреевна.

Да, пока ты мнѣ казался порядочнымъ человѣкомъ...

Навроцкій.

Да я считаю, что я имъ и остался. Чортъ возьми, да неужели ты думаешь, что закулисныя или маскарадныя интрижки есть измѣна относительно жены? Что за наивность! Измѣна, когда человѣкъ забываетъ жену, оставляетъ ее, когда онъ проигрываетъ въ карты деньги, принадлежащія семьѣ, или тратитъ ихъ на другихъ женщинъ... *(Разгорячаясь все больше).* А неужели же изъ-за того, что мнѣ понравится мимоходомъ хорошенькое личико у танцорки или цыганки, изъ-за этого разваливается все семейное счастье! Эхъ, Ксенія, все твое горе въ томъ, что у тебя нелѣпое воспитаніе. Все ты видишь подъ угломъ, въ ложномъ свѣтѣ...

Ксенія Андреевна.

Довольно, замолчи! Проповѣдуй свои циническіе взгляды кому хочешь, но не мнѣ.

Навроцкій.

Ксенія, сойдемся опять?

Ксенія Андреевна, *задыхаясь отъ нервнаго возбужденія.*

Да не оскорбляй ты меня, по крайней мѣрѣ, такими предложеніями, если въ тебѣ есть хоть капля совѣсти...

Навроцкій.

Я все забуду...

Ксенія Андреевна.

Что забудешь?

Навроцкій.

Да вотъ всѣхъ этихъ товарищей по несчастью въ бѣлыхъ кителяхъ...

Ксенія Андреевна, *вскакивая.*

Пошелъ вонъ! Иди! У насъ разговоръ съ тобою конченъ.

Навроцкій.

Юпитеръ, ты сердишься, значитъ, ты неправъ...

Ксенія Андреевна.

Ты уйдешь?

Навроцкій.

Куда же мнѣ идти? Я здѣсь такой же хозяинъ, какъ и ты. Послушай, неужели же ты думаешь, что я такъ наивенъ, предполагая, что ты здѣсь любуешься кавказскими горами и платонически наслаждаешься природой?..

Ксенія Андреевна.

Не суди ты всѣхъ по своей мѣркѣ. Неужели потвоему, если женщина одна, свободна, такъ она непремѣнно должна повѣситься на шею кому-нибудь изъ васъ?

Навроцкій, *съ убѣжденіемъ.*

Непремѣнно.

Ксенія Андреевна.

А ты поселилъ во мнѣ такое отвращеніе, такое недовѣріе ко всѣмъ мужчинамъ, что я боюсь теперь близко подойти къ вамъ. Мнѣ кажется, что въ каждомъ мужчинѣ столько гадости, лжи, всего прикрытаго сверху условной лаской, что... *(Закрываетъ лицо руками).*

Навроцкій, *раздѣльно, съ удивленіемъ глядя на нее.*

Такъ ты... ты мнѣ не измѣняла съ того самаго дня, какъ мы разошлись?.. За три года? *(Встаетъ и подходитъ къ ней).* Да? *(Отнимаетъ руки отъ ея лица).*

Ксенія Андреевна.

Отстань ты отъ меня, Бога ради. *(Вырывается и переходитъ на другую сторону).*

Навроцкій, *сидя, крутитъ усы, исподлобья взглядывая на нее.*

Ксенія, есть одинъ пробѣлъ въ нашихъ отношеніяхъ, рѣшительно для меня непонятный. Отчего ты до сихъ поръ не дала мнѣ развода?

Ксенія Андреевна.

Оттого, что дай я тебѣ сегодня разводъ, завтра ты женишься, несмотря на запрещеніе.

Навроцкій.

Женюсь.

Ксенія Андреевна.

А я не хочу, чтобы ты еще какую нибудь дуру сдѣлалъ несчастной.

Навроцкій.

Нѣтъ, ты не потому не даешь развода, что этого боишься, а потому что любишь меня до сихъ поръ.

Ксенія Андреевна.

А нахальство въ тебѣ все осталось попрежнему!

Навроцкій, *не слушая.*

Скажи... Ну, а если я съ своей стороны предприму кой-какія мѣры, пользуясь правами мужа.

Ксенія Андреевна.

Напримѣръ?

Навроцкій.

Например, вытребую тебя къ себѣ черезъ полицію?

Ксенія Андреевна.

Ты знаешь, у меня есть обезпечивающія мою свободу бумаги.

Навроцкій, *злобно.*

Ага! Вотъ какъ! Значитъ, ты рѣшила безповоротно разстаться со мной,—это не была временная размолвка?

Ксенія Андреевна *стоитъ блѣдная, неподвижная.*

Безповоротно.

Навроцкій.

Ну, берегись!

Ксенія Андреевна.

Не пугай меня, я ничего не боюсь, а тебя—тѣмъ болѣе. Ты—мелкій, жалкій эгоистъ, ты думаешь только о себѣ, о своихъ удобствахъ. Тебѣ надоѣло это шатанье по курортамъ и вертепамъ, опять потянуло къ домашней жизни,—на долго ли! Нѣтъ, не обманешь ты меня, извѣрилась я въ тебѣ!

Навроцкій, *подходя къ ней.*

Да люблю вѣдь я тебя, мучительно и страстно люблю. *(Сѣвъ рядомъ съ ней на стулъ,—она все время стояла,—быстро обнимаетъ и привлекаетъ ее къ себѣ).* Я все время страдаю, и ты одна причина этихъ страданій.

Ксенія Андреевна, *холодно улыбаясь.*

Полчаса назадъ этотъ офицеръ говорилъ мнѣ то-же самое. *(Сдвигая брови).* Ну, пусти меня...

Навроцкій.

Нѣтъ, не пущу! Ужъ если судьба свела насъ сегодня, такъ недаромъ. Я не уѣду одинъ отсюда. Я скажу, что ты моя жена, что ты бѣжала... Жить я не могу безъ тебя...

Ксенія Андреевна.

Пусти! пусти!—*(выхватывая изъ кармана маленькій револьверъ)* Не то я тебя пристрѣлю на мѣстѣ, какъ собачонку!

Навроцкій, *отступая.*

А, вотъ до чего дошло...

Ксенія Андреевна *смѣется.*

Испугался!.. Ахъ, ты, жалкій человѣкъ... Кто любитъ, тотъ смерти не боится...

VI.

Слѣва **ОРДЫНЦЕВЪ** *и* **АННА ВАСИЛЬЕВНА,** *потомъ справа* **ЧМЫРЪ.**

Ксенія Андреевна.

Ѣдемте, Евгеній Павловичъ, ѣдемте.

Ордынцевъ, *поспѣшно.*

Ѣдемте. *(За кулисы).* Эй, какъ тебя, давай намъ лошадей!..

Ксенія Андреевна, *Навроцкому.*

Вы теперь свободны,—васъ вѣдь ждутъ...

Навроцкій.

Я? *(Смѣется).* Да, я совсѣмъ свободенъ, совершенно. *(Аннѣ Васильевнѣ).* Ну, идемте наверхъ. Вы все пѣть собирались, ну-ка... попойте, теперь самое время. *(Женѣ).* Что-жъ, до свиданья, вѣроятно, не до скораго.

Ксенія Андреевна.

Прощайте!

Навроцкій, *сдерживая волненіе.*

Прощайте, прощайте! *(Аннѣ Васильевнѣ).* Такъ, значитъ, вы споете намъ?.. Вотъ и отлично, и прекрасно. *(Подымаются въ гору).* Спросимъ себѣ еще редерерцу...

Ксенія Андреевна.

Ради Бога, скорѣй ѣдемъ, я не могу долѣе оставаться.

Ордынцевъ.

Сейчасъ, сейчасъ, онъ лошадей готовитъ.

Ксенія Андреевна.

Дайте мнѣ воды... чего-нибудь. *(Онъ ей подаетъ молоко)*. Благодарю васъ... довольно.
(На верху гитара и романсъ съ претензіей на цыганскій пошибъ).

Чмыръ *входитъ.*

А самоварчикъ-то такъ и оставили?

Ордынцевъ.

Да, да... *(Даетъ ему деньги)*. Вотъ, бери...

Чмыръ.

Покорнѣйше благодаримъ, ваше блародіе. Еще сюда милости просимъ.

Ксенія Андреевна.

Зачѣмъ поютъ они?.. Ну, что же лошади!.. Конца нѣтъ...

Голосъ Ивашки.

Готово, пожалуйте!

Ксенія Андреевна, *пошатываясь.*

Ѣдемте, ѣдемте!

Голосъ Annette на верху.

«Ночи, послѣднимъ огнемъ озаренныя...»

Чмыръ *имъ вслѣдъ.*

Э-эхъ, мамуры!

1891 г.

ВЕНЕЦЕЙСКІЙ ИСТУКАНЪ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Представлена въ первый разъ на Императорскихъ сценахъ: въ Москвѣ—11 октября 1893 г.; въ Петербургѣ—16 ноября 1893 г.

ЛИЦА:

Борисъ Петровичъ Юреневъ.
Афросинія Егупьевна Коптева, вдовая боярыня.
Всеволодъ Тимоѳеевичъ, сынъ ея, лѣтъ за 50.
Антонида Авдѣевна, жена его, 23-хъ лѣтъ.
Тимоша, 17-тилѣтній сынъ его отъ перваго брака.
Кузьма Мяздра.
Іеронимъ, странный человѣкъ изъ Іерусалима.
Ерошка Комаръ, бывшій смотритель царскихъ попугаевъ.
Генрихъ Гаррингтонъ, аглицкій человѣкъ изъ Нѣмецкой слободы.
Карлъ Адамовичъ Шнелле, нѣмецкій человѣкъ изъ Нѣмецкой слободы.
Митрій Ивановъ, хозяинъ постоялаго двора у заставы.
Марѳуша, женка его.
Микита Ильинъ, слуга Юренева.
Козлиха, ключница у Коптевыхъ.
Аксютка, дѣвка у Коптевыхъ.
Улька, стряпка у Иванова.
Данилка Щелкунъ, изъ подьячихъ.
Петрушка, одинъ изъ старшихъ слугъ у Коптевыхъ.
Малецъ на постояломъ дворѣ.
Коптевскіе людишки.

Первое и третье дѣйствія—у Митрія Иванова, на постояломъ дворѣ; второе и четвертое у Коптевыхъ.

Мѣсто дѣйствія—Москва конца XVII вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Новый срубъ въ корчмѣ Митрія Иванова. Росписная печь. Лавки крыты сукномъ, на полу половики, на одной стѣнѣ—коверъ. У печки—росписной горшокъ и тазъ для умыванья. Прямо—входная дверь, направо—дверь на половину хозяина; два слюдяныхъ окна.

I.

Въ лѣвомъ углу, въ глубинѣ, сидитъ **ІЕРОНИМЪ** *и, вздыхая, ѣстъ тюрю. У окна, на лавкѣ,* **ГАРРИНГТОНЪ** *куритъ трубку и чиркаетъ что-то въ записную книжку. На самой авансценѣ, у стола,* **КОМАРЪ** *тренькаетъ на балалайкѣ.* **МАЛЕЦЪ** *съ пустыми кружками идетъ ко входной двери. Изъ нея выходитъ* **МИКИТА ИЛЬИЧЪ.**

Микита.

Эй, малецъ! Митрій Иванычъ дома?

Малецъ, *чуть не уронивъ кружки.*

Микита Ильичъ... Господи!

Микита.

Не призналъ?

Малецъ.

Господи!—Хозяинъ дома, сейчасъ доложу.

Микита.

Иди, поворачивайся.

Малецъ.

Хозяинъ съ хозяйкой только отъ обѣдни... Давно ли вернулся, Микита Ильичъ?

Микита.

Бѣги,—живымъ духомъ,—стану я съ тобой бесѣдовать.

Малецъ.

Господи! *(Скрывается въ дверь въ глубинѣ).*

Микита, *оглядываясь.*

Срубъ-отъ новый у него. Чисто—хоть боярину впору. Иноземецъ сидитъ. Ишь ты, курить нонѣ при образахъ Митрій Ивановичъ позволяетъ, скажи на милость, а? Это въ Москвѣ-то... Добро бы въ Венеціи, либо Фларенціи.— Перемѣны за отсутствіе наше произошли не малыя!.. *(Пройдясь въ глубину, останавливается предъ Іеронимомъ).* Изъ странствующихъ?

Іеронимъ.

Съ Іордана, съ Ерусалима, поломничалъ.

Микита, *усмѣхаясь.*

Ишь ты! Тоже вѣдь! Съ басурманскихъ земель, хе! *(Проходитъ къ Комару).*

Комаръ, *перебирая балалайку.*

Купецъ, дай алтынъ, пѣсню спою.

Микита.

Купецъ! Ты сперва узнай, кто передъ тобой, а потомъ ужъ и заговаривай.

Комаръ.

Можетъ королевичъ заморскій какой? Такъ намъ это все едино. Намъ кто алтынъ далъ, тотъ и бояринъ. *(Запѣваетъ).*

Жила была бабица
На горѣ подъ дубомъ...

II.

Тѣ-же *и* **МАЛЕЦЪ** *съ хозяйской половины, потомъ* **МИТРІЙ ИВАНОВЪ.**

Малецъ, *Комару.*

Чего ты орешь! Хозяинъ воспретилъ тебѣ безъ дозволенія...

Комаръ.

Хозяинъ, чего мнѣ хозяинъ!

Малецъ.

Митрій Иванычъ идетъ сейчасъ,—присядь, Микита Ильичъ.

Микита.

Новоселье у васъ?

Малецъ.

Такъ точно, Микита Ильичъ. Съ Покрова сюды перешли. А тамъ, въ прежнемъ срубѣ—черная половина осталась для извозчиковъ...

Микита.

Хорошо торгуете?

Малецъ.

Нечего Бога гнѣвить, Микита Ильичъ—живемъ. Много у насъ особливо въ праздникъ народа ходитъ.

Микита, *кивнувъ головою на человѣка съ книжкой.*

А это кто у васъ,—нѣмецъ?

Малецъ.

Съ Нѣмецкой слободы аглицкій человѣкъ, Генрыкъ Иванычъ.

Микита.

Чего-жъ это онъ въ книжку-то пишетъ?

Малецъ.

Кто его знаетъ,—цѣлыми днями сидитъ здѣсь. Молчитъ и въ книжку царапаетъ. Пьетъ здо̀рово.

Митрій Ивановъ, *въ широкой рубахѣ.*

Гостю дорогому поклонъ! Давно ли прибылъ? Какъ въ своемъ здравіи и души спасеніи? *(Цѣлуются).*

Микита.

Ужъ вотъ шестой день!

Митрій Ивановъ.

Ну, садись, садись,—чѣмъ угощать? Небось, теперь съ московскаго-то тебя воротить будетъ?

Микита.

Не говори: коли медъ стоялый—супротивъ венецейскаго не выдержитъ.

Митрій Ивановъ.

О! ну, малецъ, слышь, дѣйствуй живо.—Садись, Микита Ильичъ. Что-жъ не жаловалъ раньше?

Микита.

Да гдѣ-жъ тутъ: раскладка, да установка, чмоканье, да здоровканье, Дашки да Машки, — все здѣсь свои. Сколько времени-то не видались.

Митрій Ивановъ.

А и важности въ тебѣ сколько стало,—фу ты—прочь поди! Небось въ заморскихъ-то земляхъ за боярина принимали?

Микита.

Всяко бывало.

Іеронимъ.

Господи, Христе Спасе, помилуй насъ! *(Утираетъ ротъ рукою).*

Митрій Ивановъ.

Бояринъ твой что?

Микита.

Бояринъ что! Бояринъ теперь у насъ въ такой чести— два раза на Верхъ во дворецъ звали.

Митрій Ивановъ.

О!

Микита.

Подарковъ что навезъ,--обозы цѣлые идутъ. Я сюда ихъ караулить присыланъ. Да думаю — чего возлѣ заставы трепаться,—сёмъ-ка я лучше у Митрія посижу.— А ты совсѣмъ важно устроился!..

Комаръ.

Жила была бабица
На горѣ подъ дубомъ,
Она пошла париться...

Митрій Ивановъ.

Нишкни ты! Съ утра, какъ пѣтухъ натощакъ поетъ...

Комаръ.

А ты, можетъ, поднесешь!

Митрій Ивановъ.

Ладно—пождешь--не загорѣлось.

Микита.

Чудесно! Это на манеръ итальянскихъ гостиницъ... Немногаго недостаетъ...

Митрій Ивановъ.

Ну?

Микита.

Вотъ-бы каминку марморную замѣсто печи, стѣны тоже марморныя и на нихъ фреску написать...

Митрій Ивановъ.

Фреску?

Микита.

Бабу въ полной наготѣ...

Митрій Ивановъ.

Тьфу-ты!

Іеронимъ.

Господи Іисусе Христе, Праскева Пятница!

Гаррингтонъ.

Фрескъ? *(Записываетъ что-то въ книжку).*

Микита.

Да фонталъ еще завести средь комнаты...

Комаръ.

Фонталы-то я видѣлъ. Въ Нѣмецкой слòбодѣ у нѣмца Адама Ѳедорыча Кнабе фонталы есть: вода въ дробныя капли прыгаетъ, а къ солнцу ежели — какъ камень хрусталь.

Митрій Ивановъ.

Навидался ты всего вдоволь, Микита Ильичъ?

Микита.

Комидію смотрѣлъ,—какъ на рыбахъ по морю ѣздятъ. Дука въ Венеціи видѣлъ...

Гаррингтонъ.

Duke, Venice, Florence?

Микита.

Въ Венеціи дука видѣлъ, въ Венеціи, а не во Фларенціи;—ишь ты, куцый, туда же!

Гаррингтонъ.

Ambassador?

Микита.

Унъ амбаскьядоре! Си, сеньоръ, си! іо амбаскьядоре.

Гаррингтонъ *подавая ему руку.*

Yes! *(Возвращается на свое мѣсто).*

Митрій Ивановъ, *смѣется.*

По-басурмански говоритъ! Ай да Микита Ильичъ!

III.

Тѣ-же и МЯЗДРА.

Мяздра.

Честной компаніи совѣтъ да любовь! Чортъ бы дралъ эту жарищу, я весь размокъ... Почтенный хозяинъ, какъ живешь, много-ль плутуешь?.. А! агличанинъ здѣсь. Гутъ моргенъ! *(Подаетъ руку Гаррингтону).*

Гаррингтонъ.

Сдоровъ!—Слушь, я утчилъ русски: твой носъ вмѣсто фонаръ можно держать тэмнъ горнисъ. *(Послѣднюю фразу онъ читаетъ по книжкѣ).*

Мяздра.

Ай да Генрыкъ Иванычъ!.. Ой-ой-ой! Фонарь?.. Охъ-хо-хо!..—Зеркала нѣтъ у тебя?.. Посмотрѣться бы... Ой-ой!—Митрій, ставь на столъ—угощаю. Аглицкій человѣкъ, херръ Генрыкъ, садись къ столу. Ахъ, чортова перечница,—по-русски заговорилъ! *(Сажаетъ Гаррингтона, взявъ за плечо, рядомъ съ собой).* А это кто? Въ первой вижу?

Микита, *приподнявшись.*

Боярина Юренева услужающій человѣкъ Микита при посольствѣ. Потому, какъ молочный братъ...

Мяздра.

Садись! Садись,—вмѣстѣ пить будемъ.—Кто тамъ?—человѣкъ Божій, ты что въ углу хрюкаешь?

Іеронимъ.

Я, воинъ именитый,—хожденіемъ занимаюсь: былъ во святомъ градѣ Ерусалимѣ — камешки съ Іордана привезъ... Коли желаешь, могу тебѣ предоставить.

Мяздра.

Вино пьешь?

Іеронимъ.

Не потребляю.

Микита.

Садись и ты... Ерошка, рыжій чортъ, иди сюда; брось балалайку,—угощаю! *(Мальцу)*. Ты,— щенокъ вислоухій,—какъ ты смѣешь въ моемъ присутствіи ставить на столъ такую малую порцію? Не знаешь меня! Тащи, что подобаетъ! Не понимаешь? *(Малецъ убѣгаетъ)*.

Митрій Ивановъ.

Ты говоришь: «порцію»?—Что же это обозначаетъ—«порцію»?

Мяздра.

Нѣмецкое слово: изъ нѣмецкой слободы идетъ.

Комаръ.

Это точно,—нѣмецъ Адамъ Ѳедорычъ завсегда говоритъ «порція». Хорошее слово.

Митрій Ивановъ.

Но въ какомъ же смыслѣ?

Мяздра.

А въ смыслѣ предѣла. Всякому своя порція. Съѣлъ ты ушицы три тарелки—больше не могу—порція. Выпилъ боченокъ—порція. Значитъ, что на каждаго человѣка полагается.

Комаръ.

Это хорошее слово, Кузьма Провычъ, на Москвѣ это слово пойдетъ, какъ Богъ святъ, пойдетъ, помяни меня. Слово легкое, не то что иное какое. Что человѣку довольно, то и порція... Хорошее слово.

Мяздра.

Соляночки бы на сковородочкѣ сокрушить,—а? Можетъ, есть рыбка какая?

Митрій Ивановъ.

Найдется, какъ не найтись—на всѣхъ, что ли?..

Мяздра.

Вали на всѣхъ!

Комаръ.

Скусно это на сковородкѣ.

Іеронимъ.

Только что насытилъ себя, отецъ, и притомъ—памятуя Успеньевъ постъ—рыбы не вкушаю...

Микита.

Меня тоже уволь. Въ Венеціи отвыкъ я отъ московскаго готовленья.

Мяздра.

Эка фря! Чортъ съ ними, пущай не ѣдятъ. Готовь только мнѣ и Еропкѣ.

Іеронимъ.

Служивый! и къ чему ты его поминаешь?

Мяздра.

Кого?

Іеронимъ.

А этого,—что съ Іудой-предателемъ на колѣняхъ изображается.

Мяздра.

Чорта-то?.. А что-жъ мнѣ его не поминать? Онъ на меня не обидится...

Іеронимъ.

Служивенькій,—извѣстно, не обидится,—а въ радость еще придетъ. Ты посвистишь, а онъ, рогатый, ужъ тутъ какъ тутъ: то съ одного бока забѣжитъ, то съ другого... Вотъ и ногу на ногѣ ты держишь, и качаешь ею...

Мяздра.

Ну, и что-жъ?

Мареуша.

Разскажи, Микитушка, какъ же они тамъ?

Микита.

Предивно пляшутъ, всѣ въ золотѣ. А въ комидіи — море было, и на облакахъ люди сидѣли. Потомъ внизъ опустились, подхватили съ земли человѣка подъ руки и наверхъ пошли...

Комаръ.

Скажите!

Микита.

И потомъ спущался съ неба сѣдъ человѣкъ въ каретѣ. Потомъ было поле, полное костей человѣческихъ, и враны ихъ клевали...

Мяздра, *отдуваясь отъ меда.*

Люблю я эти потѣхи. Вотъ тоже медвѣдей водятъ, показываютъ, какъ ребята горохъ воруютъ,—гдѣ сухо,— на брюхѣ, гдѣ мокро—на корачкахъ... Что ты не пьешь, аглицкій рожонъ?

Гаррингтонъ.

Пію!

Мяздра.

Ну, а ты, іорданская селедка, чего смотришь?

Іеронимъ.

Вина и елея не употребляю.

Мяздра.

А пива?

Іеронимъ.

Ниже пива.

Мяздра.

Эхъ ты! И въ писаніи сказано: «Пріидите пиво піемъ новое?» Что, братъ, не знаю я, что ли, вашего дѣла...

Іеронимъ.

Братіе, тако ли есть православнымъ вѣра и чинъ? И сія ли христіанская лѣпота и законъ? Стучатъ въ бубны, гласъ сопѣлій, и гудутъ струны...

Мяздра.

Вона какъ!

Іеронимъ.

Женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріятенъ кличъ и вопль, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе...

Комаръ.

Чудесное дѣло! Это самое вихляніе — сдѣлайте милость, хоть предъ царскими очами продѣлаемъ,—останутся довольны.

Іеронимъ, *не слушая.*

Гусельные гласы, — всякіе ворчанные гласы, замарныя писки... Будетъ ли тако на томъ свѣтѣ?

Мяздра.

Экъ куда метнулъ! На томъ свѣтѣ! А почемъ ты знаешь, что тамо будетъ?

Іеронимъ.

Будутъ грѣшники низвергнуты во тьму кромѣшную...

Мяздра.

Ну, тогда давай сидѣть вмѣстѣ, вонъ у меня фонарь для темноты есть. (*Толкаетъ локтемъ англичанина*).

Гаррингтонъ.

Yes!

Микита.

И что это не ѣдетъ нашъ обозъ? (*Подходитъ къ окну*).

Мареуша.

А вы какого же это обоза ждете?

Микита.

Обозъ,—подарки бояринъ везетъ, да комиссію одну для нѣмца. Съ корабля везутъ. Извѣстіе еще изъ Хотькова было, что все благополучно. Сегодня должны прибыть.

Митрій Ивановъ.

Это что же—«комиссія»?

Микита.

Порученіе. Нѣмецкое слово. Нѣмцу Кнабе въ Нѣмецкую слободу истукана веземъ.

Іеронимъ.

О, Господи спаси!

Маѳуша.

Какого же это истукана?

Микита.

Бога Меркуріуса.

Митрій Ивановъ.

Этакая погань!

Микита.

Богъ Меркуріусъ, который съ богиней Венусъ въ любовныхъ шашняхъ былъ.—Большущій ящикъ веземъ сколь возможно бережно.

Мяздра.

Что-жъ, на престолѣ поганомъ сидитъ?

Микита.

Ни-ни. Стоитъ на одной ногѣ, а другую ногу назадъ отогнулъ. На головѣ горшокъ съ крыльями. Одну руку кверху поднялъ, и палецъ показываетъ, а въ другой палку держитъ,—а на палкѣ птица евстрафиль и два змія: аспидъ и василискъ.

Комаръ.

Неужто Адамъ Карлычъ молиться на него будетъ?

Микита.

Нѣтъ, онъ либо на крышу хотѣлъ его ставить, либо середь двора — я что-то не дослышалъ. Меркуріусъ— богъ торговый.

Іеронимъ.

Не врагъ ли это человѣчества изображенъ?

Мяздра.

Ну, дѣдъ, тебѣ бы къ ночи разсказывать моей тещѣ поученія: у нея съ постной пищи колики колятъ: можетъ, полегчало бы.

Микита.

А боярину Коптеву веземъ мы посуду венецейскую. То-есть такую посуду: глаза разбѣгаются. У царя такой нѣтъ,—вотъ даже какъ...

Іеронимъ.

Бѣсовская мудрость!

Мяздра.

Да присохни ты! Божій человѣкъ, а хулу на все изрыгаешь. — Чего тебя, трогаютъ, что ли?—Ты вотъ лучше выпей.

Іеронимъ.

Сыне, не мало я исходилъ на вѣку, не мало видѣлъ!

Мяздра.

Ты думаешь, я не видѣлъ? Да я, братъ, то видѣлъ, что за столомъ и сказать-то нельзя.—Пей, а то сокрушу! Вотъ смотри на меня, я могу ведро выдуть.

Комаръ.

Ну, зачѣмъ же такъ много? Хотя твоя милость на бочку похожа, а ведра не выпьешь.

Гаррингтонъ.

Нѣтъ!

Мяздра.

Ахъ ты, морская треска! какъ не выпью! Давай сейчасъ выпью. До вечеренъ буду пить, и ни въ одномъ глазѣ...

Гаррингтонъ.

Нѣтъ!

Мяздра.

Нѣтъ, а закладъ хочешь?

Гаррингтонъ.

Ну?

Мяздра.

Кто кого перепьетъ? Ты *(тыкаетъ пальцемъ)*, либо я. Чье перепитіе будетъ, того закладъ.

Гаррингтонъ, *выбрасывая нѣсколько монетъ.*

All right.

Мяздра.

Хозяинъ,—тащи ведро.

Митрій Ивановъ.

Кузьма Провычъ, ты ужъ вѣдь закладку сдѣлалъ, не выдержишь!

Мяздра.

Выдержу! Чего не выдержать! Въ лучшемъ видѣ! Онъ думаетъ, что у нихъ у однихъ пьютъ,—я тебѣ покажу, что русскій можетъ.—Волоки сюда, Митрій Иванычъ.—Чортъ меня побери, вмѣстѣ съ дѣдомъ этимъ, ежели только...

Іеронимъ.

Господи...

Мяздра.

Ежели только перепьетъ онъ меня! Неужто перевелись у насъ пьяницы...

Іеронимъ.

Охъ, не перевелись!

Мяздра.

Врешь, крѣпка еще Русь, — еще тебѣ она это покажетъ. *(Засучиваетъ рукава).* Ишь, кулакъ-отъ?

Гаррингтонъ.

Yes!

Мяздра.

Видишь?

Гаррингтонъ, *засучивъ рукавъ своего кафтана, показываетъ тоже кулакъ.*

Oh!

Митрій Ивановъ.

Потѣха съ ними! *(Уходитъ).*

Комаръ *запѣваетъ.*

Она пошла париться...

V.

Тѣ-же *безъ* **МИТРІЯ ИВАНЫЧА.**

Маѳуша, *отводя Микиту къ сторонкѣ.*

Небось тамъ на нѣмокъ-то страсть зарился?

Микита.

Ну, да вѣдь и ты, небось...

Маѳуша.

Чтобы я? Да ни въ жисть, никогда... Ужъ такъ-то я тебѣ рада, такъ рада:..

Микита, *крутя усъ.*

Намъ на Москвѣ всѣ рады!

Маршуша.

У боярина-то твоего съ Коптевой неужто опять?

Микита.

Опять. Больше чѣмъ прежде. Охъ, дошлый онъ у насъ на этотъ счетъ. Я—куренокъ передъ нимъ. Зная его норовъ, вижу, что онъ переклюкаетъ старика Коптева въ лучшемъ видѣ. Онъ теперь все къ нему каждый день ѣздитъ и учитъ, какъ за моремъ живутъ. Вретъ, какъ лошадь, а тотъ-то ушами хлопаетъ. Онъ, погоди, еще наскажетъ, что тамъ, за границей, чужихъ женъ на подержаніе даютъ. А ужъ Коптевъ, страсть, изъ шкуры лѣзетъ, только бы ему на нѣмецкій манеръ...

Маршуша.

Ну, а меня-то, Микитушка, ты не забудешь?

Микита.

Ишь ты круглая какая. *(Щиплетъ ее возлѣ локтя).* Ровно рѣпа, не уколупнешь... И нѣтъ, я скажу, нигдѣ такихъ тѣлесъ, какъ у насъ на Москвѣ.

VI.

Дверь съ шумомъ распахивается и на порогѣ является въ легкомъ лѣтнемъ кафтанѣ и въ шапкѣ съ каменьями тридцатисеми-лѣтній красавецъ—бояринъ **ЮРЕНЕВЪ** *съногайкой въ рукѣ и со звономъ шпоръ на высокихъ каблукахъ.*

Юреневъ.

Такъ и есть: Микита ужъ при бабѣ! Чего ты, бабникъ, здѣсь торчишь,—не видишь, обозъ подъ окнами стоитъ. Я у заставы встрѣтилъ—гляжу и туда, и сюда, — а ты здѣсь, хахель. Живо распорядись, чтобъ Коптеву посуду везли, а къ нѣмцу — Меркурія. Самъ свези, чтобъ возчики не путались понапрасну. Ишь ты, бабу-то какую нашелъ?.. на манеръ Дуковой жены, — помнишь? Только пожирнѣе эта. *(Треплетъ хозяйку по спинѣ).* А, и ты еще сопишь, старый хрѣнъ?

Мяздра, *облобызавшись съ нимъ.*

Что-жъ, бояринъ, старый-то хрѣнъ еще больше въ носъ бьетъ! Скоро на тачкѣ животъ возить буду... Ты какъ?.. Можетъ прежнее вспомянешь,—кутнемъ, а?

Юреневъ.

Нѣтъ, братъ, теперь у меня другое въ мысляхъ.

Мяздра.

Да вино-то просвѣтленіе въ человѣкѣ дѣлаетъ. Я вотъ за послѣднихъ лѣтъ тридцать не могу дня припомнить, когда трезвымъ былъ. Еще бабка-угадка говорила, что, молъ, сгоришь ты отъ вина, и вино изъ тебя исходить паромъ будетъ. Ну, паръ-то идетъ, а вино только внутрь входитъ...

Юреневъ.

Нѣтъ, братъ,—не то у меня теперь совсѣмъ...

Мяздра.

Знаю, опять на мужнюю жену чью заглядываешь. Ну, коли что нужно—не забудь. Самъ знаешь, другого по всей Москвѣ нѣтъ, какъ я. Кузьма съ своимъ брюхомъ черезъ какой угодно тынъ пролѣзетъ, что хочешь выкрадетъ.

Юреневъ.

На это тебя взять. Можетъ денегъ надо?

Мяздра.

Кузьмѣ завсегда нужны деньги. Вотъ на кровныя съ агличаниномъ играю...

Юреневъ, *бросая нѣсколько монетъ изъ кошеля.*

А вѣдь оно, въ самомъ дѣлѣ,—можетъ, что оборудовать и придется. Ну, да вѣдь тебя, старую перечницу, здѣсь всегда найти можно....

Мяздра.

Я всегда здѣсь. Ты свисни только, а я, какъ листъ передъ травой...

Юреневъ, *кивнувъ головой, идетъ къ двери. Микита, сдѣлавшійся очень серьезнымъ, кидается ее растворять.*

Юреневъ *на порогѣ.*

Хозяйка, гоняй его отсюда чаще; отъ дѣла отбивается! А то мужу скажу!..

Микита *тихо.*

Ахъ, бояринъ! я же развѣ жалуюсь на тебя Коптеву, Всеволоду Тимофеичу! Ахъ, нехорошо...

Юреневъ.

Ну, цыцъ! *(Скрываются, Маргуша ихъ провожаетъ).*

Іеронимъ *кашляетъ и машетъ на трубку Гаррингтона.*

Тьфу, проклятый, какъ дымомъ задушилъ!..

Комаръ.

Ишь ты!—Какъ чортъ отъ ладана бѣжитъ.

Іеронимъ.

Ты бы, сыне, устыдился такъ говорить-то. — Одно дѣло ладанъ, а другое — табакъ. Табакъ-то вѣдь изъ утробы блудницы выросъ.

Комаръ.

И что, дяденька, тебя на Москву принесло. То-есть, куда бы тебѣ лучше было сидѣть на пупѣ земли, въ Царь-градѣ.

Іеронимъ.

Старъ сталъ, на отдыхъ сюда притекъ, сыне! Отдохнуть хочу плотію.—Ты самъ изъ какихъ же будешь?

Комаръ.

Я? Я—нѣмецкій выученикъ. Былъ тутъ нѣмецъ-потѣшникъ, князь Янъ... Такъ онъ меня, еще мальчонкой, училъ на потѣху царскую по канату ходить.

Іеронимъ.

Съ нами сила крестная...

Комаръ.

Въ нѣмецкой куртѣ я такъ и ходилъ,—вмѣсто шапки—аркчина. А потомъ я вмѣстѣ съ князь-Яномъ въ потѣшной подклѣтѣ за попками смотрѣлъ.

Іеронимъ.

Это за какими попками?

Комаръ.

Попугаи такіе были у царя всякіе-разные. Миндальными ядрами да калачами ихъ кормятъ. Потомъ за слономъ смотрѣлъ, съ арапомъ Чаномъ. Все при всякой звѣри состоялъ. При медвѣдяхъ бѣлыхъ, при львахъ, что въ Ямѣ у Иверской сидѣли. А самая настоящая должность была при попкахъ.

Іеронимъ.

А! скажи на милость!—Ты человѣкъ тоже бывалый. Повѣдай, сыне, есть еще нищіе въ потѣшныхъ хоромахъ?

Комаръ.

Кто ихъ знаетъ, кажись, есть.

Іеронимъ.

Зѣло меня манитъ пройти туда во дворцовые нищіе. Тамъ мой шуринъ жилъ, — и, Господи! На бараньемъ тюфякѣ спалъ, въ шапкѣ съ бобровымъ пухомъ ходилъ. Царь рублями жалуетъ. Какъ въ раю живутъ на лонѣ царскомъ.

Комаръ.

Тàкъ вѣдь не возьмутъ,—долженъ же ты что-нибудь умѣть. Ты про градъ Ерусалимъ-то разсказывать можешь?

Іеронимъ.

Я могу, я все могу, только бы мнѣ въ нищіе попасть, косточки свои старыя въ теплѣ попокоить. А то, въ студеную-то пору, боюсь, замерзну, аки песъ смердящій.

VII.

Тѣ-же *и* **МАЛЕЦЪ** *вбѣгаетъ изъ входной двери. Потомъ* **КОЗЛИХА** *и* **МАРѲУША.**

Малецъ.

Гдѣ хозяйка-то? Тетка Козлиха пріѣхала.

Мяздра.

Ишь, вѣдьма!... Чего-жъ ты испугался?

Малецъ.

Да вѣдь чуть не довернешься, она подзатыльникъ...

Марѳуша, *отворяя дверь.*

Пожалуй, тетушка! не ждала, не гадала тебя видѣть.

Мяздра.

А-а! невѣста дорогая! Какъ жиръ нагуливаешь?

Козлиха.

Молчи ты, куча! Ишь, съ утра съ ковшомъ знакомство свелъ.

Мяздра.

На радости, что тебя увидѣлъ!.. Вотъ пью, да горько. Подсласти—поцѣлуй...

Козлиха.

Ну те въ болото! Я по дѣлу, Марѳуша.

Марѳуша.

Сказывай, тетушка.

Козлиха—*Мальцу.*

Ты что? Не можешь старухѣ квасу принести? *(Малецъ скрывается).*

Козлиха.

Къ тебѣ опять насчетъ Ульки.

Мареуша.

Аль опять что пропало по хозяйству?

Козлиха.

Типунъ тебѣ! Ничего не пропало, а силъ моихъ нѣтъ. Поѣдомъ она меня съѣла, какъ злая змѣя подколодная...

Мареуша.

Да кто?

Козлиха.

Кто? Антонидка! Кому еще быть!...

Мареуша.

Антонида Авдѣвна? Да что ты,—она какъ голубица кроткая.

Козлиха.

Змѣя подколодная! Все точитъ, все меня точитъ. И все смѣшкомъ, все смѣшкомъ. Дѣвки смѣяться кругомъ стали. Старуха-то ужъ ни во что не входитъ... А самъ-то свѣтъ-Всеволодъ совсѣмъ обалдѣлъ. Ходитъ, какъ юродливый, на стѣнку блюда гвоздями прибиваетъ, да приговариваетъ: такъ, говоритъ, завсегда у голландцевъ и нѣмцевъ. Стыдобушка на весь міръ. Цырульникъ бороду ему брѣетъ, Тимошѣ нѣмецъ Шне уроки даетъ. А она-то, сорока, надъ ними потѣшается. Съ голубятни въ трубу на Замоскворѣчье смотритъ, весь день съ бѣлильницами, да суремницами возится.

Мареуша.

А красива она, что говорить!

Козлиха.

Чего красива. Ничего нѣтъ красиваго! Сухопара. Нашъ-то на нее зарится: извѣстно, на тридцать годовъ разницы, старичку-то и любо. И такъ она меня доѣхала, такъ доѣхала, что силъ моихъ больше нѣтъ. И все съ издѣвкой надо мной. А Тимошка-то, дуракъ нашъ, вскормленникъ-отъ мой, тотъ съ нея глазъ не спущаетъ. Обошла она ихъ всѣхъ, — ржетъ цѣлый

день, ровно на овесъ матка! А всѣ-то за ней хороводомъ: то-то красавица, то-то разумница.

Малецъ *вноситъ квасъ.*

Козлиха.

Зови сейчасъ Ульку, скажи, чтобъ какъ листъ передъ травой.

Малецъ *скрывается.*

Козлиха.

Живетъ цыганъ возлѣ насъ, такъ женка его по рукѣ гадаетъ, — а насчетъ ворожбы плоха... Улька-то дошлая... Она все у тебя стряпухой?

Мареуша.

На черной половинѣ. А только она не гадаетъ теперь совсѣмъ.

Козлиха.

Я заставлю,—для меня будетъ. Я вѣдь заплачу...

Мяздра.

Эй ты, невѣста! иди сюда, я-те на бобахъ гадать буду...

Козлиха.

Молчи ты, юродливый!

Мяздра.

Я-те такъ нагадаю... Хочешь?.. Такъ нагадаю...

Козлиха.

Молчи, Мяздра, право мяздра: ишь ты—все вылѣзло на головѣ-то...

Мяздра.

За правду Богъ лицо прибавляетъ.

Козлиха.

Не за пьянство ли?

Іеронимъ *кряхтя уходитъ въ среднюю дверь.*

VIII.

Тѣ-же *и* **УЛЬКА** *заспанная, засаленная.*

Улька.

Чего еще?

Козлиха.

Иди сюда, небось.

Улька.

Ну?

Козлиха.

Не узнала?

Улька.

Ну, здравствуй.

Козлиха.

Ворожить пріѣхала.

Улька.

Ну те къ Богу,—не стану.

Козлиха.

Коли ежели я хочу?..

Улька.

Не... Нонѣ вотъ что за ворожбу нашей сестрѣ бываетъ,—не прежнее время. Ежели жабу или грыжу заговорить съ молитвой,—такъ это можно. Да и то медвѣжья ногтя у меня нѣтъ, да и стрѣлку громовую тоже стащили...

Козлиха.

А ежели я... Ты этого даже и почувствовать не можешь, ежели я тебѣ полтину дамъ, коли ты мнѣ все дѣло обдѣлаешь?

Улька.

О! полтину...

Козлиха.

Только устрой ты мнѣ важное дѣло... *(Понизивъ голосъ до шёпота).* Мнѣ надо насчетъ боярыни... Чтобъ такъ все повернуть, такъ повернуть, чтобъ я первая въ домѣ была...

Улька.

Ишь, тоже захотѣла!.. Кабы я знала, какъ тò дѣлать, такъ и я бы первая во всемъ околоткѣ была...

Козлиха.

Улька!.. не знаешь ты меня. У меня кровь когда загорится—удержу нѣтъ...

Улька.

Да что же ты—двужильная, что ли?

Козлиха.

Слушай, ты, стряпка! Вотъ я что тебѣ сдѣлаю. Я тебѣ старый опашень дамъ — да деньгами рупь дамъ! Вотъ какъ! чувствуй ты это, чувствуй!

Комаръ.

А и накрала-жъ ты, тетенька, боярскаго добра!

Козлиха.

Молчи—туда же, смердъ!

Улька.

Ну, пойдемъ въ подклѣть,—тамъ посмотримъ! Только воротъ мнѣ отъ рубашки твоей надо, да соли, да мыла...

Козлиха.

Ну, идемъ. *(Встаетъ и идетъ къ двери).*

Мяздра.

Эй, еще кувшинъ, малецъ! Такъ, Генрыкъ Иванычъ?

Козлиха, *въ дверяхъ.*

Пропонцы!

———

IX.

КОЗЛИХА *съ* **УЛЬКОЙ** *ушли въ боковую дверь. Изъ средней быстро входитъ* **МИКИТА.**

Микита.

Спитъ Митрій Ивановъ? *(Тихо Мареушѣ).* Ну, слушай. Ввечеру такъ, еще до мѣсяца, я къ тебѣ черезъ заборъ.—Шарикъ-то вашъ узналъ меня, хвостомъ, подлецъ, мотаетъ. Выйдешь? *(Охватываетъ ее).*

Мареуша.

Ну тебя! еще увидятъ...

Микита.

Не увидятъ!.. Ишь они присосались къ кувшинамъ-то... Ну, такъ до ночи, лапушка?

Мареуша.

Какъ же,—такъ вотъ сейчасъ и вышла.

Микита.

Съ проулка черезъ заборъ-то лѣзть, или черезъ пустырекъ?

Мареуша.

Извѣстно, черезъ пустырекъ...

Микита.

Ну, прощай!

Мареуша, *удерживая.*

Слушай, Микитка, ты знаешь тетку Козлиху?

Микита.

Еще бы не знать—вѣдьма завѣдомая.

Мареуша.

Сейчасъ пришла ворожить: что-то она противъ боярыни... Я отъ Ульки своей все узнаю. Коли что, я сейчасъ тебѣ... Чтобъ бояринъ-то твой зналъ тоже...

Микита.

Ладно... Ну, мнѣ еще за Неглинную скакать. *(Чмокаетъ).*

Комаръ.

Однако ловко! За такія дѣла мужья о печку изъ жены пыль выколачиваютъ.

Микита, *взявши его за воротъ.*

Ежели ты одно слово, такъ я тебя...

Комаръ.

Да я ничего. .

Микита.

Получай алтынъ, держи полу.

Комаръ.

Вотъ это такъ. Насчетъ чужихъ женъ у своего боярина видать, что въ ученьѣ былъ.

Микита, *Марѳушѣ.*

Такъ черезъ пустырь, да? *(Уходитъ).*

Гаррингтонъ *вдругъ начинаетъ хохотать, показывая пальцемъ на Мяздру.*

Мяздра.

Что ты?

Гаррингтонъ.

Фо... наръ... горитъ... Фонаръ... *(Весь трясется отъ хохота).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ хоромахъ Коптева. Полъ вымощенъ дубомъ и расписанъ шахматами подъ мраморъ; на стѣнахъ набиты кожаныя тисненыя заморскія обои. Слюда въ окнахъ расписная. Печи сырчатыя—круглыя, на ножкахъ, съ колонками и серебряными городками наверху. Потолокъ сводчатый; на немъ изображено голубое небо, мѣсяцъ и звѣзды. Завѣсы у оконъ атласныя, опушенныя бархатомъ, на подкладкѣ. Зеркала убраны красною тафтой на шнурахъ. Шкапы, полки книжныя, кіоты, ящики, погребцы расписаны золотомъ, черленью, венецейской ярью и баканомъ. Рѣзные стулья и кресла. Серебряные шендалы для свѣчей съ фигурами, стоячіе и стѣнные, иные съ птицей позолоченной, что сама себя ѣстъ. Слюдяные фонари съ потолка. Налѣво и направо двери, прямо окна.

I.

ПЕТРУШКА *сидитъ у дверей. Въ щель просовывается голова* **ЩЕЛКУНА.**

Щелкунъ.

Петрушенька!

Петрушка.

Щелкуша, здравствуй.

Щелкунъ.

Можно?

Петрушка.

Входи.

Щелкунъ, *войдя.*

Ну, какъ сегодня—въ духѣ?

Петрушка.

Ништо себѣ!

Щелкунъ.

И-ихъ, грѣхи. Будетъ у меня сегодня чесаться въ затылкѣ. То-есть такъ меня бояринъ позолотитъ—въ лучшемъ видѣ.

Петрушка.

Это насчетъ чего же?

Щелкунъ.

Петрушенька, вѣдома тебѣ моя должность проклятая! Чуть гдѣ завелась какая новость на Москвѣ,— и сейчасъ я должонъ боярину докладъ дѣлать. Потому какъ кто изъ-за моря что себѣ получитъ, Всеволоду Тимоѳеевичу безпремѣнно надо черезъ Нѣмецкую слободу получить точь-въ-точь такую же штуку, а ежели сіе возможно, то и болѣе превосходную. И ежели, особливо, что боярину не понравится, такъ-таки лѣстницу пересчитаешь. Петрушенька, ты только вспомни: Артамоновъ получилъ кровать иноземную,—боярину обидно показалось, всѣ ступеньки тогда я пересчиталъ. Волковской выписалъ трубы игральныя,—Всеволодъ Тимоѳеевичъ въ тѣ поры собственноручно удостоилъ меня заушенія. У Голицына обои тисненыя кожаныя получились,—такъ чуть меня на конюшню не послали...

Петрушка.

А что-жъ нынче-то?

Щелкунъ.

О-охъ,—не поминай... Нудно, зѣло нудно... Ну, да ужъ бѣды и не избыть...

Петрушка.

Что же, и то сказать,—васъ бьютъ, васъ и милуютъ. Небось, давно ли на кафтанъ сукна-то тебѣ подарили, а намедни опять на сапоги деньги выдали. Вѣдь ты въ годъ-то сколько перетаскаешь?

Щелкунъ.

Это что говорить, за каждое побитіе жалуютъ. И вѣдь такъ, чтобы настоящаго поврежденія, никогда и не было. А привыкнуть,—вотъ поди-жъ ты,—все не могу. Какъ вотъ чувствую, что произойдетъ это самое,—такъ по спинѣ точно этакъ ходитъ что...

Петрушка.

Мураши. *(Поводя плечомъ).* Мураши? Это точно. Въ такомъ разѣ завсегда мураши ходятъ. Нѣтъ, а сегодня онъ ничего, веселый. Всталъ и такъ прямо, въ чемъ былъ въ постелѣ, пошелъ на прудъ, искупался, потомъ квасу испилъ, съ старой боярыней маленько поругался, но такъ, знаешь, не то чтобы какъ-нибудь, а между прочимъ,—а теперь нѣмецкія книги съ нѣмцемъ разставляетъ. Нѣмецъ сердится, что онъ все кверхъ ногами ставитъ, а боярину любо—смѣется.

Щелкунъ.

На что-жъ ему книги-то, вѣдь онъ и по-нашему по складамъ читаетъ?

Петрушка.

Для Тимоѳея Всеволодовича выписалъ. Онъ, говоритъ, у меня будетъ умникъ-разумникъ, все будетъ читать.

Щелкунъ.

Много онъ тоже начитаетъ. Въ головѣ-то у него только дѣвки сѣнныя, да коврижки.

II.

За дверью говоръ. Слѣва показываются **КОПТЕВЪ** *и* **ШНЕЛЛЕ; ПЕТРУШКА** *и* **ЩЕЛКУНЪ** *кланяются.*

Коптевъ.

Какой же ты, Карлъ Адамычъ, нѣмецъ, ежели ты нѣмецкихъ книгъ читать не умѣешь?

Шнелле.

Я аглицки не могу шитать! Я aus Гамбургъ и могу понимать титулъ книжки, фамилія шитать, но словъ я не знай и не понимай. Латински буквы я шитаю аглицки и вижу, что то трагеди Julius Caesar, и сошинялъ аглишанинъ. И-да!

Коптевъ.

Ты должонъ все знать, а не токмо что по-нѣмецки... Должонъ же мой Тимошка всѣ языки произойти.

Шнелле.

И ну,—я вамъ доставилъ аглишанинъ, и онъ будетъ Тимошъ ушитъ аглицки.

Коптевъ.

Хорошій агличанинъ?

Шнелле.

Хорошъ. Ушеный. Онъ тоже въ Нѣмецкой слободѣ квартиръ имѣетъ. Ушеный.

Коптевъ.

Вали, пусть приходитъ. Пусть Коптевъ на всѣхъ языцехъ говоритъ. Безъ толмача, чтобъ ежели въ посольство...

Шнелле.

О, если только Тимошъ будетъ ушится,—у него мало тутъ... *(Стучитъ себя по головѣ).* А то языкъ знать большой преферансъ...

Коптевъ.

Какъ ты говоришь?

Шнелле.

Преферансъ... предпошитаніе...

Коптевъ.

А-а, хорошее слово... Пере...ферансъ...

Шнелле.

И ну, я иду Тимошъ на урокъ...

Коптевъ *хлопаетъ его по плечу.*

Учи сына, учи! *(Шнелле уходитъ).*

Коптевъ, *опускаясь въ кресло.*

Ну, ты, чернильный орѣхъ, пойди сюда.

Щелкунъ.

О, Господи! Какъ почивалъ, милостивецъ? *(Чмокаетъ въ плечико).*

Коптевъ.

Хорошо спалъ и видѣлъ во снѣ корыто...

Щелкунъ.

Что-жъ, благодѣтель, корыто это хорошо.

Коптевъ.

Ты думаешь?.. Ну, и быдто въ корытѣ все лежитъ мясо, и быдто я его ѣмъ. И тутъ же журавель... И быдто у меня двѣ головы: одна ѣстъ, а другая не ѣстъ...

Щелкунъ.

Что же, чудесный сонъ, благодѣтель.

Коптевъ.

А разъяснить его ты мнѣ можешь?

Щелкунъ.

Не угадчикъ я, батюшка...

Коптевъ.

У маменьки спросить надоть. Она чудесно это все дѣло насквозь понимаетъ.

Щелкунъ.

Это точно: боярыня досконально это знаетъ...

Коптевъ.

Ну, а теперь говори, что̀ у тебя за новости?

Щелкунъ.

Да такъ, мелочишки, благодѣтель... Князю Голицыну часишки прислали.

Коптевъ, *прислушиваясь.*

Какіе часишки?

Щелкунъ.

Такъ, боевые... Самые неказистые, ходовые... И на часахъ образинка сдѣлана, и съ мигаломъ.

Коптевъ, *безпокойно.*

Съ мигаломъ? Съ какимъ мигаломъ?

Щелкунъ.

А глазищами образинка поводитъ... Разъ, разъ, разъ... *(Щелкаетъ въ тактъ языкомъ и ворочаетъ то въ ту, то въ другую сторону глазами).* Образинка маленькая, ровно бы дитячья.

Коптевъ, *послѣ паузы.*

Еще что?

Щелкунъ.

Еще птицу привезли во дворъ Государевъ, и называется эта птица Гамаюнъ.

Коптевъ.

Не слыхалъ.

Щелкунъ.

И собрали свѣдующихъ людей съ Охотнаго ряда, чтобы цѣнность ея опредѣлить. И ни одинъ свѣдующій человѣкъ цѣны ея не знаетъ, ибо никогда не видывана она у насъ. Но на видъ, какъ бы райская...

Коптевъ.

Все это пустяки и вздоръ: и часы съ мигаломъ, и птица райская. А вотъ сегодня я получу свою выписку,—такъ это точно... Языки проглотятъ.

Щелкунъ.

Благодѣтель! Что такое?

Коптевъ.

Венецейскій хрусталь и фарфоръ. Слыхалъ? Первый въ мірѣ. Ни у кого не будетъ, а у меня будетъ. Въ царскомъ обиходѣ такого нѣтъ. Такъ что же мнѣ послѣ всего этого твоя образинка съ мигаломъ?

Щелкунъ.

Это точно, благодѣтель! Ужъ и пущу же я теперь говора по всей Москвѣ. И, Господи, — что звона будетъ!

Коптевъ.

Пусти! это я дозволяю. Пусти!—Артамоновъ-то, я думаю, Артамоновъ! ротъ разинетъ!

Щелкунъ.

Разинетъ, благодѣтель, разинетъ! Кто-жъ это доставитъ?

Коптевъ.

Юреневъ. Онъ и доставитъ. Да. Прямо изъ Венеціи! Ты только сообрази и подумай. Обѣдъ всѣмъ задамъ на новомъ приборѣ... А!.. Каково?.. Совсѣмъ на иноземный ладъ. *(Къ Петрушкѣ)*. Только, Петрушка, — ты такъ всѣмъ челядинцамъ и объяви. Ежели хоть одно блюдцо, хоть нетокмо что разбито, а ежели трещинка въ женскій волосокъ въ толщу,—такъ я на конюшню отправлю, да такъ-то...

Петрушка.

Не изволь безпокоиться, соблюдемъ!

Коптевъ.

Такъ и скажи. Потому, чтобы все иноземное было. И пуще глазу чтобъ...

III.

Тѣ-же, *слѣва* АФРОСИНЬЯ ЕГУПЬЕВНА.

Афросинья Егупьевна.

Опять иноземное? А вотъ я тебѣ такую новость принесла, такую новость, что, можетъ, тутъ тебя проберетъ.

Коптевъ.

Ну-съ, слушаю. Изволь сказывать!

Щелкунъ.

Ручку, боярыня, холопу твоему дозволь облобызать.

Афросинья Егупьевна *суетъ ему руку и садится въ кресло.*

За умъ взялись, наконецъ, учить стали такихъ, какъ ты!

Коптевъ.

Что-жъ, ученье свѣтъ, неученье тьма!

Афросинья Егупьевна *торжественно.*

Патріархъ заявилъ вчера, что ежели кто изъ бояръ съ бритою бородой подойдетъ ко кресту, то благословенія и крестнаго цѣлованія дадено ему не будетъ.

Коптевъ *спокойно.*

Не можетъ того быть. Вонъ у нѣмцевъ ихъ попъ и вовсе бритый, а у католиковъ и плѣшь даже выбрита.

Афросинья Егупьевна.

Такъ то нѣмцы!

Коптевъ.

Такъ что-жъ, что нѣмцы, маменька, Богъ-то одинъ.

Афросинья Егупьевна.

Да что ты суесловишь-то? Вѣдь тебя за это на «поновленіе» нельзя допустить.

Коптевъ.

Поновленье когда еще! Еще въ великомъ посту говѣть-то будемъ. А насчетъ патріарха—я въ сомнѣніи. Что мнѣ борода! Только подливка во время ѣды по ней течетъ, а удовольствія никакого.

Афросинья Егупьевна.

Да ты приди въ соборъ, посмотри, какъ лики-то святыхъ отецъ, намалеваны—нѣшто есть бритые!...

Коптевъ.

Маменька! Да гдѣ-жъ намъ до святыхъ отцовъ! Вонъ ты съ утра брыкаешься да пилишь меня.

Афросинья Егупьевна.

Нельзя не пилить, коли ты вовсе отъ закона отступилъ и весь домъ распустилъ.

Коптевъ.

Домъ распустилъ? Что это ровно бы я не замѣчалъ. Петрунька! У насъ распущена дворня?

Петрушка.

Нѣтъ, бояринъ, у насъ всѣ въ страхѣ Божіемъ... какъ возможно...

Коптевъ.

А вотъ маменька-боярыня изволятъ жаловаться.

Афросинья Егупьевна.

Петрунька, пошелъ вонъ! Терпѣть не могу, когда холопья кровь тутъ стоитъ у дверей, да ушами на боярскіе разговоры хлопаетъ. *(Петрушка ныряетъ въ дверь).*

Афросинья Егупьевна.

Твой отецъ покойный читалъ, небось, мнѣ уставъ, какъ жить. Прямо такъ и указано: «Аще-ли добрый мужъ о своемъ спасеніи радитъ, и жену, и чадъ своихъ наказуетъ, и домочадцевъ»...

Коптевъ.

Что же мнѣ, Антонидушку-то плетью бить, что ли? Такъ ужъ это, извините, нигдѣ того въ образованныхъ странахъ не дѣлается. Или Тимошѣ мнѣ ребра по Домострою сокрушать? За что? За то, что ты же его вареньемъ намедни обкормила? А что насчетъ поученія слугамъ,—такъ слава Тебѣ, Господи...

Афросинья Егупьевна.

Ты о душѣ-то своей позаботься. Вѣдь господинъ за рабовъ своихъ на томъ свѣтѣ отвѣтитъ. Ежели они провинились въ чемъ—въ отвѣтѣ ты...

Коптевъ

Докладываю же, маменька, что сѣкутъ у меня слугъ ежедневно, и потому отвѣтственности за нихъ на душу я не возьму. Попробуй я лозою поучить Тимошу... ты же первая Содомъ и Гоморру подымешь...

Щелкунъ.

А въ Домостроѣ такъ прямо и говорится: «не ослабляй бія младенца,—не умреть, но здоровѣе будетъ... Учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишеся... И не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра»...

Афросинья Егупьевна.

Помолчи, Щелкушка!—Это Иродъ только сокрушалъ младенцамъ ребра-то...

Коптевъ.

Я, маменька, такъ понимаю, что довольно мы коснѣли и были татарами, и слѣдуетъ намъ быть не Азіей, а Европой. Для этого даже я и глобу́съ выписалъ и всю землю мы съ тобой ежечасно можемъ созерцать—въ видѣ какъ бы тыквы или дыни...

Афросинья Егупьевна.

Опоили тебя, али что?

Коптевъ.

Даже и опоенію никакому не вѣрю, желаю жить въ вольномъ духѣ и старинѣ не предаваться. Намедни аптекарь, Василій Васильевичъ Штокманъ, прямо говорилъ, что никакихъ такихъ опоеній не существуетъ, а есть токмо суевѣріе. Ты, маменька, человѣкъ старый, а понятія у тебя свѣжаго быть не можетъ. Я теперь такихъ иноземныхъ словъ наузнавалъ, что ежели начну говорить,—ты только моргать будешь, а онятія у тебя никакого не будетъ.

Афросинья Егупьевна.

Старый ты ужъ человѣкъ, а все на ущербѣ. Коли даже нѣтъ у тебя почтенія къ родительницѣ, что же ты послѣ этого?...

Коптевъ.

Насчетъ родительскихъ чувствъ ты, маменька, оставь, мнѣ, слава Тѣ, Господи, пятьдесятъ годовъ, и пора ужъ мнѣ по собственному разумѣнію.

IV.

Изъ правой двери **АНТОНИДА АВДѢЕВНА,** *цвѣтущая молодая женщина, съ ямочками на щекахъ и задорнымъ изломомъ соболиныхъ бровей.*

Коптевъ.

А! вотъ оно—солнце красное! Вошла—комнату освѣтила. Иди сюда, яблочко мое наливное, свѣтикъ мой... *(Она весело подходитъ къ мужу и прямо садится къ нему на колѣни).*

Антонида.

Здравствуй, Валька! Здравствуй, старый!

Афросинья Егупьевна.

Ахъ, ахъ! Ахъ, срамница! Да какъ же это можно! При людяхъ, да на колѣни къ мужу! Пошла прочь, пошла!

Антонида.

А зачѣмъ я пойду? Мнѣ и здѣсь ловко.

Коптевъ.

Сиди, красотушечка, сиди. У законнаго мужа сидишь на колѣняхъ, а не у полюбовника какого.

Афросинья Егупьевна.

Да нельзя этого! Нельзя при людяхъ. Не опочивальня здѣсь, и не свѣтлый праздникъ, чтобъ цѣловаться...

Антонида.

А вотъ Юреневъ говоритъ, что въ Италіи итальянки съ голыми плечами даже по улицамъ ходятъ... Валька, ты сдѣлаешь мнѣ такое платье? Я въ немъ у тебя принимать гостей буду...

Коптевъ.

А что-жъ не сдѣлать. Добро бы худыя у тебя плечи были, а то, слава Богу,—показать не стыдно...

Афросинья Егупьевна, *поднимаясь съ кресла.*

Ну, вотъ что я вамъ скажу, ежели это все такъ продолжится, вотъ, какъ передъ Истиннымъ, въ монастырь уйду. Уйду, куплю себѣ келью, и чтобъ очи мои не видѣли срамоты и позора...

Антонида.

Погоди, Валюшка, погоди, цыпочка, у тебя усикъ завернулся, дай поправлю и разглажу. Вотъ такъ. Отчего ты не закручиваешь ихъ, кончики-то самые?... Не такой ты былъ бы старый!

Афросинья Егупьевна.

Да что ты все старый, да старый! Что-жъ я-то по твоему: баба-яга безсмертная? Онъ мужъ по всѣмъ статьямъ настоящій.

Антонида.

Да я люблю его, глупаго? *(Обвиваетъ рукой шею мужа).* Я страсть его люблю, и главное за то, что терема онъ не держитъ, волю полную мнѣ даетъ, и все-то для меня, что я захочу, дѣлаетъ. Ты все для меня сдѣлаешь, сѣденькій, все?...

Афросинья Егупьевна.

Э-эхъ, чтобы въ прежнее время съ такой бабенкой сдѣлали! Посадили бы на мѣсяцъ на хлѣбъ на воду...

Коптевъ.

Ну, и пущай другіе сажаютъ. Пущай, — а намъ то не указъ; мы станемъ съ ней жить, какъ въ Европѣ живутъ. Ты, маменька, не чувствуешь, что такое Европа?

Афросинья Егупьевна.

Еу... ропа. Это что же за слово?

Коптевъ.

Щелкунъ! подай сюда глобусъ! Нидушка, покажи маменькѣ — гдѣ Еуропа.

Антонида.

Вотъ Еуропа, маменька.

Афросинья Егупьевна.

Это что же такое?

Коптевъ.

Все нѣмецкое образованіе, маменька, тутъ въ сосредоточіи. Все нѣмцы живутъ. А тутъ, маменька, Африкъ — гдѣ живетъ ефіопъ.

Афросинья Егупьевна.

И точно, глупый ты, глупый! Всему-то ты вѣришь. Потому тебѣ, по твоему умственному умаленію, непонятно, что нѣмецъ тебя морочитъ...

(За сценой шумъ и топотъ).

V.

Тѣ-же, *слѣва* **ШНЕЛЛЕ** *и* **ТИМОША.**

Антонида.

Ужъ не пожаръ ли, — храни Богъ!

Шнелле, *въ волненіи.*

Я буду жалиться! Ja! Буду жалиться, что вы дерзайтъ. И я переносить это не могу, и у меня перепонка лопнетъ...

Тимоша.

Херъ Шнелле, ихъ виръ нихъ заге!

Шнелле.

Н-но,—«нихтъ заге!»—Ви третій день нишего не ушитъ, гоняетъ зобакъ и кошка. Я буду жалиться!

Коптевъ.

Тимоѳей! Ты что? Я тебя въ послы готовлю! А ты, а ты,—ахъ, ты! Какъ же ты можешь,—вѣдь учитель твой, наставникъ,—все равно, какъ бы отецъ.

Тимоша.

Батенька, жарко очень. Помилуй, какое-жъ ученіе, когда я, можно сказать, мокрый насквозь,—ровно меня въ пруду бабы выполоскали. Зимой—другое дѣло. А что же теперь — собака и та въ тѣни лежитъ, а не прыгаетъ... Мнѣ ничего въ голову не лѣзетъ... А вотъ Карлъ Адамычъ говоритъ: asinus, stultus... Обидно тоже...

Коптевъ.

Это точно что жарко! такъ бы вотъ изъ пруда и не вылѣзъ.

Шнелле.

Но мнѣ, какъ шестный шеловѣкъ, стыдно брать деньга за урокъ, когда такъ лѣнивы...

Коптевъ.

Чего стыдиться, деньги брать никогда не стыдно.

Шнелле.

Ну! и ежели такъ ему жарко—мы устроимъ каникулъ!

Тимоша.

Это какой еще такой каникулъ?

Шнелле.

Это—мы мѣсяцъ не будемъ заниматься, если Vater позволитъ.

Тимоша.

Позволь, батя, на колѣнки стану! Бабушка, на колѣнки стану—проси батю!

Коптевъ.

Ну, пущай его побалуется, пущай! Ты какъ, Нидушка, думаешь?

Антонида.

Да пущай! только вѣдь онъ весь день съ дѣвками въ дѣвичьей сидѣть будетъ...

Коптевъ.

Тимоѳей, ты зачѣмъ тамъ сидишь?

Тимоша.

Я, батя, ей-ей... Я кружево плести умѣю...

Коптевъ.

Знаю я это кружево,—по нашему оно иначе называется. Гуляй, гуляй, а вихры береги.

Афросинья Егупьевна, *гладя Тимошу по головѣ.*

Красавчикъ!—весь въ дѣдушку.

Коптевъ.

Нѣшто у дѣдушки его такое глупое лицо было? Дѣдъ-то былъ складнѣе куда.

Шнелле.

Н-ну,—тогда каникулъ! И я пойду на Слобода.

Коптевъ.

Постой, камрадъ. Экзаменъ сейчасъ мы учинимъ Тимошѣ.

Тимоша.

Ей-ей, батенька, жарко...

Коптевъ.

Тимоѳей! бери глобусъ—разсказывай бабкѣ, что такое Еуропа.

Тимоша.

Еуропа? Да это и безъ глобуса разсказать можно, мы учили. Ее на коровѣ Юпитеръ увезъ.

Антонида.

Какъ на коровѣ?

Тимоша.

Ей-ей. Такъ ее и на изображеніяхъ изображаютъ. Корова—и она на коровѣ въ чемъ мать родила... А Юпитеръ—вѣдь это богъ былъ...

Афросинья Егупьевна.

Ну, доучили ребенка. До какихъ мерзостей договорились...

Коптевъ.

Что-жъ это, херръ камрадъ?

Шнелле.

Nein, это вѣрно,—это все вѣрно... Еуропа на корофъ, это—митологи... да!...

VI.

Тѣ-же, ПЕТРУША, *потомъ* **ЮРЕНЕВЪ** *изъ среднихъ дверей.*

Петруша.

Бояринъ, тамъ ящикъ привезли заморскій, и Юреневъ съ нимъ.

Коптевъ.

А-а! прибыли... Проси сюда гостя дорогого!

Афросинья Егупьевна.

Пойдемъ, Антонидушка, не пригоже.

Антонида.

Нѣтъ, маменька, ужъ зачѣмъ же: мнѣ венецейскій-то приборъ куда занятнѣе, чѣмъ передъ зеркаломъ въ свѣтлицѣ сидѣть.

Коптевъ.

Останься, Антонидушка, останься. Чего прятаться. Нехорошо...

Юреневъ *входитъ.*

Коптевъ, *обнимая его.*

Ну, спасибо, спасибо! самъ привезъ,—уважилъ сродственника!...

Юреневъ.

Синьйора кара! *(Подаетъ руку Антонидѣ).*

Афросинья Егупьевна.

Оставь руку, оставь! не смѣй трогать!

Антонида.

Что-жъ, вѣдь не сахарная, не растаю!

Юреневъ.

Въ Италіи это—итальянскій обычай.

Афросинья Егупьевна.

Уйду, смотрѣть не хочу; Тимоша, пойдемъ отсюда. Хоть бы умереть загодя, чтобы глаза не видали... *(Уходитъ съ Тимошей, сердито хлопнувъ дверью).*

Коптевъ.

Ну, и съ Богомъ! Борисъ Петровичъ—отвѣдай медку... у насъ онъ на столѣ безсмѣнно стоитъ. Угощай, женка...

Антонида.

Покушай, синьйоръ. Можетъ венецейки лучше умѣютъ потчевать?

Юреневъ.

Не знаю, можетъ и лучше, не замѣтилъ.

Коптевъ.

Ну, выпьемъ, сродственничекъ. Пригубь, Антонидушка.

Антонида.

Отчего не пригубить? Я хоть всю стопку опорожню.

Коптевъ.

О-о! жена-то моя какая? Еуропа совсѣмъ!

15*

Юреневъ.

Да, могу сказать, что въ удивленіе я приведенъ большое. Положимъ, что и до отъѣзда моего все это еще какъ бы начиналось, однако далеко не то...

Коптевъ.

Другъ ты мой, камрадъ,—или какъ это по-итальянски?

Юреневъ.

Amico!

Коптевъ.

Ну, амика. Слушай, ѣздилъ ты, повидалъ всего, жилъ въ городѣ, гдѣ не ходятъ, не ѣздятъ, а только плаваютъ. Былъ у дука, все видѣлъ. Научи ты меня, чтобы, ну, совсѣмъ по-итальянски все у меня было. Чтобы такъ и ѣсть, и пить, и гулять, и все прочее. Казна есть у меня—ну, чего надо? И чтобъ жена у меня, понимаешь, чтобъ совсѣмъ она была какъ бы на свободѣ...

Юреневъ.

Что же, можно!

Коптевъ.

Ну, вотъ я гостей хочу собрать; и чтобъ это было такъ вродѣ машкерада венецейскаго, какъ ты разсказывалъ...

Юреневъ.

Зачѣмъ машкерадъ?—никто изъ москвичей не пойдетъ; а такъ—танцы устроить... Опять же, танцовать никто не умѣетъ.

Коптевъ.

Сына нѣмецъ учитъ,—жену тоже въ ученье отдамъ...

Антонида.

Чего-жъ мнѣ одной-то плясуньей быть—учись и ты, старый.

Коптевъ.

А нѣшто—такіе, какъ я, танцуютъ въ Венеціи?

Юреневъ.

Въ Венеціи не знаю, а вотъ во Флоренціи точно, былъ это я на танцахъ, — такъ старички сидѣли по стѣнкамъ, больше въ шахматы играли, да курили, да пили. А танцовали все молодые... Эхъ, еслибъ одѣть Антониду Авдѣвну по-ихнему — просто взглянуть, да умереть...

Антонида.

А ну-ка, какъ это?

Юреневъ.

На головѣ ничего, а тутъ — по плечамъ и ниже — оголеніе.

Юреневъ.

При людяхъ?

Юреневъ.

Такъ-таки при людяхъ. На потѣшномъ дворѣ человѣкъ, чай, четыреста было—всю ночь напролетъ всѣ князья танцовали,—какъ есть въ самое Крещенье. Въ саду-то фонтаны бьютъ...

Коптевъ.

Чего ты врешь,—о Крещеньѣ да фонтаны?..

Юреневъ.

Да тамъ тепло, какъ у насъ теперь подъ Успенье.

Антонида.

Умрешь, ничего такого не увидишь.

Юреневъ.

И теперь эти синьйоры-флоренки, съ важными князьями подъ ручку въ темныхъ садахъ по дорожкамъ разгуливаются, и ничего. Сама флоренская княгиня взяла какого-то изъ гостей подъ руку — и закатилась на прудки куда-то...

Коптевъ.

Ну, а князь-то самъ какъ же флоренскій-то?

Юреневъ.

А князь такъ это спокойно, сейчасъ другую флоренку подъ руку, и въ другую сторону.

Коптевъ.

Ахъ, черти!

Юреневъ.

И въ Венеціи тоже свободно. Какъ только мѣсяцъ взойдетъ, такъ сейчасъ по канавамъ гондолы — и все пàрами. Сидятъ венецейки, опахальцами обмахиваются, да на цитрѣ играютъ. Огоньки разноцвѣтные зажгутъ, съ факельчиками ѣздятъ, въ бубны бьютъ, въ трубы трубятъ, въ колпакахъ дурацкихъ ходятъ. Духами какими отъ женскаго пола пахнетъ!

Антонида.

А нюхалъ таки, Борисъ Петровичъ, чѣмъ пахнетъ?

Юреневъ, *нѣсколько конфузясь.*

Изъ Азіи идетъ все къ нимъ, да изъ Индіи, благоуханіе-то это...

Антонида.

Чтобы вотъ привезти? Небось и бѣлилы, и румяны куда лучше нашего тамъ.

Юреневъ.

Да и примазываются тамъ не въ примѣръ лучше нашихъ.

Коптевъ, *смотря въ окно.*

И что это они сколько времени возятся? Вы калякайте здѣсь, а я пойду, на нихъ цыкну, — а то они рады сложа руки на все смотрѣть. Ты жену-то поитальянски научи, слышь! Ужъ такъ я тебѣ буду благодаренъ, такъ благодаренъ... (*Уходитъ*).

VII.

АНТОНИДА *и* ЮРЕНЕВЪ.

(Молчаніе. Антонида смотритъ на него исподлобья).

Антонида.

Ишь ты, небось, тамъ, около этихъ синьйоръ такъ вьюномъ и вился?

Юреневъ.

Чего-жъ мнѣ, на что онѣ! *(Подсаживается къ ней).*

Антонида.

Куда ты?.. Вѣдь отъ меня не пахнетъ такъ, какъ отъ венецейки... Садись дальше...

Юреневъ.

А вотъ венецейки—тѣ близко сидятъ.

Антонида.

Ну, тамъ сидятъ ли, нѣтъ ли—кто тамъ знаетъ,—можетъ вранье одно... А коли онѣ позволяютъ—и иди къ нимъ, а насъ оставь... Пересядь, говорятъ!

Юреневъ *пересаживается на прежнее мѣсто.*

Ишь, строгая какая стала,—а небось передъ отъѣздомъ урывкомъ въ саду у твоего бати...

Антонида.

Въ саду! Въ саду-то, небось, нѣтъ дверей—никто не войдетъ. А тутъ, на-ко,—двери къ свекрови открыты, а онъ лѣзетъ...

Юреневъ.

Ахъ, та-акъ!

Антонида.

Догада-ался.

(Молчаніе. Она, посмотрѣвъ на него, фыркаетъ).

Юреневъ.

Чего ты?

Антонида.

Ничего. И какой, то-есть, ты тихенькій послѣ флоренокъ, да венецеекъ сталъ.

Юреневъ.

Языкъ-то у меня прилипъ сегодня къ гортани...

Антонида.

Ты бы промочилъ его: меду-то не жалко... *(Молчаніе).* Ну, что-жъ ты молчишь-то,—а? Разскажи что-нибудь... сказку какую ни на есть...

Юреневъ.

Сказку?.. И то вотъ, сказка одна на умъ мнѣ пришла.

Антонида.

Ну-тка, ну-тка, разскажи, Борисушка.

Юреневъ.

Какъ-разъ во Флоренціи и разсказывали ее,—толмачъ нашъ.

Антонида.

Ну-ну!

Юреневъ.

Жила-была, будто бы, въ этой самой Флоренціи одна мадонна.

Антонида.

Это кто-жъ такая будетъ?

Юреневъ.

Это боярыня, что ли. Ну, вотъ въ родѣ, какъ ты.

Антонида.

Ну, въ родѣ какъ я—ладно.

Юреневъ.

И былъ у нея мужъ—старъ человѣкъ.

Антонида.

Въ родѣ, какъ мой муженекъ... Ну, инъ дальше.

Юреневъ.

И увидѣла она въ церкви, что ли, али въ другомъ мѣстѣ,— одного изъ флоренцевъ — молодого да красиваго. Только они были незнакомы, и знакомиться-то нельзя никакъ было. Только узнала эта мадонна, что навѣщаетъ онъ одного пустынника, который все его на путь истинный наставляетъ... Вотъ приходитъ она къ пустыннику и говоритъ: «Отецъ святой, срамитъ меня молодой флоренецъ, ходитъ мимо терема и все ручкой дѣлаетъ. Ну, вдругъ мужъ увидитъ? И вѣдь время-то какое выбираетъ—когда мужъ занятъ—рано утромъ».

Антонида.

Ишь ты!

Юреневъ.

Очень пустынникъ удивился. «Такой, говоритъ,— тихій—и на что пошелъ. Я, говоритъ,—ему покажу». Позвалъ его: «Не хорошо, говоритъ,—что мимо оконъ мадонны ходишь, да еще когда мужъ не видитъ — по утрамъ». Тотъ ничего не понимаетъ:—какая, говоритъ, такая? А онъ говоритъ: «А вотъ, что на такой-то площади живетъ».

Антонида.

Ловко!

Юреневъ.

Ну, на утро флоренецъ надѣлъ свои куцые шароварчики, шапочкой съ перомъ накрылся,—пошелъ смотрѣть синьйору. Видитъ, — писаная красавица... Такъ недѣлю цѣлую и ходилъ... Онъ прохаживается, и она все къ нему присматривается... *(Останавливается).*

Антонида.

Ну, чего же сталъ?

Юреневъ.

Вотъ ѣдетъ она опять къ пустыннику: «Отче святой, не даетъ онъ мнѣ покоя, — и на такое дѣло пустился, что бѣда. Узналъ онъ, что вчера съ вечера мужъ мой на десять дёнъ въ Ливорну уѣхалъ. Пробрался ночью въ садъ, — а у насъ ограда низкая, — влѣзъ на дерево, что у самаго моего окна,—а окно-то не запирается, да ко мнѣ въ горницу и прыгни. Хорошо, что я вскорѣ замѣтила, да палкой его оттуда!..» Ну, ужъ тутъ пустынникъ разсердился:—«Я, говоритъ, сейчасъ же его». Позвалъ флоренца и началъ его отчитывать. «Ты, говоритъ,— думаешь, что ежели мужъ уѣхалъ на десять денъ, да ограда низкая, да оконъ не запираютъ, да подъ окномъ дерево растетъ, такъ и можно лазать по чужимъ женамъ?..»

Антонида *хохочетъ.*

Что-жъ, флоренецъ-то—каялся?

Юреневъ.

Страсть плакалъ. Обѣщался никогда не ходить... Еле вечера дождался, — да потомъ такъ по указанной дорогѣ и пошелъ...

Антонида, *вставая.*

Да! это такъ! Хорошая сказка. А только вотъ у насъ въ приходѣ отецъ Василій совсѣмъ на этого пустынника не похожъ.

Юреневъ.

Да я не къ тому!

Антонида.

Вотъ флоренка-то говорила, что прогнала его, а я нынче сонъ какой видѣла,—на что хуже, чѣмъ то, что съ ней было. Представь себѣ, Борисъ Петровичъ, вижу я будто ужъ совсѣмъ стемнѣло. А мой Всеволодъ Тимоѳеевичъ, ты самъ знаешь, куриной слѣпотой стра-

даетъ. Какъ солнце сядетъ, онъ сейчасъ въ кроватъ бултыхнется, и ужъ его и не добудишься. А я всегда, какъ стемнѣетъ, съ своей дѣвкой Аксюткой по саду гуляю,— вѣдь садъ-то у насъ большой такой. И вотъ будто бы прыгъ ко мнѣ черезъ тынъ добрый молодецъ...

Юреневъ.

Это въ какомъ же мѣстѣ?..

Антонида.

А возлѣ пруда: тамъ, знаешь, совсѣмъ колья расшатаны, и все бурьяномъ поросло — ничего не видать. Прыгнулъ онъ, будто, ко мнѣ — да за руки. То-есть, такая страсть, такая!.. Хочу кричать, голоса нѣтъ! А онъ... Знаешь, что онъ сдѣлалъ?..

Юреневъ.

А ну-ка?

Антонида.

Какъ схватитъ меня, да и ну цѣловать... Аксютка-то, подлая, хохочетъ:— «Я, говоритъ,— посторожу, чтобъ, неровенъ часъ, лихой человѣкъ не подвернулся». Проснулась я: руки и ноги дрожатъ... Такая страсть, такая страсть!..

Юреневъ, *наклоняясь къ ней.*

Такъ-таки прямо обнялъ да и поцѣловалъ?

Антонида.

Такъ-таки прямо...

Юреневъ.

Ишь ты, озорникъ какой. *(Охвативъ ее, собирается чмокнуть въ щеку, но она ужемъ отъ него увертывается).*

Антонида.

Да ты съ ума спятилъ! съ чего ты!

Юреневъ.

Небось, на яву-то и силы есть отбиваться...

Антонида.

Такъ вѣдь мы, Борисъ Петровичъ, въ хоромахъ... Въ хоромахъ другое дѣло... Это вѣдь не въ саду ночью... Въ темнотѣ—ужъ какая тутъ сила...

VIII.

Тѣ-же *и* **КОПТЕВЪ.** *За нимъ* **ЛЮДИШКИ** *несутъ ящикъ, сзади* **ЩЕЛКУНЪ** *и* **ПЕТРУШКА.**

Коптевъ, *въ крайнемъ волненіи.*

И тяжелъ же приборъ твой: еле шесть человѣкъ втащили. Чего они тутъ наложили? Ишь ты и ящикъ-то какой, — венецейскій!.. Ставь сюда, ставь сюда! Осторожнѣй, осторожнѣй,—хрупкое стекло-то вѣдь... Ну, начинай отсюда гвоздочки отдирать. Скажи на милость,— дубовый ящикъ-то!.. Позови боярыню, Афросинью Егупьевну. Ты, Щелкунъ, чего сталъ? Помогай, что ли!... *(Петрушка уходитъ).*

Юрененъ *подходитъ.*

Легче, легче, съ молоткомъ-то. Ты ударишь, а тамъ хрустнетъ. Не торопись. Подсовывай подъ шляпку, и вытягивай. Клещами взялъ бы...

Щелкунъ.

Ишь ты, ровно тамъ кладъ какой!..

Юреневъ, *Коптеву.*

Кубки-то внизу, самые дорогіе, а сверху-то что полегче: стеклушки разныя, да мелочишки.

Антонида.

Посмотримъ, какой вкусъ у Бориса Петровича. Я что-то плохо вѣрю...

Коптевъ.

А! не говори,—вкусъ у него хорошій! У него вкусъ все равно, что у меня...

IX.

Слѣва **АФРОСИНЬЯ ЕГУПЬЕВНА и ТИМОША.** *Сзади* **ПЕТРУШКА.** *Потомъ справа* **МИКИТА.**

Афросинья Егупьевна *мрачно.*

Чего еще? На какой еще срамъ смотрѣть зовешь?..

Коптевъ.

Срама нѣтъ никакого. А только, что сейчасъ увидишь,—того отродясь не видала. Этотъ ящикъ, маменька, цѣлаго угодья стоитъ,—вотъ цѣна какова!

Афросинья Егупьевна *опускается въ кресло.*

Коптевъ.

Маменька! Вотъ разгадай сонъ мой: видѣлъ я, быдто... Нѣтъ, короче такъ сказать: что значитъ корыто видѣть и волчье мясо ѣсть и двѣ головы у себя имѣть?

Антонида.

Это у тебя-то двѣ головы, Всеволодушка?

Афросинья Егупьевна.

Постой! корыто видѣть—знакъ женитьбы...

Коптевъ.

То-есть, какъ же, маменька, если я женатъ!

Афросинья Егупьевна.

А я почемъ знаю... Волчье мясо ѣсть—враговъ одолѣть...

Коптевъ.

Во-во! Вотъ это такъ!... Я этимъ приборомъ такъ Артамонова посрамлю, такъ посрамлю... Ну, а вотъ двѣ головы?

Афросинья Егупьевна.

А двѣ головы видѣть значитъ—исправность.

Коптевъ.

Какъ исправность, въ чемъ исправность?

Афросинья Егупьевна.

Говорятъ тебѣ исправность,—чего присталъ?...

Юреневъ.

А вотъ и Антонида Авдѣвна сонъ сегодня видѣла.

Антонида *вспыхиваетъ.*

Микита, *изъ правой двери, испуганно.*

Батюшка, Борисъ Петровичъ, требуютъ тебя на Верхъ, къ государю. Тамъ по венецейскому дѣлу за справочкой.

Юреневъ *срывается съ мѣста.*

Къ царю! Господи! Должно ищутъ по Москвѣ уже давно: прискакали сюда изъ дома.

Коптевъ, *торопливо.*

Поѣзжай, поѣзжай, царское дѣло,— нельзя. Аргамачекъ твой поотдохнулъ,—живымъ духомъ доскачешь... Заѣдешь, что-ль, еще сегодня?

Юреневъ.

А ужъ не знаю, удосужусь ли... *(Подходитъ къ Антонидѣ).* Можетъ, урвусь...

Афросинья Егупьевна.

А до руки не смѣй касаться! не смѣй!

Коптевъ.

Ну, торопись, торопись, родной, не мѣшкай.

Въ моментъ ухода Юренева крышка съ ящика отскакиваетъ.

Щелкунъ.

Охъ, и уморились же мы съ нимъ, проклятымъ... до девятаго пота...

Коптевъ, *прохаживаясь по горницѣ и потирая руки.*

Покажу я имъ, что значитъ венецейскій приборъ,— покажу!

Людишки *откапываютъ ящикъ, выбрасывая охапками стружки.*

Тимоша.

Батя! да тутъ нога чья-то! *(Запускаетъ руку въ ящикъ).*

Коптевъ, *въ изумленіи.*

Что-о!.. Какъ нога?

Тимоша.

Ей-ей, батя, нога!..

Щелкунъ.

Точно, благодѣтель,—тутъ чья-то ножка положена.

Тимоша, *съ крикомъ.*

Упокойникъ! *(Отскакиваетъ, трясясь, отъ ящика).*

Афросинья Егупьевна.

Господи! да что же это!.. Чуръ! чуръ!..

Коптевъ.

Какъ упокойникъ, что врете?.. *(Стоитъ и смотритъ издали, вытянувъ шею).*

Щелкунъ.

Такъ, благодѣтель! И ручку нашли... Холодно—ровно бы камень.

Афросинья Егупьевна.

Да бросьте вы эту нечисть... Съ нами крестная сила!

Коптевъ.

Нѣтъ, откапывайте, откапывайте!

(Минута общаго напряженія. Стружками завалено все вокругъ).

Щелкунъ.

Истуканъ, благодѣтель, это—истуканъ!

Коптевъ.

Истука-анъ!

(Общій ужасъ).

Щелкунъ.

Что-жъ, пособляй, ребята.

(Осторожно поднимаютъ изъ ящика огромную статую Меркурія — копію съ болонской статуи Джовани. Богъ изображенъ во время полета. На головѣ — крылатая шляпа, въ лѣвой рукѣ — кадуцей. Правая нога далеко отставлена назадъ. Молчаніе).

Афросинья Егупьевна, *плюнувъ.*

Тьфу ты, мерзость какая!.. Вотъ такъ приборъ!

Коптевъ, *разводя руками.*

Ума не приложу, что такое...

Тимоша, *трясясь всѣмъ тѣломъ.*

Упокойникъ!

Афросинья Егупьевна, *въ упоръ подойдя къ сыну.*

Слушай, ты! Долго я терпѣла, но больше терпѣть не буду. Ежели ты истукановъ завелъ въ домѣ, такъ я къ самому патріарху поѣду... Вонъ! Сейчасъ его вонъ отсюда! Чего стали? Тащите! Аксютка! Аксютка! Ладану росного сюда, да воды крещенской! Живо!

X.

Тѣ-же, АКСЮТКА *слѣва. Увидя истукана взвизгиваетъ.*

Афросинья Егупьевна.

Чего-жъ вы, вытащите вонъ эту пакость... А ты! э, да что—и говорить-то я съ тобой не буду... Юродливый!.. *(Уходитъ).*

Коптевъ, *растопыря руки.*

Не правда ли, Антонида, сколь странное происшествіе!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дворъ у Митрія Иваныча. Слѣва—задній фасадъ его дома, съ крылечкомъ. Направо — открытый сѣновалъ. Между ними — заборъ, ворота, калитка. На первомъ планѣ слѣва—погребъ, и за нимъ ходъ черезъ заборчикъ на черный дворъ. Направо, на авансценѣ, столъ, скамьи и табуреты. За заборомъ — панорама Москвы. Кое-гдѣ изъ-за зелени—вѣтряныя мельницы. Вечерѣетъ.

I.

На сѣнѣ спятъ **МЯЗДРА** *и* **ГАРРИНГТОНЪ.** *На крылечкѣ сидитъ съ балалайкой* **ЕРОШКА** *и* **ІЕРОНИМЪ.**

Ерошка *поетъ.*

Жила была бабица
На горѣ подъ дубомъ,—
Она пошла париться...

Іеронимъ.

И что это ты все непотребное мурлыкаешь? Про каку-таку бабицу?

Ерошка.

Была такая!

Іеронимъ.

Ну, и что же про нее поется-то?

Ерошка.

Была она, старче, баба чинная...

Іеронимъ.

Ну?

Ерошка *поетъ.*

И какъ баба чинная,
Взяла пукъ мочалы...

Іеронимъ.

Ну?

Ерошка, *прищуривъ глаза и хвативъ переборъ.*

«Это пѣсня длинная,
Начинай сначала!»

Іеронимъ.

Тьфу! Скоморошество одно. Скоро къ вечерни зазвонять, а ты такое дѣло.

Ерошка.

Да что же, старче, я вѣдь въ святые отцы и не прошусь. Что я такое? За ученой птицей-попкой ходилъ,— былъ черезъ нее сытъ и одѣтъ, всѣ помыслы только на попку и были направлены, какъ бы не захворалъ, да типунъ бы на язычокъ у него не сѣлъ. Мылъ тоже его по субботамъ.

Іеронимъ.

Ну?!

Ерошка.

Ей-ей, мылъ. Онъ вѣдь умный, попка-то. Его моешь, а онъ приговариваетъ: «такъ, такъ!»

Іеронимъ.

Неужто говорилъ?

Ерошка.

Все рѣшительно. То-есть такъ даже: выпьешь чарку: «будь здоровъ, попка!», а онъ сейчасъ: «покорно благодарствую, кушайте на здоровье». Одинъ разъ что было. Совершилась въ царскихъ покояхъ пропажа— пропала запона яхонтовая, что положилъ осударь близъ клѣтки и, позабывши, ушелъ. Ну, поднялась эта сумятица, и, Господи! Допросъ—что, да какъ, этакое дѣло! Чуется мнѣ, не ладно—сердечушко ноетъ. Прихожу я это къ попкѣ, плачу—разливаюсь: «Попочка, что со мною теперь будетъ?» А онъ-то, слышь, мнѣ и говоритъ: «Былъ, говоритъ, здѣсь невѣдомый человѣкъ подъ видомъ истопника, бородой красенъ, окомъ косъ, онъ эту

запону и стянулъ». Что-жъ ты думаешь: вѣдь по симъ примѣтамъ и разыскали вора.

Іеронимъ.

О! Такъ это онъ тебѣ и доложилъ?

Ерошка.

Такъ и доложилъ. А я осударю и говорю: такъ и такъ. А какъ нашли вора — очень осударь смѣялся: «Хоть, говоритъ, можетъ, попка имъ же и наученъ, а выдать ему за догадку сукна на кафтанишко». Ей-ей! *(Съ сосѣдней звоницы раздается ударъ колокола; звонъ продолжается до половины слѣдующаго явленія).*

Іеронимъ.

Ишь ты, ужъ и вечерни подошли. Что-жъ, пойти надоть на службу Господню.

Ерошка.

Куда ты пойдешь, нѣшто не слыхалъ, что старуха обѣщала свести тебя къ Коптеву. Человѣкъ властный, что захочетъ, то и сдѣлаетъ для тебя.

Іеронимъ.

Да никакъ она домой ужъ спроворилась?

Ерошка.

Куда тебѣ домой! Она на пуховикѣ у хозяйки здѣшней дрыхнетъ. Тѣлесный составъ у нея, слава Богу, ровно перина на перинѣ лежитъ.

Іеронимъ.

Обстоятельная женщина.

Ерошка.

Жениться бы на такой! Я думаю, чего только не припасено у нея. Сундуки, чай, ломятся. Коли продавать— большую казну получить можно. А ужъ жисть-то съ ней какая: меды да пироги—ѣшь не хочу. Лучше царской жисти. Потому, у царя все же забота: то, да другое, а тутъ — ни тебѣ заботы, ни тебѣ смуты какой: лежи на печи, да ѣшь морковку. Чудесно!..

II.

Тѣ-же, *на крыльцѣ показывается* **КОЗЛИХА.**

Козлиха.

Вотъ и я...

Ерошка, *вставая.*

А и легка ты, тетенька, на поминѣ... Куда, чай, легче, чѣмъ на подъемъ.

Козлиха *идетъ къ столу, переваливаясь.*

Ахъ, хорошо на воздушку-то. Такъ toли я заснула, что лучше и не надо. Ровно въ царствіи небесномъ была. Теперь вотъ кваску изопью, и полегчаетъ.

Іеронимъ.

Сонъ окрѣпу даетъ членамъ.

Козлиха.

То-то что окрѣпу. Ровно бы снова родился человѣкъ послѣ сна. Вѣдь свыше положено отъ Бога, чтобы такое окрѣпленіе было. Такъ ли я говорю, странный человѣкъ?

Іеронимъ.

Такъ, сударыня, такъ, матушка.

Козлиха.

Вольготно таково, и въ колѣнкахъ совсѣмъ слободно. Вотъ таперь я про рѣку Ерданъ послушаю. Очень даже я люблю такія бесѣды.

Іеронимъ.

Поучительно, сударыня, поучительно.

Козлиха.

Долго ли итти-то туда, ежели я соберусь?

Іеронимъ.

Охъ, долго, сударыня! Годъ итти надо, да и то ежели торопиться. Ежели же такъ итти, какъ многія странницы ходятъ — два шага впередъ, да одинъ назадъ, такъ и всѣ два пройдешь.

Козлиха.

А неужто есть такія, что такъ ходятъ?

Іеронимъ.

Есть, сударыня, есть такія подвижницы.

Ерошка.

Я, такъ полагаю, тетенька, что ежели итти шагъ впередъ и шагъ назадъ, такъ это много еще лучше. Потому, дальше своего двора не уйдешь, а подвигъ совершишь, коли съ зари до зари пѣшешествовать будешь.

Козлиха.

Ну те, скоморохъ!

Ерошка.

А нѣтъ, найми меня за себя сходить, да деньгами дай двадцать рублевъ, я тебѣ черезъ годъ песочку да камушковъ принесу, да еще тьмы египетской—въ ящикѣ. Только открывать его никакъ нельзя, потому какъ свѣтъ въ ящикъ проникнетъ, такъ ничего изъ темноты и не останется.

Козлиха.

Отлипни ты, гудошникъ. Ну, и скажи ты мнѣ, человѣкъ Божій, неужто ты такъ-таки годъ и шелъ?

Іеронимъ.

Такъ и шелъ. Все съ Москвы на полдень, все на полдень. Потомъ началъ влѣво забирать по Дону. И такъ забралъ влѣво, что въ одномъ мѣстѣ до края свѣта дошелъ—такъ и прошелъ по самому краюшку.

Козлиха.

Господи! Страшно-то каково!

Іеронимъ.

Извѣстно, страшно. Небо съ землею сходится. Тучи эти самыя у тебя надъ головою. Рѣка такая есть — Терекъ, такъ вотъ въ ономъ мѣстѣ. И тучи такъ надъ тобой и летаютъ, орлы и тучи, орлы и тучи...

Козлиха.

Скажи на милость! А вотъ сестра сказывала, что у нихъ въ псковской округѣ облаками коровъ кормятъ. Тамъ на пригоркахъ ихъ кусками находятъ. Въ родѣ какъ студень...

Ерошка.

Неужто орла видѣлъ? Что-жъ онъ, о двухъ головахъ?

Іеронимъ.

Ну, тоже сказалъ! У всякой твари одна голова полагается.

Ерошка.

Ври болѣ. А какъ же на престолѣ у его царскаго величества двуглавый орелъ изображенъ? Опять же на Спасскихъ воротахъ, на Иверскихъ...

Козлиха.

А это вѣрно. Сама своими глазами видѣла, двѣ головы, два крыла, двѣ лапы.

Іеронимъ.

Такъ то изображеніе и больше ничего, а чтобы въявь такое было—никогда и не слыхано, и не видано. Ужъ чего я ни перевидалъ, ни переслышалъ,—а ничего такого о двухъ головахъ не доводилось. Я вотъ подъ Кіевомъ видалъ, какъ вѣдьмы кругъ водили. Мнѣ дьякъ показывалъ: въ полѣ козлиные слѣды и все кругомъ, кругомъ...

Козлиха.

Батюшка, странничекъ, пойди ты къ намъ въ домъ жить. Разсказывалъ бы ты разсказы, и такъ было бы чудесно...

Іеронимъ.

Я много разсказывать могу. Вотъ хоть бы такое дѣло. Вздумала подъ Путивлемъ одна женка волхвовать. Пошла она ночью въ баню, взяла съ собой свѣчу изъ человѣческаго сала, затеплила ее и слышитъ вдругъ голосъ...

Мяздра, *изъ сна.*

Врешь все, старый хрѣнъ!

Козлиха, *въ испугѣ.*

Охъ, чуръ меня, чуръ! Кто тутъ, никакъ муринъ?..

Мяздра.

Какой тамъ чорта—муринъ? Только спать мѣшаютъ. И чего ты, старъ-человѣкъ, стрекочешь? И все врешь, все врешь!

Козлиха.

Охъ, напугалъ, охъ, напугалъ! Какъ же это возможно, я баба сырая... Отъ младости пужлива, а ужъ теперь такъ-толи всего боюсь, такъ боюсь.

Ерошка.

Можетъ, облить ведеркомъ водицы прикажешь?

Мяздра.

Облей ее, облей хорошенько. А гдѣ же человѣкъ аглицкій? Тоже спитъ? *(Приподнимается и смотритъ на храпящаго Гаррингтона).* Здоровъ пить, заморскій чортъ. Эй ты, Генрыкъ Иванычъ, господинъ агличанинъ, продирай глаза. Перепилъ православнаго человѣка, и радъ. Вставай!

Гаррингтонъ.

А? У!

Мяздра.

У! Вставай, можешь пить снова?

Гаррингтонъ.

Yes!

Мяздра.

Ну, братъ, нѣтъ: у меня головизна такъ трещитъ, точно ее желѣзными обручами обиваютъ. Я съ тобою и знаться не хочу.

Гаррингтонъ.

Я пить могъ три день и три ночь!

Козлиха.

Охъ, всего-то я боюсь... всего... А ужъ разбойниковъ такъ-то боюсь, такъ-то боюсь.

III.

Въ ворота раздается стукъ. Съ крылечка спускается **МИТРІЙ ИВАНОВЪ.** *Потомъ изъ воротъ*—**ШНЕЛЛЕ.**

Ерошка.

А что, тетенька, не они-ли это?

Козлиха.

Кто, родно-ой?

Ерошка.

Да разбойники-то...

(Стукъ повторяется. На крыльцѣ показывается заспанный Митрій Ивановъ).

Митрій Ивановъ.

Кого тамъ еще несетъ! *(Отпираетъ калитку).*

Шнелле *входитъ съ улицы красный и потный.*

Митрій Ивановъ, — у тебя возникъ, что возилъ на Нѣмецки слободъ венецейски стеколъ?

Митрій Ивановъ.

Чего ты словно съ неба свалился! Какія стекла?

Шнелле.

Бояринъ Юреневъ возилъ Меркуріусъ, и замѣста Меркуріусъ стекла, а нѣтъ Меркуріусъ. Гдѣ Меркуріусъ? Я бѣжалъ Коптевъ, но тамъ спитъ и меня не пустиль. Меня сюда послаль.

Митрій Ивановъ.

Чего такое онъ лопочетъ?

Шнелле.

А, херръ Гаррингтонъ! Ихъ хабе...

(Снова стукъ; изъ калитки появляются Щелкунъ и Аксютка).

IV.

Тѣ-же, ЩЕЛКУНЪ *и* **АКСЮТКА. ІЕРОНИМЪ** *уходитъ въ ворота.*

Козлиха.

Ты чего? Какъ ты смѣешь отъ дому отлучаться?

Аксютка.

Къ тебѣ на поклонъ, отъ Кощея безсмертнаго прислана.

Щелкунъ *цѣлуется съ хозяиномъ.*

Бояринъ на розыскъ прислалъ меня,—дабы путанку всю изъяснить, а главное, чтобъ возчики назадъ пріѣхали, забрали истукана, что привезли ему.

Аксютка *Козлихѣ.*

Меня за тобой старая боярыня прислала. — Старая боярыня безъ ногъ лежитъ.

Козлиха.

Охъ, грѣхи!

Аксютка.

Къ намъ въ домъ идола привезли страшеннаго, боярыню о сю пору колотитъ. Крещенской водой всѣ хо-

ромы опрыскала. Какъ! говоритъ, такое дѣло произошло, а эта старая дура, Козлиха, не при мнѣ.

Козлиха.

Охъ, грѣхи!—Надо собираться.

Аксютка.

Да теперь ужъ что тебѣ собираться,—время прошло, у насъ около полуденъ стряслося все это.—Идолище-то теперь, кажись, у самой твоей коморы поставлено... Ротъ-то—до ушей, глазищи—во!...

Козлиха.

Не пойду,—рѣжьте меня на части—должна же я душу свою соблюдать.

Митрій Ивановъ.

Да возчики-то здѣсь, — они тутъ у меня на черномъ дворѣ кормятъ, а только безъ бояриңа Юренева какъ же?

Щелкунъ.

Да за бояриномъ давно послали,—онъ сказалъ, что сюда пріѣдетъ, я думалъ, что онъ здѣсь ужъ. Сейчасъ онъ весь распорядокъ сдѣлаетъ.

V.

На крыльцѣ **МАЛЕЦЪ,** *потомъ изъ воротъ* **ЮРЕНЕВЪ** *и* **МИКИТА.**

Малецъ.

Бояринъ Юреневъ съ Микиткой скачутъ.

Щелкунъ.

Ну, вотъ и онъ.

Голосъ **Юренева.**

Эй, кто есть! Принять коней!

Ерошка, *кидаясь къ воротамъ.*

Пожалуй, бояринъ,—я за конями умѣю ходить, провожу.

(Юреневъ съ Микитой выходятъ на сцену).

Юреневъ *Микитѣ.*

Вотъ напуталъ, бѣсовъ сынъ! Опять бабы у тебя въ головѣ сидятъ. Не зналъ, небось, какой ящикъ куда идетъ, скажешь.

Микита.

Да, это точно, что бѣсъ попуталъ!

Юреневъ.

А, гутенъ тагъ, герръ Шнелле! *(Подаетъ нѣмцу руку).*

Шнелле.

Guten Tag! И ну, гдѣ же теперь Меркуріусъ? У Коптева?

Юреневъ.

Должно, тамъ, — гдѣ же ему быть... Стекло-то венецейское у васъ?

Шнелле.

Стеколъ? — Да, ми смотрѣль и сейчасъ заколотиль аккуратъ на то же мѣсто. Фу, какой непріятность,—я весь мокра!

Щелкунъ.

Такъ какъ прикажешь, бояринъ, доложить Всеволоду Тимоѳеевичу?

Юреневъ.

Да что-жъ сегодня, пожалуй, не поспѣемъ. Ужъ завтра на восходѣ все уладимъ. Что же, Всеволодъ-то гнѣвается?

Щелкунъ.

Не то, что очень гнѣвается, — а такъ, онъ какъ-то ровно бы въ обалдѣніи. Теперь онъ больше часу въ прудѣ сидитъ и все квасъ пьетъ—никакъ жбана три осадилъ. Жаръ его донимаетъ.

Аксютка.

Старая боярыня очень ужъ въ озлобленіи.

Юреневъ.

А Антонида Авдѣвна, та что?

Аксютка, *понизивъ голосъ.*

Я къ тебѣ, бояринъ, и подослана отъ нея. Вдругъ она такъ затосковала, такъ затосковала... И велѣла чтобъ безпремѣнно я узнала — не задержалъ ли тебя царь, и какъ насчетъ сна:—сбудется, или нѣтъ?

Юреневъ.

Держи! *(Кладетъ ей на ладонь серебряную монету).* Такъ и скажи боярынѣ—сонъ, молъ, въ руку,— такъ и скажи. А что царевой лаской я много доволенъ.

Козлиха.

Это что? *(Разжимая ладонь).* Полтина! На что тебя фарисейку, подкупали?

Аксютка.

Ай, батюшки, пальцы обломала!

Юреневъ.

Ты что, старая! Чего дѣвку обижаешь,—пошла!

Козлиха.

Ну, ладно,—ужъ ты меня попомнишь!

Аксютка.

Грозна да не сильна! Испугалась!

Щелкунъ.

Ну, дѣвка, айда домой! Такъ я всё такъ и передамъ бояринъ...

Аксютка.

Такъ я все такъ и передамъ, бояринъ!

Козлиха.

Это насчетъ чего же?

Аксютка.

А насчетъ кума Клима. На свадьбѣ былъ, бороду спалилъ,—его надо хоронить, а онъ хочетъ боронить. *(Шмыгаетъ за Щелкуномъ въ калитку).*

Микита.

Ну, дѣвка!

Юреневъ.

Ты чего изводишь ее? Я тебя, вѣдьму старую, научу заморскому обращенію. *(Наступаетъ на нее).*

Козлиха.

Окстись, отецъ, что ты! Да чего ты! Да Аксюшка мнѣ замѣсто дочери родной!... *(Отступая, путается въ сѣнѣ).*

Мяздра, *все лежавшій въ сѣнѣ.*

Да вѣдь ты такъ, старица, человѣка можешь задавить.

Козлиха.

А ты чего валяешься?

Мяздра.

Ладно, у тебя не спросился! *(Встаетъ).*

Юреневъ.

Ну, вотъ и ты тутъ! Я тебя только что помянулъ въ умѣ. Прочухался съ утра?

Мяздра.

Ничего,—коли наладить еще ковшечка два, буду какъ встрепаный.

Юреневъ.

Ну инъ, ладно. Слухай, дѣльце касательно...

Мяздра.

Контевой?

Юреневъ.

Тш!... Чтобы ни слуху, ни духу... Понимаешь?

Мяздра.

Дѣло извѣстное,—на это будь спокойнымъ. Могила, а не человѣкъ...

Шнелле.

Митрій Ивановъ; мы идемъ съ герръ Гаррингтонъ на тшерный дворъ, на извозшикъ. *(Уходятъ съ хозяиномъ).*

VI.

ЮРЕНЕВЪ, МЯЗДРА, МИКИТА *и въ сѣнѣ* КОЗЛИХА.

Юреневъ.

Слушай, Мяздрушка,—дѣло большое. Сегодня, какъ только мѣсяцъ глянетъ, перелѣзу я въ нѣкій садъ, нѣкоего боярина... Нужно мнѣ подъѣхать тишкомъ, и тишкомъ уѣхать. Конямъ подковы тряпицами обвернуть, чтобъ, храни Богъ, не звякнули о камни.

Мяздра.

Дѣло бывалое.

Юреневъ.

И потомъ мѣсто новое, глазъ много, кто ихъ знаетъ,—можетъ, старая псовка Егушьевна сторожитъ невѣстку. На случай, чтобъ все въ порядкѣ, ножикъ и прочее.

Мяздра.

Кистень тоже дѣло хорошее.

Юреневъ.

Ну, и станете вы съ Микиткой; коли что, — я ли вамъ, вы ли мнѣ знакъ подать.

Мяздра.

Да знаю, не учи, чего ужъ! Въ первой, что ли? Мало ли черезъ заборы-то лазали. Я съ шести лѣтъ яблоки на Москвѣ ворую, да ни разу еще не попался,

до сѣдыхъ волосъ дожилъ. Въ лучшемъ видѣ все обдѣлаемъ.

Микита, *подходя къ боярину съ поклономъ.*

Батюшка, Борисъ Петровичъ, къ твоей милости!

Юреневъ.

Чего еще?

Микита.

Такъ головушку разломило, хоть плачь! Солнышкомъ, должно, напекло. Просто на плечахъ не держится, внизъ скатывается. Дозволь домой поѣхать, до подушки дорваться. Силушки-мочушки нѣтъ.

Юреневъ, *сдвинувъ брови.*

Охъ, Микитка! Насквозь тебя вижу. Путаешь ты! Ну, развѣ статочное дѣло, чтобъ болѣла у тебя голова? Вѣдь качанъ капусты скорѣе заболитъ, чѣмъ она. Врешь все,—по глазамъ твоимъ воровскимъ вижу...

Микита.

Силушки нѣтъ,—просто изъ терпежа выхожу!

Мяздра.

Ну, а хочешь, Микита Ильичъ, скажу я тебѣ, отчего у тебя голову разломило, и куда ты отсюда поскачешь...

Микита.

На солнопекѣ я долго...

Мяздра.

Ладно. Солнопекъ-то у здѣшней хозяйки — отъ нея и нагрѣло. Отпуститъ тебя бояринъ, доѣдешь ты до перваго знакомаго двора, поставишь тамъ коня, да пѣшимъ ходомъ сюда и повернешь. Чего голову отворотилъ?...

Юреневъ.

Фю-фю! вотъ такъ служба твоя боярину. Своими шашнями заниматься небось веселѣе,—такъ я эту дурь изъ тебя выбью.

Микита.

За что же такія рѣчи, бояринъ? Кажись, я ни въ чемъ и ничего такого... Завсегда несу службу вѣрно, и ни въ какой такой воровской плутнѣ не былъ уличенъ. А чтобъ доказать тебѣ — издохну на службѣ, а не отступлюсь.

Юреневъ.

Ишь ты, какъ заговорилъ!

Микита.

И у забора коптевскаго постоимъ, коли служба такая!...

Мяздра.

Охъ, Микитка, ловокъ! Охъ, шельма, ловокъ! Не въ бровь, а въ глазъ боярину...

Юреневъ.

Пошелъ, чтобъ духу твоего не было.

Микита.

Нѣтъ, ужъ я теперь отъ тебя, бояринъ, ни на шагъ. Куда ты, туда и я,—рѣжь, жги, не пойду. Изобидѣлъ ты меня, горько изобидѣлъ...

Юреневъ, *свистнувъ ногайкой по воздуху.*

Ахъ ты, посолъ заморскій,—честь великая!.. Мяздра, садись на его коня, съ тобой поѣдемъ вдвоемъ...

Мяздра.

Стой, бояринъ! Третьимъ мы позовемъ аглицкаго человѣка Генрыка — онъ тутъ на задахъ путается. Онъ такъ кулачищемъ бьетъ, что я тебѣ скажу. Самъ какъ щепка тонкій, а ты смотри на него, что онъ дѣлаетъ. Шли мы съ нимъ о Петровъ день мимо кружала, къ нему и присталъ пьяненькій, — дѣтинища во! Косая сажень и вдоль и поперекъ, а Генрыкъ Иванычъ и говоритъ: «видалъ?»,—и только мигнуть успѣли, онъ его подъ ложку. У того ноги кверху дрыгъ — и пластомъ. Его безпремѣнно надо съ собою прихватить.

Юреневъ.

Ну, ладно, тащи его.

VII.

Тѣ-же, ШНЕЛЛЕ *и* **ГАРРИНГТОНЪ** *справа.*

Шнелле.

Ну, а завтра ми можемъ богъ Меркуріусъ брать и возить чѣмъ свѣтушко. Ну, и какъ испугалься херръ Кнабе, — видитъ вмѣсто богъ Меркуріусъ — бокаль и блюдо. Онъ такъ испугалься и зваль меня. И потомъ ми поняль и хохоталь. Я еще разъ теперь пойду херръ Коптевъ, чтобъ онъ сказаль, чтобы Щелкушъ видаваль завтра мужикамъ богъ Меркуріусъ. И херръ Гаррингтонъ я сведу въ утшитель по-аглицки...

Мяздра.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ,—Генрыкъ намъ нуженъ на сегодня: Генрыкъ пить сегодня еще будетъ.

Гаррингтонъ.

Yes!

Мяздра.

Люблю! въ него какъ въ сточную канаву вливать можно.

Юреневъ, *у воротъ.*

Эй, кони!

Ерошка, *за сценой.*

Здѣсь.

Юреневъ.

Ну, Мяздра, до мѣсяца недалеко. Конецъ не ближній, вы поспѣшайте. Я для васъ коней приготовлю.

Мяздра.

Ладно, поспѣемъ, мы за тобой слѣдомъ. Мы готовы.
Всѣ идутъ за ворота. Слышенъ топотъ.

VIII.

Пауза. Изъ сѣна вылѣзаетъ **КОЗЛИХА;** *потомъ съ крыльца* **МАРѲУША.**

Козлиха.

Вотъ что, милые! Хорошо! Чудесно. Я вамъ поднесу—будете довольны. Тихоня, боярыня!..

Марѳуша, *съ крыльца.*

Козлиха.

Марѳуша, что̀ я узнала, что̀ я узнала! Въ моихъ теперь рукахъ боярыня Антонида Авдѣвна, въ моихъ! Сидитъ она у меня вотъ здѣсь въ кулакѣ, захочу—разожму и выпущу, захочу—задушу.

Марѳуша.

Да что ты городишь?

Козлиха.

Я ее сегодня еще изловлю на такомъ дѣлѣ... Попляшетъ она у меня, попляшетъ... Мнѣ и Ульки теперь твоей не надо, совсѣмъ не надо, и ни алтына я ей не дамъ,—не сто̀итъ. И ворожитъ она скверно, потому ты противъ меня, ты не позволяешь ей... Да и ты хороша! И про тебя я узнала,—я узнала, что къ тебѣ этотъ Микитка венецейскій примазывается. Ты у меня смотри, я вѣдь тебя тоже!...

Марѳуша.

Ну, тетенька, ежели ты для такихъ разговоровъ сюда ѣздишь, такъ вотъ тебѣ и поворотъ отъ воротъ...

Козлиха.

Что-о? Ну, покажу я тебѣ, покажу я тебѣ тоже! Сейчасъ велю повозку закладать! Ахъ, безстыдница!

Марѳуша.

Да что ты на чужомъ дворѣ кричишь? — вонъ ужъ, кажись, собаки залаяли, тебя слушаючи. Сейчасъ

тебѣ твою повозку заложать — и милости просимъ вонъ!

(Идетъ налѣво, позади погреба, на черный дворъ).

Козлиха.

Гдѣ я? Гдѣ я? Меня не уважаютъ! Ну, покажу я вамъ себя, всѣмъ—всѣмъ покажу!..

IX.

КОЗЛИХА *и* **ЕРОШКА** *показывается изъ калитки.*

Ерошка.

Матушка-сударыня! дозволь ручку облобызать.

Козлиха.

Что я, на издѣвку тебѣ далась, что ли?...

Ерошка.

Нѣтъ, матушка, нѣтъ, голубушка. А только, ежели желаешь, я въ ножки тебѣ поклонюсь.

Козлиха.

Чего еще?

Ерошка.

Изволь одно слово, одно махонькое словечушко сказать пресвѣтлому боярину Всеволоду Тимоѳеевичу, чтобы взяли меня къ нему въ домъ. Вѣдь недаромъ я за царской птицей смотрѣлъ, знаю же я, что я человѣкъ нужный. Ты вотъ этого страннаго человѣка берешь— невѣдомо кто, невѣдомо откуда, а я за царскими попками смотрѣлъ...

Козлиха, *подумавъ.*

Ладно! скажу я боярину слово, и будешь ты принятъ. А только ты за это службу должонъ исполнить.

Ерошка.

Приказывай!

Козлиха.

Первое дѣло: шепни ты этому олуху, Митрію Иванову, что за его женой Микитка бѣгаетъ, и сегодня ночью черезъ заборъ придетъ.

Ерошка.

Шепну, сударыня, шепну,—это я могу!

Козлиха.

Второе дѣло, сейчасъ, какъ придешь къ Коптевымъ,—иди ко мнѣ за приказомъ; сегодня въ ночь мы воровъ ловить будемъ.

Ерошка.

Воровъ?

Козлиха.

Воровъ! Боярина Юренева словимъ въ воровскомъ дѣлѣ,—такъ и знай! Слышишь, какъ придешь, сейчасъ ко мнѣ подъ начало.

Ерошка.

Слушаю, матушка, слушаю—я все могу...

Козлиха *входитъ на крыльцо.*

X.

ЕРОШКА, *изъ калитки* **ІЕРОНИМЪ.**

Іеронимъ.

О, Господи! суставчики всѣ такъ и говорятъ.

Ерошка.

Божій человѣкъ, я съ тобой къ Коптеву.

Іеронимъ.

Ну, что-жъ вдвоемъ-то веселѣе! Это я съ Ердана шелъ, такъ рѣдко, когда одному доводилось: все тò одинъ, тò другой пристанетъ.

Ерошка.

Ладно, погодь здѣсь,—я два слова Митрію Иванову скажу, и тронемся. Ты посиди здѣсь, я живымъ манеромъ. *(Идетъ на крыльцо. Іеронимъ садится).*

Іеронимъ, *глядя на небо.*

Ишь ты—Свѣте тихій! Вотъ и тамъ такъ—во Ерусалимѣ, и въ Кіевѣ такъ,—да, вездѣ солнце садится, вездѣ встаетъ. Чудеса.

XI.

ІЕРОНИМЪ, *справа* **МАРѲУША,** *потомъ изъ калитки* **МИКИТА.**

Марѳуша.

Странничекъ, не видалъ юреневскаго слуги Микитки—не былъ онъ здѣсь?

Іеронимъ.

Микитки,—это какого?

Марѳуша.

Ахъ, Господи,—ну, что весь день тутъ терся. Когда надо и нѣтъ его!

Микита, *изъ калитки.*

Анъ, здѣсь!

Марѳуша.

Микитушка, какъ мнѣ нужно тебя. Ужъ куда намъ съ тобой сегодня видѣться.

Микита.

Ну, вота! а я-то еще боярина уговаривалъ, что, молъ, голову разломило... Чего-жъ я порохъ-то даромъ тратилъ?...

Марѳуша.

Не до насъ, Микитушка: ты Бориса Петровича спасай! Козлиха узнала, что твой-то сегодня въ садъ къ

Антонидѣ Авдѣвнѣ придетъ,—и всю дворню туда собьетъ для сраму. Микитушка, скачи скорѣй къ боярину,—упредить надо.

Микита.

Господи,—вотъ такъ-та́къ! Ну, ужъ услужу боярину. Онъ думаетъ, что я гдѣ. А я какъ листъ предъ травой—передъ нимъ. Ну, такъ, слышь — я завтра къ тебѣ... А ужъ теперь что же! Скажи на милость, дѣла какія—а?

XII.

Тѣ-же, *на крыльцѣ* **МИТРІЙ ИВАНОВЪ** *и* **ЕРОШКА.**

Ерошка.

Да лопни мои глаза,—вотъ что!... Да переверни мнѣ лицо на затылокъ... вотъ что!

Митрій Ивановъ.

Убью я тебя за твои рѣчи! Чтобъ этакое ты смѣлъ сказать...

Ерошка.

А эво-тъ что? (*Показываетъ ему на пару въ калиткѣ*). Легокъ на поминѣ.

Микита *наклоняется поцѣловать Марѳушу, та не противится.*

Митрій Ивановъ.

Нѣтъ ужъ, погоди, гость дорогой! — Куда же уходишь безъ угощенія?

Микита, *вздрогнувъ.*

Я по дѣлу,—мнѣ далеко надо.

Митрій Ивановъ.

Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же. Пожалуй сюда, пожалуй! (*Беретъ Микиту за рукавъ и ведетъ его въ погребъ*).

Маррушa.

Ему точно, что сейчасъ ѣхать надо.

Митрій Ивановъ.

А ты брысь! Чтобъ не пикнуть! Слышь! Пошла въ домъ... *(Отодвинувъ засовъ погреба)*. Пожалуй, гость дорогой, пожалуй, будь другъ,—войди, не бойся,—крысъ тамъ нѣту, коли ты пужливъ очень.

Микита.

Да ежели мнѣ надо...

Митрій Ивановъ.

Да тебя объ этомъ и не спрашиваютъ, надо ли, не надо ли, а просятъ пожаловать, и все. А ежели ты хочешь хозяину противиться, то можно и такъ. *(Взявъ его за шиворотъ втаскиваетъ въ темную глубь ледника и, задвинувъ засовъ, повертываетъ ключомъ огромный замокъ)*. Ну, женушка! Это какъ же?

Маррушa.

Дуракъ ты, больше ничего! *(Уходитъ, хлопнувъ дверью)*.

Митрій Ивановъ.

А ты, Ерошка,—ты такъ и знай, что ежели когда увижу твою рыжую образину — не сдобровать тебѣ — искалѣчу. *(Идетъ къ дому)*.

Ерошка.

Однако влетѣлъ!

Іеронимъ.

Что же, сыне, тронемся?

Ерошка.

Однако ловко! Видалъ, какъ нашего брата! *(Показываетъ на погребъ)*.

Іеронимъ.

Да, сыне, — вотъ грѣхъ-то до чего человѣка доводитъ! Всѣ туда будемъ ввержены, и будетъ ту плачъ и скрежетъ зубовъ... *(Идутъ къ воротамъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Садъ у Коптевыхъ. По авансценѣ тянется дорожка вокругъ пруда. Слѣва она загибаетъ вглубь и, пробѣгая мимо кустовъ, ведетъ къ боярскому дому, который едва виднѣется готическими вышками изъ-за деревьевъ. Направо дорожка теряется въ кустахъ, которые сплошной массой поднялись на сажень кверху. Справа вглубь идетъ частоколъ въ одномъ мѣстѣ разобранный, такъ что можно черезъ него пролѣзть. Со второго плана идетъ вглубь прудъ, окруженный старыми липами, кленами и березами. На пруду—плотъ и купаленка-раздѣвальня изъ грубаго полотна.

I.

КОПТЕВЪ *и* ПЕТРУШКА.

Коптевъ *въ раздѣвальнѣ одѣвается, ему подаетъ Петрушка легкій кафтанъ.*

Набрось его только на плечи, набрось, въ рукава-то надѣвать не буду! Фу! вотъ засидѣлся въ водѣ. Сколько же это я сидѣлъ?

Петрушка.

Долго сидѣлъ, бояринъ, долго. Вотъ солнышко-то ужъ совсѣмъ, почитай, сѣло.

Коптевъ.

Да... Потри полотенцемъ-то еще голову, потри!... А много я меду выпилъ?

Петрушка.

Да четыре кувшина выкупать изволилъ...

Коптевъ.

Да. Фу, тяжело!... А какъ матушка-боярыня?

Петрушка.

Свѣта Божьяго не видитъ.

Коптевъ.

Даже такъ?... Необразованность! Фу, какъ тяжело! Петрушка! Я спать пойду.

Петрушка.

Что-жъ, бояринъ, отчего-жъ и не пойти.

Коптевъ.

А что, Петрушка, ежели я этого истукана самаго въ Нѣмецкую Слободу не отдамъ, а ежели оставлю себѣ, и ежели поставлю посередь пріемнаго покоя? Вотъ-то на всю Москву говора!

Петрушка.

Боярыня гнѣваться будетъ...

Коптевъ.

Оно точно... Да вотъ еще патріархъ... Эпитимью такую наложитъ... *(Пауза).* А Антонида Авдѣевна гдѣ?

Петрушка.

Она въ опочивальнѣ сегодня цѣлый день спитъ... Тимоѳей Всеволодовичъ — на голубятнѣ сидитъ, и въ глядѣльную трубку смотритъ на Замоскворѣчье...

Коптевъ.

Охъ, тяжко, — спать пойду. Разморило къ ночи-то. Вели простоквашки приготовить, — похлебаю, да и съ Богомъ! *(Садится на скамью на авансценъ).* Петрушка, погоди. Не уходи, не оставляй меня одного. Нудно таково.

Петрушка.

Да вотъ, бояринъ, никакъ идетъ кто-то.

Коптевъ.

Кто еще?

Петрушка.

Щелкунъ, никакъ. Онъ и есть.

Коптевъ.

Ну, такъ иди ужъ, иди!

II.

КОПТЕВЪ, ЩЕЛКУНЪ, ПЕТРУШКА, *потомъ* **АКСЮТКА.**

Щелкунъ.

Благодѣтель, пришли невѣдомые люди, просятъ, чтобы допустилъ ты ихъ на свои свѣтлыя очи.

Коптевъ.

Чего имъ, чертямъ, надо?

Щелкунъ.

Кто ихъ знаетъ,—не говорятъ. Одинъ по облику человѣкъ странный, говоритъ—съ рѣки Ердана, видѣлъ я его только что на дворѣ постояломъ. Другой что-то про какихъ-то попокъ бормочетъ.

Коптевъ.

Гони ихъ по шеямъ.

Щелкунъ.

Милостивецъ, онъ баитъ, что для тебя заморскій садокъ поставить можетъ.

Коптевъ, *встрепенувшись.*

Заморскій? Откуда же онъ заморскіе садки знаетъ?

Щелкунъ.

Да ужъ дозволь ихъ сюда привесть.

Коптевъ.

Ну, зови! *(Щелкунъ рысцой удаляется къ дому, Коптевъ грузно опускается на скамейку).* Фу, Господи, спаси и помилуй! Эка жарища! И комары подлые тоже... Петрушка! Меду мнѣ...

Петрушка.

Бѣгу, батюшка!... Бѣгу...

Коптевъ.

Стой!... Это кто тамъ въ кустахъ точно шевелится?

Петрушка.

Никакъ Аксютка, бояринъ.

Коптевъ.

Чего она тамъ, дѣвка, прячется? Она должна при боярынѣ, а она на-ко!... Аксютка! Слышь? Вылѣзай! Чего ты тамъ въ кусты засѣла?

Аксютка *вылѣзаетъ изъ кустовъ.*

Петрушка *уходитъ.*

Коптевъ.

Чего ты тамъ?

Аксютка.

Да я, бояринъ, смотрѣла, яблоки поспѣли ли, боярыня послала...

Коптевъ.

Яблоки? Знаемъ мы эти яблоки... Вотъ кабы не лѣнь, всталъ бы со скамьи, да попарилъ бы по кусточкамъ... Ишь ты, щеки-то налились какъ,—такъ и распираетъ... Нутка, поди-ка поближе, поди. Небось не съѣмъ... *(Похлопавъ ее по спинѣ).* Ничего! Ничего! Ну-тка, зубы покажи. Ничего и зубы! Ну, а барчукъ бѣгаетъ за тобой?... Ты, коли что — сейчасъ ко мнѣ, я ему такого задамъ! Я не терплю, когда у меня въ домѣ что... Ну, а теперь сломай вѣтку и машп надо мной, — комары безо всякаго уваженія... Неужто и за моремъ такіе же комары? Быть того не можетъ, чтобы при всѣхъ удоб-

ствахъ въ жизни и вдругъ такая мошка отравляетъ покой... *(Аксютка выламываетъ вѣтку и становится сзади него).* Ты по вечерамъ-то съ боярыней гуляешь?

Аксютка.

Гуляю, бояринъ.

Коптевъ.

Смотри, блюди ты ее пуще глазу! соблюдешь — такую награду я тебѣ къ праздникамъ дамъ, такую награду...

III.

Тѣ-же, ЩЕЛКУНЪ *съ* **ІЕРОНИМОМЪ** *и* **ЕРОШКОЙ,** *потомъ* **ПЕТРУШКА.**

Коптевъ.

Это что за человѣки? Чего надо?

Іеронимъ *и* **Ерошка** *повалились въ ноги.*

Ерошка.

Батюшка-бояринъ! можетъ тебѣ на нѣмецкій манеръ птичьи клѣтки и садки нужны? все это я могу въ лучшемъ видѣ.

Коптевъ.

А на что мнѣ твой птичникъ?

Ерошка.

А ежели, бояринъ, заморскую птицу—гамаюна изъ Охотнаго ряда купить, да въ садокъ пустить, большое удовольствіе имѣть можно. Вонъ и нѣмцы въ Нѣмецкой слободѣ держутъ при себѣ завсегда птицу. Опять же морскихъ свинокъ, кроликовъ... Боярынѣ твоей на утѣшеніе. Много я лѣтъ при царской мелкой звѣри состоялъ, попугайное дѣло досконально знаю. Теперь, ежели типунъ на язычкѣ вскочитъ...

Коптевъ.

Ну, ладно,—распустилъ языкъ-то, радъ, что типуна нѣтъ: думаешь, невѣсть какъ пріятно слушать-то тебя. Щелкунъ, ты его сведи въ людскую, пущай пока остается... Аксютка! Махай хорошенько, не видишь: на шеѣ сидитъ, окаянный.

Петрушка *приноситъ стопку меду и подаетъ боярину.*

Петрушка.

Батюшка, тамъ оченно гнѣвается боярыня, Афросинья Егупьевна.

Коптевъ.

Чего еще?

Петрушка.

Да она къ окошечку изволила подойти, да какъ глянула въ садъ, такъ и обмерла. Истукана-то вынесли, да передъ ней на дорожкѣ и поставили. И такъ боярыня осерчала, что приказала убрать его немедля: «Чтобы, говоритъ, — духа его не было, не то сама ухватомъ ножищи его, поганыя, обломаю».

Коптевъ.

Куда-жъ мнѣ, на носъ, что-ль, его поставить?... Ну, вели его сюда въ кусты стащить, а тамъ на завтра и хозяинъ найдется...

Петрушка *уходитъ.*

Коптевъ—*Іерониму.*

Ну, а тебѣ что?

Іеронимъ.

Иду сухопутнымъ путемъ съ Ердана, благочестивый боляринъ,—пришелъ московскимъ чудотворцамъ поклониться... Вотъ раковинки съ Ердана, ежели желаешь, маслица...

Коптевъ.

Да чего ты ко мнѣ-то лѣзешь?...

Іеронимъ.

Повѣствованіе о своемъ хожденіи могу изобразить такъ, что именитые люди заслушиваются.

Коптевъ.

Никакихъ удовольствій ты намъ этимъ доставить не можешь.

Іеронимъ.

Можетъ, черезъ тебя, бояринъ, доведется во дворецъ къ царю-батюшкѣ въ нищіе попасть.

Коптевъ.

Вотъ надоѣлъ! Ну, чего ты липнешь? Пошелъ въ людскую,—напоятъ, накормятъ,—а завтра подумаемъ. И все это странные люди одно и то же разсказываютъ,—и никакого, то-есть удовольствія мнѣ нѣтъ... Аксютка, не видишь — на щекѣ комаръ! И ничего-то вы о своихъ господахъ не печетесь, а вотъ маменька еще нынѣ утромъ говорила, что нужно, молъ, изъ-за васъ, холоповъ, на томъ свѣтѣ отвѣтъ держать. Каково это? Вотъ этотъ странный человѣкъ—песъ его знаетъ какой — его на поварню пошлешь, а онъ по дорогѣ что-нибудь стащитъ...

Іеронимъ.

Господи Іисусе, бояринъ именитый! Да когда же!...

Коптевъ.

Ладно... Ну васъ къ лѣшему... Вотъ истукана тащутъ... Экой шутъ, здоровый какой...

Ерошка.

Дозволь помочь, бояринъ, я тоже вѣдь силенку-то имѣю...

IV.

Тѣ-же *и* **ЛЮДИШКИ,** *которые тащутъ истукана, между ними* **ТИМОША.**

Тимоша.

Батенька, я такъ полагаю, его въ кусты схоронить надо. Потому бабенька такъ въ сердце вошла, такъ въ сердце вошла... Ей-ей, батенька! «Я, говоритъ, — ему, дураку, покажу...» Это она тебѣ, батенька, показать хочетъ...

Коптевъ.

Ну, ладно, нечего тутъ говорить! Ставьте его тутъ' ставьте!...

Тимоша.

А хорошо, батенька, онъ сооруدованъ!

Аксютка, *закрывшись рукою.*

Охъ, стыдобушка!

(Истукана ставятъ осторожно въ кусты).

Коптевъ.

Фу!... сколько изъ меня сердца вышло сегодня изъ за него! Слушай ты, Щелкунъ, и ты, Тимоша... Ежели кто придетъ за истуканомъ, отдавайте, и меня не будите... У меня трясеніе такое внутри... Я пойду... Аксютка, блюди боярыню... Ты, странный человѣкъ, исторіи разсказывать умѣешь?...

Іеронимъ.

Какія исторіи, болярипъ именитый?

Коптевъ *на ходу.*

Ефіоповъ ты видѣлъ?

Іеронимъ.

Доводилось... доводилось...

Коптевъ.

Только ежели ты что украдешь—смотри!...

(Уходятъ. На сценѣ остаются Аксютка и Тимоша).

V.

АКСЮТКА *и* ТИМОША.

Аксютка.

Ты это что же, Тимоѳей Всеволодовичъ?

Тимоша.

А что?

Аксютка.

Что же это дѣлать будешь?

Тимоша.

А это я, Аксюся, буду рыбу ловить. Мнѣ сказали что послѣ заката рыба лучше клюетъ.

Аксютка.

Какая же здѣсь рыба, Тимоѳей Всеволодовичъ, караси всѣ давно выловлены, развѣ колюшки однѣ остались?

Тимоша.

А что ты думаешь, вдругъ я карася поймаю? Вдругъ на счастье! А? Аксюся? Вдругъ, поймаю...

Аксютка.

А летучихъ мышей нешто не боязно?

Тимоша.

Летуновъ я боюсь, Аксюся, и страсть какъ боюсь ихъ! Да ихъ пока еще нѣтъ!

Аксютка.

Есть. Одна сейчасъ вотъ-вотъ надъ головою чиркнула.

Тимоша.

Что ты врешь?

Аксютка.

Ничего не вру...

Тимоша.

Ну, я немножечко поужу. Вотъ тутъ сяду и крючечекъ закину. *(Садится на плоту съ удочкой).*

Аксютка *про себя.*

Вотъ нелегкая принесла!

Тимоша.

Аксюся!

Аксютка.

Чего? *(Садится на скамью).*

Тимоша.

А Антонида придетъ сюда?

Аксютка.

Не знаю!

Тимоша.

Врешь—знаешь! Какъ батя свою куриную слѣпоту въ сумеркахъ напуститъ, такъ она сейчасъ сюда.

Аксютка.

Ну, а коли знаешь, чего-жъ говорить-то!

Тимоша.

Говорю... Хочу и говорю... Что-жъ ты мнѣ запретить можешь?

(Молчаніе).

Тимоша.

Аксюся! Аксюся, а я вѣдь знаю, зачѣмъ вы по ночамъ въ садъ выходите и гуляете, я знаю...

Аксютка *съ испугомъ.*

Знаешь?

Тимоша.

Я такой! Я все знаю!

Аксютка.

Такъ скажи!

Тимоша.

Ишь, ловкая какая! Такъ вотъ сейчасъ! А я не скажу...

VI.

Тѣ-же, *изъ дома* **АНТОНИДА.**

Аксютка.

Матушка-боярыня, сидитъ нашъ свѣтъ Тимоѳей, рыбку удитъ—не выживешь!

Антонида.

Вотъ не во-время принесло!

Аксютка.

И онъ говоритъ, боярыня, что знаетъ, зачѣмъ ты сюда вышла.

Антонида.

Знаетъ!.. Быть того не можетъ...

Аксютка.

Сейчасъ говорилъ только...

Антонида, *посмотрѣвъ на небо.*

Ишь ты, ужъ звѣзды показались, того гляди придетъ... Сплавить этого надо... (*Подбѣжавъ къ купальнику*). Тимоша, ты?

Тимоша.

Фу, ты, вотъ попритчилось!.. Я думалъ что!.. Ухъ, поджилки всѣ затряслись... И чего это ты подкралась?

Антонида.

Подслушивала я, Тимошенька, подслушивала, что ты здѣсь съ Аксюшей разговаривалъ.

Тимоша.

Ну, и разговаривалъ! Я съ дѣвушками говорить умѣю...

Антонида.

Что же такое ты, Тимошенька, сказалъ, — я, молъ, знаю, зачѣмъ вы ночью по саду гуляете? Экое слово!

Тимоша.

Ага, испугалась. *(Хохочетъ).* Ну, а хочешь, я батѣ скажу? Хочешь?..

Антонида.

Да что ты скажешь, несуразный, говори.

Тимоша.

А то скажу... Я знаю, что ты хочешь съ батей сдѣлать, знаю...

Антонида.

Ну, говори.

Тимоша.

Ну, слушай. Ты колдовать ходишь!

Антонида, *покатываясь со смѣху.*

Чего? Чего ты сказалъ?

Тимоша.

Колдовать ходишь.

Антонида.

Откуда это у тебя?

Тимоша.

Ладно, ладно — нечего горло драть. Я знаю. Самъ видѣлъ.

Антонида.

Да что?

Тимоша.

Намедни дождь шелъ.

Антонида.

Ну?

Тимоша.

Ну, и размокло все — грязь на дворѣ, и на дорожкахъ тоже. Вхожу я къ Козлихѣ въ каморку, а у нея на столѣ вырѣзанный батенькинъ слѣдъ, такъ съ землей на досчечкѣ.

Антонида, *Аксюшѣ.*

Слышишь?

Аксютка.

Что-жъ, отъ Козлихи все станется!

Тимоша.

Такъ вы думаете, я этотъ слѣдъ и оставилъ! Нашли дурака! Я сейчасъ эту доску на полъ, сравнялъ щепкой, взялъ ея башмакъ, да и тиснулъ его. У нея нога-то здоровая.

Антонида.

Постой, Тимоша, — да зачѣмъ же, умный ты мой, зачѣмъ же мнѣ на слѣдъ твоего бати гадать? Какая мнѣ нужда?

Тимоша.

А шутъ васъ знаетъ—вѣдь у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ...

VII.

Изъ-за тына показывается голова **ЮРЕНЕВА.** *Мѣсяцъ уже началъ вставать.*

Аксютка.

Ай!

Тимоша, *встрепенувшись.*

Что ты?

Аксютка.

Мышь. Вцѣпилась въ волосы... Батюшка-баринокъ,— выньте, вишь бьется, проклятая...

Тимоша, *перепрыгнувъ черезъ скамейку.*

Ну тебя къ лѣшему, знаешь, что я боюсь ихъ. Я убѣгу, ей-ей, убѣгу...

Аксютка.

Баринокъ, голубчикъ...

Тимоша.

Да ну васъ тутъ всѣхъ! *(Отмахиваясь).* Колдуйте своими мышами, — очень мнѣ надо!.. И впрямь, подъ самымъ носомъ шарахнулась... Ну васъ! *(Бѣжитъ къ дому).*

Юреневъ *прыгаетъ черезъ частоколъ.*

Эге, тутъ крапива!

Антонида.

Аксюша,—сторожи, чтобъ онъ не вернулся.

Юреневъ, *вынырнувъ изъ кустовъ, становится передъ нею.*

Аксютка *уходитъ.*

Антонида.

Ахъ!

Юреневъ.

Чего ты?

Антонида.

Ахъ, страшно! Ровно во снѣ! Ноги подкосились, стоять не могу...

Юреневъ, *обнимая ее.*

Небось, не упадешь!

Антонида.

Охъ, упаду! Никакъ это разбойники напали, да меня убить хотятъ! Кричать надо, а голоса нѣту. Ну, совсѣмъ какъ во снѣ.

(Онъ подхватилъ ее на руки и несетъ до скамейки).

Антонида.

Батюшки, силища какая,—Илья Муромецъ наѣхалъ!

(Онъ смотритъ ей въ лицо, глаза закрыты. Онъ цѣлуетъ ея въ губки. Она открываетъ глаза).

Антонида.

Это что же, по-венецейски такъ надо?

Юреневъ.

Голубка моя, радость!

Антонида.

Стой, чего же намъ на проѣзжей-то дорогѣ сидѣть? Подъ липой-то на плоту темнѣе,—тамъ и схоронимся. *(Идутъ).* Ишь, ночка-то какая, тепло-то какое.

Юреневъ, *усаживаясь.*

Каждый день видимся,—а и поговорить недосугъ...

Антонида.

Опять по-давешнему сказки сказывать хочешь?

Юреневъ.

Нѣтъ, ужъ теперь твоя очередь. Говори ты мнѣ, что безъ меня дѣлала, покуда я за моремъ былъ? У тебя все смѣшки одни...

Антонида.

А чего плакать-то? Я довольно наплакалась за первые полгода, какъ замужъ вышла. А потомъ подумала: стоитъ изъ-за всякаго хлама стараго красоту терять! Ужъ лучше смѣяться. Свекровь попилила, да отстала. У меня вѣдь нравъ такой...

Юреневъ, *придвигаясь.*

Эхъ, взять бы тебя, да въ городъ Парижъ и дернуть отсюда: ищи—свищи!

Антонида.

Еще что надумалъ!

Юреневъ.

Вечоръ твой муженекъ-отъ говорилъ: ежели, говоритъ, мнѣ съ Нидочкой во Флоренцію..

Антонида.

Со мно-ой?..

Юреневъ.

Доѣхали бы мы до французскаго берега, тамъ его, стараго, дальше пустили, а сами, — ахъ, какъ закатились бы! Жизнь тамъ другая. Ни тебѣ нашихъ поддевокъ, ни кафтановъ,—все на свободѣ. Ходятъ, палочками машутъ; жены, что мужья,—все одно на улицѣ. Завидная жизнь. Когда-то у насъ это заведется?

Антонида.

Надо полагать, скоро. Вишь, и мой все на изгнанку вывернулъ. Онъ вѣдь, какъ маменька говоритъ, больше по умаленію разсудка...

Юреневъ.

И, Господи, что на нашей Москвѣ будетъ! Ужели-жъ такъ, какъ въ иныхъ прочихъ земляхъ?

Антонида.

А чѣмъ же мы хуже? Ну нашъ-то въ умаленіи. А Голицынъ, али Матвѣевъ? — Не говори: ничуть мы итальянскимъ нѣмцамъ не уступимъ... Да и мой-то Все-

володъ,—ахъ, какъ много звона пускаетъ. Надъ нимъ смѣются, а всѣ за нимъ тянутся... Онъ у меня глупый, а ему умные завидуютъ...

Юреневъ.

Да они больше насчетъ жены...

Антонида.

Кто о чемъ, нашъ все о своемъ...

Юреневъ.

Ахъ, кабы намъ съ тобой...

Антонида.

Кабы,—да росли во рту грибы...

Юреневъ, *придвигаясь.*

И какъ то-есть хорошо теперь въ Венеціи...

Антонида, *отодвигаясь.*

Ну, и поѣзжай туда.

Юреневъ, *придвигаясь.*

Венецейка, та, ежели синьйоръ къ ней придвинулся, никогда отъ него...

Антонида.

Она, какъ же?

Юреневъ.

Она, какъ истуканъ. Ей все одно. Это только москвички наши—жмутся, потому безъ всякаго онѣ ученія.

Антонида.

Скажите! Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Такъ это надо такъ, чтобъ и бровью не моргнуть?

Юреневъ, *охватывая ее за плечи.*

Вотъ... и чтобъ бровью не моргнуть...

Антонида.

А нешто венецейцы такъ облапливаютъ?

Юреневъ.

Ужъ ты сиди только, а не ворошись. О, cara mia, carissima...

Антонида.

А она все такъ и сидитъ?.. Борюшка, какія тамъ все глупыя... *(Припадаетъ къ нему на грудь)*.

VIII.

Тѣ-же, МЯЗДРА, *потомъ* **ГАРРИНГТОНЪ,**—*оба справа.*

Мяздра *свиститъ и показывается на заборѣ.*

Антонида.

Ай?..

Юреневъ.

Не бось, это—свои.

Мяздра.

Обходъ идетъ, бояринъ,—потому мы сюда и лѣземъ.

Антонида.

Ай, я домой пойду... Ой, страшно, страшно!

Юреневъ.

Постой, куда?..

Антонида.

Нѣтъ, ужъ что же... коли люди сюда пришли..

Юреневъ.

Да постой...

Антонида.

Ой, страшно, боюсь, боюсь. *(Юркаетъ въ чащу).*

Юреневъ.

Да погоди, погоди. *(Скрывается за нею).*

Мяздра.

Чортъ бы дралъ эти обходы! Завели теперь положеніе, чтобъ ночью обходы ходили... Честнымъ людямъ нельзя постоять въ проулкѣ, за воровъ принимаютъ. *(Оглядывается).* Бояринъ! Борисъ Петровичъ! Куда же его черти унесли!?.. Что-жъ, намъ дальше идти некуда, серъ! Садись, серъ, сюда въ тѣнь... Не доставало бы только одного, чтобы насъ оцѣпили и поколотили. Понимаешь, серъ? Я въ надеждѣ на тебя. Есъ?

Гаррингтонъ.

Вох? Oh, yes! *(Показываетъ кулакъ).*

Мяздра.

Былъ я молодъ, и сколько, то-есть, разъ мнѣ доводилось перелѣзать такъ заборы, а молодушки-лебедушки ждали меня по кустикамъ... Хе! Ну, а теперь старость пришла, ничего не подѣлаешь... Эге, яблоковъ-то не мало здѣсь! Серъ Генрыкъ Иванычъ, яблоковъ хочешь?

Гаррингтонъ.

Yes!

Мяздра.

Лѣзь сюда, тряси хорошенько.

(Трясутъ яблоню).

IX.

Тѣ-же, КОЗЛИХА, *за ней крадется* **ЕРОШКА. МЯЗДРА** *и* **ГАРРИНГТОНЪ** *скрыты въ кустахъ справа. Слѣва въ кустахъ* **АКСЮТКА.**

Козлиха *бормочетъ про себя.*

Накрою, боярыня голубушка, накрою!... Недолго тебѣ мудрить и юлить... Ишь ты, яблоня-то трясется. Кому-жъ и быть, какъ не имъ? Цѣлуйтесь-милуйтесь... А вотъ приведу я старую боярыню, пусть полюбуется на невѣстушку, пусть полюбуется на красавицу... Да и боярина-то носомъ толстымъ ткнуть: смотри молъ, смо-

три... *(Подходитъ къ кустамъ)*. Охъ, боюсь одна... Ну, да узнаете вы меня! *(Грозитъ въ кусты пальцемъ)*. Приведу!... Я вамъ комедію венецейскую устрою... *(Идетъ къ дому)*.

Аксютка, *выходя изъ кустовъ.*

Ишь старая карга! никакъ она подсмотрѣла?... Надоть бѣжать, боярынѣ доложить, а то какъ разъ она наведетъ сюда дворню. Гдѣ боярыня-то? Господи, да куда-жъ она дѣлась? Боярыня! Антонида Авдѣевна, родная, да гдѣ ты!?..

Ерошка.

Я за нее! *(Вылѣзаетъ изъ-за куста)*.

Аксютка.

Ай!

Ерошка.

Ништни! Я свой. Я знаю, все знаю... Боярыня тутъ твоя съ нашимъ бояриномъ путается. Мы тутъ на сторожкѣ. Никакъ вѣдьма въ домъ побѣгла?... Гдѣ-жъ бояринъ-то?...

Аксютка.

Да кто его знаетъ,—сейчасъ были и сейчасъ нѣтъ.

Ерошка.

Пошарить надо. *(Тихо свиститъ)*.

Мяздра.

Чего ты? *(Показывается изъ-за кустовъ)*.

Аксютка.

Ай!

Ерошка.

Бояринъ-то гдѣ?

Мяздра.

А шутъ его знаетъ! Серъ, выходи, что ли!

Гаррингтонъ *вылѣзаетъ.*

Аксютка.

Святые угодники, да что же это! да какъ вы въ садъ-то попали?...

Ерошка.

Ищи скорѣй, не калякай! Ишь, огни въ домѣ зажгли, никакъ идутъ? Накроютъ насъ — тоже по головѣ не погладятъ.

Мяздра, *подойдя къ берегу.*

Бояринъ! Бояринъ!.. И куда ихъ занесло!.. И впрямь идутъ... Ну, чортъ меня дери, если я здѣсь останусь...

Аксютка.

Вотъ что,—они, можетъ, въ бесѣдкѣ; бѣгите въ бесѣдку на горку. Вотъ за липой, мимо купаленки и въ гору...

Мяздра.

И то, я пойду, вы погодьте здѣсь. *(Бѣжитъ въ глубину).*

Ерошка.

Ну, что-жъ, а куда-жъ намъ-то?

Гаррингтонъ.

Я сѣлъ тутъ! *(Показываетъ въ кусты)* а ты тутъ! *(Показываетъ на заборъ).*

Ерошка *перелѣзаетъ на улицу къ конямъ.*

Аксютка.

Идутъ! Идутъ! Господи, фонари зажгли. Такъ и есть— боярыню ведутъ.

Гаррингтонъ *изъ кустовъ.*

Я сѣлъ тутъ, и ты сѣлъ тутъ.

Аксютка.

Грѣхи! Охъ, надѣнутъ на меня посконный сарафанъ, да въ Коптевку, подъ Новгородъ отправятъ... Чуетъ сердчушко мое...

Гаррингтонъ *тащитъ ее за руку.*

Ты сѣлъ!

Аксютка.

И идолъ тутъ, какъ на грѣхъ! Не пойду, хоть рѣжь меня,—дальше не пойду! (*Садится у идола. Гаррингтонъ лѣзетъ дальше въ репейникъ*).

X.

Изъ дома **АФРОСИНЬЯ ЕГУПЬЕВНА, КОЗЛИХА, ПЕТРУШКА** *и* **ДВОРНЯ** *съ фонарями.*

Афросинья Егупьевна.

Быть того не можетъ, чтобъ такое дѣло! А вѣдь ежели ты сказала облыжно, что съ тобой дѣлать?

Козлиха.

А вотъ, мать моя, ты посмотри только, ты посмотри. Стала ли бы я тревожить тебя, да Всеволода Тимоѳеевича? Всеволода-то Тимоѳеевича сразу добудиться не могутъ. Нутка, давайте фонари. Нутка, боярыня, матушка, приготовься. Свѣти, Петрушка, свѣти сюда!

(*Всѣ двигаются къ кусту, гдѣ сидитъ Аксютка*).

Козлиха.

Пожалуй-ка, выходи изъ кусточка ракитова.

Афросинья Егупьевна.

Выходи, а то силкомъ вытащимъ!

Аксютка *вся дрожа показывается изъ-за кустовъ.*

Афросинья Егупьевна.

Да это дѣвка наша! Что-жъ ты врешь, старая! Это—Аксютка. Ты что тутъ дѣлаешь?

Аксютка, *упавъ въ ноги.*

Матушка, виновата,—яблочки трясти сюда приходила...

Козлиха.

Врешь, врешь! сама слышала, что тутъ двое было. Меня не обманешь—свѣти, Петрушка. *(Лѣзетъ въ кусты)*. Тутъ и есть! Вижу молодца. *(Наткнувшись на идола)*. Ахъ! Ахъ! *(Присѣдаетъ)*.

Афросинья Егупьевна.

Чего она тамъ!? *(Подымается со скамейки, опираясь на посохъ)*. Я сама пойду,—меня никто тронуть не посмѣетъ. *(Идетъ въ кусты)*. Тьфу ты напасть, опять онъ! Такъ ты за этимъ звала меня, кикимора? Что-жъ, въ издѣвку я тебѣ досталась, что ли?

Козлиха *лежитъ на травѣ и вопитъ.*

Охъ, охъ, идолище-то это самое и есть, о Господи-Христе! Петрушка, подыми меня, старуху, ноженьки подкосились—пластомъ лежу.

Афросинья Егупьевна.

Я велѣла эту погань выбросить?! Кто смѣлъ его въ саду оставить?

Петрушка.

Да самъ Всеволодъ Тимооеевичъ приказалъ, государыня. Мы только волю его выполнили. Куда-жъ дѣвать-то его? На улицу не поставишь.

Афросинья Егупьевна.

А хоть въ прудъ его, — въ воду. Какъ же вы того всѣ не понимаете, что это идолъ поганый, и въ христіанскомъ домѣ ему не мѣсто.

Петрушка.

А ужъ это, какъ батюшка-бояринъ прикажетъ, такъ и будетъ, сударыня. Да вотъ онъ и самъ шествовать изволитъ.

XI.

Тѣ-же *и* **КОПТЕВЪ,** *сонный, его ведутъ подъ-руки* **ЩЕЛКУНЪ** *и* **ІЕРОНИМЪ.** *Потомъ* **ТИМОША.**

Коптевъ.

И чего меня по мытарствамъ водятъ! Маменька, нѣтъ у тебя никакой жалости къ единственному сыну. Видишь ты, человѣкъ усталъ, измаялся разными непріятностями за день. Комары его искусали,—и только онъ на постель легъ и странничекъ ему началъ про птицу феникса разсказывать,—и только это я задремалъ, тащутъ меня въ садъ. Побойся ты Бога. *(Садится на скамью).*

Щелкунъ.

Еле мы подняли, государыня, боярина,—ровно чумовой. ничего не понимаетъ, лопочетъ только: «грядущаго взыскую»...

Тимоша, *красный и потный.*

Батя, тамъ пріѣхалъ кто-то! Въ ворота такъ стучатъ...

Афросинья Егупьевна.

Забезпокоилась Козлиха, что Антониды нѣтъ, и потащила меня въ садъ ее искать, да и тебя подняла.

Коптевъ.

Ты что, старая, белены объѣлась?

Козлиха.

Бояринъ-батюшка, Всеволодъ Тимоѳеевичъ,—да гдѣ же боярыня-то, вѣдь ты подумай—гдѣ же ей быть?

Коптевъ.

Гдѣ-жъ ей быть? Тутъ гдѣ-нибудь! Антонидушка, милая, гдѣ ты!? Ау! Выходи!

Тимоша.

А я знаю, гдѣ она! Я только недавно ее видѣлъ.

Афросинья Егупьевна.

Ну? Ну?

Тимоша.

Она по летучимъ мышамъ колдуетъ. Ей-ей, батенька.

Коптевъ.

Колдуетъ!

Тимоша.

Ей-ей. И Козлиха ей помогаетъ. У! Она сама колдунья.

Козлиха.

Да въ умѣ ли ты, Тимоѳей Всеволодовичъ,—что ты говоришь!

Тимоша.

Говорю то, что знаю. Не батенькинъ слѣдъ небось у тебя былъ вырѣзанъ? Что? А?...

Афросинья Егупьевна.

Такъ ты вотъ на что поднялась? Такъ ты такъ-то! Да я не посмотрю, что ты Тимошу няньчила, я тебя...

Козлиха.

Ой, не погуби! Ой, не погуби! *(Ползаетъ въ ногахъ).*

Коптевъ.

Антонидушка,—да гдѣ ты? Откликнись! Ау!

Антонида, *издали.*

Ау!

Коптевъ.

Ну, вотъ она! *(Кричитъ).* Иди сюда!

Антонида, *издали.*

Иду-у!

Коптевъ.

Откуда-жъ она идетъ-то?

Щелкунъ.

Да изъ дома, никакъ!

Афросинья Егупьевна.

Изъ дома? И то изъ дома! *(Стукая пальцемъ въ голову Козлихи).* Ты видишь это, вѣдьма, видишь?

Козлиха, *ползая на колѣнахъ.*

Охъ, матушка, ничего не вижу,—все въ глазынькахъ помутилось.

XII.

Тѣ-же *и* **АНТОНИДА,** *въ испугѣ.*

Антонида.

Что? Что случилось? Что вы домъ весь на ноги поставили?

Коптевъ.

Да тебя ищемъ.

Антонида.

Меня-я? Да я у себя въ спальнѣ ужъ раздѣтая лежала, какъ ты кликать меня началъ. Я такъ испугалась, такъ испугалась... И вдругъ слышу, будто разбойники наѣхали... Сразу-то не разберу съ дремоты... Охъ, какъ я испугалась, охъ, какъ испугалась... *(Садится на скамью).*

Афросинья Егупьевна.

И впрямь вѣдь она въ домѣ была.

Антонида.

И какой ты глупый, какой глупый! Ну, можно ли такъ пугать молодую жену. Вѣдь, ты меня такъ испугалъ, что я въ прудъ съ разбѣгу могла попасть. Проси сейчасъ прощенья, проси сейчасъ!

Коптевъ.

Да я и руки врозь, Антонидушка. Вотъ сошлись всѣ олухи, и я пришелъ.

Антонида.

А домъ пустой! Стучать въ ворота, стучать,—нѣтъ никого. Слышу, чуть ворота не ломаютъ... Вопятъ голосами дикими... Я ужъ по голосамъ узнала, что это Юреневъ съ нѣмцемъ за истуканомъ пріѣхали. Просятъ, нельзя ли сейчасъ его со двора свезти.

Афросинья Егупьевна.

Пусть свезутъ, пусть сейчасъ тащутъ, я за нѣмцемъ и посылала сама.

Антонида.

Вотъ и они идутъ сюда. Сюда, Борисъ Петровичъ, сюда иди, мы здѣсь, иди, не бойся, мы хороводы водимъ.

XIII.

Тѣ-же, ЮРЕНЕВЪ, ШНЕЛЛЕ *и* МЯЗДРА.

Юреневъ, *нѣсколько растерянно.*

Не сердись, Всеволодъ Тимоѳеевичъ, что въ столь позднюю пору пріѣхать, но такъ какъ матушкѣ-боярынѣ благоугодно сегодня же истукана отправить, такъ я присмотрѣть за укладкой прибыть, потому цѣна ему дороже твоего прибора...

Афросинья Егупьевна.

Тащи, тащи! Хоть одно доброе дѣло сдѣлаешь.

Юреневъ.

Живымъ дѣломъ все оборудуемъ,—не изволь безпокоиться.

Коптевъ.

Да ужъ, — ужъ вы того... Вы поскорѣе... Потому идолъ этотъ вотъ гдѣ у меня сидитъ. (*Видитъ Мяздру*). Это что еще за бочка? Этому чего надо?

Мяздра.

А я, какъ состоящій при идолѣ.

Коптевъ.

Ишь ты видный какой. Словно слонъ персидскій!

Антонида.

Ахъ, напугалъ же ты меня, старый! Какъ же ты такъ Содомъ поднялъ? А?

Коптевъ.

Антонидушка, прости меня глупаго, прости Христа ради, сложи гнѣвъ на милость.

Антонида.

Чьи это штуки, я знаю, знаю на облаву за кѣмъ вышли... Все это матушка Афросинья Егупьевна, да Козлиха! Охъ, надо бы Козлиху въ подмосковную послать, такъ-то ей тамъ хорошо будетъ дѣвокъ дворовыхъ ловить.

Коптевъ *Козлихѣ.*

Слыхала? Собирай рухлядишку, и чтобъ завтра на зарѣ... Петрушка, слышь?

Козлиха *воетъ.*

Афросинья Егупьевна, *вставая со скамьи.*

Ну, а я что-жъ, а меня-то? Можетъ, и мнѣ рухлядишку складывать, да въ подмосковную ѣхать?

Коптевъ.

Маменька, кто объ этомъ говоритъ! Пустословіе.

Антонида.

А вотъ ты, маменька, ровно бы въ монастырь собиралась?

Афросинья Егупьевна.

Да и уйду. Мнѣ ужъ больше не въ мочь на сынка моего любезнаго смотрѣть съ его заморскими свычаями. Подобіе Божіе потерялъ! Самъ сталъ истуканомъ венецейскимъ. Ужъ я тебя отъ сихъ поръ и звать иначе не стану, какъ истуканъ венецейскій. *(Увидѣвъ Аксютку).* — Ну, а съ тобой что сдѣлаетъ боярыня? Ты по ночамъ яблоки воруешь, что же тебѣ за это?

19*

Антонида.

А ей, чтобъ не воровала она,—выдать мѣшокъ яблоковъ, вотъ и все.

Афросинья Егупьевна.

Идолы вы всѣ,—вотъ что! (*Идетъ гнѣвная къ дому, Козлиха за ней*).

XIV.

Тѣ-же, *и чрезъ тынъ* **МИКИТА,** *запыхавшійся, потомъ изъ кустовъ* **ГАРРИНГТОНЪ.**

Микита.

Бояринъ, бояринъ, въ своемъ ли здоровьѣ? А я-то какъ шальной сюда бѣжалъ...

Юреневъ.

Чего ты, съ цѣпи сорвался, что ли?

Микита.

Съ цѣпи не съ цѣпи, а изъ погреба — это точно! Кабы хозяйка ключъ не подобрала — сидѣть бы тамъ до утра...

Юреневъ, *грозя ему.*

Видишь, до чего тебя доводятъ бабы! Говорилъ я— оставь эту привычку. Бери съ меня примѣръ...

Коптевъ.

И сонъ я совсѣмъ разгулялъ! Теперь ты, странный человѣкъ, сызнова мнѣ пятки чесать должонъ, и о пупѣ земли разсказывать...

Іеронимъ.

Слушаю, бояринъ, слушаю!

Антонида.

А ты бы лучше ужиномъ угостилъ гостей-то. Чего спать-то такую рань?

Коптевъ.

И то, ежели на венецейскомъ приборѣ, на новомъ, а? Петрушка, слышь?

Петрушка.

Слышу, бояринъ.

Шнелле, *подойдя къ Коптеву.*

И что же, Всеволодъ Тимотей, — и брать Меркуріусъ?

Коптевъ.

Бери, ну его къ лѣшему.

Шнелле.

Ну, ребята!

Коптевъ, *кряхтя, подымается со скамьи.*

А это вѣрно, теперь буженинки отвѣдать не дурно!

Щелкунъ, *въ кустахъ.*

Батюшки! Человѣкъ здѣсь!

Коптевъ.

Кого еще тамъ нашелъ? Тащи его сюда за рога...

Щелкунъ.

Длинный, да большой. Ну, иди, иди, чего упираться. *(Выводитъ изъ кустовъ Гаррингтона).*

Коптевъ.

Ишь ты, въ репьяхъ весь! Ты это за какимъ воровскимъ дѣломъ пришелъ?

Шнелле.

О, нѣтъ! Это я приводилъ: это аглицки шеловѣкъ изъ Нѣмецки Слободъ—утшитель Тимошъ.

Коптевъ.

О, о! *(Посмотрѣвъ на него).* Ну, у этого Тимоѳей учиться будетъ...

ЛИЦА:

Сократъ Ивановичъ.
Марія Александровна, жена его.
Валентинъ, сынъ ихъ.
Лиза.
Ольга Васильевна, ея бабушка.
Даша, горничная.
Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хорошо обставленная гостиная. Прямо—входная дверь. Направо и налѣво тоже двери.

I.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, *потомъ* **СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ.** *Она сидитъ съ работой, онъ входитъ изъ глубины, мрачный.*

Марія Александровна, *послѣ паузы.*

Это ты?

Сократъ Ивановичъ.

Я!... (*Ходитъ по комнатѣ*). А что?

Марія Александровна.

Ничего. (*Пауза*). Что съ тобой? Отчего ты такъ измѣнился за послѣдніе дни?

Сократъ Ивановичъ.

Да? Ты полагаешь?

Марія Александровна.

Не полагаю, а это такъ. (*Кладетъ работу и встаетъ*). Въ чемъ дѣло?

Сократъ Ивановичъ *холодно.*

Ни въ чемъ.

Марія Александровна.

Нейдетъ твое изданіе?

Сократъ Ивановичъ.

Напротивъ, по нынѣшнимъ временамъ, идетъ чудесно...

Марія Александровна.

Ну, такъ я знаю, я навѣрно знаю.

Сократъ Ивановичъ, *останавливаясь.*

Говори!

Марія Александровна.

Я давно уже догадывалась... У тебя катарръ желудка.

Сократъ Ивановичъ.

Это почему?

Марія Александровна.

У тебя такой меланхолическій видъ.

Сократъ Ивановичъ.

Новое медицинское открытіе! Меланхолическій видъ— признакъ желудочнаго катарра...

Марія Александровна.

Я читала вчера въ газетахъ корреспонденцію изъ Лондона: тамъ катарръ желудка лечатъ разнообразіями жизни и путешествіями.

Сократъ Ивановичъ.

Чортъ знаетъ что такое! *(Ходитъ).*

Марія Александровна.

Боже, до чего ты раздражителенъ!...

Сократъ Ивановичъ.

Я думаю, есть причина.

Марія Александровна.

Такъ скажи же, скажи мнѣ ее!

Сократъ Ивановичъ.

Добилась-таки. Изволь! *(Останавливается).* Дѣло въ двухъ словахъ.

Марія Александровна.

Ну?

Сократъ Ивановичъ.

Ну... я не хочу, чтобы Валентинъ женился.

Марія Александровна.

Что? Что ты сказалъ?

Сократъ Ивановичъ.

Прикажешь повторить?

Марія Александровна.

Да, я ослышалась.

Сократъ Ивановичъ.

«Ослышалась»—значитъ, сразу услышала. Да, я повторяю: я не хочу, чтобы Валентинъ женился.

Марія Александровна.

Вотъ что!

Сократъ Ивановичъ.

Вотъ что! Кажется, коротко, логично и ясно.

Марія Александровна.

Вотъ почему ты цѣлую недѣлю такой! И ты хочешь, чтобы все разстроилось теперь, когда уже предложеніе сдѣлано, бабушка согласна? Ну, такъ знай... Свадьба эта состоится. Слышишь,—я тебѣ даю слово... Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!

Сократъ Ивановичъ *ходитъ.*

Ну, тамъ, слишкомъ или не слишкомъ, а будетъ такъ, какъ я сказалъ.

Марія Александровна.

Но подумай, обсуди...

Сократъ Ивановичъ.

Все я обдумалъ, все обсудилъ.

Марія Александровна.

Вѣдь ужъ мѣсяцъ, какъ Lise постоянно у насъ. Ты самъ съ ней такъ милъ.

Сократъ Ивановичъ *быстро.*

Не только милъ, а... Я уважаю ее, понимаешь, уважаю... Она имѣетъ всѣ права на уваженіе, всѣ!

Марія Александровна.

Такъ въ чемъ же дѣло, Сатя?...

Сократъ Ивановичъ.

Ахъ, оставь, пожалуйста: человѣку шестьдесятъ лѣтъ, а она его зоветъ Сатей; на все, мать моя, свое время. Тридцать лѣтъ назадъ я былъ тебѣ Сатей, а не теперь.—Я самъ съ нимъ поговорю,—я хочу, чтобъ онъ понялъ, чего я требую—и согласился съ этимъ.

Марія Александровна.

Объ этомъ надо было думать раньше. Ты хочешь, чтобъ онъ пропустилъ такую партію, такой случай...

Сократъ Ивановичъ *радостно.*

Ага! Ага! Вотъ оно слово, вотъ!

Марія Александровна.

Какое слово?

Сократъ Ивановичъ.

Партія! Случай! Прелестно—случай! Супружество — это афера, предпріятіе, спекуляція.— Гдѣ мы живемъ, среди кого?—это конецъ девятнадцатаго вѣка! Къ чему пришли!... Самое лучшее, свѣжее чувство... Да нѣтъ— это рѣшено. Свадьбѣ не бывать. Не надо говорить объ этомъ, не надо говорить, не надо!

Марія Александровна.

Да какое же ты имѣешь право противиться ихъ счастью?

Сократъ Ивановичъ.

Счастью? Ты это называешь счастьемъ? Замолчи, умоляю тебя, замолчи.

Марія Александровна.

Не замолчу. Повторяю: на какомъ основаніи ты хочешь все это разстроить?

Сократъ Ивановичъ.

Она слишкомъ богата.

Марія Александровна.

Ты съ ума сошелъ!

Сократъ Ивановичъ.

Нѣтъ,—я только хочу быть порядочнымъ человѣкомъ.

Марія Александровна.

Причемъ же тутъ порядочность?

Сократъ Ивановичъ.

Ахъ, ты ужъ и этого не понимаешь?

Марія Александровна.

Что же, ты хотѣлъ бы, чтобы во имя порядочности онъ женился на нищей?

Сократъ Ивановичъ.

Ничего я не хочу... Но не хочу, чтобъ у его будущей жены были деньги, доставшіяся Богъ-вѣсть какъ и за что ея матери.

Марія Александровна.

Ея мать умерла.

Сократъ Ивановичъ.

Да вѣдь деньги-то не умерли? Вѣдь ея прошлое не умерло?

Марія Александровна.

Ну, что же объ этомъ вспоминать.

Сократъ Ивановичъ.

Не вспоминать! Какъ не вспоминать! Карбоньеръ, Адель Карбоньеръ! опереточная пѣвичка,—ты думаешь, какъ она нажила эти деньги: только получая жалованье изъ разныхъ вертеповъ?

Марія Александровна.

Постой, зачѣмъ же—изъ вертеповъ? Во-первыхъ, она одно время была на большой сценѣ въ Петербургѣ.

Сократъ Ивановичъ.

Это все равно,—отвѣчай на вопросъ: что,—она однимъ своимъ талантомъ заработала свое состояніе?

Марія Александровна.

А это насъ не касается.

Сократъ Ивановичъ.

Ты думаешь?

Марія Александровна.

Я думаю.

Сократъ Ивановичъ.

Напрасно. Прошлое имѣетъ огромное значеніе въ жизни... Что прошло...

Марія Александровна, *подсказывая.*

То будетъ мило...

Сократъ Ивановичъ.

Оставь свои шутки, мы говоримъ серьезно. Прошлаго не сотрешь, не сгладишь ничѣмъ. Я не допущу, я не могу допустить, чтобы женой моего сына была дочь женщины, доступной нѣкогда для каждаго поклонника.

Марія Александровна.

Ужъ ты черезчуръ...

Сократъ Ивановичъ.

Черезчуръ?... Я не зналъ ея лично, но полагаю, что съ ней нескучно проводили время ея знакомые. Только имъ это не дешево стоило. Кромѣ всѣхъ брильянтовъ, плюша, кружевъ и соболей, вѣдь надо же было съумѣть достать капиталъ въ 200 тысячъ! Ого! Ты какъ полагаешь? Что?... Этого даже никто не подозрѣвалъ, что у нея столько: сказала ужъ потомъ бабушка.

Марія Александровна.

Но сама дѣвочка—прелесть, да и можетъ ли она отвѣчать за свою мать?

Сократъ Ивановичъ.

Не можетъ, то-есть не должна... Но ты понимаешь—вѣдь это печать Каина, вѣдь ее не смоешь... Всюду, куда бы ни пошелъ—вездѣ она...

Марія Александровна.

Она обожаетъ Валентина.

Сократъ Ивановичъ.

О, скоро утѣшится! Съ такой мордочкой, какъ у нея, и съ двумя стами тысячъ въ дѣвкахъ не засиживаются. Всегда подвернется шалопай, который съ восторгомъ облапитъ и ее, и двѣсти тысячъ... Только не мой сынъ! Ты спросишь, почему? Слушай. Представь себѣ — они въ толпѣ: на балу, въ театрѣ, на выставкѣ. И вотъ голоса вокругъ шепчутъ: «Ты знаешь, кто это? Дочь Адельки,—помнишь ее въ «Belle Hélène»— этотъ разрѣзъ и вырѣзъ и потомъ этотъ канканъ въ третьемъ актѣ... Ну, вотъ это ея дочь...» (*Мѣняя тонъ*). Ну, какъ ты думаешь, пріятно это? Хорошо? чисто? честно?

Марія Александровна.

Но Лиза такъ скромна...

Сократъ Ивановичъ.

Что ты мнѣ толкуешь! Лиза прелестна, очаровательна! Она понимаетъ, что такое ея мать. И именно поэтому ея мечта — быть идеально-чистымъ существомъ. И я

убѣжденъ, что она будетъ дивная жена,—и даже болѣе скажу: Валентинъ не достоинъ ея, совершенно не достоинъ.

Марія Александровна.

Какъ? Валентинъ?

Сократъ Ивановичъ.

Да, Валентинъ! Какое дурацкое имя—Валентинъ!

Марія Александровна.

Неужели «Сократъ» лучше?

Сократъ Ивановичъ.

Разумѣется, лучше. «Валентинъ»—что-то мармеладное, сладкое, тягучее. Нельзя давать имя въ три слога—это глупо. Ты глупо его назвала, глупо воспитала,—и въ результатѣ получился глупый тридцатилѣтній балбесъ. Лѣнтяй и шалопай! Если кончилъ гимназію и университетъ, то только благодаря мнѣ—я въ товарищескихъ отношеніяхъ съ учителями, профессорами, а то, я знаю, онъ не пошелъ бы дальше третьяго класса. И ему достается эта дѣвочка, милая, воздушная, прелестная. Почему, за что? По-твоему, это «случай» подвернулся, потому что онъ весь въ долгу, побоится мнѣ объ этомъ сказать, а ея деньгами онъ заплатитъ долги и будетъ ихъ снова проигрывать и на скачкахъ, и въ карты.

Марія Александровна.

Онъ мнѣ вчера давалъ слово, что, заплативши долги, весь отдастся работѣ.

Сократъ Ивановичъ.

Какой это работѣ? Опять будетъ служить въ нашемъ архивѣ? Это имѣя-то двѣсти тысячъ? Давалъ слово! Ни ты, ни я этого не помнимъ, но несомнѣнно, что въ моментъ рожденія онъ первымъ дѣломъ сказалъ: «честное слово, я, кажется, родился?» И это первый и послѣдній разъ, что онъ не совралъ. Я требую отъ него одного: пусть онъ не даетъ честныхъ словъ, но поступаетъ, какъ долженъ поступать порядочный человѣкъ,—мнѣ больше ничего не надо...

Марія Александровна.

Онъ обѣщаетъ исправиться... Согласись, вѣдь надо же молодому человѣку перебѣситься...

Сократъ Ивановичъ.

О, необходимо! Пусть перебѣсится, пусть!..

Марія Александровна, ***взявшись за голову.***

Ахъ, до чего ты можешь дѣйствовать на нервы. Я тебя тоже попрошу замолчать.

Сократъ Ивановичъ.

Я тебѣ говорю: я ее въ свою семью принять не желаю,—потому что въ одинъ прекрасный день она придетъ въ слезахъ: «ахъ, я несчастна, спасите меня...» Я этого не хочу... Ну, и этимъ я разговоръ кончаю.

Марія Александровна.

А все-таки этотъ бракъ состоится...

Сократъ Ивановичъ.

А, такъ!.. Ну... *(Вдругъ, послѣ паузы, съ большимъ оживленіемъ).* Хорошо, пускай! Пускай женится! Пусть! Пусть!

Марія Александровна.

Да чего же ты кричишь?

— —

II.

Тѣ-же *и* **ВАЛЕНТИНЪ.**

Валентинъ, ***въ прихожей.***

Мама дома?

Сократъ Ивановичъ.

Радуйся, восхищайся — твое произведеніе! Я васъ оставляю,—не желаю мѣшать родственнымъ изліяніямъ.

Марія Александровна.

Ахъ, сдѣлай милость, уходи.

Сократъ Ивановичъ *идетъ къ двери направо.*

Пусть попробуетъ, пусть, пусть!..

Валентинъ.

Bonjour, maman. Лизы нѣтъ еще? *(Цѣлуетъ ея руку).*

Марія Александровна.

Какъ видишь.

Валентинъ.

Ты не въ духѣ?

Марія Александровна.

Да, семейная сцена—какъ всегда. *(Пауза).* Ты откуда?

Валентинъ.

Со скачекъ, потомъ отъ ювелира. Кстати—я хотѣлъ тебя просить: надо разсчитаться съ ювелиромъ... Тамъ всего осталось двѣсти сорокъ рублей...

Марія Александровна.

Да вѣдь я тебѣ дала въ среду триста...

Валентинъ.

Увы! На скачкахъ встрѣтилъ Витю Перерѣпина — и долженъ былъ отдать долгъ чести. Ты понимаешь, вѣдь не могъ же я...

Марія Александровна.

Понимаю, ну, а какъ ты думаешь,—у меня банкирская контора?

Валентинъ.

Я ничего не думаю... *(Прохаживается).* А только удивляюсь, maman,—стоитъ говорить о какихъ-то двухстахъ рубляхъ.

Марія Александровна.

Это для тебя о «какихъ-то», а для меня — два визитныхъ платья... Тебѣ двѣсти рублей—все равно, что два цѣлковыхъ.

Валентинъ.

Maman—фи!... Для меня это двѣ радужныхъ.

Марія Александровна.

Когда ты выучишься не сорить деньгами?

Валентинъ.

Выучусь, выучусь.

Марія Александровна.

Отецъ на тебя страшно сердитъ.

Валентинъ.

Mon père? Онъ всегда сердитъ. За что?

Марія Александровна.

За то, что ты шалопай, ничѣмъ не хочешь заниматься.

Валентинъ.

Фу, какъ ему не стыдно. Я занимаюсь невѣстой весьма усердно... Не могу же я одновременно—служить въ его архивѣ и быть женихомъ.

Марія Александровна.

Развѣ мѣшаетъ одно другому?

Валентинъ.

Боже мой, у меня не тѣмъ занята голова. Вотъ женюсь, тогда буду ходить въ архивъ.

Марія Александровна.

Онъ вообще не хочетъ, чтобы ты женился на Лизѣ.

Валентинъ, *въ изумленіи.*

Не... хочетъ?... Какъ не хочетъ? Что ты говоришь? Ты шутишь?...

Марія Александровна.

Увѣряю тебя, онъ противъ брака.

Валентинъ.

Милушка, дай я тебѣ расцѣлую. Ты въ такомъ веселомъ настроеніи...

Марія Александровна.

Пусти—ты меня растреплешь.

Валентинъ.

Это прелесть, что такое! Но мотивъ, какой же мотивъ всего этого?

Марія Александровна.

Мотивъ?... Лиза—дочь...

Валентинъ.

Адели? Экъ, когда спохватился!... Ну-съ, что дальше?

Марія Александровна.

Дальше?... Видишь, я, съ своей стороны, думаю, что ты ее любишь и безъ...

Валентинъ.

И безъ ея приданаго? Ну, всеконечно! Она очаровательна,—я боготворю ее. Честное слово.

Марія Александровна.

Правда?

Валентинъ.

Ну, конечно! Зачѣмъ, maman, ты такъ на меня смотришь? Честное слово!... Наконецъ, вѣдь Адель умерла, ея нѣтъ.

Марія Александровна.

Я то же говорила.

Валентинъ.

Будь она жива—другое дѣло. Тогда—ну, тогда надо было бы... Ну, тогда этого нельзя было бы... Ты какъ думаешь?

Марія Александровна.

Конечно, при ея жизни было бы неудобно...

Валентинъ.

Ну, а теперь—это излишняя pruderie. Съ которыхъ поръ онъ сталъ такимъ моралистомъ?

Марія Александровна.

Видишь ли, Валентинъ, отчасти онъ правъ. Я не знаю, какъ общество...

Валентинъ, *вскочивъ со стула.*

Ахъ, вы моралисты! Общество!... Такая мораль, maman, весьма низкой пробы... Всѣ моралисты, заботящіеся о мнѣніи свѣта, крали бы, не стѣсняясь, если бы никто этого не зналъ... Какое мнѣ дѣло до другихъ,— я женюсь для себя, а не для этихъ другихъ. Мнѣ до всѣхъ все равно,—понимаешь?

Марія Александровна.

До всѣхъ?

Валентинъ.

Кромѣ тебя, мамусенька, милая, кромѣ тебя... *(Цѣлуетъ ее).* Знаешь, ты прехорошенькая у меня, особенно сегодня.

Марія Александровна.

Ахъ, перестань... Я тебя объ одномъ прошу: когда женишься, хоть тогда старайся примириться съ отцомъ.

Валентинъ.

Буду стараться, chère maman, честное слово.

Марія Александровна.

Пора! вѣдь тебѣ скоро тридцать! въ твои года...

Валентинъ *ходитъ.*

Знаю, что ты скажешь: отецъ въ это время получилъ уже каѳедру... Все знаю, все. Ну, у меня нѣтъ таланта ни къ художественной, ни къ ученой дѣятельности. Я просто молодой человѣкъ, безъ всякихъ выдающихся достоинствъ. Неужели же имъ нельзя быть? Ну, не могу я быть архивной крысой, копаться въ пыльныхъ документахъ, не могу строчить этюды для еже-

мѣсячныхъ журналовъ, или рисовать коровокъ для выставокъ... Я считаю это универсальной пошлостью... Первымъ долгомъ, я хочу быть независимымъ. Съ женитьбой на Lise я пріобрѣтаю эту независимость. Двѣсти тысячъ приданаго—c'est quelque chose!

Марія Александровна.

Ты и двѣсти тысячъ ухитришься прожить...

Валентинъ.

Боже мой, ты заразилась проповѣдями отъ отца, какъ тебѣ не стыдно. Другая мать радовалась бы. *(Ходитъ).* Скажи, пожалуйста, какъ ты находишь Lise, хорошенькой или нѣтъ?

Марія Александровна.

Разумѣется, она хорошенькая.

Валентинъ.

Нѣтъ, не говори такъ, такимъ тономъ... Я не напрашиваюсь на свѣтскую любезность. Глаза у нея, кажется, чудесные?

Марія Александровна.

Чудесные.

Валентинъ.

Правда? А вотъ Перерѣпинъ...

Марія Александровна.

Какой Перерѣпинъ?

Валентинъ.

А вотъ, которому я заплатилъ долгъ... Онъ еще обѣдалъ у тебя въ мои именины... Онъ говоритъ, что у Lise ничего нѣтъ особеннаго. Что если въ ней что хорошо, то это свѣжесть. Знаешь, та свѣжесть, которая присуща дѣвочкѣ.

Марія Александровна.

Какое тебѣ дѣло, что говоритъ какой-то Перерѣпинъ? Главный вопросъ—насколько она нравится тебѣ?

Валентинъ.

Ну, это конечно. Однако, мнѣ все-таки хотѣлось бы, чтобъ она нравилась и другимъ. Разумѣется, ужъ ради одного ея приданаго будутъ завидовать. Но это все еще не то... Вотъ ты, maman, я думаю, была прелесть какъ хороша въ ея годы... Честное слово! *(Останавливается).* Дай же мнѣ двѣсти рублей, мнѣ нужны они до зарѣзу. Я тебѣ даю честное слово, что отдамъ ихъ послѣ свадьбы.

Марія Александровна.

Да что ты, не можешь подождать десяти минутъ: я должна сейчасъ бѣжать за ними? Ты торопишься куда?

Валентинъ.

Никуда.

Марія Александровна.

Ну такъ я тебѣ совѣтую пойти поговорить съ отцомъ. Вѣдь онъ, въ сущности, дивный человѣкъ. Изъ него можно веревки вить, только надо умѣть за него взяться. Какъ ты это не понимаешь? Главное, ты долженъ передъ нимъ казаться хоть немного солиднѣе.

Валентинъ.

Не будь ты, maman, моей maman... О, я тебѣ много наговорилъ бы непріятнаго. Но ты—chère maman. *(Цѣлуетъ ее).* N'est-ce pas, que tu es ma mère? dis!

Марія Александровна.

Я тебѣ говорю, объяснись съ нимъ. Это необходимо, если ты хочешь, чтобы свадьба не разстроилась.

Валентинъ.

Иду, иду, chère maman. *(Идетъ и останавливается).* А, знаешь, не хочется—честное слово. *(Уже въ дверяхъ).* Когда придетъ Lise, ты ее примешь?

Марія Александровна.

Да, иди.

Валентинъ *подходитъ къ трюмо.*

Ты знаешь, у меня новые панталоны. *(Выходитъ на авансцену).* Какъ ты находишь? Модная англійская матерія.

Марія Александровна.

Безподобно. Но поди къ нему, прошу тебя. Ты липнешь, какъ пластырь.

Валентинъ.

Нѣтъ, chère maman, кто пластырь—это бабушка моей невѣсты. Это такой гумозный пластырь. Она придетъ къ обѣду?

Марія Александровна.

Не знаю, уходи.

Валентинъ, *въ дверяхъ.*

Ушелъ! *(Останавливается).* Chère maman!

Марія Александровна.

Да ну?

Валентинъ.

Не забудь: deux cents...

Марія Александровна.

Уходи.

Валентинъ *уходитъ.*

Марія Александровна, *одна*

И еще отецъ говоритъ, зачѣмъ я за него заступаюсь... Вѣдь это прелесть... Правда, онъ ужъ очень съ меня тянетъ деньги... Но, hélas,—это вѣдь обязанность родителей.

III.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА *и* **ЛИЗА.**

Лиза, *въ дверяхъ.*

Не помѣшала?

Марія Александровна *идетъ ей навстрѣчу.*

Вы мнѣ помѣшали?.. *(Поцѣлуи).* Ну, какъ вы себя чувствуете, моя радость?

Лиза.

Merci,—прекрасно.

Марія Александровна.

Вы съ бабушкой?

Лиза.

Нѣтъ — меня проводила Даша. Бабушка, я думаю, сейчасъ будетъ.

Марія Александровна.

Отлично. Я позову Валю. Онъ все время трещалъ о васъ, говорилъ, что просто обожаетъ... Ну, а вы, Lise? Вы попрежнему относитесь къ нему?

Лиза.

Нѣтъ, не попрежнему.

Марія Александровна.

Какъ?

Лиза.

Я люблю его больше прежняго... Только...

Марія Александровна.

Что?

Лиза.

Только вы, ради Бога, ему не говорите объ этомъ...

Марія Александровна.

Почему?

Лиза.

Потому, что... еще maman говорила: чѣмъ болѣе любятъ мужчину, тѣмъ онъ любитъ менѣе.

Марія Александровна.

Полноте, что за вздоръ.

Лиза.

Ахъ, если бы maman была жива, какъ она была бы счастлива! Вы знаете, что сказала она, умирая? Я подошла къ ея постели и стала на колѣни. Она обняла меня и сказала: «Ты будешь моей гордостью, ты освя-

тишь мою память, моя дѣвочка!» *(Со слезами)*. И вотъ я дала слово, что сохраню свято ея завѣтъ... *(Плачетъ)*.

Марія Александровна.

Полно вамъ! Не плачьте.

IV.

Тѣ-же *и* ВАЛЕНТИНЪ.

Валентинъ.

Боже! Слезы!

Марія Александровна.

Это ужъ твое дѣло утѣшить. Я думаю, будетъ лучше, если я васъ оставлю. Ты у отца еще не былъ, я вижу!.. *(Смотритъ на нихъ)*. Ахъ, счастливое время, счастливое! *(Уходитъ)*.

V.

ЛИЗА *и* ВАЛЕНТИНЪ.

Валентинъ, *подойдя къ Лизѣ, цѣлуетъ руку.*

Здравствуйте, Lise.

Лиза.

Здравствуйте, Валя.

Валентинъ.

За что же портить такіе чудесные глазки? Чѣмъ они провинились?

Лиза.

Ничего, такъ.

Валентинъ.

Нѣтъ ужъ, Lise, я васъ попрошу не скрытничать. *(Подсаживается къ ней)*. Вѣдь вы плакали? Да?

Лиза.

Д-да.

Валентинъ.

О чемъ же? *(Беретъ ея руку)*. Ну, скажи же, моя радость. Ну, я тебя прошу, умоляю...

Лиза.

Видите... я...

Валентинъ.

Ну?

Лиза.

Я вспомнила... о maman...

Валентинъ *небрежно.*

А! *(Встаетъ).* Да, конечно, это...

Лиза.

Я привезла тебѣ подарокъ, милый...

Валентинъ.

Подарокъ?

Лиза.

Ея портретъ.

Валентинъ.

А!

Лиза.

Поди же сюда, сядь. Посмотри, какая она была красавица.

Валентинъ *тѣмъ же небрежнымъ тономъ.*

Да!..

Лиза.

Валя... мнѣ... мнѣ вотъ ужъ это не въ первый разъ показалось, что ты какъ будто недоволенъ, когда я заговариваю о maman.

Валентинъ.

Ахъ, Lise, напротивъ, напротивъ... Но дѣло въ томъ, что когда у насъ начинается разговоръ о maman — аккомпаниментомъ къ нему являются слезы. А я не могу видѣть слезъ, особенно твоихъ... Если кто огорченъ, я чувствую себя такъ не по себѣ...

Лиза, *кладя свою руку на его руку.*

Ты добрый?

Валентинъ *цѣлуетъ руку.*

Не добрый, а люблю я тебя, понимаешь — люблю.

Лиза.

Любишь? Правда?

Валентинъ.

Правда, честное слово!.. *(Наклонясь къ ней).* Поцѣловать можно?

Лиза.

Можно, сколько хочешь. *(Онъ цѣлуетъ ее).* Вѣдь когда послѣ свадьбы ты будешь имѣть право цѣловать меня, это будетъ гораздо скучнѣе для тебя.

Валентинъ, *обнимая ее.*

Умница моя, прелесть моя. *(Вдругъ перемѣнивъ тонъ).* Я далъ задатокъ.

Лиза.

Какой задатокъ?

Валентинъ.

За квартиру, что мы съ тобой смотрѣли. Ну-съ, а потомъ я купилъ кровать дивной работы, Лизере.

Лиза.

Henri II?

Валентинъ.

Зачѣмъ Henri II? Я даже не знаю, какія такія могутъ быть кровати Henri II.

Лиза.

У maman была кровать Louis XIV. *(Задумывается).* Louis XIV... Louis XIV... Погоди...

Валентинъ.

Въ чемъ же дѣло?

Лиза.

1643 до 1715... Видишь, я еще не забыла хронологію.

Валентинъ *серьезно.*

Да, до 1715,—это вѣрно.

Лиза.

Я думаю, вѣрно. Ну, скажите-ка: Henri II — какой годъ?

Валентинъ.

Тысяча... тысяча... четы...

Лиза *быстро.*

1555—1573.

Валентинъ.

Браво! какая у тебя память.

Лиза.

Да нѣтъ же... я сбилась: — 1547, вотъ это такъ, и до 1559-го.

Валентинъ.

Вѣрно! 1547!.. Какая у тебя дивная память... Впрочемъ, и у меня была такая же въ твои годы—честное слово.

Лиза, *прижавшись къ нему.*

Ты очень будешь меня любить?

Валентинъ.

Очень.

Лиза.

Навѣрно, меньше, чѣмъ теперь?

Валентинъ.

Почему же?

Лиза.

Потому что «надежда пріятнѣе обладанія».

Валентинъ.

Откуда это у тебя?

Лиза.

Это я читала вчера въ одномъ романѣ.

VI.

Тѣ-же *и* **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА.**

Ольга Васильевна, *за сценой.*

И дѣтки тутъ?

Лиза, *отпрядывая отъ жениха.*

Бабушка!

Ольга Васильевна, *входя изъ средней двери.*

Вотъ они! Здорово, ребятки! Здорово, голубки!

Валентинъ, *цѣлуя у нея руку.*

Grand'mère.

Ольга Васильевна.

А ужъ ты, стрекоза, какъ минутка выдастся,—такъ сейчасъ глазъ-на-глазъ. И не краснѣй! Нечего краснѣть. Вѣдь обоимъ хорошо, пріятно?.. Ну, и чортъ съ вами, и воркуйте, голубчики! Фу, какъ я изморилась!.. Ногъ подъ собой не чувствую... Дайте-ка, внучекъ, кресло... Нѣтъ, не сяду, ни за что не сяду. Я себя знаю—разсядешься и не встанешь потомъ. Ахъ, дѣтки, дѣтки, я съ вами голову совсѣмъ потеряла! Я съ ума спячу изъ-за вашего приданаго. Да-съ, Валечка, вамъ могутъ позавидовать!.. У вашей жены платьевъ немного, но зато послѣдняя мода... Все по послѣдней модѣ, Валечка! Рубашки...

Лиза.

Бабушка...

Ольга Васильевна.

Ну, что «бабушка»? Бабушка ничего дурного не сказала... Что хорошія рубашки у тебя—ничего тутъ дурного нѣтъ. Всѣхъ цвѣтовъ, шелковыя: красныя, желтыя, черныя, голубыя, розовыя, всѣ съ лентами, и вотъ кружева какія. И потомъ вензеля, вотъ такой величины. Хоть на выставку... А пеньюаръ! Ахъ, пеньюаръ!.. Когда Лизутка надѣнетъ его, вы не только что изъ дома,—изъ комнаты не захотите шагу сдѣлать... Ты, дѣтка, краснѣешь?

Ничего, ничего, краснѣй. Это такъ надо, — невѣсты всегда краснѣютъ. Потомъ это у тебя пройдетъ. Правда, Валечка, это потомъ пройдетъ? Въ твои годы какъ я краснѣла, Господи, какъ я краснѣла!.. А потомъ какъ рукой сняло; бывало, твой дѣдушка покойничекъ чаще краснѣлъ, чѣмъ я... Ахъ, покойничекъ, мой покойничекъ! *(Вынимаетъ платокъ).* Не могу до сихъ поръ безъ слезъ о немъ вспоминать. Валечка, снимите съ меня накидку,—что же я въ ней, какъ кукла, стою... Вотъ такъ... Полегоньку, полегоньку... Ну, вотъ такъ... Однако, что же это я здѣсь болтаю... А гдѣ же мамашенька ваша?..

Валентинъ.

Она у себя, кажется.

Ольга Васильевна.

Ну, такъ я къ ней. А папашенька гдѣ?

Валентинъ.

Отецъ въ своемъ кабинетѣ.

Ольга Васильевна.

Лизутка, идемъ!

Валентинъ.

Вы берете ее у меня?

Ольга Васильевна.

Довольно съ васъ. Идемъ! Чего ты оборачиваешься? Не насмотрѣлась. Ахъ, сокровище какое, скажите!.. Иди, иди впередъ, иди!.. *(Уходятъ налѣво).*

Валентинъ, *смотря имъ вслѣдъ.*

Вотъ эту даму я живо упраздню послѣ свадьбы... Нѣчто невообразимое...

VII.

ВАЛЕНТИНЪ *и* СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ.

Сократъ Ивановичъ *справа.*

Здравствуй. Ты одинъ?

Валентинъ.

Одинъ.

Сократъ Ивановичъ.

А Лиза?

Валентинъ.

Она съ бабушкой у maman. *(Идетъ къ дверямъ).*

Сократъ Ивановичъ.

Нѣтъ, подожди! Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Валентинъ.

Изволь.

Сократъ Ивановичъ.

Ты серьезно женишься?

Валентинъ.

Странный вопросъ!

Сократъ Ивановичъ.

Ну, да. Ты сдѣлалъ предложеніе, всѣ согласились. Черезъ двѣ недѣли свадьба. Все это прекрасно. Но одуматься никогда не поздно. Поступи порядочно единственный разъ въ жизни: устрой такъ, чтобы она тебѣ отказала...

Валентинъ.

Ты хочешь?...

Сократъ Ивановичъ.

Да. Она поплачетъ — и успокоится. Она еще слишкомъ молода, чтобы не надѣяться на десятки другихъ предложеній.

Валентинъ.

Но мѣсяцъ тому назадъ ты находилъ...

Сократъ Ивановичъ.

Мѣсяцъ! Мало ли что было мѣсяцъ назадъ! Я оканчивалъ печатаньемъ свою книгу, мнѣ было не до того. А теперь, на досугѣ, когда я подумалъ, эта свадьба— сумасшествіе, сумасшествіе!

Валентинъ.

Да почему же?

Сократъ Ивановичъ.

Не вынуждай меня говорить тебѣ непріятныя вещи...

Валентинъ.

Я люблю ее, увѣряю тебя, что люблю.

Сократъ Ивановичъ.

Ну, и прекрасно, что любишь. Но... всетаки, не знаю, изъ-за чего же ты такъ лѣзешь на стѣну? Приданое не Богъ ужъ вѣсть какое.

Валентинъ.

Ну, однако! Двѣсти тысячъ!

Сократъ Ивановичъ.

Дуракъ!

Валентинъ.

Дуракъ?

Сократъ Ивановичъ.

Какъ же тебя назвать иначе! Ты этому повѣрилъ... Мать тоже... А впрочемъ, и я, кажется, сразу повѣрилъ...

Валентинъ.

Такъ ты думаешь у нея ихъ нѣтъ?

Сократъ Ивановичъ.

Можетъ быть, онѣ со временемъ и будутъ, — но теперь у нея въ банкахъ только шестьдесятъ. Я наводилъ справки.

Валентинъ, *вставая.*

Значитъ, насъ одурачили?

Сократъ Ивановичъ.

Ага, заговорилъ!

Валентинъ.

Вѣдь всему же есть границы! *(Ходитъ).*

Сократъ Ивановичъ.

Всему есть границы...

Валентинъ.

Это ужъ слишкомъ!

Сократъ Ивановичъ.

Да, это слишкомъ... Всему есть границы... Такъ... Ну, а послушай... какъ ты думаешь...

Валентинъ.

Что?

Сократъ Ивановичъ.

Если собрать въ одну комнату дюжину такихъ шалопаевъ, какъ ты,—какое было бы блестящее собраніе мерзавцевъ?

Валентинъ.

Отецъ!

Сократъ Ивановичъ.

Какъ по мѣрѣ того, какъ я уменьшалъ цифру, таяла твоя любовь къ невѣстѣ. — Вѣдь я тебя хотѣлъ поймать...

Валентинъ.

Но, отецъ, вѣдь я люблю ее.

Сократъ Ивановичъ.

Разсказывай это твоимъ пріятелямъ, а не мнѣ. Развѣ ты способенъ кого-нибудь любить? Ты любишь деньги, ради нихъ ты готовъ на всякую подлость. Ты

любишь карты, для тебя какое-то особенное наслажденіе проиграть нѣсколько сотенъ, — чтобы всѣ видѣли и знали объ этомъ...

Валентинъ.

Во-первыхъ, я больше не играю; во-вторыхъ...

Сократъ Ивановичъ.

А во-вторыхъ, если ты женишься на этой дѣвочкѣ, — ты сдѣлаешь ее глубоко-несчастной.

Валентинъ.

Я перемѣнюсь послѣ свадьбы...

Сократъ Ивановичъ.

Ну, этому твоя мать можетъ повѣрить, а меня уволь...

Валентинъ.

Не сердись, отецъ, даю тебѣ слово.

Сократъ Ивановичъ.

Нѣтъ, нѣтъ,пожалуйста, не давай слова... только не это.

Валентинъ.

Ты будешь мной доволенъ, я буду ежедневно въ архивѣ.

Сократъ Ивановичъ.

Да полно! У меня была лошадь, которая не могла видѣть на мостовой клочка бѣлой бумаги,—сейчасъ въ сторону. На тебя бумага производитъ такое же впечатлѣніе... *(Пауза. Сынъ ходитъ).* Я бы согласился на эту женитьбу, даже болѣе того—настаивалъ бы на ней... если бы ты былъ хоть немного порядочнѣй. Но теперь...

Валентинъ.

Но, отецъ, послушай...

Сократъ Ивановичъ.

Нѣтъ, довольно, — не хочу ничего слушать. Скажу тебѣ одно: я всю жизнь работалъ. Когда я женился на твоей матери... Ну, да что объ этомъ... Женись, не

женись—мнѣ все равно. Мать тебя благословляетъ, и прекрасно... Можно ко всему привыкнуть. Можетъ быть, и я привыкну къ твоей женитьбѣ.

Валентинъ.

Право, отецъ...

Сократъ Ивановичъ.

Молчи! Ты отлично понимаешь, что я уязвилъ тебя въ самое больное мѣсто. Я тебя знаю. Если-бъ я былъ не правъ, ты бы кричалъ, бѣсновался, а теперь ты стоишь, краснѣешь, что-то бормочешь... Теперь тебя можно оскорблять—ты все снесешь, потому что у тебя только одно на умѣ: деньги, деньги!...

VIII.

Тѣ-же *и* **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.**

Марія Александровна, *за сценой слѣва.*

Валя! Валя! Поди-ка сюда.

Сократъ Ивановичъ.

Слышишь? Тебя зовутъ. Отправляйся, ухаживай!

Валентинъ *идетъ къ двери налѣво.*

Сократъ Ивановичъ.

Только, пожалуйста, безъ комедій,—твой печальный видъ и вздохи мнѣ не нужны.

Валентинъ, *возвратившись.*

Отецъ, обними меня.

Сократъ Ивановичъ.

Ахъ, безъ нѣжностей. Иди обнимай мать, — это по ея части.

Валентинъ.

Иду!

Сократъ Ивановичъ.

Фу! стоило такъ выходить изъ себя.

Валентинъ, *останавливаясь.*

Отецъ!

Сократъ Ивановичъ.

Что еще?

Валентинъ.

Я тебѣ ни въ чемъ не даю слова, ничего не обѣщаю, но увѣряю тебя, что скоро, очень скоро, ты меня не узнаешь. Ты не нахвалишься мной... Ты увидишь... Ну, протяни мнѣ хоть руку.

Сократъ Ивановичъ *холодно.*

Изволь.

IX.

Тѣ-же *и* **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА,** *потомъ* **ЛИЗА.**

Ольга Васильевна.

Гдѣ же женишокъ? Куда запропастился. Ахъ, Сократъ Ивановичъ, милѣйшій! Знаете, приданое Лизутки закружило меня совсѣмъ. Если бы вы знали, что за платья!... И какъ теперь все перемѣнилось. Въ наше время такого бѣлья и не бывало. Понимаете, все цвѣтной шелкъ, ничего бѣлаго. Вы вообразите...

Лиза, *входя.*

Бабушка!

Ольга Васильевна.

Ахъ, отстань, пожалуйста,—ты не даешь мнѣ слова сказать.

X.

Тѣ-же *и* ЛАКЕЙ.

Лакей.

Отъ ювелира. *(Отдаетъ Валентину).*

Валентинъ.

А! наконецъ! *(Открываетъ футляръ).* Lise, это для васъ. Это бездѣлушка, но смотрите, какъ мило. Вамъ нравится?

Лиза.

Что за вопросъ? Конечно.

Ольга Васильевна.

Она права! Валечка, что за вопросъ!... Хоть эта брошка—прелесть, но если-бъ она была дрянцомъ, то моя внучка не такъ воспитана, чтобъ обругать вещь, которую вы ей дарите. Она у меня вѣдь въ какомъ французскомъ пансіонѣ была...

Лиза.

Бабушка!...

Ольга Васильевна.

Оставь ты бабушку въ покоѣ... Нѣтъ, скромность-то какая, Сократъ Ивановичъ!... Вотъ ужъ не въ мать. могу сказать, что не въ мать. Дочка была превострая на языкъ. Вотъ бѣсенокъ былъ. Вѣдь вы ее знали, Сократъ Ивановичъ?

Сократъ Ивановичъ.

Да... Имѣлъ удовольствіе.

Валентинъ.

Эта старая сорока все напортитъ.

Лиза.

Что, Валя?

Валентинъ.

Нѣтъ, я про себя.

Ольга Васильевна.

А помните, бывало, какъ запоетъ она: «Какъ всѣ мужчины глупы!»—Зало трещало... Bis, bis... Да, могу съ гордостью сказать: это была моя дочь!

Лиза.

Бабушка, ты такъ надоѣшь papa.

Ольга Васильевна.

Что? Я ему надоѣмъ? Я вамъ надоѣдаю, Сократъ Ивановичъ?

Сократъ Ивановичъ.

Помилуйте, помилуйте—нисколько.

Ольга Васильевна.

У меня такой живой темпераментъ. Я, право, всѣхъ здѣсь моложе. Который часъ теперь?

Валентинъ.

Четверть шестого.

Ольга Васильевна.

О, три четверти часа до обѣда. Я успѣю слетать въ одно мѣстечко.

Лиза.

Какъ, бабушка, ты опять?

Ольга Васильевна.

Опять, дѣтка,—дѣло! Все для тебя.

Валентинъ, *подавая ротонду.*

Позвольте вамъ помочь.

Ольга Васильевна.

Спасибо, спасибо... Не провожайте,—я дорогу знаю..

Валентинъ.

Нѣтъ, ужъ позвольте проводить...

Ольга Васильевна *въ дверяхъ.*

Лизута, ты не ревнуешь?

Лиза.

Нисколько, бабушка.

Ольга Васильевна.

Ахъ, ахъ! Жениха—и не ревнуетъ. *(Оба уходятъ).*

Длинная пауза. **СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ** *въ раздумьѣ сидитъ на диванѣ. Лиза медленно подходитъ.*

Лиза.

Вамъ тяжело?

Сократъ Ивановичъ.

Мнѣ?

Лиза.

Да, вамъ.

Сократъ Ивановичъ, *смѣшавшись.*

Но...

Лиза.

Этого не скрыть. Я наблюдала за вами, пока говорила бабушка. У васъ такой страдальческій видъ.

Сократъ Ивановичъ.

Вы ошибаетесь.

Лиза, *садясь на ручку дивана.*

Нѣтъ, я знаю, я чувствую—васъ что-то безпокоитъ. *(Пауза).* Скажите мнѣ, довѣрьтесь вашей дочкѣ. Вы ничего не имѣете противъ того, что я буду вашей дочкой? Да? Да?...

Сократъ Ивановичъ.

Что же я могу имѣть противъ васъ, милая дѣвочка?

Лиза.

Правда?—Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы меня любили, какъ дочь. Я совсѣмъ никогда не знала отца. Я васъ такъ люблю всѣхъ. Вѣдь у меня не было до сихъ поръ семьи.

Сократъ Ивановичъ, *обнимая ее и цѣлуя.*

Ахъ, дѣвочка моя, если бы вы знали...

Лиза.

Можно сѣсть такъ? *(Садится къ нему на колѣни).* Я знаю, вы еще не любите меня, но, я увѣрена,—вы меня полюбите. Я такая тихая, и если меня кто приласкаетъ,—я всей душой къ нему... Скажите, что васъ такъ тревожитъ? Отчего вы такой грустный?

Сократъ Ивановичъ.

Такъ... есть причины.

Лиза.

Не хмурьтесь... Не надо... Улыбнитесь. Не такъ, не такой улыбкой, а хорошей, доброй... Ну, вотъ такъ, такъ.

XI.

Тѣ-же *и* ВАЛЕНТИНЪ.

Валентинъ, *входя.*

О!

Лиза.

Смотри, Валя, я развеселила papa, онъ улыбается.

Валентинъ.

Да?

Лиза.

Тебя это удивляетъ?

Валентинъ.

Ты у меня волшебница: чудеса можешь дѣлать!

Сократъ Ивановичъ, *вставая.*

Чортъ ихъ знаетъ! Можетъ быть, это будетъ и счастливый бракъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая уютная столовая. На задней стѣнѣ двѣ одностворчатыя двери, между ними топящійся каминъ. На каминѣ—часы и канделябры empire. Направо—буфетъ, дверь, и ближе къ зрителямъ закусочный столъ. На лѣвой стѣнѣ — большое венеціанское окно изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, подъ нимъ—сафьянный диванъ. Посрединѣ сцены—столъ, сервированный на двоихъ. Надъ столомъ спускается ярко-горящая подъ матовымъ фарфоровымъ абажуромъ лампа. Свѣтъ—только отъ одной этой лампы. (Рампа потушена). Звонокъ электрическій на шнурѣ.

I.

ЛИЗА *и* **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА** *справа.*

Лиза.

Какъ же ты находишь, бабушка, платье?

Ольга Васильевна.

Восторгъ!

Лиза.

Правда?

Ольга Васильевна.

Главное, какъ идетъ къ тебѣ.

Лиза, *убирая вазу.*

Апельсины и груши, что ты принесла, тоже восторгъ. Виноградъ дивный. Милушка, если ты хочешь быть сегодня совсѣмъ умницей, исполни мою просьбу... (*Ставитъ вазу на обѣденный столъ*). Какъ я люблю, когда на столѣ фрукты... Такъ украшаетъ...

Ольга Васильевна.

Я знаю, чего ты хочешь.

Лиза.

Останься обѣдать.

Ольга Васильевна.

Нѣтъ ужъ, избавь отъ этого.

Лиза.

Посмотри, какія груши: ты ихъ вѣдь любишь.

Ольга Васильевна.

Ничего, вы не маленькіе, не обкушаетесь безъ меня. А мнѣ некогда: у меня рандеву въ семь часовъ.

Лиза.

Отчего ты всегда забѣгаешь на минутку? Всегда впопыхахъ.

Ольга Васильевна.

Это ужъ болѣзнь моя такая.

Лиза.

Да сними же хоть шляпку.

Ольга Васильевна.

Ни-ни, и не заикайся. Я вѣдь сегодня, знаешь, у кого? У Анетки Гай.

Лиза.

Ахъ, это у пріятельницы maman?

Ольга Васильевна.

У ней.

Лиза.

Она все еще поетъ?

Ольга Васильевна.

Поетъ-то, поетъ...

Лиза.

Я помню, она была красавица.

Ольга Васильевна.

Миленькая, но таланта ни на волосъ. Посмотри въ «Еленѣ» она поетъ: «Когда мужъ носъ опускаетъ»,— никакого шика! А твоя мать? Ай-яй-яй, что она дѣлала изъ этого вздора! Мертвые въ гробу поворачивались... Анетка—добрый, славный товарищъ, и больше ничего.

II.

Тѣ-же *и* **ДАША** *изъ правой задней двери.*

Даша.

Письмо съ артельщикомъ.

Лиза.

Отвѣтъ нуженъ?

Даша.

Нѣтъ, онъ ушелъ.

Лиза.

Хорошо, идите.

Даша *уходитъ.*

Лиза.

Это отъ Вали.

Ольга Васильевна.

Господи, не случилось ли чего!

Лиза, *по мѣрѣ чтенія мѣняется въ лицѣ. Докончивъ, она мнетъ его.*

Опять! Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!

Ольга Васильевна.

Да что такое, говори толкомъ.

Лиза.

Ничего, ничего, бабушка. Извини, пожалуйста, я напишу два слова въ отвѣтъ. *(Идетъ направо)*. Позвони мнѣ Дашу. *(Уходитъ)*.

Ольга Васильевна.

Что такое? Въ чемъ дѣло? *(Звонитъ у стола и идетъ къ камину)*. Батюшки, семь часовъ,—я, кажется, на ночлегъ здѣсь останусь.

III.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА *и* ДАША.

Даша *оттуда же.*

Звонили?

Ольга Васильевна.

Подожди. Сейчасъ барыня вынесетъ записку.

Даша.

Слушаю-съ.

Ольга Васильевна.

Дарья!

Даша.

Что прикажете?

Ольга Васильевна.

Подойди ко мнѣ. *(Пауза)*. Что, здѣсь все ладно?

Даша.

Не знаю-съ.

Ольга Васильевна.

А письмо откуда?

Даша.

Изъ клуба. Баринъ прислали сказать, что тамъ обѣдаютъ.

Ольга Васильевна.

Не можетъ быть.

Даша.

Ольга Васильевна, да вѣдь это не въ первый разъ... Только ужъ вы не выдайте меня передъ барыней.

Ольга Васильевна.

Ну, вотъ, что я за фискалка! *(Пауза)*. Такъ часто ссорятся?

Даша, *махнувъ рукой.*

Каждый день! Да вотъ сегодня. Только что встали...

IV.

Тѣ-же *и* **ЛИЗА** *справа.*

Лиза.

Живо берите извозчика туда и обратно и передайте эту записку барину. Вы знаете, гдѣ клубъ?

Даша.

Какъ же—это чрезъ пять домовъ. Я и такъ добѣгу.

Лиза.

Я вамъ приказываю ѣхать на извозчикѣ, а не бѣжать пѣшкомъ. Прошу васъ не разсуждать!

Даша *уходитъ.*

Ольга Васильевна.

Ну, полно, дѣтка, волноваться, полно.

Лиза *все время хочетъ казаться спокойной.*

Я, бабушка, совсѣмъ спокойна. Меня постоянно сердитъ эта Даша. *(Садится въ chaise longue)*.

Ольга Васильевна.

Даша ли?

Лиза.

Кто же другой?

Ольга Васильевна.

А записка отъ благовѣрнаго?

Лиза.

Записка? Да тамъ ничего такого нѣтъ. Валя пишетъ, что обѣдаетъ въ клубѣ. Конечно, это немного непріятно... Мы собирались прокатиться послѣ обѣда за городъ— видишь, какая чудесная лунная ночь...

Ольга Васильевна.

Что же ты ему написала?

Лиза.

Я написала, что если онъ хочетъ мнѣ сдѣлать большое удовольствіе, пусть придетъ домой...

Ольга Васильевна.

А!

Лиза.

Ты такъ сказала «а!», точно не вѣришь мнѣ, что я именно это написала.

Ольга Васильевна.

Вѣрю, вѣрю,—что за вздоръ. *(Пауза)*. Ну, а какъ ты думаешь, онъ придетъ?

Лиза.

Конечно.

Ольга Васильевна.

Онъ исполняетъ всѣ твои прихоти? А? Ни ссоръ, ни дрязгъ?

Лиза.

Что за вопросъ! Мы живемъ отлично. Ты точно удивляешься?

Ольга Васильевна.

Будто я удивляюсь?

Лиза.

Ты точно думаешь, что мы живемъ плохо, ссоримся; напротивъ, онъ такъ милъ. Мы очень любимъ другъ друга.

Ольга Васильевна.

Ну, и расчудесное дѣло... Мнѣ вѣдь очень было бы непріятно, если-бъ у васъ было не того... Да! *(Пауза)*. Знаешь, что я хотѣла предложить?

Лиза.

Ну?

Ольга Васильевна.

Иногда даже въ самой мирной жизни вдругъ тучки набѣгутъ... Знаешь, облачка такія. И вотъ тогда очень бываетъ нуженъ опытный человѣкъ. Лучше всего старая родственница... Вотъ въ родѣ меня. Она все это съумѣетъ умиротворить, успокоить. Но, конечно, разъ вамъ это не надо, разъ у васъ все тихо и спокойно... *(Встаетъ)*. Я и безъ того такъ засидѣлась... Ну, Христосъ съ тобой! *(Цѣлуетъ ее)*. Давай тебѣ Богъ всего хорошаго.

Лиза.

Заходи, бабушка.

Ольга Васильевна.

Зайду. Не провожай ты меня. *(Идетъ въ прихожую, куда двери отворены)*.

Лиза.

Я тебѣ помогу надѣть ротонду и запру—Даши нѣтъ.

(Уходятъ).

V.

ДАША *изъ дверей направо, потомъ* **ЛИЗА** *изъ лѣвой двери.*

Даша.

Когда же обѣдать-то будутъ: тамъ все перепрѣетъ.

Лиза, *входя.*

Вы ужъ вернулись?

Даша.

Да-съ.

Лиза.

Какой же отвѣтъ? Ничего не отвѣтили?

Даша.

Ничего-съ. Прикажете подавать на столъ?

Лиза.

Нѣтъ, погодите, я позвоню.

Даша.

Позвольте ключи, я достану вино.

Лиза *отдаетъ.*

Возьмите.

Даша.

Вотъ подъѣхалъ кто-то: не баринъ ли? *(Прислушивается).* Такъ и есть, отъ швейцара звонокъ. *(Идетъ въ прихожую).*

VI.

Изъ прихожей входитъ взбѣшенный **ВАЛЕНТИНЪ. ДАША** *проходитъ въ глубинѣ въ дверь направо.*

Валентинъ *бросаетъ цилиндръ на стулъ.*

Ты посылала за мной? Ну, вотъ и я. Что же, довольна? счастлива?

Лиза.

Я?

Валентинъ, *развертывая записку.*

«Если ты сейчасъ не пріѣдешь, я пріѣду за тобой въ клубъ». И ты мнѣ смѣла это написать? Знаешь, такого нахальства я никогда еще не видывалъ. Ну, что же? Въ чемъ дѣло? Что-жъ, мы будемъ ворковать, цѣловаться? Зачѣмъ я долженъ былъ тамъ все бросить и скакать сюда? Нечего сказать—веселую жизнь ты мнѣ устроила. Я обратился въ какого-то птенца, цыпочку! Я совершенно на положеніи гимназиста,—недостаетъ только мундирчика и ранца. Каждый разъ, когда я ухожу изъ дома, мнѣ приходится спрашиваться: «позвольте выйти!» Вѣдь это же смѣшно, честное слово, это смѣшно! Ужъ, кажется, чего же—женились, соединены на всю жизнь,—слава Богу, срокъ не малый, можно успѣть насмотрѣться другъ на друга. Такъ нѣтъ, мало этого, надо быть вѣчно пришитымъ къ ея юбкѣ! О, я знаю твой отвѣтъ: «я не для того вышла замужъ, чтобы сидѣть вѣчно одной». Ну, для этого, милый другъ, нужно было сегодня утромъ иначе со мной разговаривать и не дѣлать сценъ при горничной. Это первый признакъ невоспитанности... Да и вообще твое воспитаніе... *(Ходитъ).* Ты за мной послала, чтобъ имѣть счастіе обѣдать со мной. Отлично, безподобно! Позвони, вели подавать. Я сяду противъ тебя, буду ѣсть, буду улыбаться, шутить, сочинять экспромпты. Ты вѣдь этого желаешь? Или послать въ табачную лавочку за гитарой, пропѣть тебѣ подъ окномъ «Тигренка»? Изволь, я на все готовъ! *(Ходитъ).*

Лиза, *послѣ большой паузы.*

Скажи, пожалуйста, ты свое поведеніе находишь порядочнымъ? Неужели я такъ требовательна? Я только прошу не оставлять меня одну шесть разъ въ недѣлю.

Валентинъ.

Ахъ, довольно! довольно! Что у тебя за страсть разыгрывать жертву... Ну, теперь слезы... Только ихъ недоставало.

Лиза.

Да, не стоишь ты того, чтобы при тебѣ плакать. Во всякомъ случаѣ, ужъ лучше играть роль жертвы, какъ ты говоришь, чѣмъ съ утра до ночи играть въ карты.

Валентинъ.

Ты, кажется, собираешься острить? прелестно!.. Что же, скоро мы прекратимъ эту теплую семейную сцену?

Лиза.

Когда ты перестанешь мучить меня?

Валентинъ.

Ахъ, опять эти жалкія слова. Ну, вѣдь я здѣсь, радуйся!

Лиза, *послѣ паузы, подходитъ къ нему.*

Валя!

Валентинъ.

Ну!

Лиза, *послѣ внутренней борьбы.*

Валя!

Валентинъ.

Ну, что же «Валя»?

Лиза, *наклоняясь къ нему.*

Развѣ ты не чувствуешь, какъ я тебя люблю.

Валентинъ.

Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, безъ любовныхъ сценъ. И въ театрѣ-то это скучно, а въ жизни и подавно.

Лиза *отходитъ отъ него.*

Валентинъ.

Если ты меня любишь,—не торчи ты, ради Бога, надъ моей душой. Я хочу свободы.

Лиза.

Свободы?

Валентинъ.

Только, пожалуйста, безъ мелодрамъ и вздоховъ.

Лиза.

Мы только второй годъ какъ женаты,—а ты ко мнѣ относишься такъ, точно мы двадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ.

Валентинъ.

Полно, пожалуйста. Вотъ посмотри на Перерѣпина: всего нѣсколько мѣсяцевъ женатъ, а дѣлаетъ, что хочетъ.

Лиза.

Да вѣдь онъ ни на волосъ не любитъ свою жену... Притомъ, вѣдь онъ обманываетъ ее,—ты же самъ мнѣ разсказывалъ...

Валентинъ.

Ну, кто въ чемъ обманъ полагаетъ!

Лиза.

Валя, да что ты все злишься? Вѣдь у тебя предоброе сердце.

Валентинъ.

Къ сожалѣнію, я добръ до идіотизма.

Лиза.

Что я тебѣ сдѣлала?

Валентинъ, *вскакивая.*

Что ты мнѣ сдѣлала?

Лиза.

Да?

Валентинъ.

И она спрашиваетъ!.. Ты мнѣ сдѣлала изъ жизни сплошной адъ!

Лиза.

Валя! Валя!

Валентинъ.

Нечего «Валя, Валя!» Я шагу не могу ступить, газеты прочесть, безъ того, чтобы ты у меня не спросила: «ну, разскажи, что прочиталъ?»

Лиза.

До чего ты преувеличиваешь!

Валентинъ.

Нисколько не преувеличиваю. Если я поклонюсь кому-нибудь на улицѣ, сейчасъ допросъ: «кто такой? кому кланяешься?» Если мнѣ жарко, я хочу обтереть лобъ, ты спрашиваешь: «что съ тобой?» Остается одно, чтобы ты меня будила ночью и допрашивала, что я вижу во снѣ, и съ кѣмъ разговариваю... *(Проходитъ мимо зеркала)*. Удивительно, какъ у меня нѣтъ сѣдыхъ волосъ.

Лиза.

Боже, до чего ты измѣнился. И если сравнить первое время послѣ свадьбы...

Валентинъ.

Первое время! Вѣчная бабья пѣсня! Всѣ вы сожалѣете объ этомъ «первомъ времени». Да вѣдь нельзя же, чтобы всю жизнь тянулось первое время!

Лиза.

Почему же нѣтъ? Это было бы такъ хорошо!

Валентинъ.

Хорошо? Еще лучше было бы оставить въ покоѣ мужа. А вѣдь вашъ идеалъ какой? Утромъ, едва открылъ глаза: «ахъ, я тебя люблю!» Вечеромъ, ложась спать: «ахъ, я тебя люблю». За обѣдомъ: «я тебя люблю». За чаемъ—«я тебя люблю»... И такъ всю жизнь щебетать и жаться другъ къ другу какъ инсепарабли.

Лиза.

Когда ты былъ женихомъ, ты говорилъ другое.

Валентинъ.

Когда я былъ женихомъ? Нѣтъ, знаешь, давай лучше обѣдать, а разговоръ нашъ прекратимъ.

Лиза, *послѣ паузы.*

Слушай, гадкій, чтобы доказать тебѣ, что мой характеръ лучше твоего...

Валентинъ.

Ужъ лучше бы ты не говорила о своемъ характерѣ.

Лиза.

Мы живо пообѣдаемъ и поѣдемъ кататься—далеко, далеко!

Валентинъ.

Какъ? Кататься? Сегодня вечеромъ? Но въ клубѣ меня ждутъ.

Лиза.

Милый, не ходи сегодня въ клубъ.

Валентинъ.

Опять за прежнее? Опять стѣсненія! Это чортъ знаетъ что!

VII.

Тѣ-же *и* **ДАША** *съ картонкой.*

Даша.

Барину принесли шляпу.

Валентинъ.

Подайте сюда. Идите. *(Даша уходитъ).*

Лиза, *послѣ паузы.*

Ты себѣ, Валечка, новую шляпу заказалъ?

Валентинъ, *развязывая картонку.*

А что? Ужъ я не имѣю права заказать себѣ шляпы?

Лиза.

Какой вздоръ,—я этого не говорю.

Валентинъ.

Не говоришь, но общій тонъ у тебя такой.

Лиза.

Да полно тебѣ капризничать!

Валентинъ, *разсматривая шляпу.*

Экіе идіоты: говорилъ имъ поставить крепъ, а они ставятъ ленту.

Лиза.

Развѣ ты въ траурѣ?

Валентинъ *сквозь зубы.*

Такъ теперь носятъ въ Парижѣ. Мнѣ такъ нравится. Это премило! *(Надѣваетъ шляпу и, подойдя къ женѣ,— самымъ миролюбивымъ тономъ):*—а какъ тебѣ кажется фасонъ?

Лиза, *посмотрѣвъ.*

Хорошо.

Валентинъ.

А поля? Не малы?

Лиза.

Нѣтъ, кажется, не малы.

Валентинъ.

Ты это говоришь только такъ, не желая бранить мой заказъ. *(Подходитъ къ зеркалу).* Она точно велика немного... А?

Лиза.

Постой-ка. Нѣтъ. Ужъ, по-моему, скорѣй мала.

Валентинъ.

Мала? Посмотри, пожалуйста, внимательнѣе, вѣдь мнѣ это очень важно.

[redacted]

Лиза.

Нѣтъ, она прекрасно сидитъ, — совсѣмъ по головѣ. *(Быстро охватываетъ его и цѣлуетъ).*

Валентинъ.

Фу, какъ глупо! *(Подходитъ къ зеркалу).* Такъ, значитъ, совсѣмъ хорошо?

Лиза.

Совсѣмъ, я тебѣ говорю. *(Пауза. Онъ молча любуется собой).*

Лиза.

Давай обѣдать. Двѣнадцать минутъ восьмого. Я пойду вымою руки, а ты позвони Дашу.

Валентинъ *смотрится въ зеркало. Затѣмъ снимаетъ шляпу и звонитъ.*

Давайте обѣдать.

VIII.

ВАЛЕНТИНЪ *и* **ДАША.**

Даша.

Слушаю-съ.

Валентинъ.

У насъ что сегодня?

Даша.

Супъ бискъ, осетрина, рябчики, желе.

Валентинъ.

Салатъ ромэнъ?

Даша.

Да-съ.

Валентинъ.

Дайте мнѣ ту шляпу, вонъ на стулѣ. *(Она подаетъ шляпу, въ которой онъ вошелъ).* Спасибо. Постойте на минутку, Даша, посмотрите. Вотъ это прежняя шляпа *(Надѣваетъ).*—Видите? *(Поворачиваетъ головой).* А теперь вотъ эта *(Перемѣняетъ шляпы),*—это новая. Которая изъ двухъ ко мнѣ больше идетъ?

Даша, *подумавъ.*

Надѣньте-ка старую.

Валентинъ *надѣваетъ, смотритъ на нее вопросительно и опять мѣняетъ.*

Даша.

По-моему—новая. Она какъ-то аккуратнѣе.

Валентинъ.

Аккуратнѣе? Я тоже думаю. Ну, идите. *(Даша уходитъ).*

Валентинъ, *вынимая бумажникъ и пересчитывая деньги, снова прячетъ.*

Чертовски не везетъ! Если такъ продолжится, брошу играть. А тутъ еще отецъ,—вѣчно исподлобья наблюдаетъ... Положительно, это онъ приноситъ мнѣ несчастье.

IX.

ВАЛЕНТИНЪ *и* ЛИЗА.

Лиза *входитъ.*

Ну, вотъ, я готова.

X.

Тѣ-же *и* **ДАША** *съ миской.*

Даша.

Пожалуйте кушать. *(Уходитъ).*

Лиза *разливаетъ супъ.*

Валентинъ.

Что это у тебя за платье?

Лиза.

Новое. Нравится?

Валентинъ.

Да сколько же у тебя платьевъ?...

Лиза.

У меня ничего нѣтъ—я совсѣмъ обносилась.

Валентинъ.

Ну, конечно! Всѣ бабы на одинъ ладъ: тридцать шесть юбокъ, пятьдесятъ корсажей—и все нечего надѣть... Сколько же это стоитъ?

Лиза.

Очень дешево. Отгадай.

Валентинъ.

Не хочу отгадывать. Скажи.

Лиза.

Сто десять.

Валентинъ.

Ну, конечно,—что такое для тебя сто десять рублей. *(Разгорячаясь).* Откуда, наконецъ, я буду брать тебѣ денегъ? Это удивительно, — я тебя, честное слово, не понимаю...

Лиза.

Ну, я, кажется, не много на себя трачу.

Валентинъ.

Да? Ну, такъ тогда говорить не будемъ; я не правъ, и дѣло съ концомъ.

Лиза.

Я не говорю, что ты не правъ...

Валентинъ.

Давай обѣдать. Это лучше, чѣмъ спорить три часа. *(Пробуетъ супъ).* Онъ совершенно холодный. Что за гадость!

Лиза.

Да онъ не можетъ быть горячимъ: обѣдъ готовъ былъ часъ назадъ; потомъ — сколько же времени онъ поданъ.

Валентинъ.

Конечно, права кухарка, а не я. *(Звонитъ).* Если въ одинъ прекрасный день я заболѣю нервной горячкой,— это будетъ нормальный выходъ изъ этого адскаго настроенія.

XI.

Тѣ-же *и* ДАША.

Даша *съ рыбой.*

Валентинъ.

Кто васъ просилъ подавать?

Даша.

Вы позвонили,—я думала, что можно.

Валентинъ.

Вы думали! Думали! Прошу покорно васъ не думать, а исполнять, что приказываютъ! Несите это вонъ,— сперва разогрѣйте супъ...

Даша, *поставивъ рыбу на закусочный столъ, беретъ миску и уходитъ.*

Лиза.

Валя, зачѣмъ ты такъ грубъ съ ней? Она не виновата, что ты не въ духѣ.

Валентинъ.

Ну да, ты вѣчно берешь сторону прислуги. Что за скверная, хамская черта въ характерѣ. Это ты можешь, а я не могу.

Лиза, *вспыхнувъ.*

Ну, и я тоже не могу! Если ты проигралъ въ карты, такъ на мнѣ нечего вымещать свою неудачу. Слышишь. Нечего морщиться и съ ужасомъ глядѣть на меня: я не испугаюсь. У тебя достаетъ нахальства попрекать меня тѣми грошами, что я трачу на себя, а между тѣмъ ты проигрываешь тысячи и десятки! Будетъ съ меня, довольно!

Валентинъ.

Во-первыхъ, я больше не играю... А во-вторыхъ, это тебя ни въ какомъ случаѣ не касается.

Лиза.

Не играешь? Ну, мнѣ твой отецъ говоритъ другое.

Валентинъ.

Отецъ? При чемъ же тутъ отецъ?

Лиза.

Я отлично знаю, что ты дѣлаешь, и какъ играешь. Берегись: тебя выгонятъ со службы,—я это тоже знаю.

Не дѣлай трагическихъ жестовъ, я буду говорить. Довольно ты ломался передо мной цѣлый часъ,—молчать мнѣ надоѣло.

Валентинъ *живо.*

Я могу тебѣ дать слово, что съ нынѣшняго дня ты не часто будешь имѣть случай разговаривать со мной.

Лиза.

Ну, я такъ и знала. Ты хочешь имѣть предлогъ уходить изъ дома и проигрывать тѣ гроши, что у насъ остались...

Валентинъ.

Довольно!

Лиза.

Какъ ты думаешь, сколько ты проигралъ за этотъ годъ?

Валентинъ.

Почемъ я знаю!

Лиза.

Сто двадцать три тысячи... Это мнѣ сообщилъ твой отецъ. И ты мнѣ смѣешь дѣлать выговоръ, что я за мое платье заплатила сто рублей! Вотъ когда я могу повторить твою любимую фразу: «честное слово, это выходитъ изъ границъ!»

Валентинъ.

Не выводи меня изъ себя! Я не позволю такъ разговаривать со мной.

Лиза.

Ты не позволишь, ха-ха! Я давеча плакала, а теперь— мнѣ только смѣшно! Ты не позволишь! Ты воображаешь, что я вѣчно буду собачонкой, которую изрѣдка, въ видѣ награды, берутъ прогуляться, а въ остальное время она слезливо смотритъ въ глаза и ласкается. Нѣтъ, мой другъ, ошибаешься. Я сдѣлала все, что было

въ моей власти, для нашей жизни. А что ты мнѣ далъ? Эгоистъ! Картежникъ!

Валентинъ, *схвативши стулъ.*

Молчи! Я не знаю, на что я готовъ...

Лиза *спокойно.*

Сдѣлай милость, не стѣсняйся. Ты растратилъ мои деньги, мое приданое, а теперь собираешься побить меня!... Прекрасно.

Валентинъ.

Твои деньги! Твое приданое! Вотъ куда пошло! Да очень мнѣ нужно было твое приданое.

Лиза.

Зачѣмъ же ты на мнѣ женился? Вѣдь тебѣ нужны были деньги, а не я... Кажется, доказательства налицо.

Валентинъ.

Не слишкомъ ли ты далеко зашла, моя милая, ужъ кому молчать—такъ тебѣ. Вѣдь тебѣ я далъ имя!

Лиза.

Ты?

Валентинъ.

Что ты такое была? Дочь пѣвички Адель Карбоньеръ,—попросту говоря—дочь Адельки... Такъ о чемъ же говорить...

Лиза, *задыхаясь.*

А... а... знаешь... можно все сказать... можно... Я считала тебя на все способнымъ... Что ты не любишь меня, что ты... Но попрекать меня матерью, мамой... Нѣтъ—этому я бы никогда не повѣрила... *(Падаетъ въ истерикъ на диванъ).*

Валентинъ.

Чортъ! Я, кажется, перехватилъ... Лиза, ну, полно, полно...

Лиза, *вскочивъ съ дивана.*

Уйди! Уйди! Оставь меня! *(Бѣжитъ въ свою комнату).*

Валентинъ.

Ого! Однако!

XI.

ВАЛЕНТИНЪ *и* **ДАША.**

Даша *съ миской.*

Пожалуйте, супъ горячій.

Валентинъ, *надѣвъ шляпу.*

Я дома не обѣдаю. *(Уходитъ).*

Даша, *взявъ миску.*

Э-эхъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація 1-го дѣйствія.

I.

СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ *и* **ЛАКЕЙ.**

Сократъ Ивановичъ, *читая газету.*

Гдѣ же онъ, этотъ ростовщикъ?

Лакей *у двери.*

Онъ въ передней.

Сократъ Ивановичъ.

Сказалъ, чтобъ онъ убирался?

Лакей.

Да-съ, говорилъ.

Сократъ Ивановичъ.

Скажи ему, что векселя уплачивать я не буду. Слышишь! Такъ и скажи: не буду! Понялъ?

Лакей.

Понялъ.

Сократъ Ивановичъ.

Вытолкай его въ шею! Ступай!

Лакей *уходитъ.*

Сократъ Ивановичъ *читаетъ газету. Пауза.*

II.

СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ *и* **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА** *входитъ.*

Марія Александровна.

Чего ты такъ кричалъ?

Сократъ Ивановичъ.

Я? Развѣ я кричалъ?

Марія Александровна.

По всему дому слышно. Что случилось?

Сократъ Ивановичъ.

Ничего—вздоръ, пустяки.

Марія Александровна.

Ты весь красный! Да на кого же ты раскричался?

Сократъ Ивановичъ.

Вздоръ... Мнѣ вдругъ предъявляютъ къ уплатѣ вексель.

Марія Александровна.

Какъ, вексель?

Сократъ Ивановичъ.

Ну да—вексель.

Марія Александровна.

Твой?

Сократъ Ивановичъ.

Какой ты вздоръ говоришь! Мой! Я никогда въ жизни не выдавалъ векселей, да еще ростовщикамъ. *(Встаетъ).* Что же! все-таки не понимаешь!

Марія Александровна.

Нѣтъ.

Сократъ Ивановичъ.

Конечно, вексель Валечки.

Марія Александровна.

Валечки! На какую сумму?

Сократъ Ивановичъ.

Пустяки—три тысячи шестьсотъ!

Марія Александровна.

Три тысячи шестьсотъ!

Сократъ Ивановичъ.

Пустяки—какіе-нибудь два вечера въ клубѣ.

Марія Александровна.

Онъ занимаетъ деньги!

Сократъ Ивановичъ.

Скажите, какой ужасъ! Да вѣдь надо же, согласитесь, бѣдному мальчику имѣть хоть немного карманныхъ денегъ?

Марія Александровна.

Ахъ, перестань меня разстраивать.

Сократъ Ивановичъ.

Впрочемъ, можетъ быть, онъ занялъ эти деньги для подарка своей женѣ... Онъ вѣдь такой предупредительный.

Марія Александровна.

Ну, Сатя, твое остроуміе оставь при себѣ — теперь не время... Это такъ меня поразило.

Сократъ Ивановичъ.

Его это тоже поразитъ. *(Читаетъ газету).*

Марія Александровна *послѣ паузы.*

Что же ты думаешь дѣлать?

Сократъ Ивановичъ.

Что дѣлать?... Читать газету.

Марія Александровна.

И ничѣмъ не помочь сыну?

Сократъ Ивановичъ, *положивъ газету.*

Что же, по-твоему, я долженъ былъ схватить шляпу, сѣсть на извозчика, прискакать къ ростовщику, стать на колѣни: «Ахъ, благодѣтель, позвольте вамъ возвратить долгъ моего сына; спасибо, что выручили его». Такъ, что ли? — Нѣтъ, матушка, если я много глупостей дѣлалъ на вѣку, такъ ужъ такой все же не сдѣлаю. *(Читаетъ. Пауза).* Вѣдь у тебя есть что-то на текущемъ счету, затѣмъ—выигрышные билеты. Пожалуйста, отдай ихъ Валечкѣ,— я ничего не имѣю противъ. Ну, а моихъ денегъ онъ не понюхаетъ!

Марія Александровна.

Эгоистъ! Бездушный, сухой эгоистъ!

Сократъ Ивановичъ.

Прекрасно. Я тебѣ скажу болѣе того: я знать не хочу его! Мнѣ все равно, что бы съ нимъ ни случилось!

Марія Александровна.

Стòитъ имѣть дѣтей, если отказываться отъ нихъ...

Сократъ Ивановичъ.

Такихъ, какъ Валечка, конечно, не стòитъ.

Марія Александровна.

Какой ты добрый, честный, порядочный человѣкъ!

Сократъ Ивановичъ.

Ну, разумѣется, я извергъ, никуда не годный отецъ. А помнишь, какъ я носился съ нимъ, когда онъ былъ ребенкомъ? Билъ я его, тиранилъ? *(Горячо).* А помнишь, какъ я ночи сидѣлъ надъ нимъ, когда онъ лежалъ въ скарлатинѣ? Ходилъ за нимъ, какъ нянька, бросилъ и дѣла, и службу? Потомъ, при поступленіи въ университетъ, не я ѣздилъ къ попечителю, не я хлопоталъ о пріемѣ его? А его долги? Не платилъ я ихъ тогда, не считалъ ихъ данью молодости? Но теперь этому тридцатилѣтнему болвану сочувствовать я не могу! Что же мнѣ—сидѣть напролетъ ночи? Работать? Трудиться? Добывать ему во что бы то ни стало тысячи, а онъ ихъ будетъ проигрывать? Ну, матушка, у меня еще мозги въ порядкѣ!

Марія Александровна.

Ахъ, какъ это все ужасно!

Сократъ Ивановичъ.

Пока онъ былъ одинъ,—онъ отвѣчалъ только самъ за себя, виноватъ былъ только передъ собою. Но теперь, послѣ этой женитьбы... Вѣдь онъ обобралъ свою жену,—обобралъ, какъ обираютъ на большой дорогѣ.

Марія Александровна.

Не смѣй этого говорить!

Сократъ Ивановичъ.

Что же—куда дѣвались 200 тысячъ? Куда? Вѣдь онъ проигралъ ихъ въ карты? Онъ сдѣлалъ нищей Лизу,—и я ему буду помогать! *(Мѣняя тонъ).* Но если нужно

что Лизѣ, я все ей сдѣлаю, все—послѣднюю рубашку сниму! *(Смотрить на часы)*. Мы семь минутъ говоримъ о сынѣ, — эти семь минутъ вычеркнуты изъ нашей жизни безъ всякой пользы. Не довольно ли? Мнѣ еще надо написать нѣсколько писемъ,—это гораздо нужнѣе.

Марія Александровна.

Иди, конечно, письма важнѣе сына, иди.

Сократъ Ивановичъ.

Ну, разумѣется, важнѣе, разумѣется! *(Уходитъ)*.

Марія Александровна *ходитъ по комнатѣ въ волненіи. Дверь отворяется.*

III.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ЛАКЕЙ, *потомъ* **ВАЛЕНТИНЪ.**

Лакей.

Сударыня?

Марія Александровна.

Что тебѣ?

Лакей.

Молодой баринъ желаютъ васъ видѣть... они при баринѣ не хотѣли войти.

Марія Александровна *недовольная.*

Проси сюда.

Лакей.

Слушаю-съ. *(Идетъ въ переднюю и пропускаетъ въ двери Валентина)*.

Валентинъ.

Bonjour, chère maman. Какъ? Ты не хочешь поцѣловать?

Марія Александровна, *нехотя подставляя щеку.*

Сознаюсь, нѣтъ ни малѣйшаго желанія.

Валентинъ.

Parce que?

Марія Александровна.

Какъ ты думаешь—большое удовольствіе ты доставляешь намъ, занимая деньги подъ векселя!

Валентинъ.

Ахъ, вотъ какъ! Сюда приносили! Проклятый ростовщикъ!

Марія Александровна.

Хорошія знакомства у тебя стали.

Валентинъ.

Chère maman, у меня и безъ твоихъ поученій достаточно непріятностей.—Папа ушелъ изъ дома?

Марія Александровна.

Нѣтъ. Ты хочешь его видѣть?

Валентинъ.

Нисколько не хочу. *(Пауза)*. Онъ очень разсердился?

Марія Александровна.

Напротивъ! онъ такъ обрадовался — хохоталъ отъ восторга, прыгалъ! *(Пауза)*. И тебѣ не стыдно?

Валентинъ.

Опять?

Марія Александровна.

Ты не только проигрываешься, но и дѣлаешь долги?

Валентинъ.

Во-первыхъ, я больше не играю... Вотъ уже недѣля, какъ я не дотрагиваюсь до картъ...

Марія Александровна.

Ахъ, какъ давно—удивительно.

Валентинъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго. Теперь прошла недѣля, потомъ пройдетъ и двѣ, и такъ далѣе... Впрочемъ, я выхожу изъ клуба...

Марія Александровна.

Ты говорилъ это годъ назадъ.

Валентинъ.

Теперь я говорю совершенно серьезно: меня больше туда... я больше туда не пойду.

Марія Александровна.

Тебѣ необходимо служить. Вѣдь у васъ ничего нѣтъ.

Валентинъ.

Ничего нѣтъ!.. Ахъ, мама, при такомъ ужасномъ положеніи, какъ я теперь, вмѣсто того, чтобъ ободрить, помочь,—ты говоришь: «у васъ ничего нѣтъ»... Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ? *(Пауза. Онъ берется за голову).* Честное слово, я схожу съ ума! Я наканунѣ серьезной болѣзни. Всѣ находятъ, что у меня видъ ужасный.

Марія Александровна.

Что-жъ тутъ удивительнаго, при той жизни, что ты ведешь.

Валентинъ.

Какую же такую жизнь? Я тебѣ говорю, что въ клубѣ я не бываю. *(Перемѣнивъ тонъ).* А въ самомъ дѣлѣ у меня дурной видъ?

Марія Александровна.

Посмотри сюда. Нѣтъ, ничего. Немного блѣденъ...

Валентинъ, *у зеркала.*

И воротникъ сидитъ дурно, отстаетъ, или просто высокъ... Это придаетъ не тотъ видъ... Ты еще не видала жены?

Марія Александровна.

Нѣтъ, а развѣ она будетъ сегодня здѣсь?

Валентинъ.

Почемъ я знаю! Вчера мы немного повздорили... сегодня не видались...

Марія Александровна.

Это ужасно! Когда же вы будете жить мирно?

Валентинъ.

Легко сказать! Посмотрѣлъ бы я на тебя, если бы ты была на моемъ мѣстѣ.

Марія Александровна.

Изъ-за чего же вы поссорились?

Валентинъ.

Да вотъ спроси! Во время обѣда ушла въ свою комнату и заявила, что не выйдетъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Надѣлъ шляпу и пошелъ въ другое мѣсто.

Марія Александровна.

Нехорошо, что все это у васъ на глазахъ прислуги.

Валентинъ.

Ага, и ты, вотъ и ты согласна съ этимъ! Ну-съ, потомъ, я возвращаюсь домой...

Марія Александровна.

Въ которомъ часу?

Валентинъ.

Въ которомъ? Не помню, въ которомъ... Я помню одно: я былъ чертовски взбѣшенъ. Въ спальнѣ ея нѣтъ; оказывается, приказала себѣ постлать въ уборной на диванѣ. Какова комедія? Это чистое Замоскворѣчье! Жена наказываетъ мужа тѣмъ, что уходитъ изъ спальни,—c'est drôle! Но сегодня еще лучше. Сегодня всталъ я очень рано...

Марія Александровна.

Вотъ чудо!

Валентинъ.

Думаю—протяну ей первый руку примиренія. Хоть она не права, но я рѣшился итти на уступки. Вдругъ, вообрази: «барыня уѣхали!»

Марія Александровна.

Ну, такъ что-жъ?

Валентинъ.

Вѣроятно, явится сюда хныкать передъ отцомъ и жаловаться на меня.

Марія Александровна.

Можетъ быть, она дома и нарочно велѣла сказать, что ея нѣтъ.

Валентинъ.

Ты думаешь? *(Пауза)*. Однако, ты знаешь: вексель протестованъ, платить надо сегодня же.

Марія Александровна.

Неужели у васъ нѣтъ трехъ тысячъ?

Валентинъ.

Хочешь, я тебѣ откровенно признаюсь? Въ одинъ прекрасный день и очень скоро, все это плохо кончится.

Марія Александровна.

Плохо?

Валентинъ.

Заряжу револьверъ—и конецъ.

Марія Александровна.

Что ты за вздоръ городишь!

Валентинъ.

Да, вотъ никто этому не вѣритъ, а наступитъ день. Тогда что? Слезы... «ахъ, отчего мы не предупредили!..

Какія-нибудь три тысячи шестьсотъ»... Ну, да что же говорить. До свиданія, maman! (*Цѣлуетъ ее*). Я думаю, что это будетъ лучше всего. Ты какъ думаешь? До свиданія! (*Идетъ къ двери*).

Марія Александровна.

Что за ребячество, Валя. Вернись.

Валентинъ, *оглядываясь.*

А отецъ не войдетъ?

Марія Александровна.

Нѣтъ—онъ пишетъ письма. Сядь. Нельзя ли какъ-нибудь уладить съ этимъ ростовщикомъ?

Валентинъ.

Увы! это Шейлокъ въ квадратѣ!

Марія Александровна.

Ты понимаешь, у меня нѣтъ трехъ тысячъ.

Валентинъ.

Ого!

Марія Александровна.

Увѣряю тебя! У меня есть, правда, расходныя деньги.

Валентинъ.

Вотъ, вотъ.

Марія Александровна.

Но вѣдь ты самъ знаешь...

Валентинъ.

Знаю, chère maman, все знаю. Я не хочу, чтобы ты страдала изъ-за меня. (*Цѣлуя ее*). До свиданья, во всякомъ случаѣ, --большое спасибо.

Марія Александровна.

Постой! Если дать ему пятьсотъ рублей, быть можетъ, онъ подождетъ?

Валентинъ.

Да вѣдь и пятисотъ нѣтъ.

Марія Александровна.

Я отдамъ послѣднія.

Валентинъ.

О, нѣтъ, нѣтъ,—это можетъ тебя стѣснить... Нѣтъ, не надо...

Марія Александровна.

Постой, ты не ломайся. Хочешь пятьсотъ?

Валентинъ.

Вѣдь это капля въ морѣ... Если бы тысячу, — ну тогда онъ, быть можетъ... Да и то не знаю.

Марія Александровна.

Но, милый,—я и эти съ такимъ трудомъ...

Валентинъ.

Chère maman,—неужели, еслибъ у тебя были деньги, ты бы не дала мнѣ! Я вѣдь понимаю... Наконецъ, я ничего не прошу... Ты предлагаешь сама...

Марія Александровна.

Ты разорилъ бы государственный банкъ, а не только меня! Подожди. Я пойду за деньгами. Ахъ, сколько крови ты мнѣ портишь. Твой отецъ попрекаетъ меня, что во мнѣ течетъ на половину нѣмецкая кровь. Но если бы была только одна ваша славянская распущенность,—что же было бы? Развѣ я могла бы тогда?.. А я всегда, всю жизнь была бережлива. И вѣдь вотъ пригодилось? *(Цѣлуетъ сына)*. Милый мой, милый! *(Уходитъ)*.

Валентинъ.

Тысячу! Отчего я не сказалъ—двѣ? Можно было бы заткнуть тамъ и тутъ. Не везетъ. *(Подходитъ къ зеркалу)*. Карты надо бросить. До чего я блѣденъ. Здѣсь, на лѣвомъ вискѣ, кажется, сѣдые волосы...

IV.

ВАЛЕНТИНЪ *и* **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.**

Марія Александровна *входитъ.*

На! Бери и уходи.

Валентинъ.

Мамочка! Мамусенька. *(Цѣлуетъ ее)*. Прелесть моя!

Марія Александровна.

Если тебѣ помогутъ эти деньги, я буду рада. Займись дѣломъ.

Валентинъ.

Chère maman, чтобы заниматься дѣломъ, нужно душевное спокойствіе. А у меня—вѣчная тревога. Если бы ты знала, какъ въ архивѣ относится ко мнѣ отецъ, когда я являюсь туда.

Марія Александровна.

Да развѣ ты бываешь въ архивѣ?

Валентинъ.

Еще бы. Онъ не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Даже не здоровается. Ты думаешь, пріятно заниматься при такихъ условіяхъ?

Марія Александровна.

Ну, уходи. Я бы не хотѣла, чтобы отецъ засталъ тебя.

Валентинъ.

Пойдемъ вмѣстѣ.

Марія Александровна.

Куда?

Валентинъ.

Ко мнѣ. Если жена дома—поговори съ ней.

Марія Александровна.

Нѣтъ, ужъ извини. Я только и знаю за этотъ годъ, что мирю васъ. Вы помиритесь, а, глядишь, черезъ полчаса опять тоже.

Валентинъ.

Мамочка, пойдемъ. Я того и жду, что она сюда явится.

Марія Александровна.

Да вѣдь я еще въ утреннемъ туалетѣ.

Валентинъ.

Напротивъ, прелестный туалетъ. Ну, да какъ хочешь. До свиданія. Только, когда она придетъ, не слушай всего, — она въ моментъ раздраженія можетъ и прибавить.

Марія Александровна, *выпроваживая его.*

Хорошо, хорошо... Ты иди, — я скоро приду... Но я явлюсь геніемъ мира въ послѣдній разъ.

Валентинъ.

Ну, конечно, конечно.

Марія Александровна.

Ахъ, какъ я слаба характеромъ.

Валентинъ.

Отцовская фраза!.. Такъ я тебя жду! Adieu. *(Уходитъ).*

V.

СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ, *потомъ* **ЛАКЕЙ. МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА** *успѣла дойти до своей двери, когда входитъ Сократъ Ивановичъ.*

Марія Александровна.

Ты кончилъ писать?

Сократъ Ивановичъ.

Да, а что?

Марія Александровна.

Если надо опустить письма въ ящикъ,—я сейчасъ иду.

Сократъ Ивановичъ.

Ты уходишь?

Марія Александровна.

Да, я скоро вернусь.

Сократъ Ивановичъ.

Возьми ихъ тамъ на столѣ.

Марія Александровна *идетъ къ двери и останавливается.*

Ты не сердишься?

Сократъ Ивановичъ.

За что? *(Беретъ газету).*

Марія Александровна.

До свиданія.

Сократъ Ивановичъ.

Мы въ двѣнадцать завтракаемъ.

Марія Александровна.

Я знаю. *(Уходитъ).*

Сократъ Ивановичъ, *надѣвъ пенсне, читаетъ.*

Лакей *входитъ.*

Сократъ Ивановичъ.

Что тебѣ?

[redacted]

Лакей.

Въ пріемной молодая барыня.

Сократъ Ивановичъ.

Проси сюда, что-жъ ты?

Лакей.

Онѣ не хотѣли входить. Здѣсь молодой баринъ были.

Сократъ Ивановичъ.

Когда?

Лакей.

Сейчасъ ушли-съ... Молодая барыня сказали, что лучше обождутъ.

Сократъ Ивановичъ.

Зови сюда. *(Лакей уходитъ).*

Сократъ Ивановичъ.

Ну, домашній очагъ, нечего сказать. *(Смотритъ на часы).* Одиннадцать часовъ, и оба ужъ ускакали изъ дома,—должно быть, опять какой-нибудь пейзажикъ...

VI.

СОКРАТЪ ИВАНОВИЧЪ *и* ЛИЗА.

Лиза, *входя.*

Bonjour, papa.

Сократъ Ивановичъ.

Здравствуйте, Лиза. *(Поцѣлуй).* Покажите-ка ваши глазки. Ого! Плакала?

Лиза.

Холодно сегодня, рѣзкій вѣтеръ, — оттого они и красные.

Сократъ Ивановичъ.

Отъ другого вѣтра они краснѣютъ. Ну, да объ этомъ будетъ. Садитесь рядкомъ. Завтракаемъ вмѣстѣ?

Лиза.

Съ удовольствіемъ.

Сократъ Ивановичъ.

Превосходно. Ну-съ, а зачѣмъ вы прятались въ пріемной и не желали встрѣтиться съ супругомъ?

Лиза, *вспыхнувъ.*

Я... мнѣ хотѣлось... я...

Сократъ Ивановичъ.

Вы не знаете, что отвѣчать мнѣ.

Лиза.

О нѣтъ... А только...

Сократъ Ивановичъ.

Ну, хорошо, будетъ объ этомъ...

(Пауза).

Лиза.

Я къ вамъ съ просьбой, и большой.

Сократъ Ивановичъ.

Говорите: для васъ—все, что могу.

Лиза.

Вы такой добрый...

Сократъ Ивановичъ.

Ну, полноте, — говорите! — Не будьте такой мрачной, ну!

Лиза, *послѣ нѣкоторой борьбы.*

Помогите мнѣ... Мнѣ очень нужно...

Сократъ Ивановичъ.

Денегъ? Сколько? Видите, какъ просто и скоро?

Лиза.

Много.

Сократъ Ивановичъ.

Много?... Да... Ну, а однако сколько?

Лиза.

Три тысячи шестьсотъ.

Сократъ Ивановичъ *встаетъ и начинаетъ ходить.*

Лиза, въ качествѣ свекра, я могу задать нѣсколько интимный вопросъ... Зачѣмъ вамъ нужны эти деньги? Вѣдь это сумма довольно крупная... для меня, по крайней мѣрѣ.

Лиза.

Да... крупная...

Сократъ Ивановичъ.

Зачѣмъ же она вамъ нужна?

Лиза.

Я... *(Смущенно)* должна въ магазины...

Сократъ Ивановичъ.

Вы?

Лиза.

Модисткѣ... за шляпки... за башма... Наконецъ, я... я такъ, въ лавки должна, я не платила по счетамъ... Я прошу у васъ взаймы...

Сократъ Ивановичъ *подходитъ къ ней и цѣлуетъ въ лобъ.*

Лиза.

Я возвращу при первой возможности... Я понемногу буду разсчитываться...

Сократъ Ивановичъ.

Хорошо! *(Опускается на диванъ).*

Лиза, *скрывая волненіе.*

Я только сниму шляпку. *(Идетъ къ зеркалу, снимаетъ и возвращается).* О чемъ вы думаете?

Сократъ Ивановичъ.

Я думаю вотъ о чемъ. Чѣмъ вамъ таскаться по магазинамъ, велите прислать всѣ счета ко мнѣ,—я разсчитаюсь и не позже завтра.

Лиза.

Папа, если вамъ все равно...

Сократъ Ивановичъ.

Такъ лучше продоставить вамъ заплатить?

Лиза.

Да.

Сократъ Ивановичъ, *смотря ей въ глаза.*

Притомъ, и ростовщики ждать не хотятъ? Да?

Лиза.

Папа...

Сократъ Ивановичъ.

Дѣвочка моя, я все знаю. Не опускайте глазки. Вы чудесное, доброе существо. Я долженъ просить у васъ прощенья.

Лиза.

Вы?

Сократъ Ивановичъ.

Что дѣлать! Такъ рѣдко приходится имѣть дѣло съ порядочными людьми. Мнѣ такъ мила ваша невинная, святая ложь... Простите, что я началъ играть съ вами комедію, дѣвочка.

Лиза *закрываетъ глаза платкомъ.*

Сократъ Ивановичъ.

Сегодня вы получите эти деньги: милому Валечкѣ ни слова, что это отъ меня. Ну, а затѣмъ вотъ что: если

когда-нибудь опять явится нужда въ деньгахъ, приходите сюда, къ старику... я помогу вамъ. Васъ разорилъ онъ, но нуждаться вы никогда не будете — слышите? Никогда!

Лиза *рыдаетъ, склонившись на его плечо.*

Сократъ Ивановичъ.

Не надо этого, не надо! Помните? были вы еще невѣстой; сидѣли мы съ вами вотъ здѣсь, на этомъ самомъ диванѣ, и вы заставили меня смѣяться. А теперь я васъ заставлю. Ну, улыбнитесь, а то я разсержусь... Я отниму у васъ платочекъ... Боже мой, можно ли носить такіе платки? Мокренькая кружевная тряпочка... Вѣдь это только для куклы впору... Смотрите-ка мой платокъ. Вотъ вамъ настоящій—широкій, плотный,— вотъ куда можно плакать безъ конца... Ахъ, чортъ возьми, я гораздо лучше умѣю читать лекціи и писать книжки, чѣмъ утѣшать плачущихъ ребятъ...

Лиза *плачетъ.*

Ахъ, папа, папа!

Сократъ Ивановичъ.

Знаю, дѣвочка, знаю, что не такой мужъ вамъ нуженъ... Не того вы достойны... Но вѣдь вездѣ одно и то же, вездѣ бракъ даетъ такіе результаты. И нельзя, дорогая, сходиться молодымъ людямъ, которые не воспитаны въ одной средѣ, въ однихъ взглядахъ на жизнь,— всегда получится раздоръ и разладъ... Что онъ вамъ сдѣлалъ опять?

Лиза.

Ничего, ничего.

Сократъ Ивановичъ.

Какъ ничего! Неужто вы тогда рыдали бы такъ горько?

Лиза, *вытирая глаза.*

Увѣряю васъ... клянусь... Нѣтъ, не спрашивайте меня, ради Бога!

Сократъ Ивановичъ.

Полно, Лиза, довѣрься старику. Ну, ну, скорѣе?

Лиза.

Онъ сказалъ... Быть можетъ, всякій сказалъ бы тоже. Онъ сказалъ: я должна считать себя счастливой уже тѣмъ... что онъ далъ мнѣ свое имя...

Сократъ Ивановичъ.

Глупый мальчишка...

Лиза.

Потому что вѣдь я не болѣе, какъ дочь... дочь...

Сократъ Ивановичъ.

Довольно... Не продолжай!.. *(Отшвыриваетъ стулъ такъ, что онъ разбивается).* Мерзавецъ! *(Пройдясь по комнатѣ).* И ты послѣ этого просишь для него денегъ! Плачешь изъ-за него...

VII.

Тѣ-же *и* **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА** *въ шляпкѣ, готовая уйти.*

Марія Александровна.

Ахъ, Lise, ты здѣсь!

Сократъ Ивановичъ.

Не прикидывайся, пожалуйста, удивленной. Вѣдь ты сейчасъ съ нимъ говорила... Гдѣ же ей быть, какъ не здѣсь... Ну, хочешь знать, что такое твой сынъ? Названье ему такъ и просится съ языка, но я не смѣю сказать его при этомъ ребенкѣ... Молчи!.. Не возражай!.. ни слова!.. Не вздумай поддерживать его... Довольно.

Марія Александровна.

Да объясни мнѣ, въ чемъ дѣло?

Сократъ Ивановичъ.

А, ты хочешь знать?

Лиза.

Папа!

Сократъ Ивановичъ, *отстраняя ее.*

Развѣ твой возлюбленный сынъ не объяснилъ тебѣ? О чемъ же вы здѣсь секретничали? Ну, такъ слушай. Онъ осмѣлился ее попрекнуть прошлымъ ея матери. Слышишь ты, понимаешь??.. Помнишь, что я говорилъ тебѣ? Я за него боялся... А теперь онъ же самъ позволилъ... И все—ты, ты, ты!

Марія Александровна, *опускаясь въ кресло.*

Все я?

Сократъ Ивановичъ.

Ты! Въ дѣтяхъ виновны больше всего тѣ, кто ихъ воспитываетъ. Ты его воспитала. Это все твое. Даже теперь, даже теперь ты, кажется, не понимаешь ужаса того, что онъ сказалъ ей. Ты всегда на него молилась—идолъ, совершенство! И вотъ тебѣ результатъ, вотъ.

Марія Александровна.

Повѣрь, я не на его сторонѣ въ этомъ случаѣ.

Сократъ Ивановичъ.

Ну, и на томъ спасибо!

Марія Александровна.

Я говорю съ Лизой. Lise, мы всѣ грѣшны, всѣ вспыльчивы, и въ минуту гнѣва говоримъ лишнее.

Сократъ Ивановичъ.

Однако, когда онъ дѣлалъ ей предложеніе и хотѣлъ во что бы то ни стало получить двѣсти тысячъ... Ахъ, не дѣлай мнѣ, пожалуйста, никакихъ знаковъ, я теперь не остановлюсь... Тогда онъ не вспоминалъ о госпожѣ Карбоньеръ—ея матери! Какъ можно!... Этимъ бы онъ все дѣло испортилъ. А теперь... когда все спущено до послѣдняго гроша,—ну, теперь можно оскорблять сколько угодно! Можно затронуть самыя болѣзненныя струны,—то, что дороже всего въ мірѣ! О, это не вспыльчивость... Просто—негодяй, способный на все!

Марія Александровна.

Негодяй!

Сократъ Ивановичъ.

Вотъ тебѣ мое послѣднее слово:—чтобъ онъ никогда не смѣлъ переступать порога моего дома. Если я встрѣчу его здѣсь,—я выброшу его за дверь! Чтобы никогда ни слова за него,—чтобъ онъ не вздумалъ добиваться со мной свиданія. Пусть оставитъ при себѣ,—или при тебѣ, если хочешь,—свои честныя слова, клятвы и обѣщанія... Пусть не ходитъ въ должность, дѣлаетъ долги, играетъ въ карты,—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Ты говоришь: онъ измѣнится,—пусть мѣняется... тогда мы и будемъ говорить. Но до тѣхъ поръ его нѣтъ для меня. Онъ умеръ... умеръ! (*Пауза. Подходитъ къ Лизѣ*). А вы, Лиза, помните: это вашъ домъ. Вы можете оставаться здѣсь навсегда. Я долженъ искупить вину сына. Оставайтесь.

Лиза, *встаетъ.*

Нѣтъ, папа,—мнѣ надо... Я должна возвратиться къ мужу... Онъ много горя мнѣ причинилъ... много... Но... вѣдь онъ мнѣ мужъ... И... несмотря на все это, я люблю его... Быть можетъ, онъ исправится.

Марія Александровна.

Такъ, такъ, Lise! Женщиной будь, женщиной!...

Сократъ Ивановичъ.

Такъ?.. (*Пауза*). Хорошо... Пусть будетъ такъ. Но помни, что бы ни случилось—здѣсь твой домъ и здѣсь старикъ, который тебя и любитъ, и уважаетъ... Быть можетъ, это и немного... но больше я дать не могу...

Лиза.

Ахъ, папа, папа!

1892 г.

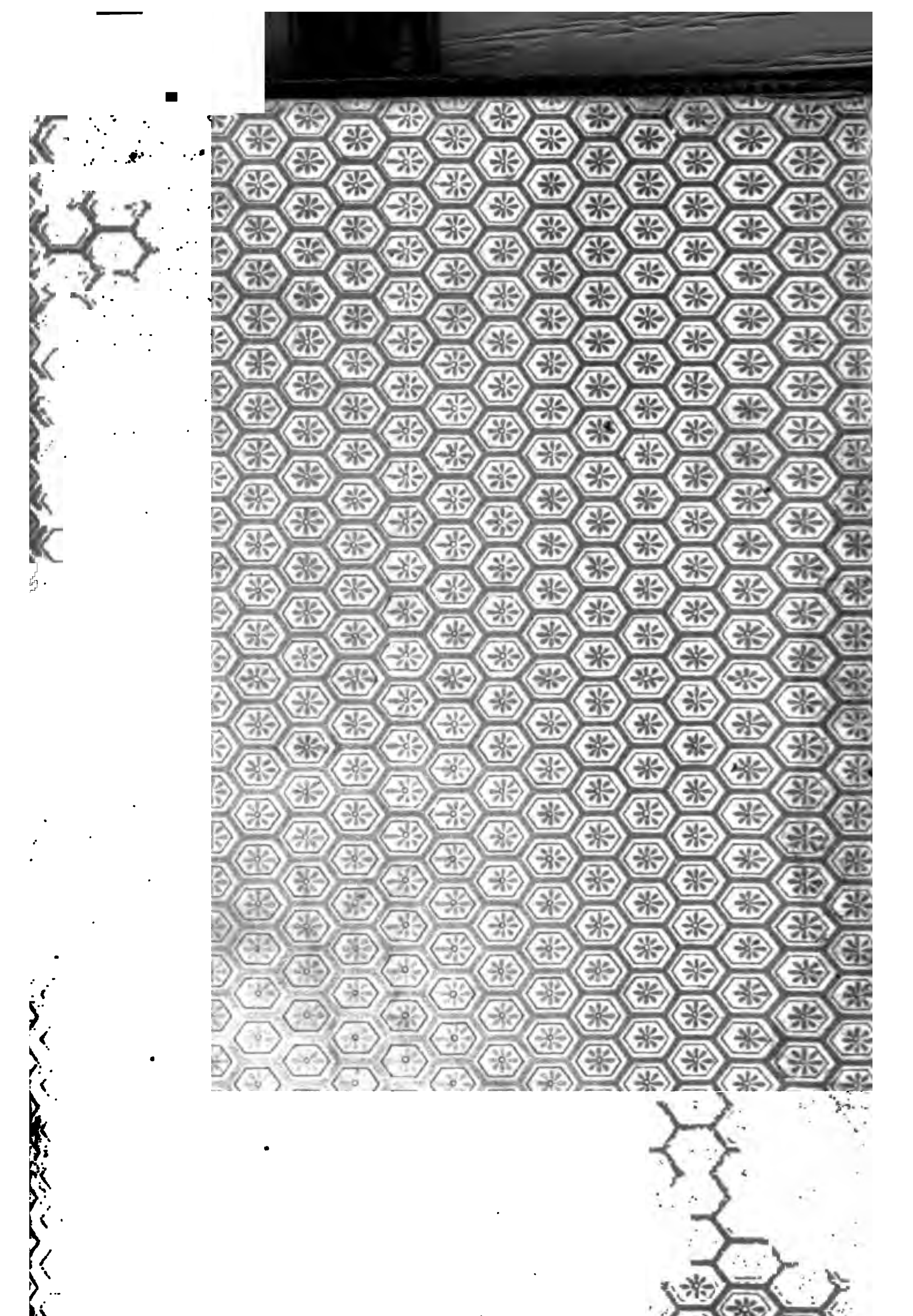
Mr. 1.612-613/86 -

1/2 - 40

2 тома

20 =

272899/88



DATE DUE